

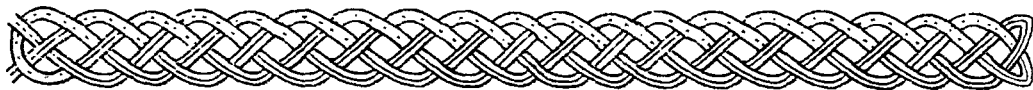
РШ-146152.0

Н. А. Криничная

Мифология ВОДЫ И ВОДОЕМОВ

Былички, бывальщины, поверья,
космогонические и этиологические рассказы
Русского Севера

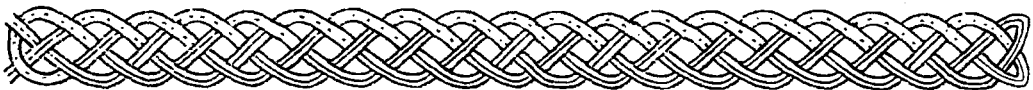
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Н. А. Криничная

МИФОЛОГИЯ ВОДЫ И ВОДОЁМОВ

**БЫЛИЧКИ, БЫВАЛЬЩИНЫ, ПОВЕРЬЯ,
КОСМОГЕНИЧЕСКИЕ И ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ РУССКОГО СЕВЕРА:
ИССЛЕДОВАНИЯ. ТЕКСТЫ. КОММЕНТАРИИ**

Петрозаводск
2014

Вологодской областной
универсальной научной библиотеке
в дар

от автора.

Н. Крикунов,

1 октября 2014 года

УДК 398.432: 398.221 (470.1/.2)
ББК 82.3 (2Рос=Рус.) (231)
К82

Исследование выполнено в соответствии с планом научной работы
Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
на 2009—2012 гг.

Рецензенты

И. Ю. Винокурова, доктор исторических наук
Е. М. Неёлов, доктор филологических наук

К82 Криничная Н. А. Мифология воды и водоемов. Былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. 390 с.

ISBN 978-5-9274-0625-8

В данной книге впервые фронтально рассматривается водная стихия, представленная в севернорусской народной мифологической прозе. В качестве божеств этой стихии могут фигурировать и сами озера, реки, ручьи, и мифологический персонаж, в большей или меньшей степени выделившийся из воды, и дух-«хозяин» реки / озера, а также персонаж, связанный с водой, но негативно переосмысленный. Воспринимаемая мифологическим сознанием как первозданная живая стихия, вода играет в космогенезе главенствующую роль. Она же дает импульс к перевоссозданию мира, к преобразованию ландшафта и социума. Водные божества предопределяют и предсказывают человеческую судьбу. Их волей обусловлены ритмы жизненного цикла, присущие каждому индивиду. Эти же божества участвуют в повседневности крестьянского бытия. Исследования сопровождаются корпусом текстов — 252 мифологическими рассказами, в основном впервые вводимыми в научный оборот. Тексты снабжены комментариями, указателями, словарем диалектных и устаревших слов. Это наиболее обширное собрание быличек, бывальщин, поверий, космогонических и этиологических рассказов, посвященных акватической тематике. Данные тексты служат материалом для исследований, предпринятых в настоящей книге, и сами раскрываются посредством этих исследований.

УДК 398.432: 398.221 (470.1/.2)
ББК 82.3 (2Рос=Рус.) (231)

ISBN 978-5-9274-0625-8

© Криничная Н. А., 2014
© Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, 2014
© Карельский научный центр РАН, 2014

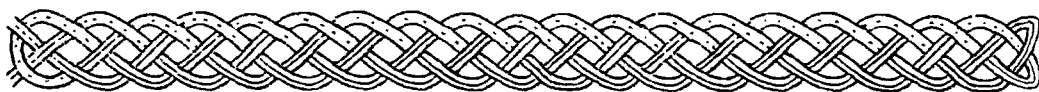
Содержание

Предисловие	5
МИФОЛОГИЯ ВОДЫ И ВОДОЕМОВ (исследования)	
I. Первозданная водная стихия и космогенез	16
Сотворение мира	16
Водяные коровы	31
II. Переустройство мироздания	43
Соперничество рек	43
Природные катаклизмы	53
III. Сотворение бытия	62
«Сидит на камне, волосы чешет...»	62
Прорицания воды/водного божества	87
IV. Жизненный цикл в системе акватических знаков-символов	102
Смерть на воде	102
Невеста из озера	117
V. Водная стихия и крестьянский быт	125
Вода и повседневность	125
На рыбном промысле	138
БЫЛИЧКИ, БЫВАЛЫЩИНЫ, ПОВЕРЬЯ, КОСМОГОНИЧЕСКИЕ И ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ КАРЕЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ (тексты)	
I. Первозданная водная стихия и космогенез	150
1.1. Сотворение мира	150
1.2. Всемирный потоп	155
1.3. Затонувшее селение	157
1.4. Водяные коровы	157
II. Переустройство мироздания	163
2.1. Соперничество рек	163

2.2. Водяные-картежники	165
2.3. Противостояние водяных	166
2.4. Противостояние водяного и человека	168
2.5. Свадьба водяных	174
III. Сотворение бытия	177
3.1. Сидит на камне/острове/мосту/мостовинах	177
3.2. С длинными волосами	183
3.3. Расчесывает волосы	184
3.4. Расчесывает волосы на две стороны	187
3.5. Прерывает расчесывание волос	189
3.6. Со светящимися глазами, большими грудями, в шерсти и с рыбьим хвостом	191
3.7. Плещется-моется	192
3.8. Поет песни	196
3.9. Предопределяет/предвещает судьбу магическими действиями	199
3.10. Предопределяет/предвещает судьбу магическими словами	205
3.11. Предопределяет/предвещает судьбу знаками-символами	213
IV. Жизненный цикл в системе акватических знаков-символов	215
4.1. Затягивает/забирает человека	215
4.2. Гонится за лодкой, останавливает ее, забирает/не забирает людей	221
4.3. Похищает младенца/подростка	225
4.4. Избавитель вступает в брак с героиней, похищенной мифическими силами ...	228
4.5. Мифическое существо вступает в брак с человеком	233
V. Водная стихия и крестьянский быт	240
5.1. Человек нарушает этикет взаимоотношений с водой/водоемом	240
5.2. На рыбном промысле	251
5.3. На мельнице	265

НАУЧНЫЙ АППАРАТ

Комментарии	272
Указатель мифологических персонажей	352
Указатель функций	356
Указатель локусов	361
Указатель исполнителей	366
Указатель собирателей	370
Словарь диалектных и устаревших слов	373
Список источников	386

Предисловие

Вода — одна из фундаментальных стихий мироздания. В самых различных мифологиях вода — первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса <...>. Вода — это среда, агент и принцип всеобщего зачатия и порождения. Наконец, являя собой начало всех вещей, вода знаменует их финал...

С. С. Аверинцев

Это были божества всех потоков, всех источников и ключей; они были там, в водах, с начала мира <...>. Они были сотворены живым током воды, ее магией, источаемой ею силой, ее журчанием.

М. Элиаде

Предлагаемая вниманию читателей книга — продолжение предпринятых нами многолетних исследований русской, и прежде всего севернорусской, народной мифологической прозы: быличек, бывальщин, поверий с привлечением космогонических и этиологических мифов¹. Если в предыдущей работе мы сосредоточили основное внимание на рассмотрении лесного пространства, то на этот раз объектом изучения служит водное пространство, и в первую очередь водная стихия, соотношенная с некой безличной мифической силой, равно как и с мифическими существами, идентифицированными и неидентифицированными.

Приступая к изучению акватической мифологии, мы не можем не вспомнить предостережение предшественников: «Роль воды в различных религиях, культах, ритуалах, мифах настолько грандиозна и всеобъемлюща, что любая попытка собрать воедино хотя бы основные, главные свидетельства, пожалуй, заранее обре-

¹ Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.; *Она же*. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 632 с.

чена на неудачу. Никакой перечень фактов такого рода не будет полным»². Разделяя эти опасения, сразу же оговоримся, что акватическая мифология будет рассмотрена нами преимущественно в пределах того материала, который содержится в корпусе текстов, помещенных наряду с исследованиями и комментариями в этой книге. Мало того, изучению подлежат главным образом сюжеты, представленные здесь наибольшим количеством вариантов и версий, к исчерпывающей полноте которых мы стремились при подборе текстов. Остальной материал, в том числе и принадлежащий другим локальным или этнокультурным традициям, будет привлечен к исследованию в качестве *контрольного* (из терминологии В. Я. Проппа). Мы исходим из того, что каждый из рассматриваемых мифологических рассказов может быть понят в объединяющем их контексте, а не сам по себе, взятый изолированно. Наша задача — выявить истоки и семантику мифологических сюжетов, связанных с акватической тематикой и символикой. *Посюжетное* исследование названных нарративов в силу недостаточного и по сей день накопления материалов, и особенно аутентичных записей, ранее, за редким исключением, не производилось и предпринимается здесь впервые. А между тем рассмотренные по данному принципу сюжеты позволяют выявить своеобразную «акватическую» философию наших предков. Со временем таковая выкристаллизовалась в устойчивых образах и коллизиях.

Для решения поставленной задачи необходимо осуществить разыскания по следующим этапам:

- 1) определить границы и состав акватического цикла нарративов;
- 2) выявить базовые сюжеты, обуславливающие философскую концепцию данного цикла;
- 3) раскрыть глубинную семантику образов и коллизий, связанных с персонафикацией природной стихии и — соответственно — причин кризисных ситуаций;
- 4) выяснить закономерности в мифологическом восприятии проявлений водной стихии, которая оказывает влияние на универсум и социум.

Следует особо оговориться, что специальному исследованию в данной работе подлежат преимущественно те сюжеты, которые относятся к числу наиболее устойчивых («бродячих») сюжетов и представлены достаточным количеством вариантов. Остальные же сюжеты рассматриваются лишь попутно с анализом базовых нарративов, равно как и в соответствующих комментариях к каждому из текстов.

Водное, как и лесное, пространство в мифологических воззрениях одушевляется и олицетворяется. В дошедших до нас нарративах эта персонафикация сводится к различным версиям, которыми определяется соотношение водного пространства/водной стихии и связанного с ними божества. Разностадиальные по происхождению варианты и версии стали со временем сосуществовать в живой традиции: последующие образы не смогли полностью вытеснить из бытования

² Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука, 1988. С. 25.

своих архаических предшественников, а поздние наслоения не стерли окончательно более ранние пласты. Тем не менее все это многообразие может быть сведено к некоей целостной системе.

❖ Водное пространство, как и водная стихия, нередко само выступает в роли персонажа, что служит проявлением топоэкфрасиса: «В мифе стихия воды представляется богом или богиней»³. В нарративной традиции, фольклорной и литературной, одушевляются, персонифицируются, обожествляются море, озеро, река, ручей, родник, пруд и просто вода. Водная же субстанция осмысливается в качестве «телесного» воплощения этих природных объектов.

❖ Водная стихия служит вместилищем/обиталищем некоей безличной мифической силы, которая хотя еще и неотделима от воды, но уже обнаруживает себя самостоятельными проявлениями: акустическими, динамическими, колористическими. Подобные проявления воспринимаются в качестве слуховых и зрительных образов. Эта безличная мифическая сила дает о себе знать плеском воды, ритмом приливов и отливов волны, порой выделяясь своей белизной. Она переваливается через весло, затягивает/не затягивает человека в глубины вод, ползет к берегу, поглощая/не поглощая в свое лоно оказавшегося там индивида. Подобным образом обнаруживается амбивалентность воды, наделенной благодетельными и губительными для людей свойствами. При этом связанная с водной стихией мифическая сила никак не идентифицируется. Скорее всего, мы здесь имеем дело с характерным проявлением аниматизма, основанного на вере во всеобщую одушевленность природы.

❖ Во многих вариантах мифическое существо то выделяется из водного пространства, то вновь сливается с естественной средой обитания. Это может быть женский персонаж («она») и мужской персонаж («он»), как бы символизирующие женское и мужское начала самой водной стихии. Однако оба начала как таковые иногда совмещены в одном и том же персонаже, представляя собой некое «оно». Подобное мифическое существо, занимая промежуточное положение между мифологизированной водной стихией и персонажем, дифференцированным от нее, нередко сохраняет рудиментарные, но всякий раз знаковые акватические свойства. Волосы таких персонажей отождествляются со струями воды; с левой полы их одежды течет вода; там, где они сидели, остается мокрое место; воды озера уходят и возвращаются вместе с этими сверхъестественными водяными существами и пр. Магические действия каждого из них имеют акватическую символику: моется, плещется, кувыркается в воде, появляется из воды — исчезает в ее пучине. Такого рода символика распространяется и на расчесывание волос, осмысляемых как волны, струи воды. Вместе с тем в облике и функциях данных синкретических персонажей нередко обнаруживаются и признаки мифических, отчасти тотемных, предков. Отсюда ведут свое начало их зооморфные, а со временем и антропоморфные черты.

³ Фрейдберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Л.: ГИХЛ, 1936. С. 231.

❖ С формированием образа духа-«хозяина» вод, который имеет не только акватические, но и тотемистические истоки, данный персонаж едва ли не полностью выделяется из своего природного контекста. Отныне воды (пространство, стихия) становятся лишь местом обитания соотнесенного с ними мифического существа. Пространство-персонаж трансформируется в пространство+персонаж. В качестве такого персонажа теперь все чаще выступают водяной, водяница, русалка и другие эквивалентные им существа. Причем в подавляющем большинстве случаев рассматриваемые божества функционально тождественны и потому взаимозаменяемы. И все же их женская ипостась оказывается чаще архаичней мужской. Отныне водоем становится не только местом обитания духа-«хозяина» вод, но и источником «семян жизни», ниспосылаемых мифическим существом в мир людей, а заодно и тем лоном, откуда все происходит и куда в конечном итоге все возвращается. С одной стороны, дух-«хозяин» воды еще продолжает действовать как стихийная сила, а с другой — как уредитель порядка в мироздании.

❖ В процессе негативного переосмысления образов былых языческих божеств под влиянием христианских воззрений дух-«хозяин» вод подчас трансформируется в черта, а сам водоем — в обителище нечистой силы, которое иногда маркируется соответствующим топонимом (например, Чертово озеро, Бесов ручей и пр.). О распространенности замены водяного чертом, наблюдаемой в севернорусской традиции, пишет О. А. Черепанова: «В народных представлениях Севера водяной даже больше, чем другие персонажи, ассоциируется с чертом, поскольку черт в этих местах обитает в воде»⁴. Однако даже в этой ипостаси данный мифологический персонаж в основном удерживает изначальные функции, характерные не только для духа-«хозяина» реки/озера, но и для самой водной стихии. В силу присущей этой стихии амбивалентности «взаимодополнительные оппозиции» продолжают проявляться даже в образе развенчанного водяного. Правда, вредоносная функция дискредитированного персонажа в данных условиях получает усиленное обоснование. Однако она полностью не исключает и его благотворную по отношению к человеку роль.

❖ Типологический ряд персонажей, имеющих общее акватическое происхождение, может быть существенно расширен. В фольклорной традиции «это герои с водяными именами, с атрибутами в виде воды, с локализацией у вод, или в окружении мотивов, покоящихся на образе воды. Так создаются герои, дети воды; персонаж, заложенный на таком образе, представляет собой в прошлом моря, реки...»⁵.

❖ По мере выделения водных мифологических, равно как и сказочных, персонажей из акватического контекста вода, представленная в качестве мифической же субстанции, не утрачивает своих магических свойств. Однако эта тема выходит за рамки изучения собственно мифологических рассказов. Она преимуществен-

⁴ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор коммент. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 145.

⁵ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. С. 231.

но раскрывается при рассмотрении обрядовой практики носителей традиционного мировосприятия⁶.

Рассмотрев различные версии в соотношении представлений о водном пространстве/водной стихии и мифической силе/мифическом существе, с ними связанных, заметим, что границы между этими версиями взаимопроницаемы. Более того, в этом соотношении могут быть обнаружены и промежуточные «звенья», дополняющие выявленную нами подвижную, многослойную и многозначную картину. Причем таковая может обозначиться как в масштабах отдельно взятого сюжета или определенной разновидности сюжетов, так и в масштабах всего исследуемого цикла.

В различных локальных русских традициях дух воды, если говорить об этом чисто гипотетически, может быть представлен с преобладанием той или иной из перечисленных версий данного образа, не исключая и отсутствия в определенном регионе самого упоминания водяного. Однако на сегодняшний день каждая из локальных традиций представлена, судя по публикациям, в лучшем случае двумя-тремя десятками текстов, посвященных духам воды. В подобной ситуации на данном этапе исследования выявить специфику изображения названных персонажей в различных локальных традициях вряд ли представляется возможным, что не позволяет сделать в этом плане сколько-нибудь надежные выводы. В севернорусской же традиции все обозначенные версии обнаруживаются с достаточной определенностью, о чем свидетельствуют приведенные в этой книге былички и бывальщины, равно как и комментарии к ним.

Вместе с тем и водное пространство, и водная стихия в рассматриваемых нарративах космологизируются, что, безусловно, сказывается и на характере соотношенных с ними мифических водяных существ. Вода в рассматриваемых нарративах изображается как первозданная стихия. Она, согласно древним космологическим представлениям, существовала раньше, чем все другие составляющие мироздания. Творение мира осмысляется в мифе-легенде как демиургический поединок Господа и Сатаны. В образах этих творцов-антиподов просвечивают изначальные признаки двух водоплавающих птиц (уток), восходящих к некогда единому орнитоморфному демиургу. Из воды, отождествляемой с первобытным хаосом, ведет свое начало миропорядок, установленный от «начала времен» и регулирующий все отношения во Вселенной. Первородная суша, согласно космогоническому мифу-легенде, возникает из горсти-зачатка земли, поднятой со дна мировых

⁶ См.: *Виноградова Л. Н.* Вода // *Славянские древности / Этнолингвистический словарь* под ред. Н. И. Толстого: В 5-ти т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 386—390; *Она же.* «Та вода, которая... (Признаки, определяющие магические свойства воды)» // *Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С. М. Толстая.* М.: Индрик, 2002. С. 32—60; *Винокурова И. Ю.* Вода в вепсских мифологических представлениях о жизни и смерти // *Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия «Гуманитарные исследования».* 2010. Вып. 1. С. 66—76.

вод на поверхность «моря-окияна». Подобным способом обозначилась вертикальная модель Вселенной, основанная на структурирующей оппозиции «верх — низ».

Связанный с первозданными водами акт творения мира приобретает аксиологическую окраску. Содеянное правой рукой осмысляется в качестве положительного начала в мироздании, тогда как содеянное левой рукой представляет собой отрицательное начало: «<...> функция и жизнеспособность принципа добра, типичным образом идентифицируемого с правым направлением, определяется одновременным существованием принципа зла (левое направление). Добро существует только потому, что зло активно: если бы зло исчезло, то же произошло бы и с добром»⁷. Умение уравновесить энергии созидания и разрушения, достижение их согласия составляет ведущий принцип человеческого поведения⁸. Персонификацией такого пребывания в согласии служат в данном случае две водоплавающие птицы-демиурги, плавающие по безбрежному «морю-окияну». Хотя они и противопоставлены друг другу как своими колористическими, так и акционально-аксиологическими проявлениями, эти персонажи объединены общим замыслом творения мира. Со временем они трансформируются в христианизированных демиургов.

Подобная схема «взаимодополнительных оппозиций» распространяется и на четырехчастную структуру Вселенной, сориентированной по разным сторонам света, где бинарная оппозиция «восток — запад» или «север — юг» опять-таки приобретает свою аксиологическую характеристику. Именно в обозначенных направлениях разбрасываются птицами-демиургами горсти зачатка земли, поднятого со дна мирового океана. В процессе долгого бытования традиции едва ли не каждый сколько-нибудь заметный водоем стал возводиться к колыбели мироздания либо, во всяком случае, временно приобретает ее черты. А воды такого водоема отождествляются с изначальными водами, к которым «хозяева» приобщаются всякий раз для восполнения поистраченной магической энергии.

Иную версию космогонической картины, связанной с акватической мифологией, заключает в себе устойчивый сюжет, известный под условным названием «Водяные коровы». В нем выходящее для пастбы мифическое копытное представлено в соответствии с архетипическим образом, каковым в данном случае служит зооморфная модель Вселенной⁹. Согласно мифологическим воззрениям, земля и — шире — Вселенная возникает из первородных, способных к творению вод потому, что мифической корове, вышедшей из глубин, надо где-то пастись. Причем, чтобы бытие могло продолжаться, периодически начинаясь заново, время должно регулярно обращаться к своим истокам, почерпнув в них всякий раз новые силы¹⁰.

⁷ Элиаде М. Космос и история: Избр. работы / Пер. с франц. и англ. М.: Прогресс, 1987. С. 212.

⁸ Там же.

⁹ См.: Денисова И. М. Мосты времен: космологические архетипы в традиционной культуре // Древнерусская космология. СПб.: Алетейя, 2004. С. 404—407.

¹⁰ Дараган Н. Я. Очерк жизни и творчества Мирча Элиаде // Элиаде М. Космос и история: Избр. работы. С. 18, 21.

В состав акватической мифологии входят не только космогонические, но и этиологические мифы. Назначение последних — обосновать первопричину переустройства мироздания, которое проявляется прежде всего в преобразованиях ландшафта местности и социума. С подобной тематикой связаны, в частности, мифы о персонифицированных реках, которые состязаются между собой в беге-течении. Движением, осмысляемым как основной признак «живой» реки, обусловлено развертывание ее во времени и пространстве. Обилие жизненной силы, исходящее от главенствующей реки региона, благотворно воздействует на мироздание и социум. Коллизии, связанные с рекой-дорогой-судьбой, в данных нарративах служат объяснением происхождения характерных признаков речного ландшафта: русла рек, порогов, притоков, рукавов, очертаний берегов, — что так или иначе сказывается и на течении человеческого бытия.

Картину переустройства мироздания дополняет и сюжет, условно названный нами «Природные катаклизмы». Этот этиологический миф основан на архетипе сотворения/перевоссоздания мира, соотнесенного с ландшафтом местности, который осмысляется в качестве микрокосма. Состязание и противоборство мифических водяных существ как между собой, так и с людьми, согласно народным верованиям, — первопричина катаклизмов. Эти катастрофы вызывают хаос, за которым следует переустройство и обновление мироздания. Подобные преобразования — результат деятельности мифической силы, одновременно и стихийной, и сознательной.

Значительная часть текстов, публикуемых в данной книге, связана с мифологическими представлениями о сотворении бытия. Их основа определяется коллизией «Сидит на камне, волосы чешет». В процессе исследования впервые выявляются магические функции мифологического персонажа — архаической предшественницы водяницы/русалки. С одной стороны, этот женский персонаж соотнесен с изначальными водами как воплощением первобытного хаоса, а с другой — с первозданной землей, знаменующей начало претворения хаоса в космос. Посредством магического расчесывания волос данное мифическое водяное существо вносит упорядоченность в устройство мироздания, творит бытие индивида и социума, стимулирует непрерывность круговорота смертей и возрождений. Будучи со временем ассимилированным духами-«хозяевами» воды, рассматриваемый женский персонаж и сам оказал на них влияние, придав этим «хозяевам» признаки демиургов, устроителей бытия, предначертателей судьбы.

Водная стихия/водное божество не только творит, моделирует, предопределяет бытие, но и предсказывает человеческую судьбу. Пророчество осуществляется посредством акустических, вербальных и акциональных знаков-символов. Развитие коллизии в анализируемых нарративах соотносится с древними представлениями о причинно-следственной обусловленности важнейших поворотов в человеческой жизни. Причем сама эта обусловленность мифологизируется и персонифицируется. Подобная акватическая философия проявляется в вербальном творчестве, соотнесенном с мантическими обрядами.

Водными знаками-символами отмечен и жизненный цикл индивида, регулируемый в мифологическом мировосприятии обрядами перехода¹¹. Похищение водным божеством приурочивается в быличках и бывальщинах к рождению, инициации, свадьбе, похоронам того или иного человека. Оно имеет место перед крещением и браком, стимулируется завершением земного бытия, предопределяется судьбой, роком. Приобщение индивида к водной стихии и к водному божеству на всех этапах жизненного цикла реализуется как ритуальное омовение/купание и даже как предание воле волн, когда, будучи помещенным в погребальной ладье, тело умершего уносится вниз по течению реки. Вместе с тем похищение, осмысляемое как временная смерть, предполагает всякий раз неизбежность возвращения/возрождения. Причем соотносительность водных божеств с мифическими предками служит важнейшей (но не единственной!) составляющей в системе их образов. И теми и другими персонажами предопределяется круговорот *жизнь — смерть — жизнь*, которому подчинены и человек, и природа.

В дошедших до наших дней мифологических рассказах вода, представленная, казалось бы, в бытовых коллизиях, в будничной повседневности, все еще продолжает осмысляться и как первозданная природная стихия, и как живое мыслящее существо, способное реагировать на человеческие слова и деяния. Вместе с тем в бытовой повседневности водоемы и их «хозяева» представляются как некое средоточие рыбного обилия, происхождение которого осмысляется в рамках мифологического мировосприятия. Тем более загадочной и таинственной представлялась рыбацкая удача, которая, по мнению носителей традиции, зависит от благоволения мифических существ. При соблюдении со стороны человека запретов и установлений, идущих от «начала времен», водная стихия или мифическое существо покровительствует индивиду, при нарушении же противодействует ему либо проявляет себя как сила хаоса. В таком случае мироздание лишается равновесной устойчивости. И потому ритуальная практика человека традиционной культуры в значительной мере направлена на предотвращение возникновения кризисной ситуации, на поддержание миропорядка.

Таковы важнейшие предпосылки, исходя из которых мы приступаем к изучению основных сюжетов данного цикла, определяющих изложенную концепцию. Каждый из этих сюжетов, представленный в совокупности вариантов, рассматривается здесь впервые. Исключением является сюжет «Сотворение мира», начало изучению которого было положено нашими предшественниками, о чем будет сказано в процессе его анализа. Структура исследовательской части работы обусловлена систематизацией публикуемых здесь текстов и сама, в свою очередь, определяет именно эту их систематизацию.

Источниковой базой предпринимаемых нами исследований послужили былички, бывальщины, поверья, а также космогонические и этиологические рассказы, со-

¹¹ Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.; Тэрнер В. Символ и ритуал / Сост. и автор предисл. В. А. Бейлис. М.: Гл. ред. восточной лит-ры изд-ва «Наука», 1983. 277 с.

ставляющие корпус текстов в данной книге. Пополнение фонда мифологической прозы продолжает оставаться насущной задачей фольклористики. Особенно это касается нарративов, связанных с акватической тематикой. Уже Э. В. Померанцева, открывая на новом витке науки исследование образов водяного и русалки, справедливо указывала на скудость материалов, на сбивчивость, неясность, схематичность изложения сюжетов, неоформленность и однообразие повествования¹²: «Мы имеем сравнительно небольшое количество точных записей бывальщин о водяном, а не схематических их пересказов, еще меньше зафиксировано текстов быличек <...>. Подлинных же русских быличек о русалках записано крайне мало, несравненно меньше, чем о водяном, не говоря уже о домовом или лешем»¹³. С тех пор положение дел в отношении материалов, относящихся к данному циклу, хотя и изменилось, но не столь существенно, как того требуют нужды науки. Даже в крупнейших современных собраниях мифологических рассказов, в которых представлена мифологическая традиция различных регионов, былички и бывальщины о водяном и русалке немногочисленны. Так, в собрании мифологических рассказов Русского Севера содержится 30 текстов о водяном и русалке¹⁴, в собрании мифологических рассказов Архангельской обл. — 27 текстов¹⁵, в собрании мифологических рассказов Водлозерья — 17 текстов¹⁶, в подборке мифологических рассказов Новгородской обл. — 17 текстов¹⁷, Прикамья — 15 текстов¹⁸, в собрании Нижегородского Поволжья их насчитывается в общей сложности 83¹⁹, в собрании Восточной Сибири — 15²⁰ и т. п.

Предлагаемый нами корпус текстов дополнит уже имеющийся фонд мифологических рассказов, относящихся к данному циклу. Этот корпус включает в себя 252 текста. Вошедшие в него мифологические рассказы были записаны от 142 рассказчиков 154 собирателями (см. *Указатель исполнителей* и *Указатель собирателей*). В основном это полевые материалы, собранные в 30—90-е годы XX в. в различных районах Карелии и сопредельных областей (к последним относятся преиму-

¹² Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 52—53, 64—65, 86.

¹³ Там же. С. 65, 86.

¹⁴ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 162—191. С. 54—57.

¹⁵ Мифологические рассказы Архангельской области / Сост. Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. № 89—115. С. 64—73.

¹⁶ Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Изд. подгот. В. П. Кузнецова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. № 10—26. С. 22—30.

¹⁷ Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963—1999 г.) / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб.: Алетей, 2001. № 265—281. С. 271—278.

¹⁸ Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1991. № 10—24. С. 35—50.

¹⁹ Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья. Составители: К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. № 374—456. С. 92—105.

²⁰ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зинovieв. Новосибирск: Наука, 1987. № 62—76. С. 49—56.

щественно районы, которые ранее входили в состав Олонецкой губ.). Эти тексты хранятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН), в его русском фонде. Кроме того, в корпус данного собрания привлечены и отдельные мифологические рассказы, которые ранее публиковались в периодической печати, в сборниках сказок или в тематических подборках произведений данного жанра. Нередко это более ранние по времени записи варианты сюжетов, представленных в нашем собрании. Материал систематизирован по сюжетам и версиям, что обусловлено исследовательскими задачами. Однако сведения, которые содержатся в паспорте к каждому тексту, открывают возможность распределить материал и по исполнителям, и по месту записи, и по времени фиксации, в конечном счете — по локальным и хронологическим параметрам. Соответственно с помощью *Указателя мифологических персонажей*, *Указателя их функций* и *Указателя локусов* публикуемые тексты можно рассмотреть и по персонажам, и по действиям, и по месту изображаемой в данных произведениях мистерии.

При подготовке текстов к печати мы стремились к максимальной их приближенности к оригиналу и тем самым к устному исполнению того или иного мифологического рассказа. Сохранены (там, где они зафиксированы) все фонетические, морфологические, синтаксические диалектные особенности. Не устранены различного рода «словообрывы», «самоперебивы», оговорки, повторы, возвращения к ранее уже сказанному. Отточиями в угловых скобках обозначены снятые нами части текста, никак не связанные с сюжетом либо неразборчиво записанные. В квадратных скобках заключены добавленные нами фразы, без которых смысл смежных фраз останется непонятным. Пунктуация расставлена по возможности с учетом интонации устной речи рассказчиков.

Каждый из текстов снабжен комментариями исследовательского характера. Его структура определяется едиными, выработанными нами параметрами, в числе которых

- ❖ выявление типовых компонентов сюжета — мотивов, или инвариантов мотивов, что обеспечивает возможность их соотнесения с аналогичными составляющими, которые содержатся в других текстах (вариантах, сюжетах);
- ❖ выяснение хронотопа изображаемого мифологического действия;
- ❖ анализ особенностей структурно-семантических компонентов рассматриваемого сюжета;
- ❖ раскрытие семантики мифологем и предметно-атрибутивной сферы, в том числе этнографических реалий, анализируемого текста;
- ❖ указание вариантов рассматриваемого сюжета (в пределах публикуемого корпуса мифологических рассказов).

При написании комментариев мы отталкивались от исследований, предпосланных к корпусу текстов. В то же время сами комментарии, будучи непосредственно связанными с текстами, служат конкретизирующими аргументами в пользу выводов, сделанных в процессе наших изысканий.

МИФОЛОГИЯ ВОДЫ И ВОДОЁМОВ

(исследования)

❖ I ❖

Первозданная водная стихия и космогенез

Сотворение мира

В водах потока <...>
Возникло живое.
В водах пучины глубокой,
Жестокой.
В водовороте бездны далекой.

*Из аккадского заклинания
(I тыс. до н. э.)*

...в начале словом Божиим небеса
и земля составлены из воды и водою.

2-е Посл. Петра. 3.5

 объектом исследования в данной работе является совокупность космогонических мифов, в которых первобытное сознание дает ответ на вопрос о происхождении Вселенной. В различных этнокультурных традициях наиболее распространенным является миф о птицах-демиургах, сотворивших мир из первозданных безбрежных вод. Со временем крылатые водоплавающие демиурги были в той или иной мере вытеснены библейскими персонажами.

Данный сюжет зафиксирован в общерусской традиции. Более того, он обнаружен в различных частях света у разных народов мира. Причем обозначенный сюжет известен и в виде устных легенд, и в виде рукописных апокрифов. Неудивительно, что он неоднократно становился объектом исследования. Так, А. Н. Веселовский считал, что этот космогонический миф в своей христианизированной версии возник среди богомилов под влиянием гностико-манихейских идей, заимствованных из Ирана, а затем уже из Болгарии проник на Украину и оттуда был распространен старообрядцами по всему северу Азии¹. Высказывались и другие точки зрения относительно происхождения этого сюжета. Например, Н. Коробка доказывал, что ис-

¹ Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1889. Вып. 5. Гл. XI—XVII. С. 260—286 (Сб. Отд-ния русского языка и словесности Импер. Академии наук. 1890. Т. 46. № 6).

токи сюжета о птице, творящей мир, следует искать в Индии. Исследователь указывает и один из вероятных путей распространения этого мифа: через Тибет к алтайским тюркам, а оттуда на северо-запад России, где и распространены легенды типа «Сказания о Тивериадском море» и где найдены почти все рукописи этого апокрифа. Вместе с тем некоторые из устных версий легенды он отнюдь не возводит всецело к индусскому источнику². Однако уже в наше время В. С. Кузнецова на основе изучения восточнославянских версий данной дуалистической легенды высказала точку зрения, согласно которой рассматриваемые произведения были заимствованы из соседствующих финно-угорских традиций. В результате автор утверждает, что движение подобных сюжетных форм осуществлялось с севера на юг, а не наоборот³. Заметим по этому поводу, что космологические воззрения, заключенные в данном мифе-легенде, довольно универсальны. У разных народов они в своей основе сформировались независимо друг от друга. Истоки такой общности следует искать, на наш взгляд, в особенностях архетипического мышления, общего для всех народов, независимо от места проживания каждого из этих этносов.

Наша задача — выявить семантику данного сюжета и его акватических мотивов, а также раскрыть особенности трансформации представленных в этом мифе-легенде образов и коллизий. При этом необходимо учитывать специфику слияния в пределах мифологической традиции как канонической, так и апокрифической версий. Подобное слияние в различных вариантах дает разные конфигурации⁴. В рамках поставленных задач исследование осуществляется нами преимущественно на севернорусских материалах.

Согласно этим мифам о сотворении мира, изначально «не было ни земли, ни неба, а была одна вода»⁵. И эта вода образует вездесущее бескрайнее море: «Когда не было ни неба, ни земли, было одно море Тивериадское»⁶. Первозданная вода имеет вселенский масштаб: это «досюльный окиян-море». В одном из вариантов и само

² Коробка Н. Образ птицы, творящей мир, в русской народной поэзии и письменности // Изв. Отд-ния русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1909. Т. XIV. Кн. 4. С. 175—195; 1910. Т. XV. Кн. 1. С. 105—147.

³ Кузнецова В. С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск: Наука, 1998. С. 3—7, 68—71. Этот сюжет, бытовавший в восточнославянской традиции, представлен также в книге: «Народная библия»: восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М.: Индрик, 2004. С. 44—57.

⁴ См. об этом: Бернштам Т. А. Русские легенды о сотворении мира в аспекте народного богословия // Христианство в регионах мира. СПб.: МАЭ РАН, 2002. С. 265.

⁵ Барсов Е. В. Северные сказания о лембоях и удельниках // Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 13. Вып. 1: Труды этнографического отдела. 1874. Кн. 3. Вып. 1. С. 87. — № 3; Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 1 (далее — НА КарНЦ РАН). 40. № 187 (первая цифра обозначает номер коллекции, вторая — порядковый номер текста в ней). — № 2.

⁶ Шапов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия // Шапов А. П. Соч.: В 3-х т. СПб., 1906. Т. 1. С. 37.

«море-окиян» «напустил»/«распустил» Господь, приступая к сотворению мира⁷. Представления об изначальных водах в севернорусской традиции амбивалентны: с одной стороны, они предшествуют творению и отождествляются с хаосом, а с другой — они являют собой *prima materia*, субстанцию для создания космоса⁸. В этой первородной изначальной стихии содержатся потенции к разворачиванию мира во времени и пространстве. Не случайно время в фольклоре изображается как течение реки, и продолжительность времени определяется в акватических категориях: «много воды утекло». Данной природной стихии принадлежит главенствующая роль и в структурировании пространства: она проявляется в формировании ландшафта и его преобразованиях. Вместе с тем вода — источник всего живого. Уже в «Ригведе» эта природная стихия — изначальная основа, из которой развилось все, что заполняет Вселенную, включает в себе всякий зародыш (Х. 121). И в гомеровском эпосе повествуется о «древней реке Океана, от коего всё родилось» (Илиада. XIV. 246). Однако наряду с этими в античности зафиксированы и другие представления, где еще нет места и мировым водам, поскольку повсюду господствует хаос:

Не было моря, земли и над всем распростертого неба, —
Лик был природы един на всей широте мироздания, —
Хаосом звали его.

Овидий. Метаморфозы. 1. 3—5

Этот хаос не был мертвым: он вкупе содержал разносущные семена вещей, между собой слабо связанных. Такие воззрения стадияльно более ранние по сравнению с библейскими представлениями, где бездна, с одной стороны, приравнивается к хаосу, а с другой, уже отождествляется с водой, о чем подробнее будет сказано ниже.

Заметим, что репрезентацию состояния, связанного с первичным водным хаосом и его преодолением, по сути, содержат в себе мифы о всемирном потопе, известные в фольклоре народов мира. Тем не менее именно библейская версия сыграла санкционирующую роль в формировании русской легенды о Ноевом ковчеге, записанной, в частности, и в Карелии: «Бог сильно разгневался на людей, послал всемирный потоп <...>. Сорок дней и сорок ночей непрерывный дождь — и ничего не осталось. Все потопло»⁹. Числом «сорок» в фольклоре обычно обозначается лиминальный период, в течение которого совершается переход из одного состояния в другое. В результате мир опять возвращается к первородному хаосу, для преодоления которого потребуется повторный (если не очередной) космогонический акт. Как отмечает М. Элиаде, «с точки зрения» воды человеческая жизнь есть нечто хрупкое, чему суждено быть периодически поглощаемым, поскольку

⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Петрозаводск: Карелия, 1991. Т. 3. С. 181; Щапов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия. С. 101.

⁸ Топорова Т. В. Об образе «женщины вод» в германской мифологии // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М.: Индрик, 2005. С. 152.

⁹ НА КарНЦ РАН. 165. № 1100. — № 10.

такова судьба всех форм — раствориться, чтобы возродиться вновь. <...> потоп осуществляет мгновенное растворение в воде, в котором происходит очищение от грехов и появление нового, возрожденного человечества»¹⁰.

В севернорусской традиции представлены различные стадии творения мира. В качестве первоэлемента вода, по некоторым вариантам, сочеталась с другой природной стихией — воздухом. Причем не просто с воздухом, но воздухом, пришедшим в движение. Движение же и есть та энергия, которая стимулирует творение: «Вначале в мире ничего не было, кроме воды и ветра»¹¹.

Некоторые «звенья», не зафиксированные, насколько нам известно, в севернорусских космогонических мифах, можно обнаружить в других этнолокальных традициях. Так, в среднерусском (тульском) варианте вода до сотворения мира сочеталась с тьмой. В поволжских же вариантах рассматриваемого сюжета обозначен как бы очередной этап в создании мира: земли еще нет, но вода уже отделена от неба, а свет — от тьмы. Причем тьма, которая была первичной, преобразуется в ночь, а свет, соответственно, — в день, что служит аналогом библейскому мифу о миротворении: «<...> и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт. 1.5). До появления света вода в сочетании с тьмой представляла собой бездну, а бездна символизировала изначальный хаос, что также соотносится с библейским мифом: «<...> и тьма над бездной; и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1.2). Разделенный в поволжском варианте на свет и тьму, изначальный мрак в известной мере дифференцируется и от воды. Следовательно, начало упорядочиванию хаоса уже положено. Не случайно понятие «белый свет» ассоциируется с «этим» миром, где живут люди.

Поскольку творение Вселенной в народных воззрениях связано с изначальными мировыми водами, то в качестве демиургов выступают прежде всего водоплавающие птицы либо мифологические антропоморфизированные персонажи, которые сохраняют за собой в той или иной мере орнитоморфные признаки. И те и другие связаны с «птичьей» космогонией. Так или иначе подобные творцы восходят к единому архетипу, который наиболее отчетливо проявляется в мифологии североамериканских индейцев, где птица ныряет на дно изначально существующего моря за песчинкой, и эта песчинка в процессе творения превращается в землю. Зачатки же дуалистического мифа о птицах-демиургах относятся к глубокой древности: не случайно они обнаружены уже у австралийских племен¹².

В севернорусских космогонических мифах, как и в мифах многих народов мира, на смену некогда единому орнитоморфному демиургу (типа утки, снесшей яйцо)

¹⁰ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / Пер. с англ. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1999. С. 203.

¹¹ Куликовский Г. И. Откуда взялись горы и камни // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1902. Вып. IV. С. 496. — № 8.

¹² Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия: Предыстория философии. Л.: Наука, 1971. С. 121, 135.

приходит его парное изображение. Мир создают две птицы — две утки или два гоголя (гоголь — водоплавающая птица из семейства утиных). В соответствии с дуалистической философией эти пернатые персонифицируют противоположности. Причем одна из них отмечена положительным, а другая — отрицательным знаком. В качестве этих знаков могут использоваться колористические маркеры. «По досюльному окиян-морю плавало два гоголя: один *бел* гоголь, а другой *черен* (курсив наш. — Н. К.) гоголь»¹³, — говорится в севернорусском космогоническом мифе, записанном в Заонежье. Трансформацией пернатых демиургов в известном смысле служат *белый/светлый дух — темный дух*. (Надо полагать, что дальнейшим переосмыслением явился и Дух Божий, который, согласно библейскому мифу, носился над водою.) В других случаях орнитоморфные демиурги противопоставлены друг другу по своей видовой принадлежности: например, *голубь — гоголь*.

В парном сочетании таких творцов возможны закономерные замены и переосмысления. И это касается обеих частей бинарной оппозиции. Известны случаи, когда антропоморфизированные демиурги локализуются как бы внутри своих пернатых предшественников, у которых они заимствуют внешнюю оболочку: «На воды плавало две утки. В одной утке заключался Бог, а в другой — Сатанаил»¹⁴. Наиболее прочно удерживает за собой прежние птичьи признаки демиург, представленный во второй части оппозиции. Например, антиподом Богу может быть птица (утка, гоголь, гагара), а в одном из вариантов — гоголь, снесший яйцо, на котором отразился Бог. Столь причудливым способом выражена идея былого единства противоположностей с последующим отделением их друг от друга, нарастающим в процессе долгого бытования традиции. Не утрачивает птичьих признаков и Сатана/Сатанаил, который наиболее устойчиво выступает в роли противника по отношению к божественному творцу Вселенной. Он, например, плывет по первозданным мировым водам в облике гагары или, обернувшись гоголем, ныряет на дно морское. Он же носит имя одновременно и Сатанаил, и Гоголь. В числе антиподов Господа фигурирует и Титан/Титаний, относящийся к архаическим богам, олицетворяющим стихии природы со всеми ее катаклизмами. В данных дуалистических мифах он оказывается крылатым.

Аналогичные трансформации образов птиц-демиургов наблюдаются и в космогонических мифах финно-угорских народов с той лишь разницей, что здесь они не подвергались христианизации. В парном сочетании демиургов в соответствующих мифах коми фигурируют Ен и Омоль: они плавают в образах лебедя и гагары или летают в облике двух голубей; по другим вариантам, эти персонажи вылупились из двух яиц, снесенных уткой в мировом океане. В удмуртской мифологии дуалистическое деление мира определяют Инмар и его брат Керемет. В марийской космогонии подобную пару составляют братья Кугу-Юмо и опять-таки Керемет, который плавает в водах первородного океана в облике селезня. Аналогом названным демиургам в мордовской мифологии является Шкай, изначально оби-

¹³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. С. 181. — № 1.

¹⁴ НА КарНЦ РАН. 40. № 187. — № 2.

тающий на камне среди первозданного водного хаоса. Ему противостоит Шайтан, архаическим предшественником которого также была птица: его душа помещена в яйцо, а яйцо — в утку, плавающей по Великому океану. В обско-угорской традиции, мансийской и хантыйской, подобным персонажам соответствуют Нуми-Торум и Куль-Отыр, принявший облик гагары¹⁵. Аналогичные образы известны и в орнаментике финно-угорских и славянских народов: парные водоплавающие птицы фланкируют мировое древо, которое, символизируя Вселенную, соединяет миры. Миф о птицах-демиургах (подчас братьях-творцах) известен различным народам мира: он зафиксирован в Иране и Индии, Северной Америке и Северо-Восточной Азии, получил распространение в славянских традициях.

В севернорусской, как и в общерусской, мифологии демиурги, находящиеся в состоянии единства и противодействия, как мы могли уже заметить, не только преодолевают рамки «птичьей» космогонии, но и христианизируются. В дуальной модели мифов-легенд место птиц-демиургов занимает другая пара противопоставленных творцов-антиподов — Господь и Сатана/Сатанаил. Одна из «ячеек» дуальной модели, которая была выработана традицией преимущественно для изображения водоплавающего демиурга, теперь оказалась пригодной для изображения *Бога* — творца неба и земли, Промыслителя Вселенной. Нередко он выступает под именем Господь или Саваоф. В легендах, как и в иконографической традиции, связанной с изображением Творца Мира, это персонажи-синонимы. Название «Саваоф» в данном контексте служит «как бы синонимом творца мира в любом обличье, а не именем Бога-отца»¹⁶. Возможность замены языческого крылатого демиурга христианизированным творцом поддерживалась иконографией — этой «книгой для неграмотных»: когда Иисус созидает Мир в облике Ангела Великого Совета, т. е. Христа до воплощения, он, естественно, крылат. «Крылатость» Творца Вселенной особенно ярко проявилась в народной гравированной Библии мастера Василия Кореня, созданной в конце XVII в.¹⁷

В дуальной модели мироздания имелась, как мы помним, и «ячейка» для антагониста, противостоящего основному творцу. Ее-то и заполнил персонаж по имени *Сатана*, что в переводе с древнееврейского означает «противник», «противоборствующий». Еще в III в. александрийские богословы отождествили Сата-

¹⁵ См.: Айхенвальд А. Ю., Петрухин В. Я., Хелимский Е. А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1982. С. 162—192.

¹⁶ Сакович А. Г. Народная гравированная книга Василия Кореня. 1692—1696. М.: Искусство, 1983. С. 21.

¹⁷ Криничная Н. А. Мифологема сотворения мира и ее христианская трансформация (русско-карельские параллели) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. С. 160.

ну, изображаемого в Ветхом Завете в качестве павшего ангела, с дьяволом, «князем тьмы», противником Бога¹⁸. Он стал осмысляться как враг, предводитель злых духов, искушитель и губитель душ человеческих. Вместе с тем в народных поверьях черт, дьявол, Сатана слился с языческими божествами, негативно переосмысленными под влиянием христианских воззрений.

Каким же образом сотворяется земля и — шире — все мироздание? Оказывается, субстанция земли как таковая к началу творения уже есть, но она находится на дне морском. Ведь именно вода, напомним, содержит всякий зародыш. Согласно народной космогонии, чтобы создать/воссоздать землю, необходимо поднять на поверхность вод хотя бы самую малую ее частицу, некий зачаток, песчинку. Эту задачу выполняет демиург, противопоставленный Богу, но исполняющий его волю, допуская при этом ее нарушения. Из сказанного следует, что в условиях господства дуалистических воззрений в творении земли и — шире — всего мироздания участвуют не только носители доброго, светлого начала, но и их антиподы — создатели зла на земле. Тема борьбы Саваофа с Сатанайлом при сотворении мира отчетливо обозначена в различных славянских редакциях апокрифической «Книги Бытия» — «Слове о зачатии неба и земли», «Сказании о Тивериадском море», «Свитке божественных книг» и т. д. Согласно апокрифической «Беседе трех святителей», мир творили два начала: предвечное высшее начало Саваоф и противостоящее ему существо — Сатана, который и здесь изображается в виде птицы-гоголя. Однако в богомильской легенде, в отличие от русской, Бог не участвует в создании видимого мира, а значит, и не несет ответственности за его несовершенство. В богомильских верованиях *весь* видимый мир — творение Сатаны¹⁹. Вместе с тем для гностицизма (I—IV вв.), идеями которого было проникнуто манихейство (III в.), а в дальнейшем и богомильство, был характерен строгий дуализм. Согласно дуальному религиозно-философскому учению, мир рассматривается как две противопоставленные друг другу части. Драма человеческой жизни, по мнению гностиков, проистекает из того, что наш мир сотворен в результате ошибки, которую необходимо исправить. И чистота божественного замысла должна быть восстановлена.

В библейской же космогонии Бог с самого начала выступает как единственный творец и мироустроитель: «И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша; и стало так. (И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.) И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями: и увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1. 9—10). В качестве единственного творца он изображен и на иконах «И почи Господь в день седьмый...», «Символ веры», рав-

¹⁸ Серов С. Я. Дьявол // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 76.

¹⁹ Коробка Н. Образ птицы, творящей мир, в русской народной поэзии и письменности. С. 184; Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия: Предыстория философии. С. 138—139; Шапов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеврия. С. 100.

но как и в композициях «Сотворение мира», «Господня земля и исполнение ее», в росписях папертей русских храмов, в рукописной миниатюре. По сути, единственным мироустроителем оказывается в конечном счете Бог и в восточнославянской мифологии. Так, в украинской колядке после того, как Петр и Павел не смогли достать горсть земли со дна мировых вод, нырнул сам Господь. Добыв оттуда желтого песку, он посеял его по всему свету — сотворил себе землю с цветами, небо со звездами²⁰.

В рассматриваемом космогоническом мифе, бытующем в фольклорной традиции, демиург-антипод, как и Бог, существует изначально. Лишь в поволжском варианте будущий помощник по имени Титан/Титаниил, а «попросту Гоголь», возникает из плевка Бога. Плевку/слюне, осмысляемому (-ой) как проявление жизненной силы, была дана определенная направленность посредством произнесения магического приговора, который исходит от Бога: «Спороди ты прекрасное существо и разумное». И появляется, по слову Божию, «крылатый (рудимент демиурга-птицы. — Н. К.) и красивый богоподобный огромный Титан» — первый созданный Богом ангел²¹. В этом случае между Богом и его антиподом нет той диаметральной противопоставленности, которая бы определялась законами бинарной оппозиции. Скорее, оба творца восходят к ранее единому персонажу.

Так или иначе в рассматриваемом космогоническом мифе и Бог, и его помощник (дублер, антагонист) включены в акватический контекст. Если Бог шел по воде, как по суше, или ехал на камне, иногда белом, то Сатана, а тем более его архаический предшественник, плавал здесь в облике птицы. И всё же идея сотворения земли и — шире — мира принадлежит Господу. Сатана лишь разделяет ее: «Господь говорит: „Сотворим землю“. — „А это, — говорит, — дороднѣ“»²². Характерно, что в космогоническом мифе, как и в Библии, где «возгремел Господь над водами многими» (Пс. 28:3), слова «говорить» и «творить» являются синонимами. Однако согласие Сатаны вовсе не означает, что он намерен во всем следовать воле Божьей: «„Будешь ли Меня слушать?“ — „Не знаю, — говорит [Сатана], — буду ли слушать“»²³. «Не знаю» — это проявление лукавства Сатаны, вот почему, по мнению рассказчика, произносить данное слово грешно. О том, что земля находится под водой, на дне морском, известно, по одним вариантам, лишь Богу. По другой версии, наоборот, об этом знает лишь Сатана: «„Есть ли где земля, не видал ли?“ — [спрашивает Саваоф]. — „Есть на дне моря“, — отвечал Сатана»²⁴.

²⁰ Коробка Н. Образ птицы, творящей мир, в русской народной поэзии и письменности. С. 108.

²¹ О том свете и об этом: Рассказы Саратовского Поволжья / Зап. Г. К. Заварицкий // Этнографическое обозрение. 1916. № 1—2. Смесь. С. 67.

²² Верования великоруссов Шенкурского уезда (Из летней экскурсии 1916 года) / Собрал и записал П. Г. Богатырев // Этнографическое обозрение. 1916. № 3—4. С. 071—072. — № 5.

²³ Там же.

²⁴ Барсов Е. В. Северные сказания о лембоях и удельниках. С. 87. — № 3.

Началом осуществления Божьего замысла служит повеление Господа, некогда обращенное к своему орнитоморфному помощнику, который впоследствии был вытеснен Сатаной: «Сходи же на дно моря и достань земли»²⁵. Попытка пернатого демиурга-антипода, но чаще Сатаны, нередко сохраняющего за собой птичьи признаки, поднять со дна моря горсть земли завершается успехом лишь с третьего раза. Две предыдущих попытки не дают результатов, поскольку эту горсть, уже находящуюся в лапе птицы-демиурга или птицы-Сатаны, при подъеме размывает водой: «выполоскало землю-то». И только по благословению у иконы Девы с младенцем, локализованной на дне морском, «на камени» (ее архаической предшественницей является водное божество), либо «по словеси» Господа (самого Божьего благословения Сатана постарался избежать) зачаток земли удастся поднять на поверхность мировых вод. Однако Сатана не отдал Богу всей принесенной земли, утаив ее частицу у себя за щекой: «Я ужо увижу, как [Господь] сотворяет, — [думает Сатана], — и я стану сотворять»²⁶.

Положив землю «на длань» свою, Господь на нее дунул, т. е. вложил в нее свое дыхание, дух, душу — иными словами, одухотворил, оживил землю, чтобы она могла расти. Космогонический акт в рассматриваемом мифе изображается в сугубо крестьянских категориях. Он осмысливается как посев, где семена — горсть песчинок, а почва — мировые воды. Символом творения служит и жатва. Созревший урожай — Земля, нередко отождествляемая с Миром. Это не просто твердь, но целое мироздание с морями, реками, озерами, лесами, болотами, горами и камнями. В поволжском варианте творимая земля растет, всходит, подобно тесту в твориле. От раскинутой по воде горсти песка пошли пузыри, земля стала киснуть, увеличиваясь в размерах. Не случайно слово *творить* в родстве с диалектными лексемами *творево*, *творилка*, что значит «тесто», «дежа, квашня».

В основе рассматриваемого сюжета лежит идея дуалистического деления Вселенной на «светлую» и «темную» сферы. Создание Мира вырисовывается как противоборство двух изначальных сущностей, двух универсальных противоположностей, а сам космогонический акт — как некое достижение равновесия между силами упорядоченности и хаоса, света и тьмы, добра и зла²⁷. Мир рождается из борьбы демиургов, что служит персонификацией борьбы противоположностей, принципы которой неоднократно излагались уже в античной поэзии:

Все еще было в борьбе, затем что в массе единой
Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью сухость,
Битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким.
Бог и природы почин раздору конец положили.

Овидий. *Метаморфозы*. 1. 18—21

²⁵ Барсов Е. В. Северные сказания о лембоях и удельницах. С. 87. — № 3.

²⁶ Верования великоруссов Шенкурского уезда (Из летней экскурсии 1916 года) / Собрал и записал П. Г. Богатырев. С. 071—072. — № 5.

²⁷ Криничная Н. А. Мифологема сотворения мира и ее христианская трансформация (русско-карельские параллели). С. 159.

Возникновение «светлой» и «темной» сфер Земли зависит от того, кто был их творцом. Земля, созданная Господом, предуготована для бытия: это «ровные места и путистые поля». Земля настолько ровная, что, стоя на одном конце, можно увидеть, что делается на другом. Творение же Сатаны не пригодно для жизни: оно состоит из «непроходимых пропастей, щильев и высоких гор»²⁸. Причем в зависимости от тех или иных движений и действий Сатаны образуются пригорки и горки, горы и поднебесные горы. Так, например, где Сатана выплюнет много земли, вздымаются горы, а где мало, возникают бугры и холмы. Или где он приляжет, там образуется пригорок, а где «прискачет» — «превысокая гора». В этих движениях, по сути, проявляется антропоморфная модель Вселенной.

Кроме того, каждый из демиургов соотнесен со своей стороной света. Соответственно Господь рассеял землю в восточной, а Сатана — в западной/северной стороне. Напомним, что восток связан с восходом солнца, теплом, светом, жизнью; запад же, как и север, — с закатом солнца, холодом, мраком, смертью. Различными сторонами света обозначены разные сферы бытия: например, «чудная прекрасная земля» и «земля холодная, каменистая и нехлебородная»²⁹. По иной версии, качественная разнородность сфер Земли связана с семантикой *правого* и *левого*. Все зависит от того, из какой руки Сатаны взял Господь поднятую из глубин мировых вод землю. От земли, взятой Богом из правой руки своего антипода и разбросанной им по воде, вырастает, согласно космогоническому мифу, земля Русская, где поселяются православные люди. Из земли же, взятой из левой руки Сатаны, появляется «земля неверная», где располагаются «другие государства»³⁰. Вскользь упоминается и о возникновении солнца и месяца, соотнесенных между собой в рамках бинарной оппозиции. Солнце в рассматриваемом космогоническом мифе названо праведным: оно говорит правду. Месяц же наделяется грехами: вместо того чтобы сказать правду, он, как и Сатана, говорит «не знаю». И потому, по воле Господа, у месяца трудная судьба: ему предстоит умирать каждые три-четыре недели, сменяясь новым месяцем³¹. Помимо светил, Бог, а вслед за ним и Сатана, построил семь небес. (Заметим, что семь небес, каждое из которых являет собой каменную или железную твердь, фигурируют в мифах народов мира. Христианством же принято представление о третьем небе, где, по ряду евангельских источников, и находится рай.) Однако и здесь Сатана противостоит Богу, пытаясь подняться выше его, пока Михаил Архангел не сталкивает противника на землю со всеми его небесами и невидимой силой.

В восточнославянской традиции можно обнаружить рудименты космогонического архетипа, в соответствии с которым из принесенного со дна моря зачатка возникает не только земля, но и все мироздание. Так, в украинской колядке, где со-

²⁸ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. С. 181. — № 1.

²⁹ Барсов Е. В. Северные сказания о лембоих и удельниках. С. 87—88. — № 3.

³⁰ НА КарНЦ РАН. 40. № 187. — № 2.

³¹ Верования великоруссов Шенкурского уезда (Из летней экскурсии 1916 года) / Собрал и записал П. Г. Богатырев. С. 072. — № 5.

держится мотив сотворения Вселенной, из первой части принесенной земли образуется красное солнышко, из другой — ясный месяц, из третьей — ясны звездочки, из четвертой — мелкий дождичек³². В рассматриваемых нами мифах-легендах подобные представления оказались уже изжитыми.

В некоторых вариантах всю Землю Господь и Сатана делят поровну. Однако на заключительном этапе творения Сатане удается перераспределить уделы в свою пользу. Когда оба творца легли «на отдохновение», то Сатана переставил колышки («спичи»), которыми разграничивались обе половины Земли. «Как будто меньше половина у меня кажется», — замечает Бог³³. В поволжском же варианте Титаниил-Гоголь перевоссоздает сотворенную Богом землю, намеренно ее уродуя. Упершись в свою ногами, а в Божью — руками, он так стиснул землю, что та вся с треском сморщилась — и тогда на ней появились горы, скалы, доли, реки, озера. В результате возникновение равнинной, плодородной земли, соотнесенной с восточной, а заодно и с правой, стороной, приписывается в космогоническом мифе Богу, а земли, непригодной для жизни, связанной с северной/западной, равно как и левой, стороной, — его антиподу и противнику. Тем самым и ландшафты местности служат проявлением бинарных оппозиций. В дуалистической картине создающегося мира они играют свою структурирующую роль.

В космогоническом мифе-легенде Богу приписывается прежде всего сотворение реального физического пространства, где «мужичкам» (а «человеков» ему еще только предстоит «сделать») «пахать раздолье», где земли «сколько десятин — и не счесть»³⁴. Вместе с тем Господь учреждает и некий духовный центр Мира. Если твердь-сушу он сотворил из одной горсти земли/грязи/ила подводного, то сакральный центр — из двух горстей того же «материала»: «Взял Бог две горсти земли и сотворил себе гору Синай и гору Арарат»³⁵. Арарат, что значит «святая почва», — это высочайшая гора, расположенная в центральной части Армении. В библейской легенде (Быт. 8. 4) она осмысливается как темпоральная граница между миром до потопа и миром после потопа. У ее вершин нашел пристанище ковчег Ноя. Здесь установлен завет Бога с людьми. Синай — гора на Синайском полуострове (находилась на пути из Египта в Палестину). С ее вершины Бог даровал Десять заповедей, а другие предписания передал через Моисея (Исх. 20. 1—20; Пс. 67. 9, 18).

Помимо духовных центров на земле, Господь создает и небесный центр. Согласно одной из севернорусских устных легенд, он продолжил творение тем, что пошел на восток «рай насаждать». Из многих значений, которые в фольклорно-мифологической традиции приобрело слово «рай», в данном случае преобладает

³² Коробка Н. Образ птицы, творящей мир, в русской народной поэзии и письменности. С. 107.

³³ Верования великоруссов Шенкурского уезда (Из летней экскурсии 1916 года) / Собрал и записал П. Г. Богатырев. С. 072. — № 5.

³⁴ Синий журнал. 1911. № 18.

³⁵ Там же.

понятие «сад», предуготовленный Господом для праведных душ по завершении их земного бытия³⁶.

Создав рай, Господь (и особенно это проявляется в поволжском варианте) устраивает землю, делает ее живой. Из рая, осмысляемого как некое средоточие жизни и бессмертия, его крылатый помощник (в данном случае это Гоголь) приносит «разных семенóв», чтобы и на земле рассадить «тож всего». Принесенное в правой руке Гоголь отдает Богу, тогда как содержимое левой руки он оставляет себе. Из семян, рассеянных Богом, появились растения, полезные и людям, и животным («тварям»): их травы, корни, плоды съедобны, что служит отдаленной реминисценцией библейского мотива. [Ср.: «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, (по роду и по подобию ея, и), дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле; и стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду (и по подобию) ея, и дерево (плодовитое), приносящее плод, в котором семя его по роду его (на земле)» — Быт. 1. 11—12.] Семена же, посеянные антиподом, как повествуется в мифе-легенде, дали иные всходы: это колючие растения, репейники, полынь и т. д. Они не пригодны в пищу «ни зверям, ни скотам, ни человеку»³⁷.

По сути, из того же «материала» были созданы и насекомые, птицы, звери. Согласно поволжскому варианту, от горсти пыли, брошенной Богом в воздух, на воду и на землю, т. е. от трех природных стихий, взятых в совокупности, «вдруг» (внезапно и мгновенно) образовались красивые птицы и полезные насекомые. И, наоборот, от горсти пыли, брошенной Титаном-Гоголем на те же природные стихии, возникли шершни, мухи, блохи — «вся насекомая гадь», а затем появились змеи, лягушки, хищные звери — «вся вредная гадость». Между этими животными началась борьба — они стали пожирать друг друга. И закипела жизнь, полная борьбы и опасностей³⁸, что также укладывается в рамки дуалистической философии, но противоречит библейскому сказанию о сотворении мира (Ср.: Быт. 1. 20—25, 29—31). Кроме того, в ветхозаветном сказании Господь сотворил рыб, пресмыкающихся и птиц из воды, тогда как скот и зверей — из земли (Быт. 1. 20—25). Впрочем, по иной версии, вода «произвела животных, летающих и рыб», тогда как земля — «скотов, зверей и пресмыкающихся» (3 Ездры. 6. 47, 53).

Человека же, как повествуется в рассматриваемом космогоническом мифе, Бог сотворил из земли/из «пяти земель», принесенных со дна морского водоплавающей птицей (в данном случае — гоголем). В отличие от библейского мотива, где человек сотворен «из праха земного» (Быт. 1.7), в народной интерпретации «материалом» для его творения послужила не только земля, но и, по сути, вода, поскольку

³⁶ О семантике рая в народных легендах см.: Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. С. 920—948; Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс, Гнозис, 1991. С. 109.

³⁷ О том свете и об этом: Рассказы Саратовского Поволжья / Зап. Г. К. Заварицкий. С. 69.

³⁸ Там же. С. 69—70.

ку земля была поднята со дна морского. Если Бог создал людей совершенными, то гоголь (он же дьявол), воспользовавшись отлучкой Господа, сотворил людей уродливыми³⁹.

Как мы уже упоминали, христианизированные демиурги нередко выступают в роли чудесных пахарей. Так, в силу того, что Бог сеет «немного песочку», добытого со дна мировых вод, появляется «жидкая земля, ровная». Потом они вместе с Гоголем-Сатаной эту землю жнут — и «появилась твердая земля, образовались горы, верхи и овраги»⁴⁰. Иногда же творец уподобляется чудесному пекарю: Бог землю замешивает в воде — она быстро растет и вырастает «ровна, гладка, как стол». При сотворении же каждым из них своего воинства оба демиурга изображаются молотобойцами-кузнецами, которые в данном случае играют космогоническую роль.

Эту задачу Бог и его помощник осуществляют посредством удара камень о камень, поднятых со дна мировых вод (в архаической версии), либо уже посредством железного орудия — молота (позднейшая версия), которым оба творца или один из них бьет («дует») о камень, гору. Речь идет о таком ударе, когда из ударяемой субстанции высвобождается энергия (огонь, тепло), стимулирующая творение. Из камня в сочетании с огнем появляются и светлые, и темные силы, управляющие миром. Аксиологическая разнородность возникающих воинов зависит от того, кто их творит. Если это Господь (иногда Михаил Архангел), то появляются, кланяясь на восток, Богу, силы небесные, светлые воины. Когда же в роли молотобойца выступает Сатана, то, соответственно, он выковывает темные силы, и кланяются они своему создателю. Характер сотворенных воинов зависит также и от того, по Божьему ли благословению они созданы либо без него. По слову «Господи, благослови!» (оно имеет магическую силу) появляется светлый ангел, без произнесения такового, в молчании, — «бес с рогами, с собачьими ушами, тремя хвостами и огненными глазами»⁴¹.

Немаловажно также, какой рукой ударяет молотобоец о камень/гору. Бинарная оппозиция «правый — левый» актуализируется и в данном случае. Правая рука создает светлых ангелов, встающих по правую же руку от своего творца. И наоборот, левая рука кует черных чертей, образующих воинство Сатаны. Аксиологическая оценка подобных творений может быть выражена, как мы видим, и в их колористических признаках, где силы добра изображаются в светлых, а силы зла — в темных тонах. Таковы последующие проявления дуалистической модели, лежащей в основе картины создаваемого мира. «Дуалистический символизм с очевидностью усматривается во всех формах религиозно-магической практики. <...> функция и жизнеспособность принципа добра, типичным образом идентифицируемого с правым направлением, определяется одновременным существо-

³⁹ Щанов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия. С. 37—38.

⁴⁰ Иванов А. И. Вераования крестьян Орловской губ. // Этнографическое обозрение. 1900. № 4. С. 69.

⁴¹ НА КарНЦ РАН. 40. № 187. — № 2.

ванием принципа зла (левое направление)», — такую закономерность на основе изучения древних верований выявляет в организации миропорядка М. Элиаде⁴². Посредством борьбы противоположностей, согласно народным верованиям, высвобождается энергия, которая позволяет каждой из обеих сторон выйти за пределы равновесного существования, достичь качественно нового этапа бытия.

В рассматриваемом мифе эта идея выражена посредством соответствующих образов и коллизий. Идущий от Бога замысел создать воинство светлых ангелов сталкивается с намерением Сатаны выковать свое воинство. И потому, нарушив уговор, Сатана стал бить молотом о камень/гору не правой, а левой рукой. В других вариантах он творит без Божьего благословения либо обманным путем подменяет божественного творца. К тому моменту, когда Господь обнаруживает обман, численность темных сил «чуть-чуть» не сравнялась с количеством светлых ангелов. Между обоими воинствами, возглавляемыми соответственно Михаилом Архангелом, приравненным к Богу (согласно народной этимологии, само его имя означает «кто, как Бог?»), и Сатаной, разгорается борьба: «И пошла между воинствами великая война: поначалу одолевала было рать Сатаны, но под конец взяла верх сила небесная»⁴³. Данный эпизод сформировался под влиянием Откровения Иоанна Богослова: «И произошла на небе война. Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали *против них*» (Апок. 12. 7). В народной легенде подобный эсхатологический мотив отнесен к началу времен («в досюльное-предсуюльное времячко»), когда происходило сотворение мира, закладывались основы бытия, формировались принципы добра и зла. Вызванные к жизни двумя антиподами, эти принципы стали действовать уже независимо от их воли: «Господь и Сатана, окруженные частью созданных ими духов, взирали на борющихся, не принимая сами никакого участия»⁴⁴. В некоторых локальных вариантах народной легенды (поволжском, среднерусском) Михаил Архангел шестикрыл. В сражении Сатана опалает у него крылья, и потому Бог дважды дает ему по паре новых крыльев. Архангелу Михаилу удается низвергнуть с небес воинство Сатаны. Однако, упав на землю, эта рать стала смущать людей. Тем самым борьба добра и зла не прекратилась. Только теперь ареной битвы между светлыми и темными силами служит уже человеческая душа, представления о которой также укладываются в рамки бинарных оппозиций.

Эта борьба ведется от самого сотворения мира. И обе противостоящие друг другу силы, напомним, находятся в особой связи с мировыми водами. А воды уже сами по себе, согласно мифологическому восприятию, содержат ту амби-

⁴² Элиаде М. Космос и история: Избр. работы / Пер. с франц. и англ. М.: Прогресс, 1987. С. 212.

⁴³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. С. 181. — № 1.

⁴⁴ Ер. К. Очерки народного мирозерцания // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 41. Часть неофициальная. С. 3.

валентность, которая проявляет себя в дуалистическом осмыслении Вселенной. Ведь для того чтобы породить из себя все многообразие мира, воде как космической субстанции «недостаточно быть однородной, неделимой и тождественной лишь самой себе, в потенции она должна быть способной к поляризации»⁴⁵. В процессе дальнейшего бытования оба полюса настолько трансформируются, что следы их былой соотнесенности между собой, и тем более их общей соотнесенности с водой, можно обнаружить лишь в результате специального рассмотрения.

⁴⁵ Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука, 1988. С. 32.

Водяные коровы

Как мычащие коровы, вырвались воды
на волю...

Ригведа. I. 32

<...> а где стояла прежде вода, показала
сухая земля <...>, и из бурной пучины — зеленая долина.

Премудр. Солом. 19. 7

На Русском Севере зафиксированы мифологические рассказы о неких водяных коровах. Они выходят из глубин реки/озера/океана на остров или берег, пасутся на заливных лугах, а при появлении человека вновь скрываются в пучинах водоема. По иной, более редкой, версии, в воде обитают мифические кони. Иногда они обнаруживаются на мосту, откуда с приближением людей бросаются прямо в воду. В глубинах озер эта невидимая конница дает о себе знать топотом копыт¹. Аналогичные водяные существа есть и в сказке, где, к примеру, чудесная кобылица, выйдя в самую полночь из глубины всколыхнувшегося моря, вместо того чтобы пастись на лугах, подбегает к первому попавшемуся стогу и принимается пожирать сено.

Подобный сюжет известен не только русской, но и другим славянским традициям. У балканских славян в нем фигурируют преимущественно водяные быки². Интересующий нас сюжет знаком и западноевропейским этнокультурным традициям, например, шотландской, где изображаются и водяные коровы, и водяные быки³. Близким аналогом севернорусской бывальщины служит мифологический

¹ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 88. Примеч. (Этнографическое Бюро кн. В. Н. Тенишева); Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. М., 1877. С. 188 (Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXX); Петров К. Народные предания в Олонецкой губ. // Олонецкие губернские ведомости. 1860. № 28. Часть неофициальная. С. 102—103; Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.): Сб. Н. Е. Ончукова. СПб., 1908. № 231. С. 499—500 (Зап. Имп. Русского географического об-ва по отд-нию этнографии. Т. XXXIII); Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М.: Изд-во Отд-ния русского языка и словесности Имп. АН, 1915. № 155. С. 288—289; Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки, легенды, предания, былички, заговоры (по записям 1963—1999 г.) / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб.: Алетейя, 2001. № 267—268. С. 271—272.

² Раденкович Л. Водяной бык в преданиях балканских славян // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 439—446.

³ Bestiary.us (Интернет-энциклопедия).

рассказ, зафиксированный в соседствующих финно-угорских традициях: карельской, вепсской, финской, коми⁴.

Очертания образов крупных копытных животных, локализованных в глубинах водоемов, различимы уже в древнейших мифах народов мира. Например, в древнегреческой мифологии это божественные кони Посейдона:

Так он сказавши, погнал длинногривых коней и умчался
В Эгийю (Эгейское море. — Н. К.), где обитал в светлозданных,
высоких чертогах.

Гомер. Одиссея. V. 380

Этих жеребцов владыка морей и колебатель земли держит в пещерах эгейских пучин. Однако изначально Посейдон связан не только с водной стихией, но и, как пишет А. Ф. Лосев, «с индоевропейским зооморфным демоном плодородия, выступавшим в облике коня или быка (курсив наш. — Н. К.)»⁵. Тем самым бог морей, источников и вод сближается с неиссякаемой порождающей силой земли. О месте Посейдона в мироздании свидетельствуют и его родственные связи. Этот божественный персонаж разделит господство над миром со своими братьями: Зевсом, который получил в удел небо, и Аидом — царем подземного мира. Показательно также, что сестрой Посейдона была Деметра (греч. Demeter — корень «мать») — богиня земледелия и плодородия. Кроме того, немаловажно, что в своей родословной Посейдон восходит к Урану — богу неба и Гее — богине животворящей земли, праматери всех живых существ. Следовательно, Посейдон соотносится и с верхним (Зевс, Уран), и с нижним миром (Аид), равно как и с ойкуменическим миром (Гейя, Деметра). Божественные кони (иногда быки) владыки морей, выгоняемые время от времени на поверхность вод, служат его знаковыми атрибутами. Гомеровский Посейдон запрягает златогривых скакунов в свою колесницу и мчится через расступаящиеся перед ними волны.

Образ мифического копытного, связанного с изначальными водами, сформировался и в древнеиндийской мифологии. Речь идет в первую очередь о корове Сурабхи (др.-инд. Surabhi «сладко пахнущая»). По некоторым мифам, она появилась на свет во время пахтанья океана богами⁶. Это божественная корова, именуемая «коровой желаний»: она исполняет любые желания своего владельца. В гимнах «Ригведы» в виде коровы или быка изображен творец мира (III. 38, 56). Причем этот мифологический персонаж может быть представлен как бык и корова од-

⁴ Коми легенды и предания / Сост. Ю. Г. Рочев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. С. 132—133; Лесков Н. Представления кореляков о нечистой силе // Живая старина. 1893. Вып. 3. Отд. 5. Смесь. С. 417; Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов / Пер. с нем. Н. А. Прушинской. Петрозаводск: Карелия, 1991. Л. 42. С. 150; Л. 301. С. 153—154.

⁵ Лосев А. Ф. Посейдон // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 323.

⁶ П. Г. Сурабхи // Мифы народов мира. Т. 2. С. 477.

новременно. А в одном из гимнов «Атхарваведы» (IV) фигурирует обобщенный образ «говядо» — крупного рогатого скота⁷. Представления о корове как источнике жизни характерны для всех индуистских верований, что не могло не проявиться в мифологическом мировосприятии народов, язык и культура которых восходят к индоевропейской общности.

В египетской мифологии «великой короной в воде» названа Метуэр, известная уже в III тыс. до н. э. Эта корова является двойником небесной коровы, иногда отождествляемой с Нут. Встав из воды, небесная корова превратилась в небо. В одной из версий египетского мифа на ней поднимается из океана солнечный бог Ра⁸.

К этому же типологическому ряду относится и гигантская корова Аудумла, чей образ сформировался в скандинавской мифологии (см.: Младшая Эдда: Видение Гюльви). Она возникла из растаявшего инея, наполнявшего Мировую Бездну. Из сосков ее вымени потекли четыре молочные реки. Своим молоком Аудумла вскормила первое антропоморфное существо — великана Имира, из частей тела которого был создан мир: «Имира плоть / стала землей, / стали кости горами, / небом стал череп / холодного турса, / а кровь его — морем» (Старшая Эдда: Речи Вафтруд-нира. 21). При чем образ коровы Аудумлы раскрывает зооморфную подпочву великана Имира. Наличие определенного тождества между персонажем-животным и великаном отмечает М. И. Стеблин-Каменский: «Аудумла, первозданная корова-великан, — образ, по своей роли в развитии представления о мире как целом в какой-то степени аналогичный образу Имира»⁹. Следовательно, Вселенная изначально возникла из частей тела гигантской коровы¹⁰.

Зеленых пастбищ к моменту появления этой коровы еще не было — она питалась тем, что лизала соленые камни, покрытые инеем¹¹ (иней — эквивалент воды). По сути, возникшая из воды и питающаяся водой, Аудумла в известной мере причисляется к водяным коровам, аналогичным тем, которые представлены в севернорусской традиции, хотя последние уже и пасутся на заливных лугах либо заболоченных берегах.

Водяные коровы фигурируют и в библейских сказаниях: «И вот, *вышли из реки* семь коров, хороших видом и тучных плотию, и паслись в тростнике. Но вот, после них *вышли из реки* (курсив наш. — Н. К.) семь коров других, худых видом и тощих плотию, и стали подле тех коров, на берегу реки» (Быт. 41.2—4). Посредством образов коров, выходящих из реки, выражены дуалистические представления об устройстве мироздания, где плодородная земля сменяется неплодородной, изоби-

⁷ Зарубин Л. А. Сходные черты зоолатрии и перехода к антропоморфизму у индоарийцев и славян // Советское славяноведение. 1967. № 3. С. 45—52.

⁸ Иванов В. В. Корова // Мифы народов мира. Т. 2. С. 5.

⁹ Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л.: Наука, 1976. С. 37.

¹⁰ Криничная Н. А. Персонажи преданий: Становление и эволюция образа. Л.: Наука, 1988. С. 119—120.

¹¹ Мелетинский Е. М. Аудумла; Имир // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 124, 510.

лие — голодом, а урожай — недородом. Соответственно из воды появляются то тучные, то тощие коровы. И число тех и других равно — их семь. Каждая из этих коров предопределяет благоприятное — неблагоприятное течение бытия в продолжение начинающегося года. В этом контексте каждая совокупность тучных и тощих коров моделирует чересполосицу бытия. В подобных образах осмыслиется проявление закона единства и борьбы противоположностей. В данном случае представлена коллизия, когда тощие коровы пожрали тучных коров.

Обозначенный сюжет, несомненно, носит универсальный характер. Он проявляется и в интересующих нас севернорусских мифологических рассказах, обнаруживая признаки генетического и типологического сходства с другими этнокультурными традициями, где этот сюжет зафиксирован.

Сюжет «Водяные коровы» ранее не был объектом текстологического анализа. Внимание исследователей в большей степени привлекала другая его разновидность, известная под названием «Водяные быки». Рассматривая совокупность вариантов, относящихся к этой разновидности, сербский фольклорист Л. Раденкович обнаружил в них «мифологический сюжет изгнания водяного быка, зооморфного родоначальника племени, в хтоническое пространство»¹². Несколько иной сюжет (о быке, падающем с ели в воду) рассматривает на основе вепсского песенного материала, связывая его с космологическими представлениями, И. Ю. Винокурова¹³.

В севернорусской же традиции наиболее распространен сюжет «Водяные коровы». Ранее этого сюжета отчасти коснулась И. М. Денисова, изучая вопрос об отождествлении крупного копытного животного с водами¹⁴. Однако в целом данный нарратив как таковой остается неисследованным. В предпринимаемых нами изысканиях на основе текстологического анализа всех имеющихся в нашем распоряжении вариантов мы предполагаем выявить истоки данного сюжета. Эти истоки мы видим в космологических представлениях, связанных с зооморфным демиургом, коровой-землей и изначальными водами.

В экспозиции рассматриваемого мифологического рассказа «начало времен» как бы переносится в новую эпоху, в которой живут непосредственные носители этой традиции. В ней обычно сообщается, кто из местных крестьян стал очевидцем сверхъестественного происшествия — выхода коров из глубин водоема. Причем, несмотря на всю свою фантастичность, эта картина в значительной степени обытовлена. Наиболее полные сведения приводятся об очевидце, которого и в живых уже нет и который, соответственно, не может ни подтвердить, ни опровергнуть достоверность рассказа. В подобном случае информанты охотно называют его имя и фамилию, место проживания: например, «крестьянин села Кузьминского, теперь

¹² Раденкович Л. Водяной бык в преданиях балканских славян. С. 439.

¹³ Винокурова И. Ю. Бык, падающий с ели (о космогонических мотивах в вепсском фольклоре) // Традиционная культура. 2009. № 2. С. 74—80.

¹⁴ Денисова И. М. Мосты времен: космологические архетипы в традиционной культуре // Древнерусская космология. СПб.: Алетейя, 2004. С. 404—407.

умерший, Алексей Скорняков»¹⁵. Однако чаще для указания на очевидца происшествия рассказчики пользуются семантической формулой «Старики рассказывали». Посредством этой формулы давно произошедшее относят к некоему «досюльному» времени, лишенному какой бы то ни было определенности. И даже заверения рассказчика, что это были не кто иные, как его «бабка и дед», не преодолевают признаков обобщенности в изображении подобных очевидцев. В других же случаях формула достоверности ограничивается лишь указанием деревни, в которой якобы некогда жил или и ныне живет участник загадочного происшествия. Сведения о нем могут быть и вовсе неопределенными: «какой-то крестьянин», «крестьянин ближней деревни» и т. п. Утратив признаки идентификации, очевидец загадочного происшествия превратился в некую обобщенную фигуру, не связанную ни с конкретным человеком, ни с местом и временем его проживания.

Наиболее благоприятным для таких видений считается состояние между сном и бодрствованием, в котором пребывает тайнозритель: «Случилось однажды крестьянину ближней деревни проходить мимо озера, после дневной работы. Так как он утомился, то лег на траву и вскоре уснул. Пробудившись еще до восхода солнца, он <...> заметил, что невдалеке от него пасутся на траве четыре бурые и чрезвычайно большие и тучные коровы»¹⁶. Ведь сон, и тем более длящийся до восхода солнца, — это канал связи между мирами, способ проникновения «сюда» запредельной реальности, измеряемой в иных локальных и темпоральных категориях.

Факты появления мифических коров из вод, согласно быличкам и бывальщинам, достаточно уникальны, что определяется синонимичными между собой словами: *однажды, раз случилось*. Причем обычно они не содержат никакой конкретизации. Лишь в редких нарративах предпринимается попытка время таинственного происшествия хоть как-то уточнить: например, «год назад». Однако такая конкретизация относится к уже умершему очевидцу. Вместе с тем характерно, что и в севернорусской, и в славянской традициях водяные коровы или водяные быки выходят из озер, прудов, рек обычно *летом, в теплые летние ночи*. А лето символизирует тепло и свет, без которых невозможна жизнь на земле.

Наименований водоемов, где происходит эта мистерия, по имеющимся у нас данным, в мифологических рассказах не приводится. И все же предполагается, что это свой, местный водоем, расположенный неподалеку от деревни, где жил или живет очевидец сверхъестественного происшествия: «Вблизи от Мегры есть маленькое круглое озеро, дна которого, по уверению крестьян, никак нельзя измерить»¹⁷. Глубина подобных озер не поддается определению в обыденных категориях. Ведь речь здесь идет не просто о реальной глубине реальных же озер. Бездонные водоемы служат, по сути, метафорой самой *бездны*, имеющей бинарную

¹⁵ Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. С. 188. — № 22.

¹⁶ Петров К. Народные предания в Олонецкой губ. С. 102. — № 13.

¹⁷ Там же.

символику¹⁸. Это точка, «откуда все происходит, а с другой стороны, место, куда все возвращается»¹⁹. Озеро, из которого выходят коровы, не только бездонное, но и круглое. Изображение такого водоема некими неисповедимыми путями соотносится с представлениями о первозданных водах с островком посередине: «Около Мегры есть небольшое круглое озеро, а посередине островок. На этот островок летом из воды выходят четыре коровы»²⁰.

Само определение «круглое», которым характеризуются сакральные озера (в их числе и легендарный Светлояр), актуализирует представления о совершенных формах, таящих в себе мистический смысл²¹. Магический круг призван и в данном случае разграничить два разнородных пространства, одно из которых заключено в самом круге, а другое находится за его пределами. Это знак присутствия в сиюминутной обыденности иного, сакрального пространства. Такое пространство существовало с «начала времен», когда мирозданию еще только предстояло возникнуть из первородных вод. Если воды символизируют первоэлемент Вселенной, равно как и предшествующий творению хаос, то округлость водоема связана с представлениями о космосе как проявлении формы, в которой смыкаются начало и конец сущего. Островок же, возникший *посередине круглого озера*, знаменует собой зачаток земли, имеющий потенцию к разрастанию, а впоследствии — к периодическому возрождению, обновлению. Подобное возрождение, обновление стимулируется в мифологии посредством регулярно повторяющихся репрезентаций творения, обусловленных обычаем и ритуалом.

Заметим, что островок на озере, на который выходят водяные коровы, эквивалентен камню на пожне: людям он показывается то огромным камнем, то коровой. В быличках подобная мифологема в значительной мере обытовлена. В поисках пропавшей животины хозяева бродят вокруг камня, иногда даже сидят на нем, но так и не обнаруживают своей коровы. И лишь спустя какое-то время ее именно здесь и находят: «Это ведь не камень был, а телка»²². Такая взаимозамена и взаимопревращение обеих соотнесенных друг с другом составляющих свидетельствует об их изначальном синкретизме, воплощенном в образе коровы-камня либо коня-камня (последнее чаще встречается в преданиях). В подобном образе причудливо совмещены и творец мироздания, и объект творения.

¹⁸ Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. С. 744—745.

¹⁹ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. С. 34.

²⁰ Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). № 231. С. 499. — № 14.

²¹ Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 744.

²² Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. № 301. С. 351.

Иначе говоря, первозданная земля (камень, остров-камень, остров) отождествляется с крупным копытным, в данном случае — с коровой. Как заметил В. Н. Топоров, именно копытные символизируют землю, тогда как птицы — верхний, а рептилии — нижний мир²³. Об олицетворении земли в виде крупного копытного животного, имеющем место и в русской мифологии, убедительно пишет И. М. Денисова²⁴. Такие представления уходят своими корнями в глубокую древность. Они обнаруживаются, к примеру, в мифах древней Индии, согласно которым персонифицированная земля, спасаясь от преследования, превращается в корову²⁵. Во всяком случае, образ коровы-земли обнаружен уже у индоарийцев²⁶. В «Атхарваведе» олицетворением Вселенной иногда считался бык (IX. 4; IX. 7)²⁷.

Зооморфный персонаж, появившийся на островке посреди вод, — это обычно не кто иной, как демиург. В этом свете и корова, вышедшая из круглого бездонного озера на островок, также осмысливается в качестве творца земли и — шире — Вселенной. (Заметим, что опосредованно в роли демиурга изображена и корова Аудумла, чей образ сформировался в скандинавской мифологии, — см.: Младшая Эдда: Видение Гюльви. Ведь мир возник из тела великана Имира, вскормленного этой коровой и принесенного в жертву богами, причем и сами боги обязаны своим появлением все той же корове: их предок, Бури, возник из соленых камней, облизанных Аудумлой.) Правда, в некоторых вариантах рассматриваемого сюжета корова появляется не на острове, а на берегу (возможно, на мысу) водоема. Подобная взаимозаменяемость не случайна. Ведь берег — это самая ближняя точка на пути из водоема к суше, земле, ойкумене. Более того, согласно этимологическим разысканиям, с понятием «берег» первоначально были связаны представления о «возвышении, высоте», затем о горе, гористом берегу (ср. с нем. *Berg*). С другой стороны, и остров является своего рода горой, а точнее, вершиной подводной горы. Тождеством осмысления этих топосов обусловлена их взаимозаменяемость. Она проявляется и в рассматриваемом сюжете.

Как повествуется в анализируемом мифологическом рассказе, «целое стадо бурого скота» пасется не просто у воды, а выше по реке, т. е. ближе к истоку, соотносённому с верхним миром. Причем в данном варианте оно пасется у «мукомольни» — мельницы²⁸. Мельничное же колесо приводит воды в движение, без которого нет творения: «Движение, реальное и метафорическое, актуализирует модель

²³ Топоров В. Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира. Т. 2. С. 9.

²⁴ Денисова И. М. Зооморфная модель мира и ее отголоски в русской народной культуре // Этнографическое обозрение. 2003. № 6. С. 26—30.

²⁵ Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1982. С. 125.

²⁶ Немировский А. И. Мифы древности: Индия. Научно-художественная энциклопедия (Собрание трудов). М.: Лабиринт, 2001. С. 59.

²⁷ Зарубин Л. А. Сходные черты зоолатрии и перехода к антропоморфизму у индоарийцев и славян. С. 45—52.

²⁸ Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. С. 188. — № 22.

мира, обеспечивает ее функционирование во времени и пространстве»²⁹. Причем движение является «основоположной семантической категорией архетипической модели мира»³⁰. В этом свете мельничное колесо символизирует возникновение времени, пространства и судьбы (ср. колесо Фортуны). Близким аналогом мельничному колесу служит колесница. Это может быть, к примеру, колесница Посейдона, запряженная длинногривыми конями: в ней он мчится по темно-синим бурливым волнам моря³¹.

Число коров, выходящих из воды на остров либо на берег, оказывается разным. Иногда их четыре. В этом числе содержится символика пространственно-временной структуры Вселенной: имеется в виду прежде всего горизонтальное разворачивание пространства, определяемое четырехчастной моделью мироздания. Важнейшими составляющими такой модели являются четыре стороны света: север, юг, запад, восток. В архаических традициях (вероятно, и в нашем случае) они обнаруживают тенденцию к персонификации. Впрочем, число «четыре» в мифологической картине мира служит определением и темпоральных параметров, неотделимых от пространственных: четыре времени года, четыре части суток и пр. Однако в большинстве вариантов водяных коров целое стадо. Подобного рода множественность, по сути, служит проявлением единичности. Не случайно в руках крестьянина из всего стада обычно оказывается лишь одна корова. Каждая из них в отдельности, как и в совокупности с другими, наделяется определенным набором признаков. Водяная корова не только в русской, но и в других этнокультурных традициях изображается бурой, редко — черной масти. В коми мифологических рассказах на берегу озера Лывина пасутся красно-белые, черно-белые кони. Будучи производным, бурый цвет, на наш взгляд, служит рационализированным выражением красного цвета, который в данном мифологическом контексте символизирует жизнь. С определением *красный* связаны *кресати*, *кресити*, т. е. «высекать искру или огонь, загораться, возжигать, оживлять, воскресать». Причем первоначально *крес* обозначало «возрождение, летний солнцеворот, купальский огонь»³². По своей семантике близка к бурой красно-белая масть, поскольку красный и белый цвета в некоторых случаях имеют одинаковую символику. В то же время красно-белая, а тем более черно-белая масть может означать противопоставление жизни и смерти, «того» и «этого» миров, равно как и противопоставление светлого и темного начал в самом бытии. Иногда водяные коровы изображаются пестрыми, т. е. покрытыми разноцветными пятнами, разными по форме и величине. Иначе говоря, шкура этих чудесных животных состоит из шерстинок разного цвета, что служит символом многообразия заключенной в них потенции.

²⁹ Невская Л. Г., Николаева Т. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В. Концепт пути в фольклорной модели мира (от Балтии до Балкан) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1998. С. 442.

³⁰ Там же.

³¹ Лосев А. Ф. Посейдон. С. 323.

³² Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников: В 2-х т. М.: Флинта, Наука, 2010. Т. 1. С. 436—437.

Шерсть мифического копытного лоснится, блестит, что свидетельствует о его сакральности, насыщенности жизненной силой. Характерно, что водяная корова обычно *комолая*, т. е. безрогая. Данный устойчивый признак заставляет нас предположить, что корова в этом космогоническом мифе вытеснила свою архаическую предшественницу — самку лося. Не случайно в некоторых архаических традициях (например, в эвенкийской) в виде огромной лосихи представлялась сама хозяйка Вселенной³³.

Остальные признаки водяной коровы: *большая, чрезвычайно большая, рослая, тучная, гладкая, очень сытая* и непременно *дойная* — определяют ее как средоточие обилия и плодородия. Продуцирующая сила водяной коровы, согласно народным верованиям, заключена в ее шерсти-шкуре, каждая шерстинка которой может превратиться в животное соответствующего вида. И поэтому, когда водяную корову, добытую крестьянином, зарезали, именно шкура чудесного животного загадочным образом исчезла. Эту шкуру унес ее «хозяин» — неведомый пришелец из «круглого озера»³⁴. Иначе говоря, она возвращается в бездонный водоем, где сокрыты все начала и концы сущего.

В одном из вариантов данного сюжета коров, выходящих из озера, сопровождает чудесная доильщица, которая всякий раз исчезает вместе с ними в глубинах вод³⁵. Совершенно очевидно, что этот женский персонаж появляется не для обычного доения. И не просто для молока предназначается золотой подойник, наделенный сверхъестественными свойствами: он не тонет в воде, однако при попытке человека завладеть им вмиг скрывается в глубинах озера. Золотой подойник уподобляется «зачарованному» кладу, в котором заключена магическая сила его владельца³⁶. По словам одного странника, лишь тот, кто завладеет таким подойником, поймает и самих коров³⁷. Неудивительно, что его содержимым может быть только волшебное молоко: «Корова создала при своем рождении этот мир, когда выдоила свое молоко» (Ригведа. X. 61). Тем самым корова изображается здесь как создательница Вселенной. В этом контексте и доильщица, упоминаемая в севернорусской бывальщине, отождествляется с чудесной коровой. Молоко же, для которого и был предназначен золотой подойник, в силу определенной семантики золота должно обеспечить долголетие и бессмертие.

В севернорусских бывальщинах водяная корова, которой удалось завладеть одному крестьянину, «никогда не переводилась», а ее приплод якобы и сейчас еще

³³ Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 29.

³⁴ Петров К. Народные предания в Олонецкой губ. С. 103. — № 13; Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). № 231. С. 500. — № 14.

³⁵ Пятницкий. Легенда // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 66. Часть неофициальная. С. 649. — № 16.

³⁶ Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных» кладах // Советская этнография. 1977. № 4. С. 105—111.

³⁷ Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. С. XI—XII.

живет в деревне. Образ никогда не убывающего обилия (неразменный рубль, неубывающие хлеб или рулон полотна) в данном случае отчасти уже обытовлен и рационализирован: «И была она сытее, круглее и молочнее всех соседских [коров]»³⁸; «Молока они (две коровы. — Н. К.) давали по два ведра на удой»³⁹ или же «давали мужику по два ведра в день молока»⁴⁰. Но и этого, как выясняется, оказалось достаточно, чтобы воспринимать пойманное чудесное животное в качестве коровы изобилия. Впрочем, такое изобилие не выходит за пределы крестьянского достатка: «и мужик разбогател».

В более архаической форме подобный мотив развернут в шотландской мифологии: каждый год в определенный день чудесная корова направляется к маленькому островку посреди реки; она добирается туда то вброд, то вплавь; проведя там какое-то время, корова возвращается на пастбище; в положенный срок она приносит теленка, на редкость умного, сильного и работающего⁴¹. Если изначально, по народным верованиям, средоточием «семян жизни» была вода, а затем остров, осмысляемый как первоземля, то теперь в качестве такового фигурирует сама корова, связанная с водой. Об этом красноречиво свидетельствует образ коровы желаний по имени Сурабхи, сформировавшийся в древнеиндийской мифологии: «Была она матерью коров, рожденных из амриты»⁴², — напиток богов, полученного посредством пахтанья молочного океана и дарующего бессмертие. Молоко этой корове давала земля: оно рождалось из соков трав. (Представления о сакральности такого молока сохранились и в севернорусской бывальщине: не случайно для доения чудесной коровы предназначался золотой подойник.) Из вымени Сурабхи появляются не только молоко, топленое масло, но и овощи, фрукты и даже самые изысканные яства, а вслед за ними и одежда, верхняя и нижняя, а также обувь — и это всё на вкус каждого⁴³.

В дошедшей до нас севернорусской традиции водяные коровы фигурируют уже не сами по себе: теперь они лишь атрибуты мифического существа, связанного с водой. Но именно в этих атрибутах как раз и заключена изначальная зооморфная сущность антропоморфизированного персонажа, соотносенного с чудесными коровами. Их мифическим владельцем выступает водяной, который часто низведен до уровня нечистой силы — черта. Однако и в том и в другом качестве дух-«хозяин» воды удерживает за собой некогда присущие ему зооморфные признаки: появляется в виде коровы или лошади, имеет коровье брюхо, коровьи или лошадиные ноги, коровий хвост, рога, плывет, как корова, и т. д. То же приписывается и женским мифическим существам, связанным с водой, — русалкам, водяницам, равно как и их славянским аналогам. В числе характерных для этих персонажей признаков способность обернуться коровой, лошадью, увести стадо, отобрать молоко у коров, постоянная «молочность», аномаль-

³⁸ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 88. Примеч. — № 15.

³⁹ Петров К. Народные предания в Олонецкой губ. С. 103. — № 13.

⁴⁰ Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). № 231. С. 500. — № 14.

⁴¹ Bestiary.us [Электронный ресурс]

⁴² Немировский А. И. Мифы древности: Индия. С. 52—53.

⁴³ Там же.

но большие груди, отвисшие до самых колен и напоминающие вымя, коровьи или ослиные копыта, конский хвост вместо волос и пр.⁴⁴ Из сказанного следует, что архаическим предшественником водяного/водяницы/русалки в данном случае был зооморфный демиург (здесь: крупное копытное животное), соотнесенный с изначальными мировыми водами и первозданной землей. В поздней традиции сущность этого уже антропоморфизированного персонажа воплотилась в его зооморфных атрибутах — в водяных коровах либо в приравненных к ним мифических копытных животных. [Кстати, высказанное суждение отчасти может послужить ответом на вопрос, поставленный в свое время Д. К. Зелениным: «Определить, кем они (русалки) были раньше, до того как их стали связывать с образом заложных покойников, невозможно»⁴⁵. Впрочем, любой фольклорный образ к единому истоку не сводится.]

Вместе с тем водяной/водяница/русалка наследует от своих архаических предшественников и функцию творения. Так, например, в одном из вариантов *водяниха-девка*, выгнав чудесных коров для пастьбы из воды на берег озера и наблюдая за ними, расчесывает волосы. Посредством таких манипуляций она творит мироздание, уподобляясь мифическим пряхам, имеющим дело с прядением шерсти⁴⁶.

Как повествуется в рассматриваемой бывальщине, мифическая пастьба водяных коров длится до тех пор, пока к ним не приблизится человек. Несмотря на то что действие, изображаемое в этом нарративе, происходит в «начале времен», рассказчики неизменно помещают очевидца происшествия в свое либо не в столь отдаленное время: они рассматривают происходящее как очередную репрезентацию акта сотворения Вселенной. При попытке человека приблизиться к вышедшим из воды коровам озеро проявляет признаки живого существа: оно «ужасно взволновалось», из его глубин послышался свист. По этому сигналу коровы немедленно бросаются в воду. В одном из вариантов мифический хозяин вод и водяного стада представлен своим метонимическим эквивалентом, свидетельствующим о его зооантропоморфной сущности: «<...> и из воды вдруг высунулась большая, покрытая черною шерстью рука»⁴⁷ — и эта рука ухватила за борт лодки, где сидели очевидцы происшествия. Однако чаще хозяин мифического стада уже антропоморфизирован. Заметив приближающуюся опасность, водяной/черт начинает спешно загонять скот в озеро, подобно тому, как это делает в аналогичной ситуации рачительный крестьянин, загоня домашнюю животину в хлев.

Мифическая пастьба имеет магический смысл. Земля, а точнее ее первые островки, покрывается растительностью, оттого что вышедшей из воды корове надо где-то

⁴⁴ Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. С. 35, 37, 50, 56 и др.

⁴⁵ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 418—419.

⁴⁶ Криничная Н. А. Водное божество: магия расчесывания волос как предпосылка к сотворению бытия (по севернорусским фольклорно-этнографическим материалам) // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 137—151.

⁴⁷ Лесков Н. Представления кореляков о нечистой силе. С. 417. — № 17.

пасться (ведь дело происходит летом). Иногда космогонический миф как бы запечатлевает тот момент, когда земля в виде маленького островка суши («коча») еще не до конца выступила из воды. Коровы ходят по этому «кочу», грузнут по самую морду, но не тонут⁴⁸. Мало того, островок-«коч» еще не закрепился в мироздании, дрейфуя между берегом и серединой озера, где чаще всего отводится место мировому древу, соединяющему миры. (Ср. с продолговато-круглым островком, который даже в тихую погоду раскачивается на воде. — № 34—36.) Для архаического мировосприятия нередко характерна обратная причинно-следственная связь. Водяная корова осмысливается как персонификация причины, порождающей появление земли/суши. А возникновение этой земли/суши представлено как следствие выхода водяной коровы из глубин, приравненных к первозданной водной стихии. Причем причина и следствие совмещаются, соотносясь с пространственно-временными параметрами, востребованными самим актом творения. Специфику такого восприятия на примере представлений о приходе весны очень точно определил В. Я. Пропп: «Начало весны связывали с прилетом птиц, причем полагали, что птицы приносят ее с собой. Слова „как птицы прилетят, так теплота у нас пойдет“ означают не только последовательность событий, но и выражают представление о причине и следствии»⁴⁹. Применительно к нашему сюжету это означает, что земля, покрытая зеленой травой, появится тогда, когда на ней начнут пастись коровы, и тем более чудесные, вышедшие из воды, коровы.

Аналогичный пример можно привести из архаических этнокультурных традиций. Так, в эвенкийском мифе только потому, что человеку негде было кочевать, негде охотиться, негде оленей пасти, появляется столько земли, что ее хватило на всех людей на все времена. Причем в качестве творца обширных пространств земли среди безбрежных вод («кругом была вода») выступает мамонт. Своими крепкими «рогами» (бивнями) он выворачивает со дна водоема столько земли, сколько требуется⁵⁰. Подобной параллелью высвечивается и роль водяной коровы в сотворении мира.

Появление человека у озера в момент сотворения либо перевоссоздания мира приходится, надо полагать, на неурочное время. В результате течение магического процесса нарушается. Коровы, которые одновременно и творят, и персонифицируют землю, где они пасутся, вынуждены скрыться в глубинах вод, откуда они вышли. Круг замыкается, конец совмещается с началом, чтобы творение могло в очередной раз повториться в том виде, в каком оно происходило изначально. Магической пастьбой всякий раз воспроизводится сотворение мира либо перевоссоздание одряхлевшего космоса.

⁴⁸ Потанин Г. Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. 1899. Вып. 2. С. 193. — № 18.

⁴⁹ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). Изд. 2-е. СПб.: Терра-Азбука, 1995. С. 41.

⁵⁰ Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. С. 75.

❖ II ❖

Переустройство мироздания

Соперничество рек

Ведь они (воды) двинулись вперед числом тридцать семь.
Впереди струящихся вод, превосходя их силой, течет Синдху.
<...> Ты, устремляешься прямо вниз по поверхности земли,
Когда ты правишь во главе этих движущихся рек.

Ригведа. X. 75. 1—2

В ряду нарративов, повествующих о происхождении явлений природы, особое место занимает сюжет о возникновении рек и соперничестве между ними, имеющий многочисленные варианты и версии. В данных этиологических мифах речь идет о реках Суне и Шуе, Свири и Волхове, Вазузе и Волге, Волге и Каме, Доне и Шате, Днепре и Десне, Днепре и Соже, о Днепре, Волге и Западной Двине и др. Этиологические мифы, связанные с символическим переосмыслением главных рек того или иного региона, принадлежат соответственно к различным локальным традициям.

Названный сюжет ранее не был объектом специального изучения. До него, так сказать, еще не дошел черед. Кроме того, исследователей могла настораживать некоторая литературность его изложения. Однако наличие вариантов данного сюжета, причем в ряде случаев паспортизованных, равно как и их типология, позволяет отнести рассматриваемые нарративы к произведениям фольклора. Об этом же подчас свидетельствуют и заметки собирателя: в публикуемых рассказах сохранены «те самые выражения, в каких они были переданы» рассказчиком¹. И — самое главное — фольклорное происхождение этих произведений подтверждается текстологическим анализом.

Как и многие этиологические мифы, рассматриваемые нами нарративы открываются семантической формулой: «Реки эти были прежде людьми»². Названия рек могут варьироваться, но смысл этой формулы остается неизменным. Устойчив он и в былинах: «От Настасьюшки протекала Настасья-река <...>, // От Дунаюшки

¹ Минорский П. Река Свирь и ее значение в Олонецком крае // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 47. Часть неофициальная. С. 522.

² Терещенко А. В. Быт русского народа: В 7 ч. СПб., 1848. Ч. 5. С. 43—44.

протекала Дунай-река»³. В другой эпической песне от «тихого Дона сударя Иванова» протекла Дон-река⁴. В песенном тексте как более каноническом архаические мотивы сохраняются лучше, чем в прозе.

Мифологизированные реки персонифицированы, олицетворены, одухотворены. Будучи близлежащими, они к тому же нередко имеют общие истоки, описание которых в достаточной степени рационализировано: «Обе они (реки Суна и Шуя. — Н. К.) вытекают где-то на шведской границе из одних и тех же колодцев-родников»⁵. Причем «шведская граница» служит рационализированным выражением мифической границы между мирами, а «колодцы-родники» осмысляются как вход — выход из инобытия. В собственно мифологической версии реки могли б вытекать, к примеру, из-под дуба сырого, из-под ясеня черного, из-под белого горючего камешка, как это имеет место в былинах⁶. Общность же истоков-родников проявляется в кровнородственных отношениях: «Реки Суна и Шуя — родные сестры»⁷. По другим вариантам, это два брата — сыновья одного отца или одних и тех же отца-матери, которые также изображаются персонифицированными водоемами: «У Ивана-озера было два сына: Шат и Дон, почему последний и называется в песнях Ивановичем»⁸. Такими же изображаются «речные» братья — сыновья одного отца и в поговорке: «Два брата родные, и оба Ивановичи, да один Дон, а другой Шат (т. е. один дельный, другой шатун. Реки Дон и Шат обе текут из Иван-озера)»⁹. Или: «Был жил слепой старик Двина. У него было два сына: старший — Сож, младший — Днепр»¹⁰. В иных случаях мифологизированные реки, две сестры и брат (Волга, Западная Двина и Днепр), — сироты. Впрочем, это могут быть и совершенно чужие друг другу реки (например, Волхов и Свирь)¹¹.

Возникновение рек в рассматриваемых нарративах осмысляется как перевоплощение в них людей или мифических существ. Так, например, Днепр в олонечких былинах является в виде женщины под именем Непры Королевичны. Непра-река протекла из крови этой героини и Дона Ивановича. Согласно древним представлениям, все новое возникает из чего-то одушевленного. Однако такое перево-

³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Петрозаводск: Карелия, 1989. Т. 1. № 71. С. 392.

⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск: Карелия, 1990. Т. 2. № 122. С. 89.

⁵ К [овальский] И. Н. Кивач // Олонецкие губернские ведомости. 1901. Часть неофициальная. № 95. С. 2. — № 26.

⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. № 205. С. 520.

⁷ К [овальский] И. Н. Кивач. С. 2. — № 26.

⁸ Зеленецкий А. Г. Народные рассказы и поверья в Чернском уезде // Тульские губернские ведомости. 1852. № 27. Часть неофициальная. С. 298. То же: Москвитянин. 1852. № 19. С. 101—102.

⁹ Даль В. Пословицы русского народа. М.: ГИХЛ, 1957. С. 725.

¹⁰ Боричевский И. П. Народные славянские рассказы. СПб., 1844. С. 183—185.

¹¹ Барсов Е. В. Об олонечких древностях // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 181. — № 24.

площение может произойти лишь при определенных условиях. Важнейшей предпосылкой к превращению человеческого естества в природное явление служит сон. Уснула, прежде чем прийти в движение, например, Суна, которую, согласно народной этимологии, звали прежде не Суна, а Сон-река. Уснула и сестра ее Шуя¹². Мифологема перевоплощения во время сна в дошедших до нас этимологических мифах отчасти уже разрушена. И все же сон как таковой полностью не утрачивает значения перехода, которым стимулируется превращение человеческого естества в природное. Особенно это заметно в былине, где состояние перехода, вызванного сном, подкрепляется переживанием перехода, обусловленного свадебным обрядом. Так, Садко, который засыпает на брачном ложе в подводном царстве, просыпается на берегу реки, но руки, которыми он обнимал морскую царевну, оказываются в воде:

И отвели Садка купца богатого,
 Со своей ли со невестой нареченую,
 И повалился спать Садко купец богатыя,
 И охалил Садко купец богатыи
 Он тую ли невесту нареченую.
 И увидал Садко купец богатыи,
 И увидел он тут, что я в воды лежу,
 В воды лежу я на берегу да во своей реки¹³.

Как пишет В. Я. Пропп, в лице дочерей морского царя персонифицированы реки, в лице же его «невесты» — родная новгородская река Волхов, которая и доставила героя в Новгород¹⁴. Предполагается, что душа во время сна либо обряда перехода (в данном случае — свадьбы), переживая лиминальное («пороговое») состояние, может покинуть свою телесную оболочку и обрести себе другую¹⁵ — на этот раз облик водной стихии.

По некоторым вариантам рассматриваемого мифа, сестры — будущие реки не просто засыпают, но засыпают как мертвые, или засыпают мертвым сном, что, по сути, служит метафорой их смерти. Поскольку сон уже сам по себе приравнивается в народных верованиях к временной смерти, то мертвый сон осмысливается как смерть: «Сон смерти брат. Уснул — помер. Спит человек — не живой. Сонный, что мертвый. Уснешь, что умрешь»¹⁶. Перевоплощение же людей в реки, обусловленное гибелью героев, наглядно изображается в былине о Дунае:

¹² К [овальский] И. Н. Кивач. С. 2. — № 26.

¹³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3-х т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. Т. 2. № 174. С. 658.

¹⁴ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М.: ГИХЛ, 1958. С. 107.

¹⁵ Криничная Н. А. Мифологема перевоплощения персонажей в карельских эпических песнях: предпосылки, ситуации, образы // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 118—128.

¹⁶ Даль В. Пословицы русского народа. С. 518.

Где пала Дунаева головушка,
Протекала речка Дунай река,
А где пала Настасьина головушка,
Протекала речка Настасья река¹⁷.

Ослабленной формой подобной мотивировки перевоплощения является смертельная опасность, исходящая от антагониста. Так, в сказке царевна, спасаясь от погони, «оборотила» себя и мужа в реку и дерево, стоящее у той реки¹⁸.

Если изначально сон/смерть служит выражением пред-бытия рек, то в позднейшей традиции это лишь предпосылка к перемене в их существовании. В своем архаическом виде подобная мифологема сохранена былиной. В поздних же по времени записи этиологических рассказах она уже трансформирована. Теперь реки впадают в сон, потому что в пути они устали. Или же сон/смерть оказывается промежуточным звеном между различными этапами их жизненного цикла. Данная мифологема нередко завуалирована, обытовлена, а то и вовсе отсутствует. Пробуждение же символизирует начало жизни либо возвращение к ней, возрождение, обновление. Пробуждение рек представлено как старт, с которого начинается их стремительный бег — состязание за право быть первой и старшей. [Не случайно в «Ригведе» (Х. 75.9) движение Синдху (*síndhu* букв. «река») — пом. рг. реки Инд с притоками сравнивается с состязанием колесниц на ристалище¹⁹.] Иными словами, покой сменяется движением, а с движения начинается жизнь: «Ночью встала Вазуза потихоньку, убежала от Волги, выбрала себе дорогу и прямее и ближе и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует»²⁰. Характерно, что движение, связанное с рождением/пробуждением, начинается именно ночью, ассоциируемой с тьмой как проявлением хаоса. Мотив движения сохраняется даже в тех мифах (например, о Свири и Волхове), где мотивы сна и пробуждения отсутствуют. Соответственно река, которая вышла в путь одновременно с соперницей или даже позже ее, но пришла к назначенному месту первой, и была признана лучшей и старшей.

Движение — основной признак реки и по языковым материалам. Не случайно в русском языке словом, родственным лексеме *река*, служит глагол «ринуться», в древнеиндийском — таковыми являются слова со значением «двигается, начинает течь» и отглагольные существительные «ток, бег»²¹. (Кстати, в древнеиндийском языке с понятием «течь, струиться» связано и понятие «вода»²².) В качестве бегу-

¹⁷ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. № 94. С. 191.

¹⁸ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 2. № 220. С. 181.

¹⁹ Ригведа. Мандалы IX—X / Изд. подгот. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. С. 211, 477, 555.

²⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. № 94. С. 139. — № 27.

²¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М.: Прогресс, 1987. Т. III. С. 464.

²² Белецкий А. А. Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 20.

щего мифического существа, которое не имеет ни рук, ни ног, ни тела, ни костей и не оставляет за собой следов, изображена река в загадках: «Течет, течет — не вытечет, бежит, бежит — не выбежит»; «Ходит без ног, рукава без рук, уста без речи»; «Кружится, вертится, только берега держится» и др.²³ Как видим, река не только устремляется вперед, но и совершает круговые движения. Вращение же само по себе, круговращение, движение по кругу, по словам Г. Вирта, является «этическим Основанием Вселенной всего бытия»²⁴.

Мотивировки движения рек могут быть разные. И важнейшей из них является соперничество: «кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почета». И потому скорость их течения-бега стимулирована желанием каждой из них превзойти другую. Движение реки, которая обгоняет соперницу, превосходя ее по силе, осуществляется с минимальной затратой времени для преодоления максимально большого пространства. И потому вышедшая позже река чаще обгоняет свою соперницу, тайком убежавшую от нее раньше.

Другой мотивировкой быстрого бега реки служит погоня. Так, река Свирь, явившись на свет «маленьким зайчиком», спасается от преследующего ее волка²⁵. (Это редкий случай, когда река имеет изначально не антропоморфный, а зооморфный облик, который предшествует антропоморфному в качестве более архаичного.)

Течение реки уже само по себе символизирует время. Время, со своей стороны, устойчиво связано с понятием «течение», осмысляясь тем самым как динамичное время: ср. с выражением «много воды утекло». И потому преодоление пространства нередко выражено посредством темпоральных категорий. Так, река Свирь, родившись ночью (а с ночью связаны представления о севере) и ориентируясь по месяцу, направляет свой бег на полдень, т. е. на юг. По другой версии, она «всё берет на полдень да на полночь»²⁶, иными словами, растекается в разные стороны, вверх и вниз. В этом плане река Свирь уподобляется реке Нилу, которая, согласно Геродоту (2.28), течет и на север, и на юг.

Посредством заклинания, вкрапленного в канву как этиологического мифа, так и былины, река может стать вечно текущей: «Богатей и тучней до конца веков!»²⁷. Или: «Тут протеки матушка Дунай-река // От ныне и до века»²⁸. Этот образ, по словам В. Я. Проппа, есть не только образ времени, но и бессмертия²⁹. Не случайно и в «Ригведе» реки неоднократно называются бессмертными (I. 62. 10).

²³ Загадки / Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л.: Наука, 1968. № 462, 469, 476. С. 29.

²⁴ Вирт Г. Священный год // Конец света (эсхатология и традиция) / Сост. А. Дугин. М.: Арктогея, 1997. С. 177.

²⁵ Минорский П. Река Свирь и ее значение в Олонецком крае. С. 522. — № 23.

²⁶ Там же; Барсов Е. В. Об олонецких древностях. С. 180—181. — № 23.

²⁷ Боричевский И. П. Народные славянские рассказы. С. 183.

²⁸ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. № 139. С. 421.

²⁹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 154.

Вслед за движением главной реки региона, символически переосмысленной, в этиологических мифах разворачивается и пространство. Не случайно, согласно поговорке, «без реки нет земли». Реки бегут от своих истоков до самого устья — моря/озера, в которое и впадают. Они пересекают пространство с севера на юг, преодолевают, казалось бы, непреодолимые преграды. Так, например, река Днепр прорезает высокие горы, пробирается сквозь дремучие леса, продвигаясь по тучным лугам. Перевоссоздавая мироздание, разливаясь широко и глубоко, она «протекает города, омывает села без счету»³⁰. Река, которая течет от верховья (верхний мир) до низовья (нижний мир) через пространство, населенное людьми (средний мир), осмысливается как космическая река, выступающая в качестве некоего «стержня» Вселенной, мирового пути. Ее составной, видимой, частью либо ее земным воплощением является мифологизированная реальная главная река данного региона³¹. Представленная в горизонтальной плоскости вертикальная модель Вселенной, по сути, эквивалентна ее трехъярусной модели. Напомним, что в древнеиндийском эпосе река Ганга (олицетворение реки Ганг) нисходит с небес на землю (Махабхарата. III; Рама-на. I. 44—45). Причем в «Ригведе» (X.75) реки изображаются как женские божества.

Приведя себя в действие, в состояние движения, мифологизированная река осуществляет идею творения, возникновения, изменения: «Движение, реальное и метафорическое, актуализирует модель мира, обеспечивает ее функционирование во времени и в пространстве»³².

Характер и качество творения зависят от особенностей демиурга, роль которого в нашем случае исполняют реки. Так, например, спокойное течение рек-сестер Суны и Шуи, которые на каком-то этапе прокладывают себе дорогу-судьбу, находясь рядом и неразлучно, сменяется их раздельным и бурным (особенно со стороны Шуи) течением. Так или иначе коллизия противостояния соперничающих рек оказывается сюжетообразующей. Творение мироздания, согласно этиологическим мифам, обусловлено борьбой противоположностей. Ее характер определяют бинарные оппозиции, или дуальные модели: простодушие — хитрость, доверчивость — коварство, верность — измена и т. д. Иначе говоря, и в данном случае сотворением мироздания управляют положительное и отрицательное начала, достигшие своей поляризации. При этом реки-демиурги изображаются, подобно людям, со своей судьбой, нравом, настроением, чувствами. У персонифицированных рек возникают житейские коллизии, сходные с человеческими. Эти обстоятельства сказываются на характере их самосозидания: на быстроте течения, на поворотах-излучинах, на очертаниях берегов и русла, на особенностях прибрежного ландшафта, на возникновении притоков, рукавов, порогов и т. п. Усиление

³⁰ Боричевский И. П. Народные славянские рассказы. С. 183.

³¹ Топоров В. Н. Река // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 374.

³² Невская Л. Г., Николаева Т. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В. Концепт пути в фольклорной модели мира (от Балтии до Балкан) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1998. С. 442.

той или иной части оппозиции влечет за собой изменение речного пейзажа в ту либо другую сторону.

Стихийное течение рек осмысляется в этиологических мифах как осознанное движение, подчиненное практическому смыслу, подкрепленному эмоциями.

Река Волхов, струящаяся впереди Свири и превосходящая ее по силе, соответственно и прибегает к финишу первой — «раньше Свири тремя часами и тремя минутами»³³. В гневе на свою соперницу Волхов рвет землю, сдвигает камни, пробивается сквозь горы, как бы создавая/перевоссоздавая мир. Однако проявление могущественной силы не всегда дает ожидаемый результат. Так, например, река Суна в погоне за своей сестрой-беглянкой, чтобы не сворачивать в сторону, столь неистово рвала гранитные скалы, что создала на своем пути водопады Гирвас, Порпорог и Кивач. В конце концов она была до того измучена, что отказалась от надежды отыскать свою сестру Шую³⁴. Согласно другому мифу, даже выбор более прямой и более короткой дороги, которую тайком захватила река Вазуза, не приносит ей ожидаемой победы над Волгой³⁵. То же, по другой версии, происходит и с Волгой, Западной Двиной — сестрами Днепра. Оставшись сиротами, претерпевая нужду и лишения, они задумали пойти по белу свету в поисках лучшей доли — найти такие места, где можно было б вольготно разлиться большими реками. Но сестры, когда брат уснул, захватили, нарушив уговор, самые лучшие, отлогие местности. Проснувшись, разгневанный Днепр понесся в погоню за ними «широким потоком по рвам и буеракам». Испуганные сестры уступили ему дорогу.

Кроме того, течение рек, по этиологическим мифам, может зависеть от удела, который выпадает на долю каждой из них. Например, старый слепой отец (слепота — знак хтонического существа) наделяет одну из дочерей, Волгу, красивыми местами, селениями и городами. Другой же дочери, Соже, он дает «лучшие места». В удел непокорному сыну Днепру достается то, что осталось, — мхи и болота. Прослышав об этом, Днепр решает исправить положение в свою пользу. Он бежит что есть мочи, разрывая горы, изгибаясь коленами. В результате Днепр захватывает земли, предназначенные для его сестры Сожи. И той пришлось довольствоваться мхами и болотами, от которых отказался брат³⁶. По другой версии, слепой старик Двина благословил своего сына Днепра за его кротость разлиться «рекою широкою и глубокою» «по тучным лугам и дремучим лесам» через города и села до синего моря. И теперь уже Сож (он «был буйного нрава, таскался по лесам, горам и полям») помчался в погоню за братом «скрытыми путями, непроходимыми темными лесами». Он размывал болота, прорезал овраги, вырывал, подобно буре, дубы с корнями³⁷. И хотя попытка Сожа опередить Днепр оказалась тщетной, все

³³ Барсов Е. В. Об олонечких древностях. С. 181. — № 24.

³⁴ К [овальский] И. Н. Кивач. С. 2. — № 26.

³⁵ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. № 94. С. 139. — № 27.

³⁶ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 238—239 (Этногр. бюро кн. В. Н. Тенишева).

³⁷ Боричевский И. П. Народные славянские рассказы. С. 183—185.

же ему удалось проявить себя в качестве демиурга: его буйный нрав сказался на характере ландшафта.

На этот раз распределение местностей, где предстоит протекать главным рекам региона, обусловлено в мифах социальными отношениями. Раздел имущества, в качестве которого здесь представлены просторы земли, играет в мироустройстве не последнюю роль. Лучшие уделы в основном достаются рекам, в которых больше движения, а значит, и жизненной силы, способной благотворно воздействовать на окружающее пространство и социум. Более могущественные реки в некоторых вариантах рассматриваемого этиологического мифа изображаются волосатыми, поскольку волосатые, по народным поверьям, всегда счастливые. Слабые же реки пытаются имитировать свою волосатость посредством пакли. Ведь изначально река, которая выиграла первенство, не просто протекает по «лучшим» землям. В силу своей мощи она сама наделяет богатством людей, источает обилие на земли, где она пробегает. Характерно, что в «Ригведе» река Синдху (Инд), распространяя свои воды по просторам и пространствам, служит средоточием/источником всяческих благ:

Синдху, богатая прекрасными конями, прекрасными
колесницами, прекрасными одеждами.
Полная золота, прекрасно созданная, богатая наградами;
Богата шерстью (эта) юница, богата (растением) силама...

Ригведа. Х. 75. 8

В этиологических мифах объясняется также изменение рекой своего основного направления. Так, например, река Свирь, которая «явилась на свет маленьким зайчиком», спасаясь от преследования волков, «бросилась вправо и ушла в Невозеро», тогда как намеревалась донести свои воды в Ильмень-озеро³⁸. (Кстати, в былинах Ильмень-озеро может отождествляться с морским царем либо олицетворяться в образе доброго молодца — брата Волги³⁹.)

Реки меняют направление своего движения и по иным причинам. В одном из этиологических мифов сестры, Волга и Двина, испугавшись гнева догоняющего их брата, Днепра, разбежались в разные стороны. Поэтому у Днепра много рукавов и порогов. Подобный эпизод характерен и для эпических песен, где он, однако, имеет другую мотивировку и развязку:

И с-под зтого с-под местечка
Протекали две реченьки быстрых,
И на две струечки оны расходились,
И оше оны вместо сходились⁴⁰.

³⁸ Барсов Е. В. Об олонечких древностях. С. 180—181. — № 23.

³⁹ См.: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. М.: Индрик, 1994. Т. 2. С. 229.

⁴⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. № 9. С. 143.

Или:

Одна в сторону река, друга в другую,
И в одно место оны стекались⁴¹.

Отдаленно это напоминает древнегреческий миф, где Алфей, бог одноименной реки, или охотник, обернувшись рекой, соединяет свои воды с источником, в который превратилась нимфа или охотница Аретуса (Овидий. *Метаморфозы*. V. 572—642; Павсаний. *Описание Эллады*. V. 7, 2).

Сознательными действиями олицетворенных рек объясняется и происхождение их притоков. По словам рассказчиков, река Вазуза, украдкой убежавшая от Волги, чтобы захватить первенство, изрядно напугалась, когда ее догнала разгневанная соперница. В страхе она назвалась меньшей сестрой и просила Волгу донести ее на руках к Хвалынскому (Каспийскому) морю⁴². Как утрату рекой самостоятельного русла объясняют рассказчики происхождение данного притока Волги. То же известно о реке Десне, которая вынуждена была примкнуть устьем к быстрому Днепру, поскольку тот, опередив ее, впал в море⁴³. Долго сопротивлялась слиянию своих вод с водами Волги и река Кама.

Аналогичный мотив связан и с Сожем: в погоне за своим младшим братом, Днепром, он ныряет под землю, чтобы сократить себе путь. Сож рассчитывал, опередив брата, выскочить наверх, ему наперерез. Однако намерениям Сожа не суждено было осуществиться: вынырнув из-под земли, он «со всего размаху впал в днепровские воды»⁴⁴. Его постигла та же участь, что и Вазузу. Сож также остался без собственного русла. Несколько иное произошло с Доном. Нырнув в синее море да выскочив слишком рано, он так там и остался⁴⁵. И потому Дон не продолжает своего течения на другом берегу моря (как будто у него не было возможности попытаться вынырнуть в нужном месте во второй раз). И в том и в другом случае виноват был ворон, который, перелетев на другую сторону реки/моря, должен был каркнуть и таким способом дать знак, когда нырнувшей реке следует подниматься из воды. Но ворон в силу тех или иных обстоятельств каркнул слишком рано — и обе реки, выскочив на поверхность, остались там, куда они нырнули. В образе вороны — помощника мифологизированной реки — проявляется одна из разновидностей зооморфного творца мира, равно как и самой реки.

Развязка коллизии, основанной на состязании рек, может быть различной. Побежденная река признает первенство победившей. Причем, по одной версии, она назвалась младшей сестрой реки, выигравшей состязание. По другой версии, где соперничающие реки представлены в качестве мужских персонажей, они побратались между собой и стали жить в согласии. И та и другая коллизия символизируют

⁴¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. № 84. С. 430.

⁴² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. № 94. С. 139. — № 27.

⁴³ *Москвитянин*. 1846. № 11—12. С. 154.

⁴⁴ *Боричевский И. П.* Народные славянские рассказы. С. 185.

⁴⁵ *Зеленецкий А. Г.* Народные рассказы и поверья в Чернском уезде. С. 298.

ет значение данной реки в определенном регионе. Лишь в редких этиологических мифах реки разлучаются навсегда, и каждая из них живет в дальнейшем своей самостоятельной жизнью.

Таким образом, рассматриваемые этиологические мифы объясняют происхождение сакрализованных особенностей речного ландшафта. Его определяют течение реки, направление движения, очертания русла и берегов, наличие притоков, рукавов, порогов. В этих нарративах заключены мифопоэтические представления о дороге-судьбе реки от истоков — рождения до устья — завершения жизненного пути. Однако, поскольку в качестве переходных обрядов смерть отождествляется со свадьбой, мотив впадения реки в море может осмысляться и как свадьба: «Шат шатался с глупу да упал в Упу, а Дон покатился в поле да женился на море»⁴⁶.

В характерных признаках рек и прибрежного ландшафта первобытное сознание усматривало следы осознанной и одновременно стихийной деятельности персонифицированных и одухотворенных рек, в значительной мере взявших на себя функции демиурга. И потому динамическая картина самоопределения рек осмысляется как неотъемлемая составляющая космогенеза.

Мы же видим здесь истоки олицетворения, которое, развившись в поэтический троп, дало мощный импульс для создания образа живой реки, столь прочно вошедшего в литературное творчество:

Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.

М. Ю. Лермонтов. Дары Терека

⁴⁶ Зеленецкий А. Г. Народные рассказы и поверья в Чернском уезде. С. 292.

Природные катаклизмы

До того, как я тридцать лет изучал дзэн, я видел горы как горы и реки как реки. Затем, когда я приблизился к пониманию, я научился видеть, что горы — это не горы, а реки — это не реки. Но теперь, когда я постиг саму суть, я спокоен. Просто я снова вижу, что горы — это горы, а реки — это реки.

Чинь Юань

В этиологических рассказах природные катаклизмы осмысляются как результат противоборства между собой неких мифических сил либо противоборства между этими силами и людьми.

Если в архаических нарративах соперничающими между собой являются сами реки¹, то в последующих бывальщинах противостоящими друг другу изображаются их духи-«хозяева», в разной степени выделившиеся из своего озерного или речного фона. Развитие сюжета в подобных случаях обусловлено регулирующей функцией противоположностей, сущность которой определена, в частности, К. Г. Юнгом: «<...> все основывается на внутренней противоположности, ибо все есть энергетический феномен. Энергия же необходимым образом основывается на некоторой предшествующей противоположности, без которой не может быть никакой энергии». Причем, по мнению психоаналитика, всегда должны быть налицо те или иные противоположности, «чтобы мог состояться процесс выравнивания, который и представляет собой энергия»².

Подобный принцип расстановки мифологических персонажей актуализируется, например, в нарративах, связанных с переустройством/переделом и восстановлением уже сотворенного мира. В нем участвуют как духи-«хозяева» водоемов, так и люди.

Водяные-картежники. К данному циклу относится прежде всего этиологический рассказ о водяных-картежниках (он неоднократно публиковался в XIX в.)³. Причем водяные-картежники функционально тождественны лешим-картежникам. В различных локальных традициях соперниками могут быть изображены «хозяева» местных близлежащих водоемов или лесов. Символом проти-

¹ Криничная Н. А. Соперничество рек как импульс к преобразованию ландшафта и социума (по материалам этиологических мифов) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия «Гуманитарные исследования». 2012. Вып. 3. С. 50—56.

² Юнг К. Г. Психология бессознательного / Пер. с нем. М.: Изд-во «АСТ—ЛТД», «Канон+», 1998. С. 78, 82.

³ Беседников П. Куштозерский приход и озеро Куштозеро // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 68. Часть неофициальная. С. 768; Дашков В. А. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб.: Тип. Министрства внутренних дел, 1842. С. 218.

воборства мифологических персонажей служит азартная игра в карты, кости и вообще во всякие игры, приравненные по своему назначению к бросанию жребия, что связано с гаданием/предопределением.

В народных воззрениях победа одного из соперников и поражение другого обычно служит знаком сверхъестественного волеизъявления. «К жребию можно обращаться только с большим благоговением, потому что расположение жребия исходит непосредственно от бога <...>. Жребий, как утверждают, есть дело особенного и непосредственного усмотрения божия; это — священный оракул, божественное суждение или приговор», — так определяет сущность средневековых суеверий священник Томас Гетэкер в своем трактате «О свойствах и употреблении жребиев» (1619 г.)⁴. И потому молитва, предворяющая то или иное состязание, по древним верованиям, должна была стимулировать участие божественной воли в его исходе.

Однако в нашем случае результат соперничества зависит не от стороннего волеизъявления, а от жизненной силы, физической и магической, непосредственных участников азартной игры. Так, например, согласно одному из мифологических рассказов, возможности противостоящих друг другу Онежского и Куштозерского водяных царей изначально не равны. Если первый из них владеет обширным водоемом, имеет больше «достатков» и лучше знает правила игры, то второй — хозяин небольшого озера (оно находится в 44 км от Вытегры, его площадь составляет немногим более трех квадратных километров; это самое большое из периодически исчезающих озер Вологодчины). Куштозерский водяной незнаком со всеми хитростями — и потому он едва ли не всякий раз обречен на проигрыш Онежскому царю⁵.

Несколько иная расстановка сил у леших-картежников, например, Семенковского и Заречного (по другому варианту — Семенковского и Звонковского). У обоих «хозяев» равные возможности. Победа каждого из них происходит попеременно, что соответствует древним представлениям о динамическом равновесии полярных друг другу составляющих мироздания, которые в данном мифологическом рассказе персонифицируются. В столь причудливых формах первобытным мышлением осваивалось абстрактное понятие, которое впоследствии найдет свое выражение в «теории вероятности».

После каждого выигрыша/проигрыша происходит процесс выравнивания противоположностей, определяемых оппозициями: *могущественный — слабый, богатый — бедный, свободный — подневольный* и т. д. В силу синергетической обусловленности каждый из членов бинарных оппозиций стремится выйти за пределы собственного полюса. Куштозерский водяной царь, который проигрывает одно за другим деньги, воду, рыбу и, наконец, самого себя, чтобы откупиться, вынужден уйти на заработки к своему могущественному соседу-победителю. Однако в этом

⁴ Цит. по: Тэйлор Э. Первобытная культура / Пер. с англ. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939. С. 47—48.

⁵ Беседников П. Куштозерский приход и озеро Куштозеро. С. 768. — № 29.

закабалении есть потенциал вызволения. Отработав долг, он возвращается в свое владение. И в очередной раз равновесие в мироздании восстанавливается.

Характерно, что в рассматриваемом сюжете каждый из духов-«хозяев» водной или лесной стихии еще до конца не выделяется из своего природного «контекста». Поэтому с победой/поражением одного из игроков происходят соответствующие изменения и в связанной с ним стихии. С уходом проигравшего водяного царя вместе с ним из Куштозера исчезают и вода, и рыба. Возвращаясь же в свое владение, «хозяин» приводит с собой обратно и то и другое. Вместе с тем проигранные вода и рыба, как и сам проигравший, на определенный период становятся собственностью победителя. Иногда периодический уход воды из озера влечет за собой и социальные катаклизмы: голод, пожар, войны. Подтверждением этого служат рассказы крестьян о Койгушском озере, зафиксированные в начале XX в. в Новгородской губ.⁶ (это озеро, как и Куштозеро, имеет карстовую природу).

Аналогичная коллизия связана и с лешими-картежниками: «<...> как за рекой появится [дичь] — значит, выиграл в карты Заречный дичь, а если в Семеново дичь появится — значит, Семеновский, вот»⁷. Из сказанного следует, что водяной/леший в данном случае продолжает оставаться персонифицированным воплощением вод/лесов, равно как и средоточием обилия рыбы/дичи, образ которого сформировался в рамках тотемистических воззрений.

Мифологический рассказ о водяных-картежниках имеет этиологический характер. В нем содержится наивное объяснение непонятных природных явлений — время от времени случающегося пересыхания водоема с последующим возвращением его к прежнему полноводью. И в самом деле Куштозеро иной раз пересыхало настолько, что местные крестьяне могли в течение двух лет спокойно засеивать яровыми дно безводного озера и получать урожай, который отличался от «хлеба», посеянного «на земле горной». Здесь подспудно сохраняются представления о верхнем (в данном контексте это мир, где живут люди) и нижнем мире (обиталище мифических существ). Со временем при обследовании Куштозера выяснилось, что его вода в силу определенных причин через отверстие в карстовых воронках на какой-то период уходила в Онего. Когда же построили плотину, озеро перестало высыхать⁸. Следуя фольклорно-мифологической логике, нетрудно догадаться, что с тех пор его «хозяин» больше не проигрывал в карты свое владение.

Что касается леших-картежников, то связанная с ними коллизия обусловлена иными естественными причинами: дичь появляется в том лесу, где много березовых шишек. Если же таковых здесь нет, ей приходится довольствоваться «вересковыми ягодами», переключаясь в другой лес. Архаическое сознание персонифици-

⁶ Колмогоров А. Озера Тихвинского уезда // Землеведение. 1907. Т. 14. Кн. 3—4. С. 15—16.

⁷ Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. № 72. С. 209—210.

⁸ Беседников П. Куштозерский приход и озеро Куштозеро. С. 766—768.

ровало смену природных явлений в рамках бинарных оппозиций, выработанных бытующей традицией.

Противостояние водяных. В рассматриваемых бывальщинах обозначена и иная версия данной коллизии, сущность которой определяется мотивом борьбы духов-«хозяев» воды за свое жизненное пространство. Основу этого мотива составляет оппозиция *свой — чужой*: чужой, более могущественный, водяной захватывает озеро, принадлежащее своему, более слабому, водяному. Об этом свидетельствуют достаточно типичные сетования пострадавшего: «<...> тутешние совсем было выжили меня из своего жилища — они выселились из соседнего озера»⁹ (Олонецкая губ.). Или: «Я здешний омутник <...>, забрался в мой омут чужой омутник: житья мне нет от него»¹⁰ (Новгородская губ.). При этом «хозяева» водоемов уже заметно выделены из своей природной стихии. Они, как правило, персонифицированы и в той или иной мере антропоморфизированы. И все же элементы их прежнего синкретизма со средой обитания продолжают удерживаться в традиции. Так, например, в облике вала, надвигающегося на берег, появляется омутник, который, однако, для вступления в контакт с людьми может предстать и в образе старичка.

Со стороны потерпевшего предпринимаются действенные меры, чтобы восстановить нарушенное в мироздании равновесие, преодолеть вторгшийся в него хаос. Лихому водяному противостоит не столько пострадавший от него собрат, сколько люди, пришедшие на помощь «хозяину» своего озера. Способы, посредством которых изгоняется лихой водяной, зависят от статуса избавителя (-ей). Так, например, священник использует для этой цели крест. Данный атрибут христианства отождествляется с очистительным огнем, испепеляющим всякого рода нечисть. Достигнув самой середины озера, где, по народным верованиям, в определенный момент осуществляется связь между мирами, он выпускает из рук крест. Такая мера оказывается действенной: «<...> вдруг поднялся рык, шум и визг: загорелось все водяное царство и сгорело дотла. Разбежались все тамошние жители»¹¹. Подобный эпизод мог бы трактоваться как борьба христианства с язычеством, если б она не велась в пользу такого же «языческого» существа, как и его антагонист. К тому же взятый священником под защиту водяной уже негативно переосмыслен: это «лембой», т. е. черт.

Согласно другому (новгородскому) варианту, действенной в аналогичном случае оказывается и длинная толстая палка, дубинка, приравненная к магическому жезлу. С помощью этого «стяжья» мужикам удастся преодолеть кризисную ситуацию: изгнать из озера чужого омутника, восстановить в правах своего. Все возвра-

⁹ Барсов Е. В. Северные сказания о лембох и удельниках // Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 13. Вып. 1. Труды этнографического отдела. 1874. Кн. 3. Вып. 1. С. 90. — № 32.

¹⁰ Перетц В. Н. Деревня Будогоща и ее предания // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 9. — № 33.

¹¹ Барсов Е. В. Северные сказания о лембох и удельниках. С. 90. — № 32.

щается на свои места. Правильное течение бытия восстановлено, и вместо сгоревшего водяного царства будет построено новое. Спасители вознаграждены: им даруется безопасность на воде, что оценивается выше золота-серебра. Водяной (лембой, омутник) навек становится чудесным помощником своих избавителей (священника, мужиков).

Противостояние водяного и человека. В другом мифологическом рассказе необходимость изгнания лихого водяного обосновывается его негативным воздействием на течение крестьянского бытия. Такой водяной под влиянием христианских воззрений трансформировался в пришлую нечистую силу, а озеро, где эта нечисть поселилась, стало именоваться Чертовым¹². Подобное мифическое существо осмысливается в качестве первопричины негативных проявлений водоема. Признаки вторгшегося в мироздание хаоса, с точки зрения носителей традиции, налицо. С озером творится нечто неладное: на нем стали появляться «сполохи», т. е. сияние, мерцание; в тихую погоду ни с того ни с сего поднимаются волны; на спокойных водах озера вдруг начинают качаться два островка; вода кружится, все озеро волнуется. Рыба, которая в ясные солнечные дни резво плещется на всем озере у поверхности вод, больше не ловится. Она куда-то теряется, а то и вовсе исчезает. Отныне в озере тонет все живое: домашний скот и куры, даже кошки и собаки. Если водяному вздумается оседлать быка, корову или лошадь, то они либо на берегу завязнут, либо в озере утонут. Тонут и люди, которые осмелятся здесь искупаться. Какая-то сила втягивает их в воду. Или мифический «хозяин» увлекает человека в глубь омута, на самое дно, схватив его за ногу. Опасаясь, народ перестал не только брать из того озера воду, но и подходить к нему, даже днем. По проискам этого мифического существа в представлениях крестьян разрушаются плотины и мельницы. Ему же приписываются и всякие другие «пакости и шалости»¹³. Все происходит так, как будто мироздание собирается вновь вернуться к состоянию первобытного хаоса, а тем самым к пред-бытию и до-существованию, предшествующему (и уже в который раз!) новому сотворению мира. При этом сливаются воедино прошлое, настоящее и будущее.

Чтобы предотвратить катастрофу, предпринимаются действенные меры: поднимают иконы, молятся Николаю Угоднику, заказывают водосвятный молебен, окропляют озеро святой водой либо опускают туда крест. Это приносит ожидаемый результат. И все же бегство водяного из озера сопровождается переустройством мироздания: вслед за ним потоками устремляется вода как проявление сущности самого мифического «хозяина». Несмотря на стихийную природу этого персонажа, направление движения, выбранного им для отступления, изображается отчасти как осознанное действие. Водяной не кидается ни в реку Шокшу (на вос-

¹² Георгиевский А. Креснозеро (Легенда) // Олонецкие губернские ведомости. 1904. № 43. Часть неофициальная. С. 3. — № 36; Георгиевский М. Д. Кое-что об олонецких рыбаках // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 42. Часть неофициальная. С. 2. — № 37.

¹³ Георгиевский А. Креснозеро. С. 3. — № 36; Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 87—90. — № 35.

ток), ни в Оранжевое озеро (на север), ни в Гонгинское озеро (по соседству), ни на реку Оять (к югу), потому что в любом случае путь ему преградили бы горы и возвышенности. В конце концов, сориентировавшись по сторонам света, он пустился в реку Шокшу, куда с тех пор «сделался исток» из озера. Однако на этом преобразование окружающего ландшафта не закончилось. С шумом мчась вдаль по реке Шокше, изгнанный водяной зацепился ногой за остров, протащил его за собой верст пять и смог сбросить с ноги лишь посередине своего пути вдоль по реке. Согласно этимологическому мифу, это был Шокшостров. А затем, как предполагают, изгнанник ушел в Ладожское озеро.

С устранением первопричины хаоса мироздание, осмысляемое в рамках ойкумены, восстанавливается. С тех пор, несмотря на большую глубину, в этом озере никто не тонет. Оно вновь изобилует рыбой; только лещи куда-то подевались, их нет до сих пор. Можно предположить, что лещ некогда служил зооморфной ипостасью самого духа-«хозяина» водоема. И потому изгнанием водяного обусловлено исчезновение здесь лещей, с ним традиционно соотнесенных. Знаком-символом восстановления мироздания служит и мельница, построенная на ручье, который прорыл, спасаясь от креста, водяной. Ведь мельница, по сути, — это метафорическая замена колеса, которое, как и круг, символизирует жизнь и судьбу. Мироздание не просто восстанавливается — оно христианизируется. Озеро, из которого посредством креста был изгнан лихой водяной, согласно народной этимологии, стало называться Крестным/Крестозером или Крестнозером/Креснозером, а ручей, прорытый водяной силой, — Крестным. Подобные номинации диаметрально противопоставлены таким названиям, как Чертово озеро либо Чертова канавка, где ранее обитал или куда впоследствии устремился лихой водяной — развенчанный дух-«хозяин» озера. Новое название водоема служит знаком-символом обновленного, христианизированного мироздания.

Если в предыдущей версии человек вступает в противоборство с персонифицированной водной стихией, то в очередном рассказе дело обстоит наоборот. Персонифицированные водные стихии, объединив свои усилия, восстают против деятельности человека в пределах водного пространства.

Предпосылкой данной кризисной ситуации служит вторжение человека в природную среду, не санкционированное ни ритуалом, ни этикетом. На Черном ручье, который впадает в Ильмень-озеро, люди построили мельницу, символизирующую, как уже говорилось, их бытие. При этом они не испросили у персонифицированного ручья разрешения на постройку, не исполнили соответствующего ритуала, и прежде всего обряда жертвоприношения. Тем самым воздвигнутое сооружение не вписалось в систему мироздания. В результате в данном микрокосме нарушилось необходимое для его устойчивости равновесие. Не случайно обитающая в Черном ручье рыба взмолилась к нему с просьбой о своей защите: «Было де нам и просторно и привольно, а теперь лихой человек отнимает у нас воду»¹⁴. Черный ру-

¹⁴ Куприянов И. К. Предание о Черном ручье // Вестник Имп. Русского географического об-ва. СПб., 1853. Ч. 7. Кн. 1. Отд. 8. С. 25—26. — № 38.

чей, как и Ильмень-озеро, с одной стороны, выступает в облике водной стихии, а с другой — они оба антропоморфизируются. Однако даже в человеческой ипостаси Черный ручей сохраняет признаки черной воды: он одет во все черное. В то же время Ильмень-озеро удерживает за собой колористику синей воды; оно узнаваемо в высоком плотном мужике, одетом во все синее: синий кафтан, синие шаровары, синяя шапка. Между Ильмень-озером и Черным ручьем существуют родственные отношения, что служит символическим выражением впадения ручья в озеро. Во всяком случае Ильмень-озеро в этом этиологическом мифе именуется «дядюшкой». К нему-то, в свою очередь, и обращается с жалобой на строителей мельницы Черный ручей. От воли Ильмень-озера как более могущественной по сравнению с ручьем водной стихии зависит судьба этого сооружения, а значит, и человеческого бытия: «„Как ты, мол, прикажешь, так и будет!“ <...> „Не бывало этого прежде, да и не будет!“¹⁵ — таков вердикт всесильного Ильмень-озера, изображаемого в роли блюстителя извечных устоев мироздания. Согласно фольклорно-мифологической логике, постройка возводилась без ритуального согласования с мифическими силами и потому она обречена на разрушение: «И вот разыгрался ночью Черный ручей, разгулялось Ильмень-озеро, поднялась буря — и яростные волны снесли мельницу»¹⁶. Надо полагать, мир находится на грани возвращения к темному бесформенному хаосу, который породил великие воды. В нашем случае знаками-символами беспорядочного хаоса служат буря, волны и, конечно, поток воды, сносящий данную постройку как воплощение человеческого бытия. Порожденный мраком (ночью), подобный хаос, тем не менее, содержит способность к восстановлению упорядоченного мироздания: «В мифах сотворение земли часто начинается с грозы, наводнения или потопа»¹⁷.

Свадьба водяных. Нарушение гармонии между мирами, проявлением которого служат катаклизмы, может и не быть спровоцировано человеком. Согласно древним представлениям, катаклизмы случаются в условиях перехода самих мифических существ из одного состояния в другое, что интерпретируется как их перемещение из одного водоема в другой. Нередко данная коллизия обусловлена достижением очередного этапа в их жизненном цикле, приравненном к человеческому. Переживая период лиминальности, мифические существа оказываются в промежутке между мирами: они ни здесь ни там, но одновременно они и здесь, и там. Состояние равновесия, столь необходимое для стабильности мироздания, на какой-то период утрачивается, что опять-таки влечет за собой проявления некоторых признаков хаоса: вода смешивается с землей (песком и глиной), превращаясь в серую массу. И эта масса находится в бурном движении, сопровождаемом звуком-шумом. Всё это признаки творения, в данном случае — переустройства мироздания.

¹⁵ Куприянов И. К. Предание о Черном ручье. С. 26.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия: Предыстория философии. Л.: Наука, 1971. С. 163—164.

В качестве примера приведем сюжет о женитьбе сына Машезерского водяника на дочери Лососинского водяника. Этот сюжет основан на параллелизме между природными стихиями и мифическими существами. Причем данный параллелизм еще не стал поэтическим тропом, оставаясь в пределах мифологических образов. И тем не менее он уже достаточно обозначен. Как реки вытекают из озер Машезера и Лососинского, так и мифические поезжане жениха и невесты продвигаются по этим рекам в одном направлении. Подобно рекам, которые на половине своего пути-течения сливаются в одну реку — Лососинку, мифические жених и невеста (сын и дочь соседей-водяников) соединяются здесь в общем свадебном поезде. И если Лососинка, соединившая в себе обе реки, впадает в Онежское озеро, то и молодые (персонифицируемые водные стихии) избирают это озеро для совместного житья-бытья. Унося с собой приданое невесты, которое дал своей дочери отец — Лососинский водяник, они увлекают с потоком и прибрежные заводские постройки, и частные домишки вместе с казенным имуществом и людскими пожитками¹⁸. Такова в свете мифологического мировосприятия первопричина наводнения, случившегося в Петрозаводске в 1800 г. Варианты этого сюжета зафиксированы и в других местностях (например, в Вятской, Пермской губ.). Так, наводнение, вызванное рекой Вошермой, произошло якобы оттого, что водяные — участники свадебного поезда, будучи изрядно «хватившими» «через горлышко», не смогли удержать коней, а «тутошним» водяным не удалось противостоять их напору. В результате все мельницы на Вошерме прорвало, а в иных местах и все мосты¹⁹.

Переустройство мироздания, стимулированное свадьбой дочери водяного, изображается и в другом этиологическом мифе. В нем отсутствие сообщения между Кенозером и Водлозером, которое якобы прежде имело место, объясняется разрывом отношений между двумя духами-«хозяевами» соседних озер. Причиной разлада послужило то обстоятельство, что один из них, Кенозерский, посватавшись к дочери Водлозерского «хозяина», получил отказ. Тогда Кенозерский водяной засыпал большими камнями дорогу (надо полагать, водную дорогу — протоку) к обидчику, чтобы никогда с ним больше не встречаться²⁰. Фольклорно-мифологическая логика такова: сообщение между природными объектами длится до тех пор, пока между мифическими существами, их представляющими, поддерживается связь, родственная либо дружеская. Тем самым формирование ландшафта осмысливается как проявление этих отношений. Причем в мифических суще-

¹⁸ Чудинов И. Наводнение в Петрозаводске в 1800 году (Из воспоминаний коренного старожила) // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 21. Часть неофициальная. С. 85. — № 39.

¹⁹ Осокин С. М. Народный быт в Северо-Восточной России: Записки о Малмыжском уезде // Современник. 1856. XI. Смесь. С. 26—27.

²⁰ Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. III. С. 321—322. — № 40.

ствах, причастных к формированию ландшафта, обнаруживаются рудиментарные признаки демиургов.

Другое преобразование связанного с Водлозером ландшафта также имеет обыденную мотивировку. Отдавая свою дочь замуж за Пречистенского водяного, старый Ильинский водяной (названия этих мифических существ в данном случае соответствуют наименованиям здешних храмов) выделил ей в приданое целый остров. Ранее этот остров находился близ реки Илексы, впадающей в Водлозеро. Ведомый петухом, он приплыл к месту нового проживания дочери и остановился неподалеку от Куганаволока, где и теперь стоит. В память о петухе, доставившем этот остров, он, по народным верованиям, был назван Петуньим²¹.

В ином варианте Петуний остров оторвался от другого острова, также расположенного неподалеку от реки Илексы. Предполагалось, что оторванная часть острова присоединится к Куганаволоку, чтобы напоминать молодухе, вышедшей туда замуж, о «родимой сторонущке». Однако в силу определенных обстоятельств, связанных с нарушением запрета, этому замыслу не суждено было осуществиться. Не доплыв полверсты до места назначения, остров, как и в ранее рассмотренном варианте, остановился²². Тем самым в основе творения или переустройства мира лежит не только воля демиурга, в роли которого в данном случае выступают и водяной, и петух, но и действия противостоящих ей сил. Причем сочетание сознательного и стихийного в акте создания/перевоссоздания мира/земли может давать разные конфигурации.

Плавучий остров — символ незавершенности сотворения/переустройства мира, и прежде всего земли. Его стабилизация — знак относительной законченности этого процесса, хотя он может завершиться и вопреки ожидаемым результатам.

Таким образом, любые катаклизмы и изменения водного ландшафта местности в этиологических рассказах осмысляются как результат состязания либо противоборства мифических сил между собой или с людьми. Перевоссоздание/переустройство мира, ограниченного рамками ойкумены, интерпретируется и как перемена состояния/статуса мифических существ. Причем персонификация самих водоемов сосуществует с выделением их духов-«хозяев» из озерного или речного фона.

²¹ Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. С. 322.

²² Б—в Н. Кладовой и Петуний острова на озере Водлозере (Народное предание) // Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 38. Часть неофициальная. С. 695; Научный архив Карельского научного центра РАН. 40. № 4 (первая цифра обозначает номер коллекции, вторая — порядковый номер текста в ней). — Из случайных поступлений. — № 41.

❖ III ❖

Сотворение бытия

«Сидит на камне, волосы чешет...»

Я мысленно обращаюсь к семи дочерям моря, которые делают нити сыновей долгой жизни. <...> пусть семь волн судьбы на меня прольются.

Из ирландского заговора на долгую жизнь

Вопрос об истоках человеческого бытия, как и о сотворении мира, всегда оставался в мифологии одним из самых актуальных. Ответ же на него представлен в севернорусской традиции различными версиями, которые в виде разновременных и разрозненных рудиментов продолжают в ней сохраняться вплоть до наших дней. Их смысл в значительной мере затемнен и раскрывается лишь в процессе исследования. Мифологема сотворения мира уже являлась самостоятельным объектом изучения¹.

В данном разделе впервые рассматривается одна из версий мифологического объяснения истоков бытия. Эта версия определяется коллизией «Сидит на камне, волосы чешет», известной во множестве вариантов. Содержание связанного с ней сюжета, на первый взгляд, незамысловато: некая неидентифицированная мифическая сила либо мифологический антропоморфизированный (преимущественно женский) персонаж поднимается из воды, располагается на камне/острове/острове-камне, расчесывает свои длинные волосы, а затем вновь скрывается в пучинах вод. Обычно этот сюжет принято относить к циклу мифологических рассказов о духах-«хозяевах» воды. Однако на поверку оказывается, что связанные с ним образы и коллизии многослойны и полисемантичны, что в их загадочности скрыта некая символика. Почему опознанная или неопознанная мифическая сила появляется именно из воды? Почему она располагается непременно на камне/острове/острове-камне либо на приравненных к ним рукотворных выступах из воды? Какой смысл имеет расчесывание волос? И наконец, что являют собой сами эти персонажи? Ответы на поставленные вопросы, на наш взгляд, следует искать

¹ Криничная Н. А. Мифологема сотворения мира и ее христианская трансформация (русско-карельские параллели) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Сб. материалов международной научной конференции. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. С. 155—162.

в древнейших представлениях о преодолении первозданного хаоса, о возникновении изначальной земли, о взаимодействии миров, о соотношенности рождения, плодородия и смерти, о предопределении судьбы и т. п. Рассмотрению этих верований, выявленных из мифологических рассказов, и посвящена данная часть работы.

Вопреки расхожему мнению, что мифических существ, связанных с водной стихией, носители традиции видят часто и повсеместно, можно утверждать, что это далеко не так. Образ очевидца происшествия, как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, при попытках его идентификации оказывается неуловимым. Не случайно сведения об этом очевидце, полученные собирателем от рассказчика, имеют обобщенный характер и зачастую выражены неопределенно-личными глаголами: *говорили, рассказывали, видали, верили* и т. д. На этот случай в среде носителей традиции сформировались устойчивые семантические модели: «Я-то не видала. Люди, а люди-то, говорят, видали. Люди-то видали. <...> а только говорят, что видели. Рассказывали, а я-то не видала, не видала, не видала»². Эта формула в мифологических рассказах варьируется, то расширяясь, то сужаясь: «Не видел. Хотя говорят, что видели».

В тех же случаях, когда очевидец происшествия назван, он не всегда конкретизируется: *баба одна, она одна, женщина, мужик тот, ён* и пр. Попытка же конкретизировать такого очевидца сопровождается сомнением, которое выражает информант по поводу достоверности своего собственного показания: «Дуня, кажется, рассказывала»³; «Не знаю. [Осип] сам ли нет видел»⁴. Иначе говоря, это могли быть Дуня или Осип, но могли быть и не они.

Фигуру неопределенности представляет и очевидец, которого нельзя непосредственно спросить о случившемся с ним загадочном происшествии, поскольку ныне он живет не здесь, а где-то в другом месте: «Настасья это видала. Живет она теперь в Петрозаводске»⁵. Или же очевидец столь редко общается с рассказчиком, что переспросить о «случае», с ним приключившемся, оказывается не так просто: «Но только от ёй-то я слышала, она дедушку была крестница. Это моему-то свекру-то»⁶.

К числу очевидцев сверхъестественного происшествия рассказчики относят в первую очередь людей старшего поколения. Нередко к моменту записи быличек их уже и в живых нет: это «мой дедко, отца отец», «его отец», «моей свекрови брат», «вот и бабка Оля, и это Зоина бабушка», «баба Настя», «моей семьи све-

² Научный архив Карельского научного центра РАН (далее — НА КарНЦ РАН). 184. № 64 (первая цифра обозначает номер коллекции, вторая — номер текста в ней). — № 114.

³ Там же. 23. № 534. — № 63.

⁴ Там же. 184. № 64. — № 114.

⁵ Там же. 23. № 454. — № 68.

⁶ Там же. 73. № 114. — № 65. См. также: Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Изд. подгот. В. П. Кузнецова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. № 11. С. 23.

кровка моя» и т. п. Такие люди, по убеждению рассказчиков, в силу своего возраста находились ближе к тому «досюльному» времени, с которым сомкнулось «начало времен», когда хаос лишь начинал претворяться в космос.

Обытовленным выражением подобных представлений служит семантическая формула «Давно это было». Тогда, по мнению рассказчиков, в существование мифической силы верили — и оттого она людям показывалась. Тем более что и старые люди чаще видели сверхъестественных существ еще в детстве или молодости: «А дедушко-то и скажет: „<...> вот я в детстве, лет восемнадцать, поехал сетей там осматривать <...>, дак сидит человек, нагой сидит, и волосы таки чёрны“⁷. Впрочем, и современные рассказчики, от которых нам доводилось записывать былички, бывальщины, поверья, нередко относят подобные видения к своему детству: «Мы ведь маленькие были». При этом мифологическое восприятие со стороны детей может быть стимулировано другими, обычно взрослыми, людьми, которые обращают их внимание на нечто сверхъестественное: «Ребята, а погляди-ко, что на реке-то делается»⁸. Или: «Разбудили нас: „Посмотрите...“⁹. Полусонным состоянием детей обуславливается архетипическое восприятие реальности, что влечет за собой создание/воссоздание в их сознании того или иного галлюцинаторного образа: «А водяную я сама лично видела. Были мы еще маленькими детишками, лет семь нам было. Ходили мы купаться на речку...»¹⁰.

Тем самым формула «Видел я сам» из обихода рассказчиков полностью не исключается. Она всякий раз имеет свои предпосылки и свою мотивировку, которые можно объяснить некими психологическими проекциями, стимулированными, по К. Г. Юнгу, вторжением в сознание архетипов коллективного бессознательного.

Так или иначе, но увидеть мифическое существо человек может, согласно народным верованиям, по достижении лиминального («порогового») состояния. Такое состояние обусловлено переживанием им определенной вехи, поворота, перелома в его жизненном цикле: при переходе от детства к отрочеству (инициации), по достижении брачного возраста, по завершении жизненного цикла либо приближении к его истощенности¹¹.

Вместе с тем видение открывается человеку лишь в условиях сакрального хронотопа. Для этого нужно оказаться в определенный час в определенном месте. Чаще всего человек видит мифическое существо, находясь на берегу, осмысляемом как медиативное пространство между водой и землей, между «тем» и «этим» мирами¹². Еще в большей степени признаками медиативности наделяется наво-

⁷ НА КарНЦ РАН. 134. № 18. — № 85.

⁸ Там же. 23. № 274. — № 77.

⁹ Там же. 150. № 70. — № 166.

¹⁰ Там же. 151. № 32г. — № 64.

¹¹ Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. С. 93—96.

¹² Там же. С. 113—116.

лок — мыс, омываемый с трех сторон водой. Эквивалентом естественному наволоку в мифологических рассказах служит рукотворный выступ — мостки, мост, пристань. Нередко в быличках и бывальщинах эти локусы не называются, но они, судя по функциональным признакам, подразумеваются: *пошла за водой к озеру, пошла подойник мыть, стал лодку отвязывать* и т. д. Впрочем, иногда узреть мифическое существо можно и находясь в избе, не иначе как из окна, которым обеспечивается особого рода сверхвидимость¹³.

Кроме того, человек может увидеть мифическое существо лишь в определенные моменты годового или суточного цикла, и прежде всего на восходе либо на закате солнца: *еще солнышко не выставили, рано поутру, однажды рано утром, по закат солнца, после заката, вечером, в эту ночь, в ночное время* и пр. Вероятность появления видения повышается в предпраздничный день, связанный, например, с храмовыми праздниками: Власьев, Кириков, Макарьев день и др. При совмещении определенных локальных и темпоральных координат и достигается тот самый сакральный хронотоп, при котором происходит «размыкание» миров. И оба континуума, противопоставленные, но соотнесенные друг с другом, оказываются взаимопроницаемыми. Этим обстоятельством и объясняется открывающаяся перед человеком возможность увидеть пришельца из иного континуума, равно как и появление его «здесь».

Согласно быличкам, бывальщинам, поверьям, рассматриваемая мифическая сила/мифическое существо выходит непременно из воды, что служит важнейшим признаком этих персонажей. Такое появление характеризуется глаголами движения, направленного снизу вверх: *выстало, вынырнула, высунулась, выскочила, вышла, поднялась, показалась* и т. п. Вода же в мифологии осмысливается как первоэлемент Вселенной, как первоначало, исходное состояние всего сущего. Эта первоэманация природная стихия отождествляется с первобытным хаосом, бездной, которые предшествовали сотворению мира¹⁴. В этом контексте загадочный персонаж, возникший на поверхности вод, может быть воспринят как демиург, готовый к очередному повторению космогонического акта.

В мифическом существе персонифицируется не только водное, но и земное начало, образ которого имеет тенденцию к расширению. Выйдя из воды, мифическое существо, по одной из версий, располагается на камне. (Подобная локализация наблюдается даже в том случае, когда реального камня в упоминаемом озере вообще нет.) Встречаются мифологические рассказы, где такой камень не за-

¹³ Криничная Н. А. Окно крестьянского жилища: к представлениям о границе и контактной зоне между мирами в севернорусской мифологии // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 135—137.

¹⁴ Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. I. С. 240; Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. С. 76.

креплен ни в том, ни в другом мире, обнаруживаясь при спаде воды и скрываясь при полноводье. Иногда это плавающий камень: он символизирует первый островок земли, которая еще находится в состоянии творения, знаком чего служит его движение. Особый признак камня, где располагается мифическое существо, — его величина: *бо-о-ольшой камень, большущий камень*. Нередко подобный камень, как и земля, изображается *плоским*. Актуализируются представления и о высоком камне. А тот, в свою очередь, отождествляется с горой, включенной в систему космологических воззрений и соотношенной с вертикальной моделью Вселенной¹⁵. Не случайно, согласно лингвистическим изысканиям, понятия «камень» и «небо» в древнейшие времена были между собой связаны¹⁶. Посередине камня, на который усаживается водяное существо, может быть яма/ямка, осмысляемая в мифологическом сознании как вход в иной, нижний, мир, а значит, и как выход из него. Таким образом, при всем внешне обыденном изображении рассматриваемый камень не лишен чудесных признаков.

Особенно это обнаруживается в заговорной традиции, где камень, на котором локализуются мифические водяные существа, оказывается *синим*, являя тем самым свою сакральность. Отличаясь своей канонической устойчивостью, произведения этого жанра сохраняют особую архаичность мировосприятия: «В этом море стоит *синий камень, на синем камне* сидит водяной с водяницей, лешой с лешовицей, сам сотона с сотоною»¹⁷. Или: «В Окияне-море *синий камень*, на этом камне сидит черт с чертовкой, водяник с водяницей, сама сотона [с] сотоною»¹⁸. [Заметим, что включение водяных и леших в один типологический ряд с вредоносными персонажами обусловлено негативным переосмыслением былых языческих божеств под влиянием христианского вероучения.] Синий камень, соотношенный, в частности, с водяными, наделяется магической силой, восстанавливающей, обновляющей, целебной: «С камня серого, с *камня синего*, дай мне водички для раба Божия Ивана»¹⁹. Прилагательное *синий*, согласно этимологическим изысканиям, происходит от глагола *сияти* и обозначает «сияющий, сверкающий, блестящий»²⁰. Им определяется не столько цвет камня, облюбованного мифическими существами, сколько принадлежность его к сакральным локусам. Этот идущий из мифоло-

¹⁵ Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывалыщины и поверья Русского Севера. С. 77.

¹⁶ Белецкий А. А. Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 19—20.

¹⁷ Встану я благословясь: Лечебные и любовные заговоры, записанные в части Архангельской области / Изд. подгот. Ю. И. Смирновым и В. Н. Ильинской. М.: Русский мир, 1992. С. 16.

¹⁸ Там же. С. 14.

¹⁹ Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953—1993 гг. / Под ред. проф. В. П. Аникина. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 66.

²⁰ Савельева Л. В. Русское слово: конец XX века. СПб.: «Logos», 2000. С. 159—160; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М.: Прогресс, 1987. Т. III. С. 624, 629.

гии импульс особенно отчетливо проявляется в творчестве поэтов, подверженных архетипическому мировосприятию:

Уж как на море, на море,
На синем камени,
Нагая краса сидит,
Белые ноги в волне студит,
Зазывает с пути корабельщиков.

И. Бунин. *Морская краса*

Как и всякий другой чудесный камень, этот природно-экзистенциальный объект вписывается в систему космологических воззрений. Приравненный к маленькому клочку суши, который возник в начале творения из первозданного моря-океана, синий камень осмысливается как «зачаток» земли.

Кроме того, исследователями уже давно замечено, что в сказочно-мифологической традиции камень нередко отождествляется с яйцом²¹: в камне — сундук, в сундуке — утица, в утице — яйцо²². В этом свете мифическое существо, локализованное на камне как вместилище яйца, приравнивается к птице (утке), которая это яйцо высиживает. Не случайно русалки нередко превращаются в уток, а утки — в русалок. Доказательством этому утверждению служат, например, два варианта, записанные в Поволжье в разное время в разных местах разными собирателями и от разных рассказчиков: «Видение пропало, а убитой оказалась утка, хотя в русалку стрелял»; «Только шагнул в воду, а там три русалки вместо уток (курсив наш. — Н. К.)»²³. Аналогичные представления наблюдаются и в севернорусской традиции. В одной из бывальщин утке уподобляется некое неопределенного облика водяное существо, которое то поднимет голову, как утка, произнеся вещие слова, то нырнет, а затем опять поднимет голову и опять нырнет²⁴. Случается, что связанные с водой женские персонажи появляются и в облике другой водоплавающей птицы, например, лебедушки²⁵. Свои «утиные» истоки, по одной из многочисленных версий, обнаруживает и водяной. Так, по заветам заонежских крестьян (деревни Воронской Типиницкого прихода, расположенной у Онежского озера), на их берегу никому и никогда не удавалось застрелить утки, потому что эти утки находятся под особым покровительством местного

²¹ Топоров В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mir) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 101—102.

²² Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.): Сб. Н. Е. Ончукова. СПб., 1908 (Зап. Имп. Русского географического об-ва по отд-нию этнографии. Т. XXXIII). № 107. С. 267.

²³ Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост.: К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. С. 93.

²⁴ НА КарНЦ РАН. 151. № 297. — № 127.

²⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Петрозаводск: Карелия, 1991. Т. 3. С. 189—190. — № 185.

водяного²⁶. В редких случаях и сам водяной при появлении людей может превратиться в утку и уплыть восвояси или же иметь перепонки между пальцами, уподобляясь водоплавающей птице.

Яйцо же служит средоточием мироздания (особенно в карельских рунах) или средоточием земли (в славянских загадках). В русской фольклорной традиции яйцо уже трансформировалось в камень, а утка — в женский персонаж, обладающий способностью превращаться в эту птицу. Однако архаический мотив сотворения мира из яйца, снесенного уткой, сохранился в карельских рунах: «Верхняя часть скорлупы / Обернулась верхним небом, / Нижняя часть скорлупы / В твердь земную превратилась, / А белок яйца [той утки] / Солнышком на небе греет, / А желток яйца той утки / Месяцем на небе светит, / А осколки от скорлупки / Стали звездами (курсив наш. — Н. К.) на небе»²⁷. Как мы уже писали, мотив сотворения мира из яйца, снесенного водоплавающей птицей, обнаруживается и в саамском мифе: земля образовалась из травинки, вокруг которой летала уточка, а из снесенных ею яиц возникли деревья, животные, люди. Аналогичный мотив присутствует и в коми мифологии. Возможно, что подобные космологические представления нашли отражение и в традиции создания пластических форм, относящихся к так называемому пермскому звериному стилю. В их числе — птицевидный персонаж, фигурирующий на металлической литой подвеске, датированной VI—VIII вв. Того же ряда и онежский петроглиф в виде водоплавающей птицы со снесенным мировым яйцом и т. д. В русской же фольклорной традиции некогда бытовавший миф о сотворении мира из яйца по мере того, как в него переставали верить, все более удалялся в область художественного вымысла, пока и вовсе не перебазировался в сферу сказки²⁸.

Как отмечает Ю. А. Яворский, с яйцом связаны представления о рождающем, творческом, жизнесозидательном, космогоническом начале. Из яйца образуются не только мир, земля, солнце, но и люди, скот, а подчас и сами божества²⁹. «Космогенез предстает часто как развитие из яйца мирового или близких ему образов», — утверждает В. Н. Топоров³⁰.

²⁶ Этнографические заметки о заонежанах // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 год. Петрозаводск: Изд. Олонецкого губернского статистического комитета, 1866. С. 16.

²⁷ Карело-финский народный эпос / Сост., вступ. статья, перевод, примеч. В. Я. Евсеева: В 2-х кн. М.: «Восточная литература» РАН, 1994. Кн. 2. С. 13—14.

²⁸ Криничная Н. А. Мифологема сотворения мира и ее христианская трансформация (руско-карельские параллели). С. 157—158.

²⁹ Яворский Ю. А. *Omne vivum ex ovo*: К истории сказаний и поверий о яйце. Киев, 1909. С. 10—11, 14. См. также: Волоцкая З. М. Элементы космоса в фольклорной модели мира (на материале славянских загадок) // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 254.

³⁰ Топоров В. Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 8.

Мифическое существо, вышедшее из воды, может расположиться и на небольшом островке. В севернорусских диалектах он называется *клоч*: «Сидит, говорит, там, на озере, на клочке»³¹. Острова в мифологических рассказах могут быть и поменьше, и побольше, и неопределенной величины: «На островушке водяная хозяйка сидит»³²; «<...> ищѣ на Берѣзовы вышла, тут на острову-то, против деревни. Опять сидит, говорит, сидит»³³.

Согласно лингвистическим толкованиям, остров связан с представлениями о земле, окруженной водой, о возвышенном месте — вершине подводной горы, о некоем оазисе среди бесплодного пространства. Соотнесенный с горой, остров также включен в круг космологических представлений. С островом ассоциируется и непрерывное движение вод, которое уже само по себе служит в мифологии знаком-символом творения, что подтверждается и этимологическими разысканиями: «Праслав. *o-strov* „то, что обтекается, речной остров“. От *струя*, *струмень*. Родственно лит. *srava* „течение, кровотечение, менструация“, *prsrava* „ток воды“»³⁴. Неудивительно, что, по древним верованиям, на чудесных островах обитают, помимо душ предков или вообще всех умерших, и души еще не рожденных детей³⁵. [По другой версии, «души детей пребывают в родниках, источниках, озерах, проточной воде»³⁶.] Рассматривая образ мифического острова/камня, И. М. Денисова не исключает, что «исходной для этого образа была ассоциация его с яйцом как наиболее естественным носителем потенциальной жизни»³⁷.

Из сказанного следует, что мифический остров осмысливается как некий живой организм, чудесным образом соотнесенный с мифическим же существом, которое по выходе из воды на нем усаживается. Характерно, что в некоторых севернорусских поверьях подобный топос, по сути, отождествляется с мифическим существом, обнаруживая способность влиять на течение человеческого бытия. Такой остров, к примеру, не терпит «похвальных», т. е. хвастливых, речей: «Если скажешь, что „я вот сегодня схожу недолго“, дак уж скоро не придешь»³⁸. И потому местные жители не советуют с ним шутить, что служит проявлением своего рода топокфрасиса, т. е. персонификации природного объекта. Остров же, локализованный посередине круглого озера, по народным верованиям, вписывается в си-

³¹ НА КарНЦ РАН. 192. № 96. — № 78.

³² Там же. 187. № 173. — № 54.

³³ Там же. 93. № 96. — № 116.

³⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. С. 165.

³⁵ З—ин П. Из области народной демонологии // Руководство для сельских пастырей. 1881. № 43. С. 221.

³⁶ Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. М.: Восточная литература, 1999. С. 53.

³⁷ Денисова И. М. Образы острова и камня в русской фольклорной традиции: поиски семантических истоков // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 88.

³⁸ НА КарНЦ РАН. 73. № 204а.

стему мироздания, воспринимаясь в качестве его центра. Это эмбрион Вселенной, зародыш мира³⁹.

Для полноты представлений о том мифологическом контексте, в котором изображаются вышедшие из воды сверхъестественные существа, напомним, что острова в силу своей изолированности всегда изображаются в фольклоре как иные миры: остров мертвых, остров блаженных, остров изобилия, чудо-остров и пр.⁴⁰ Эти признаки в значительной мере вобрал в себя остров Буян, определяемый в фольклорной традиции как вечный и неисчерпаемый «источник всякой жизни», как средоточие семян, приносимых ветрами с начала весны на землю, и пр. и пр.⁴¹ Заметим при этом, что модель чудесного острова остается в большей или меньшей степени задействованной и для изображения, казалось бы, обычного острова.

Камень и остров в качестве локусов мифических водяных существ взаимозаменяемы и во многих быличках и бывальщинах совмещены. Это камень-остров или остров-камень: «А у нас там остров на Габозере, есть тоже остров, только небольшой остров, ну, такой, поболее стола островочек. И вот у этого островочка есть луда (т. е. каменистая отмель), и на этой луды, говорит, на камнях (а камень-то плоской), и на этом камню сидит женщина»⁴². В других нарративах на острове локализуется камень, отождествляемый с яйцом, которым завершается перечень вложенных друг в друга предметов: «<...> а есь на море на окияне остров, на том острову есь камень, под тым камнем заец, в зайце утка, в утки яйцо»⁴³. Если заяц и утка символизируют различные сферы Вселенной, то яйцо — ее средоточие.

Так или иначе и камень, и остров, и остров-камень — это образ, вырастающий из мифологических представлений об изначальной земле либо ее первом островке, которые окружены первозданными водами и знаменуют собой преодоление первобытного хаоса как исходного состояния бытия⁴⁴. Подобные представления сохраняются даже в библейском сказании: «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды» (Быт. 1. 6). При этом природно-экзистенциальный образ камня, острова, острова-камня осмысливается в мифологической традиции как средоточие Вселенной и жизненных потенций. И. М. Денисова не без оснований рассматривает остров/камень в двух аспектах, связанных с репродуктивной идеей: как *порождающий субъект*, обеспечивающий и поддерживающий круговорот жизни в мире, и

³⁹ Рабинович Е. Г. Середина мира // Мифы народов мира. Т. 2. С. 428.

⁴⁰ Подробнее см.: Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. С. 854—872.

⁴¹ Афанасьев А. Н. Языческие предания об острове Буяне // Временник Императорского общества истории и древностей российских. М., 1851. № 9. С. 1—24; Он же. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. М.: Индрик, 1994. Т. III. С. 271; Денисова И. М. Образы острова и камня в русской фольклорной традиции: поиски семантических истоков. С. 77.

⁴² НА КарНЦ РАН. 134. № 18. — № 85.

⁴³ Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). № 167. С. 419.

⁴⁴ Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 370.

как *объект порождения*, проявляющий черты зародыша, ребенка, рождающегося нового мира⁴⁵.

В подобных мифологических рассказах сиюминутное время уподобляется «началу времен». Локализованный же в реальном физическом пространстве камень/остров приравнивается к первозданной земле. Само же мифическое водяное существо, выходя из вод и усаживаясь на камень, всякий раз дублирует функции изначального творца мира и человеческого бытия, в какой-то мере репрезентирует (но уже в масштабах микрокосма) акт первотворения.

Вместе с тем в нашем случае репродуцирующую роль играют и воды, которые этот камень, остров, остров-камень со всех сторон омывают и из которых этот сакральный топос выступает. И наконец, из их глубин поднимается мифическое существо, чтобы здесь расположиться. Судя по нашим материалам, есть основания полагать, что подобные водные персонажи некогда с первозданными водами и отождествлялись. Их дифференциация, по всей вероятности, происходила по мере формирования представлений об изначальной земле. Теперь для осуществления своего предназначения они стали выходить из вод на камень, остров, камень-остров. Иначе говоря, «воды-мифическое существо» превратились в «воды + мифическое существо». Воды же, как известно, «символизируют совокупность вселенских потенций, они суть *fons et origo* (первопричина, первооснова), хранилище всех возможностей существования; они предваряют любые формы и служат *основой* всего мироздания»⁴⁶. Следовательно, и мифические существа, выходящие из подобных вод, не могут не заключать в себе эти вселенские потенции.

В мифологическом персонаже, который, сидя на камне, расчесывает волосы, нередко (но далеко не всегда) очевидцы происшествия опознают водяного/водяника/водяницу/водяную/хозяйку водяную/хозяйку/русалку. В дошедшей до нас традиции эти персонажи, по сути, не различаются и — соответственно — не дифференцируются: «„Водяники“, говорят; теперь „русалки“, скажут. <...> Ныне то „русалкой“ называют, а то „водяник“»⁴⁷; «По-деревенски воденик, а по-ученому русалка»⁴⁸. Такие суждения не единичны, а значит, и не случайны: «Вот водяная или какая русалка тут или кто? Нонь-то „русалками“ всё зовут, а раньше-то всё, что „водяница“ да „водяница“»⁴⁹. Есть основания полагать, что водяница — это архаическая предшественница, а позднее и женская ипостась водяного либо его «гендерная пара». Русалка же, номинация которой, имея в данном случае книжное происхождение, в севернорусской традиции была долго неизвестной, — это, по сути, все та же водяница. В целом подобные женские персонажи вобрали в себя

⁴⁵ Денисова И. М. Образы острова и камня в русской фольклорной традиции: поиски семантических истоков. С. 84.

⁴⁶ Элиаде М. Образы и символы (эссе о магико-религиозной символике) // Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Избр. соч. / Пер. с франц. М.: Научно-изд. центр «Ладомир», 2000. С. 228.

⁴⁷ НА КарНЦ РАН. 147. № 66. — № 60.

⁴⁸ Там же. 160. № 155. — № 132.

⁴⁹ Там же. 23. № 132. — № 89.

признаки, а возможно, и самую суть неких архаических предшественниц. Неудивительно, что даже в том случае, когда «выставшее» из воды мифическое существо опознано очевидцем и названо, полной уверенности в правомерности подобной идентификации у него нет: «Показалась эта русалка, али водяница, леший знает»⁵⁰. «Показалась ей водяница, или кто его знает»⁵¹. В других вариантах данный персонаж характеризуется в еще большей степени неопределенно: «не то мужик, не то баба», «парень или девка», «сама ли, сам ли», «не то женщина, не то еще кто-то». И даже в тех мифологических рассказах, в которых очевидец происхождения узнает в сидящем на камне существе свою односельчанку, выясняется, что это не она, что это «не такой не простой человек»: «Он идет, подходит к берегу и говорит: „Катерина, — говорит, — Прокопьевна, ты что рано купаешься-то?“ <...> И личность, и рост, и чернота — всё как у этой женщины»⁵². Или: «<...> на камню сидит, волосы распущены, чешет. А была молодуха здесь одна, в деревне. Я думал: „Луша голову чеше“. Она, говорит, бултых в воду, эта водяница»⁵³. В состав данного мифологического образа вошли, помимо всего прочего, представления о духе-двойнике, принявшем облик своей обладательницы. В других случаях так и остается неизвестным, человек это или не человек, а лишь некто похожий на человека. При таком разбросе мнений рассказчики избегают употребления каких бы то ни было номинаций, ограничиваясь местоимениями: *он, она, оно*. Иногда фигурирует *неизвестно кто* или *кто-то*. Для «выражения невыразимого» рассказчики часто обходятся семантической формулой без указания действующего лица: «Сидит на камне, волосы чешет». В ней визуальный облик заменяется неопределенно динамическим абрисом.

И тем не менее в этих представлениях явно преобладает женский персонаж: *водяница, русалка, женщина, девушка, дева, она, ёна* и др. Несмотря на то что эти персонажи причастны к водной стихии, их все же редко можно полностью отнести к духам-«хозяевам» воды в собственном смысле этого слова. Создается впечатление, что некая неопознанная и недифференцированная мифическая сила лишь ассимилирована водяными и русалками, но не являлась таковыми изначально.

Появление мифического существа на островке-камне, определяемом как первоземля, отнюдь не случайно. Здесь надлежит свершиться некоему ритуальному действию, о чем прежде всего свидетельствует неременная нагота этого персонажа. Усаживаясь на камень, мифическое существо, которое только что вышло из воды, тем не менее в первую очередь «плещется, моется», иногда с мылом (розовым мылом), моет ноги, купается. Акт омовения, соотносимый с представлениями о воде как о первоначале, согласно древним воззрениям, возвращает рассматриваемый персонаж к исходной чистоте. Посредством ритуального омовения им всякий раз

⁵⁰ НА КарНЦ РАН. 93. № 96. — № 116.

⁵¹ Там же. 23. № 454. — № 68.

⁵² Там же. 133. № 93. — № 45. См. также: Памятники русского фольклора Водлозерья... № 19. С. 27.

⁵³ НА КарНЦ РАН. 23. № 404. — № 90.

обретаются некие первозданные свойства, достигается возрождение⁵⁴: «Прикосновенность к воде всегда влечет за собой регенерацию: с одной стороны, потому что растворение сопровождается новым рождением, а с другой — поскольку погружение оплодотворяет и приумножает жизненный потенциал»⁵⁵.

Приумножив этот потенциал, мифическое существо приступает к манипуляциям со своими волосами. Волосы же — средоточие жизненной силы, или души, их обладателя. Они всегда распущены, что служит знаком ничем не ограничиваемых проявлений их жизненной, и прежде всего магической, силы. Распущенные волосы имеют в обряде то же магическое назначение, что и развязанные узлы, открытые двери и ворота, отпертые замки. Напомним, с распущенными волосами отправляются на Лысую гору ведьмы, с распущенными же волосами приступают к магическим действиям колдуны. Это предписание основывается на древних представлениях: наличие в волосах узла или чего-либо иного их стягивающего отрицательно скажется на эффективности обряда⁵⁶.

Магическая сила персонажа зависит и от длины его волос, поэтому волосы у рассматриваемых мифических существ всегда длинные: *до пояса, до задницы, до жопы, до колен, до пят, до этих мест, до самой воды, туды так, дак и конца я не видел* и пр. Распущенные по плечам, они скрывают облик видения. Иной раз оно состоит как бы из одних волос: «Волосы длинные, до колен, а больше ничё не понять»⁵⁷; «Волосы распущенные по плечам. Только что одна личность видна, а волосы по всему»⁵⁸. Согласно народным верованиям, в волосах содержится магическая и — шире — жизненная сила мифологических персонажей⁵⁹. Особенно отчетливо представления о волосах какместилище душ выражены в наказе шаманов, зафиксированном у обских угров: «Блюдитесь, сего, егда будут вам стрищи *власы*, то вырезывати из вас *души* (курсив наш. — Н. К.)»⁶⁰. Соответственно, водяная дева, которая выходит из воды «вся в волосах», предстает как воплощение жизненной, и прежде всего магической, энергии.

Характер этой энергии, положительной или отрицательной, в какой-то мере определяется цветом волос. Однако в дошедшей до нас традиции волосы у мифических существ преимущественно черные: «чёрны-пречёрны, очень чёрные».

⁵⁴ Аверинцев С. С. Вода. С. 240; Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. С. 250.

⁵⁵ Элиаде М. Образы и символы (эссе о магиико-религиозной символике). С. 228.

⁵⁶ Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. С. 276.

⁵⁷ НА КарНЦ РАН. 178. № 263. — № 66.

⁵⁸ Там же. 23. № 503. — № 62.

⁵⁹ Подробнее см.: Криничная Н. А. Персонажи преданий: Становление и эволюция образа. Л.: Наука, 1988. С. 45, 150—151; Протт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. С. 122, 281.

⁶⁰ Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М.: Наука, 1959. С. 137 (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LI).

Иногда и их обладательница «чёрная сама такая». Черной подчас оказывается даже вода, из которой она появляется. Такое «очернение» мифологического персонажа могло произойти вследствие его негативного переосмысления под влиянием христианских воззрений. Об этом свидетельствует наименование данных существ «чортухом» или «чертовкой», встречающееся в быличках и бывальщинах. И тем не менее, хотя и редко, но все же упоминаются и белые, «светлые, как лен», или в виде льняных волокон, а также желтые, рыжие, русые волосы. И сама сидящая на камне дева «вся бела-белая» (изредка: белая одежда), что напоминает о былом величии рассматриваемых персонажей и заключенной в них позитивной энергии. Вместе с тем характерным признаком мифических водяных существ являются их зеленые волосы. В некоторых локальных традициях встречаются и золотые, блестящие, сияющие волосы — это признак сакральности их обладателей. Иногда волосы мифического существа, сидящего на камне, «кудрявые-кудрявые, так всё волнами <...> такими кольцами»⁶¹. Волны-кольца ассоциируются с кругами, а те, в свою очередь, символизируют магические круги жизни: «В образно-мифологическом сознании образы круга и кольца нередко содержат идею единства, бесконечности и законченности, целостности и высшего совершенства; иногда круг и кольцо — это весь мир <...>. Круг и кольцо — это и общность (людей, территории), а также власть над этой общностью. В ряде традиций круг и кольцо — это еще и судьба»⁶². В этом свете рассматриваемый мифологический персонаж воспринимается как некое средоточие мироздания, жизни и человеческих судеб (данное суждение должно подтвердиться в ходе нашего дальнейшего исследования). У этого мифического существа необычайно «бо-о-ольшие» глаза, посредством которых оно способно повлиять на судьбу человека⁶³. (Ср. описание глаз в стихотворении Н. Гумилева «Русалка»: «У русалки чарующий взгляд, / У русалки печальные очи».) Уже издали видно, как эти глаза «святиют» и «горят огнем», т. е. излучают свет и тепло, без животворной силы которых на земле невозможна никакая жизнь.

Чтобы дать выход магической силе, содержащейся в волосах, мифическое существо, локализованное на камне-островке, подхватывает волосы, обвивая вокруг руки или придерживая рукой, подолгу и упорно их расчесывает: *чешет-чешет, поросчасывала-поросчасывала, шваворгает-секёт* и пр. Столь энергичное расчесывание осмысливается как магическое действие. Таковым оно представлялось даже в повседневном быту. Например, зафиксирован приговор, который в старину при расчесывании волос произносили девушки, выступая в ритуальном действе в роли дублеров «знающих» людей, а вместе с тем и самих божеств: «Расти, коса, до

⁶¹ НА КарНЦ РАН. 23. № 274. — № 77.

⁶² Мечковская Н. Б. К характеристике аксиологических потенций слова: концепты 'круг', 'колесо' и их оценочно-экспрессивные дериваты // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 299.

⁶³ Толстой Н. И. Глаза // Славянские древности: Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого: В 5 т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 500.

пояса, расти, коса, до пят, принеси мне, косынька, детушек-ребят»⁶⁴. Аналогичные приговоры бытовали и у других славянских народов: «Чтобы было столько внуков, сколько волос на голове»⁶⁵. В некоторых же архаических этнокультурных традициях невесте желают иметь всегда длинные волосы — тем самым в хозяйстве будет обеспечено обилие скота⁶⁶. В этом свете неудивительно, что в севернорусских деревнях бытовало поверье, в соответствии с которым стричь волосы грешно⁶⁷. Согласно народным верованиям, каждый волос/шерстинка осмысляется как средоточие души, новой жизни, будь это зародыш ребенка либо детеныша животного⁶⁸. Не случайно в представлениях эвенков шерстинка может превратиться в настоящего зверя, чтобы стать добычей охотника на промысле⁶⁹. Ведь само слово *волос* имеет ту же основу, что и «шерсть» (древнерусск. *вълна*), «кожа», «шкура» (русс. диал. *волох*), «нить, волос» (русс. диал. *волоть*)⁷⁰. В этом плане расчесывание волос приравнивается к магическому рукоделию, материалом для которого служили наряду с волосами, шерстью и пряди льна или конопли. Характерно, что в дар русалкам крестьянки приносили холсты и нитки. Либо сами эти запредельные пришельцы крали их у поселян. Известна и приверженность русалок к прядению, вышиванию. Так, например, дева из подводного царства дарит молодому промышленнику вышитую ею «ширинку» — полотенце, с помощью которой обеспечивается размеренное течение его бытия: «Возьми, — говорит, — сама вышивала. Когда станешь ты по мне скучать, найдет на тебя грусть-тоска великая, ты только взгляни на эту ширинку — тебе веселей будет!»⁷¹. Загадочные существа (пряжи, ткачихи, швеи, прачки), нередко наделенные льняными волосами, держат в руках начатую работу (например, вязание), манипулируют сотканным из нитей холстом, сшитым из полотна бельем: полощут его в воде, бьют вальками. Они уподобляются тем мифическим рукодельницам, которые прядут нить жизни⁷².

⁶⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 628. Л. 94.

⁶⁵ Толстой Н. И., Усачева В. В. Волосы // Славянские древности. Т. 1. С. 420—421.

⁶⁶ Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография. 1933. № 5—6. С. 83; Ольденберг С. Ф. Критика и библиография новых книг о Тибете // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. IX. С. 251.

⁶⁷ Верования великоруссов Шенкурского уезда: (Из летней экскурсии 1916 г.) / Собр. и зап. П. Г. Богатырёв // Этнографическое обозрение. 1916. № 3—4. С. 63.

⁶⁸ Криничная Н. А. Персонажи преданий: Становление и эволюция образа. С. 45.

⁶⁹ Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 38, 83.

⁷⁰ Этимологический словарь русского языка / Под рук. и ред. Н. М. Шанского. М.: Изд-во МГУ, 1968. Т. 1. Вып. 3. С. 151.

⁷¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. II. № 228. С. 214. — № 183.

⁷² Подробнее см.: Криничная Н. А. Нить жизни: реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995; Она же. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 463—493.

Кроме того, расчесывание волос сказывается и на посевах. Как и следовало ожидать, русалка, воплощая в себе силы плодородия, появляется на земле именно в период весенне-летнего расцвета природы, покровительствуя растительности, посевам⁷³. Да и сами волосы мифических существ, обосновавшихся на перво-земле, часто отождествляются с растительностью. И потому, по некоторым рассказам, волосы у них зеленые. От своего владельца они подчас расстилаются в разные стороны. [Ср. с древнегреческим мифом об Атланте: он был превращен в скалу, а борода и пряди его волос — в густые леса.] Аналог можно обнаружить в лирических песнях, где волосы приравниваются к траве: «Не коси, братец, шелковой травы: шелкова трава — то моя русая коса!»⁷⁴. С другой стороны, из косы «панской сестры», по преданию, вырастает сосна. Загадки метафорически называют траву волосами, а волосы — лесом. В духовном стихе у сестер Егория Храброго волосы отождествляются с ковыль-травой. Сопоставление волос с посевом или хлебным полем, а кос — с колосом наблюдается и в народной поэзии, и в литературе⁷⁵. В этом же типологическом ряду находится и сравнение волос рассматриваемых мифических существ со льном. Обычно они принадлежат мифической водяной деве со «светлыми, как лен», волосами, также сидящей на камне-первохолме. Подобные сравнения имеют глубокие корни. Так, в мифе папуасов маринд-аним тотемный предок, аист Вонатаи, осуществляет первую посадку растений магическим способом, перевоплотив в них, по сути, частицу самого себя, и прежде всего то, что является вместилищем жизненной силы, — волосы: «Вонатаи вытащил из подмышек несколько волос и воткнул их в грядку. Волосы росли очень быстро и стали ростками растения уати»⁷⁶.

Свое место в системе этих архаических представлений занимает и гребень, которым вышедшие из первородных вод сверхъестественные существа расчесывают свои длинные волосы. Этот гребень не просто гребень. Он отличается своей величиной: огромный, с сажень. По словам рассказчицы, гребень «так восияёт». Нередко это золотой гребень, он заключает в себе магическую силу своего владельца. Золотая окраска предметов осмысливается как окраска солнца, солнечного царства. Золотые предметы обеспечивают долголетие и бессмертие⁷⁷. Семантика данного чудесного атрибута раскрывается в одном из сказочных эпизодов. Героиня бросает позади себя гребень или щетъ (щетку), «щетинную чесалку», предназначенную для расчесывания волос. Такая щетъ уже сама по себе — средоточие щетины/волос, и ее семантика распространяется на гребень. «Мо-

⁷³ Кагаров Е. Г. Религия древних славян. М., 1918. С. 7—10; Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М.; Л., 1957. С. 92—93.

⁷⁴ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. М.: Индрик, 1994. Т. I. С. 140.

⁷⁵ Богаевский Б. Л. Колосья волос // Изв. Отд-ния русского языка и словесности АН. 1912. Т. 17. Кн. 3. С. 97—109.

⁷⁶ Virz P. Die Marind-anim von Holländisch-Süd-Neu Guinea. Hamburg, 1922. Bd. I. T. II. S. 111.

⁷⁷ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 271, 276.

тив бросания гребешка возник именно как миф об устроителе мира», — отмечает В. Я. Пропп⁷⁸. Посредством этого атрибута героиня создает/перевоссоздает непроходимые темные леса. Они поднимаются от земли до неба и от неба до земли, от востока до запада. В этом первозданном лесу не может ни птица пролететь, ни зверь пробежать, ни пеший пройти, ни конный проехать. Иначе говоря, основу Вселенной составляют одновременно и ее вертикальная, и ее горизонтальная модель. По упрощенной версии, из каждого волоска магической щетки вырастает по дереву.

Гребень в рассматриваемых нарративах приравнивается к челноку ткацкого станка в виде продолговатой овальной коробки или колодки с намотанной пряжей. Если гребень используется мифическим существом для расчесывания своих волос, то челнок — для прокладывания уточной нити. И тот и другой служит магической цели — сотворению бытия. Причем оба атрибута заключают в себе акватическую символику: *гребень* соотносится с *гребу*, а *челнок* — с *челноком*-лодкой (Ср.: «Казак плывет на челноке, / Влacha по дну речному сети...» — А. С. Пушкин. Кавказский пленник.) Гребень — важнейший магический атрибут водяной девы. В том случае, если этот гребень, забытый ею на камне, люди уносят, владелица чудесного предмета непременно его себе возвращает.

В некоторых вариантах у водного божества, как уже говорилось выше, волосы — волны: «<...> так всё *волнами* <...> ну, *волнами* всё»⁷⁹. Или: «Как она, говорит, сзади шурует, дак у ей эти *волосы*, говорит, как эты... *волны* (курсив в цитатах наш. — Н. К.), говорит, шуруют»⁸⁰; «<...> плывет с воды русалка, волосы рыжие. *Волнамы*, длинные»⁸¹. *Волнистые* волосы водяной женщины (русалки) приравниваются к *волнам*, которыми она может затопить прибрежные земли⁸².

Расчесывая «волны», разделяя волосы на пряди, мифическая женщина осуществляет тем самым «плетение вод». Ведь само значение слова *вода* соотносится с «плести» («гнуть»)⁸³, а словом *волна* в древнерусском языке называлась шерсть, шерстяная пряжа⁸⁴. И использование струй воды в качестве материала для творения (плетения, тканья) бытия играет здесь не последнюю роль. Подобные представления со всей определенностью обнаруживаются, например, в ирландской мифопоэтической традиции, где «семь дочерей моря» — семь морских божеств персонифицируют «волны судьбы». Они создают из воды незримые «струи жиз-

⁷⁸ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 321.

⁷⁹ НА КарНЦ РАН. 23. № 274. — № 77.

⁸⁰ Там же. 140. № 75. — № 165.

⁸¹ Там же. 136. № 38. — № 87.

⁸² См.: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. III. С. 128.

⁸³ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. С. 77.

⁸⁴ Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 2. С. 315.

ни», изготавливая «нити сыновей долгой жизни»⁸⁵. Чтобы жизнь человека была долгой, на него, согласно ирландскому заговору, должно пролиться «семь волн судьбы». Для исцеления же человека от недуга на его голову, по английским поверьям, следует вылить воду «с гребней девяти волн», собранную в единый сосуд⁸⁶. Причем «последняя волна», согласно архаическим вепсским материалам, проливается над человеком перед самой его кончиной, что проявляется в обрядовом омовении умирающего, сопровождаемом особым приговором⁸⁷.

Характерно, что лексема *snàth*, используемая в данном «Заговоре на долгую жизнь» для обозначения нити, в древнеирландском языке имела более широкий семантический спектр — «нить, волос <...>; струя, вода в ручье, водоворот, волна». А древнеирландское *snúad* — это не только «поток, ручей, струя», но и «волосы, прядь волос». (Ср.: с пряжами, на которые разделяет волосы русалка/водяница.) Тем самым обозначение волоса, нити восходит к понятию «поток, струя, течение». Интерес представляет также обозначение и характеристика волос как *snàth* и *snàtheth* — нитевидный — ? — скорее «волнистый» (ср. с англ. *stream of hair* «прядь волос», букв. «поток, струя волос») ⁸⁸. В данном контексте речь, по сути, идет о жидкости и влаге как источнике бытия, а также об отдельных струях и потоках внутри них, символизирующих уже судьбу индивидуальную. Следовательно, к струям приравниваются и нити, и волосы. Как повествуется в «Заговоре на долгую жизнь», из незримых «струй» бытия возникают «семь дочерей моря» — семь морских божеств, связанных с водой⁸⁹.

Данные водные божества в известной мере сопоставимы с общеславянской Мокошью, чье имя связано с корнем «мокрый». Это архаическая предшественница Пятницы, также неотделимой от воды и пряжи⁹⁰. Типологически сходны с ними и русалки. Название этих женских мифических существ в фольклоре разных народов имеет различные обозначения. Однако их устойчиво объединяет «магистральная тема»: вода — длинные волосы — разделение волос на пряди — связь с миром смерти⁹¹. Применительно же к нашему материалу можно утверждать, что

⁸⁵ Михайлова Т. А. «Заговор на долгую жизнь»: к проблеме образов «дочерей моря» и «волн судьбы» в ирландской мифопоэтической традиции // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М.: Индрик, 2005. С. 193, 204, 207.

⁸⁶ Энциклопедия суеверий / Составители Э. и М. А. Рэдфорд, Е. Миненок. М.: Локид, Миф, 1997. С. 351.

⁸⁷ Винокурова И. Ю. Вода в вепсских мифологических представлениях о жизни и смерти // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия «Гуманитарные исследования». 2010. Вып. 1. С. 72.

⁸⁸ Михайлова Т. А. «Заговор на долгую жизнь»: к проблеме образов «дочерей моря» и «волн судьбы» в ирландской мифопоэтической традиции. С. 202—203.

⁸⁹ Там же. С. 205—207.

⁹⁰ Иванов В. В., Топоров В. Н. Мокошь; Пятница // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 374, 458—459.

⁹¹ Михайлова Т. А. «Заговор на долгую жизнь»: к проблеме образов «дочерей моря» и «волн судьбы» в ирландской мифологической традиции. С. 206.

расчесываемые волосы, с которых струится вода, подчас затопляя всё вокруг, приравняются к струям воды («струям волос»). Ср. с гоголевским описанием влажности волос русалки: «<...> волосы льются с зеленой головы на плечи, вода, звучно журча, бежит с длинных волос на землю, и дева светится сквозь воду, как будто бы сквозь стеклянную рубашку...» (Страшная месть, гл. 13). Расчесывают волосы гребнем и сербские вилы, и скандинавские хольдры, и германские ундины, и ирландские банши, и пермяцкие шишиги, и прочие мифические существа, в большей или меньшей степени относящиеся к данному типологическому ряду.

Известно, что в процессе исполнения обрядов, которые имитируют «божественный архетип», в роли божеств выступают «знающие» люди. В повседневной же практике к подобным «знающим», а следовательно, и к самим божествам, могут приравниваться и простые смертные. «Мы должны делать то, что делали боги вначале», — утверждает древний индийский текст (Шатапатха-брахмана. VII. 2. 1, 4). «Поступая как существо, взявшее на себя всю полноту ответственности, человек имитирует образцовые деяния богов, повторяет их поступки», — заключает М. Элиаде⁹². В нашем случае, раскрывая смысл действий крестьянских девушек, расчесывающих с приговором свои волосы, мы выявляем семантику функции водного божества, которое расчесывает свои волосы «восияющим» гребнем. Тем более это относится к действиям сказочных героинь, бросающих позади себя чудесный гребень. Из сказанного следует, что магическое расчесывание волос (а тем более, мокрых, влажных волос) в данном контексте связано с сотворением бытия. Оно оказывает, как выясняется, продуцирующее воздействие на людей, скот, растительность. Посредством такого расчесывания стимулируется появление детей, внуков в семье, приплода и урожая в хозяйстве. Проявлением все той же продуцирующей силы служат и гипертрофированные груди этих длинноволосых мифических существ: «Волоса длинные, титьки здоровые»⁹³. Этот признак устойчив в различных локальных традициях. «Большетитичной» чаще изображается водяница/русалка: у нее «титища-то», «такие полные грудища», «большущие, до пупа висят». Типологически подобные персонажи сродни Бабе Яге, которая сидит «лен прядет, титьки на воронцы держит»⁹⁴. Как и у Бабы Яги, у наших мифических устроительниц мира подчеркнута женская физиологичность. Гипертрофия материнских органов позволяет видеть в них некое средоточие плодородия⁹⁵.

Рассматриваемые мифологические персонажи несомненно причастны к человеческой судьбе. Их появление на камне-островке, по мнению носителей традиции, — знак предстоящей перемены, поворота в жизни индивида либо социума:

⁹² Элиаде М. Священное и мирское // Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Избр. соч. С. 298.

⁹³ НА КарНЦ РАН. 85. № 45. — № 86.

⁹⁴ Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). № 167. С. 417.

⁹⁵ Протт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 61—62.

«Что-то будет. Раз выстал — что-то будет»⁹⁶; «Она („хозяйка“) перед этой перед ви-сью (вестью) такой придет»⁹⁷. В дошедших до нас быличках и бывальщинах появление подобного персонажа — обычно дурной знак: «А что-нибудь нам нехорошее будет»⁹⁸. И действительно, по свидетельству рассказчиков, вскоре в жизнь социума или индивида вторгается смерть и хаос: начинается война, кто-то тонет, кто-то замерзает, иной становится калекой, погибает скот («быка медведь съел»), вымерзают посевы.

Однако приписывание предначертателям судьбы исключительно негативных предвестий обусловлено дискредитацией самих этих персонажей. И следы их некогда благотворной роли в предопределении человеческой жизни⁹⁹ можно все же обнаружить. Эти следы, например, выявляются в изображении христианизированных персонажей, которые в значительной мере вытеснили из традиции своих архаических предшественников. Подобные персонажи также локализованы на камне-островке и также манипулируют с магической целью определенными атрибутами, правда, в этом случае не волосами, а нитями. Как нам уже доводилось писать в предыдущих работах, *нити*, *веревке*, *шнуру* в мифологии соответствует *человеческий волос*, осмысляемый в качестве средоточия жизненной силы, или души. Он наряду с нитью использовался при изготовлении предметов обрядового назначения¹⁰⁰. О тождестве осмысления нитей и волос свидетельствуют и данные языка. По определению В. И. Даля, *волосы* — это «роговые трубчатые *нити* (курсив наш. — Н. К.), растущие на теле человека и млекопитающего»¹⁰¹. А диалектное *волоть* имеет значение «*нить*, *волос*»¹⁰². Христианизированные персонажи, манипулирующие нитями, которые по своей функции приравняются к волосам, встречаются в заговорной традиции: «На море на Окияне, на острове на Буяне лежит бел горючъ камень. На сем камне стоит изба таволоженная, стоит стол престольный. На сем столе сидит красна девица. Не девица сие есть, а Мать Пресвятая Богородица. Шьет она вышивает золотой иглой, ниткой шелковую»¹⁰³. Поскольку цель заговора — восстановление, воссоздание, обновление здоровья, то

⁹⁶ НА КарНЦ РАН. 73. № 104. — № 111. См. также: Памятники русского фольклора Водлозерья... № 13. С. 24.

⁹⁷ НА КарНЦ РАН. 184. № 3. — № 110. См. также: Памятники русского фольклора Водлозерья... № 23. С. 29.

⁹⁸ НА КарНЦ РАН. 129. № 30. — № 71.

⁹⁹ Подробнее см.: Криничная Н. А. Прорицания воды/водных божеств в севернорусской мифо-ритуальной традиции // Религиоведение. 2013. № 1. С. 14—25.

¹⁰⁰ Подробнее см.: Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. С. 40—41.

¹⁰¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1989. Т. I. С. 235.

¹⁰² Этимологический словарь русского языка / Под рук. и ред. Н. М. Шанского. Т. 1. Вып. 3. С. 151.

¹⁰³ Великорусские заклинания: Сб. Л. Н. Майкова. СПб.; Париж: Изд-во Европейского Дома, 1992. С. 61.

и роль мифической вышивальщицы представлена как жизнетворная. (Ср. с вепским заговором на остановку крови, которой уподобляется вода. В нем Богородица, также сидящая на камне, использует вместо нити щетину: «шьет щетиной эту рану раба»¹⁰⁴.) Аналогичное предназначение некогда имела и ее архаическая предшественница, позитивно влияя при соблюдении должного этикета на течение человеческого бытия. Во всяком случае, ее предопределения и предзнаменования изначально не были столь однозначно негативными, как это представляется в поздней традиции. В этом плане наши водные божества сопоставимы с нормами, которые предопределяют и доброе и злое¹⁰⁵.

Заметим, что интересующий нас мифологический персонаж расчесывает волосы то на одну сторону/половину, то на другую, что символизирует присутствующую человеческой жизни чересполосицу: «Сидит, на две стороны волосы, и вот расчесывает»¹⁰⁶; «С той стороны и с другой расчесывает»¹⁰⁷; «Половина так чешет-чешет. А потом на другую половину (курсив в цитатах наш. — Н. К.) так чешет»¹⁰⁸. Причем та и другая сторона/половина — это правая и левая стороны. Амбивалентность расчесывания подтверждается и карельскими мифологическими рассказами: «На камне, говорит, тоже волосы расчесывает: „Год от года лучше, год от года лучше“. А потом расчесывает в другую сторону: „Год от года хуже, год от года хуже“»¹⁰⁹. Следовательно, если истолковывать смысл предвестий в бытовлеченных категориях, то он будет сведен к оппозициям: прибыль — убыток, здоровье — болезнь, жизнь — смерть и пр. По другой версии, мифическое существо расчесывает свои длинные волосы то правой, то левой рукой. И если даже волосы не расчесываются, то они все равно двигаются (развеваются, плавают) то в одну, то в другую сторону.

По-видимому, знаковым некогда был и цвет волос мифических предначертательниц человеческой судьбы: белый, как и светлый, цвет в данном контексте ассоциировался с положительным началом, черный же — с отрицательным. Однако сколько-нибудь целостной картины на этот счет в дошедшей до нас традиции не прослеживается: колористические элементы в данном образе подверглись трансформациям.

Расчесывание волос сопровождается магическим приговором. Им вербально закрепляется цель магического действия: «Сидит чешет, что-то приговариват. Сама

¹⁰⁴ Винокурова И. Ю. Вода в вепских мифологических представлениях о жизни и смерти. С. 68.

¹⁰⁵ Ганина Н. А. Нормы: к генезису и ареальным параллелям образа // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М.: Индрик, 2005. С. 215.

¹⁰⁶ НА КарНЦ РАН. 23. № 274. — № 77.

¹⁰⁷ Там же. 192. № 96. — № 78.

¹⁰⁸ Там же. 165. № 293. — № 79.

¹⁰⁹ Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. № 369. С. 520.

себе говорит, а мы понять не можем»¹¹⁰. Такой приговор сводится к той или иной семантической формуле: например, «Час пробил, а человека нет». Иногда дело ограничивается чарующим магическим пением. Кстати, существует поверье, что песням люди научились у русалок, а затем эти песни распространились по свету. Иной раз мифический предопределятель судьбы воет — и это воспринимается как явный знак приближающейся смерти: «„Ву-у-у! Ву-у-у!“ Оны и скажут: „Ну, сегоду опять буде утопший, раз водяник воет, буде утопший“»¹¹¹. Эти мифические существа уподобляются божествам судьбы. Причем они способны не только предсказать, но и предопределить, смоделировать течение человеческого бытия. Ведь «судьбина», по народным верованиям, «раньше человека рождается».

Древнейшие функции рассматриваемых мифологических персонажей с известными коррективами проявляются, повторяем, в действиях «знающих» и даже простых смертных, которые в той или иной мере выступают в роли дублеров своих божественных покровителей. Примечательно, что в повседневном крестьянском обиходе различались благоприятные и неблагоприятные для расчесывания волос дни, что, согласно народным верованиям, позитивно либо негативно влияло на человеческую жизнь. Например, стоило женщине в запретный день расчесать волосы, как убытки и несчастья последуют одни за другими: смерть войдет в дом, у человека заболит голова, волки загрызут скот, змеи ужалят, а куры раскопают грядки на огороде и т. п.¹¹² При этом предполагается, что расчесывание волос в другие дни даст благоприятный эффект — и все будет происходить наоборот. Действия людей стимулируют, таким образом, то или иное предопределение мифических сил.

Сама же распорядительница бытия по окончании расчесывания волос обвиняет ими свою голову, закалывает их гребнем и исчезает в глубинах вод: магическое действие завершено. По другой версии, вершительница судьбы сама осуществляет свое же предопределение: топит людей, возвращая души к исходной точке бытия¹¹³. Она зовет, заманивает человека, увлекая его в первозданную стихию вод: «А та, на острове, говорит: „Помогай!“ Мужик и подплыл к ней помочь. Заманила. Захватила сразу волосы — и нет его»¹¹⁴; «А мужик тот через месяц утонул. Выходит, звала она его к себе»¹¹⁵. Нередко несчастье случается в условиях, когда, казалось бы, и утонуть невозможно: «А вода-то мелкая была»¹¹⁶. Тем не менее некая неведомая и невидимая сила («пихнуло») как бы толкает человека в воду — и тот то-

¹¹⁰ НА КарНЦ РАН. 82. № 224. — № 123.

¹¹¹ Там же. 73. № 73. — № 113. См. также: Памятники русского фольклора Водлозерья... № 24. С. 30.

¹¹² Толстой Н. И., Усачева В. В. Волосы. С. 420—421.

¹¹³ Геннен А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. С. 53; Элиаде М. Образы и символы (эссе о магико-религиозной символике). С. 228.

¹¹⁴ НА КарНЦ РАН. 178. № 307. — № 159.

¹¹⁵ Там же. № 130. — № 49.

¹¹⁶ Там же. 158. № 75. — № 161.

нет: «Стал черпать и как-то тут вот сразу пал, будто уж его туды пихнуло»¹¹⁷. Следы пальцев, обнаруженные на горле утопленника, выдают, по мнению рассказчика, мифического виновника происшествия. В некоторых мифологических рассказах такое потопление связано с древней формой похоронного обряда. Водяная хозяйка, расчесавшись, устремляется в погоню за лодкой, чтобы, опрокинув ее, потопить гребца. Ведь в древности в лодке хоронили покойников. И потому лодка уподобляется гробу, а гробам придавалась форма лодок¹¹⁸. На этой имеющей глубокие истоки ассоциации и основана данная коллизия.

Отношение самих распорядительниц человеческого бытия, равно как и небытия, к своей роли амбивалентно. С одной стороны, вершительница судеб улыбается: в урочный час каждая человеческая душа должна вернуться в изначальное лоно — в первозданную бездну. В космологическом смысле это возврат в эмбриональное состояние. Как отмечает М. Элиаде, «погружение в воду символизирует возврат к первоначальной бесформенности, растворение в неразличимом Хаосе досуществования»¹¹⁹. С другой стороны, в глазах мифической повелительницы стоят слезы и взгляд у нее «очень печальный». (Ср. с норнами, которые могут рыдать, оплакивая погибших¹²⁰.) Это знак осознания трагизма перехода людей из бытия в небытие. В то же время мифическая властительница не забирает людей «не роковых».

Впрочем, во многих быличках и бывальщинах последствия появления мифических существ на поверхности вод остаются как бы «за кадром», придавая сюжету незавершенность, а самой коллизии — загадочность. В этих случаях так и остается непонятым, для чего подобные персонажи выходили из воды, сидели на камне и расчесывали свои длинные волосы. Однако в любом случае совершенно очевидно, что вторгаться человеку в их магические действия нельзя. «Как ты не вовремя подошел. Хоть бы скашлял», — упрекает русалка приблизившегося к ней деда¹²¹. Иногда водное божество настолько поглощено своим расчесыванием волос, что не видит приближающихся к нему людей, не слышит их окрика, и только тогда, когда очевидцы магического действия подходят к этому божеству «вдруг» и «так близко», оно совершает мгновенное движение сверху вниз — с камня в глубины вод: *мырнула, нырнула, соскользнула, курнула, кульнулась, ушла, бултых, бух, кувырк, шубых, хоп* и пр. Нередко подобный женский персонаж оставляет после себя «только круг»: «Хотел подойти, а она (женщина ли, девка) мырнула, да только круг...»¹²². Круг на воде — это равномерный импульс, отправляемый в миро-

¹¹⁷ НА КарНЦ РАН. 82. № 224. — № 123.

¹¹⁸ Подробнее см.: *Криничная Н. А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. С. 45—46.

¹¹⁹ *Элиаде М.* Образы и символы (эссе о магико-религиозной символике). С. 228.

¹²⁰ *Ганина Н. А.* Норны: к генезису и ареальным параллелям образа. С. 215.

¹²¹ Вятский фольклор. Мифология / Изд. подгот. А. А. Иванова. Котельнич: Вятский региональный Центр русской культуры, 1996. С. 24.

¹²² НА КарНЦ РАН. 156. № 176. — № 43.

здание мифическим существом. В других случаях в качестве знаков предначертания судьбы водное божество насылает волны: «Потом, как я кашлянула, так только булькнулось и волны пошли»¹²³. Отныне человеческое бытие в мифологическом смысле зависит от воли волн: «<...> как в воду, говорит, мырнет, и одна, говорит, волна розмахиват, одна волна розмахиват. Ну, а через два дня на том месте лошадь потонула»¹²⁴.

В соответствии с фольклорно-мифологической логикой взаимодействие «того» и «этого» миров обусловлено универсальным космическим порядком, связанным с идеей круговорота смертей и рождений. Этот порядок основывается на строгих предписаниях, установлениях и запретах. Регулируемое сосуществование миров длится до тех пор, пока не нарушается гармония их взаимоотношений. Однако стоит человеку отступить от идущих с самого «начала времен» правил: например, выстрелить в мифическое существо, запустить в него камень либо просто свистнуть и т. д., — как во взаимоотношениях миров наступит хаос. Нарушитель запрета в лучшем случае останется на всю жизнь калекой: лишится руки, окривеет на один глаз и пр. Но чаще он обречет себя на гибель — и такое потопление уже не будет санкционировано роком, регулирующим исчезновение и возвращение. Тем самым представления о законе, необходимости и случайности при рассмотрении мотивировок потопления в мифологических рассказах все же прослеживаются.

Видение, которое открывается людям на реке/озере/море, воспринимается ими как прорыв в «этот» мир чего-то потустороннего, некой запредельной реальности, где находятся все начала и концы сущего. Состояние, переживаемое человеком, можно охарактеризовать фразеологизмом «ни жив ни мертв». Причем признаки лиминальности, им переживаемой, выражены в эмпирических категориях. Так, например, у очевидца происшествия на голове поднимаются волосы или он весь чернеет. Бедолага пребывает в заворуженном оцепенении либо, наоборот, спасается бегством («скорей бегом»), оставляя свои вещи на берегу. Он теряет способность ориентироваться в пространстве, не ведая, куда ему податься: в правую или левую сторону, взад или вперед. Иногда очевидец происшествия лишается дара речи: «Потом домой прибежала, я так напугалась, наволновалась, даже не могла отцу рассказать, что поедет человек или не поедет человек»¹²⁵. И только в редких случаях очевидец происшествия осознает, что он своим присутствием невольно нарушил некое таинственное действо, ради которого мифическое существо «выстало» из воды, уселось на камень и принялось с усердием расчесывать свои длинные волосы: «Прости меня, я помешал тебе»¹²⁶.

¹²³ Веравания великоруссов Шенкурского уезда (Из летней экскурсии 1916 года). С. 054. — № 81.

¹²⁴ НА КарНЦ РАН. 73. № 207а. — № 91. См. также: Памятники русского фольклора Водлозерья... № 14. С. 25.

¹²⁵ НА КарНЦ РАН. 136. № 38. — № 56.

¹²⁶ Там же. 158. № 334. — № 84.

Оказавшись перед переменной своей судьбы в медиативном пространстве и медиативном времени, тайнозритель теперь возвращается в привычный ему земной континуум.

Аналог рассматриваемым персонажам севернорусской мифологии обнаруживается в древнескандинавской традиции. Имеются в виду норны. Как и рассматриваемые нами мифические существа, они устойчиво связаны с водой. Это мудрые девы, которые возникли (букв. «пришли») из источника Урд [Судьбы] (Старшая Эдда. Прорицание вёльвы. 19—20). Основное действие норн выражено претеритом глагола *skara* «творить, создавать»¹²⁷. И даже само название «норны» является производным от индоевропейского **ner-*, что значит «плодородие, жизненная сила»¹²⁸, равно как и «нижний, водный мир». Бормотание норн, в котором можно расслышать слова предопределения, напоминает шум-лепет вод¹²⁹. Эти женские божества прядут нить жизни (Старшая Эдда. Первая песнь о Хельги Убийце Хундинга. 2—3). При этом норны творят и пространство — владения будущего конунга: «На восток и на запад / концы протянули, / конунга земли нитью отметили...» (Там же. 4). «Норн приговор» обычно узнают у мыса, т. е. у воды. Из сказанного следует, что изучаемые нами водные божества творят человеческое бытие, манипулируя струями воды/волосами/нитьями.

Возвращаясь к севернорусскому материалу, отметим, что в действиях мифического существа либо некой безличной силы проявляется вторжение священного в мирскую обыденность. Выходя из первозданных вод и располагаясь на первоземле, этот персонаж (преимущественно в женской ипостаси), равно как и некая неидентифицированная мифическая сила, посредством магических манипуляций с волосами в очередной раз творит мироздание, устанавливает универсальный космический порядок. Он предопределяет течение бытия для социума и индивида, стимулирует круговорот смертей и возрождений. В этом персонаже есть признаки и демиурга, и божества судьбы, и некой безличной силы, и духа воды и пр. В процессе многовекового бытования традиции подобный образ был ассимилирован более поздними персонажами, каковыми являются прежде всего духи-«хозяева» воды. Предпосылками такой ассимиляции послужили общая среда обитания, синкретизм древнейших функций.

Однако, ассимилировав своих предшественников, духи-«хозяева» и сами в какой-то мере утратили признаки своей идентификации. Они обрели «невыразимое выражение», их действия стали загадочными и непонятными. В данной ситуации исследователи мифологических рассказов констатируют: быличек и поверий о водяном в той или иной локальной русской традиции нет, а если и есть, то они не столь распространены по сравнению с рассказами о домовом или лешем, но и

¹²⁷ Ганина Н. А. Норны: к генезису и ареальным параллелям образа. С. 213.

¹²⁸ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2-х кн. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. С. 802.

¹²⁹ Ганина Н. А. Норны: к генезису и ареальным параллелям образа. С. 217—218.

в этих нарративах водяной уже трансформировался в чёрта и т. д.¹³⁰ На наш же взгляд, в духах-«хозяевах» воды узнаваемы черты их архаических предшественников, в которых отчасти растворились сменившие их персонажи. Этими предшественниками являются «божества всех потоков, всех источников и ключей. <...> Они были там, в водах, с начала мира. <...> Они были сотворены живым током воды, ее магией, источаемой ею силой, ее журчанием»¹³¹.

¹³⁰ Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья. С. 88—89.

¹³¹ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / Пер. с англ. М.: Научно-изд. центр «Ладомир», 1999. С. 197.

Прорицания воды/водного божества

Пусть, как вода, течет суд, и правда, как
сильный поток!

Амос. 5. 24

Источник Урд [Судьбы] <...>. Мудрые
девы оттуда возникли, три из ключа под
древом высоким; Урд имя первой, вто-
рая Верданди, — резали руны, — Скульд
имя третьей; судьбы судили, жизнь вы-
бирали детям людей, жребий готовят.

Старшая Эдда:

Прорицание вёльвы. 19—20

Всевернорусской мифологической прозе выделяется цикл быличек, бывальщин и поверий, повествующих о неких загадочных персонажах, которые появляются из воды, чтобы предсказать будущее отдельному индивиду либо всему социуму, а скорее всего, и предопределить его. Это мистическое действие свершается «вдруг» — внезапно и неожиданно, независимо от воли и желания человека. Более того, оно не санкционировано ни ритуалом, ни этикетом. Явление мифического существа столь же неотвратимо, как и само свершение рока, предопределения, судьбы.

Среди водяных существ, исполняющих роль мифических прорицателей, заметно преобладают женские персонажи: *хозяйка воды, водяница, русалка, девушка, девка, дева, жениcina, «вроде как жениcina», «жениcina-водяник», «человек, как жениcina»* и др. Лишь в редких случаях говорится, что это *водяной*, а подчас и *донный*, т. е. обитающий на дне озера/моря. В некоторых быличках водяное существо («будто человек») не поддается определению по половой принадлежности: подобный персонаж не то среднего, не то мужского либо не то мужского, не то женского пола. Об этом свидетельствуют глаголы прошедшего времени, которыми характеризуются действия или состояния. Так, в одном и том же тексте к одному и тому же персонажу относятся глаголы *пало* — *показался* либо *сидел* — *сидела* и пр. Однако интересующие нас мифические существа в отдельных вариантах имеют и зооморфный облик. Они могут, к примеру, показаться в виде зверя (выдра), птицы (утка), рыбы (семга) и др. Причем зооморфный аналог остается эквивалентным антропоморфизированному водяному существу: «Кто как ее называет, одни *выдрой*, другие *русалкой* (курсив наш. — Н. К.)»¹. Впрочем, не исключены случаи, когда судьбоносный персонаж имеет вид деревянного предмета, плывущего по течению, «буд-

¹ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор коммент. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. № 179. С. 56.

то столова доска»². Или: «Вересина плывет по середине, под мост. Вдруг засмеется, захохочет»³. Замена женского персонажа мужским, нередко имеющая место, не привносит в рассматриваемую коллизию сколько-нибудь существенных изменений.

По другой версии, очевидец мистерии замечает водяное существо, когда оно уже сидит на камне/на большом камне. Такой камень расположен *посреди озера/реки*. Хотя указание на подобную локализацию встречается в мифологических рассказах довольно редко, тем не менее народными верованиями оно наиболее обосновано. В силу этих воззрений центральный локус считается сакральным, поскольку именно здесь смыкаются — размыкаются миры. Не случайно в центре обычно расположено и мировое древо. Характерно, что локализация мифического существа на камне посреди водоема впоследствии закрепляется и за Иваном Купалой, преемственно связанным с водными божествами. В 1958 г. на Пинеге нам удалось услышать фрагмент обрядовой песни: «Завтра Иван-день, день, / Завтра Купал-день, день. / Купался Иванушка / Среди моря на камешке».

Справедливости ради надо сказать, что во многих мифологических рассказах камень, на который усаживается, выйдя из воды, мифическая прорицательница, находится на берегу реки/озера, причем не просто на берегу, а на *дальнем* берегу, что привносит в осмысление этого локуса признаки запределности (ср. с блоковскими стихами «Я вижу *берег* очарованный и очарованную *даль*»), а в трактовку образа самой прорицательницы — черты берегини, столь почитаемой в Древней Руси в качестве божества наподобие русалки. Однако и расположенный на берегу камень воспринимается как находящийся в центре мироздания. Мифическую прорицательницу можно увидеть в сакральные моменты суточного и годового циклов. Она показывается утром или вечером, перед восходом или заходом солнца. Появление этого персонажа наблюдают не только летом, но и зимой, когда запределное существо выходит из проруби («пролубы»).

Облик мифической прорицательницы, в основном, антропоморфизирован. Преобладает образ водяной девы/русалки с необычайно длинными распущенными по плечам волосами, ниспадающими, как уже говорилось, до пояса, до «жопы», до колен, до пят, до самой воды и вообще как бы не имеющими конца. Свои волосы она усердно расчесывает. Этот мотив в мифологических рассказах, пожалуй, наиболее устойчив. Имея магическое назначение, подобное действие эквивалентно прядению. Только в данном случае манипуляции происходят не с шерстью, а с волосами⁴; и те и другие в народных верованиях взаимозаме-

² Научный архив Карельского научного центра РАН (далее — НА КарНЦ РАН). 73. № 131 (первая цифра обозначает номер коллекции, вторая — порядковый номер текста в ней). — № 120. См. также: Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички/Изд. подгот. В. П. Кузнецова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. № 12. С. 24.

³ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 173. С. 55.

⁴ Подробнее см.: Криничная Н. А. Водное божество: магия расчесывания волос как предпосылка к сотворению бытия (по севернорусским фольклорно-этнографическим материалам) // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 137—152.

нимы, поскольку они функционально тождественны. Посредством такого действия прядется нить жизни, творится человеческая судьба⁵. Она свершается с неизбежностью рока.

Манипуляции с волосами могут сопровождаться взглядом, имеющим магическое воздействие. Водяная дева завораживает человека своим взором, поглощая его (ср. с гоголевским определением глаз русалки «очи выманивают душу», приведенным в «Страшной мести», гл. 13). Индивид испытывает амбивалентные чувства — страха и влечения к водяной дева: «Эта русалка как посмотрит на кого, как застывши человек стал, так и будет стоять, долго может так, да»⁶. Глаза нередко — это средоточие души мифического существа, которое, по сути, из одной только души и состоит. В данной связи интерес представляет наблюдение Н. Коробка: даром предсказания наделяются существа, которые имеют корни в культе душ⁷. Заметим, однако, что в нашем случае мифическая водяная дева не только предсказывает, но и предопределяет судьбу индивида.

Расчесывание волос обычно сопровождается магическим приговором, которым и предвещается, и предопределяется в заданном словами направлении дальнейшего течения бытия. В рассматриваемом цикле наиболее устойчив и распространен сюжет, основанный на семантической формуле «Год от году хуже...»⁸. В процессе повествования эта формула может удваиваться и утраиваться, незначительно варьируясь: «Год году хуже», «Чем год, тем хуже». Заметим, что в мифологических представлениях год осмысляется как некая универсальная модель времени, имеющая потенции к регулярному (циклическому) обновлению и определенному варьированию. Предполагается, что в данном случае положение дел в мироздании ухудшается по нарастающей. Кульминацию такого ухудшения, которое дает о себе знать определенными и неопределенными бедствиями, представляет собой, по мнению носителей традиции, текущий год, в котором, однако, будущее неотделимо от прошлого и настоящего: «Сегодня год хуже прошлогоднего», «А этот год хуже всех», «А этот год всех кукнут» и пр. Тем не менее наряду с формулой, дающей мирозданию негативный импульс, несомненно, бытовала и диаметрально противоположная версия, предопределяющая нарастание благоприятного течения дел в универсуме. Позитивная версия обнаруживается, например, в архаических карельских мифологических рассказах: «Этот год хо-

⁵ Криничная Н. А. Нить жизни: Реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995: Она же. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. С. 463—493.

⁶ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 172. С. 55.

⁷ Коробка Н. Образ птицы, творящей мир, в русской народной поэзии и письменности // Изв. Отд-ния русского языка и словесности АН. 1909. Т. XV. Кн. 1. С. 107.

⁸ См.: Власова М. Н. Сюжет о пророчестве // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2004. Т. XXXII. С. 223—228.

роший, этот год по мне! Этот год хороший, а жду еще лучшего!»⁹. Однако в силу общего последовательного развенчания языческих божеств негативное предопределение будущего с их стороны в севернорусской традиции заметно возобладало.

Формулу судьбы водяная дева приговаривает, причитывает, поет, чем усиливается ее магическое воздействие на индивида, социум, мироздание. Водяник же, оказавшись в аналогичной роли, распускает волосы до самой воды и воет, не произнося слов, что равноценно невербализированным причитаниям: «Ву-у-у! Ву-у-у!» По другим вариантам: «голосом плачет», «всяким разным голосам плачуть». Оплакивается таким образом тот, кому предвещается смерть. Подобная коллизия «манифестируется как проекция погребального обряда из будущего, в котором он должен состояться, на настоящее, в котором принимается данный сигнал-послание»¹⁰. [Заметим, однако, что в рассматриваемой ситуации соответствующую фоносферу создают не только божества воды, но и леса: «Перед германской войной, говорит. Как, говорит, плакали они (лесовики). Гулом эти шли голоса, большие голоса, маленькие голоса перед германской войной. Так по ущелью шли эти голоса гулом таким, гулом таким, вечером. Как, ляй, на войну провожают. И, говорит, сразу тут и германская война стала, показалась»¹¹. Причем в другой бывальщине это событие легко перемещается из будущего в настоящее, где леший, вместе с людьми провожая мужиков на войну, плакал и все кричал: «Я помогу вам, помогу, помогу!»¹².]

И даже само по себе появление водяного мифического существа служит предвестием перемены, отмеченной негативным либо позитивным знаком: «Если покажется, дак он уж перед чем-нить покажется». В дошедших до нас быличках и бывальщинах это преимущественно знак смерти или, по крайней мере, перемены к худшему: «Вот перед тем, если худо, вот и кажитце». Причем возраст ожидаемого утопленника зависит от возраста появившегося водяника: «Старого видели — значит, старый и потонет, а если молодого увидят — значит, молодой потонет»¹³. В подобном соотношении обнаруживаются элементы представлений о появлении перед смертью человека его двойника. И если даже человек не утонет, то все равно умрет на воде или у самой воды. Произнесение магических слов, а подчас и манипуляции с волосами сыграют свою роковую роль. Вместе с тем появление водяницы/русалки/водяного либо некой неопознанной мифической силы в том или

⁹ Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. № 370. С. 521.

¹⁰ Михайлова Т. А. Ирландская банши и русская русалка // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М.: Индрик, 2005. С. 235.

¹¹ Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. № 80. С. 216.

¹² Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 151. С. 51.

¹³ НА КарНЦ РАН. 142. № 624. — № 93.

ином местном озере, о котором никто, кроме жителей близлежащих деревень, и не слышал, может в глазах носителей традиции быть знамением глобального масштаба: «Черт его знает, перед чем, может, перед войной он (водяной) показался. Перед войной, наверное»¹⁴. Предсказание, как правило, сбывается: «Егор пошел... До той, до старой войны. Война была русская, германская. Вот пошел утром по берегу. Вот сидит [некто] на камню да голову чешет. Волосы длинные. Он (Егор) остановился, папиросу вертит, остановился. Глядит, вперед идти или назад. Глядит — а он бух в воду с камня. Он (Егор) подумал: „Что-то будёт. Раз выстал — что-то будёт“. Того году война началась»¹⁵. Предсказываются и другие события. Так, в некоторых вариантах прорицание «Год от году хуже...», сопровождаемое расчесыванием волос, оказалось предзнаменованием произошедшей вскоре революции¹⁶ либо связанной с началом войны эвакуации¹⁷. Впрочем, прогнозы мифического существа подчас изображаются едва ли не как дело повседневной обыденности: «Водяной каждую ночь ходил к мужику и говорил, какая будет погода, хорош ли урожай будет и пр. и пр.»¹⁸

Подобные прорицатели, и особенно в своей женской ипостаси, сродни таким судьбоносным мифическим существам, как вилы, нимфы, норны, валькирии, ниссы, банши, духи переправы, загадочные прачки и прочие связанные с водой персонажи. Напомним, что в своей основе это божества потоков, источников, ключей. Они находились в водах с начала мира¹⁹. Такие прорицательницы еще долго представлялись в облике водоплавающей птицы. Например, в одной из севернорусских бывальщин судьбоносное существо «голову поднимет, как утка, и говорит: „Судьба есть, головы нет“. И нырнет. Опять: „Судьба есть, головы нет“. Не во сне, а наяву»²⁰. Эти существа едва дифференцировались от стихии, которой принадлежат. Наделенные всеми силами воды, они, будучи персонифицированными, стали принимать участие в жизни людей²¹. В скандинавской мифологии, например, это три норны — «мудрые девы». Они возникли из источника/ключа Урд, т. е. из «источника судьбы», над которым вечно зеленеет ясень Иггдрасиль — мировое древо и вместе с тем древо судьбы. Омытый его влагой, Иггдрасиль и сам источает росы на долины (Старшая Эдда. Прорицание вёльвы. 19—20). В этих норнах узнаваемы женские божества, определяющие судьбу людей при рождении: «Ночь была

¹⁴ НА КарНЦ РАН. 150. № 50. — № 119.

¹⁵ Там же. 73. № 104. — № 111. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья... № 13. С. 24.

¹⁶ НА КарНЦ РАН. 158. № 76. — № 135.

¹⁷ Там же. 150. № 161. — № 140.

¹⁸ Р-в Г. Народная легенда: (Письмо в редакцию) // Олонецкие губернские ведомости. 1865. № 9. Часть неофициальная. С. 136. — № 222.

¹⁹ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / Пер. с англ. М.: Ладомир, 1999. С. 197.

²⁰ НА КарНЦ РАН. 151. № 297. — № 127.

²¹ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. С. 197.

в доме, / норны явились / судьбу предрекать / властителю юному; / судили, что он / будет прославлен, / лучшим из конунгов / прозван будет. / Так нить судьбы / пряли усердно, / что содрогались / в Бралюнде стены...» (Старшая Эдда: Первая песнь о Хельги... 2—3). Этимология имен этих возникших из воды персонажей говорит сама за себя. Имя первой — Урд указывает на судьбу и смерть, имя второй — Верданди связано со становлением в настоящем времени, тогда как имя третьей — Скульд означает «будущее», «необходимость», «долженствующее»²². Аналогом им в германской мифологии служат никсы (Nixe). Выходя из вод, эти женские существа являются к роженицам, помогают в родах и предвещают будущее младенцу. Известна их связь с прядением и полотном как атрибутами сотворения человеческой судьбы.

Можно предположить, что водное происхождение некогда имели и мойры — древнегреческие богини судьбы:

«После претерпит он (Ахиллес) всё, что ему непреклонная Участь
С первого дня, как рождался от матери, выпряла с нитью».

Гомер. *Илиада*. XX. 127—128

«Мойры — это темная невидимая сила, она не имеет отчетливого антропоморфного облика. <...> Архаические мойры — дочери ночи», — пишет А. Ф. Лосев²³. Ночь же ассоциируется с темнотой, «а темнота — неотъемлемая часть Бездны, творческого начала, породившего все живое во Вселенной»²⁴. Бездна же, как известно, сопоставима с первозданными мировыми водами: «<...> и *тьма над бездной*, и Дух Божий носился над *водою* (курсив наш. — Н. К.)» (Быт. 1. 2). Даром пророчества в гомеровском эпосе обладает и Протей — морское божество, «морской проницательный старец», у которого можно узнать свою судьбу:

«Если б какое ты (Менелай. — Н. К.) средство нашел овладеть им внезапно,
Все б он открыл: и дорогу, и долог ли путь, и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?
Если ж захочешь, божественный, скажет тебе и о том он,
Что у тебя и худого и доброго дома случилось
С тех пор, как странствуешь ты по морям бесприютно-пустынным».

Гомер. *Одиссея*. IV. 388—393

Как отмечает Н. А. Ганина, «тема или схема встречи с мифическим водяным существом, прорицающим судьбу героя и / или определенным образом влияю-

²² Цит. по.: Гуревич А. Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов // Мифология женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. С. 14.

²³ Лосев А. Ф. Мойры // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 169.

²⁴ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. С. 330.

щим на нее, имеет весьма широкое распространение»²⁵ в различных этнокультурных традициях. Сбывается прорицание как проявление сверхъестественной предопределенности и в севернорусских быличках и бывальщинах. Несчастье случается подчас уже наутро следующего дня, в тот же или на другой день. Впрочем, знать срок исполнения предвестий человеку не дано: «А где-то через день ли, на второй ли день»; «День прошел или два». Иной раз пророчество сбывается в течение года, но может быть отнесено и к весьма отдаленному времени: «через много лет». Хроникальные рамки данного сюжета нередко расширяются на довольно протяженный знаковый период — например, «перед войной». Причем предсказание сбывается в том самом месте либо неподалеку от того места, где показывается таинственная водяная дева, влияя на человеческую судьбу.

В жизни объекта прорицания, будь это индивид (сам рассказчик, родственник или односельчанин) либо определенный социум, происходит роковая перемена. Несчастье может произойти и с теми, кто мифическое водяное существо видел, и с теми, кто его сам не видел. Глубинной первопричиной приключившегося бедствия служит рок, предопределение, судьба, исходящие от мифического водяного существа. Каждое из этих бедствий может истолковываться как случай, но случай и есть проявление судьбы, известной своей неотвратимостью. Подобное представление о судьбе как стечении обстоятельств, не зависящих от воли человека, как о внешней необходимости, отличается от христианского учения о Божественном промысле, в котором имеет место и свободная воля индивида, и судьба: «Для первобытного сознания характерно восприятие судьбы как *сверхъестественной* предопределенности, неизбежности, носящей всеобщий (Божественный) характер, определяющей как бытие природного мира, так и жизнь общины»²⁶. Причем в нашем контексте *Бог* может значить «часть, доля, счастье», а уж затем — «божество». Точнее, *Бог* этимологически — «податель доли». В качестве части некоего целого доля отождествляется с участью, судьбой как решением Суда (ср. с сербской сказкой, где Усуд находится под властью необходимости)²⁷. По утверждению С. С. Аверинцева, «судьба для человека первобытной эпохи тождественна другим формам детерминации, не отличаюсь от естественной каузальности и воли духов». В этом понятии-мифологеме выражена «идея детерминации как несвободы»²⁸. Концентрированным выражением подобных представлений служат поговорки: «Судьба руки свяжет», «От судьбы не уй-

²⁵ Ганина Н. А. Норны: к генезису и ареальным параллелям образа // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. С. 223.

²⁶ Шукин Т. А. Судьба // Энциклопедия религий / Под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008. С. 1217.

²⁷ Потевня А. А. Из записок по русской грамматике. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. С. 241—242; Он же. О доле и сродных с нею существах // Потевня А. А. Слово и миф. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 472, 508—509.

²⁸ Аверинцев С. С. Судьба // Философская энциклопедия: В 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 158.

дешь», «Согласование судьбы со свободой человека уму недоступно» и др.²⁹ Вера в судьбу обусловлена неотделенностью индивидуальной сущности человека от коллективного (родового) бытия и природы³⁰. Причем неотделенность от природы в данном случае имеет для нас решающее значение. Жизненный путь, предначертанный человеку свыше, сводится, по словам С. М. Толстой, к главным моментам жизни, включая время и обстоятельства смерти³¹.

В рассматриваемых нами мифологических рассказах предопределенность человеческой судьбы отождествляется чаще всего именно со смертью: «Но ведь есь люди, которые *по судьбе* (курсив наш. — Н. К.) должны туда идти»³². Или: «Ну, сели они в лодку и поплыли. И потонули оба, а ребеночек маленький остался. Она, девочка-то, выплыла, *не роковая* (курсив наш. — Н. К.) была. А Вася-то сильный мужик был, хорошо плавал, все равно потонул»³³. С другой стороны, сверхъестественные распорядители судьбы имеют право в роковой, принадлежащий только им, час забрать *рокового* же человека к себе: «Наше, — говорит, — право будет». Отсутствие в урочный час утопленников интерпретируется как нарушение круговорота, на котором основываются законы мироздания. В его непреложном течении возникает сбой: «Судьба есть, а головы нет». И притом «ой, долго суженого нет!», «ох так долго нету!». Иначе говоря, приговор, установление, предопределение, исходящие от божества и санкционированные судом³⁴, уже произнесены. Но в данном случае это решение все еще не исполнено. Характерно, что слово *суд*, от которого происходит лексема *судьба*, включает в себе несколько понятий, в том числе и связанных с водой: «приговор», «договор, связь, объединение», «сосуд», «пролив, брод», «место, которое можно переплыть»³⁵. Иная версия определяется формулой: «Час тот, да рокового нету!». Если в слове *fatum* судьба представляется чем-то сказанным, решенным, то в слове *рок* она связана со временем, сроком (ср. «без року смерти не будет», «без року не умрешь», т. е. безвременно, без сроку)³⁶. И перечень подобных поговорок может быть продолжен: «Рока не минуешь», «Никто от своего рока не уйдет», «Рок головы ищет» и т. д.³⁷

²⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1991. Т. IV. С. 356.

³⁰ Карев В. М. Судьба // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 471.

³¹ Толстая С. М. Судьба // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 370.

³² Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 173. С. 55.

³³ Вятский фольклор. Мифология / Изд. подгот. А. А. Иванова. Котельнич: Вятский региональный Центр русской культуры, 1996. № 61. С. 25.

³⁴ Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 2008. Вып. 28. С. 272—273.

³⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2-е. М.: Прогресс, 1987. Т. IV. С. 794.

³⁶ Потемня А. А. О доле и сродных с нею существах. С. 474—475.

³⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 103.

Случившийся же сбой в исполнении универсального закона бытия требует безотлагательного устранения. И человек в предназначенный для него час («своим-то временем») тонет: «Значит, судьба была, а головы не было. И взял». Предопределено даже количество людей, которым суждено в течение некоего периода утонуть: «Возьму я себе двенадцать голов, а ты будешь последний»³⁸. И даже если индивиду удастся каким-то чудом выкарабкаться из воды, он будет с тех самых пор непрестанно болеть и недолго проживет на белом свете. По иной версии, смерть настигает человека не в воде, а на воде (например, в лодке, карбасе), однако и в данном случае подобная гибель подчинена обозначенной закономерности. Ситуация рока распространяется и на домашний скот, от которого зависело благополучие крестьянина: «<...> да в это место, где старушка видела, это место-то видела, лошадь только вскочила в воду, плыла и потонула. <...> И сразу лошадь погибла, пятигодовая кобыла»³⁹.

Наряду с роком/судьбой/часом, которые есть, тогда как головы/тела/человека нет, в данной семантической формуле может присутствовать и *плеск*, приравненный к судьбе: «Плеск есть, а головы нет»⁴⁰. С плеском связаны представления «о шуме падающей или ударяющейся обо что-либо воды»⁴¹. Иначе говоря, плеск — это проявление некоего движения, без которого невозможно творение. Данный динамический и акустический образ соотносится с действием, определяемым глаголом *плескати*, что значит «хлопать в ладоши, всплескивать руками». Это действие служит отголоском языческих обрядов⁴². Оно является излюбленным занятием персонифицированной водной стихии/водяницы/русалки (иногда водяного). Такое плескание имеет осознанный характер: стоило дедушке, ехавшему с рыбалки, перекреститься, и плески сразу же кончились, все затихло. Посредством подобных манипуляций со струями, приравненными к нитям-волосам (ср.: струи волос), водное божество творит судьбу, в том числе и ее завершающий этап. В результате мужчина, который как бы случайно здесь оказался, «не гораздо далёко» и отошел, «в воду кувырнулсе и, гот, не выстал»⁴³.

Прорицание, исходящее от мифического водяного существа, служит предпосылкой перехода индивида из земного бытия в водную запредельность, к тому самому началу, откуда все происходит и куда все возвращается. В этом свете неудивительно, что у так называемых первобытных народов долго сохранялись поверья, согласно которым случайно упавший в воду человек не должен из нее выбираться: если ему предназначено утонуть, то грешно пытаться спастись. По той же причине и другому нельзя спасать утопающего, иначе он вскоре утонет сам либо

³⁸ НА КарНЦ РАН. 178. № 121. — № 128.

³⁹ Там же. 133. № 131. — № 112. См. также: Памятники русского фольклора Водлозерья... № 20. С. 28.

⁴⁰ НА КарНЦ РАН. 185. № 51. — № 124.

⁴¹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1989. Вып. 15. С. 87.

⁴² Там же. С. 88.

⁴³ НА КарНЦ РАН. 185. № 51. — № 124.

лишится удачи на рыбной ловле⁴⁴. Об этом, между прочим, пишет в своем романе «Пират» Вальтер Скотт: разносчик Брейс отказывается помочь Мордаунту спасти матроса, тонущего после кораблекрушения: «Не с ума ли вы сошли? — говорит разносчик, — вы, так долго живший на Шотландских островах, хотите спасти утопающего?» Предполагается, что тонущий человек обречен: им завладеет сама вода либо обитающий в ней дух. И потому вырвать у них жертву из рук — это безрассудный вызов божеству, который вряд ли может остаться неотомщенным⁴⁵. В нашем случае это вызов мифическим распорядительницам судьбы, олицетворяющим первопричину трагического происшествия и даже саму смерть как проявление рока, предопределения, фатума. О тождестве осмысления *смерти* и *похищения* мифическими водяными существами, в данном случае нимфами, свидетельствует, в частности, надпись на гробнице пятилетней девочки: «Красой своею милое дитя, *не смертью* я, но *наядами* унесена (курсив наш. — Н. К.) из жизни»⁴⁶.

За редким исключением, мифическая женщина вод, исполняя приговор судьбы, лишена каких бы то ни было моральных качеств. В этом она уподобляется самой водной стихии, которая «абсолютно автономна, безразлична к богам, людям и истории». Баюкая себя в своей собственной зыби, она не ведает «ни о семенах, ею в себе несомых, ни о „формах“, потенциально в ней заключенных и ею периодически растворяемых», чтобы эти «формы», очистившись в водной стихии, могли вновь возродиться⁴⁷.

Детерминистские представления распространяются и на коллизии, с водой не связанные, хотя и предопределенные мифическими водяными существами. Так, например, один бедолага по пьянке замерзает на пути в поселок. В другой бывальщине последствием прорицания служит убыток в крестьянском хозяйстве. Предсказания же этих персонажей в сюжете «Год от году хуже» влекут за собой глобальные трагические события: «Перед войной, наверно, это было. Вот воевали-то долго и говорили: „Вот водяница кукнула, что мужиков тогда убили“»⁴⁸. Такая «водяница» в известном смысле сближается со скандинавскими валькириями, в руках которых и военный успех, и поражение. Они спешают на поле битвы, забирают души убитых воинов и относят их в Вальгаллу. Впрочем, в одном из вариантов рассматриваемого сюжета повествование ограничивается констатацией факта, что тот год действительно был *плохим*, оставляя возможность для разных интерпретаций столь всеобъемлющей формулировки.

В отличие от рассматриваемой версии, где водное божество предсказывает/предопределяет судьбу в сущности по собственной инициативе, другая версия представлена в традиции гораздо слабее. Ее коллизия обусловлена вопросно-ответной

⁴⁴ Тэйлор Э. Первобытная культура / Пер. с англ. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939. С. 62—63.

⁴⁵ Там же. С. 63.

⁴⁶ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. С. 198.

⁴⁷ Там же. С. 198—199, 203.

⁴⁸ НА КарНЦ РАН. 23. № 64. — № 141.

формой. Так, донный, показавшись из «прорубы» в виде некой водно-волосатой фигуры (вода даже «в носу, в ушах»), на вопрос деда «Будет ли промысел?» отвечает утвердительно. И в доказательство правдивости его предсказания «столько заревело вокруг зверей, что страсть!»⁴⁹. Водная стихия, связанная с водным же волосатым божеством, осмысляется как средоточие силы и плодородия. (Заметим, что ответы на вопросы: «Каков год? Каков хлеб? Будет ли солдатчина? Будет ли в море рыба?» — подчас приписываются и духу-«хозяину» леса⁵⁰. Причем совершенно очевидно, что этот «хозяин» не только предсказывает, но и предопределяет обилие дичи. Так, расплачиваясь за четверть вина с лавочником, он как бы невзначай обронил: «„Си зиму много зверья буде у вас“. <...> И подлинно: столько зверья было, как никогда»⁵¹.)

Прежде чем наделить даром пророчества водных божеств, архаическое мышление наделяет вещей способностью уже саму воду, осмысляемую в качестве первоизданной стихии. В этой стихии, по народным верованиям, находятся все начала и концы сущего: «<...> воды символизируют первичную субстанцию, из которой рождаются все формы и в которую они возвращаются»⁵². Причем если изначально персонифицировался и обожествлялся непосредственно водоем, то на высшей стадии развития подобных верований он больше не олицетворяется. Теперь этот водоем управляется духами, в нем обитающими⁵³.

В дошедших до нас мифологических рассказах всё еще продолжают сохранять-ся пережитки изначальных верований, когда предопределение/предвестие в виде звуковых знаков-символов исходит именно от воды/водоема. Например, «одна девка», по имени Паранья, ходила «слушать» на ручей, загадав при этом: «Выйду ли на сегодня году взамуж, так услышу колокольцы. А если что случится, так тако и услышу»⁵⁴. Придя к ручью и припав к нему, она слышит мамин плач, сопровождаемый приговором: «Господарево дитятко! Господарево милое!» Прожив с той зимы до сенокоса, девушка утонула. Оттого и слышался плач ее мамы. Характерно, что Плутарх, повествуя о древних германцах, пишет о «предсказании священных жен, которые, наблюдая водовороты в реках и прислушиваясь к шуму потоков, возвестили...» (Цезарь. XIX). Гадали по журчанию ручья, по гулу водопада, речной стремнины. Причем река и выход к реке в древнегерманской традиции, безусловно, связаны с определением судьбы⁵⁵. Не случайно и в русской куль-

⁴⁹ Власова М. Н. Прозаический фольклор Терского берега Белого моря (по записям 1982—1988 гг.) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2004. Т. XXXII. № 16. С. 359. — № 142.

⁵⁰ Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. № 240. С. 314.

⁵¹ Перетц В. Н. Деревня Будогоща и ее предания // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 7.

⁵² Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. С. 183.

⁵³ Тэйлор Э. Первобытная культура. С. 425.

⁵⁴ Вятский фольклор. Мифология. № 345. С. 99.

⁵⁵ Ганина Н. А. Норны: К генезису и ареальным параллелям образа. С. 218, 220.

туре столь значима ассоциация звуков течения воды с речью. Вспомним известные пушкинские стихи: «А как речь-то говорит, словно реченька журчит». Истоки таких представлений можно обнаружить в «Ригведе», где богиня поэтической речи сопоставлена с реками.

Особенно отчетливо пророческие функции воды, по народным верованиям, проявляются в мантических обрядах, связанных с этой природной стихией. В них предвестием служат уже сами по себе звуки воды. Так, например, вода, закапавшая в колодец, — верный знак скорого замужества, в противном случае — замужеству не бывать⁵⁶. Если же в проруби при соблюдении определенных, предусмотренных ритуалом, правил в полночь накануне Крещения заплещется вода, то гадающая сможет увидеть в ней лицо своего суженого. И даже вода, налитая в стакан, не лишается своего вещего дара. В одном из мифологических рассказов «знающий» старик, чтобы определить, кто виновник приключившейся с конкретным человеком порчи, смотрел в стакан — в воде показывался (и другие это видели) виновник портежа. В данном случае расхожее выражение «Как в воду глядел» приобретает свой буквальный смысл. Видение якобы было настолько реальным, что старик предлагал пострадавшему отомстить своему обидчику: «Если ты хочешь, чтобы у него глаз вытек, значит, тыкни пальцем воду туда, в стакан. И у него глаз вытекнет, значит»⁵⁷.

Гадают также и по атрибутам, взятым из воды. Например, гадающие девушки берут определенным способом из речки или проруби вместе с водой камешки, а затем разглядывают их: если камешек черный, то и жених будет черный, если белый, то и жених белый, а если камень в крапинку, то жених будет рябой. Этот вынутый из речки камешек кладут на ночь в изголовье: кто приснится, тот и будет мужем гадающей⁵⁸. При этом камень представлен как эквивалент человека или, во всяком случае, как вместилище его души.

В других вариантах атрибуты, взятые вне воды, бросают на воду в расчете на ее способность посылать предвестия. В одной из бывальщин венки, который был брошен в реку (дело было в Семик) «на мать», потонул — и мать в том же году умерла. Или же девушки бросили на реку веники. И веник рассказчицы вместе с веником Маши Соколовой прибило к берегу, тогда как веники остальных девушек унесло водой далеко. В результате первые вышли замуж за своих парней, у других женихи оказались из дальних деревень. Знаковым атрибутом гадания посредством спускания на воду служили и нити: «Туды спускали в воду. Две ниточки за skut, одна дёржит и другая, потом спустя: „Если я за его выйду, дак, ниточки, соскитесь вместе“. А если не выйду, дак они не соскутся»⁵⁹. Или же на воду, принесен-

⁵⁶ Смирнов В. Народные гаданья Костромского края (очерк и тексты) // Труды Костромского научного об-ва по изучению местного края. Кострома, 1927. № 366. С. 63; № 414. С. 66 (Четвертый этнографический сборник. Вып. XLI).

⁵⁷ НА КарНЦ РАН. 191. № 29.

⁵⁸ Смирнов В. Народные гаданья Костромского края (очерк и тексты). № 230—231. С. 55.

⁵⁹ НА КарНЦ РАН. 73. № 183.

ную из проруби и вылитую на сковороду, кладут клочок скрученной кудели, зажигая его. Если вода заколешется, закипит, свекровь будет злой. Вода же, которая останется спокойной, предвещает «мирную» свекровь. Причем и венок, и нить, и кудель связаны с идеей плетения, прядения, символизируя «нить жизни», человеческую судьбу⁶⁰.

По иной версии, в воду льют расплавленные олово, свинец, воск либо выпускают белок (вариант: желток) из яйца. В зависимости от того, какие на воде или на снегу, осмысляемом как эквивалент воды, образуются фигуры, узнают свою судьбу. Приравниваясь к тени, отражению, такие фигуры служат знаками-символами души-судьбы. Например, покажется венец либо церковь — к свадьбе, гроб же предвещает смерть. Если получится фигура, напоминающая церковь с главами, то по количеству этих глав выясняют, в какую волость выйдет девушка замуж. Старинный же образок пускают в воду «на того, кто хворает»: посветлеет он после этого — больному жить, потускнеет — умереть.

Разумеется, в мантических обрядах знаковую роль играют различные атрибуты гадания, соотнесенные не только с водяными, но и с другими мифическими силами. Определенный магический смысл имеют и докусы, где выливается используемая в ритуале вода: «Ходят к реке за водой, достают прямо ртом и несут эту воду, не выпуская изо рта, в избу и обливают печной столб. При этом говорят слова заклинания»⁶¹. В данном случае это не просто гадание, но явно прослеживаемое стимулирование активности мифических сил или существ, в чьей власти находится человеческая судьба. Причем подобная активизация достигается вербальными и акциональными средствами: «В деревне, где так проделывается, уже обязательно должны быть сваты. Это называется „заворожить женихов“»⁶². Аналогичным способом воздействуют и на верею — воротный столб. Гадающие, отправляясь на реку, приворачивают к ней и хлещут своими поясами, приговаривая: «Веря, веря, покажи жениха». По возвращении же каждая из девушек выплескивает воду, набранную ртом из речки, на верею: во сколько ручьев по данному столбу потечет вода, столько будет у нее сватов⁶³. Это как раз и есть те самые струи и потоки воды, которые символизируют индивидуальную судьбу⁶⁴. В печном же и воротном столбах, нередко скульптурно оформленных, имеющих антропоморфный облик, персонифицирован мифический предок (домовой, дворовой)⁶⁵. Согласно с ним свое прорицание, вода сохраняет за собой исконно главенствующую роль. Так или иначе во всех рассмотренных обрядах и верованиях проявляются, хотя и

⁶⁰ Криничная Н. А. Нить жизни: Реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. С. 18—23.

⁶¹ Смирнов В. Народные гаданья Костромского края (очерк и тексты). № 115. С. 48.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. № 230. С. 55.

⁶⁴ Михайлова Т. А. «Заговор на долгую жизнь»: к проблеме образов «дочерей моря» и «волн судьбы» в ирландской мифопоэтической традиции. С. 203.

⁶⁵ Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 109, 144—145 и др.

с неизбежными мифологическими искажениями и привнесениями, пророческие свойства воды⁶⁶.

Вместе с тем в своих потенциальных возможностях моделировать и прогнозировать будущее вода и водные божества смыкаются с такими мифологическими персонажами, как леший, домовый, дворовой, банник, хлевник, овинник и др. Из сказанного следует, что в образах этих прорицателей есть некая общая составляющая, обусловленная детерминистскими представлениями. И все же превалирующее положение в рассматриваемых мифологических рассказах занимают водные божества, поскольку именно они изначально связаны с первозданными водами, из которых, согласно народным космологическим воззрениям, возникло все живое. Это они выступают в роли божеств судьбы, прорицательниц и устроительниц человеческого бытия. Впоследствии в одном типологическом ряду с ними закономерно оказывается и водяной, связанный с аналогичными женскими персонажами преемственно и функционально. В этом же ряду находятся и другие персонажи, некогда имевшие, но утратившие связь с водой, а подчас и не имевшие ее вовсе.

Относительно исконного смысла образов водного божества, в том числе и русалки/водяницы, есть разные точки зрения. Если мы обнаруживаем истоки этих образов прежде всего в персонификации самой воды, то акад. А. Н. Веселовский⁶⁷, а вслед за ним и его ученик Е. В. Аничков⁶⁸ видели в русалках преимущественно воплощение душ умерших предков⁶⁹. Причем к разряду предков (*manes*) могли относиться и все умершие. Иначе говоря, культ предков здесь, как и во многих других случаях, совмещается с культом мертвых. Надо полагать, это и есть то общее, что лежит в конечном счете в основе различных образов предсказателей судьбы. В свете изложенной теории становится понятным, почему даром прорицания наделяются не только водяные мифические существа, но и духи-«хозяева» леса, дома, хозяйственных построек. Соотнесенность этих персонажей с мифическими предками — важнейшая (но не единственная!) составляющая в системе их образов. Однако в качестве мифических прорицателей в традиции продолжает оставаться и некая безличная судьбоносная сила («что-то есь»), неотделимая от природной стихии, и особенно водной. В процессе долгого бытования эта сила отчасти сли-

⁶⁶ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. С. 198.

⁶⁷ Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1889. Вып. 5. XI—XVII. С. 260—286 (Сб. Отд-ния русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. 46. № 6).

⁶⁸ Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб., 1903. Ч. 1. С. 303—304 (Сб. Отд-ния русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1903. Т. 74. № 2).

⁶⁹ В современной фольклористике наибольшую поддержку получила точка зрения Д. К. Зеленина, согласно которой русалки относятся к «заложным» (умершим неестественной смертью) покойникам: Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916. Однако в этой своей ипостаси русалки слабо соотносятся с мифическими прорицательницами.

вается с мифическими предками, начиная с тотемных. Но отчасти она удерживает за собой и присущие ей размытые признаки. Не поддающаяся идентификации, эта безличная сила может служить проявлением аниматизма в фольклорной традиции. Одним словом, каждый из предсказателей человеческой судьбы представляет собой сложное переплетение различных верований, определяющих специфику мифологического мировосприятия. Причем одни прорицатели так и остаются в водной стихии, другие временно выходят из воды, третьи утрачивают связь с ней, хотя и сохраняют рудиментарные акватические признаки. Некоторая общность их истоков проявляется, в частности, и в присущей этим персонажам функции прорицания. И потому каждое из названных мифических существ предопределяет, предвещает, предсказывает повороты судьбы, властвуя над жизнью индивида и социума. И тем не менее воде, как и персонифицирующим ее божествам, принадлежит главенствующая роль в моделировании, предопределении и предсказании человеческой судьбы. И потому акватической символикой столь устойчиво отмечены все поворотные моменты в жизненном цикле индивида — его рождение, свадьба, смерть.

❖ IV ❖

Жизненный цикл в системе акватических знаков-символов

Смерть на воде

В момент, когда первобытный человек воспринимает то, что дано его внешним чувствам, он представляет себе и мистическую силу, которая таким образом проявляется.

Люсьен Леви-Брюль

В быличках и бывальщинах, дошедших до наших дней, первопричина трагических происшествий на воде мифологизируется, а чаще и персонифицируется. Суть этого вопроса со всей определенностью изложил в беседе с П. Н. Рыбниковым один из заонежских сказителей: «Вот ты, Павел Николаевич, думаешь, что на воде люди погибают больше от своей вины. А мы тебе заподлинно сказываем, что дело без водяника не обойдется»¹.

В научной литературе водяной, представленный в ипостаси виновника гибели людей, характеризуется преимущественно как злой дух. Во всяком случае, именно такая характеристика этого мифологического персонажа переходит из одной энциклопедии в другую. Так, по мнению В. В. Иванова и В. Н. Топорова, этот злой дух воплощает стихию воды как отрицательного и опасного начала, а женские духи воды, водяницы и русалки, связаны с представлениями о вредоносных «заложных» (умерших неестественной смертью) покойниках². Другие же исследователи, Е. Е. Левкиевская, В. В. Усачева, хотя и видят в водяном хозяина и покровителя водного про-

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Петрозаводск: Карелия, 1991. Т. 3. С. 188. — № 172.

² Иванов В. В., Топоров В. Н. Водяной // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 240; Они же. Водяной // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 127.

странства, тем не менее также характеризуют его как злого духа, и даже более злого, чем все другие духи³. Не избежала этого определения и Т. А. Новичкова⁴. М. Н. Власова, помимо прочих характеристик данного мифологического персонажа, согласуясь с народной традицией, называет его чертом (дьяволом, бесом)⁵. Определение водяного как злого духа встречается и в исследованиях, очерках, комментариях.

Основная вредоносная функция водяного, по мнению названных исследователей, — заманить людей (иногда животных) в воду и утопить их. Тем не менее в «Энциклопедии религий» данный персонаж вне всякого сомнения характеризуется (и, в частности, в связи с гибелью или спасением людей на воде) как амбивалентное существо: это «нежить, дух водной стихии <...> от доброго или злого расположения которого зависит все, что связано с водоемами. <...> он может утопить неугодного ему человека или чудесным образом его спасти»⁶. Именно это определение наиболее подтверждается имеющимися в нашем распоряжении севернорусскими мифологическими рассказами, взятыми в совокупности. Поскольку мифологическая коллизия «смерть на воде» никогда не была объектом специального рассмотрения, обратимся к ее изучению.

Отметим, в первую очередь, что изначально в силу господства веры во всеобщую одушевленность природы или отдельных ее явлений виновницей несчастных случаев считалась сама водная (а подчас и лесная) стихия, осмысляемая в качестве некой безличной мифической силы. Уподобленная живому существу, она наделена способностью *брать, тянуть, затягивать, тащить, захватывать* каждого, кто при определенных условиях окажется в ее власти: «А всё говорят, вода *берет*, всё вода, вот тоже судьякали на то, что вода *берет* <...>». Да эта уж река *брала* народ, *брала-брала* (курсив наш. — Н. К.), *тонули*⁷. Или: «Озеро наше нехорошее — оно *берет* людей. Редко которого лето пройдет, что *не берет* (курсив наш. — Н. К.), да. Оно приносит несчастье»⁸. В этих нарративах проявляет себя безличная мифическая сила, которая берет оказавшегося в воде человека, уносит его, забирает в свое владение, захватывает, поглощает. При этом так и остается невидимой, неведомой, неидентифицированной: «есть какая-то сила», «есть там», «что-то такое есть»

³ Усачева В. В. Водяной // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 98; Левкиевская Е. Е., Усачева В. В. Водяной // Славянские древности: Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого: В 5-ти т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 396, 398.

⁴ Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т. А. Новичкова. СПб.: Петербургский писатель, 1995. С. 95.

⁵ Власова М. Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во «Азбука», 1998. С. 94.

⁶ Ситников М. Н. Водяной // Энциклопедия религий / Под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008. С. 281.

⁷ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее — НА КарНЦ РАН). 73. № 2076 (первая цифра обозначает номер коллекции, вторая — порядковый номер текста в ней). — № 146.

⁸ Там же. 192. №138. — № 108.

и пр. *Сила*, по определению В. И. Даля, — это источник, начало, основная (неведомая) причина всякого действия, движения, всякой вещественной перемены в пространстве. *Сила* есть отвлеченное понятие общего свойства, ничего не объясняющее, а собирающее только разрозненные явления под одно общее понятие и название⁹. В древнерусском языке *сила*, помимо прочего, — это и «потенция», и «могущество», и «власть», и «суть»¹⁰. Причем в нашем случае все эти качества заключены в водной стихии, которая может представлять собой и некую неопределенную единичность, и некую неопределенную множественность.

В своей губительной ипостаси водная стихия, изображаемая в быличках и бывальщинах, характеризуется глаголом *тянуть*, т. е. заставить человека переместиться в глубь вод. Так, например, зафиксирован мифологический рассказ, где один из братьев, купавших коней в озере, успел сказать другому: «Василий, я сейчас потону! Меня, — говорит, — за ногу поймали, *тянут* (курсив наш. — Н. К.) под воду»¹¹. В другом случае рассказчицу, которая еще в детстве пошла купаться, «стало туда тянуть-тянуть-тянуть»¹². Находясь между жизнью и смертью, тонущий человек впадает в лиминальное состояние: «и руки, и ноги у меня ровно скованы»¹³. Затягивающее воздействие водной стихии распространяется и на домашний скот, на лошадей: ту или иную животину «так и тянет-тянет-тянет»¹⁴ в пучину вод. Это воздействие может быть выражено и другими глаголами. Например, купающегося парня нечто «вдруг» «зафатило и потащило»¹⁵, т. е. насильно потянуло в глубь водоема. Или же некая сила тащит лошадь за хвост. Эту лошадь вытаскивают на берег, а она вновь падает в воду. По мнению рассказчицы, «видно, так надо было»¹⁶. Иначе говоря, этой силе приписывается некая воля, замысел которой человеку неизвестен.

Обращает на себя внимание тот факт, что аналогичные представления связаны не только с водной, но и с лесной стихией, которая в мифологическом мировосприятии также наделяется силой, затягивающей человека в глубь леса. В одной из быличек женщину, которая собирала ягоды и совсем уж хотела вернуться к из-

⁹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1991. Т. IV. С. 184.

¹⁰ Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1999. Вып. 24. С. 134—136.

¹¹ *Рейли М. В.* Северные поверья и мифологические рассказы (экспедиционные материалы конца 1970—1980-х гг.) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2004. Т. XXXII. № 98. С. 412. — № 148.

¹² НА КарНЦ РАН. 165. № 303. — № 147.

¹³ *Перетц В. Н.* Деревня Будогоща и ее предания // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 8—9. — № 150.

¹⁴ НА КарНЦ РАН. 150. № 86г. — № 149.

¹⁵ Там же. 73. № 227. — № 152. См. также: Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Изд. подгот. В. П. Кузнецова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. № 26. С. 30.

¹⁶ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор коммент. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. № 165. С. 54.

бушке, внезапно и помимо ее воли «в лес потянуло»¹⁷. В другом случае «не видно никого», а девушку «как тащит кто»¹⁸. И даже теленок бежал в лес так, как будто его кто тащил¹⁹. В то же время неведомая и невидимая мифическая сила, которая уносит человека в противоположном от дома направлении, представлена иногда и неким неопределенным множеством: «уволокли его пой ведай куды по лесу»²⁰; «как к тым рассадникам сволокли, <...> вот туды ее отсюда уволокли лесом»²¹.

Рассмотренный образ безличной мифической силы основан на древнейших аниматических представлениях, обусловленных верой во всеобщую одушевленность природы или отдельных ее стихий и явлений. Переплетенный с анимизмом, аниматизм, тем не менее, — более ранняя по сравнению с ним стадия религиозного сознания. Существует даже мнение, что аниматизм вообще предшествует религии²².

Мифическая безличная сила имеет стихийную природу. Она естественна, бессознательна, не регулируема, не подчинена законам упорядоченности, присущим космосу. Она лишена каких бы то ни было нравственных характеристик. И ситуация, когда человек оказывается во власти водной стихии, может иметь разный исход. Так, в бывальщине, где одного из братьев «тянут» за ногу под воду, происшествие заканчивается трагически. Однако, по другим рассказам, человек, оказавшись в кризисной ситуации, находит возможность ее преодолеть. Например, затягиваемую водной стихией девочку оттягивает «обратно» прохожий, подоспевший на помощь. Действенной мерой в таких случаях является и реальное физическое сопротивление, подкрепленное осенением себя крестным знаменiem: «Перекрестился — да как хвачу его!»²³ (в данной быличке безличная мифическая сила совмещена с водяным). В ситуации же с переплавляемой на другой берег лошастью от затягивающей водной стихии удастся отбиться камнями. И результат не заставил себя долго ждать: «<...> да й выскочит лошадь оттуда вон»²⁴.

Характерно, что этот мотив встречается и в севернорусских житиях. Так, в Житии Иова Ущельского пытается в аналогичной ситуации потопить и лошадь, и лодку с людьми «дух нечистый водный». Это уже не водная стихия, но еще и не водяной. Причем в данном случае он не дифференцирован от нечистой силы: «Ехали через Мезень реку в лодке Нисогорской волости Фока с братъею Петровы дети на

¹⁷ Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. № 119. С. 234.

¹⁸ Там же. № 122. С. 236.

¹⁹ Там же. № 209. С. 298.

²⁰ Там же. № 120. С. 235.

²¹ Там же. № 121. С. 235—236.

²² Красников А. Н. Аниматизм // Энциклопедия религий. С. 81; Сухов А. Д. Философские проблемы происхождения религии. М.: Мысль, 1967. С. 126—137; Токарев С. А. Аниматизм // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1993. С. 20—21.

²³ Перетц В. Н. Деревня Будогоща и ее предания. С. 9. — № 150.

²⁴ НА КарНЦ РАН. 150. № 86г. — № 149.

пашню свою и плавили лошадь, и выехали до полуреки, и найде на них дух нечистый водный и нача лошадь топिति; они же лошадь держажу, а нечистый дух яве хождаше аки рыба велика волнами и нападаше на лошадь и за лодку хваташе, потопить хотя...»²⁵.

Параллельно с безличной стихийной силой в фольклорно-мифологической традиции обозначается и неопределенно-личная сила: «кто его знат»²⁶, «а меня кто-то тянет»²⁷; «Так вот тут у нас какая-то плавала. <...> Недавно тут эта плавала»²⁸. Подобного рода *какая-то/эта* имеет уже некоторые признаки мифического женского существа. Вместе с тем ее движение к берегу приравнивается к приливу волн: идет «опять-опять-опять волнами такими»²⁹. Отождествляемая с неким зверем, волна *ползет, идет и прыгает*. Наблюдая эти волны, очевидица происшествия не без оснований опасается, как бы они не настигли ее. Напомним, что в виде волн нередко изображаются волосы «девы вод», которая еще до конца не выделилась из своего акватического контекста. Пожалуй, в большей степени из этого контекста дифференцировалась нимфа Винилия: в древнеримской мифологии она персонифицирует волны прибоя (Сервий. Комментарий к Энеиде Вергилия. VI. 90; X. 76). Согласно скандинавской мифологии, у морского великана Эгира и его жены — морской великанши Ран, осмысляемой как штормовое божество, было девять дочерей — дев волн, имена которых говорят сами за себя. Это Волна, Всплеск, Прибой, Вал, Рябь, Бурун, Небесный Блеск, Голубка, Кровавые Волосы. А само море называют «землею Ран и дочерей Эгира»³⁰. При этом вспоминаются поэтические строки: «Одной волною накатило, / Другой волною унесло» (Марина Цветаева. Две песни).

По мере преодоления представлений о воде как одухотворяемой стихии в традиции формируются образы духов-«хозяев», преемственно связанных с персонажами тотемного характера. Отныне они совмещаются с безличной мифической силой, которая, будучи в известной мере ассимилированной, так до конца и не сдаст своих позиций. В той или иной мере восприняв ее функции, теперь уже «хозяйка»/«хозяин» вод проявляет свойства данной природной стихии: она/он *берет, тянет, тащит, хватает* людей. Уподобляясь нерегулируемой силе, эти мифические существа подчас топят людей бесцельно, бессмысленно, немотивированно, выступая в роли первопричины смерти на воде: «Вдруг его *зафатило* и *потащило*. <...> Ну, а его водяник за ногу *зафатил* и *потащил* (курсив наш. — Н. К.)³¹». Или: «Вот у одной жен-

²⁵ Цит. по: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 464.

²⁶ НА КарНЦ РАН. 73. № 2076. — № 146.

²⁷ Перетц В. Н. Деревня Будогоща и ее предания. С. 8. — № 150.

²⁸ НА КарНЦ РАН. 165. № 303. — № 147.

²⁹ Там же.

³⁰ Младшая Эдда / Изд. подгот. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, 1970. С. 68, 70, 92.

³¹ НА КарНЦ РАН. 73. № 227. — № 152. См. также: Памятники русского фольклора Водлозерья... № 26. С. 30.

щины утонул сын. Он и плавал-то неплохо, хорошо плавал-то и вот вдруг утонул. <...> Ну, народ-то: „Водяной *утащил* (курсив наш. — Н. К.)!“³². Впрочем, провести грань между немотивированностью и отсутствием или утратой каузальности не всегда представляется возможным.

Случаи же потопления людей по воле мифических водяных существ в основном мотивированы. Однако эти мотивировки настолько завуалированы, а то и вообще стерты, что нуждаются в специальном изучении.

Одна из важнейших предпосылок гибели человека на воде — отступление от правил, которыми регулируются взаимоотношения миров и, в частности, людей с потусторонними существами³³. Речь идет в первую очередь о нарушении пространственно-временных границ между континуумами. Так, в одной из бывальщин в ответ на вопрос, зачем «водяной хозяин» «утянул» девушку в глубины вод, тот со всей определенностью отвечал: «Мы сидели кушали, а она ступила нам прямо ногой в чашку»³⁴. Аналогично мотивируется смерть на воде в карпатско-украинской традиции: водяной топил тех, кто плавал над его жилищем и мутил воду³⁵.

Чреваты трагическими последствиями и нарушения темпоральных ограничений. Особенно опасно пренебрежение запретом купаться в Ильинскую неделю, когда водная стихия находится во власти ее «хозяев»: «Утонул священник на Ильинской неделе. Бабы говорили, что его водяной утащил»³⁶. И вообще, согласно поверьям, в Ильинскую неделю мифические водяные существа людей «боле» похищают. Опасной является и ночь накануне Ивана Купалы. Вместе с тем на людей налагаются запреты и в определенные моменты суточного цикла, особенно на закате и восходе солнца, когда миры, «размыкаясь», оказываются взаимопроницаемыми. В такие моменты мифические существа для свершения своего магического действия получают возможность перемещаться «оттуда» «сюда», и прежде всего в медиативный локус. Как повествуется в одной из бывальщин, в деревне Вороний Остров, «на пристани», т. е. на деревянных мостках, с которых зачерпывали воду, утром, когда только начинает светать, сидит, сгорбившись, некто похожий на человека, голый, волосатый, и моется, моет ноги³⁷. Время на восходе солнца считается принадлежащим мифическому существу, которое посредством приговора: «Черт, не свети! Черт, не свети!» — пытается продлить свое пребывание «здесь»³⁸. Для людей же это «не свое время», а значит, в данный момент человеку приходится

³² Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 172. С. 55.

³³ Об истоках этих представлений см.: Криничная Н. А. Вода: к проблеме религиозно-мифологического восприятия природной стихии в нарративном фольклоре // Религиоведение. 2012. № 3. С. 3—13.

³⁴ НА КарНЦ РАН. 109. № 130. — № 151.

³⁵ Левкиевская Е. Е., Усачева В. В. Водяной. С. 398.

³⁶ Верования великоруссов Шенкурского уезда: (Из летней экскурсии 1916 г.) / Собр. и зап. П. Г. Богатырев // Этнографическое обозрение. 1916. № 3—4. С. 54. — № 153.

³⁷ НА КарНЦ РАН. 142. № 624. — № 93.

³⁸ НА КарНЦ РАН. 150. № 70. — № 166.

к воде нельзя. Однако вскоре ситуация меняется: «А потом петухи пропоют, пойдешь за водой — и никого нет, сухое место на пристани»³⁹.

Появление у воды/на воде в запретное время может иметь трагические последствия. И дело, на наш взгляд, не столько в том, что водяной «пугает», сколько в том, что нарушается регламент взаимодействия миров. Если люди не соблюдают правил, то и для водных духов более нет строгих ограничений. В мироздание вторгается хаос, что предопределяет гибель человека, иногда и домашнего скота в воде, на первый взгляд, ничем не мотивированную. В одной из бывальщин девушка «утром рано-рано <...>, все еще спали» искупалась дважды до восхода и один раз после восхода солнца, как бы нарушив с обеих сторон темпоральную границу. Несмотря на то что «купальня» была огорожена решеткой, девушка после третьего раза не вернулась: «<...> видать, через решетку достал»⁴⁰.

Пребывание в неурочный час у воды, а тем более в воде, по некоторым вариантам, не остается без последствий для человека даже в том случае, когда ему удастся спастись. В течение определенного периода он будет находиться в лиминальном («пороговом») состоянии между жизнью и смертью. У индивида, который, нарушив запрет, видит водяного, на время, а подчас и навсегда утрачиваются физические и душевные силы, омрачается рассудок: «У нас ноги-то и подрезало»; «у меня волосы поднялись», «вся почернела от страху», «не мыхал ничего, так испугался», и т. д.

И даже в тех случаях, когда индивид в запретное время приходит на берег озера/реки и своим неожиданным появлением прерывает магическое действие мифического водяного существа, ради которого оно «сюда» и вышло, ситуация далеко не всегда имеет трагические последствия. В большинстве вариантов водяница/русалка (подчас водяной), заметив человека, и особенно при его приближении, сама спешит скрыться в своей стихии. Более того, в текстах, где образ водяного духа подвергся уже трансформации, изгнать мифического пришельца в глубины озера/реки могут даже дети: «Уходи, водяная!» — что и происходит⁴¹.

Из сказанного следует, что нарушение пространственно-временных запретов имеет двоякий исход: виновник может утонуть, но чаще он остается целым и невредимым. Как повествуется в одной из быличек, записанной столетие назад, охотник, припозднившись, спускается в реку ночью, часов в двенадцать, когда «как есь месяц пёк»⁴². В воде он сталкивается с самим «хозяином», который к тому же плыл прямо на него. Тем не менее нарушитель запрета спасается бегством, что служит едва ли не самым действенным средством для преодоления кризисной ситуации. Причем, вопреки расхожему мнению, «хозяин» появляется отнюдь не для

³⁹ НА КарНЦ РАН. 142. № 624. — № 93.

⁴⁰ Там же. 151. № 298. — № 157.

⁴¹ Там же. № 32г. — № 64.

⁴² Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.): Сб. Н. Е. Ончукова. СПб., 1908. № 273. С. 552—553 (Зап. Имп. Русского географического об-ва по отд-нию этнографии. Т. XXXIII). — № 164.

того, чтобы напугать человека. В соответствии с регламентом, определяющим взаимодействие человека и водяного существа, время лунной полуночи на поверхности реки принадлежит именно последнему — и потому он «здесь».

Неоднозначны и последствия нарушений других запретов, регулирующих правила коммуникации между мирами. В данном цикле встречаются бывальщины, когда сам индивид провоцирует трагический исход своей встречи со сверхъестественным водяным существом: «Поехали рыбачить. Видят, на камне сидит женщина. Брат отца выстрелил. Поднялся ветер — лодку потопило. Кто стрелял — утонул»⁴³. Но даже в этой версии рассматриваемого сюжета виновник далеко не всегда карается смертью. Например, в другом варианте человек, который выстрелил в водяную деву, остался жив. Он лишь «окривел на один глаз», и ни врачи, ни бабки помочь этому индивиду не смогли⁴⁴. Иначе говоря, тот, кто внес хаос в мироздание, сам оказался отмеченным знаками хаоса — полуслепотой и асимметрией, отчасти омрачением сознания.

Разной степени кара постигает человека и в случае нарушения запрета на ругань, и особенно на матерную брань. В одной из бывальщин водяной, на которого, находясь в море, «выругался» капитан, опрокинул его судно, и того мужика больше уже никто не видал⁴⁵. Несмотря на то что и в данном случае нарушены правила коммуникации с мифическими существами, виновнику нередко удается избежать трагического исхода: «Купаться пошел парень с матерями (с матом), так еле этого... руки, ноги да тело все оцарапал. <...> Это водяной его наказал. Пошел с матерями в воду — ему ума дал да отпустил обратно»⁴⁶.

Нарушение же других запретов, описываемых в рассматриваемом цикле мифологических рассказов, чаще всего наказывается болезнью, которая, впрочем, при соблюдении определенных предписаний вскоре и излечивается.

И тем не менее в рассматриваемом цикле имеются сюжеты, в которых риск потопления заметно возрастает. К таковым относится сюжет под условным названием «В лодке». Типична коллизия, когда, несмотря на все усилия гребцов, лодка остаётся наваливается и ни в какую не сдвигается с места: «И вот вдруг не может и грести, ничего. Захватил»⁴⁷; «<...> держа [водяной] лодку! — „Маменька, — говорить, — не могу, — говорить, — гресть“»⁴⁸; «И лодка-то не идет, а стоит. Ни туды да вот и ни сюды. <...> Гребут-гребут, а вот стоит лодка. И всё»⁴⁹. В некоторых вариантах данный мотив подвергся модификации: «<...> кампас остановился, стрелка не

⁴³ НА КарНЦ РАН. 158. № 75. — № 161.

⁴⁴ Там же. 179. № 75. — № 162.

⁴⁵ Там же. 155. № 142г. — № 213.

⁴⁶ Там же. 150. № 86г. — № 149.

⁴⁷ Там же. 73. № 105. — № 170. См. также: Памятники русского фольклора Водлозерья... № 25. С. 30.

⁴⁸ НА КарНЦ РАН. 150. № 69. — № 167.

⁴⁹ Там же. 165. № 651. — № 168.

двигается»⁵⁰, что служит знаком-символом выхода ситуации за пределы физической реальности. Подобный мотив встречается не только в мифологических рассказах, но и в эпических песнях, в частности, в былинах о Садко:

Становилися кораблики середь моря,
День стоят, и другой стоят, и третий стоят⁵¹.

А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли нейдут с места на синем море⁵².

Как предполагается в былинах, морской царь требует «голову человеческую», «живую голову» в качестве жертвоприношения. Аналогичной, на наш взгляд, является мотивировка и в анализируемом мифологическом сюжете. Об этом свидетельствуют зафиксированные в севернорусской традиции поверья: «Есть в Поморье такие реки, где водяник <...> считает своим долгом ежегодно брать по человеку»⁵³. Не случайно и Степан Разин приносит в жертву Волге персидскую княжну. Подобные поверья известны в различных этнокультурных традициях. Например, в Германии, когда кто-нибудь тонет, в народе говорят: «Речной дух потребовал свою ежегодную жертву»⁵⁴. Нам уже приходилось писать, что в принесенной жертве содержится та бесплотная нетленная субстанция, которая необходима для восстановления, обновления жизненной, в том числе магической, энергии «хозяина» вод, поскольку в течение годового цикла она оказывается порядком поистраченной⁵⁵. Кроме того, в рассматриваемом мифологическом рассказе, где лодка «вдруг» останавливается, мотивировка, связанная с необходимостью человеческого жертвоприношения, совмещается с другой мотивировкой — нарушением темпоральных запретов, о чем уже говорилось выше: «не в свое время ехали на лодке»⁵⁶ или же выехали на ночь глядя: «плохо будя вам ночью ехать»⁵⁷. И лишь предпринятые меры: обращение к Богу, использование с апотропейной целью железного орудия (топора) — предотвращают неизбежное потопление, однако не из-

⁵⁰ Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск: Изд. Губернского статист. комитета, 1902. Вып. 4. С. 64. — № 169.

⁵¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Петрозаводск: Карелия, 1989. Т. 1. № 55. С. 347.

⁵² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Петрозаводск: Карелия, 1990. Т. 2. № 135. С. 192.

⁵³ Южанин А. С. Суеверия и обычаи в Поморье // Ярославские зарницы. 1910. № 43. С. 3.

⁵⁴ Тэйлор Э. Первобытная культура / Пер. с англ. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939. С. 63.

⁵⁵ Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. С. 350.

⁵⁶ НА КарНЦ РАН. 150. № 70. — № 166.

⁵⁷ Там же. № 69. — № 167.

бавляют от последствий приближения к потустороннему миру: «Домой приехала и с ума сошла»⁵⁸.

Знаком смерти отмечен и мотив преследования лодки мифическим водяным существом, нередко неотделимым от водной стихии. Так, в одной из бывальщин некая «она», похожая на человека с длинными волосами, подобными волнам, гонится за лодкой и, ухватившись за борт, норовит ее потопить⁵⁹. Природная стихия и мифическое существо настолько нераздельны, что не понять, то ли это «она» сама «шурует» за лодкой, то ли за лодкой «шуруют» волны, воплощающие мифическую водяную силу. Аналогичный синкретизм образа наблюдается и в другой бывальщине, где некто «белый» переваливается-перекатывается через весло⁶⁰. Весь в движении этот «белый» так сильно раскачивает лодку, что люди, которые в ней находятся, оказываются между жизнью и смертью, в положении между мирами. Подобный мотив относится к числу «бродячих». Он сохраняется даже в агиографической литературе, например, в уже упомянутом Житии преподобного Иова Ущельского, жившего в XVII в. В этом Житии «дух нечистый водный», который «яве хождаше аки рыба велика волнами», нападает на лошадь (ее крестьяне «плавили» на другой берег) и хватается за лодку, намереваясь ее потопить⁶¹. И лишь заступничество святого спасает всех от гибели. Согласно народным верованиям, прямо из лодки, плывущей по воде, человек может попасть в потусторонний мир. Например, именно из лодки «черный мужик», поднявшись из воды, ухватывает девку и уносит ее в подводное царство⁶². И даже в том случае, когда рыбаки, вытащив лодку на берег и опрокинув, используют ее в качестве укрытия от ненастья («погоды»), пребывание под ней оказывается для людей небезопасным. «Вторая половина», которая обычно осмысливается как воплощение нематериальной сущности человека, но здесь трансформирована в нечистую силу, норовит эту лодку потопить: «Скидывай в воду!»⁶³ Однако наличие у рыбаков креста спасает их от неминуемого потопления.

Подобная коллизия обусловлена прежде всего древними похоронными обрядами, и в частности захоронением в лодке. Поскольку загробный мир представлялся в мифологическом восприятии находящимся за водной преградой либо в нижнем течении реки, умершего отправляли туда в лодке. И потому в севернорусских нарративах мифическое водяное существо при виде плывущей лодки принимает ее, надо полагать, за похоронную ладью, проявляя готовность доставить ее по назначению — за пределы земного бытия. (Характерно, что дырявая лод-

⁵⁸ НА КарНЦ РАН. 150. № 69. — № 167.

⁵⁹ Там же. 140. № 75. — № 165.

⁶⁰ Там же. 150. № 69. — № 167.

⁶¹ Цит. по: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 464.

⁶² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 3. С. 188. — № 172.

⁶³ Рейли М. В. Северные поверья и мифологические рассказы (экспедиционные материалы конца 1970—1980-х гг.). № 91. С. 411. — № 171.

ка с человеческим чучелом использовалась даже в качестве обрядового подношения водяному, которое имело место ежегодно перед ледоставом⁶⁴.) Общие технологические приемы изготовления, а именно долбление из цельного дерева, и лодки, и гроба стимулировали такого рода отождествление⁶⁵. Впоследствии произошедший отрыв мифа от обряда не смог искоренить из традиции первопричину потопления людей в лодке, предполагаемого либо осуществленного.

В некоторых нарративах мотивировкой потопления, приравненного к похищению, служит брак мифического водяного существа с человеком. В одной из бывальных повествуется о девушке, которая стала женой водяного. Тоскуя по земле, она пытается вернуться домой и погибает⁶⁶. Подобный мотив уходит своими корнями в глубокую древность. Он разрабатывается уже в античности, например, в мифе об Алфее — божестве одноименной реки в Греции и нимфе Аретузе:

Я подошла и ступню сначала в струю погрузила.
Вот по колена стою. Не довольствуясь этим, снимаю
Пояс и мягкий покров кладу на склоненную иву.
Вот уж и вся я в воде. Ударяю по ней, загребаю,
Черпаю на сто ладов и руками машу, отряхаясь.
Тут глубоко под водой услышала какой-то я ропот, —
И в перепуге плыву на окраину ближнего берега.
«Что ты спешешь, Аретуза?» — Алфей из вод своих молвит...

Овидий. Метаморфозы. V. 592—599

Смерть на воде, которая осмысливается как предпосылка к перевоплощению девушки в источник, имеет в данном случае брачную символику.

Мотивировкой передислокации человека из «этого» в иной мир может служить и магическое воздействие слова. Таковым оказывается, например, произнесенное вслух пожелание девушки «хоть бы одним глазком посмотреть на подводное царство»⁶⁷. Слово-пожелание, адресованное обитателям подводного/нижнего мира, так же как и слово-проклятие наподобие «Возьми тебя леший», немедленно материализуется. Несмотря на то что не было ни ветра, ни волн, вода «вдруг» заколебалась (знак нарушения границы между мирами), поднялся «черный мужик» и, ухватив девку за руку, утащил под воду — только ее и видели.

Однако наиболее часто потопление обусловлено предопределением судьбы. Предвестием трагического исхода служит появление мифического водяного существа (это преимущественно женский персонаж). Пришелица из нижнего мира, сидя на камне, расчесывает свои длинные волосы, сопровождая магическое дей-

⁶⁴ Ситников М. Н. Водяной. С. 281.

⁶⁵ Криничная Н. А. «Пень да колода»: слово, образ, символ // Русская речь. 2011. № 1. С. 119—127.

⁶⁶ Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда // Отечественные записки. 1848. № 3—4. С. 144—145. — № 186.

⁶⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 3. С. 188. — № 172.

ство магическим же приговором: «Тела нет, а судьба есть» или «Судьба есть, а головы нет». И это «тело» либо эта «голова» появляется в урочный час и в урочном же месте, чтобы быть отправленным «отсюда» в иной мир. Мифологические рассказы лаконичными, но семантически насыщенными средствами воспроизводят ситуацию неотвратимости рока⁶⁸. Эта картина определяется набором устойчивых составляющих.

Иногда человек сам узнает о том, что ему суждено утонуть. Он предпринимает всяческие меры предосторожности: например, больше не ловит рыбу, перестает ходить за водой и т. п.⁶⁹ Нередко слова прорицания слышат другие. Они-то и предупреждают обреченного, что купаться в этом месте опасно: «Ой, миленький, тут нельзя купаться! Тут выскакивал как человек и кричал, что суженого нет»⁷⁰. Однако ни предпринятые меры предосторожности, ни настоятельные уговоры окружающих обычно не действуют.

Индивид тонет в урочный час в урочном же месте и, казалось бы, вопреки обстоятельствам. Например, мужчину, который, несмотря на отговоры, настаивал на своем: «Дальше не могу иттить, я здесь искупаюсь!» — люди, чтобы избежать беды, решили нести на руках, так он у них на руках и умер⁷¹. Мужика же, который слышал приговор судьбы «Тела нет, судьба есть», достаточно было обкатиться водой, чтобы тут же умереть⁷². Причем подобные ситуации приравниваются к потоплению. «Роковой» человек может потонуть, лишь приблизившись к воде. Например, некий дядя Степа пошел на реку за водой вскоре после того, как мифическая женщина, усевшись на камень и расчесав свои длинные волосы, произнесла приговор. Этот дядя Степа утонул, когда зачерпывал ведром воду: «<...> и как-то тут вот сразу пал, будто уж его туды пихнуло»⁷³. Мужика же, который во сне узнал о своей судьбе, водяной утащил, когда тот чинил на берегу лодку: «Сначала звал, потом грозился, ну, так все-таки заманил»⁷⁴. Согласно другой бывальщине, через день или даже на второй день после предзнаменования, когда рыбаки поехали «по неводам», один из членов артели, по имени Иван Федорович, умирает прямо в карбасе⁷⁵.

⁶⁸ Подробнее см.: Криничная Н. А. Прорицания воды/водных божеств в севернорусской мифо-ритуальной традиции // Религиоведение. 2013. № 1. С. 14—25.

⁶⁹ НА КарНЦ РАН. 178. № 121. — № 128.

⁷⁰ Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки, легенды, предания, былички, заговоры (по записям 1963—1999 гг.). СПб.: Алетейя, 2001. № 270. С. 273. — № 125.

⁷¹ Там же.

⁷² Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 186. С. 57; Рейли М. В. Северные поверья и мифологические рассказы (экспедиционные материалы конца 1970—1980-х гг.). № 95. С. 412. — № 126.

⁷³ НА КарНЦ РАН. 82. № 224. — № 123.

⁷⁴ Там же. 178. № 121. — № 128.

⁷⁵ Власова М. Н. Прозаический фольклор Терского берега Белого моря (по записям 1982—1988 гг.) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2004. Т. XXXII. № 31. С. 364. — № 122.

Человек, которому суждено утонуть, тонет иной раз у самого берега, на мелком месте: «Не глубоко порато тако место»⁷⁶. В одной из бывальщин после того, как вышедшая из воды мифическая женщина дважды произнесла слово судьбы: «Ох, как долго нету», учителю, который в данный момент здесь оказался, нестерпимо захотелось искупаться. Едва он зашел в воду, как сразу же утонул. Пришедшие сюда люди увидели: «<...> а он сиднем сидел. В которо место заходил, тут он и утонувши. Чуть ли не волоса видно»⁷⁷. Одним словом, мотив сверхъестественной смерти в воде варьруется до бесконечности.

Тонущего во время купания, как правило, спасти невозможно. Так, по словам рассказчицы, ставшей не только очевидцем, но и участником происшествия, не успел некий Шашка «содрать» с себя одежду и «пасть» в воду, как сразу вода «буль-буль-буль-забулькала», хотя место было знакомое: здесь обычно купались. Попытки спасти тонущего изображаются как последовательная цепь возможных смертей. Вначале бросился «вытягивать» Шашку Сашка Кириков, но «вода как забурлила — и он пал на берёг». Затем хотела прийти на помощь тонущему сама рассказчица, но и ее «как опять буркнуло» — и она «тоже без сознания пала». Вслед за ней предпринял попытку вытащить парня на берег прибежавший сюда мужчина, но и он «пал, с им едва отводилисе, что-то сделалосе». Подобные ситуации как бы служат иллюстрациями к бытующему в архаических традициях поверью: тот, кто спасает утопающего, сам подвергает себя опасности быть утопленным мифической водяной силой, в разной степени персонифицированной и идентифицированной. В данной быличке Шашку удалось вытащить лишь неводом, но «отводиться», т. е. вернуть его к жизни, так и не смогли⁷⁸.

В этой цепи проявлений бессилия изменить ситуацию носители традиции усматривают неотвратимость рока, судьбы, предопределения. Избежать своей участи нельзя, в редких случаях ее исполнение можно лишь отсрочить. Распространен сюжет, когда «хозяйка» вод, «программируя» посредством магии расчесывания волос⁷⁹ судьбу одной деревенской девушки, предопределяет ее потопление. Неудивительно, что едва только эта девушка «своим-то временем» вошла в реку, как ее «эдак всю затрясло», «стало мять со всей силы». И всё же на этот раз несчастную удалось спасти. Однако, пережив состояние между жизнью и смертью, она, по словам рассказчицы, «инвалидом совсем стала». Согласно народным верованиям, предначертание судьбы осталось в силе, отложено лишь его исполнение. И теперь уже не «хозяйка» воды, а «знающий» человек в лице врача Гоголева, по сути, предсказывает время окончания этой отсрочки: «<...> она до девятнадцати

⁷⁶ НА КарНЦ РАН. 184. № 3. — № 110.

⁷⁷ Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки, легенды, предания, былички, заговоры (по записям 1963—1999 гг.). № 280. С. 277.

⁷⁸ НА КарНЦ РАН. 82. № 224. — № 123.

⁷⁹ Криничная Н. А. Водное божество: магия расчесывания волос как предпосылка к сотворению бытия (по севернорусским фольклорно-этнографическим материалам) // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 137—152.

годов доживё, — говорит, — и помрѣ»⁸⁰. Так и случилось. В качестве первопричины трагического исхода представлена «хозяйка» воды, которая в свое время «перед этой висью (вестью) вышла»⁸¹.

Осмысление коллизии «смерть на воде» людьми традиционной культуры «зависит от того основного и первоначального факта, что в их представлениях чувственный мир и мир „иной“ составляют нечто единое»⁸². В результате то, что предречено «там», сбывается «здесь», и тот, кто покидает белый свет, объявляется в ином мире.

Развязка коллизии «смерть на воде» представлена в традиции различными версиями. Согласно одной из них, парень, который ныряет, чтобы достать утонувшую девушку, видит ее в руках водяного: «<...> а там сидит старик. И девка у его захвачена в руки»⁸³. Как повествуется в мифологических рассказах, утонувший остается в том или ином качестве в нижнем (в данном случае — подводном) мире⁸⁴. Ушедшие «туда» подчиняются ритмам мироздания. Например, утонувшую дочь священника видят на мосту, т. е. в медиативном локусе, расчесывающей волосы⁸⁵, что служит проявлением магической функции, присущей русалке, водянице, а подчас и водяному. Согласно народным верованиям, мифическое водяное существо забирает лишь душу утопленника, тогда как тело оставляет людям⁸⁶. В данной версии заключены древнейшие представления о водах как первозданной стихии, где находится средоточие душ людей, и уже умерших, и еще не рожденных. Взаимодействие миров осуществляется через череду смертей и рождений, уподобляясь круговороту, которым живет природа. В качестве медиатора между мирами мифическое водяное существо в означенный, «роковой» час уносит человеческую душу в изначальное лоно, чтобы она, омывшись в первозданной стихии, могла вернуться в земное бытие во всей полноте своих нерастраченных возможностей. На этих же верованиях основываются представления, согласно которым водное божество ни за что не заберет человека, чей срок пребывания на земле еще не истек. Оно будет изо всех сил удерживать тонущего на воде, пока кто-нибудь из людей не подоспеет попавшему в беду на помощь.

В том случае, когда мифическое водяное существо под влиянием христианских воззрений трансформируется в нечистую силу, коллизия «смерть на воде» приобретает совершенно иную интерпретацию. Теперь гибель человека в данной природной стихии мотивируется происками черта, норовящего погубить челове-

⁸⁰ НА КарНЦ РАН. 184. № 3. — № 110.

⁸¹ Там же.

⁸² *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление // *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 305.

⁸³ НА КарНЦ РАН. 83. № 31. — № 156.

⁸⁴ См., например: Там же. 178. № 230. — № 158.

⁸⁵ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 178. С. 56. — № 138.

⁸⁶ НА КарНЦ РАН. 192. № 25. — № 155.

скую душу, чтобы она не досталась Богу⁸⁷. Именно в этой ипостаси связанный с водой персонаж и предстает в роли злого духа, которую наши предшественники распространили на водяного в целом. Будучи первопричиной гибели людей, этот злой дух, чаще всего называемый чертом, топит их без видимой причины — «ни с того ни с сего»⁸⁸. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и персонификацию губительной силы воды, имеющую в мифологической традиции глубинные истоки. Одним словом, коллизия «смерть на воде» гораздо более полисемантична, чем это представлялось раньше. Для проявлений мифического водяного существа в качестве злого духа в этой коллизии остается слишком мало места.

Таким образом, фольклорно-мифологическая ситуация «смерть на воде», имея разные мотивировки, по-разному и решается.

❖ Если эта коллизия обусловлена проявлением бессознательной водной стихии, все еще до конца не преодолевшей состояние хаоса, то она может завершиться как утоплением человека, так и его спасением.

❖ В случае же нарушения пространственно-временных ограничений или ритуально-этикетных норм, которыми регулируется взаимодействие миров и не допускается вторжение сил хаоса, виновник чаще всего отделяется болезнью, что уже само по себе служит проявлением хаоса.

❖ Ситуация, разрабатываемая в сюжете под условным названием «В лодке» и связанная с похоронными древними обрядами, может иметь трагическое завершение, но чаще заканчивается благополучно.

❖ Неотвратно сбывается лишь то, что предопределено, предназначено, предсказано, «на роду написано».

❖ Трагическую концовку в значительной мере приобретают те былички и бывальщины, где мифическое существо, трансформируясь в нечистую силу, норовит погубить человеческую душу.

❖ В случае отсутствия мотивировок коллизия «смерть на воде» остается необъяснимой, загадочной, таинственной, непостижимой человеческим сознанием.

❖ Эта коллизия в известном смысле соотносится с древними представлениями о посмертном «растворении» человека в природных стихиях — воде и земле: «Мы умрем, и будем как вода, вылитая на землю, которую нельзя собрать» (2 Царств. 14.14).

⁸⁷ НА КарНЦ РАН. 192. № 25. — № 155.

⁸⁸ Мифологические рассказы Архангельской области / Сост. Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. № 89. С. 64.

двенадцать (иногда пятнадцать) лет, что соответствует периоду полового созревания. Похищение, которым предваряется преодоление новой вехи в жизненном цикле человека, согласно мифологическим рассказам, нередко стимулируется формульным выражением типа «Возьми тебя...», которое адресовано мифическому (в данном случае — водяному) существу, приобрета со временем ругательный оттенок: «<...> а попала я к нечистым оттого, что отец меня проклял. Как была я малых лет, подавала ему в один жаркий день стакан меду, да нечаянно и уронила стакан на пол — отец осерчал, прикрикнул на меня: „Экая дурища безрукая! Хоть бы черт тебя взял!“ Только вымолвил он это слово, в ту ж минуту очутилась я в морской глубине, в каменном доме, у чертей под началом»⁵.

Похищение в инобытие осуществляется чаще всего из жилого пространства. Оно сопровождается внезапным и мгновенным («вдруг») наступлением мрака: «в избе стемнело». Это знак вторжения в земной мир нижнего (подводного) мира, отмеченного в мифологии знаками темноты или черным цветом. Однако спустя мгновение в избе вновь светлеет: это белый свет, т. е. мир людей, возвращается к своему прежнему состоянию. Тем не менее даже столь кратковременной взаимопроницаемости миров оказалось достаточно, чтобы похищение состоялось: «Посветлело — девки в зыбке нет. Выбежал [брат] на улицу и кричит. Прибежали отец и мать — нет нигде»⁶. Такое похищение соответствует первой фазе переходных обрядов — разделению: оно «включает в себя символическое поведение, означающее открепление личности <...> от занимаемого ранее места в социальной структуре или от определенных культурных обстоятельств („состояния“) либо от того и другого сразу»⁷.

В дальнейшем обозначенная коллизия может развиваться по двум сценариям. Согласно менее распространенному сценарию, похищенную едва ли не сразу удастся вернуть. В этом деле родителям девочки помогает «старуха знающая, колдунья»: «а я ворочу ее тебе»⁸. Унесенную мифическим существом иногда находят, преодолевая водную и лесную преграды, протяженность каждой из них исчисляется тремя километрами: «три километра надо было ехать [на карбасе], три километра пешком пройти»⁹. Число «три» здесь означает всю полноту изолированности мира, локализованного за этими преградами, и трудность попадания в него. Похищенную отыскивают на горе Чернавке, которая символизирует иной ярус мироздания. Там она была «посажена на пеньку», соединяющем миры. В другом варианте унесенного ребенка обнаруживают за горой, на болоте («откроетца мох»), на *клуче* — кочке, бугорке, приравниваемом в мифологии к горе. Посред-

⁵ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 2. № 228. С. 214. — № 183.

⁶ НА КарНЦ РАН. 43. № 178. — № 174.

⁷ Тэрнер В. Символ и ритуал. С. 168.

⁸ НА КарНЦ РАН. 43. № 178. — № 174.

⁹ Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970. № 17. С. 74. — № 175.

словил, да в зыбку склал»¹³. На обозначенном витке жизненного цикла круг как бы замыкается, а вместе с тем, согласно некоторым вариантам, завершается и сюжет.

Однако в подавляющем большинстве текстов коллизия развивается по другому, развернутому сценарию: похищенная пропадает бесследно, и притом на длительный период. И лишь по прошествии определенного срока, связанного с достижением совершеннолетия («ей было семнадцать»), по завершении ритуальной изоляции, по мере преодоления лиминального («порогового») состояния, девушке удастся (в редких случаях не удастся) вернуться в мир людей. Вызволение похищенной, обусловленное достижением ею совершеннолетия, а вместе с тем и брачного возраста, осуществимо лишь при определенных предпосылках, и прежде всего при выходе замуж. Эта версия рассматриваемого сюжета наиболее распространена. Каждый из персонажей: невеста из озера, жених-избавитель, хозяин подводного царства (он же мифический похититель) — играет в этом сюжетном повествовании свою знаковую роль. Причем здесь имеет место тот случай, когда посвятительные и брачные церемонии совмещены в единой мифологической коллизии: «Время от начала инициации (а в нашем случае подчас и от младенческого возраста. — Н. К.) до оформления брачного союза составляет единый период»¹⁴. И потому свадьба часто воспринимается как обряд инициации¹⁵.

В бывальщинах, основанных на мотиве добывания жены в ином мире, мотив попадания туда героини отнесен, как уже говорилось, к самому концу повествования, когда выясняется земное происхождение невесты из озера. В этих случаях бывальщины открываются эпизодом сватовства в подводном мире. Такое решение обычно принимает отец жениха на правах старшего в семье, наделенного особым статусом, в силу чего он осмысливается как посредник между мирами. Впрочем, в мифологических рассказах решение сватать невесту у водяника подчас приобретает обытовленный характер: «<...> никто из суседей не хочет отдать девку в дом несчастного крестьянина — всякому своего детища жаль»¹⁶. Иногда парню («одному солдату») советует свататься у водяника первый встречный: в этом ветхом «старицке» узнаваем «Микола многомилостивый», которому тот помолился¹⁷. В первом встречном обычно есть признаки мифологического персонажа, определяющего судьбу. Характерно, что инициатива может исходить и от «старшего водяника»: под его покровительством в течение своего подводного заточения находится невеста. И, наконец, решение о сватовстве может принять и жених, а подчас и сама девушка, настойчиво предлагая себя в жены.

¹³ Сказки Терского берега Белого моря. № 17. С. 74. — № 175.

¹⁴ Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 127.

¹⁵ Там же. С. 130.

¹⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Петрозаводск: Карелия, 1991. Т. 3. С. 188. — № 179.

¹⁷ Русские сказки в Карелии (Старые записи) / Подгот. текстов, статья и коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск: ГИ К-Ф ССР, 1947. № 43. С. 183. — № 180.

Так или иначе добывать невесту отправляются в подводное царство. Путь в инобытие открывается за «порогом пребольшим-большинским» или от «калинового моста», в образе которого материализуется идея перехода. Идущему туда открывается «дорога прямоезжая, где и век ее не было». Дорожка спускается вниз, и по мере продвижения становится все холоднее. Подводный мир изображается таким же, как земной. Вокруг зеленые поля, рощи, сады. Впереди большое селение. Тамошние жители смотрят на пришельца в окно. В этом селении есть хрустальные хоромы/пребогатая палата/большой каменный дом/изба, где обитает водяной. Ту же картину подводного царства наблюдает герой и в былинах:

Увидел Садке — во синем море
Стоит палата белокаменная,
Заходил Садке в палату белокаменну,
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя как куча сенная...¹⁸

Согласно одной из бывальщин, к сватам выходит хозяин подводного царства. Рукобיתье в инобытии совершается тем же чином, что и на земле: «Вышел к ним старшой водяник и девку с собой вывел. <...> Ударили сваты по рукам — и отправился старик домой»¹⁹; «Вот пришли оны к воденнику в избу да говорят ему: „Вот, не отдаите ли дочерь замуж?“ — „Милости просим“, — отвецят тот»²⁰.

По другой версии, достигнув определенного возраста, невеста сама появляется в «этом» мире. Ее влечет сюда, например, игра на гуслях/балалайке, под звуки которых она пускается в пляску. И музыка, и танцы, по древним верованиям, осмысляются как средства общения между мирами. Не случайно они имеют синхронный, взаимодополнительный, встречный характер. Подобный эпизод обнаруживается не только в мифологических рассказах, но и в былинах, где, заслышав игру Садко «в гусельки яровчатые», из всколыхнувшегося озера показывается морской царь. Позднее он пустится в пляс под звуки гуслей, от чего на море разыграется шторм.

Как подтверждается мифологическими рассказами, в период от просватанья до венчания (иногда и позднее) невеста из подводного мира переживает лиминальное («пороговое») состояние. Знаком этого состояния служит прежде всего изоляция невесты, интерпретируемая как ее похищение и заточение в глубинах вод. Проявлением лиминальности следует считать и невидимость невесты: «Каждый вечер ложился он (молодой промышленник. — Н. К.) в своей гальёте и играл в гусли, и как только заиграет — слышно было, что кто-то невидимкой перед ним пляшет, только платье шумит. Захотелось ему увидеть, кто такой пляшет. Однако что ни делал, как ни ухитрялся — все даром!»²¹. Такая невеста не просто невидима:

¹⁸ Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М.: Наука, 1978. № 27. С. 155.

¹⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. С. 188. — № 179.

²⁰ Русские сказки в Карелии (Старые записи). № 43. С. 183. — № 180.

²¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. № 228. С. 213. — № 183.

она, по сути, не имеет ни облика, ни формы, ни статуса. И в этом качестве она ничем не отличается от себе подобных «пороговых» существ. Схожесть, неотличимость невесты создает ситуацию подмены. В одном из мифологических рассказов «невеста под фатой», выведенная водяниками и в первый и во второй раз, оказывается «не настоящей», и лишь в третий раз «дали настоящую невесту»²². В другой бывальщине из «всех дочерей», которых водяник вывел напоказ, жених с помощью «знающего» дедушки выбирает достигшую крайней степени своей лиминальности: «бледна уж бледнешенька», «всех хуже сидит»²³. Ей еще предстоит быть заново сформированной, наделенной новыми силами, чтобы обрести новый облик, положение в жизни и статус²⁴.

Мотив выбора суженой из множества совершенно одинаковых настолько устойчив в фольклорной традиции, что он присутствует и в сказке «Отдай то, чего дома не знаешь», равно как и в былине о Садко:

Опять говорит царь морской:
— Ну, Садке, вставай по утру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу.
Вставал Садке по утру ранешенько,
Поглядит — идет триста девушек красных.
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица-девица Черनावушка,
Брал тую Чернаву за себя замуж²⁵.

Причем большинство исполнителей (певцов и рассказчиков) не называют этих девушек дочерьми морского царя. А если и называют, то не в прямом, не в буквальном, а в ритуальном значении, когда каждая из них является подопечной общего мифического покровителя.

Как отмечают исследователи, вербальный мотив подмены и узнавания настоящей невесты в той форме, как он представлен в фольклорной традиции, соответствует одному из акциональных компонентов восточнославянской свадебной обрядности. В некоторых местностях, когда жених приезжал за невестой, чтобы вести к венцу, ему выводили по очереди или одновременно нескольких девушек с закрытыми лицами и предлагали опознать свою суженую. Такое узнавание по мере отмирания этого ритуального действия совершалось уже в шутку²⁶.

В дальнейшем своем повествовании вербальный текст соотносится с третьей фазой обряда перехода: после отделения от былой общности и преодоления про-

²² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. С. 188—189. — № 179.

²³ Русские сказки в Карелии (Старые записи). № 43. С. 184. — № 180.

²⁴ Тэрнер В. Символ и ритуал. С. 169—170.

²⁵ Новгородские былины. № 27. С. 156.

²⁶ Там же. Примеч. № 6. С. 425.

межуточного «лиминального» периода наступает включение, или восстановление, ритуального субъекта (в данном случае — похищенной девушки)²⁷. Такое включение (поначалу оно носит предварительный характер) изображается в мифологическом рассказе как возвращение из подводного мира на землю. Оно начинается с момента определения судьбы подопечной: водяной царь дает согласие на ее брак с пришельцем из мира людей. Возвращение осмысляется как материализованный переход «оттуда» «сюда». Этот переход в бывальщине, как и в сказке, осуществляется с помощью коня — посредника между мирами. Его эквивалентом могут служить тройка, сани и пр. Вызволение невесты из озера обеспечивается совокупностью магических приемов. Чтобы преодолеть границу, нужно выезжать из водных глубин с предельной скоростью: «И вот куцер и давай хвостать жеребцов»²⁸. Далее невесту с женихом встречает на полудороге в селение священник, который, по сути, берет на себя роль «знающего». Трижды обежав и осенив их крестом, он создает некое замкнутое пространство с сакральным центром-серединой внутри. Предполагается, что через такой центр соединяются миры. Тем самым невесту из озера удастся вернуть в мир крещеных. До этого момента невеста, а вместе с ней и жених, все еще пребывает в положении между жизнью и смертью: «Сцяслив, што свяшшеник с крестом подбежал, не то обоих бы убил»²⁹. В другом варианте смерть невесты в момент перехода сменяется возвращением ее к жизни. Это оказалось возможным благодаря магическим способностям «знающего». Увозя невесту из подводного царства и оставив позади мифический порог-границу, дедушка разрезал «девицу» на три части, «окупал» ее вначале «мертвой водой на мертвое тело», а затем живой водой, в результате чего «девушка сделалась жива». Одновременно она обрела и изначальный облик: «<...> да така красавица, как раньше у матери была»³⁰. Известна и обытовленная версия данного мифологического мотива. Возвращение в мир людей изображено как преодоление глубокого обморока: «сделалась без чувств» — «пришла в чувство». Визуально смена состояний проявляется и в том, что из невидимой девушка становится видимой.

И все же чаще это еще не окончательное включение/восстановление/возвращение. Оно носит пока лишь предварительный характер. Окончательное восстановление свершается после венчания и даже спустя какое-то время после него. В этом отношении показательно, что в некоторых вариантах рассматриваемого сюжета отец и мать вначале не узнают в невесте из озера свою дочь. Узнавание оказалось возможным лишь после «венчания»: «<...> стали оны пировать. Царица подносит цышки, да как посмотрит на девоцьку, скрицяла: „Охти мне! Совсем быдто моя доць. Где ты взял ю?“ — спрашивает царица. А солдат и отвечает: „У воден-

²⁷ Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. С. 173; Тэрнер В. Символ и ритуал. С. 158—159.

²⁸ Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Академии наук, 1915. № 28. С. 50—51. — № 181.

²⁹ Там же.

³⁰ Русские сказки в Карелии (Старые записи). № 43. С. 184—185. — № 180.

ника“. Ну, царь с царицей узнали тут свою дочь...»³¹. То же обнаруживается и в другом варианте. После венчания родители (поп и попадья) узнают свою пропавшую дочь по одежде. Наблюдая, как молодка, открыв свой сундук, выбирает себе наряды, попадья осознает суть происшедшего: «Батька, дак это, быть надо, доцька наша, которая потерялась полторагодовая из люльки»³². Ведь одежда имеет знаковый характер. В данном случае она знаменует обретение/восстановление формы, облика и статуса по завершении лиминального («порогового») периода. Аналоги этому вербальному мотиву обнаруживаются и в свадебных обрядах. Если в моменты, значимые с мифо-ритуальной точки зрения (например, на пути к венчанию и после него), невеста покрыта с головы до колен темным, даже черным платком, то в доме молодого она освобождается от покрывала, обретая в качестве символа своего нового статуса головной убор — повойник, с которым не расстается всю жизнь³³.

В некоторых вариантах узнавание, осмысляемое как включение/восстановление, происходит спустя какое-то время после свадьбы. Этому эпизоду в системе данного ритуала соответствует обряд, известный под названием «хлебины». Речь идет о поездке новобрачной вместе с новобрачным к ее родителям. В этот момент свадебного ритуала, по одной из версий рассматриваемого сюжета, и происходит узнавание родителями своей дочери, некогда похищенной и теперь заново обретенной. Кризисная ситуация преодолена. Человек, прошедший очередную веху в своем жизненном цикле, опять включается в круговорот бытия, чтобы при дальнейших переменах судьбы вновь оказаться на грани жизни и смерти, в состоянии перехода.

³¹ Русские сказки в Карелии (Старые записи). № 43. С. 185. — № 180.

³² Сказки и песни Белозерского края. № 28. С. 51. — № 181.

³³ Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. С. 62.

❖ V ❖

Водная стихия и крестьянский быт

Вода и повседневность

И три свидетельствуют на земле: дух,
вода и кровь; и сии три об одном.

1 Иоан. 5.8

Каждое отдельное скопление воды,
даже ничтожнейший поток или пруд,
может обладать личной индивиду-
альностью или иметь живущего в нем
духа.

Э. Тэйлор

Вданной работе вода представлена в разных значениях: это прозрачная бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, родники, озера, моря; водная масса этих природных объектов; водные пространства, участки морей, озер, рек. В любом случае в рассматриваемых нарративах вода/водоем приобретает, помимо реального, мифологический и символический смысл, что позволяет выявить в этих фольклорных произведениях пульсирующий в них архетип воды.

Некоторые предпосылки. Вода/водоем в мифологической традиции имеет двойное происхождение. С одной стороны, это первозданная природная стихия, первоэлемент Вселенной. В качестве таковой вода существовала до сотворения мира и человеческого бытия: «Было время, когда не было ни земли, ни неба, а была одна вода»¹; «Была сначала везде все вода»². И такие представления поддерживаются библейской, ветхозаветной, традицией. С другой стороны, данная природная стихия в космогонических мифах народов мира проистекает из крови первочеловека-великана, принесенного в жертву. Так, в иранской мифологии элементы Вселенной образуются от соответствующих компонентов его тела: вода — из крови,

¹ Барсов Е. В. Северные сказания о лембоях и удельниках // Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 13. Вып. 1. Труды этнографического отдела. 1874. Кн. 3. Вып. 1. С. 87. — № 3.

² Ширский А. А. Из легенд Ветлужского края // Труды Костромского научного об-ва по изучению местного края. 1923. Вып. XXIX (Третий этнографический сборник). С. 6. — № 5.

земля — из плоти (или костей), растения — из волос и т. д.³ В былинах вместо привычного для подобной космогонии первочеловека в качестве «материала» для творения Вселенной нередко представлены эпические герои. В таком случае реки образуются из их крови. Например, от крови Непры-королевичны и тихого Дона сударя Ивановича протекает общая для них Дон-река:

От тыя от крови христианския,
От христианския крови, от напрасныя.
Глубиною река двадцати сажень,
А шириною река сорока сажень⁴.

«Потеки, Сухман-река,
От моя от крови от горячия,
От гоючия крови, от напрасныя!»⁵.

Вместе с тем в балладе вода может произойти и от крови обычного человека, в данном случае — утонувшей девушки: «вода в море — то кровь моя, рыба — мое тело, трава — коса...»⁶.

Если, согласно народным верованиям, человеческая кровь может превратиться в воду, то и, наоборот, в условиях сакрального хронотопа вода нередко обращается в кровь. Не случайно этот элемент природы (наряду с огнем, землей и воздухом) занимает важное место в формуле человекотворения⁷. Так, по одной из версий волшебной сказки, герой рождается от выпитой воды⁸: «Видит — бежит ключ воды. Она напилась и стала брюхата и родила сына»⁹. Или царевна беременеет от воды, зачерпнутой из колодца, — у нее рождаются двое сыновей: Иван Водович и Федор Водович¹⁰, в отчестве которых закодировано их «водное» происхождение.

Вода/река/ручей/озеро/родник/ключ в общерусской фольклорно-мифологической традиции наделены свойствами живых существ, и прежде всего челове-

³ Топоров В. Н. Первочеловек // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 300.

⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Изд. 3-е. Петрозаводск: Карелия, 1990. Т. 2. № 122. С. 89.

⁵ Там же. № 149. С. 266.

⁶ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. М.: Индрик, 1994. Т. 2. С. 499.

⁷ Криничная Н. А. Концепция происхождения человека: (По данным мифологии, фольклора и ранних философско-медицинских учений) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1989. С. 4—21.

⁸ Пропп В. Я. Мотив чудесного рождения // Фольклор и действительность: Избр. статьи. М.: Наука, 1976. С. 213.

⁹ Сборник великорусских сказок архива Русского географического об-ва: В 2-х вып. / Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917 (Зап. Русского географического об-ва по отд-нию этнографии. Т. XLIV). Вып. 2. № 243.

¹⁰ Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.): Сб. Н. Е. Ончукова. СПб., 1908 (Зап. Имп. Русского географического об-ва по отд-нию этнографии. Т. XXXIII). № 4. С. 16—17.

ческими. Вода находится в постоянном движении. В загадках река идет, бежит, едет, плетется, крутится, вертится, гонит кого-то или гонится за кем-либо. Она то скрывается, то появляется, то бодрствует, то ложится спать, то спит. Река наделена даром зрения (видит) и речи (говорит, кричит, шумит, веселится)¹¹. Энергия воды циркулирует таким же способом, как и сок в растениях или кровь в человеческом теле. Согласно одному из преданий, когда палач, по велению Ивана Грозного, высек Волгу за ее бунт против царской рати, то «кровь из воды на аршин вверх брызнула и лег на воде кровавой рубец в палец толщиной»¹². Заметим, что вода и кровь в древних представлениях настолько отождествляются, что это отождествление обнаруживается даже в Евангелии от Иоанна: «Но один из воинов копьем пронзил ему (Иисусу. — Н. К.) ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (19,34).

Одним словом, вода в мифологической традиции выступает и в качестве первозданной стихии, и в качестве живого мыслящего существа, способного реагировать на человеческие речи и деяния.

Первозданная стихия. В качестве первозданной стихии вода, согласно быличкам, бывальщинам, поверьям, стремится прежде всего к сохранению своей изначальной чистоты. Достижением именно этой цели обусловлены правила пользования водой из реки/ручья/озера/родника. Многие сюжеты основываются на запрете пить воду непосредственно прямо из водоема. Нельзя пить ее и пригоршнями. Воду, по обычаю, идущему «от веку», следует зачерпывать «ковшиком таким», изготовленным из бересты¹³. Подобный артефакт, вышедший со временем из повседневного употребления, был постепенно заменен преимущественно металлической посудой: ковшом, кружкой, миской. Однако в условиях, едва ли не приравненных к ритуальным действиям, древнейшая посуда оказывается куда предпочтительней современной. Впрочем, даже зачерпнутую воду (и особенно из священного источника) следует пить с предосторожностью: «Вот если мать ребенка захочет попоить в чашечке, так ты над озером не пой, уведи его, чтобы не капало в озеро-то»¹⁴.

Как выясняется из мифологических рассказов, нельзя также пить воду в том месте реки/озера, где обнаруживаются визуальные либо динамические признаки потаенной запредельной жизни: «что-то привиделось», «что-то брызгалось». В подобных случаях некая безличная мифическая сила или некое мифическое

¹¹ Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. С. 107.

¹² Аристов Н. Я. Русские народные предания об исторических лицах и событиях // Труды Третьего археологического съезда в России. Киев, 1878. Т. 1. С. 339.

¹³ Научный архив Карельского научного центра РАН. Фонд 1. Опись 1 (далее — НА КарНЦ РАН). 136. № 66 (первая цифра обозначает номер коллекции, вторая — порядковый номер текста в ней). — № 192.

¹⁴ Нижегородские христианские легенды / Сост., вступ. статья и коммент. Ю. М. Шеваренковой. Нижний Новгород: КиТиздат, 1998. № 325. С. 74.

зооморфное существо (например, в виде рыбы), которое в той или иной мере уже выделилось из водной стихии, чаще всего в роли ее духа-«хозяина», как бы пытается то ли помешать женщине пить воду, вопреки запрету, ртом непосредственно из ручья, то ли проникнуть в нее: «Она пьет, а к ней прямо на язык идет рыба и тыкается прямо в язык»¹⁵. В сказке же героиня, оказавшись в аналогичной ситуации, проглатывает вместе с водой змейку¹⁶, после чего переживает состояние временной смерти с последующим чудесным возвращением к жизни. Такое проглатывание, как известно, эквивалентно поглощению водной стихией либо мифическим существом, в той или иной мере ее персонифицирующим. В этой версии оно символизирует инициацию.

В быличках и бывальщинах нарушитель запрета пить воду из источника ртом, без кружки, незамедлительно карается болезнью, осмысляемой как нарушение определенной целостности. По словам рассказчицы, та самая «одна женщина», в чей рот «тыкалась» рыба, так с тех пор и болеет. Или же, испив воды из лесного ручья («ходила дрова рубить»), заболевает беременная женщина («с брюхом была»): «дрожь взяла, закололо меня всю»¹⁷. Беременность относится к числу лиминальных («пороговых») состояний, и потому опасность заболевания такой женщины, по народным верованиям, значительно возрастает. Причем реальная причина — простуда — мифологическим сознанием полностью игнорируется. Доказательством этого служит и такой рассказ: только потому, что некий Сергей испил воду «рукамы», он уже четырнадцать лет «в углу и лежит»¹⁸.

Водная стихия способна защитить себя и от нарушителей других запретов. Согласно мифологическим рассказам, даже ходить за водой надо умеючи. Для этого существуют темпоральные ограничения: «после солнца не ходите за водой: водяник на камне сидит»¹⁹. Кроме того, по некоторым поверьям, закрепившимся в поговорках, на взятие воды из источника существовали и возрастные запреты: «Кто с бородой, тот ступай за водой, кто без бороды, тот не пей нашей воды»²⁰. В случае, если какой-то из запретов нарушен, мифическое существо, персонифицируя водную стихию, уже своим появлением изгонит виновника прочь — и тот, охваченный страхом, бросит ведра и убежит восвояси. Не каждый после этого вновь решится прийти сюда за водой. В одной из бывальщин к числу таковых относится некий Витька: «Меня мама посылает за водой, а я не хочу идти потому, что *воды боюсь* (курсив наш. — Н. К.). Давай буду черпать воду, а мне опять

¹⁵ НА КарНЦ РАН. 178. № 231. — № 194.

¹⁶ Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гт.): Сб. Н. Е. Ончукова. № 152. С. 372.

¹⁷ НА КарНЦ РАН. 131. № 97в. — № 193.

¹⁸ Там же. 136. № 66. — № 192.

¹⁹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6-ти вып. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. Вып. 1. С. 215.

²⁰ Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Изд. подгот. И. И. Муллонен, В. П. Кузнецова, А. Е. Беликова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. 60.

покажется»²¹. Быть может, этот Витька пришел за водой не в то время суточного цикла либо не в том возрасте, когда уже начинает расти борода, осмысляемая в народных верованиях как средоточие жизненной (магической и физической) силы. Из сказанного следует, что наказ принести воды из реки/озера при определенных обстоятельствах едва ли не превращается в трудную задачу и опасное приключение, посредством которых испытываются способности героя.

Воды символизируют совокупность вселенских потенций, они составляют основу мироздания в целом²². В этом свете неудивительно, что вода/водоем в мифологических рассказах обнаруживает, как уже говорилось, устойчивую тенденцию к сохранению своей изначальной чистоты и непочатости. Согласно одной из бывальщин, когда первопоселенец Терёшкин пришел на озеро, которое оставалось до той поры необжитым, то ли за водой, то ли с бельем, человеческий голос, донесшийся из этого озера, хотя нигде никого не было, запретил ему брать здесь воду и полоскать белье: «Вода в моем озере чистая, и никто ее до тебя еще не пачкал, так не тронь и ты»²³. В другой бывальщине сам мифический «хозяин»-устроитель родников в виде старичка, одетого в старинный балахон, привиделся во сне нарушительнице извечных установлений, увещевая ее: «Ты чего, я для вас разве открыл родники, чтобы вам полоскать платья да вода брать?»²⁴. Памятуя об этом сне, послужившем каналом связи между мирами, женщина, по ее словам, не ходит на родник полоскать белье, а полощет его в ванне дома и раз и другой да еще и еще. Однако и брать воду для стирки в домашних условиях следует с предосторожностью. Для этих нужд нельзя пользоваться водой, взятой из новоявленного, только что пробившегося из земли ключа/родника. По рассказам, одна баба по глупости пренебрегла этим запретом. И родник тотчас же исчез, а спустя несколько дней вновь пробился из земли, но уже в другом месте. Вода в этом источнике считалась целебной, животворной. Представления о данном роднике уже христианизированы: на его дне явилась чудотворная икона св. мученицы Параскевы в серебряном окладе²⁵. И тем не менее сквозь этот образ просвечивает некий более архаичный женский персонаж, воплощающий в себе водную стихию и ее сакральность.

Сохраняя свою первозданную чистоту, непочатость, неприкосновенность, озеро не терпит, чтобы в него попадали всякого рода нечистоты. Так, во сне, который привиделся уже упомянутому первопоселенцу Терёшкину, его жена вылила в озеро помои. Тогда все тот же голос решительно потребовал: «Уйди, не

²¹ НА КарНЦ РАН. 131. № 44. — № 204.

²² Элиаде М. Образы и символы (эссе о магиико-религиозной символической структуре культуры) // Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Избр. соч. / Пер. с франц. М.: Научно-изд. центр «Ладомир», 2000. С. 228.

²³ НА КарНЦ РАН. Разр. 6. Оп. 1. № 22. Л. 19—21. — № 197.

²⁴ Там же. 23. № 161а. — № 196.

²⁵ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903 (Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева). С. 233—234.

мути мою воду». Однако Терёшкин пренебрег этим требованием. И тогда в первую же ночь на новоселье (и опять-таки во сне) к нему явилась тень, осмысляемая как дух/душа этого озера. Тем же голосом она сказала, чтобы Терёшкин покинул озеро, не жил здесь, иначе придется его убить. Новоселам пришлось подчиниться воле мифической силы. Построенный на берегу дом пустует с тех пор по сей день.

Вода в народных верованиях изначально наделена животворной, целебной, очищающей силой. В качестве первейшего средства от любой болезни ее приносит из реки и «направляет», т. е. придает посредством магических слов нужное действие, «знающая» старушка: «Вот тебе вода направлена (наговоренная. — Н. К.), пойдй его помой или что ли. Пусть умывается этой водой (курсив наш. — Н. К.)!»²⁶. Причем особо целебные свойства вода, согласно народным верованиям, приобретает в известные дни: Ивана Купалы, крещенского купания, Великого или Чистого четверга²⁷. В результате лечение воспринимается как восстановление, обновление, перевоссоздание человека. Вода — в известном смысле материнское лоно: в ней заключено то первоначало, откуда происходит все живое. Она уподобляется жидкости, окружающей плод человека или животного в период его нахождения в материнском чреве. (Эта мысль рефреном звучит, например, в стихотворении М. Цветаевой «Две песни»: «Дщерь, выношенная во чреве / Не материнском, а морском!».) И в этом своем предназначении вода не может быть грязной, мутной, оскверненной. Не случайно река, вскрывающаяся ото льда, приравнивается к родильнице, которая мучается при родах. И потому в силу магии по подобию все беременные женщины, если лед идет быстро и без задержек, выходят на берег реки, чтобы и у них роды прошли так же легко²⁸.

В этой связи неудивительно, что купание в реке/озере регламентировано: нельзя купаться в запретный час в запрещенном месте. В одной из бывальщин некая мифическая водяная женщина, трижды выпрыгивая из воды, кричит всякий раз: «Не смей купаться!..»²⁹. Речь идет здесь, как и в других случаях, прежде всего о темпоральных ограничениях. По словам носителей традиции, «не надоть» купаться после заката — ночью — до восхода солнца. Вода + ночь (тьма) образуют ту бездну, которая приравнивается к изначальному хаосу, где растворяется любая форма. Запреты на купание связаны и с определенными периодами в рамках годового цикла — например, с Ильинской неделей, когда вода либо сама являет свою власть, уподобляясь одушевленному мифическому существу,

²⁶ Власова М. Н. Прозаический фольклор Терского берега Белого моря (по записям 1982—1988 гг.) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2004. Т. XXXII. № 30. С. 364. — № 211.

²⁷ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина: По материалам Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб., 1903. С. 199.

²⁸ См.: Власова М. Н. Прозаический фольклор Терского берега Белого моря (по записям 1982—1988 гг.). С. 380.

²⁹ НА КарНЦ РАН. 158. № 138. — № 199.

либо находится в безраздельной власти мифических сил, безличных или персонифицированных³⁰, но неизменно сопряженных с этой природной стихией. И даже в обычные дни местные жители стараются купаться «в одно время», которое, надо полагать, эмпирически уже освоено. Но и это дозволенное время ограничено родительским наказом: «Мол, пойдите купаться, да не долгойтесь. А долго будете купаться, то вас водяник захватит и утянет в воду»³¹. Здесь водяник вытеснил изначальный образ поглощающей водной стихии, которая в силу определенной фольклорно-мифологической логики «берет» людей³².

Между водой, поглощающей человека, и водяником, преимущественно антропоморфизированным, существует и промежуточное звено. Это некая безличная мифическая сила, определяемая глаголами прошедшего времени среднего рода: «зафатило и потащило». Показательно, что в той же бывальщине безличная сила отождествляется с персонифицированным водяным существом: «водяник за ногу зафатил и потащил»³³. Он же, по словам рассказчиков, уносит людей к себе, забывая их душу³⁴. Следовательно, водоем осмысливается как некое вместилище душ, которые возвращаются в свое изначальное лоно. Не случайно омовение имеет место и в начале, и в конце жизненного цикла, не говоря уже о промежуточных веках в нем. Если при рождении человека появление его из воды в известном смысле имитируется обрядом крещения, то со смертью индивида его возвращение в воды осуществляется посредством омовения вышедшей из тела души в стакане (чашке) с водой, специально предназначенной для этой цели (иногда стакан с водой держат в течение сорока дней). Причем христианские обряды очищения преимущественно связаны с языческими. Однако ни те, ни другие отнюдь не являются простым соблюдением гигиенических норм.

Похищение человека водой/водяным чаще представлено лишь как потенциально возможное, в зависимости от того, пришел час данного индивида или еще не пришел. Концентрированным выражением уже изжитых представлений являются поговорки: «Как в воду канул», «Сгинул да пропал, словно в воду упал»³⁵, где речь идет об исчезновении человека, приравниваемом к смерти, маркированной знаком воды.

Мотив нарушения запрета на купание в том или ином мифическом либо мифологизированном водоеме является излюбленным в различных жанрах фольклора. Согласно одной из бывальщин, парень лет двадцати, выехав кататься в лодке по реке Онеге, «задумал *раздеться* да из лодки прыгнуть *искупаться* (курсив

³⁰ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. СПб.: Наука, 2001. Т. 1. С. 468—469.

³¹ НА КарНЦ РАН. 23. № 505. — № 201.

³² Там же. 73. № 2076. — № 146.

³³ Там же. № 227. — № 152.

³⁴ Там же. 192. № 23. — № 155.

³⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1989. Т. I. С. 219.

наш. — Н. К.)»³⁶. При этом нарушается запрет купаться *нагим*, о чем редко говорится в мифологических рассказах, но зато настойчиво упоминается в былинах о Добрыне и Змее:

«У нас не купятся во Пучай реки нагим телом,
У нас купятся во Пучай реки во рубашечках».
<...> А скидывает ён белую рубашечку
И купится во Пучай реки нагим телом...³⁷

А между тем обычай купаться в рубашках 1 августа, после освящения воды, фиксировался в новгородских деревнях вплоть до последней четверти XIX в. Следовательно, запрет на купание обусловлен в первую очередь запретом нерегламентированно погружаться в чистые незамутненные воды голым. Помимо всего прочего, нагота придает человеку признаки лиминального существа, чему в приведенной бывальщине соответствует и возраст купающегося. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что парень плыл по реке в лодке. Поскольку лодка в древности относилась к атрибутике похоронной обрядности³⁸, парень, купающийся в озере раздетым, оказался «гож» водяному³⁹, т. е. утонул. Погружение в воду, и особенно нагим, «символизирует возврат к первоначальной бесформенности, растворение в неразличимом Хаосе до-существования»⁴⁰. Всплытие же, наоборот, предполагает космогонический акт проявления формы. Следовательно, символика вод означает как смерть, так и возрождение⁴¹.

Купание соотносится с обрядом очищения посредством омовения водой. Такой обряд некогда сопровождался произнесением священных формул и другими магическими церемониями. Посредством них человек освобождался от наложенных на него запретов. Со временем телесное очищение переносится в нравственную и религиозную сферу, что проявляется в ритуальных омовениях, и особенно в обряде крещения. Этот обряд осмысливается не только как волшебное очищение от рожденной скверны, но и как предохранение от осквернения в будущем⁴². Заметим, что впоследствии ритуальное купание в реке/озере в силу общности их магического назначения отчасти совмещается с ритуальными банными церемониями,

³⁶ Левкиевская Е. Е. Демонология севернорусского села Тихманьги // Восточнославянский этнолингвистический сборник: Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 439. — № 205.

³⁷ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3-х т. Изд. 4-е. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. № 93. С. 181.

³⁸ Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда // Древности: Труды Имп. Московского археологического об-ва. М., 1890. Т. 14. С. 98.

³⁹ Левкиевская Е. Е. Демонология севернорусского села Тихманьги. С. 439. — № 205.

⁴⁰ Элиаде М. Образы и символы (эссе о магиго-религиозной символике). С. 228.

⁴¹ Элиаде М. Священное и мирское // Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Избр. соч. С. 314.

⁴² Вундт В. Миф и религия / Пер. с нем. СПб.: Издание «Брокгауз-Ефрон», 1912. С. 291—292.

вплоть до «бани бессмертия, рекше крещения»⁴³. Они совмещены и в крестьянской повседневности: «В бане были. Попарился — и пошел купаться»⁴⁴. Не случайно бани на Русском Севере нередко строились на сваях и стояли в самом озере. Ослабленной формой такого соотношения является обычай ополаскивать после бани лицо водой в озере (летом) либо из рукомойника в избе (зимой).

В этом свете становится понятным, почему не санкционированное ритуалом купание в реке/ручье/озере представлено как нарушение одного из запретов, регулирующих взаимодействие человека с водной стихией. И такое представление репродуцируется в традиции из глубокой древности до наших дней. В одной из бывальщин старик, который, находясь на сенокосе, искупался в жаркий день в протекавшем там ручье, сошел с ума: он стал предсказывать будущее. Но этим предсказаниям никто не верил. Иначе говоря, от запретного пребывания в воде у деда произошли некие изменения в сознании, от которых он так и не смог оправиться⁴⁵. В случае нарушения рассматриваемого запрета хаос может вторгаться не только в человека, но и в само мироздание. После того как уже упомянутая водяная женщина трижды попыталась выдворить несанкционированно купающегося, по утверждению рассказчицы, «началась война германска»⁴⁶.

Носители фольклорно-мифологической традиции нередко признаются, что, живя у воды, они вообще не купаются либо перестают купаться после определенного случая, произошедшего с кем-нибудь из родственников, соседей, односельчан и особенно с ними самими. Иные из рассказчиков, выросшие на берегу реки/озера, не умеют плавать. Мотивировка, ими приводимая, — боязнь водяного. В данной интерпретации она является сравнительно поздней, когда дух воды, а затем и ее дух-«хозяин» все более выделялся из водной стихии в качестве самостоятельного мифического существа, для которого вода становилась местом обитания. Изначально же человек опасался самой водной стихии, одушевляемой, олицетворяемой, персонифицированной.

Живая стихия. Вода в мифологических рассказах, даже записанных в наши дни, способна мыслить, чувствовать, реагировать на людские слова и действия. Она может покровительствовать человеку, но может и покарать его. В соответствии с этими представлениями местные жители остерегаются «хулить» воду в своем озере и другим не позволяют ее «хаять». И если все же кто-то осмелится называть ее «водишком худым», «водишком мутным, грязным, да в бубырьках», т. е. в пупырышках, прыщах, сыпи, блюстители стародавних обычаев решительно возразят обидчику: «У нас водушка хороша, у нас водушко хорошее»⁴⁷. Воду полага-

⁴³ Подробнее об этом см.: Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. С. 71—72.

⁴⁴ НА КарНЦ РАН. 158. № 138. — № 199.

⁴⁵ Там же. 178. № 232. — № 206.

⁴⁶ Там же. 158. № 138. — № 199.

⁴⁷ Барсов Е. В. Северные сказания о лембох и удельниках. С. 89. — № 208.

лось восхвалять. И тогда, по мнению носителей традиции, на них озеро уж никак не прогневается.

Во избежание кризисных ситуаций человек, согласно мифологическим рассказам, должен неукоснительно соблюдать идущие «от веку» предписания, регламентирующие его взаимоотношения с одушевленной природной стихией. Так, по поверьям, вода позволяет себя беспокоить не в любое время суток: «Воду нельзя вечером будить. После шести часов воду нельзя тревожить. Вода спит»⁴⁸. По иной версии, вода в качестве живого существа засыпает в двенадцать часов на несколько минут, и потому тревожить ее в это время для человека небезопасно⁴⁹.

Кроме того, водная стихия не выносит никакого шума. Например, озеро, и особенно дикое, лесное, наиболее легко идентифицируемое с первозданными водами, не терпит, чтобы кто-то нарушал его покой и тишину, с начала времен здесь хранимые: «такое озеро дико» «не любило ни смеяться, ни шутить — ничего не любило»⁵⁰. Нарушение этого запрета («а девчонки ведь уж смеются: „Хи“ да „ха“, — посмеялись») влечет за собой вторжение хаоса во взаимодействие миров. В результате, с одной стороны, в мире людей появляются некие женские запредельные мифические существа, чья нечленораздельная речь не понятна, чье мелькание неуловимо, а цель прихода «сюда» не ясна. С другой стороны, нарушительницы запрета столь же несанкционированно готовы броситься и «туда»: «Мы так испугались, что чуть в озеро не прыгнули»⁵¹. Однако, поскольку смех и шутки девушек от страха прекратились и тишина восстановилась, все встало на свои места. Озеро, а значит, и мироздание, успокоилось, вернулось к своему изначальному состоянию.

Не остаются без последствий и танцы, музыка на воде. В одной из быличек этот запрет нарушается молодежью, которая ехала на доре, т. е. на большой плоскодонной лодке, обычно с тремя парами весел: «Вот мы ехали на доре и там танцевали. Музыка была и танцевали»⁵². Приведенная коллизия послужила экспозицией к мифологически обусловленной развязке: на ногу одной из нарушительниц запрета (это была сама рассказчица) при разгрузке товара свалилось «шесть ящиков говядины» — и нога была сломана. И дело не только в нарушении тишины и покоя озера. Сказалось и не регламентированное обрядом использование магического воздействия музыки и танца, которые обычно находятся под контролем мифических существ.

⁴⁸ Власова М. Н. Прозаический фольклор Терского берега Белого моря. № 33. С. 365. — № 212.

⁴⁹ Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С. 60.

⁵⁰ Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. № 323—323а. С. 364—365.

⁵¹ Там же. № 323а. С. 365.

⁵² Власова М. Н. Прозаический фольклор Терского берега Белого моря. № 32. С. 364—365. — № 214.

Река/ручей/родник/озеро/море не допускают в своем присутствии и ругань. В одной из бывальщин женщина, которая наклонилась к чистому лесному роднику, чтобы напиться, оступившись, невзначай оскорбила его: «Чтоб черт тебя побрал». Последствия не заставили себя долго ждать: вскоре все лицо у нее покрылось прыщами⁵³. В соответствии с мифологической логикой это было адекватное наказание за ругань, осквернившую чистоту лесного родника. В другой бывальщине капитана, который выругался на водяного, а значит, и на само море, мифический «хозяин» и вовсе лишил жизни, опрокинув у него судно, тем более что оно, как и ладья, могло относиться к атрибутам похоронной обрядности. Ранее водяной ограничивался лишь тем, что насылал на бедолагу волны, но это так и не послужило ему уроком⁵⁴. Матерная брань «на три буквы», произнесенная над водой («А катитесь вы все...»), да еще с последующим питьем воды из ручья «рукамы», служит предпосылкой тяжелой неизлечимой болезни. Особенно опасна в подобной ситуации ругань, сопровождаемая плевком, усиливающим негативное отношение к адресату и ее магическое воздействие. Так, рыбак, который проверял поставленные на Ольховском озере сети («день ходит — ничего нету, и второй ходит — ничего нету»), на третий день «изругался и плюнул». И брань, и плевком озеро не без оснований восприняло на свой счет, поскольку именно оно не давало рыбаку улов. Отличаясь своим «бескомпромиссным» нравом, Ольховское озеро и на этот раз не оставляет без внимания нарушение запрета: с тех пор виновник все болеет и болеет. Причем, по словам рассказчицы, он даже не знает, что у него болит. Мало того, во сне ему привиделись русалки, которые, войдя в избу, запретили «знающей» старушке «направлять» (наговаривать) для него воду — ею он мог бы вылечиться: «Не направляй воду. Он на наш свадебный стол плюнул!»⁵⁵. И в данном случае вследствие нарушения запретов в мироздание вторгается хаос. С одной стороны, человек осквернил заповедное подводное бытие. С другой стороны, мифические водяные существа (здесь: русалки) препятствуют исцелению виновного в нарушении равновесия между мирами.

Не любит озеро и хвастливых речей. По рассказам местных жителей, всё в том же Ольховском озере ловят кумж (рыба из семейства лососевых, скрещивается с форелью), форелей, сегов, окуней. Однако стоит об этом проговориться, а тем более похвастаться, как удача сразу же рыбаков покидает. Улова здесь не будет, и даже поставленные сети некая мифическая сила спутает и разметает в разные стороны, а иные и вовсе выбросит на берег⁵⁶. Удача отвернется от рыбака особенно в том случае, если он похвастается (вслух или только в мыслях) большим уловом: «Ой-вой-вой, я сколько уж наудил!»; «А больше у меня этта в сумку не влезат!»⁵⁷. Возникает ситуация, которая рассказчиками определяется одним словом: «Отре-

⁵³ НА КарНЦ РАН. 178. № 172. — № 210.

⁵⁴ Там же. 155. № 142г. — № 213.

⁵⁵ Власова М. Н. Прозаический фольклор Терского берега Белого моря. № 30. С. 364. — № 211.

⁵⁶ НА КарНЦ РАН. 39. № 38. — № 215.

⁵⁷ Там же. 141. № 107. — № 216.

зало!». Иначе говоря, разрываются отношения между теми, кто ловит рыбу, и озером/водяными мифическими существами, которые эту рыбу дают. И даже улов, уже находящийся в сети, при подъеме из нее уходит: «Как только сказал, говорит, „не влезло“ <...>, дак остатки тащу, рыбы полно, дак тут у меня с рук и выскакивает! С рук и выскакивает! Дак вся с сетки рыба вышла!»⁵⁸.

В других быличках похваставшемуся человеку не открывается мерёжа — конусообразная сеть, употребляемая для ловли морской и речной рыбы, причем во все сезоны года, как на открытой воде, так и подледным способом⁵⁹. В данном случае дело происходит зимой. Согласно фольклорно-мифологической логике, найти мерёжу трудно не потому, что она запорошена снегом, а потому, что одна из женщин похвасталась своим умением находить поставленную мерёжу быстро: «А поедем, я умею попасть, сейчас вытянем»⁶⁰. В результате это «сейчас» обернулось затяжными поисками. Временные рамки, по козням мифической силы, оказались непредсказуемо расширены. Быличка заканчивается мифологической по своему происхождению сентенцией: «Похваляться — это худое дело. Слово — хуже стрелы»⁶¹.

Наряду с системой запретов, регулирующих взаимоотношения человека с живой водной стихией, в традиции выработался и кодекс предписаний, соблюдая который индивид, по народным верованиям, может предотвратить негативные последствия контактов с мифической силой, безличной либо персонифицированной. Эти правила устанавливаются при первом же появлении человека у данного водоема. Так, выйдя замуж в озерный край, молодуха, впервые придя на берег «глаза мыть» (будь это зимой или летом), непременно кладет на «пристань» (деревянные мостки к воде) или опускает в «колодец» (родник) серебряные монеты⁶². Ритуально санкционировано и первое хождение молодухи за водой, имевшее место на второй день после свадьбы. Обычай задабривать воду/водоем/водяного духа приношениями зафиксирован у разных народов мира⁶³. Причем в изображении водоема часто проявляются признаки топонимического, т. е. его персонификации.

Есть и другие правила обращения с водой/водоемом. Если увидишь воду (пусть это хотя бы ручеек или просто сырое место), надо подумать про себя: «Господи, благослови!»⁶⁴. Некогда этому христианизированному адресату предшествовал тот или иной языческий аналог, связанный с представлениями о мифической водяной силе.

⁵⁸ НА КарНЦ РАН. 141. № 108. — № 217.

⁵⁹ Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С. 221.

⁶⁰ НА КарНЦ РАН. 129. № 3. — № 218.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. 150. № 13.

⁶³ Тэйлор Э. Первобытная культура / Пер. с англ. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939. С. 394, 425—426.

⁶⁴ Власова М. Н. Прозаический фольклор Терского берега Белого моря. № 32. С. 364—365. — № 214.

Поскольку вода — это живая, живительная, житнетворная субстанция, брать ее из реки/озера/родника следует благословясь. Как отмечает И. М. Дуров, поморка, прежде чем зачерпнуть ковшом или ведром воду, истово перекрестится один либо три раза, «разведет по воде черпаком» и лишь после этого наберет воды в ведро⁶⁵.

Во избежание ритуально не санкционированного перехода из бытия в иной мир входить в воду следует, согласно христианизированному обычаю, благословясь и перекрестясь.

Если болезнь пришла к человеку от воды, то у нее, как и у мифических существ, с ней связанных, надо «прощаться», т. е. просить прощения за причиненные ей обиды, оскорбление, неучтивость. И тогда сама вода или водяные духи снимут с виновника недуги и болезни, напущенные ими на нарушителя запретов. Для этого рано утром или поздно вечером, в обоих случаях — на заре (по другим вариантам — ночью), направляются к водоему, от которого якобы пришла болезнь, берут воды и наговаривают на нее заклинание со словами раскаяния и просьбы о прощении: «Вот ведь, не с мудрости, не с хитрости, а со своей глупости...»⁶⁶. Этой водой в полночь и в полдень, и притом всякий раз трижды, обдают больного человека⁶⁷. Если вода/водоем/связанное с водой мифическое существо прощает, то болезнь, по мнению носителей традиции, непременно отступает.

Со временем мифологические коллизии, особенно в песенном фольклоре, оказываются настолько обытовленными и рационализированными, что они едва ли узнаваемы... И действительно, не так просто рассмотреть скрытый смысл в песнях «Шла девица за водой», «На реке на речке девка платье мыла», «Там купались девицы» и т. п.

Таким образом, при рассмотрении мифологических рассказов выясняется, что взаимоотношения человека с первозданной живой стихией регламентированы верованиями, ритуалом, этикетом. Причем развитие сюжета обусловлено не столько соблюдением этих правил, сколько отступлением от них. Однако в том случае, когда мотивировка действия уже утрачена, коллизия приобретает необъяснимую загадочность. В результате появление из воды мифического существа и его воздействие на человека уже не воспринимаются как следствие нарушения определенных запретов. В этом свете произнесение молитвы, осенение себя крестным знамением и прочая атрибутика христианской обрядности осмысляются как оберег от нечистой силы, норовящей погубить человеческую душу. Однако даже сквозь толщу наслоений в рассматриваемых мифологических рассказах проглядывают светлые природные стихии и языческие божества, некогда определявшие анимистическую философию природы, выработанную первобытным сознанием.

⁶⁵ Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С. 60.

⁶⁶ НА КарНЦ РАН. 131. № 97в. — № 193.

⁶⁷ Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С. 347.

На рыбном промысле

Воздадим и поклонимся колодцам и рекам и сетям, чтобы получить то, что мы просим. Иной воздаст и поклонится неводу своему, много выловившему.

Из древнерусских рукописей XI—XII вв.

Среди мифологических рассказов, связанных с представлениями о рыбном промысле, выделяется несколько «бродячих» сюжетов, где речь идет о происхождении рыбного обилия и природе рыбацкой удачи. Подобные былички и бывальщины основаны на вере, что то и другое целиком и полностью находится во власти мифических сил, которые покровительствуют/не покровительствуют рыбаку. Все зависит от соблюдения/нарушения идущих «от веку» установлений и запретов. Причем в качестве некоего средоточия или, во всяком случае, распорядителя рыбных угодий выступает «хозяин»/«хозяйка» водоема, где обычно ведется промысел. Обратимся к рассмотрению самих сюжетов.

Лодка с клеском. В экспозиции данного сюжета определены темпоральные и локальные параметры мифологического действия, образующие в своей совокупности сакральный хронотоп. Мистерия разворачивается «к вечеру Великой субботы», накануне Пасхи¹. Подобный отрезок времени служит началом самого праздника, связанного с «пороговым» временем: слово «Пасха» происходит от древнееврейского глагола *passah*, что значит «переходить». Пасха празднуется в первое воскресенье после весеннего равноденствия и первого мартовского полнолуния (в период с 22 марта по 25 апреля по ст. ст.)². С мифо-ритуальной точки зрения отрезки времени, отмеченные знаками перехода-«порога», приобретают особую значимость. В народных представлениях празднование Пасхи осмысливается как воскресение (обновление) природы после временной смерти, лиминального состояния. Именно в такой момент наблюдается активизация мифических сил, появление их в «этом» мире³.

Сакральному времени соответствует равнозначное место действия. Мистерия наблюдается не просто на берегу, но на *другом, противоположном* берегу озера,

¹ Петров К. М. Народные предания в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1860. № 2. Часть неофициальная. С. 6—7. — № 219; Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.): Сб. Н. Е. Ончукова. СПб., 1908. № 230. С. 499 (Зап. Имп. Русского географического об-ва по отд-нию этнографии. Т. XXXIII). — № 220.

² Библийская энциклопедия: Труд и издание архимандрита Никифора. М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1891. С. 552—554.

³ Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. С. 10, 52, 72, 155—157, 240, 274.

приравненном к потустороннему миру⁴, который лишь в условиях обозначенного хронотопа открывается человеческому взгляду.

Пришелец «оттуда» показывается в виде человека. Не принадлежа «этому» миру, он выступает в роли незнакомца. Колористические признаки: черный цвет волос на голове и черная борода — выдают в нем существо нижнего мира, отождествляемого с тьмой и мраком. Лодка, на которой незнакомец появляется и из которой он исчезает в глубинах вод, служит средством сообщения между мирами. Не случайно, как уже говорилось, она осмысляется в качестве знакового атрибута и в похоронной обрядности. Оказавшись «здесь», пришелец «оттуда» усаживается на самый край лодки, как бы намереваясь предельно приблизиться к «этому» миру. Его пребывание «здесь» ограничено во времени: оно длится с кануна праздничного дня до ударов колоколов к пасхальной заутрене. Тем самым разграничение времен обозначено и христианской атрибутикой: пасхальный звон церковных колоколов изгоняет мифического пришельца, причисляемого к нечистой силе, за пределы христианизированного бытия.

В условиях, когда мироздание переходит из одного состояния в другое, на озере, приравненном к первозданным водам, должно свершиться некое магическое действие. Последствиями такого действия станет обновление мироздания, на этот раз — в его частных проявлениях. Мифический незнакомец, сидя в лодке и тем самым находясь в промежутке между мирами, вытаскивает из вод кошельем (заплетенным, плетеным из бересты коробом с крышкой для ношения не только грибов и ягод, но и, что в данном случае важно, рыбы⁵), как выясняется, рыбий клеск, т. е. рыбью чешую, из которой образуется серебро. Казалось бы, что в основе приведенного эпизода лежит «бродячий» мотив: «неблагородное» вещество, будучи перемещенным из «того» мира в «этот», превращается в свою противоположность — в сокровище, осмысляемое в качестве средоточия магической силы его владельца⁶. Однако в нашем случае подобный мотив имеет и другие истоки. Согласно древним верованиям, рыба чешуя в плане семантики приравнивается к волосам, шерстинкам, перьям: они служат средоточием жизненной силы, содержат зародыши людей и животных. Это подтверждается материалами архаичных традиций, например, эвенкийской: дух бросает шаману в руки рыбу чешую, чем и обеспечивается удача рыбаков на промысле⁷. Аналогичным способом шерстинка превра-

⁴ Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. С. 114—116.

⁵ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6-ти вып. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. Вып. 3. С. 5.

⁶ Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных» кладах // Советская этнография. 1977. № 4. С. 105—111.

⁷ Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 32.

щается в настоящего зверя, чтобы стать добычей охотника⁸. Судя по тому, что мифический незнакомец, лишившись части своего клеска, кричит и жалуется на похитителя «каждогодно», восполнение рыбного обилия свершается запредельным пришельцем с регулярной периодичностью — каждый год.

Если в данном случае рыбий клеск уже отделен от духа-«хозяина» вод, то некогда это был неотъемлемый признак его внешнего облика. Так, в Вологодской губ. в свое время было зафиксировано представление, что тело самого водяного покрыто чешуей⁹. И это неудивительно: имея тотемистические истоки, водяной может вообще изображаться в виде рыбы, чаще всего в облике щуки. В Нижегородском же Поволжье бытовало поверье о русалках с чешуей вместо кожи¹⁰. Причем рассказчики нередко подчеркивают, что это не просто чешуя или не совсем чешуя. Например, в восточносибирских мифологических рассказах тело у водяного переливается, как рыба чешуя, но это не чешуя¹¹. В чешской же традиции рыба чешуя у водяного заменяет волосы¹², что в очередной раз служит доказательством тождественности осмысления того и другого. И даже когда облик мифического водяного существа уже едва ли не полностью антропоморфизирован, у него (и особенно у русалки) довольно часто остается рыбий хвост, покрытый чешуей¹³. И эта чешуя «кака́-то серебриста така»¹⁴. Или же от нее разлетаются серебряные брызги¹⁵. Такая чешуя совсем приближается к той, которая изображена в рассматриваемом нами мифологическом рассказе. Разница лишь в том, что в нашем случае она, как уже говорилось, отделена от своего обладателя. Если учесть, что рыба чешуя — средоточие будущего рыбного обилия, то и сам дух-«хозяин» воды осмысляется как воплощение этого обилия. Не следует также сбрасывать со счетов и представления о самой воде как средоточии «семян жизни», о чем уже речь шла выше.

В исследуемом нами сюжете мифический «хозяин» рыбных угодий в какой-то мере лишается своей продуцирующей силы, поскольку часть рыбных «семян» похищена человеком. Подобное обстоятельство привносит в мироздание элемент хаоса, угрожающего виновнику дисгармонии, установившейся в отношениях между мирами. И потому нарушитель порядка в течение всей своей жизни никогда не

⁸ Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. С. 38, 83.

⁹ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 51.

¹⁰ Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья. Составители: К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. № 414. С. 99.

¹¹ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зинovieв. Новосибирск: Наука, 1987. № 62. С. 49.

¹² Левкиевская Е. Е., Усачева В. В. Водяной // Славянские древности: Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого: В 5-ти т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 397.

¹³ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. № 65. С. 51.

¹⁴ Там же. № 71. С. 53.

¹⁵ Там же. № 66. С. 51.

осмеливался подходить к озеру, где обитает мифический распорядитель промысловых угодий.

Таковы наивно-мифологические представления об истоках рыбного обилия, которые сформировались в первобытном сознании и сохранились до наших дней.

Пойманный водяной. Под этим общим названием объединены двенадцать вариантов данного сюжета, которые принадлежат различным локальным традициям: заонежской, пудожской, поморской, каргопольской, шенкурской, пинежской и др. В местностях, где население традиционно занималось рыбным промыслом, этот сюжет является одним из излюбленных. И это неудивительно: в мифологической форме он давал ответ на жизненно важный, насущный вопрос: как обрести рыбацкую удачу, а значит, и обильный улов. И ответ был таков: надо заручиться поддержкой «хозяина» вод и промысловых угодий. Рассматриваемый сюжет предлагает одну из версий обретения покровительства со стороны водяного рыбаку, который оказал ему свою услугу.

В большинстве вариантов действие не приурочено к какой-либо конкретной местности. Подобные признаки есть лишь в единичных случаях: «В Петровском правлении есть деревня. Крестьяне зовут ее Монастырем; выстроена она на берегу озера, имеющего в окружности версты две»¹⁶. Иногда координаты сверхъестественного происшествия сводятся к указанию, что дело происходило «в нашей волости». Время действия также не конкретизировано, ограничиваясь «безразмерными» темпоральными параметрами: *давно, очень давно, сотня лет назад, в одно время* и пр. Редко сколько-нибудь определенно выражена и причастность самих носителей традиции к описываемому событию. Лишь в одном из вариантов об этом сверхъестественном происшествии поведала рассказчице ее мать, которая сама отчасти оказалась свидетельницей, хотя непосредственным участником произошедшего события был ее отец.

Однако чаще всего рассказ не имеет экспозиции и сразу же начинается с изображения происшествия, когда в невод вместо рыбы попадает ребенок водяного («детенок», «маленький водяничок»). Иногда это единственная добыча рыбаков за весь день. В одном из вариантов в сети попадает сам водяник, в другом — водяная женщина. В вариантах, где водяной негативно переосмыслен, в невод попадает чертенок либо водяной лембой.

Описание облика пойманного рыбаками детеныша водяного обычно не приводится. Предполагается, что выглядит он как обыкновенный ребенок: «<...> как человек. Ни шерсти, ничего, только одни волосы длинные и всё»¹⁷. Причем волосы — наиболее характерный признак мифического детеныша, выловленного рыбаками. Эти волосы, как правило, *длинные*, что свидетельствует об обилии заключенной в них жизненной силы. Они обычно *распущены* — знак готовности к магическим действиям. *Черный* цвет волос символизирует связь данного мифическо-

¹⁶ Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда // Отечественные записки. 1848. Т. IV. Отд. VIII. Смесь. С. 145. — № 221.

¹⁷ НА КарНЦ РАН. 82. № 225. — № 228.

го существа с нижним миром. *Рыжий* (по сути, красный) цвет предопределяет благотворное воздействие на объект внимания, *пестрый* — неоднозначность такого воздействия. Мифический водяной ребенок наделен теми же чувствами и эмоциями, что и человеческое дитя: в благоприятной обстановке он резвится, играет, в неблагоприятной — томится, плачет. В состоянии радости ребенок водяного весь дрожит, глаза его сверкают. Лишь в одном из вариантов, записанных от сказочника Ф. Н. Свиньина, склонного к импровизации и индивидуальному творчеству, детеныш водяного наделен зооморфными и даже отчасти тератоморфными чертами, хотя и он не лишен человеческих эмоций и чувств¹⁸.

Поскольку, судя по некоторым вариантам, выловленное из воды мифическое дитя дрожит от холода, рыбаки уносят его в деревню, в избу, сажают на шесток («ошосточек») печи, нередко топящейся по-черному: «<...> принесли, а раньше печки были не эдаки, а на избу дым шел, черные печки были»¹⁹. Однако, принадлежа стихии воды, противопоставленной стихии огня, мифическое существо не может жить вне обычной для него среды обитания.

Кульминационным моментом рассматриваемого сюжета служит решение вопроса об участии пойманного детеныша водяного. Во всех вариантах этот мотив приобретает форму диалога между людьми и мифическим пленником. Причем такой диалог оказывается в системе сюжета наиболее устойчивым. Он сохраняется даже в тех вариантах, где все остальные компоненты уже утрачены: «„На зень ли тебя?“ — „Не-не, не-не-не!“ — „В воду ли тебя?“ — „Да-да, да-да-да!“»²⁰. Вариант: «„На гору тебя?“ — „Не-не“. — „В воду?“ — „Да-да“»²¹. Из приведенных примеров вырисовывается двухъярусная модель Вселенной, где верхний ярус образует земля или гора, населенная людьми, тогда как нижний ярус — это подводное царство, в котором обитают мифические существа. Соответственно пойманный детеныш водяного не в состоянии долгое время находиться за пределами нижнего мира, он просит и умоляет отпустить его в привычную стихию: «На гору не пошто, пустите в воду»²². Вариант: «<...> она сидит плачет: „Ой, спустите Пашу в воду. Буде папа, мама плакать“»²³. Причем пойманный водяной детеныш обещает, что за оказанную услугу его родители, «хозяева» озера и промысловых угодий, отблагодарят рыбаков обильным уловом. В одном из вариантов мифическая пленница даже дает в этом «роспись», писанную на бумаге собственной кровью. Впрочем, по другой версии, мужики сами принимают решение отпустить водяное дитя в родную ему стихию, нередко взяв с него слово посодействовать им в рыбном промысле: «Слу-

¹⁸ НА КарНЦ РАН. 32. № 173. — № 226.

¹⁹ Там же. 82. № 225. — № 228.

²⁰ Там же. 147. № 69. — № 230.

²¹ Барсов Е. В. Северные сказания о лембоях и удельниках // Изв. Импер. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 13. Вып. 1: Труды этнографического отдела. М., 1874. Кн. 3. Вып. 1. С. 90. — № 223.

²² Там же.

²³ НА КарНЦ РАН. 82. № 225. — № 228.

шай, мальчик, больше тебя томить я не буду, пушу к отцу в озеро. Только послужи и ты мне: я по вечеру расставляю сети, нагони, дружок, в них побольше рыбы»²⁴; «„А дашь ли нам рыбы?“ — „Ну, ну, ну!!!“»²⁵; «„Если спустим, так будешь ли рыбы давать?“ — „Буду-буду“»²⁶. Иногда такое обещание исходит от матери пойманного рыбаками детеныша, которая, высунувшись из воды, плачет и воет: «Я вам много рыбы дам, как отпустите»²⁷.

Развязка кризисной ситуации во всех без исключения вариантах одна и та же: «И обратно спустили»; «Спустили в воду»; «Отпустили его». Причем в некоторых вариантах водяного детеныша не просто спускают или отпускают. Его снабжают средством передвижения, с помощью которого водяное дитя получает возможность достичь иного мира. К числу таких средств относится, к примеру, ушат или плот, которые, по сути, уподобляются похоронной ладье, курсирующей, согласно древним верованиям, между мирами. Впрочем, возвращение в свою среду обитания иной раз происходит и без применения каких бы то ни было плавсредств. Так, в одном из рассматриваемых нарративов мифическая невольница, будучи допущенной к воде, встает в нее ногами, говорит отпустившим ее людям «спасибо» и сразу же исчезает в глубинах реки — только вода забурлила²⁸.

Есть в этом сюжете и свой эпилог: мужик, отпустивший дитя водяного, навсегда обретает рыбацкую удачу: «И того дня, говорит, нам этих... сигов полный невод напихало. Сигов да лососей да... И тот весь год с рыбой жили, говорит, мы. Но, выполнила обещанье»²⁹. Вариант: «Поутру приходит мужик осматривать сеть — полна рыбы. Мужичок обогатился рыбной ловлей»³⁰. В невод такого счастливца попадает даже рыба, которой и в озере до сих пор не водилось. Одним словом, сам водяной «хозяин», а вместе с ним и былой пленник в благодарность «много рыбы давал». Ведь добыча на промысле, согласно народным верованиям, напрямую зависит от благоволения «хозяина» вод и промысловых угодий: «Там, — говорит, — у нас дети и население. У меня дети налажены с погонялками, так в невод они рыбу загоняют. А кому не захочем дать, так в день только на уху наловит. А кому захочем, да во вкусу нам, тому тыщи пудов»³¹. По рассказам, *шнека* (рыбопромышленное судно от 9 до 11,5 м длины и 1,8—2,7 м ширины, поднимает груза до 8 тонн³²) у удачливо-

²⁴ Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда. С. 145. — № 221.

²⁵ Р-в Г. Народная легенда (Письмо в редакцию) // Олонецкие губернские ведомости. 1865. № 9. Часть неофициальная. С. 136. — № 222.

²⁶ Барсов Е. В. Северные сказания о лембоях и удельницах. С. 90. — № 223.

²⁷ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 263. С. 71. — № 232.

²⁸ НА КарНЦ РАН. 82. № 225. — № 228.

²⁹ Там же.

³⁰ Харитонов А. Очерки демонологии крестьян Шенкурского уезда. С. 145. — № 221.

³¹ НА КарНЦ РАН. 29. № 126. — № 227.

³² Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Изд. подгот. И. И. Муллонен, В. П. Кузнецова, А. Е. Беликова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. 445—446.

го рыбака всегда полна рыбы. Находясь под покровительством «хозяина» вод, рыбак выезжает всякий раз в *голомя*, т. е. в открытое море, в морскую даль, тогда как остальные опасаются это делать. Удачливый рыбак может не беспокоиться, что его *ярус*, т. е. снасть, «перепортят» снующие в районе промысла акулы: морской старик и его внучата защитят орудие лова от повреждения. Мало того, они предупредят своего подопечного, когда «падет большая погода» (шторм на море при северном ветре) и когда «поветерь будет хороша», т. е. подует попутный ветер, который поспособствует движению судна в нужном направлении. «Хозяин» вод и промысловых угодий становится чудесным помощником рыбака.

В случае же, если бы люди не отпустили дитя водяного на волю, финал рассматриваемого сюжета был бы совершенно противоположным: «<...> иначе бы всех вас уморил с голоду: ни рыбки, ни малька я больше не дал бы вам ни в сети, ни в невод»³³. Впрочем, иногда водяной может явить свой несговорчивый нрав. Будучи пойманным и отпущенным с условием дать рыбы сто пудов, он, высунув голову из воды, коварно нарушает это условие: «Старец, — говорит, — ты от меня ни одной рыбки не получишь»³⁴. Так и произошло: «Посулил рыбы сто пудов, а теперь ни одной рыбки нет»³⁵. Но это лишь единичный вариант. Слово водяных существ, по мнению носителей традиции, оказывается крепким и непреложным.

Характерно, что сами рассказчики нередко сомневаются в реальности описываемого ими происшествия: «Это молва, а было ли это на самом деле, я тоже не могу определить. Молва-то ходит»³⁶. И тем не менее спустя многие десятилетия, уже в 80-е гг. XX в., заонежская рассказчица вновь выразила веру, что такой случай действительно имел место: «Это правда было»³⁷. Изначальные образы продолжают жить в подсознании носителей традиционной культуры.

«Развяжу ли — завяжу ли я!». Данный сюжет, известный в трех вариантах, был распространен, надо полагать, преимущественно в Поморье, где рыбный промысел составлял основу хозяйственного уклада. Этот сюжет зафиксирован на рубеже XIX и XX вв., а также в 30-е и 60-е гг. XX в. В нем разворачивается коллизия, основанная на комплексе развязывания — завязывания рыболовной сети, имеющего магическое значение. «Случай» происходит на тоне, представляющей собой участок в небольшом заливе моря, где в промысловые сезоны года (весенний, летний, осенний) наблюдается скопление рыбы и где ее ловят закидным неводом. Рыбацкая тоня — это также и избушка, построенная на месте промысла.

Согласно одному из вариантов, действие приурочено к тоне под названием Кривцова. И промысел ведется на семгу. В других вариантах подобная локализа-

³³ Лесков Н. Представления кореляков о нечистой силе // Живая старина. 1893. Вып. 3. Отд. 5. Смесь. С. 417. — № 224.

³⁴ НА КарНЦ РАН. 29. № 126. — № 227.

³⁵ Там же.

³⁶ Верования великоруссов Шенкурского уезда: (Из летней экскурсии 1916 г.) / Собрал и записал П. Г. Богатырёв // Этнографическое обозрение. 1916. № 3—4. С. 45. — № 225.

³⁷ НА КарНЦ РАН. 147. № 69. — № 230.

ция отсутствует. Находясь вдали от дома и опасаясь некой безличной невидимой силы, рыбаки, вернувшись с промысла в избушку, вечером как можно раньше закрывают окна, двери, трубу, осмысляемые как каналы связи между мирами. Причем внешний мир не был дифференцирован от потустороннего мира. Все отверстия они закрывают благословясь, с молитвой, чтобы мифическая сила не смогла вытолкнуть «ставень» и проникнуть внутрь. И тем не менее неведомая мифическая сила, когда рыбаки уже стали засыпать, внезапно появляется под окном. В одном из вариантов она принимает облик невзрачного мужичка в сером кафтане, с бородкой. В других же вариантах эта сила не принимает никакого облика. Однако и в том и в другом случае она обнаруживает себя человеческим голосом, вербальными проявлениями. Тот факт, что рыбаки находятся в состоянии сна, а значит, и в состоянии лиминальности, обеспечивает им возможность контакта с потусторонними силами. «Развяжу ли я!» — слышат они под окном своей избушки. С одной стороны, эти слова звучат как приговор мифической силы, который не подлежит обсуждению. С другой стороны, вроде бы испрашивается разрешение тонщиков. Замышляемое развязывание (это впоследствии выясняется) имеет магический характер. Не понимая смысла происходящего, одолеваемый сном рыбак, с усилием приподнимая отяжелевшие веки, с нетерпением дает согласие: «Развяжи ты, черт с тобой!»³⁸. И происходит то, что и должно было произойти: «В лодках нет мутника. В одной из лодок находят они несколько клубков ниток — то мутник»³⁹. Иначе говоря, рыболовной снасти типа невода, которая предназначена преимущественно для ловли мелкой рыбы со дна⁴⁰, больше не существует: эта снасть превратилась в клубки ниток. Мало того, невод не только размотан на клубки нитей, из которых он был связан, но и сами эти мотки повешены на вешала — т. е. на козлы из жердей, устраиваемые для просушки рыболовных сетей после лова⁴¹: «<...> невод весь розвязанный, и смотано всё предено на мотки, и мотки повешены на вешала»⁴². Такой конец идентичен началу, когда невод еще не был связан. Чтобы выявить символику данной ситуации, надо рассмотреть мифологический аспект работ, связанных с изготовлением и починкой рыболовных снастей.

Прежде всего, эти работы, судя по материалам Заонежья, были регламентированы хронологически. Они начинались с Егория Зимнего (26 октября) и завершались на Николу Зимнего (6 декабря). Последний осмысляется в народных верованиях как покровитель рыбаков и мореплавателей, сменив в этой роли своего архаического предшественника — водяного. Поскольку любое действие при починке и

³⁸ НА КарНЦ РАН. 25. № 18. — № 237.

³⁹ Георгиевский М. Д. Кое-что об олонецких рыбаках // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 43. Часть неофициальная. С. 2. — № 236.

⁴⁰ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3. С. 273.

⁴¹ Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С. 55.

⁴² НА КарНЦ РАН. 25. № 18. — № 237.

изготовлении снастей имело магический характер, сетевязы должны были соблюдать ряд традиционных установлений и запретов. Например, в процессе работы нельзя было разговаривать и ругаться, иначе произведенный при этом шум будет впоследствии отпугивать от сетей рыбу. Очесы от ниток, стружки, щепки и прочий мусор, накопившийся во время работы, предписывалось заметать в красный (передний, большой, святой) угол, «чтобы рыба попадала кучно»⁴³. О магическом характере плетения/вязания рыболовных сетей свидетельствует, в частности, такой факт, зафиксированный в Заонежье: в крестьянской избе по одну сторону от иконы висел челнок, с помощью которого изготавливается сеть, а по другую — нити двух сортов, уже намотанные на челнок; под иконой же в щель треснувшего бревна стены было воткнуто веретено с нитками⁴⁴. Эти атрибуты, соотнесенные с персонажами христианской мифологии или же их языческими предшественниками, призваны были обеспечить рыбацкую удачу на предстоящих промыслах, и прежде всего посредством сети, сплетенной с соблюдением всех правил и запретов. Судя по памятникам агиографической литературы, плетение сетей непременно сопровождалось молитвами: «Во время же зимное молитве множае прилежаше <...> и мрежие плетии и имже потреба быше в рыбную ловитву»⁴⁵.

Из сказанного следует, что в рассматриваемом нами сюжете рыбаки лишаются не просто орудия лова. Отныне у них нет чудесного предмета, в котором воплощено покровительство языческих и христианизированных сил, внявших их мольбам и прошениям, подкрепленным определенными магическими действиями: «Хозяин не дозволяет, значит, ловить в его озере рыбу»⁴⁶.

Утрата невода символизирует неблагоприятную перемену в судьбе всей рыболовческой артели в целом и каждого из ее членов в частности. Судя по материалам, собранным преимущественно в Олонецкой губ. во второй половине XIX в. Г. И. Куликовским⁴⁷, сеть являлась материальным воплощением идеи целостности определенного коллектива. Само наименование рыболовческой артели отражало то, какой сетью она пользовалась. Содружество рыбаков, объединенных под тем или иным названием, составляло нечто целое, однородное. Материальным символом единства рыбаков, составляющих артель, служили паевые куски сети, сшитые в общий невод. Такое сшивание («свертывание») происходило перед началом путины. Этому акту обычно предшествовал молебен. Молились, «чтобы не изменить неводу». Иногда сшивание сетей завершалось общим пиром. В некоторых местностях, сшив не-

⁴³ Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб.: Наука, 1993. С. 43.

⁴⁴ НА КарНЦ РАН. Разр. 6. Оп. 1. Д. 87. Л. 21.

⁴⁵ Кадлубовский А. П. Житие преподобного Панфутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сб. Историко-филологического об-ва при Институте кн. Безбородко в Нежине. 1899. Т. 2. С. 141.

⁴⁶ Георгиевский М. Д. Кое-что об олонецких рыбаках. С. 2. — № 236.

⁴⁷ Куликовский Г. И. Из общинно-артельной жизни Олонецкого края. Петрозаводск, 1897. С. 14—56.

вод, участники крестились и выносили его на улицу сообща, все без исключения, «чтобы злые люди не испортили дела». С неводом в руках переступали через горшки, наполненные тлеющими углями, на которые были положены «призорные травы». Окуренный таким дымом невод считался защищенным от вредоносных сил. В артель после исполнения ритуала больше никого не принимали.

Отныне невод принадлежал всей артели, но каждый паевой кусок сети — конкретному хозяину. Причем последний должен был нацепить на свою паявую часть необходимые грузила, поплавки, а в случае, если его кусок сети порвется (или совсем оторвется) во время лова, он обязан был починить его единолично. Выходя из артели, пайщик отшивал принадлежащую ему часть невода (или продавал, передавал ее кому-либо). То же делала и артель, исключая из своих рядов нарушителя соционормативных или обрядовых предписаний и запретов. Соответственно внесенным паям (это прежде всего сеть и лодка) делился и улов. Таким образом, принимался в артель, участвовал в промысле и получал определенную часть добычи даже не сам рыбак, а его материализованная доля. Паевой кусок снасти знаменовал судьбу артельщика, а весь невод — артели в целом⁴⁸. Одним словом, неводу действительно было за что поклониться и за что воздать.

Однако неблагоприятной развязка коллизии остается лишь в одном из вариантов рассматриваемого сюжета. В двух других текстах представлена как бы чересполосица рыбацкого бытия: «И опять под окошко пришло: „Завяжу-у ли я?“ — „А завяжи, батюшка, завяжи-завяжи!“ На другой день встали, пришли — невод по-старому вѣснет, всё как на вѣсалах было у них, так и есть»⁴⁹. Если развязанная сеть символизирует отсутствие благоволения со стороны «хозяина» рыбных угодий, то сеть, вернувшаяся в прежнее состояние, служит знаком восстановления его покровительства, возвращения ситуации статус-кво. Невод извлекался из водоема то полным рыбы, то пустым, то целым и невредимым, то поврежденным, изорванным. Он приносил и радость удачи, и горечь невезения, от него в немалой степени зависел и достаток крестьянской семьи. Невод сам персонифицировался и обожествлялся. Вместе с тем он осмыслялся как атрибут в руках некой безличной либо вполне персонифицированной мифической силы, которая посредством развязывания — связывания нитей, составляющих невод, манипулировала человеческой судьбой, наделяла/не наделяла индивида и всю артель рыбацкой удачей, обильным уловом. В этой мифической силе есть признаки божества судьбы⁵⁰, связанного с водной стихией.

Таковы проявления архаического мировосприятия в мифологических рассказах, повествующих о рыбном промысле.

⁴⁸ Криничная Н. А. «Он стал чинить сетки, ловушки и другие рыболовные снасти...» (К эпизоду из биографии сказителя Т. Г. Рябинина) // Живая старина. 1995. № 4. С. 34.

⁴⁹ НА КарНЦ РАН. 39. № 38м. — № 238.

⁵⁰ Криничная Н. А. Нить жизни: реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 40 с.

**БЫЛИЧКИ, БЫВАЛЫЩИНЫ, ПОВЕРЬЯ,
КОСМОГОНИЧЕСКИЕ И ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ КАРЕЛИИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ**

(тексты)

❖ I ❖

Первозданная водная стихия и космогенез

1.1. Сотворение мира

1. Сотворение мира

По досюльному окиян-морю плавало два гоголя: один бел гоголь, а другой черен гоголь. И тыми двумя гоголями плавали сам Господь Вседержитель и Сатана. По Божию повелению, по Богородицыну благословию Сатана выздынул со дна моря горсть земли. Из той горсти Господь-то сотворил ровные места и путистые поля, а Сатана наделал непроходимых пропастей, щильев и высоких гор.

И ударил Господь молотком в камень — и создал силы небесные. Ударил Сатана в камень молотком — и создал свое воинство. И пошла между воинствами великая война: поначалу одолевала было рать Сатаны, но под конец взяла верх сила небесная.

И сверзил Михаила Архангел с небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю в разные места: которые пали в леса — стали лесовиками, которые в воду — водяниками, которые в дом — домовиками; иные упали в бани и сделались баенниками, иные во дворах — дворовиками, а иные в ригах — ригачниками.

Зап. в Заонежье в 1860 г. П. Н. Рыбников. — Рыбников. 1862. С. 126; Он же. 1864. С. 191—192; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 1991. Т. 3. С. 181. Со-кращ. пересказ: Путешествие кн. Владимира Александровича. 1884. С. 501.

2. Сотворение мира

Прежде крестьяне села Сороки думали и говорили, что сначала не было неба и земли, а была одна вода. На воды плавало две утки. В одной утке заключался Бог, а в другой — Сатанаил.

Бог придумал строить землю и послал Сатанаила в море, потом велел сказать: «Господи, благослови!». Сатанаил же не сказал, а пошел молча. Там он, на дне морском, захватил полные горсти земли. Когда пришел на поверхность воды, то у него в руках не очудилось ничего. Опять сходил в другой раз — тоже ничего не принес. В третий же раз он пошел и сказал: «Будь же по-твоему» (а не сказал «Господи, благослови») — и, зачерпнув (как и в первые два раза) полные горсти земли, возвратился на поверхность воды, но земли удержалось не много.

Бог же взял землю из правой руки Сатанаила в свою правую и разбросал по воды — и выросла земля Русская, на которой поселились жить православные люди. Из левой руки Сатанаила Бог взял в левую руку и разбросал по воды — и выросла земля неверная, на которой находятся другие государства. Выросла земля с морями, реками, озерами, лесами, болотами, горами и камнями.

Дал Бог Сатанаилу молот и велел дуть в камень, при том говоря: «Господи, благослови!» Что раз Сатанаил ударит, то и из камней выскочит ангел, Богу поклонится и станет за Бога по правую руку. Он наколотил много тысяч светлых ангелов, всё говоря «Господи, благослови». Сатанаилу стало заведно, что у Бога стало много, а у его нету никакого. Он придумал колотить молча в камень. Как раз счёлнет, то и из камня выскочит бес с рогами, с собачьими ушами, тремя хвостами и огненными глазами. Выскочив, Сатанаилу поклонился и стал за его. Так он наколотил бесов много тысяч. Пришел Бог и видит, что бесов наколочено множество, а ангелов не прибавляется. Бог взял перекрестил камень своим крестом. Бес же после этого дул-дул в камень, но ни ангела, ни беса не выскакивало. Бог сказал Сатанаилу:

— Будем небо роботать?

И начали: бес сработал небо, Бог — друго, бес сработал третье, Бог — четверто, бес — пято, Бог — шесто, а Сатанаил — седьмое. Бог от второго до шестого забрался с ангелами, а Сатанаил с первого до седьмого забрался с бесами и стал там жить и Богу не подчиняться. За это Бог его невлюбил.

Бог стал Сатанаила с бесами бросать на землю. И падали они с неба на землю сорок дней и сорок ночей (т. е. шесть недель). Которые пали в море — те стали морскими царями; кто в реки — те водениками с воденицами; кто в озера — те озерными жировыми; кто в болота — тот болотной жировой; кто в леса — тот лесший; кто на дома — тот домовый с хозяйкой; кто на дворы — тот дворовой хозяин с хозяйкой; кто на хлевы — тот хлевной хозяин с хозяйкой; кто на конюшники — тот конюшничный с хозяйкой; кто пал ни бани — баенный жихорь с жихоркой; кто пал в колодец — колодезной воденник. И все они с женами и детьми. Которые пали на пустое место — те стали черти. А Сатанаил пал прямо в ад и стал называться Сатанюю. Черти же, которые пали на пустом месте на земли, пошли людей смущать и вводить в грех.

Так и образовалось сотворение мира.

Из случайных поступлений. — НА КарНЦ РАН. 40. № 187.

3. Сотворение мира

Было время, когда не было ни земли, ни неба, а была одна вода. И спустился Саваоф на землю и спросил:

— Кто zde e?

И откликнулся Сатана и рек:

— Я зде е.

И спросил Саваоф Сатану:

— Есть ли где земля, не видал ли?

— Есть на дне моря, — отвечал Сатана.

— Сходи же на дно моря и достань земли.

Обернулся Сатана гоголем, нырнул на дно морское и в рот земли напихал. Но поколь оттоль воздымался, водой размыло землю, и он выкурнул ни с чем.

Саваоф послал его другожды. Но и на другой раз то же случилось. Стыдно стало Сатане, а Саваоф его укоряет и говорит:

— Немошен, брат, ты. Иди в третий раз, да вот на дне морском увидишь икону — Деву с Младенцем, на камени стоящу, благословись у Младеня и тогда возьми земли.

Нырнул Сатана в третий раз: сделал так, как велел ему Саваоф, и принес земли. Взял Саваоф эту землю и рассеял в восточную сторону — и стала чудная, прекрасная земля. И спросил Саваоф Сатану:

— Вся ли тут земля?

— Вся, — сказал Сатана, а сам держит частицу за щекой.

А земля за щекой стала расти-прибывать, а щеку стало раздувать. Видит Сатана, что не обмануть ему Саваофа: взял да рассеял ту землю в северную сторону — и стала тут земля холодная, каменистая и нехлебородная.

И задумал Саваоф создать себе полки воинов, дал Сатане молот в руки и велел бить в каменную гору правой рукой, а сам пошел на восток рай насаждать. Богов товарищ начал молотом в камень бить — из камня воины светлы начали выскакивать да на восток Богу кланяться. Бил до того, что рука устала, попробовал бить левой рукой. Лишь только ударил — выскочил черный черт да и поклонился молотобойцу. Смекнул Сатана, в чем дело, да и давай левой рукой колотить. До того бил, што чуть-чуть со светлыми полками не сравнялся.

Той порой Саваоф дело свое сделал и пришел к Сатане. Пришел и видит: дело плохо. Что делать? Взял скорей зааминил. Перестали выскакивать силы нечистые, а стал выскакивать только огонь, как и теперь бывает при ударе железом в камень.

Возгорчился Саваоф и задумал разделить с товарищем. Но тот не то и говорит: стал хвастаться силы богачеством. Пошло на раздор: Саваоф построил небо, а Сатана другое — выше того. Саваоф построил еще небо, а Сатана — выше того. Сделали они по семи небес, а Сатана все выше забирается. Зааминил скорей Саваоф и велел Михаилу Архангелу столкнуть Сатану на землю со всеми его небесами и со всей его силой невидимой. Пошел архангел Михаил, а тот и на версту не допустил его к себе. Саваоф послал его другожды, но Сатана отогнал его еще дальше. Стал посылать его Саваоф третий раз, но он отвечал:

— Боюсь Господа опалить.

Тогда Саваоф сказал Михаилу Архангелу:

— Опустись ты на землю к Черному морю, увидишь на берегу икону — Деву с Младенцем. Благословись у Младеня и ступай на Сатану.

Сделал Архангел по слову Господню, столкнул Сатану с неба, спроверг небеса и всю силу его, и валилось сатанинской силы, аки мелкого дождя, шесть недель. Много пало ее на землю, а больше того осталось на воздушех.

Зап. в Олонецкой губ. Е. В. Барсов. — Барсов. 1874. С. 87—88; Барсов. 1886. С. 1—2.

4. Сотворение мира

Приказал однажды Саваоф Сатане достать откуда-либо земли. Сатана, обернувшись гоголем, трижды нырял за землею на дно морское и, по своей немощи, только в третий раз исполнил поручение и после того, как по указанию Саваофа благословился у Младенца на иконе — Деве, стоящей на камени. Из одной части поднятой земли, обращенной на восток, Саваоф сотворил прекрасную землю, а из брошенной на север — холодную, каменистую и непроходимую.

После этого Саваоф, желая создать себе воинство, дал Сатане в правую руку молот и велел бить в скалу, а сам ушел на восток творить рай. С ударом появлялись полки светлых воинов и тотчас же кланялись Богу на восток. Попробовал Сатана ударить левой рукой — повыскакивали черные полки, кланявшиеся ему. Полки белых и черных воинов почти сравнялись, когда Саваоф заметил самовольство Сатаны и зааминил его работу.

Начался между Саваофом и Сатаной раздор, который решено было покончить состязанием — постройкой небес. Саваоф построил небо, а Сатана — другое, и таким путем Сатана дошел до седьмого неба, когда Саваоф едва успел зааминить его работу.

Потом он приказал Михаилу Архангелу низвергнуть Сатану с его силой на землю, что Архангел и сделал, благословившись у Младенца на иконе — Деве, стоящей у Черного моря. Целых шесть недель валилась сатанинская сила на землю, аки мелкий дождь. Много ей пало на землю, в тартарары, в озера, в реки и в леса, а еще больше того осталось на воздушех.

Шайжин. 1909. С. 228.

5. Сотворение мира

Сперва Бог шел по воде, как по суше кто бы шел. А плывет гагара:

— Кто ты есь передо мной?

— Я Сатанил — сам себе имя нарек.

— Будешь ли Меня слушать?

— Не знаю, — говорит, — буду ли слушать.

(«Не знаю» — грех это слово говорить: это Сатанила первое слово.)

Господь говорит:

— Сотворим землю.

— А это, — говорит, — дорондѣ.

— Есть земля под водою, дак достань, — говорит, — ее, так сотворим.

Укурнул он, этот Сатанил-то, и набрал земли, добрался. Выкурнул, выполоскало землю-то... и не мог вытащить.

— Благословись, — говорит, — у Меня, так достанешь у Меня.

А Сатанил сказал:

— По Словеси по Твоему.

Он укурнул.

— Я уже под ногтям и в рот накладу. Я уже увижу, как [Господь] сотворяет, и я стану сотворять.

Вытряс на длань Господь, дунул — и разрослась земля. И у его [Сатанила] заросла земля, ево начало раздувать землей-та.

Было и сонче (солнце) сотворено и месич. Землю пополам разделили.

— У Меня на востоке, — Господь говорит. — А твоя на западе; а Я прямо тебя буду.

На отдохновение легли. Господь [и Сатанил] пополам разделили [землю], спич [колышки] наколотили, легли... и потом Господь пробудился:

— Как будто меньше половина у меня кажется.

И спрашивает:

— Месич, ты свитил всю ночь. Лукавый не переколотил у меня спич(ц)?

— Я, — говорит, — не знаю.

— Соньце, ты не видел, не знаешь ли?

А соньце отвечает:

— А чюл у месяця, что он (Сатанил) переколотил спич(ц)и.

— Будь ты, соньсе, праведно: правду сказал, а тебе, месииш (месяц), переминиваться через три недели, через четыре быть новому, умирать. Пусть мучится за те грехи, почто не сказал правды.

Зап. от И. А. Коптяева в дер. Заберѣзовской Шахановской вол. Шенкурского у. Архангельской губ. в июне 1916 г. П. Г. Богатырёв. — Богатырёв. 1916. № 1. С. 071—072.

6. Сотворение мира

Как Бог творил мир, была сначала везде все вода. Вот Бог и послал доставить земли со дна морского птицу. Два раза она опускалась на дно, брала землю в лапу, да не могла удержать, покуда поднималась наверх, — водой-то землю-то у ней, вишь, вымывало. В третий раз взяла землю в рот и вынесла наверх. Вот Бог и велит ей выхаркнуть землю:

— Да смотри, ничего не утаивай.

Она выхаркнула — и стала везде ровная земля. Только немножко она во рту утаила. И почала у ней та земля во рту расти, растет и растет. Она и взмолилась Богу:

— Господи, ведь я земли-то утаила, не всю выхаркнула.

— Ну, не ладно это ты сделала, делать нечего, выхаркивай остальную.

Она выхаркнула. И сделались от того горы по всей земле. А если бы она не утаила, дак не было бы и гор.

Зап. в Ветлужском крае. — Ширский. 1923. С. 6; Народная проза. 1992. № 311. С. 453.

7. Сотворение мира

Когда Господь составлял землю, злые духи сказали ему:

— Мы не будем тебе помогать.

А начальник их украл клочок земли и положил себе за щеку. Здесь у него земля начала расти быстро. От боли во рту он начал бегать и разбрасывать землю по стономам: где упало много — встали горы, а где мало — обозначились бугры и холмы.

Когда происходила на небе война и архангел столкнул дьявола на землю, чтобы он сквозь нее провалился, сверженный на лету изрыл землю своими рогами так, что на ней поделались лога и овраги.

Максимов. 1903. С. 266. Примеч.

8. И волны превратились в горы

Вначале в мире ничего не было, кроме воды и ветра. Ветер постоянно дул, вода вечно волновалась, шумела. Шум этот несся к небу и сильно беспокоил Бога. Наконец Бог разгневался и крикнул, чтобы волны окаменели.

И вот волны превратились в каменные горы, а отдельные брызги в каменья, рассеянные повсюду. Горы долго сохраняли форму волн, но дожди постепенно изменили ее. Дождям же земля обязана и тем, что в мире снова появилась вода, заполнившая котловины между окаменевшими волнами, образовав моря, озера, реки и пр.

Зап. в дер. Вохтозеро Спасопреображенской вол. Петрозаводского у. Олонецкой губ. Г. И. Куликовский. — Куликовский. 1902. № 1. С. 496.

1.2. Всемирный потоп

9. Всемирный потоп

Скажу про всемирный потоп. Это было, когда народ шел против Бога. И Бог позвал Ноя. И хотел сказать:

— Ной!..

А в это время Ной вышел на улицу и топором что-то робил.

— Ной! Строй ковчег, бо гибель будет.

Три раза сказал. Сам Господь.

Взялся строить ковчег. Он три года строил. Это так. В тридцать локтей длиною и шестьдесят ширинёю. Тогда все звери шли... Ной свою жену, двенадцать сыновей и две дочери — всех увел в ковчег. А звери все по парам шли. Как Богом сказано, только мамонтов не брать. Они всё зьедают. Их и сейчас нет — все потонули во всемирном потопе. Когда успокоился дождь, кости их находили.

Бог отделил землю от воды: моря стали, реки стали. Успокоилась вода, не стали дожди. Ной почувствовал, что на земле стоит. Куда ветер, туда и ковчег. Сорок дней и ночей таскало (носило) их. Из Ноевой семьи народ расплодился. Все! Стал народ размноживаться.

Зап. от Е. И. Марцевич в с. Святозеро Пряжинского р-на Карелии 17 июля 1983 г. Т. Ершик, И. Голенкова, Т. Лысюк (рук. Т. В. Иванова). — НА КарНЦ РАН. 165. № 929.

10. Всемирный потоп

Мой брат покойный был сильно начитанный книгами. Потом достал Библию. Не у всех была эта книга. У кого есть — все закрыто. Библия эта.

У нас был старик, церковный староста. Зажигал свечи, тушил. У него была Библия. С братом сильно хорошо дружил.

Мой брат залезет на чердак и читал там. Боялся, увидит кто-нибудь Библию эту.

Был всемирный потоп. Народ сильно развратный был. Что делалось!..

Сильные были урожаи. Такие были урожаи. Это раньше было, раньше, до всемирного потопы. От самой земли до верха зерно было. Везде хлеб кучами лежал, потому что негде было девать этот хлеб. Дети гадили хлеб.

Бог сильно разгневался на людей. Послал всемирный потоп. Сорок дней и сорок ночей всемирный потоп... Сильный дождь был. Всё в воде. Всё плавало наверху. Сорок дней и сорок ночей непрерывный дождь — и ничего не осталось. Всё потопло. Кошки и собаки сильно голову вверх задирали и плакали. И Бог пожалел их. По воле кошачьей и собачьей мы живем. Сорок дней и сорок ночей дождь шел.

И Ной (из Библии это) слышит голос Бога:

— Ной, строй ковчег.

Три раза слышал голос. Ной думал, издевается над ним молодежь. На третий раз понял голос Бога. Он строил ковчег три года. Сорок локтей в ширину и сорок в длину. Когда [Ной] кончил строить ковчег, Бог сказал:

— Всю семью веи в ковчег.

А было двенадцать дочерей у Ноя. Вся семья закрылась в ковчеге.

Сорок дней и ночей шел дождь. Это большое количество. И потом Бог сказал — и перестал дождь падать. Бог разделил воду и землю. Тут воды (показывает), тут земля. Раньше морей не было. От Ноя пошли люди.

Зап. от Е. И. Марцевич в с. Святозеро Пряжинского р-на Карелии 9 июля 1984 г. Л. Артемьева, Е. Сорокина, Л. Рухтоева (рук. Т. В. Иванова). — НА КарНЦ РАН. 165. № 1100.

11. Всемирный потоп

< ... > Когда был Ноев потоп, сорок дней и сорок ночей дождь лил. Один только Ной спасся, забрал по пары животных. А народ этот весь исчез.

Ной выпустил голубя, голубь прилетел и в клюве принес лист. Ной из ковчега вышел. Стали яго потомки разводителя. Бог сказал:

— Ставлю я знак: дугу-радугу. Больше от потопки народ не будить погибать. Даю я этому народу две тыщи лет.

Нам осужден две тыщи лет, потом должна эра какая другая быть. Начальство и то сомневатца. Должен народ — как по Писанию — исчезнуть.

Зап. от М. А. Андреевой в с. Пономарёво Холмского р-на Новгородской губ. в июле 1986 г. М. Н. Власова. — Традиционный фольклор Новгородской обл. 2001. № 137. С. 196.

1.3. Затонувшее селение

12. Затонувшее село

На этом месте [где ныне находится озеро Каскомень] раньше стояло село, в котором народ был, как камень. Нищие туда не ходили.

Однажды под видом странника туда пришел Илья Пророк. Трижды он просил напиться, и трижды ему грубо отказывали женщины. Тогда Илья Пророк посмотрел на небо и сказал:

— Господи, во селе сем воды нетути.

И послал Господь на село воду: и из реки плывет, из земли идет, и дождем бежит... И стало на том месте озеро. А под озером село большое, в неурочный час под нечисто слово и увидеть можно, да не обрадуешься.

Зап. в дер. Засурье Сурского р-на Архангельской обл. в 1927 г. И. В. Карнаухова. — Карнаухова. 1928. С. 93.

1.4. Водяные коровы

13. Водяные коровы

Вблизи от Мегры есть маленькое круглое озеро, дна которого, по уверению крестьян, никак нельзя измерить. Посредине этого озера есть островок, куда в теплые летние ночи выходят из воды четыре коровы. Многие хотели было завладеть ими, но без успеха, потому что лишь только кто подъезжал к острову, коровы, по свисту кого-то невидимого, бросались в воду и исчезали.

Случилось однажды крестьянину ближней деревни проходить мимо озера, после дневной работы. Так как он утомился, то лег на траву и вскоре уснул. Пробудившись еще до восхода солнца, он хотел было идти в деревню, как заметил, что невдалеке от него пасутся на траве четыре бурые и чрезвычайно большие и тучные коровы. Мужик дивился, глядя на прекрасных коров, потому что он во всем селении ни у кого подобных не видал.

Через несколько времени мужику пришло на мысль, не те ли это коровы, что выходили прежде на остров. Он перекрестился и побежал им навстречу. Озеро ужасно взволновалось. Послышался свист, по звуку которого коровы бросились к воде. Но мужик успел двух коров остановить и угнать домой.

Коровы эти долго жили у мужика и, говорят, даже оставили от себя приплод, порода которого будто бы до сих пор ведется в Мегре. Молока они давали по два ведра на удой, отчего крестьянин скоро разбогател.

Когда он убил этих коров, то мясо и шкуры их неизвестно кем были украдены. Крестьянин, жалея о потере, подал прошение на подозрительных людей своей деревни, обвиняя их в краже. Дело долго не решалось, как вдруг в одну темную ночь кто-то постучался у ворот мужика. Мужик вышел на крыльцо и увидел черного, маленького человека в соломенной шляпе и коротеньком камзоле старинного покроя. Незнакомец остановил крестьянина и сказал:

— Послушай-ка, приятель, если ты напрасно будешь волочить добрых людей, то скоро будешь у меня в озере пасти коров. Разве ты недоволен тем, что коровы тебя обогатили и оставили на будущее время приплод?

— А ты кто, добрый человек? — спросил крестьянин незнакомца.

— Я не человек, а черт. Знай же, что черт дал тебе коров, он же взял мясо и шкуры, потому что они принадлежат мне!..

Крестьянин на другой же день бросил тяжбу о коровах и помирился с соседями.

Зап. в г. Вытегре Олонецкой губ. К. Петров. — Петров. 1859. № 93; Петров. 1860. С. 102—103.

14. Водяные коровы

Около Мегры есть небольшое круглое озеро, а посредине островок. На этот островок летом из воды выходят четыре коровы. Крестьяне делали попытки завладеть ими, но только что хотят подойти, как послышится свист, а коровы бросятся в воду.

Однажды какой-то крестьянин проходил мимо озера, устал, лег на траву и заснул. Проснулся и видит: пасутся на траве четыре большие бурые коровы. Мужик перекрестился и пошел к ним. И вот озеро заволновалось, хотя ветру и не было; послышался свист — и коровы бросились в воду. Но мужик всё-таки успел двух коров перехватить и пригнал их домой. Коровы эти долго жили у мужика. (Приплод от них будто бы и сейчас живет в Мегре.) Две коровы давали мужику по два ведра в день молока, и мужик разбогател.

Потом мужик вздумал этих коров зарезать и, когда зарезал, мясо и шкуры коров кто-то украл. Мужик подал прошение в суд, обвиняя в краже нескольких вороватых мужиков в деревне. Но однажды осенью, ночью, кто-то постучался к мужику. Мужик вышел за ворота и увидел маленького человека в соломенной шляпе и коротком камзоле старинного покроя. Это, оказывается, был черт. Он сказал, что напрасно мужик тягается из-за коровьих кож с соседями: кожи взял он, черт. Мужик помирился с соседями и прекратил тяжбу.

Зап. в Олонецкой губ. Н. Е. Ончуков — Северные сказки. 1908. № 231. С. 499—500.

15. Водяные коровы

В Олонецком краю водяные до того прижились, что завели полные деревенские хозяйства. И в старину из омутов выгоняли свои стада пастись на берегу реки: коровы были все черные и гладкие.

Одной такой чернушкой соблазнился крестьянин села Ухты (Вытегорского уезда) и, подкравшись к стаду, ловким приемом отогнал ее, да так удачно, что у него при всей бедности одна корова никогда не переводилась, и была она сытее, круглее и молочнее всех соседских.

Зап. в Вытегорском у. Олонецкой губ. — Максимов. 1903. С. 88. Примеч.

16. Водяные коровы

Однажды крестьянин деревни Топоровской отправился к озеру на охоту за утками и засел в устроенном для охоты шалаше. Чрез несколько времени видит он выходящих из озера тучных, рослых коров, а за ними женщину с золотым подойником. Охотник догадался, что коровы эти принадлежат водяному, почему украдкою выбрался из шалаша, сбегал домой за иконою с намерением обойти с нею стадо и завладеть как коровами, так и золотым подойником.

Но, возвратившись с иконою, он успел обойти одну только корову, которая и досталась ему, а остальные с доильщицею скрылись.

Водяной рассердился, что у него отняли корову, и заросстил озеро, хотя не вдруг, а в продолжение нескольких лет. После, когда озеро было не совсем еще зарощено, жители упомянутой деревни видали подойник плавающим поверх воды, которым тоже хотели завладеть. Но лишь только подъезжали к нему на лодках, он скрывался в самую глубину озера. [Соб.: Как мог золотой подойник плавать поверх воды?] Его носил сам водяной с целью заманить людей на глубину, опрокинуть лодку, потопить смельчаков и тем отомстить за отнятую корову.

Зап. от Т. А. Юрина в дер. Оладьинской Каргопольского у. Олонецкой губ. 15 августа 1884 г. Пятницкий. — Пятницкий. 1884. С. 649.

17. Водяные коровы

Раз моя бабка и дед поехали в лодке на пожню. Почти подъезжали они к пожне, как бабка моя заметила, что из воды на берег выскакивают коровы — коровы комоля, с короткой лоснящеюся шерстью и очень сытыя.

— Это коровы водяного, — заметила бабка. — И если бы успеть покапать крови с безымянного пальца на каждую корову, то все они были бы наши...

Как только сказала она это, коровы все поскакали обратно в воду, и из воды вдруг высунулась большая, покрытая черною шерстью рука и схватила за борт лодки... Хорошо еще, что берег оказался близко, а то водяной непременно успел бы опрокинуть лодку.

Зап. от Х. Богданова в с. Святозеро Петрозаводского у. Олонецкой губ. Н. Лесков. — Лесков. 1893. С. 417.

18. Водяные коровы

В озере этом (Кожаево) есть странствующий коч. Он отстает от берега, двигается до половины озера или и далее и снова пристает к своему месту. Коровы ходят по кочу, грузнут по морду, но не тонут.

Некогда из этого озера выходили пестрые коровы. Однажды священник обошел их с крестом и некоторых из них удалось захватить. Приплод от этих озерных коров и теперь есть.

Зап. близ г. Никольска Вологодской губ. в 1872 г. Г. Н. Потанин. — Потанин. 1899. С. 193.

19. Водяные коровы

Старики розказывали. Из Манилова озера (версты четыре) ездил чорт в озеро Березино и возил свое именье. Приходит он под окошко к мужичку в деревню Березняк и просит дровень перевозить свое именье. Мужичок ему дровён дал поездить. Он ночь ездил на дровнях, перед свет дровни ему и представляет под окошко и говорит:

— Вот тебе, мужичок, дровни и целковой за удёржку дровён.

Мужичок выходит, целковой лежит на дровнях, а посмотрел на дровни: на дровнях ездить нельзя, потому как полозье очень изъездилось, — очень тонко.

Доживает до лета. Этот же мужичок увидал у чорта короу на берегу. Взял икону и побежал с иконой и ухватил у него одну корову, а остальные все ушли в озеро.

Посля этово одна женщинына приходит на озеро с бельем, слышит: в озере плачет и посылает спросить у мужичка корову обратно. Вот он приходил к нему не одну ночь, всё прошал коровы. Он ему не отдает. Напротив этого, сделал он мужичку

то, што унес весь горох с полосы. (На это озеро все боялись выходить купаться и ездить. Лишь лет двадцать тому назад местная молодежь решилась, стащив потихоньку у соседей лодку, проехаться по нему, и то с опаской — ехали около берега.) Потом все ничево стало.

Зап. от В. У. Горбачёва в дер. Березняке Казанской (Вожегской) вол. Кирилловского у. Белозерского края в 1909 г. Б. и Ю. Соколовы. — Сказки и песни Белозерского края. 1915. № 155. С. 288—289.

20. Водяное стадо

На берегу озера Чудинов омут прежде видали стадо коров, которое при приближении людей скрывалось в воду.

Там же видали сидевшую на камне лешачиху, которая огромным железным гребнем расчесывала свои волосы.

Зап. в Кадниковском у. Вологодской губ. в 1847 г. Е. Кичин. — Зеленин. 1914. С. 202.

20а. Водяное стадо

Некоторыми озерами управляют не водяники, а одне водянихи-девки. Например, в Речезере Вытегорского уезда о речезерской водянихе передается следующая интересная легенда.

Наблюдала она (водяниха) однажды, сидя на камне, за своими коровами, которые паслись на берегу озера, и вздумала расчесывать свои волосы.

Заметил эту сцену прибрежный житель старик Савва Паздеря. Схватил он с божницы образ Егорья Чудотворца, подбежал к коровам наперелуч со стороны озера и овладел ими, заключив их в благословенный круг.

Ночью водяниха, пытаясь отбить своих коров, вступила с Саввой в борьбу, но Савва оторвал у водянихи косы и, таким образом, сделал ее совсем бессильною.

Зап. в Вытегорском у. Олонецкой губ. К. Филимонов. — Шайжин. 1909. С. 225.

21. Водяные стада

Всякий водяной имеет у себя стада лошадей, коров, которых изредка ночью выгоняет для паствы на смежные луга.

Мужик, увидев это, спешит за добра ума убраться в избу. В противном случае водяной завербует его пастухом своего стада.

Зап. в Шенкурском у. Архангельской губ. А. Харитонов. — Харитонов. 1848. С. 144.

22. Водяное стадо

...Выше от прихода по реке Тулгасу есть мельница, принадлежащая крестьянину Ивану Гагарину. У этой мукомольни год назад крестьянин села Кузьминского, теперь умерший, Алексей Скорняков видел целое стадо бурого скота, пасомого самим чертом — человеком толстым, с длинными черными, как смола, волосами.

Только что черт заметил этого крестьянина, очень скоро начал гонять скот в воду. Чрез несколько минут стадо бурого скота и черт скрылись в воде.

Зап. в Архангельской губ. П. С. Ефименко. — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. 1877. Ч. 1. С. 188.

22а. Водяное стадо

Я вот от дедки покойного слышал: мужик из Устьменьги шел с посаду домой, а было еще очень рано, только что заря занималась. Глядит он, а подле озера, что у деревни, ходит скот.

Дело было летом, выгонять скот еще было рано. Он подумал, что деревенские коровы ушли ночью у кого-нибудь, и погнал их домой в хлев. Оposле днем и разглядел, что коровы-то не такие, как у всех, а чистые, сытые да красивые. И бык один попался, да большой-пребольшой, — такого у них и не видавали!

Разглядели старики да смекнули дело:

— Навряд, — говорят, — будет толк из этой скотины, это коровы, — говорят, — водяного дедушки.

Так и разошлись, а мужик-то скот запер. Вот ночью и стучит к нему кто-то под окно. Мужик проснулся да и спрашивает:

— Кто там хрещеный?

— Отдай мою скотину! — говорит он.

Мужик закутался полушубком, молчит. Тот ушел. На другую ночь — то же. Мужик опять отдулся. На третью тот и говорит:

— Не отдашь добром — возьму и силою!

Наутро пришла жена в хлев доить коров, да так и повалилась. Руки и ноги свело, стало так коверкать, что Боже упаси! Видит мужик, что дело плохо. Отворил ворота... да и выгнал коров. Как только они вышли на улицу, так со всех ног бросились к озеру, да с размаху — в воду! Только один бык остался у мужика и жил долго — и славный скот завелся от него.

Зап. в Шенкурском у. Архангельской губ. — Воропай. 1891. С. 16.

❖ II ❖

Переустройство мироздания

2.1. Соперничество рек

23. Почему Свирь ушла в Нево-озеро?

Сказывают, что Свирь явилась на свет ночью и маленьким зайчиком побежала на месяц, который стоял тогда над Ильмень-озером. Поплыла на него Свирь и уж далеко пробежала, да на ту беду увидал новорожденную реку Волк — и пустился ее догонять по левому берегу. У Свири-то ноги были быстрее волчьих: она поотбежит от него, да сама все берет на полдень да на полдень, а волк все скачет вслед, да сбивает ее с дороги.

Много Свирь бежала и, пожалуй, ушла бы в Ильмень-озеро, да по пути повстречался другой волк. Свирь видит, что неминуемая беда подходит — бросилась вправо и ушла в Нево-озеро.

Волки постояли-постояли, напились мутной воды и ушли в лес, а Свирь с тех пор и бежит в Нево-озеро.

Зап. в дер. Х. на р. Свири в Олонецкой губ. П. Минорский. — Минорский. 1875. С. 522; Барсов. 1894. С. 180—181.

24. Свирь и Волхов друг к другу в гости ходили...

Реки Свирь да Волхов были чужие и постоянно спорили между собою, которая из них которой лучше, а решить не могли. Ходили они к судье, да и тот не знал, как их рассудить, а сказал им:

— Которая скорее придет к месту, которое он укажет, та и лучше река.

Пустились бежать Свирь и Волхов в одно время. Волхов-то был полее, сначала шел тихо, да как узнал, что Свирь уж далеко бежит, так рассердился, да начал рвать землю да камни, да так разгорячился, что и теперь простыть не может. И пришел он раньше Свири тремя часами и тремя минутами.

Узнала Свирь, что Волхов переспорил, пошла посмотреть, не легче ли ему было идти дорогой, да как увидала, сколько он нарыл земли, да какие камни сдвинул, да горы прорыл, так и сказала:

— Ты будь моим отцом: что велишь, то и сделаю.

Волхов же говорит:

— Не буду я отцом, а только братом твоим родным.

И поменялись они крестами и живут в согласие: после долго один к другому в гости ходили.

Зап. в Олонецкой губ. Е. В. Барсов. — Барсов. 1894. С. 181.

25. Река Свирь и ветер Север

Говорят, что Север (ветер) воюет с рекою Свирью. Около Благовещения он отдыхает, а Свирь и пойдет потихоньку. Вскрылась она уж до Долгой горы (ниже с. Гакручья). Север просыпается и задерживает ее вскрытие на несколько дней. Думая, что задержал ее, он ложится спать. А Свирь — дальше.

Последний раз он пытался остановить ее вскрытие в Поповом плесе, но безуспешно и это. Говорят, каждый год так бывает.

Зап. в с. Муромле Петрозаводского у. Олонецкой губ. А. Георгиевский. — Георгиевский. 1904. С. 3.

26. Река Суна и водопады Гирвас, Порпорог, Кивач

Реки Суна и Шуя — родные сестры. Обе они вытекают где-то на шведской границе из одних и тех же колодцев-родников и долго идут рядом, любовно, не желая расстаться друг с другом. Забравшись вглубь карельских болот, лесов и скал, сестры устали и остановились отдохнуть.

Суна, все время уступавшая сестре более покойное и удобное русло, уснула, как мертвая, и проспала уход сестры вперед, вдаль к неведомому морю. Поэтому она и называлась прежде не Суна, а Сон-река.

Проснувшись и пораженная изменой сестры и горем разлуки с нею, Сон-река безумно бросилась догонять сестру, не выбирая русла, не останавливаясь ни пред какими преградами. В страстной погоне за сестрой она налетела на Олонецкие скалы и стала неистово рвать их, пробиваясь стрелою все прямо, вперед. Гирвас, Порпорог и самый Кивач — это ее дикие победы над гранитными громадами, которые не могли удержать Сон-реку, но и ее измучили настолько, что она с последним воплем в утесах Кивача отказалась от надежды найти сестру и уныло отдалась северному великану — лесу.

Замечательно, что у самых скал Кивача лежит глубокая лесная долина, естественное русло для благоразумной реки, но своевольная Суна не заметила этой долины и всей своей страстной мощью ринулась на скалы Кивача.

Зап. от Ф. Гордеева на р. Суне в Олонецкой губ. И. Н. Ковальский. — К[овальский]. 1901. С. 2.

27. Спор Волги с Вазузой

Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почета. Спорили-спорили, друг друга не переспорили, и решились вот на какое дело.

— Давай вместе ляжем спать, а кто прежде встанет и скорее придет к морю Хвалынскому, та из нас и умнее, и сильнее, и почету достойнее.

Легла Волга спать, легла и Вазуза. Ночью встала Вазуза потихоньку, убежала от Волги, выбрала себе дорогу и прямее и ближе, и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует. В Зубцове догнала Вазузу да так грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее к себе на руки и снести в море Хвалынское.

И до сих пор Вазуза весною раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна.

Зап. в Тверской губ. в середине XIX в. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. 1957. Т. 1. № 94. С. 139; Афанасьев. 1994 (1868). Т. II. С. 225—226. Пересказ: Максимов. 1903. С. 237—238.

2.2. Водяные-картежники

28. Водяные-картежники

Нечистым духам приписывают все качества и страсти людей. Так, например, одни из них (водяные) — охотники до карточной игры, проигрывают между собою всю рыбу, даже с озером или рекою.

Другие (лешие) — большие пьяницы. Взяв за уши ведро, выпивают из него все вино одним глотком.

Епифанов. 1839. С. 81; Дашков. 1842. С. 218; Терещенко. 1848. С. 135; Этнографические заметки о заонежанах. 1866. С. 16—17.

29. Водяные-картежники

Обитатель этого озера (Куштозеро), водяной царь, — страшный любитель играть в карты, в кости и вообще во всякую игру. Однажды он познакомился с Онежским водяным царем, и как тот обладал большим пространством вод и вообще имел больше достатков, да и побольше знал правила игры, то завсегда оставался в выигрыше, но никак не в проигрыше.

Между тем Куштозерский водяной царь со всеми хитростями не знаком был, и потому почти в каждый раз проигрывался. Прежде проигрывал он деньги, потом воду и рыбу, а наконец закабалил и самого себя.

Проигравши себя, он должен был уходить в Онегу по временам зарабатывать свой проигрыш. Когда только он уходил, то в озере не оставалось капли воды до тех пор, пока не возвращался назад. Но как только возвращался в свое место, то приводил назад воду и рыбу, и опять жил до тех пор, пока не уйдет на службу к своему барину.

Зап. от Н. В., коренного жителя Куштозерского прихода Вытегорского у. Олонецкой губ., в 1872 г. П. Беседников. — Беседников. 1875. С. 768; Он же. 1875—1876. С. 17—18; Куликовский. 1894. С. 7.

30. Водяные-картежники

Куштозерский водяной царь был ярим картежником и вообще любителем всякого рода азартных игр. И познакомился этот самый царек с другим водяным царем — Онежским. Разумеется, тот побогаче был: озеро-то у него вот какое, и рыбы в нем видимо-невидимо, да и игрок-то он был сильный, знал все ходы да выходы.

И связался с ним играть Куштозерский захолустный царек, но, сколько ни играл, всё проигрывал. Видно, незадачливый был, а то горячился сильно, а то и вовсе играл плохо. И вот стал Куштозерский царек проигрываться понемногу: сначала денежки, какие были скоплены, спустил, потом рыбу отдать пришлось, а потом и воду из своего озера. Наконец, закабалил он и самого себя Онежскому царю.

После того стал он уходить в Онегу отрабатывать себя и свой проигрыш. И как только удавалось ему заплатить свой долг и отыгаться, он возвращался домой, в свое озеро, приводил с собой и воду, и рыбу и царствовал до той поры, пока сызнова не проигрывался Онежскому царю.

Зап. в Вытегорском у. Олонецкой губ. — По нашим великим северным озёрам. 1901. С. 2.

31. Водяные-картежники

Так, о водяниках Кончезерском и Пертозерском рассказывают, что они, как соседи, играли в карты (позднейшая замена старинной игры в шары). И первый выиграл у последнего всю ряпушку. С тех пор рыба эта перестала ловиться в Пертозере.

Афанасьев. 1994 (1868). Т. II. С. 244.

2.3. Противостояние водяных

32. «Совсем было выжили меня...»

Приходит этот лембой к попу и просит одной вещи, а какой — выговорить не может. Обещает только шапку золота. Поп был не простой: догадался, чего у него просят. Взял с божницы крест и отправился с лембоем к озеру. Пришли в самую середину и стали спускаться в водяное царство. Тут лембой указал попу на крест и велел его выпустить из рук. Лишь только тот выпустил — вдруг поднялся рыв,

шум и визг: загорелось все водяное царство и сгорело дотла. Разбежались все тамошние жители.

Лембой велел опять взять попу крест, вывел на берег, дал ему шапку золота и сказал:

— Ну, спасибо, поп; тутошние совсем было выжили меня из своего жилища, — они выселились из соседнего озера. Нунь — сжег ты все их водяное царство, а я вновь его построю и буду в нем царствовать. Спасибо тебе! Если тебе что понадобится, приходи сюда, вызови меня — я буду тебе вечным слугой. Прощай.

Затем лембой скрылся.

Зап. в Олонецкой губ. Е. В. Барсов. — Барсов. 1874. С. 90.

33. «Забрался в мой омут чужой омутник...»

Рассказывают, будто однажды омутник из Кривого омута на реке Пчевже являлся просить помощь у будогожских мужиков. Дело было так.

В Петров день были будогожские мужики в часовне. Выходя оттуда, видят они старичка, который говорит им:

— Помогите мне, добрые люди.

— Кто ты такой, — спрашивают мужики, — и чего тебе нужно?

— Я здешний омутник, — отвечает старичок, — забрался в мой омут чужой омутник: житья мне нет от него. Помогите, выгоните его из моего омута.

Забоялись они, спрашивают:

— Как же мы его выгоним?

А он им:

— Возьмите стяжьё и идите к омуту. Подымется, пойдет на берег вал, за ним другой, так вы по первому и бейте стяжьём, а второго не троньте — это я буду.

Собрались, пошли, стали на берегу. Набежал первой вал — ударили по нём мужики, а один-то промахнулся да во второй и угодил. Глядь — стоит в воде тот свой омутник, и палка у него в глазу торчит. Обрутался омутник:

— Куда, — говорит, — бросаешь!

И палку назад мужику выкинул. Так и прогнали чужого омутника, а свой вышел из воды на берег и много им из кисы на берег серебра насыпал и говорит:

— Берите, ребятушки, сколько кому нужно!

Мужики отказались, не взяли.

— Мы, — говорят, — не за деньги брались выгонять, а так, своему хотели помочь.

И хорошо сделали, что не взяли ничего <...>, если б взяли, то все равно деньги в черепье дома обернулись бы. И омутник за такое бескорыстие их обещался, что не будет народ тонуть у них на перевозе.

— И выше, и ниже — будут, а у вас на перевозе — никого!

Зап. в дер. Малой Будогоще Тихвинского у. Новгородской губ. в 1893 г. В. Н. Перетц. — Перетц. 1894. С. 9.

2.4. Противостояние водяного и человека

34. Крестнозеро

Рассказывают, что некогда в этом озере жил водяной хозяин с немалочисленным своим семейством и так был не расположен к прибрежным жителям, что постоянно и очень много вредил им. Придет ли, бывало, к озеру лошадь или корова, водяной тотчас их схватывал; забредет ли теленок, овца или другое животное, он тотчас подбирает их в свое жилище. Такое насилие водяного очень тревожило и оскорбляло жителей, тем более что продолжалось довольно долгое время, причиняло им ценные убытки и доходило до крайней степени жестокости. Ко всему этому, наконец, не стало пощады и людям, ибо кто только ни подходил к озерному берегу по неведению или по нужде, или даже по молодецкой отваге, тот всегда попадал безвозвратно в крепкие руки водяного. Страх, наконец, сковал всех жителей не только прибрежной деревни, но и окрестных мест, которые неминуемо должны были проходить мимо опасного озера. В ужасе и отчаянии поселяне не знали, что делать, чтобы освободиться от водяного.

По долгом совещании между собою они решились прибегнуть к последней и верной помощи — к силе креста Христова, потому что с верованием в могучую силу водяного они были убеждены и в том, что нечистый очень боится креста. С такою благочестивою мыслью в один воскресный день жители деревни Крестнозера обратились к своему священнику с просьбою: взяв из церкви кресты и святые иконы, совершить с ними крестный ход около всего озера с молебным пением и тем смирить неполадливого их соседа.

Священник, всегда готовый помогать горю духовных чад своих, тотчас отправился в Крестнозерскую деревню с крестами и иконами.

Лишь только начала приближаться к ней священная процессия, засвистал ветер, взволновалось озеро, вода в нем помутилась: видно было, что водяной намерен был выбираться из любимого своего жилища, чувствуя свое бессилие против непобедимой силы креста Христова, который скоро явится на берегах озера. Но куда врагу укрыться от преследования, куда направить свой побег и как пробраться в какое-нибудь другое водное жилище? Бежать к востоку, в реку Шокшу, — но с той стороны у самого озера высокая и крутая гора, хотя переход и не более двух верст; обратиться к северу, в озеро Оренженское, — но чтобы проложить себе туда дорогу, надобно взорвать не менее высокую гору; бежать ли к северо-востоку, в озеро Гонгинское, — но оттуда идет священник с убийственными для нечистого крестами; направиться ли к югу, в реку Оять, — но до нее девять верст чрез довольно значительную возвышенность. В таких тесных обстоятельствах водяной решил бежать в западную сторону, в реку Шокшу, тем более что местность здесь болотистая, покатая и без гор, хотя простирается на пять верст. И вот напор воды сильно устремился к этому низменному берегу, который, уступив силе, раздвинулся — и вода, как птица, полетела чрез леса и болота, с шумом и треском, об-

разовав навсегда ручей из озера Крестного в реку Шокшу. В то время, как пролагался этот новый водяной путь, слышен был крик: «Зыбку забыл, зыбку забыл!» И действительно, в северо-восточном углу озера есть небольшой продолговатокруглый остров, который называют зыбкой (колыбелью) водяного.

Проложив путь себе в р. Шокшу, водяной не остановился при самом входе в нее, но, напуганный крестами, исполинскими шагами пошел вниз по реке; здесь на пути сорвал с места остров, двадцать сажен длины и десять ширины, стащил его в реку Оять, по которой волок его около пяти верст и оставил посреди реки в память своего шествия, а сам отправился далее по течению Ояти, должно полагать, в озеро Ладожское, где надеялся не встретить страшных для себя крестов. Сказанный остров находится в шести верстах от Виницкого погоста, по течению реки Ояти, и называется Шокшостровом, потому что он был принесен сюда из реки Шокши.

Между тем, священник со всеми жителями Крестнозерской деревни совершил около озера крестный ход, освятил в нем воду и возвратился домой. Обрадованный изгнанием водяного из своего озера, народ успокоился.

С этого времени, уверяют крестнозерские старожилы, озеро сделалось всем доступно и ни для кого не опасно; целые века в Крестнозере никто уже не утонул, ни скот, ни люди, несмотря на значительную глубину и постоянное плавание по озеру, даже в бурную погоду. В благодарное воспоминание спасительного крестного хода около озера оно названо Крестным. Такое же название усвоил себе и ручей, который в то время проложила водяная сила из озера в реку Шокшу.

Зап. в Гонгинском пог. Лодейнопольского у. Олонецкой губ. Н. Тихомиров. — Тихомиров. 1860. С. 204—205.

35. Крестнозеро

В Олонецком краю, богатом до чрезмерного избытка бесконечною цепью озер, имеются такие, где, заведомо всем окрестным жителям, поселился водяной. И слышно его хлопанье в ладоши, и следы свои на мокрой траве он оставляет въяве, а кое-кто видал его воочью и рассказывал о том шепотком и не к ночи.

Тихими лунными ночами водяной забавляется тем, что хлопает ладонями по воде гораздо звонче всякого человека, а когда рассердится, то и пойдет разрывать плотины и ломать мельницы: обмотается тиной (он всегда голый), подпоясается тиной же, наденет на острую голову шапку из куги (есть такое безлистное болотное растение, которое идет на плетушки разного рода и сиденье в стульях), сядет на корягу и поплывет проказить. Вздумается ему оседлать быка или корову, или добрую лошадь, считай их за ним: они либо в озерных берегах завязнут, либо в озерной воде потонут. Водяному всякая из них годится в пищу.

Один олонецкий водяной так разыгрался и разбушевался, что осмелился и над людьми вышучивать свои злые проказы: вздумает кто в его озере искупаться — он

схватит за ногу и тащит к себе в глубь омута, на самое дно. Здесь сам он привычно сидит целыми днями (наверх выходит лишь по ночам) и придумывает разные пакости и шалости.

Жил он, как и все его голые и мокрые родичи, целой семьей, которая у этого олонецкого водяного была очень большая, а потому он, как полагают, больше всех товарищей своих и нуждался в свежих мертвых телах. Стал окрестный народ очень побаиваться, перестал из того озера воду брать, а наконец и подходить близко к нему, даже днем. Думали-гадали, как избавиться, и ничего не изобрели. Однако нашелся один мудрый человек из стариков-отшельников, живших в лесной кельеке неподалеку. Он и подал добрый совет:

— Надо, — говорит, — иконы поднять, на том берегу Миколу Угоднику помолиться, водосвятной молебен заказать и той святой водой побрызгать в озерную воду с кропила.

Послушались мужички: зазвонили и запели. Впереди понесли церковный фонарь и побежали мальчишки, а сзади потянулся длинный хвост из баб и рядом с ними поплелись старики с клюками. Поднялся бурный ветер, всколыхнулось тихое озеро, помутилась вода — и всем стало понятно, что собрался водяной хозяин вон выходить. А куда ему бежать? Если на восход солнца, в реку Шокшу (и путь недалгий — всего версты две), то как ему быть с водой, которая непременно потечет за ним следом, как ее поднять: на пути стоит гора крутая и высокая? Кинуться ему на север в Оранжевое озеро — так опять надо промывать насквозь или совсем взрывать гору: водяной черт, как домосед и мало бывалый, перескакивать через горы не умеет, не выучился. Думал было он пуститься (всего сподручнее) в Гонгинское озеро по соседству, так оттуда-то именно теперь и народ валит, и иконы несут, и ладаном чадят, и крест на солнышке играет, сверкая лучами, — страшно ему и взглянуть в ту сторону. «Если, — думает он, — пуститься смаху и во всю силу на реку Оять (к югу), — до нее всего девять верст, — так опять же и туда дорога идет по значительному возвышению: сидя на речной колоде, тут не перегребешь». Думал-думал водяной, хлопал голыми руками по голым бедрам (все это слышали) и порешил на том, что пустился в реку Шокшу. И что этот черт понаделал! Он плывет, а за ним из озера целый поток уцепился, и вода помчалась, как птица полетела, по стоячим лесам и по зыбучим болотам, с шумом и треском (сделался исток из озера в реку Шокшу). Плывет себе водяной тихо и молча, и вдруг услышали все молельщики окрик:

— Зыбку забыл, зыбку забыл!

И в самом деле — увидели в одном куту (углу) озера небольшой продолговатый островок (его до сих пор зовут «зыбкой водяного»). Пробираясь вдаль по реке Шокше, водяной зацепился за остров, сорвал его с места, тащил за собой около пяти верст и успел сбросить с ноги лишь посередине реки. Сам рванул дальше, но куда — неизвестно. Полагают, что этот водяной ушел в Ладожское озеро, где всем водяным чертям жить просторно повсюду и неповадно только в двух местах, около святых островов Коневецкого и Валаамского. Тот же остров, что стащил во-

дяной со старого места, и сейчас не смыт, и всякий его покажет в шести верстах от Веницкого погоста, а в память об реке Шокше его зовут Шокшостровом.

С уходом того водяного стал его прежний притон всем доступен. Несмотря на большую глубину озера, до сих пор в нем никто еще не утонул, и называли это озеро Крестным (Крестозером) и ручей тот, проведенный водяной силой, Крестным.

Зап. в Гонгинском пог. Лодейнопольского у. Олонецкой губ. — Максимов. 1903. С. 87—90.

36. Крестнозеро

Давно это было и так давно, что даже первоначальное название озера затерялось во времени. Небольшое озеро Крёснозеро лежит между Юковичами и Веницкими, от последних в девяти верстах <...>.

В матушку-старину в озере всякая рыба водилась. Все было тихо и смирно, жители жили прекрасно, но вот с некоторого времени жители стали замечать, что рыба в озере куда-то теряется, потом ее и совсем почти не стало, а когда рыбы не стало, то на озере стали являться «сполохи», что-то несообразно стало твориться. Тихая погода, а на озере волны, то в том, то в другом месте, то вода кружится, иногда все озеро волнуется, иногда озеро спокойно, так два островка на нем качаются. Далее уж и домашний скот и курицы тонуть стали, тонули даже кошки и собаки, наконец, дело и до людей дошло, все живое тонуло в озере. Беда пришла жителям, хоть выселяйся в другое место, а легко ли сделать это.

Думали жители долго о невозможном своем положении и додумались, что это все натворил с ними водяник, откуда-то появившийся в озере, облюбовал место, гоняется за рыбой и бунтует озеро, а когда съел всю рыбу, то очередь дошла до людей и животных — все тонуть стали. Додумавшись до этого, жители стали изыскивать средства, чтобы прогнать нежеланного гостя. Бросали в воду железо, «зерсливый камень», лили смолу и деготь, колдуны обходили озеро с заклинаниями и еще делали кое-что, но все напрасно.

Долго бились жители выжить водяника и, наконец, порешили выгнать черта крестом. В один тихий, летний день пригласили священника откуда-то издалека. Собралось множество народа, и стал священник служить молебен.

Водяной поплескивается, волнует озеро все тише и тише. Но вот погрузил священник крест в озеро. Вдруг видит народ, как что-то огромное рассекает воду к низменному берегу, вода мутится и пенится, только брызги вверх летят. Вот на берегу кусты летят, земля валами по обе стороны. Большие деревья валятся по сторонам. Это водяник проделывает себе выход из озера. Что дальше, то успешнее продолжается работа, работает нечистая сила, а сам жалобно кричит:

— Зыбку позабыл! Зыбку позабыл!

А это два островка-то на озере, где, должно быть, он отдыхал и покачивался. Уходит от креста водяной, оставляя за собой достаточной ширины и глубины

ручей. Семь верст работал беглец и выбрался в речку Шокшу, а оттуда в Оять и Свирь и к Ладожскому озеру и тут поселился.

Жители успокоились, рыбы в озере опять много стало, только лещи куда-то пропали, и их до сих пор нет. Построили жители на ручье мельницу, да на ней и теперь муку мелют, да еще хвалятся тем, что им черт водяной за все убытки добро сделал. Нет, крёснозеры! От черта добра не бывает. Это он, водяной, от гибели спасался, крест Христов гнал его, и ручей, так сказать, невольно сделал, а не в уплату за ваши убытки.

И неутомонный же этот крёснозерский водяник. Когда после, близ Дубна, стали прорывать канал, то он тут бунтовал. Выроют что в день, а он ночью и засыплет. Потом дело пошло как будто и успешно, вырыто было уже до двухсот сажен, но вот в одну ночь он всю прорытую канаву засыпал, а люди отступились и стали прорывать в другом месте, где уж не было помехи. Отступление напрасно: крестом бы его опять прогнать, нечистую силу. Канал, засыпанный водяником, и до сих пор называется Чертовой канавкой, а озеро после молебна до сих пор зовется Крест-озеро. Крест носили — Крестнозеро, Крёснозеро.

Зап. в Гонгинском пог. Лодейнопольского у. Олонецкой губ. А. Георгиевский. — Георгиевский. 1904. С. 3.

37. Чертово озеро

Это озеро, носящее кличку «Чертово», чрезвычайно богато рыбою, на которую жадно смотрели и смотрят рыбаки, когда она (рыба) в ясные солнечные дни резво плещется у поверхности на всем озере. Но, увы, про это озеро худая слава. В нем обитала нечистая сила. <...> В озерке рыба не ловилась, приближающихся животных втягивала в воду какая-то сила, где они, конечно, гибли <...>.

Помещик князь, для которого Чертово озеро было бельмом на глазу, обещал — «публиковал в газетах» <...>, что он отдаст весь этот наволоок на вечное владение тому человеку, кто изгонит из озера нечистую силу.

Прошло много-много лет. И вот, наконец, нашелся какой-то старик священник, который взялся выжить нечистую силу. Пришел он в село N., в церковь, собрал весь народ и просил всех молиться за него, ждать его, смотреть на другой берег реки Ояти. Церковь стояла в то время на самом берегу реки Ояти...

Священник сел на лошадь, захватил с собой какую-то книгу, вооружился топором и отправился чрез реку пожнями, лесом по наволоку прямо к озеру. У озера, на одном из красивых сухих пригорков, стоял в то время многолетний могучий дуб (пень и корни этого дуба сам рассказчик, и то по его словам, многие жители видели лет сорок тому назад).

Подъехав к дубу, священник начал рубить его топором. Ударит топором — летят щепки, но в то же время сочится и кровь. Но священник невозмутимо, безостановочно продолжает свою работу. Вот, наконец, гигант вздрогнул, задрожал и

рухнул. В одно мгновение священник вскочил на коня и помчался к деревне. Но за ним погоня — какой-то человек. Вот-вот настигнет священника. Последний отрывает из книги лист, бросает его на дорогу и мчится далее. Преследующий, добежав до листа, схватывает его, рассматривает, нюхает, а в это время священник мчится и выигрывает в расстоянии. Много-много листов принужден был бросить священник, пока, наконец, добрался до реки Ояти. Вот он на берегу реки — преследующий настигает. Священник бросает остатки книги и спешит перебраться чрез реку. Между тем, и нечистый бросил уже последний лист книги и ее обложку, он уже на самом берегу. Увидев священника на противоположном берегу реки, он остановился. Какая-то невидимая сила удерживала его. Вдруг и священник, и выбежавшие из церкви навстречу ему слышат:

— Ты обидел моих детей — пролил кровь. Счастлив ты, что остроголовый тут. Нечистый указал на храм и с шумом упал в воду.

Зап. в Олонецкой губ., на Ояти М. Д. Георгиевский. — Георгиевский. 1901. С. 2.

38. Ильмень-озеро и Черный ручей

С западной стороны впадает в Ильмень-озеро небольшая речка, называемая Черный ручей. В давнее время поставил кто-то на Черном ручье мельницу, и взмолилась рыба Черному ручью, прося у него защиты:

— Было де нам и просторно, и привольно, а теперь лихой человек отнимает у нас воду.

И вот что случилось: один из новгородских обывателей ловил удочкою рыбу на Черном ручье. Подходит к нему незнакомец, одетый весь в черное, поздоровался и говорит:

— Сослужи мне службу, так я укажу тебе такое место, где рыба кишмя кишит.

— А что за служба?

— Как будешь ты в Новгороде, встретишь там высокого, плотного мужика в синем кафтане со сборами, в широких синих шароварах и высокой синей шапке, скажи ему: «Дядюшка Ильмень-озеро! Черный ручей тебе челобитье прислал и велел сказать, что на нем мельницу построили. Как ты, мол, прикажешь, так и будет!»

Новгородец обещался исполнить просьбу, а черный незнакомец указал ему место, где скопилось рыбы тьма-тьмущая.

С богатой добычей воротился рыболов в Новгород, повстречал мужика в синем кафтане и передал ему челобитье. Отвечал Ильмень:

— Снеси мой поклон Черному ручью и скажи ему про мельницу: «Не бывало этого прежде, да и не будет!»

Исполнил новгородец и это поручение. И вот разыгрался ночью Черный ручей, разгулялось Ильмень-озеро, поднялась буря — и яростные волны снесли мельницу.

Куприянов. 1853. С. 25—26; Афанасьев. 1994. Т. II. С. 230.

38а. Ильмень-озеро и Черный ручей

На Черном ручье, впадающем в Ильмень, поставили мельницу. Водяной этого ручья, оскорбившись таким самовластием жителей, решил разрушить ее; но для этого он должен был спросить позволения у Ильменского водяного. Как это сделать?

Водяник и обратился к мужику, ловившему рыбу в этом ручье:

— Слышь ты, дружок, сходи, пожалуйста, в это воскресенье в город, а я тебе уж за то заплачу. Да поди в Софийский собор к обедне и стой у главных ворот. Как запоют Херувимскую, так из церкви-то выйдет старик в синем армяке, с сборами. Ты его останови, да и скажи: «Батюшка Ильмень-озеро, тебе Черный ручей челобитье прислал, да велел сказать, что на нем мельницу поставили, а прежде этого не бывало». Так что он тебе на это скажет, ты и передай мне.

Мужик, действительно, исполнил поручение и, во время Херувимской увидав выходящего из церкви старика в синем армяке, сообщил ему послание Черного ручья. Старик, приняв важный вид, сказал:

— Скажи Черному ручью: «Коли не было, так и не надо».

Мужик сообщил Черному ручью резолюцию Ильменя, и плотина мельницы была прорвана бурей в ту же ночь. С тех пор уже более и не строили мельницы на Черном ручье, несмотря на удобства ее постройки.

Зап. в Поозерье Новгородской губ. — Остряков. 1861. С. 396—397.

2.5. Свадьба водяных

39. Свадьба водяных

Машезерский водяник сосватал за своего сына дочку у Лососинского водяника, а в Машеозере им жить нельзя, тесно, да притом надо переезжать водою, а переезжать-то нельзя. Лососинские, положим, до соединения речек доедут легко, а отсюда в Машеозеро надобно ведь идти против воды, что для них невозможно. Вот и уговорились выехать с обоих озер, у соединения речек соединить и молодых, да оттуда и плыть вместе в Онего.

По этому уговору-то они и едут теперь большим свадебным поездом в наше озеро (Онего), где им жить будет просторно, а с собой везут все свое имение, приданое, а сверх того заводские сараи, материалы и пр.; а сами едут скрытно, — смешали все свое добро с песком и глиною, так что мы ничего не можем видеть, кроме какой-то серой массы, стремящейся с шумом. Шум этот — их музыка. Они веселятся, а мы-то, грешные, горюем.

Вот, не говоря о казенном имуществе, общественных мостах и заводах, видите, сколько разорили частных домишек со всем имением, оставили бедных в одних

платьях, а там всё увлекли в Онего, да еще и веселятся... О, Господи, прости нас грешных и помилуй!

Зап. в Петрозаводске — «из воспоминаний коренного старожила». — Чудинов. 1864. С. 85; Барсов. 1874. С. 90. См. также: Епифанов. 1839. С. 82; Осокин. 1856. С. 19, 26—27.

40. Петуний остров

У водяного Ильинского была дочь. За ней сватались водяной Пречистенский и водяной — владеец Кенозера, которое в ту отдаленную эпоху было соединено с Водлозером. Как Пречистенский, так и Кенозерский водяные часто навещали Ильинского.

Кенозерский водяной первый посватался — и ему отказали. Посватался затем Пречистенский водяной — и старик, Ильинский, отдал за него свою дочь. Кенозерский рассердился, ушел к себе в озеро и, чтобы никогда не ходить больше в Водлозеро, засыпал большими камнями дорогу. С тех пор Кенозеро не сообщается больше с Водлозером.

Отправляя свою дочь к зятю, к Пречистенскому погосту, Ильинский водяной дал ей в приданое много золота и драгоценностей и, наконец, целый остров из своих владений послал вместе с дочерью в ее новое жилище. Этот остров лежал прежде недалеко от реки Илексы, и, ведомый петухом, прибыл к деревне Большой Кул-наволоок (Куганаволок), недалеко от которой он остановился. Вещий петух затем улетел, а остров стоит до сих пор и прозван в память того, что его привез петух, Петуньим островом.

<...> Один из местных жителей, Василий Кузнецов, решился срубить лес [роща на Петуньем острове], за что, по словам крестьян, он был наказан отнятием рук.

Зап. на Водлозере в Пудожском у. Олонецкой губ. в 1887 г. Н. Н. Харузин. — Харузин. 1894. С. 321—322, 338.

41. Кладовый и Петуний острова

На озере Водлозере, в Пудожском уезде, есть остров, называемый Кладовым, в восьмидесяти саженьях от острова Великого, близ деревни Большой Куганаволок. В глубокой древности какой-то скупой зарыл на этом острове богатейший клад и заклил его: клад не дастся никому до тех пор, пока кто-нибудь с острова Великого не кинет по льду топора так, чтобы топор докатился до острова Кладового. Остров Кладовый не велик и порос елями, которых из уважения к преданию никто не трогает.

Далее за полторы версты есть другой остров — Петуний, в близком расстоянии от упомянутой деревни. Говорят, Петуний остров в давнюю пору оторвался от другого острова (название которого, к сожалению, не запомню) в том месте, где

в Водлозеро впадает река Илекса, в Архангельской губернии, по приказанию колдуна, отдавшего дочь свою замуж в Большой Куганаволок, и плыл сюда чрез озеро на петухе вместо приданого невесты. Остров должен был соединиться с Куганаволоком, чтобы молодухе, когда она будет смотреть из окна на родимую сторону, водяная и складная пыль не портила беленого лица.

Дочь знала об этом и ждала приданого. Но отец взял с нее слово, чтобы она не глядела в окно до тех пор, пока не приплывет остров, а если взглянет раньше, то окривеет. Однако молодая не послушалась: остров плыл еще на петухе, а она не вытерпела и взглянула в окно, но тотчас же окривела. Петух исчез, и остров, не доплыв до Куганаволока полуверсты, остановился и тут стоит до сих пор.

На Петуньем острове также растет лес. Прежде никто не смел сорвать с него даже ветки, потому что в этом случае тотчас начинал страдать главною болью. А года два тому назад нашелся смельчак, заехал на остров и много нарубил лесу. С тех пор крещеные не боятся рубить дрова на Петуньем острове.

Зап. на Водлозере в Пудожском у. Олонецкой губ. Н. Б—в. — НА КарНЦ РАН. 40. № 4 (из случайных поступлений); Б—в. 1867. С. 695.

42. *И потащил мыс в озеро*

Бес и бесиха, нежные супруги, жили на берегу своим хозяйством. Вдруг почему-то бес задумал перенести свой дом дальше и, свив веревку, потащил мыс в озеро. Но, вероятно, он, надорвав силы, успел оторвать только один угол, который с ним вместе и упал в воду.

Зап. в Пудожском у. Олонецкой губ. в нач. XX в. Н. Шайжин. — Шайжин. 1905. С. 3; Он же. 1906. С. 280.

❖ III ❖

Сотворение бытия

3.1. Сидит на камне/острове/мосту/мостовинах

43. «Сидит женщина ли, девка на камению...»

Мне было не боле двенадцати лет. Пошла на речку полоскать белье, ну, платья, пеленки грязные. Наполоскала, положила на камень. Встала умыться, вскочила на камень. А там маленький дитенок — парень ли, девка. Волосы на голове длинные, светлые, как лен. Хотела его взять, — а унес бы меня!

Убежала я, платья-то оставила на берегу. Старикам говорила — не поверили. А там старик старый был, ну, и говорит:

— Врет, врет девка!

А где же врать, когда я бежала — вся почернела от страха!

А не прошло и недели — старик рыбачил, да и сам выглядел этого. Думал, старуха с деревни сидит удит. Подошел поближе, увидел: сидит женщина ли, девка на камению, так тоже такая ладная. Волосы, как лен, длинные, головой качает.

Хотел подойти, а она мырнула, да только круг...

Зап. от М. Л. Старицыной в дер. Водле Кубовского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1975 г. С. Н. Новожилова, А. Н. Лебедева, Л. Ф. Семенова и др. (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 156. № 176.

44. На камне

Да у нас тоже говорили, что какá-то русалка не русалка там у нас дома на берегу сидела да голову чесала. На камне. Утром рано.

Зап. от З. И. Карпиной в дер. Гакутсе Каршевского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1975 г. Т. И. Сенькина. — НА КарНЦ РАН. 83. № 32; Фонотека. 2225/5. 1-я дор.

45. «Сидит на камению»

А вот дядя, мне по мамы дядя, Макарий звали. В самый Макарий, Макарий вот двадцать пятого июля (по старому стилю)... Дóма там большухи стряпают да пекут, а он пошел на чай за водой на берег. Идти далековато берег. Пришел на берег. Иду, говорит, сидит на камению. И там, говорит, была такая в деревне в ихней

Катерина Прокопьевна, девка, черная. Она век замуж не выходила. Он идет, подходит к берегу и говорит:

— Катерина, — говорит, — Прокопьевна, ты что рано купаешься-то?

А волосы, говорит, распущены.

— Моя, — говорит, — Катерина.

Старик он не баламутный был, дядя, и он неженатый век свой был, хороший. Ну, просто хороший. Так, говорит, волосы взмахнула прямо в воду. И так исчезла. Хоть, верьте, говорит, хоть не верьте!

И не смел тут воды зачерпнуть, ушел на другой берег. Мужчина уже был, большой. Хоть верьте, хоть не верьте — точно. И личность, и рост, и чернота — все как у этой женщины. Да.

Вот такие были чудеса. А теперь уж нет того. Нонь ни в кого не верят, Бога нету, ни чёрта. Никого нет.

Зап. от Т. Г. Фофановой в дер. Куганаволоке Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июне 1973 г. А. П. Разумова, Е. И. Русакова. — НА КарНЦ РАН. 133. № 93; Фонотека. 1936/9. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 19. С. 27.

46. «Посидел-посидел на камешку»

Дак мы как небольшие были, дак у нас там в Канзанаволоке Лахта така есть. А там песочек голый, бреди хоть до сих пор, дак вот эдакой, подушка и всё один песок.

А там это... така лудушка. Она летом обсыхает, на этой лудушке. Ну, вот, мы купались да были. У нас одну девушку перекувырнуло. Эдак свалилася девушка кверху ногами. Но. И мы потом за этой девушкой пошли, эту девушку мы вытащили на берёг. И потом там хозяину сказали. Ну вот.

И потом это... сел на камешок. Не знаю, сама ли, сам ли, кто его знат. И вот тоже волосы, короткие только, вот эдакие, волосы покороче. Ну вот. И посидел-посидел на камешку, да в воду ушел. И больше вот я его не видала, правда. Ну, мы больше и купаться не стали ходить. А мы напугались, дак мы и больше не купались. Мы вот только у самого бережка чуть покупаемся, а дальше туды не смели ходить. Вот было это, это правда точная. Ну а вот это, какой тебе, я сама не верила, ну а тут дак, ой-вой-вой!

Зап. от А. А. Соловьевой в дер. Куганаволоке Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1974 г. Е. И. Русакова, В. П. Суховой (Кузнецова). — НА КарНЦ РАН. 73. № 138; Фонотека. 2142/9. 1-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 22. С. 28—29.

47. Камень большущий такой

Был случай такой. Праздник, у нас пятнадцатого июля был праздник в деревне нашей. Я и пошла. [Соб.: Как называется праздник?] Кириков день. Раньше были замученные.

Пошла я туда к своим за посудой в этот праздник, гостей много, дак посуды своей мало. Иду, а тишина на озере. Вот. Только вышла в гору-то. А у нас берега такие обрывистые. И вдруг с этого камня... Камень большущий такой, в воду ка-а-ак даст! Туда. Брызги вылетели, дак как от этого самолета (гидросамолета при посадке). Дак это волны-то. Человека я лично не видела, будто такой толстый, обрубок этого... лесины какой-нибудь. Толстый такой, как хлопнется со всей силы с этого камня. Я скорей бегом.

Зап. от Т. Г. Фофанова в дер. Куганаволоке Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июне 1973 г. А. П. Разумова, Е. И. Русакова. — НА КарНЦ РАН. 133. № 92; Фонотека. 1936/8. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 18. С. 26—27.

48. Камень такой большой там

Баба одна вышла картошку мотыжить. К озеру подошла. Камень есть такой большой там.

Сидит женщина на камне. Нырнула и уплыла. Кто это был?

Я, говорит, весь день работала, пить хотелось. То травки пожую, то еще чего. Но к озеру не пошла. Боялась водянки [водяницы]...

Зап. от А. И. Капшиной в с. Святозеро Святозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 14 июля 1979 г. О. М. Коретина (рук. Т. В. Иванова). — НА КарНЦ РАН. 165. № 301.

49. На большом черном камне

Мылся мужик в бане. Выбежал на речку охладиться. Видит: не то женщина, не то еще кто-то на большом черном камне сидит возле самого берега и вроде как улыбается. Убежал, испугавшись, рассказал людям, но никто так и не увидел ее.

А мужик тот через месяц утонул. Выходит, звала она его к себе.

Зап. от М. В. Ликко в дер. Ведлозеро Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 9 июля 1986 г. Е. Азоркина, Е. Ильина (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 130.

50. На камне

Мать с сенокоса вернулась. Раньше свою баню топили. После баньки она выскочила в воду купаться и видела: женщина на камне сидит, волосы чешет. Увидела — и курнула в воду.

Зап. от Е. П. Беляевой в с. Святозеро Святозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 7 июля 1986 г. Статуева, Деревянкина, Шальнева, Пак (рук. Т. В. Иванова). — НА КарНЦ РАН. 187. № 162.

51. На большом камне

Пошли как-то дети купаться на озеро, прибегают и рассказывают: на берегу сидит на большом камне женщина, волосы длинные, все расчесывается-расчесывается.

— А это «водовой» называется, — говорим мы им.

Зап. от М. А. Федуловой в дер. Кинерме Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 10 июля 1986 г. Е. Кудряшова, И. Земзаре (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 453.

52. На камне приплыл

Однажды с Москвы водяной шел. За одну ночь приплыл до нашей деревни... Запели петухи, запели. Значит, он поднялся выше.

Дед говорил, в каждом году три человека тонуло.

Не доехал: петухи запели. До сих пор этот камень (дед мне показывал) стоит, дальше туда... километра три отсюда. [Соб.: Такой камень на реке стоит, да?] Да, стоит до сих пор он еще. И дед мне показывал. Вот на этом камне черт ехал. [Соб.: Он на камне плыл, да?]. Ну, на камне...

Зап. от П. Н. Фокина в дер. Кубово Кубовского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1975 г. М. Нигметова, М. Лишанская. — НА КарНЦ РАН. 85. № 24; Фонотека. 2338/1. 1-я дор.

53. От острова плывет

Пришла я поутру рано на берег (в той там избы еще [жила]), пришла я рано на берег, зачерпать воды на самовар. А люди еще все как спят, как вставают. А гляжу: вот от острова плывет вот голова кверху, голова черная-черная, и вот плывет по озеру кверху. И вот не знаю кто, русалка ли тут, вот уж видела своими глазами. И все плывет по озеру к Вавулину, в ту сторону, плывет. Я стояла-стояла, да забоялась, да и пошла, взяла ведро да и пошла.

Вот и выглядела сама этто.

Зап. от У. Е. Устёновой в дер. Заозерье Колодозерского с/с Пудожского р-на Карелии в июне 1969 г. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. — НА КарНЦ РАН. 23. № 133; Фонотека. 1430/6.

54. На островушке

Деревня Сигозеро. От берега был недалеко остров. Бабушка пошла подойник мыть, подняла глаза и видит: на островушке водяная хозяйка сидит, волосы распущены, и чешет их. А потом бабушка стала подойник мыть — и хозяйка нырнула в воду.

Бабушка пришла и говорит:

— Ну, будет утопленник.

В это лето и утонул мальчик. На горле пальцы были, как нажато.

Зап. от М. А. Ивановой в с. Святозеро Святозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 8 июля 1986 г. Пак, Статуева, Шальнева, Деревянкина (рук. Т. В. Иванова). — НА КарНЦ РАН. 187. № 173.

55. «Разве здесь приде русалка?..»

И здесь водяника покажетце?! Кому крещоному она?! Моторки день и ночь издя, ак у ей куды-то убежано, наверно, ей и с поиском не найти. Не знаю, я здесь это не слыхала, правда, не слыхала. Здесь таких и местов нету. В Канзанаволоке места лучше.

[Соб.: А чем там лучше?] А чем лучше, что к берегу-то уж не эдак, как этта. К берегу там этто. Я говорю, что у нас там это залив такой есть, дак там песочек, бреди хоть два километра, бреди — все песочек, а лудушки есть, лудушки таки усохие, обсохнут летом. Раньше-то вода ведь не эдака была, меньше ведь вода-то была. [Соб.: Сейчас больше вода стала?] Сейчас-то? О-о-о-й, да что ты говоришь-то. Раз[в]е этта приде тебе русалка? Да. А там было, дак дивья было.

Зап. от А. А. Соловьевой в дер. Куганаволоке Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июне 1977 г. Т. И. Сенькина, Т. С. Курец. — НА КарНЦ РАН. 184. № 13; Фонотека. 2498/13. 2-я дор.

56. На мосту сидит

Видела водяника. Жила я в Заонежье. Иду... тогда ездили мы на лодках и на моторках в Заонежье, в Петрозаводск. А он (отец) меня отправил, что там человек поедет, за километр. Я оттуда иду — сидит водяник. Волосы черны-пречерны. Очень черные. Мне нужно вот, вот так проходить по мосту — и на его. Он посмотрел — и, как в воду [канул], и больше я его не видала.

Потом домой прибежала, я так напугалась, наволновалась, даже не могла отцу рассказать, что поедет человек или не поедет человек.

Зап. от Н. Н. Барышевой в с. Ялгубе Прионежского р-на Карелии в июле 1977 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 136. № 38; Фонотека. 2523/9. 1-я дор.

57. На мосту сидит

Через речку шла в Толвую. Сидит на мосту, волосы длинные распущены. Подошла — она в речку.

Зап. от М. М. Малофеевской в дер. Демеховоской Толвуйского с/с Медвежьегорского р-на Карелии 1 июля 1983 г. Н. А. Вяхирева, М. Г. Потахина, И. Н. Аверкиева (рук. В. В. Яковлев, Н. Ф. Онегина). — НА КарНЦ РАН. 161. № 801.

58. Шел по мосту

Шел дедушка по мосту в пять утра. И слышит из воды голос:

— Миша!..

Он очень испугался и упал в обморок. Его подобралы люди и отвезли в больницу. И он сказал, что видел русалку.

Зап. от Ю. Катеричкина в с. Ялгубе Прионежского р-на Карелии в июле 1979 г. И. Н. Макарова (рук. С. М. Лойтер). — НА КарНЦ РАН. 157. № 277 (3).

59. На продольных мостовинах

По дороге между деревней Пактягой и Якорь-лядиной (Толвуйской волости) есть ручей, поныне называемый Чертов ручей. В прежнее время выходило тут большое чудовище — по закат солнца сидело оно на продольных мостовинах, что сложены для переходу из деревни в деревню.

Зап. в Толвуйской вол. Петрозаводского у. Олонецкой губ. Е. В. Барсов. — Барсов. 1874. С. 89.

60. На сходне сидит

«Водяники», говорят; теперь «русалки», скажут. А то водяник, на сходне сидит («сходни» называются), видел сам, на сходне сидит. Он заметил — и бух в воду.

Ныне то «русалкой» называют, а то «водяник». Волосы чешет...

Зап. от А. А. Медведева в с. Шуньге Шуньгского с/с Медвежьегорского р-на Карелии в июле 1982 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен. — НА КарНЦ РАН. 147. № 66; Фонотека. 2719/29. 2-я дор.

61. Рожь зашевелилась — и она потерялась

Настя-от Шильникова рассказывала, что она видела девчонкой женщину-русалку в Кузаранде. Говорит, мы идем у изгороди (в воду изгородь уходила), а она (русалка) в рожь. Я говорю:

— Дедушка, это кто?

А дед крестится и говорит:

— Это русалка.

Голая женщина была. Рожь зашевелилась — и она потерялась. А дедушка только перекрестился и говорит:

— Сейчас молчи, а потом я тебе расскажу.

Зап. от А. Ф. Чиркиной в с. Великой Губе Великогубского с/с Медвежьегорского р-на Карелии в июле 1980 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен. — НА КарНЦ РАН. 142. № 625.

3.2. С длинными волосами

62. А волосы по всему

Ну, правда, была девчонкой, молодой. У нас берег такой был мелкий-мелкий, песок-песок. Того дальше иди — все до колена, а уж потом пойдет туда обрыв. А купаемся — водяника боимся, ну вот.

— Ой, девки, всё говорят ребята, что водяник есть — водяник есть, а вдруг да он как нас поймат. Водя-водя-водяник, захвачу-ка за парик!

Ну, вот мы раз купались-купались, как глянем, а там не так далеко, где купаемся, — камень, бо-о-ольшой камень с таким ожеком. И на этом камню оказался будто бы человек, волосы распущенные по плечам. Только что одна личность видна, а волосы по всему.

Да мы бегом с этой с воды, да одеваться, да домой бежать. После того страху долго не купались. Такого водяника с длинными волосами видели, правда. Это было... Это было, не вру. Это было, было, правда. Что тут, девки...

Зап. от Е. И. Кузнецовой в г. Пудожь Пудожского р-на Карелии 22 июня 1969 г. Н. А. Криничная, Т. А. Коски. — НА КарНЦ РАН. 23. № 503; Фоно-тека, 1449/6.

63. Волосы черные, длинные

Дуня, кажется, рассказывала. Косили они сено.

— Ой, — говорит, — Маруська, я чудо видала.

— А какó-то чудо?

— А как водяница выстала с воды. Дак волосы, черные, длинные.

Она (водяница) в морях-то, може, и есть. Там всяких хватит — и больших, и маленьких.

Зап. от М. Ганиной в с. Колодозеро Колодозерского с/с Пудожского р-на Карелии в августе 1969 г. Ю. А. Новиков. — НА КарНЦ РАН. 23. № 534.

64. Вся бела-белая, а волосы длинные, черные

А водяную я сама лично видела. Были мы еще маленькими детишками, лет семь нам было. Ходили мы купаться на речку: мальчики в одно место, а девочки в другое.

Вдруг, смотрим, парни бегут и кричат, нас зовут:

— Идите, — говорят, — смотрите, девка на камне сидит, вся бела-белая, а волосы длинные, черные.

Мы побежали, закричали:

— Уходи, водяная!

Она с камушка-то соскользнула.

Зап. от А. А. Трифоновой в пос. Спасской Губе Спасогубского с/с Кондопожского р-на Карелии в июле 1981 г. С. Кулагина, М. Лобышева, Н. Пирогова, Т. Трофимова (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 151. № 32г.

65. «А волосы до тех пор»

У нас старуха Марина говорила, что выстал, волосы... Мы-то уж не видали. Но только от ёй-то я слышала, она дедушку была крестница. Это моему-то свекру-то. Дак приехала, говорит:

— Ой, крестной, я сегодня водяника выглядела.

— Где, Маринушка, выглядела?

— А салмы только проехала, а вот до тех пор высунулсе, а волосы до тех пор.

Дак вот наяву только один раз слышала, больше ничего не видала. Крестной тут подивилсе, посмеялся-посмеялся:

— Вой, Маришка, да я век прожил, да не слышал. А ты водяника выглядела!

Ну вот больше не слышала, не знаю.

Зап. от А. Я. Бобровой в дер. Коскосалме Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1974 г. Е. И. Русакова, В. П. Суховой (Кузнецова), М. Нигметова, О. Устинская. — НА КарНЦ РАН. 73. № 114; Фонотека. 2139/4. 1-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 11. С. 23—24.

66. Волосы до колен

Поехали два мужика на рыбалку. Вдруг видят — откуда ни возьмись то ли мужик, то ли баба, из воды появилось. Волосы длинные, до колен, а больше ничё не понять.

Перекрестились мужики. А этот исчез. И больше его не видели.

Зап. от Е. И. Павловой в дер. Ведлозеро Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 7 июля 1986 г. Н. Лесонен, С. Коноплёва (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 263.

3.3. Расчесывает волосы

67. Волосы чешет

Рассказывали, как сидит это русалка на камню да волосы чешет, да.

Мы как скажем, что пойдём купаться после заката, дак там папа либо мама скажут:

— Ступай, там возле сидит водяник, дак чеше голову, а ты пойдешь, дак тебя как храпне, дак ты туды и останешься в воду [в воде].

Это так. Но мы не видали, не знаем, у нас не бывало такого. У меня мама была, дак рассказывала про досюлешно всё.

Зап. от Н. А. Филькиной в с. Ладве Прионежского р-на Карелии 23 июля 1975 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 84. № 39; Фонотека. 2301/4.

68. Волосы чешет

...Она (Настасья) идет по наволоку, а сидит женщина, чешет волосы, такие длинны волосы. А она (Настасья) сейчас подходит, а она бултых в воду. Ну и всё. Значит, показалась ей водяница, или кто его знает.

Настасья это видела. Живет она теперь в Петрозаводске.

Зап. от М. А. Гуриной в дер. Щаниково Колодозерского с/с Пудожского р-на Карелии 18 июня 1969 г. Н. А. Криничная, Т. А. Коски. — НА КарНЦ РАН. 23. № 454; Фонотека. 1446/20.

69. Да голову чесала

Русалка не русалка, волосы длинные, черные, распущены. На берегу сидела да голову чесала. На камне. Утром рано.

Зап. от З. И. Карпиной в дер. Гакутсе Каршевского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1975 г. Т. И. Сенькина. — НА КарНЦ РАН. 83. № 32а.

70. Сидит и расчесывается

У нас был случай. Отец наш куда-то ночью поехал, то ли на рыбалку, то ли в другую деревню. Ночью поехал и обратно вернулся ночью. Он ехал-ехал, смотрит: так сидит вроде как на камне, а место в озере глубокое. Сидит и расчесывается хозяйка водяная.

Отец говорит, у меня волосы поднялись. Не знаю, куда, в которую сторону и идти.

Только волосы и пригладила, а волосы длинные-предлинные. И она росчесалась и, пока мой отец греб, уже ближе к отцу, уже рядом лодки [с лодкой], уже начинает держаться [за борт] с воды. Да, отец говорит, как-то я силу взял да лодку дернул накрутую, дак сколько силы было, всю взял, да домой приехал.

Как же нету хозяина, еще хозяйка росчесывалась в воде?

Зап. от М. М. Егоровой в с. Кончезеро Кончезерского с/с Кондопожского р-на Карелии в июле 1980 г. студенты ПетрГУ (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 150. № 14; Фонотека. 2678/14.

71. Сидит и волосы чешет

Сидим как-то вечером, посмотрели на ту сторону, а из воды-то и вышла у амбара, и гребень в руках, чешет волосы. Увидела я и говорю:

— Мама, мама, посмотри, женщина вышла из воды и чешет волосы.

Мать говорит:

— А что-нибудь нам нехорошее будет.

А потом у мамы брат утонул.

Черная сама такая, волоса длинные, сидит и волосы чешет.

Зап. от В. И. Курицыной в дер. Шиже Беломорского р-на Карелии в июне 1970 г. А. П. Разумова, Т. А. Коски. — НА КарНЦ РАН. 129. № 30; Фонотека. 1485/3.

72. Расчесывала волосы

Женщина пошла за водой к озеру. Увидела у берега черную женщину. Она расчесывала длинные черные волосы.

На следующий день ночью утонул один мужчина.

Зап. от М. И. Печенкиной в дер. Щукнаволоке Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 12 июля 1986 г. Е. Азоркина, Е. Ильина (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 268.

73. Волосы мотает

Водяница бывает, но ее чуть видать. Волосы длинные, высунется да окунется. Крикнуть — исчезнет.

Русалка красивая. Как-то видела, в сенокос дело было. Днем видела, светло было. Волосы длинные, черные, сидит да мотает на пеньку. Волосы мокрые, а не косой, сидит у берега. А как люди разговорили, она — кувырк.

Зап. от З. Г. Курминой в дер. Орлово Каргопольского р-на Архангельской обл. в июле 1979 г. С. Тананайко, Е. Титова. — Рейли. 2004. № 93. С. 412.

74. Расчесывал волосы

Был воскресный день в средних числах июля. Соснув час, другой после обеда, я вышел из дому и направился в село побеседовать с мужиками-соседями. Дорога в село проходила мимо озера. Иду это я дорогой и раздумываю кой о чем...

Взглянул я на озеро да так и остолбенел: в шагах двадцати пяти — тридцати от берега сидел водяник и расчесывал волосы, вида он был черного и величиною с добрую лошадь...

Зап. от Х. Богданова в с. Святозеро Петрозаводского у. Олонецкой губ. Н. Лесков. — Лесков. 1893. С. 417.

75. Волосы расчесывала

Про русалок-то? Не видел. Хотя говорили... Русалка на камне сидела, волосы расчесывала. А волосы длинные, черные. Сама красавица.

До сих пор живет в [Лижемском] озере.

Зап. от С. А. Григорьева в дер. Лижме Святозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 13 июля 1981 г. В. М. Шепеленко, А. Ф. Лазарев (рук. Т. В. Иванова). — НА КарНЦ РАН. 165. № 7.

3.4. Расчесывает волосы на две стороны

76. Сначала одну сторону, потом другую...

...Его отец был рыболов. Жил он в той же деревне, в которой живут сейчас. Река в то время не была такой широкой, как сейчас. Река была неглубокая, и по краям реки были камни.

Однажды рано утром старик Уханов пошел к лодке с целью отправиться на рыбную ловлю. Он уже почти подошел к лодке, но тут увидел, что на камне кто-то черный сидит и расчесывает волосы, сначала одну сторону, потом другую. Он стоял смотрел, думал, человек, но нет, не человек, он совсем черный. Сбегал к другому мужику рассказал, пришли оба смотрят, а черный дочесал волосы, обвил ими голову, заколол их гребнем и с камня ушел в воду и не появлялся.

Старик Уханов испугался и более не ездил на рыбную ловлю.

Зап. от Е. Ухановой в дер. Лембачево (с. Шуя) Петрозаводского р-на Карелии в 1929 г. К. Н. Обухова. — НА КарНЦ РАН. Разр. 6. Оп. 1. № 22. Л. 19.

77. На две стороны расчесывает

...В руках гребенка, гребень. Длинные-длинные черные волосы. Мы идем, а нам:

— Ребята, а погляди-ко, что на реке-то делается.

Вот у нас тут на Филимонихе пашня-то водяна, а тут напротив там камень есть у реки. А уже осенью, ой, вода холодная, замерзает, а она сидит волосы чешет, кудрявые-кудрявые, так всё волнами. Она нас всех увидела:

— Ха-ха-ха.

Она хохотала, а потом хоп — и в воду и упала.

[Соб.: А кто это был?] А водяница, кто был. С воды вышла да на камне сидела дак... Сидит, на две стороны волосы, и вот расчесывает, черные, как смоль, ну, волнами всё, такими кольцами.

[Соб.: И больше не видели водяного?] Больше не видела. Что не видела, так не скажу.

[Соб.: А домового?] Я тут говорю, что у меня домовый приходил, дядька, или кто был. Ушел потерялся — не видела и куда.

[Соб.: А овинника?] Того не видала. Ходила я ночью, овин сушила дак... Схожу посмотрю, высохло ли зерно. Без всякого огня в овин прихожу, хлеб забираю, полкилометра от дома, напротив дома, но далеко, там, на болоте. Приду, сперва открываю овин, послушаю запах, не пахнет ли нет пожаром или чего такого, потом закрываю опять окно, дверь открываю и захожу в овин... И никогда ничего не боялась.

Зап. от А. М. Комаровой в дер. Филимонихе Пудожского с/с Пудожского р-на Карелии 6 июня 1969 г. Н. А. Криничная, Т. А. Коски. — НА КарНЦ РАН. 23. № 274; Фонотека. 1438/7.

78. С той стороны и с другой расчесывает

Говорит, как приходим на это... у них была речка (не озеро), туда протекала, в деревне Холмах (её уже теперь в помине нету, этой деревни, — все уже увезено). Да, говорит, как приходим вечером, — сидит, говорит, там, на озере, на клочке (ну, речка-то небольшая). Да, говорит, такие волосы чешет, такой, говорит, гребень большой. С той стороны и с другой расчесывает.

Нас токо и видели! Да, мы пришли домой да испугались, да больше и купаться не стали.

Зап. от Е. С. Овчинниковой в пос. Спасской Губе Спасогубского с/с Кондопожского р-на Карелии 21 августа 1989 г. Н. А. Криничная, В. И. Пульки. — НА КарНЦ РАН. 192. № 96; Фонотека. 3273/15.

79. Одну половину чешет, а потом другую

Водяная видится. Не то что видится, а видели. Вот тут недалеко, через губушку. Сейчас я не примечала.

Есть такой камень в воде. Его не видно. Когда воды много, дак и не видно. А когда вода спадёт весной, спадёт большая вода, так видно камень. Вот теперь я не смотрела, да ничего. Ну, заметно.

Вот даже вставала на этот камень ена. И такие вот волосы сюда, длинные. (Расказчица показывает руками.) Начесот так волосы, начесот. Да (чешет волосы расческой). Вставала. Видели ее. Черная такая, черная. Волосы черные, длинные. Так вот гребет так волосы, гребет. (Показывает. При этом выражение лица расказчицы таинственное.)

Ну, я-то не видела, не могу сказать. А вот видела моей семьи свекровка моя. Вот она и рассказывала. (Снижает голос до шепота.)

Она такая большая, больше меня. Как я сижу, так. По это. Половина так чешет-чешет. А потом на другую [половину] так чешет. (Показывает.) И сама черная.

Но это не в одном месте, тут. А она это всем озером тут вроде как заведует, она-то.

Ну раньше ведь... Теперь не боятся. Идут девки да плавают. Ой, в двенадцать часов плавают. И не боятся. А нехорошо это, это-то в воде-то ночью шорстать. Это нехорошо. Это можешь (ну, не усе), а себе-то может что... Ну, теперь ничего не боятся.

А как будет, так потом поздно будет. Правда. Не ходите ночью, деточки. Нехорошо. Себе нехорошо. Это русалка-то прощает, может. А себе-то нехорошо.

Зап. от М. Г. Моисеевой в с. Святозеро Святозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 16 июля 1979 г. Т. И. Тюхай (рук. Т. В. Иванова). — НА КарНЦ РАН. 165. № 293.

80. Волосы зачесаны налево

Была у нас яма на реке. Ноги-то [дна] и не доставали, как с печки-то. А мы все купались.

У байни три камня-то были, а там, говорят, старуха какая-то полоскала платье. Брела к этой яме, да потонула.

А мы купались. Платья-то убрали и купались. Как я погляжу, а из-за реки мужик-то плывет. По воде да и не хлопывается. Волосы зачесаны налево. Двигается к нам. У нас ноги-то и подрезало. Мы и прибежали домой без платья. С тех пор и бояться стала воды всё.

Зап. от О. О. Шишкиной в дер. Ишашевской Каргопольского р-на Архангельской обл. в июле 1979 г. Е. Головащенко, И. Бочарова. — Рейли. 2004. № 97. С. 412.

3.5. Прерывает расчесывание волос

81. Я кашлянула

У меня раз бабушка шла возле реку (реки) и видела чортуха (водяного): сидит на берегу и чошит волосы большим гребнем.

Потом, как я кашлянула, так только булькнулось и волны пошли.

Зап. от К. Л. Шондрукова в с. Лопатинско (неофициально: Выставка) Шенкурского у. Архангельской губ. в 1916 г. П. Г. Богатырёв. — Богатырев. 1916. VI. С. 54.

82. Отец кашлянул

Идет отец на Власьев день по дороге, а там камень лежит у дороги на Зуе. А на нем сидит «он» и чешет волосы. В руках гребень, а волосы длинные-длинные. Отец кашлянул, а «он» шубых — и в воду.

Вот отец рассказывал.

Зап. от И. И. Харитоновой в дер. Суйсарь Заозерского с/с Прионежского р-на Карелии 8 июля 1980 г. С. М. Лойтер, Ю. В. Горбунов. — НА КарНЦ РАН. 158. № 332.

83. Подошли так близко к ней

В летнее время мы как-то случайно пошли около речки. Вдруг в ночное время глядим: что за человек сидит на камешку? Сидит на камешку и расчесывает гребнем голову.

Вот потом мы залюбовались и посмотрели, что это за человек. Подошли поближе — очень любопытно. Вот потом поближе подошли и начали кричать. Она не обращает внимания — все расчесывает свою голову.

Вдруг подошли так близко к ней — она стала нас замечать. Вот как заметила нас, спустилась с камешка в воду и ушла.

Вот после того мне не случилось на своем веку никого видать.

Зап. от А. Е. Старикова в с. Кереть Лоухского р-на Карелии 6 марта 1941 г. З. Рутковская. — НА КарНЦ РАН. 49. № 216.

84. «Прости, я помешал тебе...»

Бывало, наш папа коров пас, пастухом был. И не пришла домой корова одна с лесу. Идти надо. Пасешь, деньги получаешь? Иди.

Доходит до речки — мостик через речку. Сидит девушка, волосы чешет.

— Как пойти? Надо пройти, а не смею. Пойду я дальше, там еще меньше мостик. Перейду.

А там тоже сидит она. Перебежала, верно.

— Не пойду, — говорит, — на мост, а пойду по речке.

Он только в речку зашел, а она бух в речку, но ничего ему не сделала. Прошел, корову домой пригнал.

На другое утро говорит:

— Прости меня, я помешал тебе.

Зап. от М. В. Еруковой в дер. Суйсарь Заозерского с/с Прионежского р-на Карелии 11 июля 1980 г. С. М. Лойтер, Ю. В. Горбунов. — НА КарНЦ РАН. 158. № 334.

3.6. Со светящимися глазами, большими грудями, в шерсти и с рыбьим хвостом

85. Волосы длинны-длинны, а глаза свитиют

Мама да бабушка да переживают. А дедушко-то и скажет:

— Ой, Машенька, не ходи ты купаться, — говорит. — На камнях у нас... — говорит, — вот я в детстве, лет восемнадцать, поехал сетей там осматривать (поставлены были), дак сидит человек, нагой сидит, и волосы таки черны, длинны-длинны, эты волосы, и глаза бо-о-льшие, говорит, на камне сидит.

А у нас там остров на Габозере, есть тоже остров, только небольшой остров, ну, такой, поболее стола островочек. И вот у этого островочка есть луда, и на этой луды, говорит, на камнях (а камень-то плоской), и на этом камню сидит женщина. Я, говорит, стал ближе подъезжать: интересно, что она будет сидеть али нет, посмотреть мне. А глаза далеко, а свитиют. И подъехал, говорит, — и она сразу в воду и кульнулась. Так поди окунулась, так кто там, не такой не простой человек, что, мол, кто уплыл да... Там деревня маленькая была дак...

Зап. от М. А. Вариной в с. Андоме Андомского с/с Вытегорского р-на Вологодской обл. 10 июля 1971 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 134. № 18; Фонотека. 1620/18.

86. «Волоса длинные, титьки здоровые»

Там озеро, камешок... выскакивает русалка. Волоса длинные, титьки здоровые. [Неразборчивая запись.] Вот, говорит, ног я не заметил.

Зап. от К. А. Фофанова в дер. Кубово Кубовского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1975 г. М. Нигметова. — НА КарНЦ РАН. 85. № 45; Фонотека. 2339/12. 1-я дор.

87. Руки-ноги одинаковы

Работала на слюдяной фабрике. Шла со второй смены. Дошла до мосту и увидела: плывет с воды русалка, волосы рыжие. Волнамы, длинные. Руки как у человека, ну только в шерсти все. Вот такие же, руки-ноги одинаковы. А четыре одинаковых.

Я побоялась идти. Стояла и смотрела. Дальше не могу идти, как до порога. Идет два человека. Я постояла посмотрела и пошла вперед. А оны остались.

Зап. от Н. Н. Барышевой в с. Ялгубе Заозерского с/с Прионежского р-на Карелии в июле 1977 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 136. № 38; Фонотека. 2523/9. 1-я дор.

88. Рыба не рыба, девица не девица...

Ну ладно, скажу [про] одну в воде живущую девицу. В воде жила...

Один у нас и жил некто Сидоров. Потом на остров Валаам отправили его (то ли инвалид был гражданской войны...). Ушел удить рано утром. Вот мыс тут. Ушел. Смотрит, на камнях сидит красивая-красивая девица. Стал приближаться ближе-ближе к ней. Она, говорит, как нырнула с камня-то в воду — и всё. А хвост, говорит, длинный он был.

— Ну, я успел, — говорит, — рассмотреть. Хвост длинный у этой девушки. Как, — говорит, — я прошел немного, бросил удочку — думал, попадетса она на удочку. Нет. Рыба не рыба, девица не девица. Так, — говорит, — мне и снилась такая ерунда...

Пришел домой — мне и рассказывает. Я говорю:

— Брось, Федя, ты ерунду ты сам придумал или с пьяных глаз, вчера напился, так через это.

— Да нет, — говорит, — я не люблю пустого говорить.

Я говорю:

— Вот пустого не любишь, а говоришь (смеется).

Вот вам и ерунда. Водяника...

Зап. от М. Е. Гаврушкина в пос. Сюрге Шелтозерского с/с Прионежского р-на Карелии 14 июля 1979 г. О. Коретина. — НА КарНЦ РАН. 165. № 254.

3.7. Плещется-моется

89. И плёщется-моется

Поутру выстал рано, выстал поутру, взял крюк, все щук манил. Вот и пошел к реки, у нас река рядом. Пошел к реки, пошел о реку, все закидыват. Да нет, не о реку, а пришел где воду зачерпывают. Ён идет, а сидит женщина, волосы по плечам, вот так распущены, и сидит. И плёщется-моется. А ён говорит:

— Гляди, Луша-то пришла этто не рано мыться-то (там своя деревеньска) да волосы распустила.

И вот подходит ближе. Подошел, а она вот эдак овернуласи да вниз головой бухнула — и всё.

И эту столько и Лушу видал. Вот водяная или какая русалка тут или кто? Нонь-то русалками всё зовут, а раньше-то всё, что водяница да водяница. Дак вот эту тоже видел ён, а я никого не видала. Видела, только не знаю что вот, а черная плыла, вот здись уж я была.

Зап. от У. К. Устёновой в дер. Заозерье Колодозерского с/с Пудожского р-на Карелии в июне 1969 г. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. — НА КарНЦ РАН. 23. № 132; Фонотека. 1430/5.

90. «Задумала купаться тут?»

У нас старик этого... (там я девкой-то была) и пошел долго этого..., а там река. Говорит, на каменю сидит, волосы распущены, чешет.

А была молодуха здесь одна, в деревне. Я думал: «Луша голову чеше». Она, говорит, бултых в воду, эта водяница. Я, говорит, прибежал домой, не мычал ничего, так испугался. Он думал — молодуха. Говорит:

— Что она задумала купаться тут? Еще рано.

А она, говорит, сидит на камню да голову чеше.

А я, говорит, сказал:

— Ты, Луша, что?

Она, говорит, бултых в воду. Это молодуху-то Лушей звали. А я, говорит, домой.

Зап. от Д. С. Шпагиной в дер. Заозерье Колодозерского с/с Пудожского р-на Карелии 16 июня 1969 г. Н. А. Криничная, Т. И. Сенькина. — НА КарНЦ РАН. 23. № 404; Фонотека. 1444/9.

91. Плескается-моется

Вот утром, говорит, выстала. Раньше ведь рано вставали. Вот выстала, говорит, утром. А весь народ еще в деревне спит, говорит. А я, говорит, у нас в Матколах-ты... там деревня-то рядом об озеро была. Дом-то у нас первой тут об озеро был, да Сысоева Михаила Осиповича отца [дом]. Вот вышла — тишинка такая по озеру. Озеро у нас большо тако дак. Вдруг, говорит, тут коряга (?) рядом. У этой плашины, на камешках, говорит, чурпается. Я, говорит, думаю: «Рыбина какá-нибудь». Раньше ведь ловили, дак смекали тоже. Как, говорит, гляжу, а на камешках, говорит, сидит человек. Как человек сидит голой, да, говорит, волосы длинные, говорит, сюды по плечам. И, говорит, чурпается, плеска́ да моетсе, плеска́ да моетсе, говорит, лицо-то моет. Я, говорит, постояла поглядела-поглядела-поглядела. Правда, говорит, интересно, что кто, говорит, думаю, женщина ли какá-нибудь туда купатьсе ушла. Время-то рано еще. Только-только встават солнышко, выкатывается, встават народ, говорит. Потом, говорит... а все, говорит, стою за ей наблюдаю, говорит, гляжу. Помыласе-помыласе — как в воду, говорит, мырнет, и одна, говорит, волна розмахиват, одна волна розмахиват.

Ну, а через два дня на том месте лошадь потонула. Дедка был Максим, я этого дедка помню хорошо. И вот жеребец хорошей был такой, сивой такой. И он в эту плашину [неразборч.] повел жеребца. Он чего-то спугался, бросился в воду — и попала нога в провод. И тут же у того места и потонул конь...

Зап. от А. И. Марчихиной в дер. Куганаволоке Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1974 г. М. Нигметова, О. Устинская. — НА КарНЦ РАН. 73. № 207а; Фонотека. 2146/17а. 2-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 14. С. 25.

92. Плеск на озере

Мой дедушка с рыбалки ехал и услышал плёски. Он ехал долго-долго, а плёски всё дальше продолжались. Потом он перекрестился — и плёски кончились.

Это был водяной.

Зап. от В. Силкина в с. Ялгубе Заозерского с/с Прионежского р-на Карелии в июле 1979 г. И. Н. Макарова (рук. С. М. Лойтер). — НА КарНЦ РАН. 157. № 277 (9).

93. Моется

В Вороньем Острове часто видали на пристани утром, только светать станет, сидит, сгорбившись, моется. Волосатый, тело голое. Ноги моет. На человека похожий. Никто не смеет выйти, когда он рядом.

А потом петухи пропоют, пойдешь за водой — и никого нет, сухое место на пристани.

Говорили, как покажется водяник, обязательно человек потонет. И совпадало очень: в тот год кто-нибудь потонет. Старого видели — значит, старый и потонет, а если молодого увидят — значит, молодой потонет. Народ-то ведь здесь живет и такой и эдакий — так и там под водой. Люди рассказывают, что одинаково житьё, что здесь, что там.

Зап. от Н. С. Чиркина в с. Великой Губе Великогубского с/с Медвежьегорского р-на Карелии в июле 1980 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен. — НА КарНЦ РАН. 142. № 624.

94. «На камню моетси»

Вот она одна ездила косить, одна накосит, одна нагребит. И у нас как носилки нынче носят — веревку перекинёт петлей вот так и этыма носилкамы весь зарод вытаскат кругом. А какого-ни мужчину позовет, он ей смечет.

И утром рано, говорит, еду, в лодке ездили. И вот, говорит, камень. А у нас на этой стороны есть камень. И вот, говорит, еду — стоит на камню женщина. Она рано выезжала. И вот, говорит, волосы распущены и хайбает там, моетси. На камню, говорит, моетси. И моетси, говорит, а я и говорю:

— Ой, да тут что, — говорит, — этта тако?

Она на женщину подумала, русы волосы. И вот, говорит, моетсе, а я еду. Не доезжая до какого-то места, сказала, близко-близко она допуст[ила]. Ну, она мылась, дак она это... Как, говорит, хочу только спросить-то, что:

— Ты не кума ли ей кака-то? Что, кума, ты пешком да без лодки, да ты куды?

Как, говорит, только смахнула, она, говорит, култых! Да я, говорит, от берега, да от берега, да середкой рекой.

[Соб.: А потом с ней ничего не случилось?] Ничего.

Зап. от Т. А. Крысановой в дер. Кубово Кубовского с/с Пудожского р-на Карелии в феврале 1976 г. В. П. Кузнецова. — НА КарНЦ РАН. 93. № 155; Фонотека. 2380/31. 2-я дор.

95. Полощется в воде

Старик Еграф кузнечным делом занимался. В кузницу бывало придет, рядом кузница была... Кузнецова Александра Михайловича.

— Ну, давай, дедко. Вот тебе молот, вот железо каленое, значит.

Как даст, так... Он кричит:

— Поаккуратней!

А сам небольшого роста был.

А потом он раз пошел, приехали они на хутор, на Шексну там, в деревню. И увидал это самолет-то садится на воду в Шексне (ну, как они сразу назывались эти, на воду-то садились?). Бежит в деревню, кричит.

— Ой, что ты, — говорят, — дедко?

Без кепки бежит, руки вверх, волосье растрепалось.

— Что такое?!

— Да я чуровище видел!..

— Какое?

— Да черт его знает кто тако, полощется в воде, понимаешь...

Зап. от И. А. Голубева в г. Белозерске Вологодской обл. 24 июля 1971 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 134. № 133; Фонотека. 1625/19.

96. «Кувыркалсе...»

Кувыркалсе. Волосы длинные, черные. Но, водяной... [Мужик] ходит тут, поглядывают. А он кувыркается у рощи, в аккурат у церкви.

Зап. от Я. Н. Васюкова в дер. Водле Кубовского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1975 г. М. Нигметова. — НА КарНЦ РАН. 85. № 77; Фонотека. 2342/2. 1-я дор.

97. Из воды кто-то машет

Я за озером жала. Пошла к озеру, а из воды кто-то машет. Махнет как руками — и снова уберется. Разу три выпорхнет.

Зап. от П. И. Рогаткиной в дер. Паяницах Медвежьегорского р-на Карелии 7 июля 1983 г. Л. А. Веденеева, Л. А. Гурина, С. А. Ковалева (рук. В. Н. Захаров). — НА КарНЦ РАН. 161. № 499.

3.8. Поет песни

98. Кто поет песни и сказки сказывает

Песни и сказки сочиняют морские цыганки, вроде русалок. Они в море сидят и песни поют и сказки сказывают. Вот поэтому без девушки ни одна песня не поется, ни одна сказка не сказывается.

А люди, такие спецы, сидят на берегу и слушают и записывают. Какой мотив песни и какая песня и сказка записывают — и спускают написанное по свету. Вот один читая, а другой слухая, а этот передает другому, а другой третьему, а третий четвертому... Вот так оны и идут своей [дорогой], как мы скажем сейчас: «Есть у нас Гася, по всему свету растеглася, от конца до конца куды иди — всё тут она значится дорогой».

Зап. от Ф. П. Господарёва в г. Петрозаводске в 1937 г. Н. В. Новиков. — НА КарНЦ РАН. 62. № 8; Сказки Ф. П. Господарёва. 1941. № 1. С. 59.

99. Волосы чешут и песни поют

А по ночам, сказывали мне, русалки из моря выходили, головы свои чесали. Чешут головы и песни поют.

Кто те песни услышит, на следующий день утонет. Это они к себе так зазывают.

Зап. от А. И. Суслоновой в с. Сумпосаде Сумского с/с Беломорского р-на Карелии в 1982 г. М. А. Тихонов, Е. А. Вашко, И. В. Береснева (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 155. № 142в.

100. Расчесывала волосы, пела, плескала

Раньше в нашем озере моя сестра русалку видала. Сидела она посреди воды с зелеными волосами и расчесывала их. И тихо пела, рукой по воде плёскала.

Сестра набрала воды, а уйти не может, стоит и слушает пение. Долго стояла, а когда очнулась, то увидала, что в озере по колено стоит и ведро упало из рук. Она сразу побежала домой, а ведро забыла.

Русалка та песнями приманивает и забирает к себе.

Зап. от М. Д. Федотовой в дер. Репное Озеро Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 8 июля 1986 г. Э. Валькова, И. Сердюк (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 452.

101. Грустные песни

Как-то шел отец лесом вдоль реки Медведицы и увидел: сидит на берегу реки, на камне, девушка, красивая такая. Волосы длинные, белые и рыбий хвост. Русалка, значит. Сидит она на камне и поет всякие грустные песни.

Отец не удержался — и хрустнула ветка. А русалка испугалась и прыгнула в воду. Так он больше и не видел ее.

Зап. от А. В. Зеленухиной в пос. Сулажгоре (в черте Петрозаводска) 6 июля 1985 г. Е. И. Степанова (рук. С. М. Лойтер). — НА КарНЦ РАН. 171. № 655. То же: № 740.

102. Грустные песни

Как-то шел отец лесом вдоль реки Медведицы и увидел: сидит на берегу реки девушка, красивая такая, волосы длинные, белые, с рыбьим хвостом. Русалка пела грустные песни.

Услышав хруст, русалка прыгнула в воду.

(Слышала от своего отца.)

Зап. от А. В. Зеленухиной в пос. Сулажгоре (в черте Петрозаводска) 6 июля 1985 г. Н. Рассолова, Л. Трынова (рук. С. М. Лойтер). — НА КарНЦ РАН. 171. № 740. То же: № 655.

103. С песнями по морю

Сидел на тони и поехал в деревню, и замешкался, а эта женка дожидает, да и забоялась. Закрылась и легла и заспала ли не заспала — вдруг слышит: едет с песнями по морю.

— Вот, — говорит, — едет.

Мужа дожидат, слышит, приехал к берегу, а она это присердилась, что пьяный, долго не ехал, так и нейдёт встречать. И слышит: ворот заскрипел, карбас воротит [накатывают на берег за канат]. Воротил-воротил, и ворот не заскрипел. «Вот, — думает, — идет, идет и вот придет сейчас».

И все стихло, и нигде ничего не слышно, и обтихло все. И не знает, что делать, и в избу никто не идет. Ну, и забудила девку, в няньках была, что ли, и закрестила, зачитала молитвы, и девку выталкивает вперед, и вышли — ничего нет у ворота, и снова зашли. И уж не спала до утра.

А утром муж пришел, у него карбас утонуло из реки, этот бес-то угнал. Вот она и слышала, как он мимо ехал, песни пел.

Зап. от М. М. Кожина в с. Чаванье Терского р-на Мурманской обл. в декабре 1961 г. Д. М. Балашов. — НА КарНЦ РАН. 39. № 38л.

104. И песню-то и запело

Кицкое озеро. Там пугат — всё говорят:

— Марья Кицкая ходит, пугат.

Тата не верил в это ни во что, а раз поехали по сеткам в Малаху курью или в Боровуху (там две курьи). Ездим, тихо — и песню-то и запело. Я говорю:

— Кузомляна, верно, выехали.

А выехали — и никого нет.

Зап. от Ф. Н. Коворниной в с. Варзуге Терского р-на Мурманской обл. в декабре 1961 г. Д. М. Балашов. — НА КарНЦ РАН. 39. № 19; Сказки Терского берега Белого моря. 1970. С. 20—21. Предисл.

105. Едут поют

На прилуке тоже было, все лодки перегонили на ту сторону, Кузоменьску. И тоже слышали, как едут поют, свадьба едет будто.

Зап. от Е. И. Мошниковой в с. Варзуге Терского р-на Мурманской обл. в декабре 1961 г. Д. М. Балашов. — НА КарНЦ РАН. 39. № 13.

106. Идет поет

Бывало, шла мимо мельницы. Свадьбу представила — и свадьба вдруг едет. Идет поет.

Я ругалась, матом крыла. Все и исчезло.

Зап. от М. И. Степановой в дер. Кончезеро Кончезерского с/с Кондопожского р-на Карелии в июле 1979 г. О. Блошинина, О. Зайцева, Г. Трукан. — НА КарНЦ РАН. 149. № 706.

107. «У-у-ух, у-ух!..»

Пошли в ламбушку мужики (там мельница была). А вода там черная и колется-колется. И вдруг:

— У-у-ух, у-ух!..

Мужики спрятались далеко, но никто на землю не вышел. И только кричит:

— У-у-ух!..

А волосы у водяного длинные, черные.

Да мужики так в кустах и просидели. Рассказывали...

Зап. от И. Г. Мининой в дер. Сигнаволоке (Важинская Пристань) Пряжинского р-на Карелии 14 июля 1982 г. С. Шкипина, Л. Панченко, К. Гусева, А. Кузьмина (рук. Т. В. Иванова). — НА КарНЦ РАН. 165. № 41.

3.9. Предопределяет/предвещает судьбу магическими действиями

108. «Смотри-ко, что тут?»

Мы были девочки небольшие, а купались. Камень такой, в Наволоке, да Зоя это знает, Зоя Ильинична, знает этот камень, на их берегу есть этот камень. Вот такой два метра камень, и среди камня яма есть. Вот и бабка Оля, и это Зоина бабушка, в окно горницы глядит — окно было туда, к берегу. Смотрит, что встало, говорит, из воды и расчесывается. Вот расчесывает волосья вот так, вот так. Бабка будит старика, деда Тараса, — это Зоины деда да бабушка.

— Ну, — говорит, — иди, Тарас, смотри, — говорит, — смотри-ко, что тут?

— Молчи, это водяной, — говорит.

Расчёсался-расчёсался, ничего. На берег ничё не вышел, ну, гот, ушел в воду, и всё. Оставил расческу и, значит, гребешок на этот камень, где ямка, тут оставил. И он в воду.

Вот это тоже бабка нам рассказывала, баба Оля.

[Соб.: А что за гребешок?] Дак... такой водяной. Ну, это, как тебе сказать, как костяной это такой и гребешок, обычный гребешок, как расческа. Расчёсался, на камне оставил. Вот это баба Оля нам, Зоина бабушка, рассказала.

И мы все на этом камне купались. А через несколько, несколько дней мальчик пошел на рыбалку и это у берега утонул, упал через нижний борт и: «Меня задал, — говорит, — водяной», — мальчик этот. И кричал, и всё — некому [помочь]. Через три дня, перед...

У нас в это лето два человека погибло, это в нашем Пялозере, два мужика. Один в резиновой лодке — на берег кинул его — уже мертвый, а второго подняли водолазы, вот недавно, ну, месяца нет еще. Озеро наше не хорошее: оно берет людей. Редко которое лето пройдет, что не берет, да. Оно приносит несчастье.

Зап. от А. А. Захаровой в пос. Спасской Губе Спасогубского с/с Кондопожского р-на Карелии 23 августа 1989 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин, А. В. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 192. № 138; Фонотека. 3276/4. 1-я дор.

109. Не перед добром показалась

Нимозеро... Не озеро, а деревня, не озеро — родина наша — Нимозеро, Нимозеро...

Баба Настя сидит на пристани. Коров гоняли [пастись] в лес. [Видит:] сидит, вот гребень такой, волосы вот до этого — желтые волосы, сидит и так шваворгает-секет, чешет волосы это...

Вечер настал — бык не идет домой, бык не идет. Она не перед добром показалась: у пристани поднялась — быка медведь съел.

Зап. от В. С. Потаповой в пос. Спасской Губе, Спасогубского с/с Кондопожского р-на Карелии в августе 1989 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин, А. В. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 192. № 60; Фонотека. 3271/12. 1-я дор.

110. *Перед этой вестью*

...А ведь это вы не верите, что этот... что там не водяник, а, ой, да сама хозяйка есть. Сама хозяйка, она это. Не глубоко порато тако место, там луда только. Ну вот, она летом, если жара, страшная жара, робята станут это купатьце, она выйдет с воды-то этой. И волосы, сама черная-черная, небольшая ростом, но, поменьше ты буде ростом, поменьше. Волосы эдаки у ей это долгие-долгие, туда так, черные волосы.

Ну вот, она этот... какой тебе... сядё посидит на камешку да поросчасывается-поросчасывается. Робята спугаются, на берег убежат, у нас там песочек был в Канзанаволоке такой дак. Но, робята убежат, а она посидит-посидит, поросчасывается да это потом в воду скукунится, да опеть уйде. Дак она уйде, дак она это тут перед висью (вестью) была.

Тут одну девушку взяла потом этим... как своим-то временем, дак она потом пала назад себя, эта девушка, — ну, и вот эдак всю затрясло. Одва робята с воды достали. Она (хозяйка) перед этой перед висью такой придет, перед девушкой.

[Соб.: А вот перед какой вестью у вас это было?] Дак вот я говорю, перед этой девушкой-то там. Перед этой она девушкой-то это как. Девушку-то потом стало мять со всей силы. Но, да эта девушка потом стала инвалидом совсем. Инвалидом совсем стала. И ёна жила девятнадцать годов, эта девушка. Ну, а потом, девятнадцать годов... а тут врач у нас был Гоголев, ну, ак он сказал (вот уж знал-то дак, покойна головушка!):

— Ну, — говорит, — она до девятнадцати годов доживё, — говорит, — и помрё. Так оно и вышло. Да она (хозяйка) перед этой висью вышла. Вот так что.

Зап. от А. А. Соловьёвой в дер. Куганаволоке Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии летом 1977 г. Т. И. Сенькина, Т. С. Курец. — НА КарНЦ РАН. 184. № 3; Фонотека. 2498/3. 1-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 23. С. 29.

111. *«Что-то будёт»*

Егор пошел... До той, до старой войны. Война была русская, германская. Вот пошел утром по берегу. Вот сидит на камню да голову чешет. Волосы длинные. Он (Егор) остановился, папиросу вертит, остановился. Глядит, вперед идти или назад. Глядит — а он бух в воду с камня! Он подумал: «Что-то будёт. Раз выстал — что-то будёт».

Того году война началась. Вышел да ушел.
(Это показалось дедушке рассказчицы.)

Зап. от Е. А. Демидовой в дер. Канзанаволоке Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1974 г. В. П. Суховой (Кузнецова). — НА КарНЦ РАН. 73. № 104; Фонотека. 2138/2. 1-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 13. С. 24.

112. «Не ходите сегодня купаться»

На зори бабушка. Не моя бабушка, а бабушка была там в деревне. Утром выстала, говорит, только солнце повставало. И в окно посмотрела, а там песок у нас был. И на песку там все раньше купались. Все купались там. Песок, хорошо плавали. И в этом месте она утром увидела на зори будто человек, до полчеловека, говорит, вынырнул и волосы, говорит, распущены показал. Вот она поутру выстала и рассказывает:

— Крещёнушки! (Своим там.) Не спускайте сегодня ребят купаться. Я, — говорит, — сегодня... Не знаю, почудилось ли, или что, а человек вынырнул, да волосы распущены. Человек опять окунулся. Я, — говорит, — потом смотрела-смотрела — не могла усмотреть.

Ну вот, в деревне там сказали, что:

— Ребята, опаситесь, не ходите сегодня купаться. Что-то там бабушка выглядела.

А кто там поверил, а идны:

— А, да там бабушки наврут.

Потом. Старичок у нас тут поехал, раньше пахали на конях. Плужить поехал. А у него кобыла была молодая, лошадка. Он этой лошадке хомут наклал. Хомут наклал, где бы запрячь лошадь в плуг, а лошадь прыгнула, да у него с рук убежала, да в это место, где старушка видела, это место-то видела, и лошадь только вскочила в воду, плыла и потонула. Не могли ничего с лошадей... И сразу народ сбежался туда, лошадь вытащили, лошадь вот такую взбарабанило. И сразу лошадь погибла, пятигодовая кобыла.

Были случаи такие.

А в лесу не водит, у нас на острове дак.

Вот утонула женщина. Ехали, навалили. Тогда хлебно жали да возили. Они много нагрузили. Да вот тут на берегу. Ветром заваяло, у них лодку кувырнуло. И женщина утонула. Три было, две вышли, а она ко дну пала.

Зап. от М. И. Пименовой в дер. Пелгострове Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1973 г. Е. М. Гин (Левина), Е. И. Русакова. — НА КарНЦ РАН. 133. № 131; Фонотека. 1940/3. 1-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 20. С. 27—28.

113. «Сегодня буде утопший»

[Соб.: Как вы видели водяника, кто там видел?] А там сельчана раньше верили, что поутру как выстанут... Поутру, или там ночью, дак он там на лаву выстанет, да сидит, да волосы до самой воды распустит, да и воет:

— Ву-у-у! Ву-у-у!

Оны и скажут:

— Ну, сегоду опять буде утопший, раз водяник воет, буде утопший.

Ну и всё. Я больше ничего не знаю.

Зап. от Е. М. Лёвиной в дер. Поге Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1974 г. М. Нигметова. — НА КарНЦ РАН. 73. № 73; Фонотека. 2135/8. 2-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 24. С. 30.

114. Перед тем, как Осип потонул

...Я-то не видала. Люди, а люди-то, говорят, видали. Люди-то видали, что вот когда Осип-то потонул. Вот до Осипа-то, говоря, видели, что там на каменю сидел: долги волосы — така сидела. А потом, верно, заметила да в воду кинулась.

<...> Вот перед тем, если худо, вот и кажитце.

<...> Не знаю, сам ли нет видел [Осип], а только говорят, что видели. Рассказывали, а я-то не видала, не видала, не видала.

Зап. от А. И. Яшовой в дер. Бостилово Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июне 1977 г. Т. И. Сенькина, Т. С. Курец. — НА КарНЦ РАН. 184. № 64; Фонотека. 2500. 2-я дор.

115. Перед несчастьем

Там тоже выстал на камень. На другой день мужчина потонул, поехал с лошады, потонул. Заехал в ямку, тут такие «Железные ворота» назывались. А потонул-то на другой день, наутре и потонул. Всё говорили:

— Как покажется, — говорили, — водяник, да, водяник, — это старые-то люди, — перед несчастьем. Так кто потонет, или что-нибудь, дак тут.

А выстал, сидит на каменю. А мужчина потонул — никто и не видел.

Зап. от Е. П. Белой в дер. Пелгострове Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1973 г. Е. И. Русакова, Е. М. Гин. — НА КарНЦ РАН. 133. № 193; Фонотека. 1943/9. 2-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 21. С. 28.

116. Перед смертью

...Показалась эта русалка, али водяница, леший знает. Давно уж. Он рассказывал, просто, говорит, купалсе, а вынырнула, волосы таки, говорит, длинные. Я, говорит, скорей, спугался, водяница, у нас этих русалок не знают, век не живут дак.

Ну, дак она, говорит, поплавала-поплавала, да нырнула, ищѐ на Берѐзовы вышла, тут на острову-то, против деревни. Опять сидит, говорит, сидит, а волосы, говорит, таки.

Ну да недолго рубашку одевал, да утекал домой.

А ён того году замерз: верно, перед смертью [показалась эта русалка]. Пьяный попал, да в сплавной поселок, в баню зашел и душу отдал.

Зап. от М. Ф. Соколовой в дер. Кубово Кубовского с/с Пудожского р-на Карелии в феврале 1976 г. В. П. Кузнецова. — НА КарНЦ РАН. 93. № 96; Фонотека. 2378/15. 2-я дор.

117. Там и утонул

Парень пошел купаться. Поднялась на камень русалка. А он после бани купался. А у нее волосы черные-черные, а хвост, как у рыбы.

Парень в баню: родители там мылись. Они ее тоже увидели. А потом она исчезла.

Парню тогда лет пятнадцать было. А потом, через много лет, он недалеко от этого места утонул, где ее видел.

Зап. от А. С. Маккоевой в с. Ведлозеро Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 8 июля 1986 г. С. Коноплёва, Н. Лесонен (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 140.

118. Увидеть русалку — дурной знак

Брат мой русалку видел. Красавица, красавица была. Он как привороженный на нее смотрел...

А усмотрел ее на озере. Летом дело было. Брат на рыбалку собрался. Стал лодку отвязывать (она у него вдали от всех стояла). Вдруг видит — девушка на камне. Волосы длинные, до пят. А глаза зеленые, слезы в них стоят. И смотрит она на него очень печально, хоть сама улыбается. Потом ступила в воду и пошла медленно. Идет, через плечо на брата оглядывается, пока совсем под водой не скрылась.

Увидеть русалку — дурной знак для рыбака. Пошел мой брат домой. И правильно сделал. В этот день ветер сильный был на озере, волны. Говорят, несколько лодок перевернулось — люди погибли.

Зап. от Ф. М. Ивановой в с. Святозеро Святозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 12 июля 1986 г. О. Воронова, И. Дуплихина, И. Забродина, Ш. Плескунайте (рук. Т. В. Иванова). — НА КарНЦ РАН. 187. № 3.

119. Перед войной

Домовой, баенник есть, всё есть.

Я не видела, но рассказывали: на той стороне женщина выстала с длинными волосами на камень — водяник. Черт его знает, перед чем, может, перед войной он показался. Перед войной, наверное. Стал, говорит, на камень.

Зап. от Е. Е. Ванькиной в с. Кончезеро Кончезерского с/с Кондопожского р-на Карелии в июле 1980 г. студенты ПГУ (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 150. № 50; Фонотека. 2680/12.

120. «Перед чем-нить покажется»

Вот мы ехали за кобылой в Пёлгостров дак. У меня Иван сидел на кормы, дак даже почернел. Испугался. Дак вот оверничкой называют, я обернулась, а только видела, что пало в воду. А мне не показался, а муж видел.

[Соб.: Рассказывают, что водяник — к беде. У вас ничего не случилось?] Он увезен дак, репрессирован.

А вот еты дедушка да бабушка ездили сетки пускали, дак уж так будто столова доска плыла <...>

Если покажется, дак он уж перед чем-нить покажется.

Здесь теперь вода большая. Раньше была вода-то ведь меньше, берега-то не размыты были. Вода большая стала из-за плотины. Раньше-то ведь плотины не было, дак она уходила.

Негде косить, всё в воде, размыло.

Зап. от А. Я. Лазаревой в дер. Коскасалме Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1974 г. Е. И. Русакова, В. П. Суховой (Кузнецова), М. Нигметова. — НА КарНЦ РАН. 73. № 131; Фонотека. 2141/1. 1-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 12. С. 24.

121. К нехорошему

Вот у нас еще такой случай был. Пошли мы на речку за водой. Вдруг из пролубы выдра выскочила. А мы-то и думали, что, наверно, это водяной. И кричим:

— Мужики, подьте вы!

(У нас такая поговрка: «подьте» — «идите», значит.)

— Подьте вы, мужички, у нас водяной из пролубы выскочил.

Мужики побежали с топорами, а выдра обратно в пролубу, да так и водяного нет.

[Соб.: Это здесь было?] Да, здесь, годов, наверно, пять тому назад.

— Это, — говорим, — к нехорошему.

Зап. от У. Т. Зайковой в с. Шуерецком Шуерецкого с/с Беломорского р-на Карелии в ноябре 1968 г. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. — НА КарНЦ РАН. 127. № 5; Фонотека. 1176/5.

122. К несчастью

Вот раньше всякие были суеверия. Было суеверие такое, что если семга — бывает прыгает — запрыгнет в карбас, то говорили, что уж это к большому несчастью.

И вот был такой как раз случай. Поехали на Кошелевской (тоня у нас там такая есть) — поехали рыбаки. По неводам. Вдруг прыгнула семга и заскочила в карбас! А где-то через день ли, на второй ли день поехали по неводам. И Иван Федорович прямо в карбасе умер.

Зап. от М. П. Заборщиковой в с. Кузомень Терского р-на Мурманской обл.
в 1987 г. М. Н. Власова. — Власова. 2004. № 31. С. 364.

3.10. Предопределяет/предвещает судьбу магическими словами

123. «Наше право будет!»

Да вот я тоже была молодёда еще, девчонкой. Как раз летом, оводница была. Приехали, ночью мы бороновали. Сеяли раньше, бороновали ночамы. Приехали с боронованья, нас много тут было девчат и парней. Ну, свои хозяйства были дак. Побежали купаться на реку. Ну, побежали купаться. А Шашкой звали парня, такой как Генька, такой ростом. Он побежал. Мы взяли ведра, что по пути воды прине-сем. Он бежал-бежал, сейчас прибежал. А часов, наверно, восемь утра. Прибежал, токо и успел со себя платья содрать и в воду пал. И сразу вода буль-буль-буль — забулькала. И ён вот как вот сел — только это местечко видно. И сразу тут и заелсе. На том мы раньше месте купались все время. Ну, потом тут Сашка Кириков был. Тот забрел — его вытягивать хотел. А вода как забурилась — и он пал на берёг. Мы оттащили. Потом я говорю (я бойка была):

— Давайте я поташу за волосы. Захвачу поташу за волосы.

Токо иматьсе стала — меня как опять буркнуло, и я тоже без сознания пала. Меня оттащили на берёг, потом стали мы рычать народ. Народ сбежалсе. Тут один мужчина, Кизяков (?), был.

— Я, — говорит, — сейчас на берег вытащу.

И стал вытягивать — он пал, с им едва отводилисе. Что-то сделалосе. И потом этого... был у отца невод, схватили невод, пересикли замок, был замок к неводу. Спустили невод, его вытащили. Отводиться не могли его так, не могли.

А потом на друго утро пошел мужчина за водой, рассказывал. Пришел мужчина за водой, а сам к берегу подойти не смеет. А я вышла утром рано. Отец отправляет:

— Пашуха, беги за водой! Принеси воды в самовар.

Я побежала. Прихожу — мужчина стоит на кряжу, не спускается. Я говорю:

— Ты что, дядя Степа, стоишь?

— А смотри, — говорит.

Вот сидит как вот человек, как женщина. Сидит голая вся, спиной. Волосы вот такие у ей, по жопы. Вот так на две косы взято и сидит, гребешком чешет. На берегу. Сидит чешет, что-то приговариват. Сама себе говорит, а мы понять не можем. Ну, а потом он взял свистнул. Свистнул — она вот так руками захлопала:

— Наше, — говорит, — право будет!

И побежала. И этот мужчина пошел воды черпать, его... сразу потонул. Видла. При мне тонул. Стал черпать и как-то тут вот сразу пал, будто уж его туды пихнуло. Он сразу заелсе.

Я ведра кинула — и бегом! Домой бежать, что:

— Подьте, там дядя Степа потонул.

А вытащили мертвого, дак что ж. Он уж заелсе. Кабы сразу вытаскивать, дак можно бы...

Зап. от П. В. Мановой в дер. Якушевой Каршевского с/с Пудожского р-на Карелии в июне 1975 г. Т. И. Сенькина, В. П. Суховой (Кузнецова). — НА КарНЦ РАН. 82. № 224; Фонотека. 2207/16. 2-я дор.

124. «Плеск есть, а головы нет»

А я не знаю, это, это росстань просто дальше Авдеевой, Тудозеро звали это место. Там одна бабка пришла косить, уж не бабка, конечно, не старая еще была. Пришла, гот, косить по зори. Но, а тут, говорит, камень такой у реки большой. У этого камня, гот, плещетце будто, гот, плещетце.

— Да плеск-то есть, а головы нет, — гот.

Раз плеснулось, другой раз. Я, гот, не видела этого, что тут плещетце-то, а голос, гот, хорошо слышен:

— Плеск-то есть, а головы нет.

Но, я, говорит, сначала-то будто спугалась — одна в лесу дак, а потом-то, гот, я:

— С богом, — говорю, — мне так почудилось.

Вдруг, говорит, приходит мужчина, откуда-то идет.

— Весь, — гот, — спотел, — така жарница.

А я, говорит, чайник [грею].

— Ой, как я устал, мне бы хоть покупатьце.

А я-то и говорю:

— Ой, добрый человек, — гот, — не купайся ты. Я чайник согрею, чаю напьемся, да и усталъ пройдет.

Но, чайник, гот, согрела, чай заварила. Он сел, гот, чаю попил, потом, говорит, посидел.

— Ну, бабушка, я теперь, — гот, — приотдохну. Мне, — гот, — будто и вот...

Полежал, гот, немножко, он пошел. Пошел, не гораздо далёко, говорит, отошел, всё-таки, гляжу, говорит, в воду кувырнулсе и, гот, не выстал.

Потом ведь, гот, мужик-то тут [утонул]. Такой случай.

Зап. от П. М. Сёмкиной в дер. Кашино Семеновского с/с Пудожского р-на Карелии 8 июля 1976 г. Н. Г. Черняева. — НА КарНЦ РАН. 185. № 51; Фонотека. 3212/14. 2-я дор.

125. «Ой, долго суженого нет!»

Вот море. У этого моря дорога большая проходит. У этого моря косили. С этого моря выскакивал неизвестно кто:

— Ой, долго суженого нет!

Где не бывши, идет мужчина и говорит:

— Дальше не могу иттить, я здесь искупаюсь!

А ему говорят:

— Ой, миленький, тут нельзя купаться! Тут выскакивал как человек и кричал, что суженого нет.

— Как хотите, а я дальше не могу иттить!

Они решили на руках его нести, так у них на руках он и умер.

Зап. от П. А. Яковлевой в дер. Малой Вишере Маловишерского р-на Новгородской обл. в 1976 г. Г. В. Чекушева. — Традиционный фольклор Новгородской области. № 270. С. 273.

126. «Тела нет — судьба есть»

Чертыха сидела на камне у речки и чесалась. И говорила:

— Тела нет, судьба есть; тела нет, судьба есть.

А мужик-то слышал. А в воду хотел, купаться. Но только обкатился — и умер.

Вот она-то и говорила, что тело взяла, а судьбу оставила.

Зап. от А. С. Собакиной в дер. Ноколе Каргопольского р-на Архангельской обл. в 1979 г. Е. Головащенко, И. Бочарова. — Рейли. 2004. № 95. С. 412.

127. «Судьба есть — головы нет»

У нас свекрова рассказывала. Один раз стало, говорит, слышно по озеру — голу поднимет, как утка, и говорит:

— Судьба есть, головы нет.

И нырнет. Опять:

— Судьба есть, головы нет.

Не во сне, а наяву. Ну, говорит, уж не перед хорошим.

День прошел или два — и человек утонул. Значит, судьба была, а головы не было. И взял.

Зап. от А. И. Степановой в с. Кончезеро Кончезерского с/с Кондопожского р-на Карелии в июле 1981 г. Е. Ю. Черных, С. Ю. Пырч (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 151. № 297.

128. «Возьму двенадцать голов!»

Говорят, что видели на озере водяного. С бородой длинной, зеленый, одет в рыбацкую сеть.

А мужику одному во сне привиделось, что водяной ему говорит:

— Возьму я себе двенадцать голов, а ты будешь последний.

В ту пору затонуло восемь детей на озере и три женщины. Мужику стало боязно: рыбу бросил ловить и воду носить не стал. Но все равно, когда лодку чинил, его утянул водяной к себе под воду. Сначала звал, потом грозился, ну, так все-таки заманил.

Вот так случился [сбылся] его сон.

Зап. от М. Ф. Карловой в дер. Репное Озеро Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 8 июля 1986 г. Э. Валькова, И. Сердюк (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. №121.

129. «Будет двенадцать утопленников»

Одна семья хотела перенести старую могилу своей бабушки. Мужчине сказали старики, что будет двенадцать утопленников, если перенести могилу на другое место. Они не послушались — перенесли.

И уже со следующего дня за две недели было двенадцать утопленников. Кто пьяный шел, упал в воду. Кто на мосту поскользнулся. И еще дети тонули.

Зап. от Е. И. Павловой в дер. Ведлозеро Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 9 июля 1986 г. А. Лодыгина, В. Леонова (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 264.

130. «Год году хуже...»

Мужик рыбу ловил на Амборских озерах (там, где скиты), увидел черта на заязке. Чорт сидит качается и говорит:

— Год году хуже, год году хуже, год году хуже.

Мужик его веслом и хлопнул:

— А этот год тебе хуже всех.
Да и убил.

Зап. от И. Н. Макарова в с. Нёноксе Архангельской губ. в 1907 г. Н. Е. Ончуков. — Северные сказки. 1908. № 2666. С. 546.

131. «Год от году хуже...»

Ехал к нам Петр Великой. Выстал человек из воды, на корму сел. Переехал через Онего, ничего. Кланяется:

— Спасибо, что перевез.

Старики на Мижострове Петру жалются:

— Водяной рыбу распугал, рычит на все озеро. Откуда взялся только!

— Да где?

— Да вон на том камню!

...Опять на веснуху ночью на камень водяник выстал, рычит:

— Год от году хуже, год от году хуже!..

Петр начал его вицей хромать:

— Я тебя нонь на своей лодке перевез, а тебе всё не полюби!..

— А этот год хуже всех!

Водяник в воду утянулся...

Больше не видали на Мижострове никакого водяника.

Зап. от Е. И. Ведёхиной в дер. Ламбасручье Ламбасручейского с/с Медвежьегогорского р-на Карелии 3 апреля 1971 г. В. И. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 135. № 67; Северные предания. 1978. № 188. С. 133.

132. «Год году хуже...»

Там место такое, «дальним берегом озера» называется. Ну, она шла и видит, что сидит на берегу девка гола и чешет волосы.

А она молитву сотворила. Та пала и давай причитать:

— Год году хуже, а этот год хуже всех.

...По-деревенски воденик, а по-ученому — русалка.

Зап. от М. С. Медведевой в с. Шуньге Шуньгского с/с Медвежьегогорского р-на Карелии в 1983 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен. — НА КарНЦ РАН. 160. № 155; Фонотека. 2737/23. 2-я дор.

133. «Год году хуже...»

В воде воденик живет. Бывало, говорили:

— Воденик плешатый.

А перед войной в лодке сидел с длинными волосами, голову чешет-чешет и говорит:

— Год году хуже, а этот хуже всех.

Зап. от Е. А. Шошиной в с. Шуньге Шуньгского с/с Медвежьегорского р-на Карелии 6 июля 1983 г. Н. Л. Шкляева, Ж. В. Соловей, М. И. Попова, С. В. Михалкина (рук. В. Н. Захаров). — НА КарНЦ РАН. 161. № 535.

134. «Год от году хуже...»

Шла однажды моя свекровь с Шуньги мимо озера. Видит, сидит на камне посреди озера дева и черные волосы свои гребнем расчесывает. Сидит да эдак приговаривает:

— Год от году хуже, а этот хуже всех.

Увидела она свекровь — и в воду прыг.

А год действительно был плохим.

Зап. от А. А. Беловой в с. Шуньге Шуньгского с/с Медвежьегорского р-на Карелии 7 июля 1986 г. О. С. Куимова (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 179. № 78.

135. «Год от году хуже...»

Мой отец еще был. Поехал лучить.

Сидит женщина. Волосы чешет, приговаривает:

— Год от году хуже...

Проговорила она это три раза. Вернулся он домой...

Революция скоро началась.

Зап. от Н. Ф. Травешовой в дер. Суйсарь Заозерского с/с Прионежского р-на Карелии 14 июля 1980 г. Б. Гришанов и др. (рук. С. М. Лойтер). — НА КарНЦ РАН. 158. № 76. То же: № 137, 2076.

136. «Год году хуже...»

У нас поверье было такое. У нас озеро глубокое было, дак водяники есть. Ну, вот один мужик идет, а высокий такой берег, водяница вышла на берег, на камень. Села, да и волосы расчесывает, волосы-то длинные у ей. И вот и говорит:

— Год году хуже, год году хуже.

А мужик-от камень взял, да с горы-то ей в спину-то как ляпнул.

— А этот, — говорит, — год еще хуже.

А сама в воду.

Зап. от С. П. Фофанова в дер. Куганаволоке Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июне 1973 г. А. П. Разумова, Е. И. Русакова. — НА КарНЦ РАН. 133. № 91; Фонотека. 1936/7. 1-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 17. С. 26.

137. «Год году хуже...»

А вот говорили. Камень такой большой в реке, вот, говорят, водяник на том камне волосы чесал. Видели его как-то. Он не то что большой, небольшой.

Вот мы у этого камня всё купались, небольшие когда были. Всё вот такая ямка была, песочек. Купались да его всё вспоминали. Не казался.

А сидел будто бы волосы чесал. Когда чесался, говорил:

— Год году хуже, год году хуже. Этот год хуже всех.

Скоко там наговорит?

Зап. от У. Н. Заостровской в дер. Заполье Каргопольского р-на Архангельской обл. в июле 1979 г. Е. Головащенко, И. Бочарова. — Рейли. 2004. № 92. С. 412.

138. «Год году хуже...»

Русалку-то видывали, говорят. Как-то, бывает, она привиждается. Обязательно на камне посреди реки, а волосы чешет, да приговаривает:

— Год году хуже, — сама себе толковала. — А этот год всех хуже, — вот так приговаривает.

Сидит женщина с черными волосами. Или вот купаться идешь, она и высунется по пояс. Утонула вот у попа девочка-то. Ну, идешь, а она на мосту сидит, волосы чешет.

Зап. в дер. Котецкое Старорусского р-на Новгородской обл. в 1990 г. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. 1996. № 178. С. 56.

139. «Сегодня год хуже прошлогоднего»

В Воренже много ребят у моста тонуло, и одна, русалка, выходила из проруби. Видели ю зимой, в белом, и пела:

— Сегодня год хуже прошлогоднего, — да кланялась все.

И тонуло ребят много летом.

Зап. в Беломорском р-не Карелии в 1984 г. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. 1996. № 180. С. 56.

140. «Чем год, тем хуже...»

Напротив жила. Проснулась, говорит (они на берегу жили, рядом, а там большой камень). На камне, говорит, сидела девка, а волосы длинные, гладит и говорит:

— Чем год, тем хуже, чем год, тем хуже.

Пошла, хотела невестку будить. Пришла, а там не было уже.

А потом сразу в эвакуацию послали нас.

Зап. от А. И. Захаровой в с. Кончезеро Кончезерского с/с Кондопожского р-на Карелии в июле 1980 г. студенты ПГУ (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 150. № 161.

141. «А этот год всех кукнут»

А то вот, из воды вышла водяница, вот вышла водяница, волосы черны, длинные. И сидит на камню. Сидит на камню, там по берегам большаи каменя, на берегах. Вот она сидит на этом берегу, на камешку, да и кукал, сидит да кукал. А, говорит, кукала-кукала, последний раз кукнула и сказала:

— А этот год, — говорит, — всех кукнут.

А сама кук — да с горки, да только и видали. А в этом году бог его что знат, что-то случилось. Перед войной, наверно, это было. Вот воевали-то долго и говорили:

— Вот водяница кукнула, что мужиков тогда убили!

Зап. от А. А. Новожиловой в дер. Лахте Колодозерского с/с Пудожского р-на Карелии в июне 1969 г. А. П. Разумова, Т. А. Коски. — НА КарНЦ РАН. 23. № 64; Фонотека. 1426/1.

142. «Будет ли промысел?»

Прежде на торос поездают, да покручеников нанимают. Кто побогаче. Мамин отец на море ходил спрашивать, будет ли промысел. Мама запросилась с им.

— Вы, девки, заботитесь!

— Нет!

Ну и взял с собой. Ну и сели они в стороне. А дед к прорубы. Самый-то донный вышел, весь в волосах. Водой залило его — в носу, в ушах. Говорит деду:

— Спрашивай, я буду сказывать!

— Будет ли промысел?

Вода спала, донный стал сказывать. И столько заревело вокруг зверей, что страсть! Дед пришел на берег, говорит:

— Будет промысел, нанимайте людей!

И ему мешок муки за это притенули.

Зап. от О. Л. Стрелковой в с. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. в 1982 г. М. Н. Власова. — Власова. 2004. № 16. С. 359.

3.11. Предопределяет/предвещает судьбу знаками-символами

143. А потом припала к мосту

Чудить ходили, вот так. Мои товарищи пошли слушать, а я не захотела, осталась дома.

Потом я взяла ожерелье и пошла, вот.

Мои товарищи отошли на росстани. Я осталась дома, на мосту. Вначале я по-выла, потом я поплакала, это ой, запутала, потом я чо делала-то я, — лаяла, по-собачьи: «ав-ав-ав» — вот так, ну вот. Этого мало, потрясла ожерелью, а потом припала к земли, к мосту, подражала, припала к мосту и начала я ныть, вот так: «ой-ой-ой» — это так пугать их. Ну, и себе и напугала, еле домой пришла. Страшно было, правда.

Вдруг кони, мост-то затрещал, на меня повалилось всё как-то. Кони ужасные (этих коней я, как сейчас, вижу), и вот я идти не могу, кричать не могу — ничего не могу, не могу. Вот никак не могу.

Мой домишко-то был наш против этого самого моста казенного (вы были, дак топерь знаете), так вот три избы надо пройти было в деревню по поселку-то, вдоль реки, туды-то: уж в той избы-то собирались все. Дак никак не знаю, как я попала, я даже не помню до сих пор, и через порог я пала, тяжело мне было.

И я после чудить не ходила и кончай на этом. А зачем я лаяла? — Хотела, чтобы девочки вышли замуж в ту сторону, вот зачем, ну, дак для того. Ну, а зачем я это ожерелье-то? — Перед свадьбой. Вот. А зачем я ныла-то? — Это ныла-то я это вроде я пугала или насчет пожара, или насчет беды какой-то. Ну, пала на землю, да было ума: «ы-ы-ы», — ну, и поныла...

Зап. от А. И. Пяревой в с. Андоме Андомского с/с Вытегорского р-на Вологодской обл. 11 июля 1971 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 134. № 36; Фонотека. 1621/15.

144. Вышла из реки

Вот когда сына первого взяли и потом дочку у меня взяли в армию, во сне вижу, будто снег, большой-большой. Он (сын) провалился.

А дочка в реку в Нигижму мост переехала. В подолах. Вся в подолах: раньше таки сорочки носили с подолами. На Шалу <...> как-то, вышла с реки. Она вернулась, а он так и погинул.

У меня сбываются сны.

Зап. от Н. И. Митюшиной в дер. Каршево Каршевского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1975 г. Т. И. Сенькина. — НА КарНЦ РАН. 83. № 13; Фонотека. 2223/13. 2-я дор.

145. «Поди-поди в озеро по жердочкам»

Все уехали, а я осталася, родишка. Лежу, а мне вроде бы по этим жердочкам напидти. На берег ходили там по жердочкам. И мне во снях-то и кажется.

— Поди-поди, — говорит, — в озеро по жердочкам.

— Да я, — говорю, — потону. Не пойду, не пойду, потону-потону.

Ну, я как-то тут и не пошла в озеро, как-то омалталася.

Не много времени, а может, и в тот момент, далёко помнить, идет женщина с того дома и кричит:

— Надя, а твоего Пешу дак всего приколотили!

— Да кто его приколотил?

— С Назаровым боролися, и твой хозяин Назарова поборол. Им не понравилось — и давай колотить нашего.

Зап. от Н. И. Митюшиной в дер. Каршево Каршевского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1975 г. Т. И. Сенькина. — НА КарНЦ РАН. 83. № 17; Фонотека. 2224/4. 1-я дор.

♦ IV ♦

Жизненный цикл в системе акватических знаков-символов

4.1. Затягивает/забирает человека

146. Вода берет

[Соб.: А вы не слышали, чтобы водяной рыбаков уводил?] Ну, водяной... ой нет, тут-то уж. Поди знай. Может быть, так тоже были случаи такие, что сейчас-то уж как тонут дак, сейчас тонут, по пьянке тонут, правда, что тут никакой водяной их не берет. Да оны самы напьются, дак выпадут с лодки.

Ну а ведь раньше-то уж этого, этой пьянки не было. А тоже бывали случаи, тоже тонули. Поди знай, водяной ли берет, али кто его знат.

А ведь как у нас рекой раньше гоняли лес-то, дак ведь мало ли в реке тонут. А всё говорят, вода берет, всё вода, вот тоже судьякали на то, что вода берет.

Теперь уж если как тонут, дак тонут, в каждый год тонут. А сейчас тонут пьяные-то. Напьются да в лодке шатнутсе, да в воду за ногой падут туда.

А это вот лес когда гоняли, тут Водла-река есть, туды гоняли на Пудож туды, от нас. Да эта уж река брала народ, брала-брала, тонули. А таки сплавы и шли.

Зап. от А. И. Марчихиной в дер. Куганаволоке Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1974 г. М. Нигметова, О. Устинская. — НА КарНЦ РАН. 73. № 2076; Фонотека. 2146/176. 2-я дор.

147. И стало тянуть-тянуть-тянуть

...Водяные?.. Так вот тут у нас какая-то плавала. Я даже боялась, что придет еще как. К бани идет, а волны так вот, так идут. (Показывает — разводит руками.) — Ой, ёй-ёй! Еще зайдет, — я говорю, — прыгнет сюда да придет еще, да...

Недавно тут эта плавала. А я Юрке говорю, да туда, до моста, ползет — и опять, опять, опять волнами такими. Не знаю, какой зверь тут. Какой ползал, какой плавал.

А этих-то... ну, я маленькая была, да купаться пошли. Я ведь и сейчас не умею плавать. У озера жила — и плавать не умею. Дак там, у Харитоновых, пошли купаться — дак так и стало туда тянуть-тянуть-тянуть. Дак другой человек меня обратно [оттянул].

Ну, там и говорят старые, что есь там. Видеть-то не видела. Ну. Конечно, раньше старые люди, может, и видели, да. Старые люди... и некогда [им] было купаться.

Зап. от П. В. Лебедевой в с. Святозеро Святозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 17 июля 1979 г. Л. Липницкая (рук. Т. В. Иванова). — НА КарНЦ РАН. 165. № 303. То же: № 314.

148. Тянут под воду

Поехали два брата коней купать в озеро. Вот это... один брат на лошади верхом, лошадь плавает, и он плавает. Он плавает, и другой плавает. Вдруг, один брат и говорит:

— Василий, я сейчас потону! Меня, — говорит, — за ногу поймали, тянут под воду.

И ушел под воду. Это хозяин его, наверно, взял.

Зап. от Н. И. Горбачевой в дер. Посад Подпорожского р-на Ленинградской обл. в июле 1984 г. И. В. Эйдемиллер. — Рейли. 2004. № 98. С. 412.

149. «Дак так и тянет-тянет-тянет»

А у нас там было, на моей родине. Купаться пошел парень с матерями [с матом], так еле этого... руки, ноги да тело всё оцарапал. Так еле оттуда вышел вон. Сбавили все-таки, вышел вон, руки да и ноги были сцарапаны, всё сцарапано. Это водяной его наказал. Пошел с матерями в воду — ему ума дал да отпустил обратно.

А у нас тут тоже [случаи] были. Бывало, как телят перевозят целиком артелью, а раньше перевозить лошадей пойдем, с Наволока, оттуда, так и тянет эту единичную. Теперь, видно, нету. Так и тянет. Так набирают камней в нос лодки. Мужик держит там лошадь, а бабы — гребем лодку, плавитаем [переплавляем] ту через... Да й как будет тянуть туда лошадь, дак так и тянет-тянет-тянет. Да й потом камней кидаешь-кидаешь, так и пустит вон. Даже уже видно: вся лошадь туды уйдет, ноги [за ноги], видно, тянет туды. А потом камней кидаешь-кидаешь, да й выскочит лошадь оттуда вон, да й вперед плавитает.

Зап. от Е. Е. Ванькиной в с. Кончезеро Кончезерского с/с Кондопожского р-на Карелии в июле 1980 г. студенты ПГУ (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 150. № 86г; Фонотека. 2682/3г.

150. Кто-то тянет

В темную осеннюю ночь провалился я около плотины в реку и кое-как чудом выполз потом на берег. Упал я, хочу выскочить — глядь, а меня кто-то тянет. Я посмотрел: вижу, весь он мохнатый, ровно метла, лицо-то. Держит он меня когтями и не пускает. И руки, и ноги у меня ровно окованы. За тулуп вода холодная, слышу, льется, а он смотрит: глаза-то у врага водяного так и горят.

Перекрестился я — да как хвачу его! Не помню, как и на берег-то выполз: люди подняли меня ровно мертвого.

Зап. в дер. Малой Будогоще Тихвинского у. Новгородской губ. в 1893 г. В. Н. Перетц. — Перетц. 1894. С. 8—9.

151. Зачем утянул?

Вот утонет девушка, так ходят ищут, так спросят ведь:

— Зачем ты ей утянул?

А он отвечает:

— Мы сидели кушали, а она ступила нам прямо ногой в чашку.

Это водяной хозяин отвечает. Это я слыхала давно, от людей. Вот он ей и утянул.

Зап. от А. М. Швецовой в с. Нюхче Нюхотского с/с Беломорского р-на Карелии в июле 1977 г. А. П. Разумова, Е. И. Русакова. — НА КарНЦ РАН. 109. № 130; Фонотека. 2471/17.

152. «Его зафатило и потащило»

Ну, тут парень купалсе, у нас. Ну вот. Ну, купалсе-купалсе, вода-таки. Вдруг его зафатило и потащило. Ён фыркается-фыркается. Ну, а его водяник за ногу зафатил и потащил. Ну. А потом мужики вытащили его.

Зап. от Е. Д. Егоровой в дер. Куганаволоке Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1974 г. М. Нигметова, О. Устинская. — НА КарНЦ РАН. 73. № 227; Фонотека. 2148. 2-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 26. С. 30.

153. Водяной утащил

Утонул священник на Ильинской неделе. Бабы говорили, что его водяной утащил, так как его вытащили из воды без креста.

Зап. от Едемского в Реченской вол. Велико-Никольского прихода Шенкурского у. Архангельской губ. в 1916 г. П. Г. Богатырёв. — Богатырёв. 1916. VI. С. 54.

154. «Смотри, черт утащит!»

Молодой еще была. Купаться ходила. А потом и не ходила больше, как увидела-то черта.

У нас речка была и доска такая недалёко от берегу. Мы через нее и перекидывались. А я девка отчаянная была: прыгала, перекидывалась. А девки мне:

— Смотри, черт утащит!

— Да ну, черта-то нет.

А тут он как из воды-то выскочит и руками по воде хлопнет. Сам черный, в волосах — черт. Я так и пала.

Зап. от А. С. Собакиной в дер. Ноколе Каргопольского р-на Архангельской обл. в 1979 г. Е. Головащенко, И. Бочарова. — Рейли. 2004. № 96. С. 412.

155. Хватал людей

...не назывались и думали, что если идешь на речку, то в определенное время он именно там часто ходит и стремится купающегося поймать. Или даже человек случайно оказался у воды, он не думал купаться, где-то оступился — лед ли тонкий был, то он может схватить. Люди боялись этого водяного. Водяной этот только мог принести зло: он как бы хватал людей и уносил к себе, дальше забирал душу — эта душа Богу уже не доставалась, и возвращал исковерканное тело куда-то: выбрасывал на берег.

Зап. от А. Ф. Касьянова в пос. Спасской Губе Спасогубского с/с Кондопожского р-на Карелии 18 августа 1989 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 192. № 25.

156. «И девка у его захвачена»

У нас тут потонула одна девушка. А Саша Трошков все время нырял. Если трактор потонет, дак он зацепит, или утопленника достанет.

А тут, говорит, нырнул — а там сидит старик. И девка у его захвачена в руки. Вот он нырнул и говорит:

— Я больше нырять не буду.

— А почему?

Сначала не сказал, а потом уж рассказал:

— На этом месте, — показал, — вот тут, доставайте.

Зап. от З. И. Карпиной в дер. Гакутсе Каршевского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1975 г. Т. И. Сенькина. — НА КарНЦ РАН. 83. № 31; Фоноотека. 2225/4. 1-я дор.

157. Через решетку достал

Свекровушка тоже говорила.

Нефедовых дом, девка. Она работала у правителей, убирала. Потом она утром рано-рано выстала, все еще спали. Пошла в купальню. Сходила выкупалась. А немного погода опять пошла в купальню.

— А чего ты, — говорят, — бегаешь?

Потом солнце встало. Опять бежит. Третий раз пошла, да и не вернулась больше. А, говорят, были синяки на этих местах. (Показывает на шею.)

А в купальне были ставлены как решетки, чтобы ребята не плавали. Дак подплыла, а, видать, через решетку достал и...

Большая уже девица была, лет пятнадцать.

Зап. от А. И. Степановой в с. Кончезеро Кончезерского с/с Кондопожского р-на Карелии в июле 1981 г. Е. Ю. Черных, С. Ю. Пырч (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 151. № 298.

158. Водяной взял

В деревне, в одной семье, было трое парней. Двум уже время в армию идти. Младший пошел купаться с другими парнями.

Искупались — а его нет. Стали его звать — а его нет. Парня у себя водяной оставил.

Зап. от А. Д. Нажиевой в дер. Ведлозеро Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 10 июля 1986 г. А. Лодыгина, В. Леонова (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 230.

159. Заманила

Мужик был у нас в деревне, молодой. Раньше праздники праздновали в деревне. Он купаться ходил, выпивши. Утонул.

А в эту ночь женщина видела. Говорит:

— Сидит на камне [острове], волосы чешет. Погляди, кто там.

А та, на острове, говорит:

— Помогай!

Мужик и подплыл к ней помочь. Заманила. Захватила сразу волосы — и нет его.

Это женщина в окно смотрела на остров (он близко от берега) — и слышала, и видела.

Зап. от Е. С. Примеровой в дер. Шукнаволоке Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 12 июля 1986 г. И. Земзаре, Е. Кудряшова (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 307.

160. Русалка потопила

У нас девушка потонула. Говорит:

— Пойду по берегу.

А там человек из воды выпрыгнул и волосы расчесывает. В байну сходила, из байны пошла купаться. Русалка закрыла и потопила.

Зап. от М. В. Еруковой в дер. Суйсарь Заозерского с/с Прионежского р-на Карелии 11 июля 1980 г. С. М. Лойтер, Ю. В. Горбунов. — НА КарНЦ РАН. 158. № 335.

161. Кто стрелял — утонул

Слышала от моего отца.

Отец и брат его, Лука, рыбаки были. Поехали рыбачить. Видят, на камне сидит женщина. Брат отца выстрелил. Поднялся ветер — лодку потопило. Кто стрелял — утонул. А другой живой остался.

А вода-то мелкая была.

Зап. от Н. Ф. Травешовой в дер. Суйсарь Заозерского с/с Прионежского р-на Карелии 14 июля 1980 г. Б. Гришанов и др. (рук. С. М. Лойтер). — НА КарНЦ РАН. 158. № 75. То же: № 136, 207а.

162. Окривел на один глаз

Однажды моей свекрови брат шел мимо нашего озера. Видит, на камне дева сидит. Волосы и глаза у нее черные-пречерные. Сидит и гребешком волосы чешет.

А он за ружьем домой сбегал — да и выстрелил в нее. А она мигом в воду соскользнула.

С того времени брат окривел на один глаз, таким и остался на всю жизнь. Ни врачи, ни бабки не помогли.

Зап. от А. А. Беловой в с. Шуньге Шуньгского с/с Медвежьегорского р-на Карелии 7 июля 1986 г. О. С. Куимова (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 179. № 75.

163. Зла никакого не сделал

Слыхали про водяного. Это у нас старик-та видал. А он (водяной) вроде как старик ползет в армяке по дну. А боле ничего — он только высмотрил. Зла он (водяной) никакого не сделал.

Зап. от М. Г. Чюхина в дер. Ярагино (оф. Зеленинская) Ямско-Горской вол. Шенкурского у. Архангельской губ. в 1916 г. П. Г. Богатырёв. — Богатырёв. 1916. VI. С. 54.

164. Плывет прямо на меня

Ходил за рябчиками. Ночью, часов в двенадцать, хотел через реку брести, падал к лесной избушке. Спустился в реку — и мне показался водяной хозяин, и в этой речки мне показался водяной хозяин, как есь месяц пёк, пловёт прямо на меня. Я и в гору выскочил, острашилса. На гору выбрал[ся] и ночевал на горы в зареде, в ту ночь не смел брести.

Зап. от С. П. Корельского в с. Красном Бору Архангельской губ. в 1907 г. Н. Е. Ончуков. — Северные сказки. 1908. № 273. С. 552—553.

4.2. Гонится за лодкой, останавливает ее, забирает/не забирает людей

165. Не догнала

А вот ехала, говорит, на лодке она, по воды. Дак так, говорит, шурует, дак только-только за лодку [не ухватила], дак одва успели на́ берег выйти. Так гналась за ими.

[Соб.: Какая она из себя была?] А она так вроде бы так на человека похожа, волосы длинные, говорит. Как она, говорит, сзади шурует, дак у ей эти волосы, говорит, как эты... волны, говорит, шуруют. Как человек. А только быстро, говорит. Не догнала. Ничего не сделала. А, говорит, мы успели на берег.

[Соб.: Говорят, что если такое увидишь, то будет несчастье?] А Бог знает. А будто уж у них несчастья не бывало!

Зап. от А. В. Родиной в дер. Ножево Пудожского с/с Пудожского р-на Карелии в 1978 г. В. П. Кузнецова. — НА КарНЦ РАН. 140. № 75; Фонотека. 2534/27. 2-я дор.

166. Не в свое время

Так это в Западной (Западном Кончезере), на мосту, чесал. Еще солнышко не выставши. И кричит:

— Черт, не свети! Черт, не свети!

И всё, сразу в воду. И волосы расчесывал.

Мы ведь маленькие были. Разбудили нас:

— Посмотрите, — ска-а. — Такая железная гребенка, расчесывает. Волоса длинно-длинные. Обыкновенный черный волос.

Ну, потом вот едешь-едешь. Еще в Наволоке рассказывали. Под лодкой, чуть лодку не свернул, вот как плыл он. Ну вот, не в свое время ехали на лодке. Да молитву стали читать, дак поехали. А нет, так там бы были.

Зап. от М. И. Степановой в с. Кончезеро Кончезерского с/с Кондопожского р-на Карелии в июле 1980 г. студенты ПГУ (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 150. № 70; Фонотека. 2683/6.

167. На лодке

Черт есть. Есть. А появляется перед войной.

Есть. Водяники е. Худое могут. Могут лодки опрокинуть, что хочешь могут сделать. Показаться могут.

Вот ездила женщина в город. На лодке. На лодке поехали, приехали... До города не доехать на лодке, там доехали... И уже поздно, и их не пустили в деревне. Говорили:

— Не поезжайте (свекрова и нявестка), не выезжайте, плохо будя вам ночью ехать!

А такая свякровь была божественная:

— Ай, никто как Бог. Поедем!

Ехали-ехали да до островка доехали — через вясло и переваливается, и возми и лодку-то и качни. А яна всё нявестке не говорить, всё нявестке не говорить. А потом как стали ближе-то подъезжать, и невестка-то увидела:

— Мама, — говорить, — что это перекачивается белый?

— Да ничто. Ничего, Господи Божа. Там ничего нет, Господи Божа. Помилуй Бог, дай Бог доехать, помилуй Бог.

Ехали-ехали, к островочку стали подъезжать — и не подъехать, и держа лодку. Ну, яна тут божественные молитвы читала-читала, читала-читала.

Может, молитвы помогли, а можа, и ён отчаюлся: яны уже и вяслом там стучать давай, и всё. Ну, правда, пустиў ён подъехать к островку-то. Подъехали яны, там сколько время отдохнули. А нявестке все яна нявестку уговаривала, все уговаривает. А потом говорить:

— Поедем, Анна, — говорить, — тут недалёка аще островочек, так, — говорить, — на том отдохнем и поедем.

И села ета, Анна, нявестка, за веслы — держе лодку!

— Маменька, — говорить, — не могу, — говорить, — гресть!

И вот перекасится через весло, перекасится. И до островка доехали с горем аще, досидели до утра. Домой приехала и с ума сошла. Два года была в сумасшедшем доме. Поправилась.

Зап. от О. Д. Рябик в с. Кончезеро Кончезерского с/с Кондопожского р-на Карелии в июле 1980 г. студенты ПГУ (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 150. № 69; Фонотека. 2683/5.

168. А потом как запоем

А вот раз что было.

Мужики двое на рыбалку ездили. Рыбачили-то они хорошо. Вот немало наловили. И вот сидят дальше.

А вдруг на середине дак что-то заблестит. Они вот испугались. А потом как за- поет. И лодка-то не идет, а стоит. Ни туды да вот и ни сюды. Дак они больше испу- жались. Гребут-гребут, а вот стоит лодка. И всё.

Не знаю, сколько было это. А вот потом все погасло, да так тихо стало. И лод- ка поехала.

Дак мужики долго на том месте не рыбачили, а всё возле дома.

Зап. от А. М. Прокопьевой в с. Святозеро Святозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 11 июля 1981 г. И. Алексеева, Т. Рысакова, М. Васильева (рук. Т. В. Иванова). — НА КарНЦ РАН. 165. № 651.

169. Чудо на Онежском озере

На острове по пути стоит часовня Николе Угоднику. Я был пьян, не заехал по- молиться, не поставил свечку великому угоднику. Лег спать. Меня ребята разбу- дили, говорят:

— Дядя Алексей, кампас остановился, стрелка не двигается.

С меня от страха и хмель сошел. Я положил компас за пазуху да с ним скорее в каюту к иконе:

— Прости ты меня, Микола, — говорю, — что не молился тебе!

Вдруг слышу, раз пять ударили в колокол. Выхожу и говорю ребятам:

— Слышали вы что?

— Да, в колокол, — говорят, — ударили.

— Ну, — говорю, — поезжайте прямо; это в Кижях.

Поехали. Потом и смотрю, прошло время, надо быть в Кижях — ан нет ничего. Опять в каюту, молюсь:

— Прости, Микола, что пьян был; не дай в море (так называют крестьяне от- крытое Онежское озеро) потонуть.

Вдруг под кормой словно музыка играет. Спрашиваю:

— Слышали что, ребята?

— Да, — говорят, — словно где солдаты учатся...

— Ну, — говорю, — поезжайте прямо.

Проехали с четверть часа, и Кижы стали видны. Ну, а солдаты-то пятьдесят верст оттуда в лагерях стояли. Так как же за пятьдесят верст можно слышать? Вид- но, чудо нам показал Микола, Великий Чудотворец.

Зап. от крестьянина Кижской вол. Петрозаводского у. Олонецкой губ. В. Харузина. — Харузина. 1902. С. 64.

170. Лошадь плавил

И потом было поле. Дак вот лошадь плавил. Ну вот поплавили в лодке эту ло- шадку. И вот вдруг не может и грести, ничего. Захватил. И один нос видно.

Он [хозяин лошади] схватил топор, да вlepил, да в лодку. И лошадь всплыла. Там гребут к берегу, гребут. Вытащили, дак одва на берег вытащили. Нога. Ногу... «Он» захватился, верно, за ногу.

А вот здесь ничего не было...

Зап. от Е. А. Демидовой в дер. Канзанаволоке Кутанаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1974 г. Е. И. Русакова, В. П. Суховой (Кузнецова). — НА КарНЦ РАН. 73. № 105; Фонотека. 2138/3. 1-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 25. С. 30.

171. Под лодкой

Ловили на реке рыболовы. Плыли на лодке. Потом поднялась буря. Вытащили лодку на берег и забрались под нее от погоды.

Вдруг едут на лошади с галунам, в подгарках. Подъезжают к этой лодке. Один говорит:

— Скидывай в воду!

А другой отвечает:

— Нельзя: у них крест.

Тогда первый говорит:

— Сорви орган.

А второй:

— У них рушной.

Так и проехали. (Это ехала вторая половина — черти.)

Зап. от А. П. Макаровой в дер. Александровской Бабаевского р-на Вологодской обл. в июле 1978 г. И. Штарева, В. Горбова. — Рейли. 2004. № 91. С. 411.

172. Поехали в лодке две девки

Вот ты, Павел Николаевич (говорили мне на Шуйнаволоке), думаешь, что на воде люди погибают больше от своей вины. А мы тебе заподлинно сказываем, что дело без водяника не обойдется. Хоть бы нашу деревню Серёдку взять: позапрошлым летом поехали в лодке две девки: одна-то на выданьи, а другая-то еще не человековатая. И стала девочка сказки сказывать, как под водой живут водяники в хрустальных палатах. А старшая и говорит:

— Ишь как у них хорошо, хоть бы одним глазком посмотреть на подводное царство.

И не было ни ветра, ни волны, вдруг заколебалась вода — и поднялся черный мужик, волоса у него взъерошенные, ухватил девку за руку и, как она ни билась, стащил ее под воду, только ее и видали.

И все это девочка видела своими глазами.

Зап. на о-ве Шуйнаволоке в Петрозаводском у. Олонецкой губ. в мае 1860 г. П. Н. Рыбников. — Рыбников. 1862. С. 13—15; Он же. 1864. С. 199—200; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 1991. С. 188.

173. Наверно, водяники

В Меньшом наволоке две женщины поехали за хвоей. Где Великостров. Ну вот. И наклали полную лодку хвой. И они не озерны. Одна — с Рандозера (самолет летит, так видно деревню). А друга — там с Половины. Друга невестка. Две невестки. Не озерны дак. Полную лодку хвой наклали и поехали. Ветер пошел. И у их лодку заложило. Вот лодку залило. И они в лодке на хвою выстали. И сидят. А там с Великострова две женщины ехало — рычат:

— Переймите вы нас!

А они говорят:

— Ой, какая-то лода, да на лоды, было не бывало, сидят два человека, наверное, водяники.

Не подъехали. А обратно поехали — ни хвой, никого и нету. Они утонули. А потом нашли их. Вот и утонули сами.

Зап. от Е. М. Левиной в дер. Поге Кутанаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июне 1973 г. А. П. Разумова, Т. А. Коски, Е. И. Русакова. — НА КарНЦ РАН. 133. № 101; Фонотека. 1937/4. 2-я дор.

4.3. Похищает младенца/подростка

174. Девки в зыбке нет

В Пялице што у нас было. Брат [рассказчицы] женился на ей...

Девка в зыбке кацалась, два года. Брат [этой девки] кацал. Вдруг в избе все стемнело, огня нет. Посветлело — девки в зыбке нет. Выбежал на улицу и кричит. Прибежали отец и мать — нет нигде.

Была старуха знающа, колдунья, сказала, што:

— Девку черт унес. Натъ ехать три километра на карбасу, три километра лесом, там гора Чернавка, а я ворочу ее тебе. Бери левой рукой наотмашь, не обяртывайся за спину и, пока три порога не проедешь, не оборачивайся.

Он так и сделал. Позади палки и всё бросали. В море как тюлень выстанет на лапы, готов его схватить. Три печи [в селе] вывернуло. Пялицу-речку смутило, три дня воды не брали.

— Все равно, — говорит, — моя будет!

Зап. от А. А. Мошниковой в пос. Лесном Терского р-на Мурманской обл. в январе 1963 г. Ю. Е. Красовская. — НА КарНЦ РАН. 43. № 178.

175. Девки в зыбке нет

Ну, это в Пялицы было, у рыбаков. Вот сидел мальчик — кацал девушку (брат сестру). А отец с матерью на море уехали — семгу ловить.

В избе стемнело — не оказалось девушки в зыбке. Стал искать — нигде девушки нет.

Ну, тут бабушка была одна, колдунья. К ей пошли отворачивать. Она сказала, что ее, верно, унесло из зыбки. Ну, и научила отца, чтобы он пошел на гору Чернавку.

— Она посажена, — говорит, — на пеньку.

Он сел в карбас — три километра надо было ехать, три километра пешком идти.

Ну, оставил карбас, а сам пешком побежал. А нужно было взять девушку левой рукой наотмашь и назад не смотреть, что там делается. И он взял левой рукой эту девку в охапку и назад не оглядывался — что там делается. Ну, в его бросали, кинали. Он не обернулся. Ницего. Кинули в ногу — так нога болела три года. Заживить ничем не мог. В карбас сел, дак карбас хотел опрокинуть. А в Пялицы три бани разворочал. А воду так взбушевал, что три дня нельзя было воду носить.

Он (отец) притащил через три порога, да в зыбку склал. А «он» только вскричал: — Караул, да будет моя!

Так она и сидела до двадцати пяти годов — никто не решился замуж взять. А она и сейчас еще жива — все в Пялицы живет.

Во брехни-то.

Зап. от А. А. Мошниковой в пос. Лесном Терского р-на Мурманской обл. 11 июля 1964 г. Т. И. Орнатская. — НА КарНЦ РАН. 54. № 273; Сказки Терского берега Белого моря. 1970. № 17. С. 74—75.

176. «Робёнок потерялся!..»

А потом в Пялице у нас еще водило тоже. На тони сидели. Ну, девка небольшая была, Поллинария Филипповна. Вот водило тоже ей.

Отец поехал по снасти. А она спала, робенок. Осталась. Ну, утром рано еще было. Ну, спит робенок, спит... Оставили. Приехали — нету! Нету и нету! Ну. Тут покричали — нигде никакого робенка нет! Ну, и от поехали к етой Костихе-то Лавы. Поехали (Костиха Лава была, звали Костиха Лава). Поехали, эта... Все вот так и так:

— Робенок потерялся!

Но она сразу что-то, что уж раз это... водит дак, увело. Ну, она сказала:

— Выйдите на гору, откроетца мох, и вы подьте. Там клочи есть, на клочи она будит сидеть. Вы ей только с етого клоча возьмите и побяжите домой. Приготовьте карбас и везите в деревню.

(Они за десять километров от деревни сидели от Пялицы — туда, в ту сторону, в нижну.)

Ну дак вот они так и сделали. Пошли там посмотрели. А сидит-та! Здели ей, в карбас посадили. И поехали скоре! От приехали в деревню-ту. И как ее из карбаса-то принесли... А тут на угоре баня стояла. А вот ехали-то когда, дак так за има как черный, это как зверь... Звери так вот это все за лодкой гонились. Гонились-гонились звери!

И приехали. В етой бане как поддало — и баня вся рассыпалась! Леший-то поддал! Вода вся в ручью помутнела!

Вот леший — що отворотили! Вот какой!

Зап. от Ф. П. Самохваловой в с. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. в 1983 г. М. Н. Власова. — Власова. 2004. № 20. С. 360—361.

177. Отдали водяному

Было у начальника девушка. Отдали водяному. Не вовремя возбранишь — он может унести.

На карауле у солдата просила креста. Он не смел креста дать. Повесили крест на то место, где выходила девка, не бывала больше за крестом.

Зап. от И. А. Коптяева в дер. Забerezовской Шахановской вол. (Кодеме) Шенкурского у. Архангельской губ. в 1916 г. П. Г. Богатырёв. — Богатырёв. 1916. VI. С. 54.

178. Похищена была

Лет семь или восемь священник заметил, что идет в питейное заведение женщина в коротком платье, волосы распущены. Священник велел приготовить крест на крепком готяне и попросил мужиков хватать, наложить крест и держать крепче. Когда наложили крест, она начала биться, вырваться не могла, села, сделалась без чувств. Стали приводить в чувство, sprыскивать холодной водой.

Когда она пришла в чувство, рассказала, что она уроженка деревни Сяских Рядков и похищена была двенадцати лет человеком неизвестно каким. Жила у Пименова на заводе; они всех видят, а их никто не видит. Сменилась кухарка при заводе и начала хлеб и кушанье благословясь оставлять, и они не змогли больше кормиться. Тогда она вышла в деревню Белой Ручей. Когда ее захватили, ей было семнадцать лет; их было три. Кто их унес, его не было, а они так втроем и жили.

Зап. от С. Я. Коротких в дер. Пянтинной Чекуевской вол. Архангельской губ. (на р. Онеге) в 1907 г. Н. Е. Ончуков. — Северные сказки. 1908. № 300. С. 591.

4.4. Избавитель вступает в брак с героиней, похищенной мифическими силами

179. Невеста из озера

Около Сандал-озера жил несчастный старик со старухой и сыном. И не было им ни в чем удачи. Пришла пора женить сына: наб работницу во двор звать; ан никто из суседей не хочет отдать девку в дом несчастного крестьянина — всякому своего детища жаль. Вот один раз и говорит старик старухе:

— Пойду-ка я искать невесту для сына.

— А у кого ж ты будешь свататься?

— Да хоть у водяника.

Пошел он из дому, а от озера вышел к нему дюжий молодец и говорит:

— Ты у нас свататься задумал: невеста твоему сыну готова хорошая, приданое есть исправное, только ты не мешкаячи приезжай за ней поездом.

Пошел с ним старик по берегу, и объявилась от берега дорога прямоезжая, где и век ее не было. Шли они шли; пришли к хрустальным хоромам и взошли в пре-богатую палату. Вышел к ним старшой водяник и девку с собой вывел: хорошая такая девушка, в богатом снаряде, в золотых монистах, в жемчужной подниси и жемчужных серьгах. Ударили сваты по рукам — и отправился старик домой. Взял с собой сына, дружку, как следует, бояр и брюдг, и поехали благословляться к попу. Поп и спрашивает:

— А у кого берете девку?

— У водяника берем.

Попу, выходит, тут делать нечего.

На выезде из деревни подошла к поезжанам суседка и говорит:

— Возьмите-тко и меня с собой: я вам свадьбу устрою, как надо лучше.

И взяли ее с собой, приехали к хрустальным палатам и стали справлять свадьбу. Вот вывели невесту под фатой, а суседка шепчет старику:

— Смотри, дедушка, обманывают: это не настоящая невеста.

Вывели было другую девку, суседка опять предупреждает старика, что и на этот раз водяники его обманывают. Видят они, делать им нечего, и дали настоящую невесту. Стали давать приданого, злата и серебра, парчи и всякого имения. А суседка говорит старику:

— Проси-ка ты у свата саней с персидским ковром, проси рыженьких лошадок да бери синий кафтан с золотыми пуговицами, еще шапочку соболью и перстень с самоцветным яхонтом.

Стал было водяник на просьбу старика отнекиваться, да видит: суседка все знает, и дал санки и прочее добро. Воротился старик со своими на фатеру. Сноха у него вышла смиренная и работающая. Месяца два спустя после свадьбы говорит она свекру:

— Запряги, батюшка, рыженьких лошадушек в сани с персидским ковром, наденъ соболью шапочку и синий кафтан, бери перстень с самоцветным яхонтом и поезжай в Новгород. Есть там купец, сорок у него лавок и сорок домов, просись к нему ночевать.

Старик послушался снохи, оделся, снарядился и поехал в Новгород. Разыскал он уже ночью дом богатого купца и стал проситься к нему переночевать. Долго его не пускали, и выглянула в окошко купчиха и говорит мужу:

— Что за чудо, сани-то наши у ворот стоят, и лошади-то наши; поди отопри поскорее ворота.

Пустили старика в дом, купчиха так и закричала мужу:

— Кафтан на чужанине твой, и шапка твоя, и перстень на руке у него твой!

Стал тогда купец старика расспрашивать:

— Как к тебе мое добро попало? У меня, — говорит, — по грехам моим, назад тому пятнадцать лет, пропала дочка двухлетняя и это добро; искал я его и дочку пятнадцать лет — не мог сыскать.

А старик ответил:

— С дочкой пропало, с дочкой и найдешь. Есть у меня сноха: на правой щеке у ней три родимых пятнышка, три вишенки.

— Это и есть, — говорят купец и купчиха, — наша дочка.

Съехали они тут к старикам и стали вместе жить да быть. И теперь еще их внуки живут в Кяхтах.

Зап. в Заонежье в начале 1860-х гг. П. Н. Рыбников. — Рыбников. 1862. С. 13—15; Он же. 1862. С. 129—130; Он же. 1864. С. 200—202; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 1991. С. 188—189; Русские сказки в Карелии (старые записи). 1947. № 41. С. 178—180; Новгородские былины. 1978. Прилож. II. № 6. С. 238—240.

180. «Поеду к воденнику жениться»

Жили-были царь да царица. У их была маленькая доцюрька. Царица по утрам стряпала, а девоцька вкрут ей кружилась да мешала стряпать. Мать раз и скаже:

— На́ те воденник!

Девоцька как пошла к реки — ю воденник и захватил. Мать, как узнала, стала жалеть да Богу молиться, всим странникам деньги давать.

А у царя были солдаты. Один солдат на завтри именинником должен быть. А у его денег не было ни копейки. Он и пошел в церковь Богу молиться. Молитсе он Миколы многомилостивому и говорит:

— Господи, хоть бы мне где-нибудь полтинник найти. Завтра хоть в день андела солдатов угостить.

Идет он из церкви, голову повесил. Стрету ему идет старицёк — его от ветра поносит — и говорит:

— Што, служивый, задумалсе?

Солдат и отвецят:

— А вот, дедушка, завтра именинник, а денег — ни копейки нету. Ищу денег.

Дедушка и говорит ему:

— Да женись у воденника на доцери. Приходи ко мне — я тебе дам ведро вина да перог на закуску.

— Ладно, — отвецят, — подумаю.

Пришел солдат домой и всю ночь не спит: все думат.

И вздумал он жениться на доцери воденника. Утром пришел к дедушки — тот ему ведро вина да перог на закуску дал. Ну, солдат пришел да всих солдатов допьяна напоил да наугостил.

Солдаты пью[т], едя[т] да дивуютсе: откуда он столько вина взял. На второй день солдат и говорит царю:

— Дайте мне благословенье. Я поеду к воденнику жениться на его доцери.

Царь отвецят:

— Да што ты, не с ума ли сошел? Ведь тебе живому не бывать.

А цариця говорит царю:

— Пускай он еде жениться. Тебе еще солдатов хватит!

Солдат справилсе ды и поехал со дедушком к воденнику. Приехали оны к порогу — порог пребольшой-большинский. Дедушка и говорит солдату:

— Падай в воду!

Солдат и пал. А дедушко след его. И оны опеть пошли по дороге с дедушком.

Вот пришли оны к воденнику в избу да говорят ему:

— Вот, не отдаите ли доцерь замуж?

— Милости просим, — отвецят тот.

Наредил воденник всих доцерей своих и посадил на стулья. Оны и сидя. Одна сидит бледна уж бледнешенька.

Дедушка солдату и говорит:

— Скажи, што это моя богосуженная, што всих хуже сидит.

Солдат и сказал. Воденнику, хотя жалко ю было отдавать — да уж нать было. Стал воденник приданно справлять. Дал тройку лошадей, корету, драгоценных каменьев. Дедушка с солдатом забрали вещей и невесту да и поехали. Вот проехали оны этот порог, дедушка взял да девицу и разрезал на три куска.

Солдат и смотрит да думает: вот беда!

Взял дедушка да окупал мертвой водой на мертво тело, потом окупал живой, и девушка сделалась жива, да така красавица, как раньше у матери была.

Едут оны по улицы, вси смотря в окна да дивуютсе. Говоря:

— Солдат каку-то богачиху везе!

Солдат с девицей приехали к царю во дворец да повенцались и стали оны пировать. Цариця подносит цышки, да как посмотрит на девоцьку, скриццала:

— Охти мне! Совсем быдто моя доць. Где ты взял ю? — спрашивает цариця.

А солдат и отвецят:

— У воденника.

Ну, царь с царицей узнали тут свою дочь, взяли да поцеловали ю да солдата и поставили царем на царство, государем на государство.

И сказка вся.

Зап. от М. Ф. Бахиревой в Архангельской губ. в начале XX в. И. Цейтлин. — Поморские народные сказки. 1911. С. 198—200; Русские сказки в Карелии (старые записи). № 43. С. 183—185.

181. Невеста из мельницы

Жил в одной деревне богатой мельник. И вот мельница у него была в вёрстах трех от деревни. И вот в один день посылает он своего сына на мельницу. А сын взял с собой балалайку. А было ему девятнадцать лет. И вот он сошел на мельницу, засыпал молотье, а сам пришел в избушку, сел на лавоцьку и заиграл в балалайку.

И вдруг является к нему барышня и давай плясать по этой балалайке. И вот этот парень здумал ее схватить, она и убежала от ево.

— И вот теперь, — говорит, — я пойду домой и возьму на две ноци хлеба.

Когда он пришел домой, то отец и стал ёму говорить:

— Што же ты, милый сын, не женивши?

— Да невесту выбираю, папinya, — говорит.

— А где же ты себе невесту будешь выбирать?

— А вот схожу на мельницу на две ноци, тогда приду домой и скажу, где невесту возьму.

И вот пришел сын мельника на мельницу, пришел и засыпал восемь мер молотья, так штобы ему хватило до полночи. А сам пришел в избушку, сел на лавку, взял балалайку и заиграл. И вот приходит к нему та же барышня и стала плясать по балалайке. И вот только стал он балалайку класть, штобы схватить ее, она скоцила и убежала. Вот он и говорит промежду собой:

— Теперь не буду таков, как этто, на третью ноць; как только ступит в избушку, так и схвацю, не буду думать ницево.

И вот на третью ноць взял балалайку в руки и стал играть. Видит, является та же барышня; только зашла на середку избы, он бросил балалайку и схватил ее.

— Ну, умел схватить меня, умей и замуж взять.

— Ладно, возьму. Только Расскажи мне, как за тобой приезжать, и где ты живешь?

— Я живу в вашей плотине, — говорит, — и унесена полутораговая. Так вот теперь ты придешь домой и скажи своему батьку, что «я нашел себе невесту». Он и спросит: «Где же ты нашел?» — «Да во своей плотине». — «Да какие же могут быть невесты во своей плотине?» — «Да есть, папinya, она мне только и надо, а больше никакую не возьму». И вот будут к тебе на свадьбу многие проситсы, но только поедет вас троё: отец кресной и потом куцяр, а остальные все не поедут, которые куда разойдутсы. А ежели к попу сойдешь, тогда накажи попу, штобы он стре-

тил на полудороге с крестом, так што двадцать пять верст было ехать до погоста. А на свадьбу купи ты себе трех жеребцов вороных, штобы которые могли от самого места што есть прыти бежать.

И вот приходит этот сын мельника домой, и стали они с батьком пива варить и вино курить. И вот сделали они парнёвик и созвали всех суседей. Окопились все суседи, и напились все суседи допьяна, так што каждый говорит, што «я к вам на свадьбу поеду». И спрашивают:

— Где же у тебя невеста, Иван?

— У меня невеста во плотине своей.

И вот кто говорит, што «спать захотелосе», кто говорит, што «простынуть выйду», так што разошлись все с парнёвика, и осталось только отец кресной да куцёр. И вот стали они направляться к венцу. И вот сели они на тарантасы и поехали к мельнице за невестой. Приехали к плотине. Остановились и ждут. Выходит невеста, выносит три сундука приданово, и вот оклала она все сундуки на лошадей, села с женихом и поехали.

— Ну, теперь как можно скорее поезжайте!

И вот куцер и давай хвостать жеребцов. И вот доезжают они до полудороги, и священника нету. И вот приехал на ту пору к священнику благоцинной и задержал попа. Когда услышал поп, што колокольчики уже зазвонили, тогда схватил крест и побежал; только што добегают до их, обежал три разá с крестом. И потом после этово поднялась сильная погода: и загредел гром, и за сверкала молния, так што всех занесло пылью. И вот только слышен был голос из этой погоды:

— Сцяслив, што священник с крестом подбежал, не то обоих бы убил.

И вот приводит их священник в церковь, обвенчал и пригласил их к себе в дом цйй пить. И вот когда оне цйй попили, тогда попадя велела молодку нарядить в хорошо платё. Принесли сундук молодкин, и розсырла этта молодка сундук и стала выбирать себе одежду, какую нужно себе одеть. А попадя сзади ее стояла и смотрела в сундук ейной. Потом отошла к попу и сказала:

— Батька, дак это, быть надо, доцька наша, которая потерялась полторагодовая из люльки (проклянула, значит, попадя ее раньше)!

Вот подошли поп и попадя к молодке и спрашивают:

— Где ты была?

Говорит:

— Я была у мельника в плотине, а сын мельника взял меня замуж.

— А не помнишь, откудова ты унесена?

— Нет, — говорит, — я не помню.

Тогда поп и попадя бросились к доцьке на шею и стали цёловать и тут же с законным браком поздравлять.

Зап. от В. В. Шарашова в дер. Тереховы-Малаховой Мишутинской вол. Белозерского у. в 1908 г. Б. М. и Ю. М. Соколовы. — Сказки и песни Белозерского края. 1915. № 28. С. 50—51.

182. У водяного царя в работниках

Один мужик женился. Легли спать с молодухой, а прохожий и стучается.

— Кумушка, спусти!

И увел молодого, а молодуха осталась. Пришли будить наутро — молодуха одна.

И вот молодуха у их живет, с отцом и матерью. Не знают, куда он делся. Отец ходил роптать [и нашел его]. А сын ходил с водяными. Развернет скатерку — они попьют, поедят, а он остается убирать. Отец ему говорит:

— Пойдем, сыночек!

— Нет, папаша, мне нельзя: я у водяного царя в работниках.

Он (отец) пошел матери сказал.

— Я бы уж не оставила!

Пошли опять таким же порядком. Приходит сын. Мать говорит:

— Пойдем, сыночек!

— Нет, мне нельзя: я у водяного царя в работниках.

Приходят — сказали жены. Она говорит:

— Я пойду на него погляжу: или его уведу, или с ним остануся.

И ушла. А у ей был крест. Вот она пришла и спрашивает:

— Пойдем ты со мной!

— Не могу, я у водяного царя в работниках.

Она говорит:

— Тогда я с тобой останусь!

Она села ему кошелем — он и потащил.

Ой, они (водяные) увидели — как свистнут их в прорубу на лед.

— Еще молодуху с собой привел с крестом!

Сами убежали.

Ой, они встали на лед да и домой пришли.

Зап. от Л. М. Свинойной в дер. Воренже Хвойнинского с/с Беломорского р-на Карелии в 1956 г. Н. И. Савушкина. — НА КарНЦ РАН. 79. № 699.

4.5. Мифическое существо вступает в брак с человеком

183. Девница из подводного царства

Один молодой промышленник остался зимовать на Груманте. Каждый вечер ложился он в своей гальёте и играл в гусли, и как только заиграет — слышно было, что кто-то невидимкой перед ним пляшет, только платье шумит. Захотелось ему увидеть, кто такой пляшет. Однако что ни делал, как ни ухитрялся — всё даром! Рассказал про это диво своему товарищу.

— Эх, приятель! — сказал ему товарищ. — Да ты возьми сальну свечку, зажги и накрой ее черепком, а сам ляг на койку и заиграй в гусли. Коли опять невидимка плясать станет — ты в ту же минуту открой свечку; ну, тогда и увидишь, кто пляшет!

Парень поблагодарил товарища за совет, вечером пошел на гальёту и, как сказано, так и сделал: взял свечку, зажег и покрыл черепком, а сам заиграл в гусли. Прислушался — опять кто-то пляшет под его музыку, только платье шумит! Открыл огонь — а перед ним девица красоты неописанной.

— Ну, добрый молодец, — сказала она, — догадался ты меня подсмотреть, буду ж я тебя любить по правде.

С той самой поры зачала она приходить к нему каждый вечер, и жили они в любви целых три года. Под конец третьего года говорит парню девица:

— Ну, милый друг, недолго осталось нам с тобою в любви жить, приходит время совсем расставаться...

— Отчего так?

— Да, вишь, отдают меня замуж в Питер, под калиновый мост, за черта.

— Как за черта! Тебе что за дело до нечистой силы, али ты сама такая ж чертовка?

— Нет, я родилась в большом, славном городе; отец у меня был богатый купец, а попала я к нечистым оттого, что отец меня проклял. Как была я малых лет, подавала ему в один жаркий день стакан меду, да нечаянно и уронила стакан на пол — отец осерчал, прикрикнул на меня:

— Экая дурища безрукая! Хоть бы черт тебя взял!

Только вымолвил он это слово, в ту ж минуту очутилась я в морской глубине, в каменном доме, у чертей под началом.

Прощалась красная девица с парнем и дает ему ширинку узорчатую.

— Возьми, — говорит, — сама вышивала. Когда станешь ты по мне скучать, найдет на тебя грусть-тоска великая, ты только взгляни на эту ширинку — тебе веселей будет!

Остался добрый молодец один, и, как только придет ему на мысли прежняя любовь, — тяжело ему делается, хоть руки на себя наложи! — возьмет он ширинку, взглянет — и тоска пройдет.

Протекло с год времени. Сказал он про ту ширинку своему товарищу, а тот и украл ее. С этой самой поры начал парень тосковать да с горя запоем пить, и до того дошел, что совсем пропился.

— Пойду, — говорит, — в Питер на калиновый мост и брошусь в воду. Заодно пропадать!

Пришел на калиновый мост и бросился в воду.

В ту же минуту очутился он в подводном царстве: кругом — зеленые поля, сады и рощи. Идет дальше — стоит большой каменный дом; в окно смотрит купеческая дочь, увидала его и кричит:

— Эй, милый! Приворачивай сюда: я здесь живу!

Выбежала к нему навстречу:

— Здравствуй, голубчик! Давно тебя не видала; уже и видеть-то не чаяла!

Начала его целовать-миловать, всякими закусками и напитками угощать, а после спрятала его в особую горницу и говорит:

— Скоро мой муж придет и громким голосом закричит: «Русак! Зачем пришел?» Ты раз промолчи и в другой промолчи, а как в третий раз вскричит, ты ему отвечай: «А что в зыбке у тебя, то мое!» Он станет тебе за ребенка давать сто рублёв — ты молчи, станет давать двести — все молчи, а как закричит с сердца: «Что, русак, молчишь? Возьми триста рублёв!» — тут ты и скажи: «Кабы жару кулёк — я бы взял!»

Только успели разговор покончить, как пришел нечистый и громко закричал:

— Русак! Зачем пришел?

Парень молчит. Нечистый в другой раз еще громче закричал — тот все молчит.

А на третий спрос говорит:

— Что в зыбке у тебя, то мое! Хочу с собой унести.

— Не уноси, брат. Возьми сто рублёв.

Русак молчит.

— Возьми двести!

Опять молчит. Нечистый осерчал:

— Что ж ты молчишь? Хочешь триста рублёв?

— Нет, не хочу, кабы жару кулёк — я бы взял, и то с таким уговором, чтоб ты меня с тем кулёком на Русь вынес.

Черт тотчас притащил кулёк жару, посадил парня к себе на плечо и говорит ему:

— Закрой глаза!

Парень закрыл глаза, и нечистый вихрем вынес его на святую Русь: очутился добрый молодой человек опять на калиновом мосту, а подле него кулёк с золотом.

Вот так-то разбогател он, женился на хорошей девице и зажил себе счастливо. А кабы польстился он на деньги — черт наверно обманул бы его: вместо денег насыпал бы конского помету и всякой дряни.

Зап. в Архангельской губ. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. 1957. Т. 2. № 228. С. 213—215.

184. Девушка из подводного царства

Один молодой промышленник каждый вечер играл на гуслях в своей гальёте. И как только заиграет — слышно было, что кто-то пляшет перед ним. Захотелось ему узнать, что бы это значило.

И вот он спрятал под черепком зажженную свечу и, когда вдруг осветил ею гальёту — перед ним стояла бледнолицая красавица с русыми косами: то была русалка или (по другому варианту) проклятая отцом девица, которая проживала у нечистых в морской глубине.

Афанасьев. 1994 (1868). Т. II. С. 247.

185. Жена из Ильмень-озера

Отправился добрый молодец вечером ловить рыбу за Онего в дальнюю губу, и задержал его до утра на островах стретный ветер. Как стало светать, видит молодец: прилетело три лебедушки, ударились оземь, обвернулись красными девушками и стали купаться в губе, а на берегу у них оставлены птичьи шкурки. Молодец подкрался потихоньку и захватил одну шкурку. Две-то девушки, как выкупались, вышли на берег, одели шкурки, ударились оземь и полетели себе лебедушками. А третья девка ищет своей шкурки, не может найти. Тут к ней подошел молодец и говорит:

- Что дашь за шкурку?
- Хочешь несчётной золотой казны?
- А не надо мне казны, отдай самое себя.
- Изволь, — говорит, — буду твоей женой.

Дали они друг другу заклятье и стали мужем и женою. К вечеру ветер стих. Как надо им садиться в лодку, молодец и подай шкурку жене:

- На, — говорит, — спрячь, чтобы не замокла.

А жена накинула шкурку на себя, обвернулась лебедушкой и полетела по поднебесью. А на прощанье только закричала мужу языком человеческим:

— Не умел ты меня беречь-стеречь, не видать тебе меня три года. А как исполнится три года, приходи ко озеру Ильменью, увидишь на плоту женщину-портомойницу — она тебя проведет ко мне.

Воротился молодец домой один-одинешенек; плохое ему житье, стосковался по своей по жене: крепко она ему полюбилась. Исполнилось срочное времячко, и пошел он к Новугороду, к Ильмень-озеру. Как пришел туда, солнышко было навечере, и видит он: стоит на плоту портомойница и манит его к себе.

- Сведи меня, — говорит, — голубушка, к моей жене.
- Отчего не свести, пойдем.

И пошли они берегом, дорожка все спускалась вниз, стало как-то холоднее. И пришли они в большое село, к богатому дому. Говорит ему вожатая:

- Ты как войдешь в избе, смотри, не молитвись.
- И встрел их в избе большак — седая голова, седая борода.
- Долго, — говорит, — зятек, ждали мы тебя.

И вышла затем красавица, за руку вывела ребеночка по третьему году.

- Смотри, мол, Иванушка, какой у тебя сыночек подрост.
- А пусть его растёт, — говорит дед, — нам это добро надобно.

Поздоровался молодец с женой — и стали они жить ладком. И я у них в гостях был, пиво пил, сладким медом закусывал.

Зап. в Заонежье в 1860—1862 гг. П. Н. Рыбников. — Рыбников. 1862. С. 13—15; Он же. 1862. С. 130; Он же. 1864. С. 202—203; Русские сказки в Карелии (старые записи). 1947. № 44. С. 186—187; Новгородские былины. 1978. Прилож. II. № 8. С. 242; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 1991. С. 189—190.

186. Жила с водяным

Одна [одна утонувшая девушка] в продолжение нескольких лет жила с водяным. Однажды, в ясный, летний день, подплыв к берегу, она слышала колокольный звон, увидела свет солнца, зелень берегов, цвет неба. Все это живо пробудило в ней воспоминание о том времени, когда и она могла свободно топтать эту зелень лугов, без боязни войти в Божью церковь. Грустная, поплыла она в чертоги водяного и плачет, и просится из воды посмотреть, как живут люди. Водяной отказал, утешил ее и — все забыто.

Снова в солнечный день подплыла она к берегу: тот же церковный звон, то же солнце сверкает в листьях березняка, тот же стоголосный гул насекомых. Опять, рыдающая, приплыла она к водяному — и снова отказ с крепким наказом не подплывать к берегу.

В третий раз подплыв к берегу, она не утерпела; выскочила на берег и, опознав разные места, пустилась к отцу. Дома ее не признавали и дичились:

— Побег от нас, мы тебя не знаем: дочь наша давно утонула.

Вечером одного дня возвращалась она от священника по берегу в деревню. Выпрыгнувший из воды водяной схватил ее, и через два дня мужики стояли около безобразного трупа, выкинутого волнами на берег, и разговаривали про чудесное возвращение и про скорую смерть утонувшей, а река шумела и волновалась в берегах: это водяной тосковал и плакал о невозвратной потере своей подруги.

Зап. в Шенкурском у. Архангельской губ. А. Харитонов. — Харитонов. 1848. С. 144—145.

187. Девушки и водяной

И домовых, и водяных — всех представляли обязательно в виде семьи: у него, леш, обязательно должна быть леша, лешата должны быть и, соответственно, там вплоть даже до отдаленных племянников. И вполне понятно, что если умирала леша или ее там кто-то забирает какой-то тоже злой дух, то [водяной] искал себе новую невесту. Где он искал? Он стремился подцепить где-то, ну, схватить за руку, за ноги купающуюся девушку красивую и утащить. Если он ее совсем забирал, навсегда, то ее уже больше никогда не находили, а если же она появлялась где-то через какое-то время мертвой, скажем, ниже по течению реки, ну, значит, отбивалась от лешего, и он ее умертвил, никак не хотела быть его женой.

Бывало и так, что купалась девушка, выплывала, рассказывала, что ее хватал леший и от этого у нее на ногах есть укусы, укусы, синяки, и так далее, но она отбилась, не попала к лешему.

Ой, «водяной» надо говорить, а я сказал «леший».

Зап. от А. Ф. Касьянова в пос. Спасской Губе Спасогубского с/с Кондопожского р-на Карелии 18 августа 1989 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 192. № 17; Фонотека. 3269/3.

188. К ней водяники похаживают

[Леонтий Богданов предложил при первой поездке по Кижам свезти меня к одной бабе, к которой и о сю пору похаживают водяники.] Чего-чего ни делали сродники: и заговаривали ее, и ведунов к ней водили — ничто не берет. Сначала как будто полегчает, а немножечко погода, смотришь, к ней опять лезут из воды незваные гости.

Зап. от Л. Богданова в дер. Середке Кижского пог. Петрозаводского у. Олонецкой губ. в мае 1860 г. П. Н. Рыбников. — Рыбников. 1862. С. 13—15; Он же. 1864. С. 199; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 1991. С. 187.

189. Вдова и водяной

Одна вдова пошла на реку за водой. В зеркальной поверхности воды она увидела свое лицо и подумала: «Какая я красавица, а мужа у меня нет» — и при этом прокляла свое вдовье житьё. Ночью она видела во сне своего мужа, но только с этой ночи забеременела.

Наконец, пришло время родить. Догадываясь, в чем дело, она сряду после рождения и окрестила младенца, чтобы он не достался водяному. Но младенец в тот же день к ночи умер. Ночью ребенок был положен на стол пред иконою, мать спала, а сидевшая старушка тоже дремала.

Вдруг дверь отворилась, кто-то подошел к младенцу. В это время лампадка погасла. Побыв короткое время у стола, пришедший ушел обратно. Старушка разбудила женщину и сообщила о случившемся. Когда они зажгли огонь, то увидели, что у младенца нет всего лица и левой половины тела с рукой и ногой. Оказывается, что он у крещеного младенца мог взять только свою часть — половину, а если бы младенец был не крещен, то он унес бы его целиком.

Зап. в Олонецкой губ. А. Георгиевский. — Георгиевский. 1902. С. 58.

190. Водяной хотел обручиться

Пошла как-то девушка стирать на озеро. Полощет уже, руки в воду спустила и чувствует, словно травинка ей палец обвивает, от мизинца к безымянному, и захватывает, как в колечко.

Она отдернула руку — и ничего не стало.

Пришла домой и рассказала бабке, а та говорит, что это с ней водовой (водяной) хотел обручиться.

Зап. от М. А. Федуловой в дер. Кинерме Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 10 июля 1986 г. Е. Кудряшова, И. Земзаре (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 457.

191. «Хощь бы кто из озера пришел!..»

Была деревня большая; в этой деревне много девок было. А их на беседу никто не пушшает — они взяли выстроили избу у озера. Ходят вецер, другой и третей — никто из парней к ним на беседу не идет. Вот они промеж собой толкуют:

— Хощь бы кто из озера пришел на беседу!

Вот с вецера прикатило ребят к им партия человек в двадцать; все сдобные такие, с тальянкам, при цясах, в калошах — ну и давай поигрывать с девкам. А у онной у девки была принесена девоцька маленькая лет пяти-шести. Та сидела на пецке и все смотрела. Ну и стала звать эту девку:

— Нянька, иди сюда-то!

Вот ена подошла. Она и указывает:

— Гляди-ко, нянюшка, глаза-то какие у них вдоль лица и зубы, как жалезные.

— Как бы нам идти?

— А вот как: я буду проситься до ветру, а ты выведешь меня — в то время и уйдем.

Ну, маленько посидели — эта девцёноцька и запросилась до ветру, а они не отпушшают этой девки идти с ней.

— Што вы, — говорит, — отпустите! Пришшимите мне хоть сарафан в дверях, никуда я не уйду.

Вот оне взяли выпустили, пришшимимши подол в дверях, а она сицясь лямки скинула с плечь, робенка на плечи и давай бежать. Прибегает к байне — видит: один гонитсы за ней — догоняет, а она сейцясь в байну. Вбежала в байну и говорит:

— Господин хозяин, оборони от напрасной смерти!

Сама скокнула на полкок. Вот в то время хозяин байны выскоцил из-под полка драться с парнем. Дрались, дрались — потом спел певун. Эти оба пропали, а ена в это время стала и домой ушла.

Утром схватились других девок мужики — никого домой нету. Направились туды; пришли на беседу, а там только косьё и волосья — больше ницево нету.

Зап. от А. Е. Серогоровой в дер. Тимохино Мишутинской вол. Белозерского у. Белозерского края в 1908 г. Б. М. и Ю. М. Соколовы. — Сказки и песни Белозерского края. 1915. № 64. С. 112—113.

❖ V ❖

Водная стихия и крестьянский быт

5.1. Человек нарушает этикет взаимоотношений с водой/водоемом

192. Нельзя из рук пить

...Случилось так. Пошел [Сергей] воды пить. А мужики-то со стороны говорят:
— Сергей, не ходи ты воды пить.

А он по-матерному на три буквы.

Нельзя было руками пить. А он еще наклонился, да еще и выругался. Встал — и его вообще..., никуда. И вот до сих пор, вот уже четырнадцать лет, вот в углу и лежит. Вот не знаю, есть ли там, нет ли что.

А он на три буквы послал:

— А катитесь вы все...

Надо не руками пить. С бересты делают ковшичек такой. И этим ковшичком, если нету кружки, то этим местом надо.

Зап. от А. П. Березиной в с. Ялгубе Заозерского с/с Прионежского р-на Карелии в июле 1977 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 136. № 66; Фонотека. 2524/12. 2-я дор.

193. В ручью напилась

А то вот был случай. Я с брюхом была. Ходила дрова рубить, в ручью напилась. Пью и думаю: «Тут я пью, — а одна». Напилась — да и заболела, дрожь взяла, закололо меня всю. А потом прощаться стала с этим местом:

— Вот ведь, не с мудрости, не с хитрости, а со своей глупости...

Я ведь грамотна, на ликбезе училась, читать умею, а писать — нет. «Я стениста, а не силіста». Корпус у меня не сильней. Ведь сама езжу дак.

Зап. от П. И. Федосеевой в с. Нюхче Нюхотского с/с Беломорского р-на Карелии в июне 1972 г. А. П. Разумова. — НА КарНЦ РАН. 131. № 97в.

194. Пи́ла из ручья

Одна женщина работала в поле на сенокосе. Жарко было — и пошла она попить из ручья. Нет чтобы взять ковшик или миску какую-нибудь, дак она наклонилась к ручью и стала пить.

А в воде что-то брызгалось. Она пьет — а к ней прямо на язык идет рыба и тыкается прямо в язык.

С тех пор женщина все болела. Нельзя никогда оставаться в том месте, где в воде что-то привидится.

Этот случай был в Мельниках.

Зап. от А. Д. Нажиевой в дер. Ведлозеро Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 10 июля 1986 г. А. Лодыгина, В. Леонова (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 231.

195. Вода спит

В колодце, скажут, поздно вечером воду не берут, вода спит. И на реку поздно вечером не ходят, не полощут. Скажут:

— Что ты, не ходи ты, ради Бога, полоскаться, вода спит. Испугаешься, покажется кто.

Зап. в дер. Суре Пинежского р-на Архангельской обл. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. 1996. № 398. С. 105.

196. «Чтобы вам полоскать платья?..»

У нас этта родники есть. Мы иногда берем [из них] воду, воду берем. А я и говорю своей невестке:

— Анна, вы беретё воду, а неладно будё.

Эдак проговорила, а она:

— Да будто тут чего!..

Она раз взяла, другой взяла.

[И вижу сон.] А и вроде будто платье стираю, да мне идти надо в роднике пополоскать, а старичок вышел в маленьком балахоне, по-прежнему [по-старинному], и говорит:

— Ты чего, я для вас [разве] открыл родники, чтобы вам полоскать платья, да вода брать?

Я, вишь, ему говорю:

— Ой, да что-то мы тебя (знаешь ведь мы)... Я в ванну кладу [платья] да наполощу-наполощу, да еще снова, а не пойду [на родники].

Так старика отвела во снах.

Зап. от У. М. Олюшкиной в с. Колодозеро Пудожского р-на Карелии в июне 1969 г. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. — НА КарНЦ РАН. 23. № 161а; Фонотека. 1431/10а.

197. «Не мути воду в моем озере»

Это произошло лет пять тому назад с Терешкиным, проживающим в Верховье. В Урозере вода чистая, прозрачная, и проживающая в ней сила не любит, чтоб ее мутили. А места около этого озера красивые, лес да скалы, полянки красивые.

Вот и задумал Терешкин воспользоваться красотами этого берега, решил он выехать на хуторок на берегу этого озера. Снял он землю, начал строиться. Только снится ему, что пришел он на озеро за водой или с бельем, уж не помнит он, а из воды-то и слышит он голос человеческий, осматривается кругом — никого это нет, а голос-то говорит:

— Не ходи жить на мое озеро, не мути воды в нем, вода в моем озере чистая, и никто ее до тебя еще не пачкал, так не тронь и ты.

Не обратил внимания Терешкин на этот сон.

Прошло мало ли, много ли времени, Терешкин строится, думает о том, что скоро выедет на хуторок. Но однажды снится ему вдруться такой же сон.

Привиделось ему, что его жена помой в озеро вынесла вылила, а он и слышит, что тот же голос говорит, что:

— Уйди, не мути мою воду.

После этого подумывать начал Терешкин, ехать ему на озеро жить, аль нет, а сам избу-то достроил; ну, конечно, достроил — так и поехал на озеро жить.

Приехал устроился, и легли они в первую ночь на новом месте спать. Только снится ему снова, что приходит к нему тень да и говорит тем же голосом:

— Уйди, — говорит, — с озера, не живи тут, а то мне придется убить тебя.

Терешкин проснулся даже, и от испуга не оправился один, разбудил жену, рассказал ей все. И порешили они выехать с хутора, чтоб не было худа. Так и остался пустовать этот дом на берегу Урозера.

Зап. от Н. Амеликиной в с. Шуе Петрозаводского р-на Карелии в 1929 г. К. Н. Обухова. — НА КарНЦ РАН. Разр. 6. Оп. 1. № 22. Л. 19—21.

198. «После заката купаться не надоть»

Вот раньше вот на том бывало берёгу. Значит, этого, пошли после заката купаться ребята. Ну и, значит, мать одному и говорит, что:

— Не ходите не купайтесь. После заката купаться не надоть.

А они не послушали. Раз скупнулись, второй скупнулись, а потом в отдаленности, так вперед их, с длинными-длинными волосами показалось, как человек. И оно как в человека, как, например, Тамара или Володя. Ну вот, они растерялись и стали кричать, и с воды вышли. И действительно, этот с волосами утерялся.

Зап. от П. Н. Синцовой в дер. Кевасалме Куганаволокского с/с Пудожского р-на Карелии в июле 1974 г. Е. И. Русакова, В. П. Суховой (Кузнецова). — НА КарНЦ РАН. 73. № 281; Фонотека. 2151/9. 1-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 16. С. 26.

199. «Не смей купаться!»

Перед войной... В бане были. Попарился — и пошел купаться [отец].

А из воды женщина три раза прыгнула.

— Не смей купаться!..

И всё тут — началась война германска.

Зап. от Н. Ф. Травешовой в дер. Суйсарь Заозерского с/с Прионежского р-на Карелии 14 июля 1980 г. Л. Пецевич, Т. Фильберт и др. (рук. С. М. Лойтер). — НА КарНЦ РАН. 158. № 138. То же: № 207в.

200. «Купаться будешь — можот похитить»

Водяные показывают[ся], водой плещутся и голову чошут в виде человека. Купаться будешь — можот похитить, поймает и никак не отботаться.

Живут в реках и озерах. Недели Ильинской опасаются, говорят, что оне боле [похищают].

Зап. от К. М. Клементьева в дер. Кузелевской Шенкурского у. Архангельской губ. в 1916 г. П. Г. Богатырёв. — Богатырёв. 1916. VI. С. 53—54.

201. Водяник захватит!

Были в молодости. Нас было, девчонок, человек десять. Ну, стараемся в одно время купаться, вот. Вот берег был длинный такой, песочный. Ну, и накупаемся. А нас страшали всё родители:

— Мол, пойдете купаться, да не долгайтесь. А долго будете купаться, то вас водяник захватит и утянет в воду. Ну, и такая присказка еще была:

Водя-водя-водяник,
Захвати-ко за парик,
Водя рюмку пьет,
За девчонками идет.

Ну, и друг друга начнем пугать. И правда, страшновато станет, вот. Да мы к берегу и убежим, вот, больше купаться не купаемся, боимся.

Зап. от Е. И. Кузнецовой в г. Пудожe Пудожского р-на Карелии 22 июня 1969 г. Н. А. Криничная, Т. А. Коски. — НА КарНЦ РАН. 23. № 505; Фонотека. 1449/8.

202. «А вдруг он нас поймат...»

Девчонкой была. Купались. А там у нас берег такой мелкий, только потом туда обрыв. А там не так далеко камень большой. Купаемся — водяника боимся: «А вдруг он нас поймат...» Как глянем, а на камению будто бы человек. Волосы длинные, распущены до самой воды. Волосы по всему, только одна личность видна.

Да мы бежать! Да бежим-бежим да еще подбежим... Ужась! После того долго не купались. Боялись.

Зап. от Е. И. Кузнецовой в г. Пудожe Пудожского р-на Карелии 20 июня 1969 г. Н. А. Криничная, Т. А. Коски. — НА КарНЦ РАН. 23. № 503.

203. «А то вздумает пошутить»

Всяко может покажется (водяной): женщиной чошут голову, собакой — я так собакой видал, — рыбой может казаться.

Ночью-то страшно купаться, а то водяной вздумает пошутить.

Зап. от И. А. Коптяева в дер. Заберезовской Шахановской вол. (Кодеме) Шенкурского у. Архангельской губ. в 1916 г. П. Г. Богатырёв. — Богатырёв. 1916. VI. С. 54.

204. Я купался

А то был случай такой. Вот Витька Прохоров... здесь бабушка баню нажила рядом, старуха. Эта бабушка посылает все его за водой.

— Витька, иди за водой, да Витька, иди за водой!

— Да не пойду, мама, ты сама ладно сходишь.

— Вот беда-то, никак Витьку не могу за водой отправить.

Витька приходит. Я говорю:

— Витя, что же ты матери воды-то не принесешь?

— Да не скажу чего.

— Да чего ты не скажешь-то?

Ну, не говорит. Я к этому парню пристала (там у них теперь новый дом выстроен). Пришел он выпивши. Я говорю:

— Скажи, Витя, чего ты за водой не идешь. Что тебе тяжело? Или страшно? Чего?

— Да нет не скажу никому, никогда.

— Ну как же не скажешь, Расскажи!

Он говорит:

— А вот, тета Оля, я пошел за водой, я купался, выскочил и побежал на гору. А меня кто-то ловил в воды-то, ловил, но я успел выскочить. Бежал-бежал, оглянулся — а за мной бежит человек, волосы вот до этих мест, — говорит, — бежит. А я, — говорит, — во двор забежал, да так и упал. Больше ничего не помню. А с тех пор я воды боюсь и к воды не подойду. Меня мама посылает за водой, а я не хочу идти потому, что воды боюсь. Давай буду черпать воду, а мне опять покажется.

Ну вот, потом эта бабушка пришла ко мне, она ходила посидеть. Я ей и говорю:

— Васильевна, ты говоришь, что Витька воды не носит, а вот такой случай...

— А-а, Оля, никогда ведь мне не говорил, никогда не сказывал.

Потом что они с им сделали? Не знаю, она все знала: на испуг, на все на это. Так вот парень мне это и рассказал. А мне вот эта старуха не рассказала слова-то.

Вот мама моя знала много быличек.

Зап. от О. Т. Соболевой в с. Нюхче Нюхотского с/с Беломорского р-на Карелии в июне 1972 г. А. П. Разумова, Т. А. Коски. — НА КарНЦ РАН. 131. № 44; Фонотека. 1668/21. 2-я дор.

205. Разделся да прыгнул

Говорят, тут недавно в Каргополе, двадцать лет парню с девочкой, выехал на Онегу, на реку, покататься в лодке да задумал раздеться да из лодки прыгнуть искупаться. Она в лодке осталась, ведь он прыгнул даже и руки не показал. Он там, наверно, гош водяному был. Не благословясь, да не перекрестясь, так бухаются с краю, ничего не думают. А девочка осталась сидеть, а его неделю искали.

Рыбаки-то ловят на озере, дак обращаются тоже к водяному. Есть в одной молитве к Господу Богу, тако берут в корман с собой, обращаются, шобы дал погоду хорошу.

Зап. в с. Тихманьге Каргопольского р-на Архангельской обл. в 1994 г. — Левкиевская. 2001. С. 439.

206. Искупался в ручье

Косили сено. Покос одной семьи был большой, и по нему тек ручей. Работали два сына и старик. Жарко было, пить охота. Дед и пошел купаться. Ему молодые говорят:

— Куда ты пошел? Мы вот молодые, а работаем и не идем купаться.

А дед все же не слушается. Только подошел к воде, а в воде что-то брызнулось, и вода была белая. И старик заболел.

Его домой привезли на лошадях. И с тех пор дед сошел с ума. Он стал предсказывать будущее, а ему никто не верил.

Это было еще при царе, тогда были сумасшедшие дома — его туда и отправили.

Зап. от А. Д. Нажиевой в дер. Ведлозеро Ведлозерского с/с Пряжинского р-на Карелии 10 июля 1986 г. А. Лодыгина, В. Леонова (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 232.

207. Не стали купаться...

Мы видали водяного: он плавал здесь, в речке. Смотрим в окошко, и все видим на виду: вот плывет человек, руками гребет и голова, еще и ногами перебирает, а следа не видно. И подбежали потом, и подбежали все к берегу, видят, на людях дело: плавает, двумя руками гребет-гребет-гребет. И выплыл туда, к середине озера, и далеко поплыл. Потом скрылся.

И после в этом месте не стали купаться никак. Пекарихи раньше купались, с пекарни, и не стали купаться. Правда, так устало. Приезжая была така здоровая пекариха. Как выскочит — да в воду. А потом больше не пошла в воду.

На людях все видели, как плыл, ну. Лежит человек кверху, руками так, ну, как гребут руками. И больше не стали купаться. И мы не раз видели. Видно далеко было — и водяной. И никто в тот год в воду не попал.

[Соб.: А может, кто-нибудь из приезжих?] Никого, никого не было, никого не было, никого не было. Просто так не знаю, кто плыл — не было никого. Речка видна с моста, вот она на виду. Своими глазами все видела — так страшно.

И больше в воду не пошла, сроду пока не хожу, сохрани Господи, как стокарюешь, так буде ухне.

Зап. от М. В. Савиной в с. Колодозере Колодозерского с/с Пудожского р-на Карелии 10 июня 1969 г. Н. А. Криничная. — НА КарНЦ РАН. 23. № 320; Фонотека. 1440/22.

208. «У нас водушка хороша...»

Жители деревни Павловиц Петрозаводского уезда Кондопожской волости боятся похулить свое озеро.

— Попей, — говорят, — да похули, вряд ли жив будешь.

Они не терпят и того, если кто другой будет хаять воду в их озере. Скажи только «у вас водишко худое, воденко мутное, грязное, да в бубырках», — они тысячу раз будут повторять:

— У нас водушка хороша, у нас водушко хорошее.

Зап. в дер. Павловской Кондопожской вол. Петрозаводского у. Олонецкой губ. Е. В. Барсов. — Барсов. 1874. С. 89.

209. Воду обругала

Шла однажды женщина по деревне. Проходила она как раз по тому месту, где речка течет. Споткнулась она и нехорошо воду обругала.

Стала она после этого сильно болеть. Старые люди посоветовали ей сходить к знахарю в соседнюю деревню. Он мог по нательному кресту распознать, какая у человека болезнь приключилась.

Пришла женщина к знахарю, посмотрел тот на крест и сказал, что болезнь эта от воды приключилась. Обругала женщина однажды воду — вот и болеет. Посоветовал знахарь сходить на то место, где споткнулась эта женщина, и сказать какие-то слова, т. е. извиниться перед водой.

Выполнила она все, что знахарь говорил, и с тех пор не болеет.

Зап. в дер. Малое Борисово Бабаевского р-на Вологодской обл. в 1979 г. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. 1996. № 400. С. 105.

210. Чистый родник

Возвращались из лесу муж с женой. Наклонились у ручья, чистого родника, чтобы напиться. Женщина оступилась:

— Чтoб черт тебя побрал.

Пришли домой — все лицо у ней в прыщах. Муж пошел ночью к ручью. Что он там делал — неизвестно. Только на следующий день лицо у женщины было чистым, как раньше.

Зап. от М. С. Маркова в дер. Ведлозеро Пряжинского р-на Карелии 11 июля 1986 г. Е. Азоркина, Е. Ильина (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 178. № 172.

211. Изругался и плюнул

У нас был случай такой, что на тони (отсюда километров за пятнадцать...) тоня есть, Ольховка. И там рыбак один ловил рыбу в озере. И вот он сеток наставил. И день ходит — ничего нету, и второй ходит — ничего нету. На третий день пришел там, изругался и плюнул.

И вот пришел домой и зажаловался, что:

— Болею и болею.

И слег, и всё. Что болит? Он не знает, что болит. Ну вот и болел-болел... Потом жена так и пошла.

— Что делать, — говорит, — пойду к старушке схожу. Она знает все!

Ну и пошла она к старушке там. Там как знахарка, что ли. Ну она и рассказала ей все. И старушка сходила воды взяла с реки: направила воду. И пришла, говорит:

— Вот тебе вода направлена, пойди его помой или что ли. Пусть умывается этой водой!

А жена-то пришла домой, и вот вечер-то наступил. Она повалилась, легла спать. И у него было два ягнечка стояло в стаечке. Дома. И вот она только заснула... Сон-то: и вдруг открывается-открывается дверь. Из двери входят русалки. В дверях появились! И сказали ей:

— Не направляй воду, он на наш свадебный стол плюнул!

И вот утром она встала. А оба ягненка — а у обоих ноги выдернуты. Обеи мертвые тут. Ноги выдернуло.

А дальше ничего. Да, и он умер.

— Не направляй, — говорят, — он на наш свадебный стол плюнул!

И ничего сделать было нельзя!

Вот нехорошие Ольховские озера! Говорят, русалки там. А плевать вообще нельзя. Нельзя, нельзя, ни в какую воду! И ругаться нельзя!

Зап. от А. Н. Абросимовой в с. Кузомень Терского р-на Мурманской обл. в 1987 г. М. Н. Власова. — Власова. 2004. № 30. С. 364.

212. Не ругайся!

Бредешь в реки — ничего ругаться нельзя и нельзя обдумывать. Где-нибудь упал, скажи: «Господи благослови!» И вставай.

Камни в реке, дно, черны. А нельзя обдумывать! И на болоте. И на море не ругайся. Хорошо — снесет. А если не снесет — сразу придет, болеть будешь. Кого-нибудь обдумать, и придет к нему!

Если заболел, надо ходить в это место прощаться до трех раз. Прощаться и что-нибудь туда положить. Плохо, если плюнешь в воду, на землю. Или ругаешься. А меж собой можно ругаться. Это воздушна ругань.

Воду нельзя вечером будить. После шести часов воду нельзя тревожить. Вода спит.

Зап. от Г. А. Устинова в с. Пялище Терского р-на Мурманской обл. в 1983 г. М. Н. Власова. — Власова. 2004. № 33. С. 365.

213. А как-то раз выругался...

Помнится, люди сказывали, что капитан тутока жил. Да, видно, чем-то не приглянулся он водяному: как тот в море пойдет, тот всё волны на него насылает. А как-то раз выругался тот (капитан) на него, дак тот водяной судно-то его и опрокинул.

Больше того мужика никто не видел.

Зап. от А. И. Суслоновой в с. Сумпосаде Сумского с/с Беломорского р-на Карелии в 1982 г. М. А. Тихонов, Е. А. Вашко, И. В. Береснева (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 155. № 142г.

214. И никаких танцев

Когда идешь вот, видишь воду или ручеек ли — вот такое место сырое, дак уж всегда надо подумать про себя, что: «Господи благослови!»

Вот мы ехали на доре и там танцевали. Музыка была и танцевали. И вот приехала я на пароход. Стали выгружать — и на меня свалилось шесть ящиков говядины. На ногу. И сломила я ногу.

Вот тут-то я и подумала, что на воде, конечно, надо прощаться. И нельзя на ней ничего... производить никаких танцев. А просто ей прощать, и все. За все доброе. И просить прощения.

Зап. от А. Н. Абросимовой в с. Кузомень Терского р-на Мурманской обл. в 1987 г. М. Н. Власова. — Власова. 2004. № 32. С. 364—365.

215. Больше ничего и не уловить

Тут Ольховские озера есть, между Чаваньгой и Кузоменью. Ходят туда ловить кумжу, сига, форель, окуньков... Так пока не знает никто — ловят, а как проговорятся кому мужики, ну хоть кому, похвастанутся, — так больше ничего и не уловить! Все сетки спутает и разбросает, новые выбросит на берег.

Зап. от М. М. Кожина в с. Чаваньге Терского р-на Мурманской обл. в декабре 1961 г. Д. М. Балашов. — НА КарНЦ РАН. 39. № 38; Сказки Терского берега Белого моря. 1970. № 117(3). С. 356.

216. «Не влезат...»

Это у нас было так. Такие озера были. Если вот в это озеро пошел, значит, ты не говори никому, что ты в это озеро пошел. Вот у нас Сумозеро неприкосно вроде считали. Поедьяешь, ловишь — и всё в порядке. А это озера там в Пёртозеро, в Пóлозеро, два вот этих озера, как пойдешь, если сказал кому-ни, что:

— Куда?

— В Пóлозеро.

Сходишь и не наудишь. Да.

Как удишь в Полозере, дак не говори, что:

—Ой-вой-вой, я сколько уж наудил!

А то больше не будет обязательно брать. А вот убирай. Дергай, убирай. Клюет хорошо, убирашь-убираешь-убираешь. А скажешь:

— А больше у меня этта в сумку не влезат!

Всё! Отрезало! И больше не берет. (Все смеются.)

[Соб.: Рассказывали что-либо на рыбной ловле?] Если артелью сходишь, дак кто чего. А вот эти приметы были. А правильно, или нет, шут его знает.

Зап. от И. Н. Ремезова в дер. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на Карелии в 1979 г. Н. Г. Черняева, В. П. Кузнецова. — НА КарНЦ РАН. 141. № 107; Фонотека. 2565/7. 1-я дор.

217. «Не влезат!..»

У нас тут один старичок рассказывал даже так:

Я, говорит, сошел там это рубить одну полянку у озера вот у Пёртозера. Была сетка у меня, говорит, метров двенадцать. Я, говорит, спустил, думаю, вечером чтобы на другой день у меня рыба была уже, попадет сколько-ни. Стал, говорит, тащить вечером уже — полна сетка рыбы! Плотва, говорит, така крупна. У меня, говорит, сумочка такая маленькая была под боком. Я, говорит, складывал-складывал, говорит: «Ну, больше, — говорит, — не влезат. Ну, тут возьми-то, больше у меня, — говорит, — и не влезло!»

А остатки, сетка-то еще половину надо вытянуть. Как только сказал, говорит, «не влезло». — Сам, один, говорит, был, а подумал, говорит, просто. Дак остатки тащу, рыбы полно, дак тут у меня с рук и выскакивает! С рук и выскакивает! Дак вся с сетки рыба вышла! (Все хохочут.)

Дак я говорю:

— Ты ведь, конечно, врешь!

А старик был этот, Александр Фредериктович (Шура-то вот знает), он такой справедливый старик был, просто куда! И говорил так. Не знаю, правда, не правда? И так, говорит, сумочку эту наложил, и тым попользовался, остальная вся ушла.

Зап. от И. Н. Ремезова в дер. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на Карелии в 1979 г. Н. Г. Черняева, В. П. Кузнецова. — НА КарНЦ РАН. 141. № 108; Фонотека. 2565/8. 1-я дор.

218. Похваляться — худое дело

Вот еще такой случай я вам расскажу. Мы рыбачили. Вот наши мужики-рыбаки и послали (мы тогда еще были в колхозе)... :

— Женки, идите быстрее, вытяните мерёжи, здесь сельди попадают, и сейчас же поедem бегом, нам там сельдей попадет. Вот нас (две женщины) и посылают нас тянуть мерёжи. А они пешают, чтобы селедка попала. А у нас одна там была шиженска, такая бойкúха-бойкúха, Клава Быкова. Я говорю:

— Не знаю, не найти так быстро мерёжи. Ведь нечего хвастаться, я не люблю, — я говорю. — Александр, так быстро нам мерёжи не найти, я не запомнила, может, в снегу, я не поеду.

А она (Клава Быкова) говорит:

— А поедem, я умею попасть, сейчас вытянем.

Вот мы и поехали. Коня гнали-гнали, своих мерёж прогнали-проехали и не увидели, где свои мерёжи. Она говорит:

— Поедem еще туда.

А я ей:

— Клава! Мы ведь проехали мерёжи, нас мужики всех приматюхают.

Ехали-ехали, а она и говорит:

— Нюрка, вроде бы здесь мерёжа была, а нету мерёжи. Где мы будем искать теперь? Нас мужики всех изругают.

Я говорю:

— Слушай, Клава, пойдем-ка вернемся, ведь здесь мерёжа.

А она:

— Нет, впереди!

Мы опять коня гнали-гнали по-ейному, а вот она похвалилась, и мы не можем мерёжи найти. Мы обратно коня щелканули, приехали — и мерёжа тутаку. Взяли вытянули мерёжу быстрее.

Мужики говорят:

— Почему вы поздно едете, ведь мерёжа недалёко.

Я говорю:

— Мы проехали. Клава меня поперечила, мы проехали мерёжу, обратно вернулись, тут как тут мерёжа. Видишь, похвалиться-то...

Похваляться — это худое дело. Слово — хуже стрелы. А лучше говорить, что «не умею делать» или «не сделаешь», оно скорее получится.

Зап. от А. Ф. Павловой в с. Шижне Беломорского р-на Карелии в июне 1970 г. А. П. Разумова, Т. А. Коски. — НА КарНЦ РАН. 129. № 3; Фонотека. 1481/2.

5.2. На рыбном промысле

219. Лодка с клеском

Известно, что в иных приходах деревни отстоят от церквей довольно далеко. Поэтому набожные крестьяне, чтобы не опоздать к службе, уходят на погост еще с вечера.

Однажды крестьянин какой-то подобной деревни к вечеру Великой субботы отправился на погост к Христовой утрени. По приходе на берег озера, чрез которое ему надлежало идти, увидел он на другом берегу человека с длинными черными волосами и такого же цвета и величины бородою, который что-то таскал кошелем из озера в лодку. По окончании своего дела незнакомец сел на край лодки и начал что-то перебирать.

В это время ударили в колокол к утрени: крестьянин перекрестился, а неизвестный упал с борта лодки и исчез. Любопытство овладело мужиком нашим; ему захотелось знать, что это было — привидение ли, или что иное, и он пошел к тому месту, где видел незнакомца.

По приходе туда глазам его представилась лодка, наполненная рыбьим клеском. Тут он понял, что это клад, набрал клеска и возвратился с ношей домой.

Спрятав добычу, он пустился обратно с мешком к лодке, чтобы взять и остальное. Но что же? По приходе на место лодки с клеском уже не нашел, а потому и отправился в церковь.

Возвратившись домой, он развернул свою ношу и увидел, что из принесенного им клеска образовалось серебро, так что крестьянин из бедняка сделался богачом.

Рассказывают, что чернобородый незнакомец каждогодно в Великую субботу ужасно кричит и жалуется на похитителя его богатств и грозит ему местию, отчего нечаянный богач в продолжение своей жизни никогда не осмеливался подходить к озеру.

Зап. в Пудожском у. Олонецкой губ. К. Петров. — Русский дневник. 1859. № 93; Петров. 1860. С. 6—7.

220. Лодка с клеском

Один крестьянин в Пудожском уезде отправился к Светлой заутрене на погост с вечера в субботу. Идти ему надо было мимо озера. Идет он берегом и видит: на другом берегу человек таскает что-то кошелем из воды в лодку. Ударили в колокол на погосте — и человек вдруг пропал.

Крестьянин обошел озеро, подошел к лодке и видит, что она полна рыбьим клеском. «Не клад ли?» — подумал мужик; набрал клеску полные карманы и воротился домой.

Дома он опорожнил карманы, захватил мешок и опять пошел на озеро к тому месту, но лодки уже не было. Тогда мужик пошел к заутрене. Воротился домой из церкви, захотел посмотреть свою находку, а вместо рыбьего клеску — серебро. Мужик разбогател. А тот, что сидел в лодке, каждогодно в Великую субботу кричит и жалуется на свою пропажу и грозит мужику. Мужик с той поры никогда больше не подходил близко к озеру.

Зап. в Олонецкой губ. Н. Е. Ончуков. — Северные сказки. 1908. № 230. С. 499.

221. «Пуцу к отцу в озеро»

В Петровском правлении есть деревня. Крестьяне зовут ее Монастырем; выстроена она на берегу озера, имеющего в окружности версты две.

Рассказывают, что давно тому мужики этой деревни, неводя рыбу, вытащили из озера сетью ребенка. Ребенок резвился, играл, когда опускали его в воду, и плакал, томился, если вносили его в избу. Мужик-рыболов, поймавший ребенка, сказал ему однажды:

— Слушай, мальчик, больше тебя томить я не буду, пуцу к отцу в озеро. Только послужи и ты мне: я по вечеру расставляю сети, нагони, дружок, в них побольше рыбы.

Ребенок, сидевший на шестке, задрожал, и глазки его засверкали.

Мужик расставил крепкие сети на озере, посадил ребенка в ушат и, вынеся на берег, бросил в воду.

Поутру приходит мужик осматривать сеть — полна рыбы! Мужичок обогатился рыбной ловлей.

Зап. в Шенкурском у. Архангельской губ. А. Харитонов. — Харитонов. 1848. С. 145.

222. «Спустить в воду?»

...Чрез несколько времени тот же самый крестьянин со своими товарищами поехал ловить рыбу. Весь день бедные мужички промучились, но достать ничего не могли. Наконец, под самый вечер, закинули последнюю тоню и, к величайшему изумлению, увидели в матице ребенка, сильно дрожащего от холода. Вытащили лодки; пришли домой; посадили ребенка на печку и начали спрашивать:

— Кто ты и чей?

Но не могли допытаться ни одного слова. Потом сказали:

— Наложить на тебя крест?

— Не, не, не!!!

— Спустить в воду?

— Да, да, да!!!

— А дашь ли нам рыбы?

— Ну, ну, ну!!!

Крестьяне посоветовались-посоветовались, да и положили ребенка на плот, а ребенок и был таков.

Спустя несколько времени те же самые мужики собрались опять на рыбную ловлю. Закинув первую тоню, к удивлению, увидели, что полон невод набит был голиками, грязью и лаптями. Мужики изумились, увидев такое множество всякого хлама. Закинув другой раз, увидели полон невод: налимов, лещей и сигов, которых до того времени не было и в озере. После этого у крестьянина, который уколол щуку и освободил ребенка, завязалась с водяным тесная дружба. Водяной каждую ночь ходил к мужику и говорил, какая будет погода, хорош ли урожай будет и пр. и пр.

Зап. от «одного старика-крестьянина» в Мошинском приходе Каргопольского у. Олонецкой губ. Г. Р—в. — Р—в. 1865. С. 136.

223. И пустили его

Водяного лембоя ловцы в воде доставают. Если клещицей не ткнуто, если в праздник невод не вязан и не починиван, с того неводу он не выйдет.

Раз, говорят, в так называемом Бесовом ручью, где Лачиновский завод, вытащили водяного лембоя. Небольшой недоросточек, волоса пестрые, весь истыкан. И спросили его:

— На гору тебя?

— Не-не.

— В воду?

— Да-да.

И стал он просить и молить:

— На гору не пошто, пустите в воду.

— Если спустим, так будешь ли рыбы давать?

— Буду-буду.

Ловцы сжалились и пустили его в Бесов ручей. После он, ахти, много рыбы давал.

Зап. в Заонежье Е. В. Барсов. — Барсов. 1874. С. 90.

224. «Спустить обратно в воду...»

Случилось очень давно тому назад, что детище водяника попало в невод. «Что так грузен невод», — недоумевают мужики, таща сети на берег. Вытащили... и что же? В сетях оказался сын водяника, такой маленький, рыженький...

Одни из крестьян кричат:

— На берег его, мол, следует выкинуть!

(Кричат по-карельски) и указывают при этом руками на гору. А водяник, понимая, какую шутку хотят шутить с ним крестьяне, только твердит:

— Нет, нет, нет...

Иные же, более благоразумные из крестьян, советуют спустить его обратно в воду и машут руками по направлению к озеру. На их советы водяник только и частит:

— Да, да, да...

(По-карельски, вишь, не умел он.)

Решили крестьяне большинством голосов:

— Пустить сына водяника обратно в озеро.

Спустили, и на другой день одному из рыбаков приснился сон:

— Счастливы, — говорит сам водяник во сне, — счастливы, что отпустили сына моего на волю, в воду, а не то иначе бы всех вас уморил с голоду: ни рыбки, ни малька я больше не дал бы вам ни в сети, ни в невод.

Зап. «от старых людей» в с. Святозеро Петрозаводского у. Олонецкой губ. Н. Лесков. — Лесков. 1893. С. 417.

225. Пойманный водяной чертенок

Это события сотня лет назад в нашей волосте. Бродили рыб в реке и потом выбрыли чертенка малинкыва. Притащили этыва чертенка домой. Такой малинькой. Посадили на шесток, дали ему ись. Он по-своему и начал:

— Ни вилела татка, ни вилела мамка: «Не ходи, Фока, на сарай». Нет, Фока пошел на сарай.

А потом взяли да опять в воду; нырнул да и столько было. Это было в версте с три в Занине. Это молва, а было ли это на самом деле, я тоже не могу определить. Молва-то ходит.

Зап. от К. М. Клементьева в дер. Кузелевской Шенкурского у. Архангельской губ. в 1916 г. П. Г. Богатырёв. — Богатырёв. 1916. II. С. 44—45.

226. И в воду спустил

...В одно время они (рыбаки) наниматься к хозяину пришли, потому что им всем четверым захотелось узнать и разгадать тайну морскую <...>.

Только рыбаков пугало одно. В шторм и погоды часто там в гонстремских (гольфстримских) водах гибнул народ, да там еще какая-то морская тайна была. На яруса попадали на уды морские [существа] волосатые, страшные, в образе лица человека. Глаза его были большие зеленые, оне у него часто мигали. Сам он был небольшой, полтора метра длиной и один метр толщиной, на середине тела его были на правом и левом боку трёхчетвертые каторы (?) вроде человеческих рук. На этих каторах (?) было вместо пальцев были длинные когти, четверть одну или четыре вершка. Конец его задницы был такой же, как его голова. У этой задницы тоже были такие же две каторы, такой же длиной и с такими же когтями, как на туловище, у катор его. Его зелены глаза всегда были веселы, и рот его часто открывался, и что-то этот зверь говорил, но понять его было невозможно <...>.

Рыбой уже были чердаки заполнены все <...>. В это время что-то большое черное шло. Когда мы подтянули, на уде висел весь волосатый зверек. Он весело смотрел на нас на обоих, только глазами мигал и что-то ртом своим говорил. Я достал много балок и поднес к его самому рту. Он в это время рот свой раскрыл, балки все у нас проглотил. Я по голове погладил его, он свою голову набок склонил. Зверек в это время рот свой открыл. Он в это время на меня печально глядел. Но я понял, что зверек был очень голодный. Я взял мелкими кусками жирной рыбы, нарезал и стал ему в рот подавать. Он с большим аппетитом куски рыбы жевал. Желудок был полный его. Он сейчас на меня с любовью смотрел. Я взял форшен срезал, и уду вытянул прочь, и его в воду спустил. Он в воде головою своей в мою сторону кувырнулся в воде и потом под водою скрылся совсем.

<...> рыбаки увидели Игнатия, что у них полна шнека рыбы. Оне говорили, что у Игнатия в этот раз тряска (треска) очень хороша. Погодьё стояло очень хорошее. Игнатий это время урывал, чтобы лишний раз на море съездить. Он в каждый раз все в голомя ездил. Другие рыбаки в голомя ездить не смели. Оне боялись, что погода падет и оне могут погибнуть на море, потому что ихна посуда небольшая была, и оне могут погубить сами себя. Между тем Игнатий поехал уже десятый вы-

езд сейчас. Он в каждый раз кормил этих зверьков, потому что зверьки ярус его охраняли всегда. Много пригрудной рыбе акулы было. Акула могла ярус его весь перепортить, но он не боялся. Игнатий видел, что зверьки за его доброту в промысле ему помогают <...>.

— Ложитесь все отдыхать, и я тоже повалюсь отдохнуть. Погода эта скоро стихнет совсем.

И оне все повалились и скоро уснули. Во снах им всем показался старик, он был весь волосатый. Он тихонько сказал — Игнатий со вниманием слушал его. Хотя некоторые слова его были ему не понятны, старик несколько раз их повторял. Игнатий понял весь разговор. Старик говорил:

— Я вам спасибо сейчас говорю за моих малышей, это мои внучата все, у них умерла мать, оне остались сейчас сиротами. Вы моих внучат спасли, я в это время находился в отлучке. Вы их кормили все время максой и рыбой морской. Вы приучили их к пище этой морской. Оне сейчас привыкли и питаются мелкой рыбой сами сейчас. Но мы за то вас никогда не забудем. В эту погоду вас мы спасем, потом тихо будет стоять неделю одну. Вы только успеете съездить два раза. Больше не ездите. Если вы меня не послушаете, тогда вы утонете все.

После этих слов старик скрылся от них. Игнатий и все остальные сразу проснулись. Оне вышли все из заборниц своих и увидели, как на волнах старик и малые его малыши в волнах кувыркались. После этого лайву несло, и волна вся рассыпалась. Ихна посудина на симке стояла спокойно.

<...> — Не поезжайте на море никто, потому что будет погода снова большая. И кто на море поедет, тот погибнет на море в эту большую погоду.

<...> Рыбаки долго жалели, что не ездили вместе с Игнатием на море. И [узнали], что в голомени не было никакого чудовища, только были внучата морского одного старика. Поветерь была хороша. Днем бежали, на ночь в становище стояли. Благополучно все вернулись домой. О морских чудовищах все время сейчас вспоминали, о глупышах тоже...

Зап. от Ф. Н. Свиньина в с. Сумпосаде Сумского с/с Беломорского р-на Карелии в 1937 г. Е. П. Родина. — НА КарНЦ РАН. 32. № 173.

227. «Я тебя в воду спущу»

Водяник да старец спорили. Водяник скажа:

— Я тебе задачу задам, тебе хватит на́ век.

А он (старец) говорит:

— Нет, я задам тебе задачу, дак тебе хватит на век, а я дак сработаю в один день.

А вот я тебе дам задачу: из озера в озеро воду выносить, из ламбины в ламбину решетом выносить. Дак тебе и детям хватит.

— А нет, — говорит, — я выношу в месяц.

— Ну, а ты мне какое задание дашь?

— А какое? А вот будешь рыбу ловить, — водяник старцу говорит, — тебе попадет водяник в озере (а водяник сам и есть). А знаешь, куды он захоцца жить?

Он и поехал рыбу ловить. Тоню вытянул — в матице и водяник. Старец говорит:

— Куды тебе, водяник? На гору?

— Не-не.

— А в воду?

— Да-да.

Волосы распущены большие, эки цёрны, и руки и ноги есть.

— Там, — говорит, — у нас дети и население. У меня дети налажены с погонялками, так в невод они рыбу загоняют. А кому не захоцем дать, так в день только на уху наловит. А кому захоцем, да по вкусу нам, тому тыщи пудов.

А старец говорит:

— Вы нынь куда, в воду пойдете?

— Да, — говорит, — в воду. Я водяной житель.

— Ну, — говорит, — с тым я тебя в воду спущу, что ты мне сто пудов рыбы дашь.

Как старик стал, в воду спустил, он (водяник) голову сдвинул, в воды стоит:

— Старец, — говорит, — ты от меня ни одной рыбки не получишь.

А он говорит:

— Ну, так я тебя изловлю, на горы жить будешь.

А он говорит:

— Нет, раз ты меня изловил, а боле не изловишь. Руку и ногу закладу, что ты не изловишь. А ты не получишь боле рыбки.

Потом этот водяник ушел. Старик со старухой пошли рыбу ловить — на уху не наловили.

— Да, — говорит, — правда водяник сказал. Ну, что бы нам сделать?

На другой день пошли ловить — рыбы не дает, и самого не изловили. Потом пошли со стареньким суседом.

— Вот, — говорит, — ловили, да водяник попался. Я говорю: «На гору?» А он: «Не-не-не». — «А на воду?», — дак: «Да-да-да». Посулил рыбы сто пудов, а теперь ни одной рыбки нет.

А старик говорит:

— А вот, — говорит, — что сделайте. Он, — говорит, — смолы боится, дак сходите в лес нарубите смольняку, накурь, разожги (огонь зажги) — и смола и потечет, да сети напитаи. Потом пойдите ловить, дак он в сети и попадется.

Вот они накурили взяли всю сеть выкурили. Поехали — ловили-ловили, ничего. Потом под вечер водяник попал и двое детей водяниковы. Ну, старицок его и признал. Они признались оба. Видит, что тот водяной.

— Ну, — говорит, — дорогой товарищ, не исполнил задания, я тебя убью и детей убью.

Ну, он молился-молился:

— МЕНЯ, — ГОВОРИТ, — УБИВАЙ, ДАК ДЕТЕЙ НЕ УБИВАЙ.

Ну, он убил его, а детей в воду спустил.

Зап. от М. С. Парамоновой в пос. Сороке (Беломорске) Беломорского р-на Карелии 9 июля 1938 г. Ленсу и Хайкина. — НА КарНЦ РАН. 29. № 126.

228. «Спустите меня в воду»

Мама рассказывала моя. Вот у их был невод. Она жила, сама вот с Ножового, а у их отец всё ловили рыбу, сигов да лососей в реке. Дак, говорит, было водяника детенок принесен домой. А вот попал детенок водяника в невод. Дак она рассказывала, принесли, а раньше печки были не эдаки, а на избу дым шел, черные печки были. Принесли, говорит, его. А я дородная была, говорит. Принесли, посадили его на ошошчек. Как стали брать невод, дак она говорит:

— Ой, не берите Пашу с воды. Мама, папа будут по Паше плакать. (Пашей звали.) Вот буде плакать мама, папа, не берите, спустите меня в воду, папа, мама будут вам рыбу давать.

А, говорит, мы... Отец, говорит, матин отец, взял принес домой, посадил на ошошчек. И вот така девушка небольшая, говорит, как человек. Ни шерсти, ничего, только одни волосы длинные и всё. И, говорит, посадили на ошосточек. Она села на ошосточек — народ, говорит, ходит любитесь, она сидит плачет:

— Ой, спустите Пашу в воду. Буде папа, мама плакать.

А, говорит, они сутки держали дома ее. Есть и пить она не берет ничего, токо плачет сидит. Вот плакала-плакала, потом говорит:

— Спустите меня в воду. Папа, мама меня ищут. Спустите — вас будут благодарить и вам будут рыбу давать.

А, говорит, отец спрашивает:

— Ты, наверно, манишь, — говорит.

— Не маню. Дайте мне, — говорит, — шолку (?), — разговаривает по-человечьи хорошо. — И бумаги. Я, — говорит, — вам напишу, — говорит, — распиш дам.

Ей дали шолку (?), она взяла с пальца крови достала, на бумажке написала, что папа, мама будут вам давать рыбу. И ён понес. Понес, говорит, — она радуется. Даже захватила его обняла, целует.

— Понес меня на реку, понес!

Токо до воды, говорит, донесли (а мы вси вослед бежим, ну, ребятам любопытно, бежат)... Токо до воды допустил, говорит, она токо в воду ногами встала:

— Спасибо, — ответила.

И вода забурлила, ушла сразу.

И потом отец пришел, пообедал, позавтракал, говорит, и на рыбалку поехали. И того дня, говорит, нам этих... сигов полный невод напихало. Сигов да лососей да... И тот весь год с рыбой жили, говорит, мы. Но, выполнила обещанье.

Мать рассказывала нам. Сначала раньше «нету водяника». «Нет, — говорит, — есть водяник». Я тоже видала. Молода тоже была. Я рассказывала, женщину-то с волосами видала.

Зап. от П. В. Мановой в дер. Якушевой Каршевского с/с Пудожского р-на Карелии в июне 1975 г. Т. И. Сенькина, В. П. Суховой (Кузнецова). — НА КарНЦ РАН. 82. № 225; Фонотека. 2207/17. 2-я дор.

229. Отпустили его

А тут водяника тоже долго не бывало. Вытаскивают неводом-то. Говорят:

— Тебя, — говорят, — в воду?

— Да-да-да-да.

— На гору?

— Не-не-не-не.

— В воду?

— Ну-ну-ну-ну-ну.

— На гору?

— Не-не-не-не-не.

Отпустили его. Вытащили на песок там, на берег.

Зап. от Е. Д. Егоровой в дер. Куганаволоке Пудожского р-на Карелии в июле 1974 г. М. Нигметова, О. Устинская. — НА КарНЦ РАН. 73. № 228; Фонотека. 2148. 2-я дор. См.: Памятники русского фольклора Водлозерья. 1997. № 15. С. 25—26.

230. Спустили в воду

Раз ловили рыбу. Раз, знаешь, попадает маленький водяничок: это русалка такая. Спрашиваю:

— На зень ли тебя?

— Не-не, не-не-не!

— В воду ли тебя?

— Да-да, да-да-да!

Спустили в воду.

... Это правда было.

[Соб.: Это ваш дед?] Рассказывал.

Зап. от А. А. Медведева в с. Шуньге Медвежьегорского р-на Карелии в июле 1982 г. Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен. — НА КарНЦ РАН. 147. № 69; Фонотека. 2720/1. 1-я дор.

231. И обратно спустили

А раньше тоже там, в Нёлгомозере, давным-давно. Дак невод тянули, тоже невод тянули. В невод попала женщина. Как стали невод тянуть, она:

— Не-не-не...

А как пустят назад, она:

— Да-да-да...

И обратно спустили.

Озеро стали называть Акконъярви, а по-русски — Женское озеро.

Зап. от А. И. Захаровой в с. Кончезеро Кондопожского р-на Карелии в июле 1980 г. студенты ПГУ (рук. Т. И. Сенькина). — НА КарНЦ РАН. 150. № 159.

232. «Лучше в воду!..»

Раз пологом рыбу ловили.

— Смотри, тяжело.

Вытянули, а там чертят.

Жонки говорят:

— Куда девать будем?

А те кричат:

— Лучше в воду, лучше в воду!

А чертовка, мать их, в воды плачет, воеет и потом говорит:

— Я вам много рыбы дам, как отпустите.

Они полог вытряхнули, река-то так и раздвоилась. А потом много рыбы вытянули, и ну домой скорее.

Зап. в Городце на Пинеге, в Архангельской обл. в 1985 г. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. 1996. № 263. С. 71.

233. На Дедовом озере

У нас есть озеро за станцией, мы с Серафимой ходили на Дедово озеро, оно совсем глухое. Шли с дорожкой, Серафима забросила дорожку, а она и застряла, ни в какую. Она кричит:

— Дедушка, не могу.

А он:

— Тащи-тащи, щука здоровая попала!

А она нажала — да как вздрызнет, наизмёт и перевернулся, такой с волосами. Так у нее все и екнуло.

Надо так рыбу ловить: если пошла, так чтобы никто не знал. А если узнают, никакой рыбы не будет.

Зап. от О. Т. Соболевой в с. Нюхче Нюхотского с/с Беломорского р-на Карелии в июне 1970 г. А. П. Разумова, Н. А. Лавонен. — НА КарНЦ РАН. 129. № 51; Фонотека. 1487/5.

234. «Хозяин» Дедова озера

Чужой разговор, слышала, а может, наврешь дак! Вот есть у нас этта Дедово озеро, за станцией. Дедово озеро называется. Шла моя мама с дорожкой. Она прошла с дорожкой, а сзади ее шла племянница, Серафима, и кричит:

— Ой, ой, дейнушка, удочку зацепило, — говорит. — Кто-то, — говорит, — леску захватил! Зацепило, — говорит, — не могу вырвать.

Ну вот, мамка вернулась, потащили эту леску. Как эта леска выдернулась — и перевернулся водяной. Просто, говорит, перевернулся — с волосами, и голова, и всё е, показалось. Так, говорит, стало жутко, так едва от озера отошли.

И рыбу он не дает. Если идти на это озеро, так чтобы никто не знал. А если кто знат, так не получить ни одной молёвинки. А так рыбно озеро, есть рыба. Теперь вот Кононов рыбачит. Только надо уходить, чтобы никто не знал, тогда поймаешь, а если так, кто если знат, то не попадет. [Соб.: Так это водяной не дает?] Ну, не попадет ни одна молёвина.

Зап. от О. Т. Соболевой в с. Нюхче Нюхотского с/с Беломорского р-на Карелии в июне 1972 г. А. П. Разумова, Т. А. Коски. — НА КарНЦ РАН. 131. № 43; Фонотека. 1668/20. 2-я дор.

235. «Я какое чудо-то видел!»

В незапамятные времена какой-то мужик нашей волости, деревни не упомяну, пред Ильиным днем ездил лучить рыбу. Приехав на Лузи (так называется верховье реки Моши, вытекающей из Николаевского озера), он увидел огромной величины щуку, которая не допускала его на одну сажень до себя. Бедный мужичок, промучившись всю ночь, приехал домой с пустыми руками. Выехал он и в другую ночь, но повторилось то же самое. Наконец, в третью ночь приехал он на вышеозначенное место и нашел щуку спящую. Мужик, обрадовавшись такому счастью, вонзил свою острогу в ее хребет и хотел было поднять в лодку. Но щука, почувствовав боль, рванулась с такою силою, что едва не опрокинула лодки, и вырвала у бедного мужика из рук острогу. «Не водяной ли тут был?» — подумал про себя мужик и возвратился домой без остроги. Потом поужинал, лег спать и начал своей старухе рассказывать свои видения.

— Старуха! Я какое чудо-то видел! Когда я приехал на Лузи в первой раз, дак увидел большущую щуку, да только не мог убить, оттого што она меня на сажень до себя не допускала. Так и по другую ночь. Потом, как я приехал сегодня и увидел, што она спит, я подъехал к ней почти што к самой и воткнул в нее острогу, а она проснулась да вырвала у меня и острогу, да немного и самого-то меня, еретица, не опружила.

— Не ладно, старик, сделал, — сказала старуха, — уж не водяного ли ты уколол-то, старик!

— Да я и сам так думаю, старуха. И теперь волосы стоят дыбом.

Не успел еще мужик кончить разговор, как застудалось у ворот и заговорило:
— Старик! Вынь из щуки острогу, а не то худо тебе от меня будет.

Мужик помертвел и не знал, на что решиться. Наконец решил исполнить приказание тайного голоса: одел армяк, пришел на берег, сел в лодку и приехал к тому месту, где щука вырвала у него из рук острогу. Мужик, увидев щуку, перекрестился и вынул острогу, а щука тут же и пропала. Крестьянин возвратился домой едва жив. После того миляга был долго не здоров.

Зап. от «одного старика-крестьянина» в Мошинском приходе Каргопольского у. Олонецкой губ. Г. Р—в. — Р—в. 1865. С. 136.

236. «Вот те и развяжу, вот те и совью...»

— А что, ребята, развяжу?

Засыпающий с усилием приподымает отяжелевшие веки, взглядывает по направлению звуков и видит, что пред ним стоит в сером кафтане невзрачный, с ничтожно-клинообразной бородкой, мужичок. Но сон одолевает...

— Иди развязывай.

<...> вдруг громкий голос:

— Ребята, совью.

Рыбак отвечает:

— А иди ты, вей, только отвяжись.

Они встают и... спешат к своим лодкам. Но каково их удивление. В лодках нет мутника. В одной из лодок находят они несколько клубков ниток — то мутник. Чудесное превращение! Хлопнув безнадежно руками, рыбаки отправились домой.

— Вот те и развяжу, вот те и совью, — сказал в раздумье один из рыбаков. — Хозяин не дозволяет, значит, ловить в его озере рыбу.

После этого случая никто никогда не осмеливался идти ловить рыбу к этому озеру.

Зап. в Олонецкой губ. М. Д. Георгиевский. — Георгиевский. 1901. С. 2.

237. «Развяжу ли — завяжу ли я!»

У нас вот, примерно сказать, был вот такой случай. Семгу ловили на тоне. И вот сейчас эта тоня у нас есь, Кривцова называется. И вот, значит, на этой тони промыслили семгу. Но боялись сидеть, что пугала невидима сила. И вот, примерно вечером тонщик закрывает там двери, окна как можно пораньше, потом вот трубу закрывает, и всё это благословесь, одним словом, с молитвой. Да, и вот были случаи, что не благословесь закроешь окно или дверь, то, значит, обязательно не-

видима сила вытолкнет ставень. И вот когда благословесь закроешь, то тогда все оставалось запертым.

И вот когда на покой повалятся, тоншшики, то слышат человеческой голос. И вот, значит, приходит человек и крычит под окном:

— Развежу ли, развежу ли!

И настолько он надоест тоншшику этими словами, что тоншшик не может утерпеть, чтобы ему не ответить, и скажет:

— Развежи ты, черт с тобой.

А ему («человеку») этого и надо. И вот, значит (тогда обычно у нас семгу ловили неводами, завесок не было), и утром стаёт тоншшик, приходит на вешало и видит: невод весь розвязанный, и смотано всё предено на мотки, и мотки повешены на вешала.

Этому верить перестали в революцию. Но есь и сечас некоторые старики еще верят этому. И вот, когда на следующий вечер (днем никаких явлений не видно), значит, опять все закрыто, как принято было, благословесь. И опять тот же голос самой крычит под окном, значит:

— Завежу ли, завежу ли!

И опять хозяин не может утерпеть и крычит:

— Завежи ты, черт с тобой!

И утром стаёт, приходит на вешало. Невод по-старому связан и, как был, повешен на место.

Зап. от С. Н. Лодейкина в с. Ковде Кандалакшского р-на Мурманской обл. в июле 1933 г. А. Н. Нечаев. — НА КарНЦ РАН. 25. № 18.

238. «Развяжу ли — завяжу ли я!»

Вот еще, сидели на тони, сальничек горит, и вот пришло под окошком закричало:

— Развяжу-у ли я!

— А развяжи! — со смехом говорят, не знают кто.

И все стихло. А утром пришли — и весь невод развязан и на клубочки свито, как предено. Вот беда-то! И ехать надо невод метать, а все на клубочки свито.

Ну вот, день-от проходит, а на другой вечер сели так, горюют: нать невод вязать, а скоро ли свяжешь! И опять под окошко пришло:

— Завяжу-у ли я?

— А завяжи, батюшка, завяжи-завяжи!

На другой день встали, пришли — невод по-старому вёснет, все как на вёшалах было у них, так и есть.

Зап. от И. А. Кожинной в с. Чаванье Терского р-на Мурманской обл. в декабре 1961 г. Д. М. Балашов. — НА КарНЦ РАН. 39. № 38м; Сказки Терского берега Белого моря. 1970. № 122. С. 360.

239. Удачная ловля

Кто из мужиков занимается черным делом, тому на Мурмане попадаетсЯ дорогая и крупная рыба, например, палтусы, треска и др. И вообще, постоянно удачная ловля не обходится без нечистой силы.

Если мужик, знающийсЯ с чертями, рассердится на кого, то у бедняги вместо рыбы будут попадать одни березовые голики (веники).

Зап. в Поморье А. С. Южанин. — Южанин. 1910. С. 3.

240. Договор с водяной русалкой

...А было, изволите ли видеть, вот какое дело <...>. Годов этак сто тому назад жили в Кузомени купцы Заборщиковы, нынешних варзужских купцов прародители. Не было у них удачи в ловe, сколько лет выбиться не могли. А потом вдруг разбогатели. И с того же времени начали из деревни люди пропадать: то девчонка исчезнет, то старуха. И никак не могли понять рыбаки, что такое происходит.

Что же, как бы вы думали, оказалось? Оказалось, что купцы Заборщиковы ради своих уловов договор заключили с нечистой силой, с водяной русалкой в реке, что они будут ей живое мясо поставлять, а она к ним — рыбу в сети загонять <...>.

Может, и сказка.

Зап. на Терском берегу в Мурманской обл. Н. П. Колпакова. — Колпакова. 1937. С. 96.

241. Отданная голова

— А вы в Пялицах были?

— Нет.

— Бабушка, расскажи ему!

— Ну, чего рассказывать, как у плетню... Нынче и народу того уже нет...

— Так вот в Пялицы было тоже, сказывать-то неохота. Сидели на тони, ловили будто летом старик со старухой, и ребенок у них был, внучка. А у них в сети семга заскакала, заторбалась, они и поехали невод оттянуть, семгу посмотреть, а ночью дело было. Ребяенок у них один и остался спящий. Ну вот. А старуха эта будто боится.

— Ну, оставайся, дитятко, бог с тобой.

Ушли. Ну, а вернулись — и ребенка и нету. Ну тут и хватъ, инде хватъ, и нету ребенка. Ну и в Пялицах у них была знающа, вроде колдунья, зналась с этой нечистой силой. Ну, к этой и пошли, к знахарке этой, в деревне. Там в деревне и отец был, старику и старухе сын, а девке-то этой как будто и отец. Ну, и отца взяли с собой. И знахарка эта сказала, что где искать. Ну вот, они по-сказанному как будто и пошли, всема побежали. Ну и ходят, и видят — им знахарка сказала:

— Увидите, как kloцok белеет на болоте — и берите.

Ребенок был в одной рубашке, спящий. Ну, увидели и побежали. Отец как будто был молодой да бойкой, и побежал. Прибежал, захватил ребенка и назад. Так туды-то бежал, болото-то летом как сухо, а обратно побежал, так болото-то волной, так волной и ходит. Только знахарка сказала уж: «Что ни будет — бежи, не овёртывайся да не остаивайся». Он так и сделал, как велено. Бежали-бежали, да прямо на тоню прибежали, сели в карбас и в деревню поехали.

А в деревню-то едут, а этот за кормой идет, нечистая сила, как зверь какой будто тóрбается, идет... Они уж гребут, из сил выбиваются. Приехали в реку — и он все вслед, по морю-то шел, и в реку, из реки-то в руцёй зашел. А в руцёю-то там с кем-то задрались там, с другим, так всю воду там смутили-смутили, в руцёю-то уродовали, дрались, так три дня в руцёю вода глиной текла. И из руцёя в байну зашел, и байну зауродовал — каменку разворочал. Уж ему ребенок-то был отдан, жалко ему ребенка.

Так в деревне как вечер, так заходит, засвистит, окол байны-то, да окол руцёя-то. А после знахарка-то эта тоже зауговаривала, заувещевала — и скрылся.

Так после эта старуха девку эту в монастырь возила, молебен служила там, а после [девка] в Мурманске замужем была, а теперь старухой в Пялицы вернулась, там живет.

А это оттого произошло, что [с их тони] голова была отдана: до них кто на тони сидел, как будто колдун, так отдал голову того, на другой год кто сидеть будет, чтобы семга [ему] хорошо попадала. Ну, а большого взять не могут, так ребенка взяли.

А эта старушка-то, колдовка, была здешня чаваньска, Яшке Кожневу тетка родна, так она знала это дело [умела колдовать]. Они с Ниловой уж ни молодыми ли девчонками научились. Так она рассказывала:

— Я с иконой на пожню приду, а они уж косят ей [мне], беси. Я в летнюю пору по чулку свяжу, а они мне косят, — говорит.

Зап. от И. А. Кожиной в с. Чаванье Терского р-на Мурманской обл. в декабре 1961 г. Д. М. Балашов. — НА КарНЦ РАН. 39. № 38; Сказки Терского берега Белого моря. 1970. № 120. С. 358—359.

5.3. На мельнице

242. На чем поставлена мельница?

Знаются с водяным те, которые ставят мельницу, на чем поставлена мельница. Кто на зерне, кто на скоте. У нас на девятом зерне.

Водяной может подменить человека чуркой.

Зап. от И. А. Коптяева в дер. Заберезовской Шахановской вол. (Кодеме) Шенкурского у. Архангельской губ. в 1916 г. П. Г. Богатырёв. — Богатырёв. 1916. VI. С. 54.

243. Сулит человетью голову

Мельник перво дело суля[и]т голову, чтобы мельница лучше работала, — человетью. Мельник старается, как-нибудь старается, чтобы была водяному человетья голова, чтобы человек под колесо попал и утонул.

Зап. от К. М. Клементьева в дер. Кузелевской Шенкурского у. Архангельской губ. в 1916 г. П. Г. Богатырёв. — Богатырёв. 1916. VI. С. 54.

244. Вот как он в мельницу попал!

Была мельница у нас, на задворке. Муку мололи. Речка была. И у нас там, за нашим домом, была мельница. Еще меня не было, да еще папа мой был мальчишком таким небольшим.

И вот там... Васильем звали (моему-то отцу дядя будет этот Андрей, дак был Василий, брат), и вот как он в мельницу попал! Там молол он ночью муку-то. И пришли — дак он в колеси там заверченный.

Так будто бы, что домовоу запыхал туды вот так, в эту мельницу.

Это мни папа рассказывал тоже дома у нас там, в Таржеполе.

Зап. от Н. А. Филькиной в с. Ладве Прионежского р-на Карелии 23 июля 1975 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 84. №53; Фонотека. 2301/19.

245. Вóпит и вóпит

Случай такой был. Бабинцы назывались, погост, а с километр река тут была впереди. Мельница была на реке как вот я пришла туду на Вырозеро.

Каждый год вот как-то в мельнице этой человек очутится мертвый. Муж заболел, жену тогда отправил, что:

— Иди, — говорит, — да там у меня мельница-то ходит, смелет рожь (рожь мололи), так выключи потом.

Он ждал-ждал, тут. Утро пришло — нету да нету все жены. Приходит, а она мертвая.

Так всё боялись, как мимо этой мельницы пойдуть. И все равно там вóпит и вóпит, слышно ноить и ноить. Вот така беда была.

Зап. от А. М. Кирьяновой в с. Ламбасручье Медвежьегорского р-на Карелии в июне 1980 г. В. П. Кузнецова, А. Т. Пакконен. — НА КарНЦ РАН. 148. № 11; Фонотека. 2653/7. 1-я дор.

246. Плотиноу не прорвет

Бабушка рассказывала, что когда строили мост у озера, ну, у Пертозера (оно появилось, когда Кончезеро разделилось), сказали, что надо плотину. Но если плотинной закрыть, то вода будет прорывать ее. Так два раза уже прорывало.

Последний раз привели мужика, старика из Корелы. Он сказал, что пошел договариваться с водяным: он был колдуном. Старик, значит, обещал водяному каждый год утопленника. Если люди будут тонуть, то плотину не прорвет.

С того времени в Пертозере каждый год тонут люди.

Зап. от М. Н. Березкиной в с. Кончезеро Кондопожского р-на Карелии в 1979 г. Т. Л. Силина, Е. В. Тулина, Г. В. Пелдола. — НА КарНЦ РАН. 149. № 25.

247. Размывало, прорывало, уносило...

Не помню, в котором году строить начали, а зачали строить эту электростанцию, сколько трудов заложили, сколько туда положили всего: грунту, камня — и ничего не стояло, все размывало, все прорывало, все уносило. Потом там стали дежурить, на этой электростанции, ночами, дежурят.

Дежурят, а и выходит водяной из-под колеса. Выходит и говорит:

— Не будет стоять электростанция, пока человека не дадите в реку.

Ну, что, Кошелев, начальник был, так не верил. Один раз кто-то дежурил и убежал с электростанции ночью, что [водяной] напугал, говорит:

— Не дадите человека, дак не будет стоять.

Размывало каждый год, все уносило. Потом сам стал дежурить этот Кошелев. Ну и с дежурства не вернулся. Пришли, обнаружили его мертвым, в этой электростанции. Эту электростанцию совсем ликвидировали. Теперь построена другая.

[Соб.: Как называлась электростанция?] Да так и называли «электростанция». [Соб.: А на каком месте?] За Вардегорой, за горой, она называется Вардегора.

Зап. от О. Т. Соболевой в с. Нюхче Беломорского р-на Карелии в июне 1972 г. А. П. Разумова, Т. А. Коски. — НА КарНЦ РАН. 131. №41; Фонотека. 1668/18. 2-я дор.

248. Мельница остановилась

На мельнице тятя был. Мельница ходила работала, вдруг остановилась. Открыли дверь в колесницу — сидит красавица, коса распущена, в воде ноги моет. Они испугались, выбежали. А она им говорит:

— Чего испугались? Вот вымоюсь и уйду.

Вытащила ноги, ушла — и мельница заработала.

Зап. в с. Георгиевском Белозерского р-на Вологодской обл. в 1988 г. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. 1996. № 168. С. 54.

249. В воду сходит

Была на Одине Филимониха, так, говорят, зналась с лешым. Кто попортит (мельницу) — она в воду сходит, и всё поладят.

Мастеру дали в платочек еиц, шанежык, и он ушоў. А пришоў — нет ничиво. Потом не велели налимов бить, где мельницу закладывавал.

Зап. в Шенкурском у. Архангельской губ. в 1916 г. П. Г. Богатырёв. — Богатырёв. 1916. V. С. 53.

250. Ходила в воду

Есть у Ивана мать староверка (мать жива) ходила в воду. Вода отступлеитца, когда мельницу устанавливала.

Трава такая есть «белый кинря»: идет мельница устанавливать.

Зап. от И. А. Коптяева в дер. Забerezовской (Кодеме) Шахановской вол. Шенкурского у. Архангельской губ. в 1916 г. П. Г. Богатырёв. — Богатырёв. 1916. VI. С. 55.

251. «Ой, руку сломал, досадил!..»

Это мой дедко, отца отец... Тут у нас был мукомольный завод. Надо было ему идти на работу берегом. Видит, сидит на плоту человек с длинными волосами.

Дедко мой схватил кирпич — бросил. А этот человек — в воду. Отошел он с полверсты, а этот человек из воды:

— Ой, руку сломал, досадил!..

Пришел он на завод — и в тот же день на заводе ему руку и оторвало. То ли он сам досадил, то ли этот человек сунул руку ему.

Уж это, верно, водяной был.

Зап. от Г. П. Попова в с. Анхимово Вытегорского р-на Вологодской обл. 16 июля 1971 г. Н. А. Криничная, В. И. Пулькин. — НА КарНЦ РАН. 134. № 150.

252. С озера приходил

Ходили рабочие к фурмам, дули, чтобы чугуна жидкого делался. Вот однажды идет Семен Костин и видит деда с бородой высокого роста в сюртуке с лоснучими пуговицами. Дед с озера приходил, его сколько раз видели на мосту: чешет голову с длинными волосами. Весь оброс дед.

Придет на завод дед и командует:

— Работать надо.

Случалось так, засыплешь палашу(?), чуть вздремнул — а дед будит:

— Вставайте. Работать надо.

Вот и завод закрылся. Многие видели, как ходит он по домне, там, — ему жалко, тоскует.

Остался дед этот сторожить завод.

Только я в это не верю, глупости, да и никто теперь не верит.

Зап. от В. А. Сидорова в с. Кончезеро Кондопожского р-на Карелии в 1937 г.
А. Д. Соймонов. — НА КарНЦ РАН. 108. № 11.

НАУЧНЫЙ АППАРАТ

КОММЕНТАРИИ

I. ПЕРВОЗДАННАЯ ВОДНАЯ СТИХИЯ И КОСМОГЕНЕЗ

1.1. Сотворение мира

1. **СОТВОРЕНИЕ МИРА.** Мотивемы: мифические существа показываются в орнитоморфном/антропоморфизированном/христианизированном облике; обнаруживают себя колористическими проявлениями (белый — черный); создают/перевоссоздают мир; создают светлые и темные силы; противостоят друг другу; происхождение духов-«хозяев». Локусы: «окиян-море», дно моря, земля, «ровные места и пустые поля» — «непроходимые пропасти, щилья и высокие горы», лес, вода, дом, баня, двор, рига. Хрононимы: «по досюльному окиян-морю», «поначалу» — «под конец». В севернорусской и — шире — восточнославянской традиции подобный сюжет основывается на дуалистических моделях, посредством которых выражены две изначальные сущности — добро и зло, на их противоборстве и основано мироздание: «Космогония приравняется к войне сил добра с силами зла, стоящими в особой связи с мировыми водами» (Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука, 1988. С. 32).

По мнению исследователей, данный сюжет испытал на себе влияние богомильско-манихейских воззрений. Миф-легенда о сотворении мира двумя противопоставленными и вместе с тем сопряженными друг с другом птицами соотносится с мифом о сотворении мира одной водоплавающей птицей. Так, в карельских рунах Вселенная возникла из разбившегося яйца птицы-демиурга [подробнее см.: Власова (Кундозерова) М. В. Карельский космогонический миф и библейское сказание о сотворении мира: к проблеме типологии сюжетов // Православие в Карелии: Материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов (16—17 октября 2007 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 239—247]. В рассматриваемом мифе-легенде в качестве демиургов изображены водоплавающие птицы — гоголи (из семейства утиных), которые трансформировались не просто в антропоморфизированных, но и христианизированных персонажей — Господа Вседержителя и Сатану. Соответственно один из демиургов, отмеченный белом цветом, творит окультуренную, освоенную часть мироздания, тогда как его антипод/антагонист, маркированный черным цветом, создает неокulturенную часть, непригодную для жизни человека. Борьба природного и культурного переведена здесь в сферу нравственных категорий. Космогонический миф сочетается в данном сюжете с антропогоническим. Господь Вседержитель и Сатана выступают в роли молотобойцев-кузнецов. Причем каждый из них творит своих воинов из камня и огня.

Космогонический мотив контаминируется с мотивом происхождения духов-«хозяев», которые в данном мифе-легенде низведены в ранг нечистой силы, не утратив при этом различий по месту обитания, соотносенному с наименованием каждого из них (см. подробнее: Толстой Н. И. Откуда дьяволы разные? // Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 245—249).

Варианты: № 1—7.

2. **СОТВОРЕНИЕ МИРА.** Мотивемы: мифические существа показываются в орнитоморфном/антропоморфизированном/христианизированном облике; создают мир; создают светлые и темные силы; противостоят друг другу; происхождение духов-«хозяев». Локусы: вода, море, дно морское, небо, земля, реки, озера, болота, горы, камни. Хрононим: сначала. Сюжет определяется «напряженным единством противоположностей», которым лишь и может порождаться энергия (Юнг К. Г. Психология бессознательного / Пер. с нем. М.: АСТ-ЛТД, «Канон+», 1998. С. 34). Полнота осуществления Божьего замысла зависит от испрошения и получения божественного покровительства, которым, однако, соучастник творения, Сатанаил, не пожелал воспользоваться либо воспользовался не в должной мере. В результате, по мнению носителей традиции, испытавших влияние гностицизма, Божий замысел осуществлен не в том виде, в каком он был изначально задуман. Семантикой образов правой и левой руки демиургов определяется качественная (положительная и отрицательная) характеристика сотворяемых ими земель. С правой рукой связано появление земли православных, с левой — земли неверных. Дифференциация земель в данном случае зависит от вероисповедания, преобладающего на той или иной территории.

Как и в предыдущем варианте, Бог и Сатанаил в качестве молотобойцев-кузнецов создают и ангелов и бесов, по сути, из одного и того же материала — из камня. Результат зависит лишь от того, сопровождается ли данное действие просьбой о божественном покровительстве или дело сворачивается без Божьего благословения.

Представления о наличии нескольких небес (здесь: семи), каменных или железных, бытуют у многих народов мира. Причем «четное» небо — это локус Бога с ангелами, тогда как «нечетное» — Сатанаила с бесами. Число и счет служат здесь сакрализованными средствами ориентации и «космизации» вселенной, структурированной в соответствии с дуальными моделями (Топоров В. Н. Числа // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 630—631).

Продолжительность падения бесов на землю, определяемая сорока днями, или шестью неделями, обозначает период, в течение которого осуществляется переход их из одного состояния в другое либо из одного статуса в другой (см. также № 9). По прошествии названного периода каждый из этих персонажей приобретает статус «*guasi modo genitus*», т. е. как бы заново рожденного. И в этом, и в предыдущем (№ 1) варианте космогонический миф контаминируется с мотивом происхождения духов-«хозяев». В рассматриваемом варианте представлена трехъярусная модель мира, нижней частью которой в данном случае является ад, куда попадает Сатана, низверженный Богом с небес.

Варианты: № 1—7.

3. **СОТВОРЕНИЕ МИРА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном/христианизированном облике; мифическое существо показывается в антропоморфном/христианизированном/перевоплощающемся облике; мифические

существа создают мир; создают светлые и темные силы; противостоят друг другу. Локусы: вода, земля, небо, воздух, морское дно, камень, каменная гора; «чудная, прекрасная земля» — «земля холодная, каменистая и нехлебобородная»; восточная сторона — северная сторона. Хрононим: «Было время, когда не было ни земли, ни неба».

В качестве творцов-демиургов выступают Саваоф (в данном случае это как бы эквивалент творца мира) и Сатана (само имя этого персонажа означает «противник, враг»). Прообразом иконы Девы с младенцем, стоящей на камне, который локализован на морском дне, является водяная дева, обычно изображаемая на камне посреди водоема. О семантике троекратного ныряния Сатаны, обернувшегося водоплавающей птицей, см. коммент. № 6. В отличие от варианта № 2, где с образами правой и левой руки связано сотворение разных в качественном отношении земель, в данном варианте эти образы соотносятся с мотивом создания светлых и темных сил (о семантике *правой и левой руки* см.: Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. С. 51). При сотворении же разнородных земель имеет значение та сторона света (в данном случае — восточная или северная), куда эта горсть земли рассеивается. Сотворение земли приравнивается к посеву: всходы — это разрастающееся пространство. Персонификацией противостояния добра и зла в сотворенном мире служит противоборство Михаила Архангела, дублирующего роль Бога, и Сатаны. Мотив низвержения с небес «сатанинской силы» представлен здесь в редуцированном виде.

Варианты: № 1—7.

4. **СОТВОРЕНИЕ МИРА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном/христианизированном облике; мифическое существо показывается в антропоморфном/христианизированном/перевоплощающемся облике; мифические существа создают мир; создают светлые и темные силы; противостоят друг другу. Локусы: откуда-либо, земля, дно морское, «на камени», восток — север, «прекрасная земля» — «холодная, каменистая и непроходимая» земля, рай, небеса, небо, Черное море, «на землю, в тартарары, в озера, в реки и в леса <...> на воздушех». Хрононимы: однажды, в третий раз, шесть недель. Вариант текста № 3. Истоки образов противостоящих друг другу демиургов в какой-то мере обнаруживаются в образах Белобога и Чернобога (см. об этом: Чувьуров А. А. Коми легенда о сотворении мира из архива РЭМ: финно-угорские и восточнославянские параллели // «Уведи меня, дорога»: Сборник статей памяти Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 304). Шесть недель, или сорок дней, — это лиминальный период, в течение которого мифические существа, равно как и само мироздание, переходят из одного состояния в другое.

Варианты: № 1—7.

5. **СОТВОРЕНИЕ МИРА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном/христианизированном облике; мифическое существо показывается в орнитоморфном/антропоморфном/христианизированном облике; мифические существа создают мир; противостоят друг другу. Локусы: вода, земля. Хрононим: сперва. Во всех вариантах данного сюжета вода представлена как первозданная стихия: она была уже до того, как возникли небо и земля. Акт творения земли, предпринятый Господом, представлен как результат Божьего дуновения/дыхания, в конечном счете как одухотворения горсти земли, поднятой из глубин на поверхность вод (о передаче души посредством дыхания см.: Криничная Н. А. Персонажи преданий: Становление

и эволюция образа. Л.: Наука, 1988. С. 67, 125). Творение же земли Сатанилом изображается как следствие выдерживания им горсти земли во рту, тем самым — в слюне, осмысляемой как одно из средоточий жизненной, в том числе и магической, силы (о возможности зарождения чего-то от слюны см.: Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: ГИХЛ, 1940. С. 536). Мотив разделения сотворенной земли между Богом и Сатанилом (причем у Бога оказалась меньшая часть) сформировался под влиянием гностического мировоззрения, в соответствии с которым Бог, задумав сотворить мир, сделал это неправильно. С другой стороны, противопоставление демиургов стимулировано самим наличием в традиции дуалистических моделей, в рамках которых представления о персонифицированных добре и зле укладываются как нельзя лучше.

Космогонический миф сочетается с этиологическим мотивом, в котором смена фаз луны («месяца») осмысляется как череда смертей и возрождений, что служит карой за прегрешения ночного светила. При этом «месяц» противопоставлен «соньцу» по законам бинарной оппозиции.

Варианты: № 1—7.

6. **СОТВОРЕНИЕ МИРА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном/христианизированном облике; мифическое существо показывается в орнитоморфном облике; мифические существа создают мир. Локусы: «везде все вода», дно морское, земля, горы. Хрононим: сначала. Сквозь дуалистический миф в данном варианте отчетливо просвечивает более древний миф о сотворении мира водоплавающей птицей. В дальнейшем птица-демиург стала атрибутом христианизированного персонажа-демиурга, раскрывая его изначальную сущность. Троекратное ныряние на морское дно за землей выражает некую «динамическую целостность» (термин В. Н. Топорова) и фактически сводится к единому действию — добычанию «зачатка» земли из первозданных вод. Мотивы сотворения ровной земли или гор приобретают в данном контексте аксиологическую окраску. Вместе с тем разница в возникновении определенного ландшафта может быть объяснена и продолжительностью воздействия жизненной силы, заключенной в слюне птицы-демиурга (см. также № 5, 7).
Варианты: № 1—7.

7. **СОТВОРЕНИЕ МИРА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном/христианизированном облике; мифическое существо показывается в зооантропоморфном облике; они создают мир; противостоят друг другу. Локусы: земля, горы, бугры, холмы, логи, овраги; небо. Хрононимы: «Когда Господь составлял землю»; «Когда происходила на небе война». В отличие от предыдущих вариантов, в данном тексте роль воды как изначальной стихии в сотворении мира утрачена. Кроме того, Господь и дьявол творят здесь мир порознь: Господу принадлежит создание ровной земли, дьяволу — создание различных неровностей: возвышенностей и впадин. Подобные географические образы приобретают аксиологическую оценку: ровная земля для человека предпочтительней гор и впадин. О семантике мотива происхождения неровной земли см. коммент. № 5—6.

Варианты: № 1—7. См. также: Бурцев. 1910. С. 36—37; Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: В 2-х ч. СПб., 1861. С. 437; Иванов А. И. Верования крестьян Орловской губернии // Этнографическое обозрение. 1900. № 4. С. 69—70; К. Ер. Очерки народного мирозерцания // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 41. Часть неофициальная. С. 3 (Вся статья: № 21. С. 2—3; № 24. С. 2; № 41.

С. 2—3); Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 3. С. 53—55; О том свете и об этом: Рассказы Саратовского Поволжья / Зап. Г. К. Заварицкий // Этнографическое обозрение. 1916. № 1—2. Смесь. С. 67—71; Синий журнал. 1911. № 18; Шапов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия // Шапов А. П. Соч.: В 3-х т. СПб., 1906. Т. 1. С. 37—38, 100—101 и др.

8. **И ВОЛНЫ ПРЕВРАТИЛИСЬ В ГОРЫ.** Мотивема: мифическое существо создает мир/горы. Локусы: вода, небо, каменные горы, «каменья», земля, моря, озера, реки. Хрононим: вначале. Сотворение земли/гор представлено как уплотнение изначальной водной стихии, которая пришла в движение под воздействием ветра/воздуха и проявила себя звуками (шумом), обнаруживая тем самым признаки жизни. Возникновение первозданных гор/земли обусловлено магией слова: Бог громко произнес заклипания («крикнул»), чтобы волны окаменели. И это произошло. Даже в своей вырожденной форме данный мотив соотносится с известным благовествованием апостола Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн. 1. 1).

1.2. Всемирный потоп

9. **ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП.** Мотивемы: мифическое существо разрушает — воссоздает мир; наказывает народ; покровительствует/не покровительствует людям. Локусы: земля, вода, моря, реки. Хрононимы: «Это было, когда народ шел против Бога»; три года; «сорок дней и сорок ночей». Бытующий в фольклорной традиции миф-легенда в известной мере восходит к библейскому мифу о всемирном потопе (Быт. 6—10). А тот, в свою очередь, — к шумерскому мифу, хотя им и не исчерпывается (Евсюков В. В. Мифы о вселенной. С. 33). В этом мифе сконцентрированы древние представления об очередном исчезновении одряхлевшего мира и об очередном его воссоздании из хаоса, в качестве которого осмысляются мировые воды. Символом предстоящего возрождения служит построенный Ноем ковчег. Будучи в народной интерпретации прямоугольным либо квадратным («в тридцать локтей длиною и шестьдесят шириною» — № 9 либо «сорок локтей в ширину и сорок в длину» — № 10) и являясь в данном случае средоточием зародышей всего живого («звери все по парам»), он символизирует прообраз обновленной земли (о символике связанных с ней чисел см.: Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. С. 722—725). Ной, имя которого обозначает «покой, успокоение», — один из патриархов, живших до всемирного потопы. От развращенного человеческого рода Ной отличается своей праведностью и непорочностью: «ходил пред Богом» (Быт. 6. 8—9). Ной предстает как некое звено, которое соединяет прежний мир с новым. С мифом о потопе в рассматриваемом варианте контаминируется космогонический миф, а точнее — его фрагменты: отделение земли от воды, возникновение морей, рек. «Сорок дней и сорок ночей» — это лиминальный период, в течение которого осуществляется переход из одного состояния в другое (см. также текст и коммент. № 2). Данный хрононим имеет соответствие в библейском мифе: «<...> в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; И лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей» (Быт. 7. 12—13). Упоминание о мамонтах — продукт индивидуального творчества рассказчицы.
- Варианты: № 9—11.

10. **ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП.** Мотивемы: мифическое существо разрушает — воссоздает мир; наказывает народ; покровительствует/не покровительствует людям. Локусы: земля, вода, моря. Хрононимы: «Это раньше было, раньше, до всемирного потоп»; «Сорок дней и сорок ночей»; три года. Текст представляет повторную запись одного и того же сюжета от одной и той же исполнительницы. Исчезновение одного (допотопного) поколения и замена его другим (послепотопным) интерпретируется в обоих вариантах (№ 9—10) как Божье наказание за людские прегрешения. Ной представлен рассказчицей в качестве родоначальника обновленного человечества. См. также: Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. Новосибирск: Наука, 1990. № 14. С. 88—92. Согласно же библейской трактовке, Ной — десятый и последний из допотопных патриархов, ведущий свое происхождение по прямой линии от Адама (см. также тексты № 9, 11).

Сюжет о всемирном потопе в данном варианте контаминируется с сюжетом об обильных урожаях, которые были до всемирного потоп, и о людских прегрешениях, побудивших Бога лишить народ прежнего обилия: «В старину незапамятную рожь была не такая, как теперь: снизу солома, а на макушке колосок; тогда от корня до самого верху всё был колос. Раз показалось бабам тяжело жать, и давай они бранить божий хлеб. Одна говорит: „Чтоб ты пропала, окайнная рожь!“ Другая: „Чтоб тебе ни всходу, ни умолоту!“ Третья: „Чтоб тебя, проклятую, сдернуло снизу доверху!“ Господь, разгневанный их неразумным ропотом, забрал колосья и начал истреблять один за другим. Бабы стоят да смотрят. Когда осталось Богу выдернуть последний колос, сухощавый и тщедушный, тогда собаки стали молить, чтобы Господь оставил на их долю сколько-нибудь колоса. Милосердный Господь сжалился над ними и оставил им колос, какой теперь видим» (Там же. С. 14). В контексте рассматриваемого мифа сюжет об обильных урожаях претерпевает трансформацию: греховное отношение людей к хлебу — основная мотивировка всемирного потоп, посланного Богом. В состав данного сюжета входит и антропогонический мотив: «От Ноя пошли люди» (см. также тексты № 9, 11).

Варианты: № 9—11.

11. **ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП.** Мотивемы: мифическое существо разрушает — воссоздает мир; покровительствует/не покровительствует людям; предсказывает будущее. Хрононимы: «сорок дней и сорок ночей»; «две тыщи лет». Локальный вариант текстов № 9—10. Также связан с библейским мифом (Быт. 6—10). О семантике формулы-хрононима см. коммент. № 9. Представления о голубе, который оповестил Ноя об окончании потоп, имеют соответствие в библейской книге «Бытие»: «Потом выпустил [Ной] от себя голубя, чтобы видеть, сошла ли вода с лица земли. Но голубь не нашел места покоя для ног своих, и возвратился к нему в ковчег; ибо вода была еще на поверхности всей земли; и он простер руку свою, и взял его, и принял к себе в ковчег. И помедлил еще семь дней других; и опять выпустил голубя из ковчега. Голубь возвратился к нему в вечернее время; и вот, свежий масличный лист во рту у него; и Ной узнал, что вода сошла с земли. Он помедлил еще семь дней других, и (опять) выпустил голубя; и он уже не возвратился к нему» (Быт. 8. 8—12). О семантике антропогонического мотива см. коммент. № 10. В данном тексте представлен и эсхатологический мотив, связанный с религиозным учением о конечных судьбах мира, о завершении человеческой истории, о «Судном дне» или «конце света». Подобные воззрения как таковые имеют глубокие истоки: вера в периодическое уничтожение и сотворение Вселенной обнаруживается уже в «Атхарваведе» (X. 8, 39—40).
Варианты: № 9—11.

1.3. Затонувшее селение

12. **ЗАТОНУВШЕЕ СЕЛО.** Мотивы: мифическое существо разрушает мир; не покровительствует людям. Локусы: на этом месте, село, озеро, небо, вода, река, земля. Хрононимы: раньше; в неурочный час. Мотив «провалища» может быть связан с селением, которое таким способом избавляется от вражеского осквернения (например, Китеж). В приведенной же версии этот мотив обусловлен прегрешением людей, которые могут очиститься от своей скверны в водной стихии, не утратившей признаков своей первозданности. Мир, символом которого в данном случае является село, одряхлел, исчерпал свои потенциальные возможности, сделался несовершенным. Как утверждает М. Элиаде, «любая форма ослабевает и изнашивается уже потому, что существует как таковая и длится; чтобы снова набраться сил, нужно, чтобы ее снова поглотила бесформенность (аморфность), пусть даже на одно мгновение; заново влиться в изначальное единство (субстанцию), из которого она возникла; иными словами, вернуться в Хаос (в плане космическом)» (Элиаде М. Миф о вечном возвращении // Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Избр. соч. / Пер. с франц. М.: Ладомир, 2000. С. 79). В русском фольклоре связь Ильи Пророка с водой, и прежде всего с дождем, равно как и с громом, молнией, чрезвычайно устойчива. Согласно этимологическим мифам, дождь происходит от того, что Илья, развозя воду по небу для всех святых, расплескивает ее либо поливает небо из чана с водой — и тогда на земле идет дождь (Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Тов-ство Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 485 — Этнографическое Бюро кн. В. Н. Тенишева). Кару же в виде затопления-«провалища» насылает на людей за их прегрешения Господь, как это имеет место и в мифах-легендах о всемирном потопе (см. № 9—11).

1.4. Водяные коровы

13. **ВОДЯНЫЕ КОРОВЫ.** Мотивы: мифические существа показываются в зооморфном облике; мифическое существо показывается в облике природной стихии (озеро); мифическое существо показывается в нулевоморфном/антропоморфном облике; обнаруживает себя акустическими/вербальными проявлениями; обладает чудесным предметом/возвращает этот предмет (либо его часть) себе; вступает в контакт с человеком; человек похищает чудесный предмет/обретает источник изобилия. Локусы: «маленькое круглое озеро», «дна никак нельзя измерить», посередине озера, островок, из воды — в воду, недалеко; ближняя деревня, селение, своя деревня, у ворот, крыльцо. Хрононимы: «в теплые летние ночи», до восхода солнца, через несколько времени, прежде, долго, до сих пор, «в одну темную ночь», на будущее время, на другой же день. Такими признаками, как *маленькое, круглое, бездонное*, наделяются священные озера, подобные легендарному Светлояру, из глубин которого предстоит подняться сокровенному Китежу, чей образ символизирует землю (Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 722—725, 744—745). О ковчеге-земле см. в коммент. № 9. В данном мифологическом рассказе прообразом земли служит островок, расположенный посередине круглого озера. Роль первозданной земли островок разделяет с пасущейся на нем водяной коровой, «чрезвычайно большой и гучной». *Бурый* цвет чудесных коров (см. также тексты № 14, 21, 87) сопоставим с крас-

ным: он символизирует огонь, тепло, жизнь. Причем четыре коровы вполне вписываются в систему координат, обозначающих разные стороны света (Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. С. 53). Черт же, в которого трансформировался «хозяин» водяных коров, устойчиво соотношен с озером. А озеро, в свою очередь, не утратило признаков живого существа: «озеро ужасно взволновалось». Есть в нем и свойства перевозданной водной стихии, заключающей в себе потенцию к творению, которая проявляется в плодovitости и «молочности» коров. Завеса мироздания приоткрывается крестьянину посредством сна до восхода солнца: «<...> сновидение — провозвестник бессознательного <...>, оно должно поведать нам тайны, скрытые от сознания» (Юнг К. Г. Психология бессознательного / Пер. с нем. М.: АСТ-ЛТД, «Канон+», 1998. С. 26). Вместе с тем водяная корова — средоточие обилия. Шкура чудесного животного — совокупность шерстинок, которые, по древним верованиям, способны превратиться в соответствующего вида животных (см.: Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 38, 83).

Варианты: № 13—22.

14. **ВОДЯНЫЕ КОРОВЫ.** Этот вариант, опубликованный в 1908 г. в сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.)», в «Зап. Имп. Русского географического об-ва по отд-нию этнографии» (Т. XXXIII), близок к тексту, опубликованному К. Петровым в 1859 г. в газете «Русский дневник» (№ 93) и в 1860 г. в газете «Олонецкие губернские ведомости» (№ 28. С. 102—103). См. коммент. к предыдущему тексту (№ 13).

Варианты: № 13—22.

15. **ВОДЯНЫЕ КОРОВЫ.** Мотивы: мифические существа обладают чудесным предметом; человек похищает чудесный предмет; обретает источник изобилия. Локусы: из омутов, на берегу реки. Хрононимы: в старину, никогда. Мотив мифической пастьбы чудесных коров приобретает в данном варианте обывовленный характер, переключаясь в сферу хозяйственной деятельности водяных существ. И тем не менее даже в трансформированном варианте водяная корова предстает как средоточие обилия: она «никогда не переводилась и была сытее, круглее и молочнее всех соседских». Вышедшая из глубокой ямы на дне реки или озера (см. также текст № 19), корова связана с нижним миром, о чем свидетельствует ее черная масть (см. также тексты № 17, 22), эквивалентная черным волосам (текст № 21).

Варианты: № 13—22.

16. **ВОДЯНЫЕ КОРОВЫ.** Мотивы: мифические существа показываются в зооморфном облике; мифическое существо показывается в антропоморфном облике; мифическое существо обладает чудесным предметом; наказывает за его похищение; пересоздает мир; чудесный предмет исчезает; человек похищает/не похищает чудесный предмет. Локусы: озеро, самая глубина озера; шалаш, деревня. Хрононимы: однажды, «через несколько времени», «не вдруг, а в продолжение нескольких лет», после. Золотой подойник — сакральный сосуд для молока чудесной коровы, которое осмысляется как средоточие жизненной силы. Подойник с молоком — в известной мере эквивалент водяной коровы. Так, один странник объяснил, почему крестьянам не удалась попытка поймать коров, вышедших из Святого озера: «Они-де стали хватать коров, а надо было прежде взять дойник, который плавал, — тогда поймали бы и ко-

ров» (Шереметев П. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. С. 136—137). Вместе с тем эквивалентом водяной коровы, но уже антропоморфизированным, является и доильщица. Зарастающее озеро символизирует преодоление господства водной стихии и возникновение суши, покрытой травой. Образ «зарощенного» озера — результат обывотленной трансформации мотива сотворения мира, и прежде всего земли. Эту же семантику отчасти разделяет мотив присвоения одной из водяных коров людьми.

Варианты: № 13—22.

17. **ВОДЯНЫЕ КОРОВЫ.** Мотивемы: мифические существа показываются в зооморфном облике; мифическое существо показывается в метонимическом зооантропоморфном облике; обладает чудесным предметом; мифические существа исчезают; человек не похищает чудесный предмет. Локусы: пожня, вода, берег, из воды — в воду. Хрононим: раз. Если в вариантах № 13 и 14 в качестве места появления коров фигурирует остров, то в данном варианте это берег, приравненный к острову в качестве близкого к воде локуса. Упоминание о пожне — знак, что чудесные коровы выходят именно на пастбище. Комолость коров — свидетельство, что они вытеснили других крупных копытных — лосих, также занимающих значительное место в космологических воззрениях. Коровы с лоснящейся шерстью и очень сытые — символ обилия, в них заключенного и от них исходящего. «Кровь с безымянного пальца» — средство подчинения чудесного животного своей воле, поскольку кровь — одно из вместилищ жизненной, в том числе и магической, силы человека (Криничная Н. А. Персонажи преданий: Становление и эволюция образа. С. 66—67 и др.). Колористический маркер «черная» — знак существа из нижнего мира. Рука шерстистая осмысляется как средоточие продуцирующей силы (о семантике *шерстинок* см. коммент. № 13).

Варианты: № 13—22.

18. **ВОДЯНЫЕ КОРОВЫ.** Мотивемы: мифическое(-ие) существо(-а) показывается в зооморфном облике; показывается в облике природной стихии; обнаруживает себя колористическими проявлениями; обнаруживает себя динамическими проявлениями; обнаруживает продуцирующую силу; человек похищает чудесный предмет/обретает источник изобилия. Локусы: озеро, странствующий коч, берег, половина (середина) озера, свое место. Хрононим: некогда. «Странствующий коч» (островок) связан с представлениями о творении первоначальной земли (см. коммент. № 43), которая еще не заняла устойчивого места в мироздании. Она то двигается к сакральному центру («до половины озера»), то снова возвращается «к своему месту». Эта первородная земля еще окончательно не выступила из воды, однако она и не тонет. Коровы, чья множественность сводится к единичности, локализованы на этом коче, символизируя зооморфные истоки первородной земли. В данном варианте это *пестрые* коровы: их пестрота символизирует многообразие человеческого бытия, началом которого они являются.

Варианты: № 13—22.

19. **ВОДЯНЫЕ КОРОВЫ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в нулевоморфном облике; обнаруживает себя акустическими проявлениями; перемещается с места на место; вступает в контакт с человеком; одаривает его (расплачивается с ним); обладает чудесным предметом; наказывает человека; человек похищает чудесный предмет. Локусы: озеро, берег; деревня, окошко. Хрононимы: ночь, «перед свет»

(перед рассветом), до лета, не одну ночь, лет двадцать тому назад. Мотив контактов «чёрта», т. е. негативно переосмысленного водяного, с человеком служит экспозицией к основному сюжету. Как в и тексте № 15, вышедшую на берег водяную корову мужик «ухватывает» с помощью иконы — атрибута христианской обрядности, действенного в отношении мифических сил. Так называемый «черт» некогда сам был коровой, чем и объясняется их устойчивая соотнесенность. Мифологический мотив отнятия у посевов плодородия в данном случае вытеснен его рационализированным эквивалентом: в наказание за похищение коровы «черт» уносит весь горох с полосы похитителя.

Варианты: № 13—22.

20. **ВОДЯНОЕ СТАДО.** Мотивемы: мифические существа показываются в зооморфном облике; мгновенно исчезают; мифическое существо совершает магическое действие (расчесывает волосы). Локусы: на берегу озера, омут, в воду, на камне. Хрононим: прежде. Омут, представляющий собой глубокую яму на дне реки/озера, осмысляется как вход в нижний мир (см. также № 15). «Лешачиха» — обобщенное наименование всех духов-«хозяев». Обычно же в этой роли представлена русалка/водяница (иногда водяной). Сидя на камне, осмысляемом как первоначальная земля, этот женский персонаж посредством магии расчесывания волос творит бытие — см. коммент. № 44, 67. Варианты: № 13—22.

- 20а. **ВОДЯНОЕ СТАДО.** Мотивемы: мифические существа показываются в зооморфном облике; мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обладает чудесным предметом; совершает магическое действие (расчесывает волосы); человек похищает чудесный предмет; находит средство избавления от мифического существа. Локусы: камень, берег, озеро, со стороны озера. Хрононимы: однажды, ночью. О волосах как средоточии магической силы и о расчесывании волос как магическом действе, влияющем на универсум, см.: Криничная Н. А. Водное божество: магия расчесывания волос как предпосылка к сотворению бытия (по севернорусским фольклорно-этнографическим материалам) // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 137—152. Лишившись волос, «водяниха-девка» сделалась «совсем бессильною». Для похищения мифических водяных коров местный житель использует «образ Егорья Чудотворца», т. е. икону Георгия Победоносца, осмысляемого в народных верованиях в качестве покровителя домашнего скота. «Благословенный круг», которым очерчивается водяное стадо, предотвращает его исчезновение в глубинах озера, на берегах которого это стадо паслось.

Варианты: № 13—22.

21. **ВОДЯНЫЕ СТАДА.** Мотивемы: мифическое существо обладает чудесным предметом; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: луга; изба. Хрононим: ночью. Рассматриваемый сюжет в данном случае представлен в обытовленной редуцированной версии. Контаминируется с поверьем: утопленник навсегда остается во власти водяных духов.

Варианты: № 13—22.

22. **ВОДЯНОЕ СТАДО.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обладает чудесным предметом; чудесный предмет исчезает; мифическое существо исчезает. Локусы: река, мельница-мукомольня, вода. Хрононимы: год назад, очень скоро, «чрез несколько минут». Соотнесенность появления водяного стада с мельницей-мукомольней, образ которой семантически связан с пред-

ставлениями о колесе судьбы (см. коммент. № 244, 248), символизирует акт творения. О семантике *бурой* шерсти см. коммент. № 13, о семантике *черной* шерсти/волос см. коммент. № 15. О символике *длинных* волос см. коммент. № 62—66 и др.

Варианты: № 13—22а.

- 22а. ВОДЯНОЕ СТАДО.** Мотивемы: мифические существа показываются в зооморфном облике; мифическое существо показывается в неопределенном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; обладает чудесным предметом; наказывает человека (за нарушение запрета); чудесный предмет исчезает; человек похищает чудесный предмет; не находит средства избавления от мифического существа. Локусы: «подле озера»; у деревни, под окно, хлев, ворота, на улицу. Хрономимы: «а было еще очень рано, только что заря занималась», ночью — днем, ночью, на другую ночь, на третью ночь, наутро. Чистые, сытые, красивые коровы и необычайных размеров бык, пасущиеся «подле берега», служат источником жизненной силы, земного благоденствия и обилия. Не случайно эти коровы «не такие, как у всех», а от быка, который остался у мужика, «завелся», т. е. произошел, «славный скот». Вышедшие из озера мифические животные, будучи изначально персонажами-субъектами, со временем превратились в атрибуты «водяного дедушки», обнаруживая, помимо признаков появления изначальной земли, его былую зооморфную природу.

Варианты: № 13—22а. Другие варианты этого сюжета см. в изданиях: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Под ред. Н. Харузина. М.: А. Левенсон, 1890. Вып. 2: Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. С. 120 (Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 69. Вып. 1. Труды этнографического отдела. Кн. XI); Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. С. 128; Осокин С. М. Народный быт в Северо-Восточной России: Записки о Малмыжском уезде // Современник. 1856. Т. 59. № 11. С. 19; Рыбацкие песни и сказы / Запись текстов, статьи, примеч., словарь и указатели Р. С. Липец. М., 1950. С. 182—183. См.: Мифологические рассказы русских крестьян XIX—XX вв. / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М. Н. Власовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. № 30. С. 177. Коммент. С. 699—700.

Известно, что мифологические рассказы о копытных животных: быке, коне, баране, козле, — периодически выходящих из водных глубин, бытуют и у других славянских (и не только славянских) народов. Согласно изысканиям Л. Раденковича, у балканских славян до сих пор сохранились представления об обитании этих животных в стоячих водоемах: в озере, пруде, более крупных источниках. Водяной бык изображается сильным, с большими рогами черного (реже белого) цвета, у его же аналога из Бычьего озера рога золотые. Мифические копытные животные выходят из водоемов обычно летом. У сербов бытовало поверье, что такой бык своим ревом или самим появлением может возвестить о переменах, которые произойдут в природе или социуме (Раденкович Л. Водяной бык в преданиях балканских славян // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 439—446).

В нашей подборке текстов имеется единственный вариант, в котором вместо водяной коровы (иногда водяного быка или коня) изображается черная водяная собака, скрывающаяся при приближении человека в озеро (Верования великоруссов

Шенкурского уезда: (Из летней экскурсии 1916 г.) / Собр. и зап. П. Г. Богатырёв // Этнографическое обозрение. 1916. № 3—4. С. 45).

II. ПЕРЕУСТРОЙСТВО МИРОЗДАНИЯ

2.1. Соперничество рек

- 23. ПОЧЕМУ СВИРЬ УШЛА В НЕВО-ОЗЕРО?** Мотивемы: мифическое существо показывается в зооморфном облике/в облике природной стихии; мифическое существо показывается в зооморфном облике; мифические существа противостоят друг другу; переустраивают мироздание. Локусы: река, озеро, лес, дорога, путь, вправо. Хрононимы: ночью, с тех пор. Этиологический миф объясняет происхождение особенностей русла реки Свири и образование определенного ландшафта. В мотиве состязания реки с Волком/волками просвечивает модель состязания между собой двух рек, одна из которых, преодолев свое изначальное (заячье) обличье, предстает уже в виде природной стихии — реки Свири. Однако и в новом облике эта река сохраняет за собой в рудиментах прежние зооморфные признаки: «У Свири-то ноги были быстрее волчьих». Другая же, противостоящая ей, река так и остается в облике волка/волков, или Волка. В данном этиологическом мифе приводится мотивировка поворота реки вправо и впадения ее в Нево-озеро. Такое направление осмысливается как сознательное, целенаправленное действие одушевленного существа.

Варианты: № 23—25.

- 24. СВИРЬ И ВОЛХОВ ДРУГ К ДРУГУ В ГОСТИ ХОДИЛИ...** Мотивемы: мифические существа показываются в облике природных стихий/в антропоморфизированном облике; противостоят друг другу; примиряются между собой; переустраивают мироздание. Локусы: реки, место, полее, далеко, земля, камни, горы, дорога. Хрононимы: «в одно время» — «раньше тремя часами и тремя минутами». Этиологический миф объясняет происхождение особенностей русла реки Волхов. Движение-состязание, в категориях которого осмысливается течение рек, интерпретируется как стимулятор творения, и прежде всего преобразования речного ландшафта, что обусловлено определенными космологическими воззрениями (см. коммент. № 27). В данном случае соперничающие реки в равной степени антропоморфизированы. Их связывают духовные и социальные отношения: реки Свирь и Волхов становятся крестовыми братьями.

Варианты: № 23—25.

- 25. РЕКА СВИРЬ И ВЕТЕР СЕВЕР.** Мотивемы: мифические существа показываются в облике природных стихий (воды и ветра)/в антропоморфизированном облике; противостоят друг другу; переустраивают мироздание. Локусы: река, гора, ручей, плес. Хрононимы: около Благовещения, на несколько дней, последний раз, каждый год. Этиологический миф объясняет причину весеннего высвобождения реки Свирь ото льда. В данном случае друг другу противостоят стихии не водные, а водная и воздушная. Преобразование мироздания осуществляется в результате противоборства и движения обеих природных стихий как проявлений их жизненных потенций. Вода (река Свирь) и воздух (ветер Север) одухотворяются, олицетворяются, персонифицируются.

Варианты: № 23—25.

- 26. РЕКА СУНА И ВОДОПАДЫ ГИРВАС, ПОРПОРОГ, КИВАЧ.** Мотивемы: мифические существа показываются в облике природных стихий/в антропоморфизированном облике; соотносятся друг с другом — противостоят друг другу; преобразуют мироздание. Локусы: реки, «где-то на шведской границе», «колодцы-родники», «вглубь болот, лесов и скал», вдаль, «неведомое море», русло, преграды, скалы, гранитные громады, утесы, [водопады], лес, «глубокая лесная долина». Хрононим: все время. В данном этиологическом мифе объясняются особенности течения рек Суна и Шуя, равно как и происхождение порогов и водопадов Гирвас, Порпорог, Кивач. Названные реки олицетворяются и антропоморфизируются. Имея общие истоки («колодцы-родники»), они находятся в родственных отношениях: Суна и Шуя — сестры. Спокойное или бурное, ровное или порожистое течение рек осмысливается как материализованное проявление их эмоционального состояния, равно как и перемена в этом состоянии, что сказывается на особенностях формирования речного ландшафта, соотносенного с макрокосмом.

Вариант: В лесу. 1903. С. 2.

На основе текста, публикуемого нами под № 26, в 1909 г. было написано стихотворение — см.: Варфоломеева А. Легенда о происхождении северных водопадов Гирваса, Пор-Порога и Кивача (по очерку И. Н. Ковальского) // Олонецкие губернские ведомости. 1909. № 64. Часть неофициальная. С. 2.

- 27. СПОР ВОЛГИ С ВАЗУЗОЙ.** Мотивемы: мифические существа показываются в облике природных стихий/в антропоморфизированном облике; соотносятся друг с другом — противостоят друг другу; преобразуют мироздание. Локусы: [реки], дорога, море Хвалынское (Каспийское). Хрононимы: ночью, весной, до сих пор. Данный этиологический миф основывается на мотиве соперничества рек, известном в различных локальных традициях. Такие рассказы зафиксированы относительно рек: Волги и Камы; Волги, Сожа и Днепра; Днепра и Сожа; Днепра, Волги и Западной Двины; Днепра и Десны; Дона и Шата; Шаги и Красивой Мечи и др. Река, побеждающая в беге-состязании, наделяется в народных верованиях большей жизненной силой и большим воздействием на мироздание (см. также коммент. № 24). Будучи притоком Волги, Вазуза вскрывается раньше нее. В свете мифологических представлений она будит Волгу своим ледоходом (ср. с № 25).

Варианты: Афанасьев. 1994. Т. II. С. 226—229; Боричевский. 1844. С. 183—185; Зеленецкий. 1852. С. 298; Максимов. 1903. С. 238—239; Москвитянин. 1846. № 11—12. С. 154; Москвитянин. 1852. № 19. С. 101—102; Садовников. 1884. С. 383 и др.

2.2. Водяные-картежники

- 28. ВОДЯНЫЕ-КАРТЕЖНИКИ.** Мотивемы: мифические существа соотносятся друг с другом — противостоят друг другу. Локусы: озеро, река. Этиологический миф. Одни варианты этого мифа связаны с Онежским и Куштозерским озерами: последнее расположено на территории Вологодской обл. (ранее: Олонецкой губ.); другие — с озерами Кончезеро и Пертозеро: оба находятся на территории Кондопожского района Карелии. Озеро Пертозеро искусственно создано в 1707 г. на основе речки Мунозерки для нужд Кончезерского металлургического завода, работавшего на озерной руде, — см. коммент. № 246. Озера Онежское и Кончезеро оказываются наиболее могущественными. Катаклизмы постигают водоемы, проигравшие

в азартной игре, приравненной по своей семантике к бросанию жребия. Варианты неоднократно публиковались в течение всего XIX в. Первая из этих публикаций, насколько нам известно, относится к 1839 г.

Варианты: № 28—31.

29. **ВОДЯНЫЕ-КАРТЕЖНИКИ.** Мотивемы: мифические существа показываются в облике природных стихий/в антропоморфизированном облике; соотносятся друг с другом — противостоят друг другу; преобразуют мироздание. Локусы: озеро Куштозеро, Онего, большое пространство. Хрононимы: «завсегда», «почти в каждый раз», «по временам», до тех пор. Этиологический миф объясняет причину периодического исчезновения воды из озера Куштозеро в Вытегорском р-не Вологодской обл. Причем, согласно народной молве, это озеро сообщается с другими озерами и даже с Белым морем (см. об этом: Куликовский Г. И. Зарастающие и периодически исчезающие озера Обонежского края // Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 21—23). В данном смысле Куштозеро сопоставимо с озером Светлояр, также сообщающимся с далекими крупными водоемами и осмысляемым в качестве некой универсальной природной стихии (Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 746). Игра в карты, как и в кости, приравнивается к бросанию жребия, от которого, согласно народным верованиям, зависит судьба духа-«хозяина», а значит, и озера, от которого он так и не дифференцировался (см. подробнее на с. 54—55).
Варианты: № 28—31.

30. **ВОДЯНЫЕ-КАРТЕЖНИКИ.** Мотивемы: мифические существа показываются в облике природных стихий/в антропоморфизированном облике; соотносятся друг с другом — противостоят друг другу; преобразуют мироздание. Локусы: озеро, Онего, вода. Хрононимы: после того — до той поры. См. коммент. № 29. Дух-«хозяин» озера представлен как некое воплощение жизненной силы, от полноты которой зависит обилие воды и рыбы в этом озере. В данном случае Куштозерский водяной, по народным верованиям, обладает такой силой в меньшей степени по сравнению с Онежским, чем и обусловлен характер их, так сказать, социальных отношений: Куштозерский водяной время от времени батрачит у Онежского: «закабалил» самого себя; «отрабатывает» свой проигрыш.

Варианты: № 28—31. О периодическом исчезновении воды из озера Койгушского (Новгородская губ.), которое осмысляется как наказание его «хозяина» со стороны главного водяного, см.: Колмогоров А. Озера Тихвинского уезда // Землеведение. 1907. Т. 14. Кн. 3—4. С. 15—16; Мифологические рассказы русских крестьян XIX—XX вв. № 34. С. 179.

31. **ВОДЯНЫЕ-КАРТЕЖНИКИ.** Мотивемы: [мифические существа показываются в облике природной стихии/в антропоморфизированном облике]; соотносятся друг с другом — противостоят друг другу; преобразуют мироздание. Локусы: Кончезеро и Пертозеро. Хрононим: с тех пор. В отличие от предыдущих вариантов, данный этиологический миф объясняет причину исчезновения ряпушки из Пертозера. Рассматриваемый вариант, как и № 28—30, основывается на мотиве состязания двух духов-«хозяев», неотделимых от водных стихий, включая сюда ихтиофауну. Речь идет об озерах Кончезеро и Пертозеро, расположенных в Кондопожском р-не Карелии, — см. коммент. № 28.

Варианты: № 28—31.

2.3. Противостояние водяных

32. **«СОВСЕМ БЫЛО ВЫЖИЛИ МЕНЯ...»** Мотивемы: мифические существа соотносятся друг с другом — противостоят друг другу; мифическое существо вступает в контакт с человеком; преобразует мироздание; одаривает человека; человек оказывает услугу мифическому существу. Локусы: озеро, самая середина, водяное царство, берег, жилище, соседнее озеро. Хрононим: «нунь». В основе сюжета мотив борьбы духов воды за жизненное пространство, известный не только русской, но и финской, карельской традициям (см.: Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов / Пер. с нем. Н. А. Прушинской. Петрозаводск: Карелия, 1991. L 37. С. 150). Водяной в данном варианте под воздействием христианских воззрений трансформировался в черта-лембоя. Однако сквозь поздние наслоения в этом образе просвечивают его изначальные признаки языческого божества: названный персонаж не случайно обращается за помощью к священнику, одаривает его, становится чудесным помощником («вечным слугой») своего избавителя. *Крест* — атрибут христианской обрядности, апотропейное средство против нечистой силы, под которой подразумеваются чужие водяные, переселившиеся сюда из соседнего озера. *Середина озера* — место контактов между мирами (см.: также тексты № 13, 34, 94, 100, 134, 138, 168, 178, 207).
Варианты: № 32—33.
33. **«ЗАБРАЛСЯ В МОЙ ОМУТ ЧУЖОЙ ОМУТНИК...»** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике/в облике природной стихии; мифическое существо показывается в облике природной стихии; мифические существа соотносятся друг с другом — противостоят друг другу; мифическое существо вступает в контакт с человеком; преобразует мироздание; одаривает человека; человек оказывает услугу мифическому существу. Локусы: Кривой омут на реке Пчевже, часовня, «мой омут», берег, вода, на перевозе, «и выше, и ниже». Хрононим: в Петров день. О мотиве борьбы духов воды за жизненное пространство см. в предыдущем комментарии. Номинация данного мифологического персонажа обусловлена местом его обитания — омутом (см. также тексты № 15, 19). Омут же осмысливается не просто как яма, глубокое место в реке/озере, но и как водоворот, образующий эти впадины на дне водоема (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1987. Вып. 12. С. 371), что служит знаком происходящего здесь творения. Хрононим «Петров день» семантически насыщен: Петр, известный как покровитель рыбаков, по сути, служит христианской трансформацией духа-«хозяина» воды, который ранее безраздельно владел рыбными «угодьями» (Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 339). Мотив превращения сокровищ в неблагородное вещество — знак противопоставления миров, где субстанции приобретают диаметрально противоположную качественную характеристику. О семантике мотива *смерти на воде* см. коммент. № 146—160.
Варианты: № 32—33. См. также: Мифологические рассказы русских крестьян XIX—XX вв. № 32. С. 178.

2.4. Противостояние водяного и человека

34. **КРЕСТНОЗЕРО.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфизированном облике/в облике природной стихии; не покровительствует людям; ми-

фическое существо и человек соотносятся друг с другом — противостоят друг другу; преобразуют мироздание; человек находит средство избавления от мифического существа; происхождение топонима. Локусы: озеро, жилище, озерный берег, прибрежная деревня, окрестные места, «около (вокруг) всего озера», вода, берега озера, река, с той стороны, «высокая и крутая гора», переход, дорога, «довольно значительная возвышенность», «местность болотистая», «низменный берег», восток, северо-восток — западная сторона, север — юг, «через леса и болота», ручей — «новый водяной путь», продолговато-круглый остров, «остров двадцать сажен длины и десять ширины», посреди реки, из озера в реку. Хрононимы: некогда, в один воскресный день, в то время — с этого времени. Этиологический миф объясняет происхождение ручья — «нового водяного пути» (из озера Крестного в реку Шокшу) и острова посреди реки Ояты. Последний, имея форму прямоугольника, включен в систему космологических воззрений: он символизирует изначальную землю (см. коммент. № 9). Отдельные природные объекты (здесь: продолговато-круглый остров) отождествляются с предметами материальной культуры (в данном случае — с зыбкой), что служит проявлением микрокосма в макрокосме (см. об этом: Криничная Н. А. Дерево, гора, пещера как пристанище, жилище в фольклорной традиции // Русская речь. 2012. № 2. С. 112—119). Обход вокруг озера призван разграничить два разнородных пространства (ср. с обходом озера Светлояр). Сюжет основывается на мотиве противостояния природной стихии/водяного и человека. Водяной, будучи негативно переосмысленным, изображается как средоточие неблагополучия человеческого бытия. Подводный мир характеризуется как инобытие с хозяйственным укладом, аналогичным крестьянскому. О семантике *креста* и семантике *середины* водоема см. в коммент. № 32. О первопричине *смерти на воде* см. коммент. № 146—160. Рассматриваемый сюжет включает в себя и топонимический мотив, основанный на народной этимологии.

Варианты: № 34—36.

35. **КРЕСТНОЗЕРО.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфизированном облике/в облике природной стихии; обнаруживает себя динамическими, акустическими, визуальными проявлениями; совершает магическое действо (плескание); преобразует мироздание; не покровительствует людям; мифическое существо и человек соотносятся друг с другом — противостоят друг другу; человек находит средство избавления от мифического существа; происхождение топонимов. Локусы: озеро, плотины, мельницы, коряга, озерные берега, озерная вода, «в глубь омута, на самое дно», наверх, близко — на том берегу, тихое озеро, вода, на восход солнца — на север — к югу, в ту сторону, путь недалекий, дорога, «гора крутая и высокая», гора, возвышение, «исток из озера в реку», «по стоячим лесам и по зыбучим болотам», «в одном куту озера», «небольшой продолговатый островок», вдаль, посередине реки, святые острова, старое место, озеро, ручей. Хрононимы: не к ночи, «тихими лунными ночами», целыми днями, по ночам, днем, и сейчас, до сих пор. Как и в предыдущем варианте (№ 34), данный этиологический миф объясняет происхождение ручья — истока из Крестного озера в реку Шокшу, равно как и происхождение острова Шокшостров на реке Ояты. Отождествление зыбки с островом, а «кута озера» с углом избы служит проявлением микрокосма в макрокосме (см. коммент. № 34). О семантике локусов: *омута* см. коммент. № 33, *середины* водоема — № 32. О семантике *плескания* см. коммент. № 91. «Тот берег» — по сути, это потусторонний мир (Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины

и поверья Русского Севера. С. 114—116). Рассматриваемый вариант также основывается на мотиве противостояния природной стихии/водяного и людей. Средством изгнания негативно переосмысленного мифического существа служит в данном случае не только *крест* (см. № 34), но и поднятие икон, молитва, обращенная к Николаю Угоднику, водосвятный молебен, святая вода. Знаком сакрализации островов, недоступных для «водяных чертей», служит расположение на них известных монастырей — Коневского (конец XIV в.) и Валаамского (нач. XVI в.). *Нагота* водяного — знак его пребывания в лиминальном («пороговом») состоянии. См. также тексты № 61, 85, 91. Водоросли (тина, кута) — нередко волосы этого мифического существа. В рассматриваемом варианте содержатся топонимические мотивы, основанные на народной этимологии.

Варианты: № 34—36.

36. **КРЕСТНООЗЕРО.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; не покровительствует людям; мифическое существо и человек соотносятся друг с другом — противостоят друг другу; мифическое существо совершает магическое действие (плеск); преобразует мироздание; человек находит средство избавления от мифического существа; происхождение топонимов. Локусы: небольшое озеро, то в том, то в другом месте, в другое место, откуда-то издалека, дальше, низменный берег, два острова, ручей, река, канал, канава; мельница. Хрононимы: «давно это было», в старину, с некоторого времени, «в один тихий летний день», в день — ночью, в одну ночь. Этиологический миф объясняет происхождение ручья («длиной в семь верст»), который соединяет озеро Крестозеро с рекой Шокшей. Водяной в данном сюжете трансформировался в черта/нечистую силу. Он изображается как источник хаоса в мироздании. С уходом этого мифического существа порядок восстанавливается. В данной своей ипостаси водяной уже дифференцирован и от водной стихии, и от ихтиофауны, за исключением лещей, с которыми, надо полагать, дух-«хозяин» имеет некую генетическую связь. «Языческие» обереги: железо, «зерсливый (зернистый) камень», смола, деготь, заклинания — не действуют против водяного-чёрта. Его изгоняют лишь «крестом Христовым». Символом обновленного бытия служит мельница. Мотив исчезновения за ночь всего того, что было построено днем, обычно сопровождается мотивом жертвоприношения. Однако в данном случае жертва не принесена, и потому постройку канала завершить не удалось (ср. с № 247). Топонимические мотивы в рассматриваемом тексте, как и в предыдущих вариантах, основаны на народной этимологии.

Варианты: № 34—36.

37. **ЧЕРТОВО ОЗЕРО.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике («какой-то человек»); не покровительствует людям; мифическое существо и человек соотносятся друг с другом — противостоят друг другу; преобразуют мироздание; человек находит средство избавления от мифического существа; происхождение топонима. Локусы: это озеро, наволок, другой берег реки, на самом берегу, «чрез реку», пожни, лес, озеро, пригорок, дуб, дорога, далее, на противоположном берегу реки, вода; село, церковь, храм. Хрононимы: «в ясные солнечные дни», «прошло много-много лет», в то время. В данной бывальщине дух-«хозяин» озера трансформировался во вредоносную нечистую силу. Средствами избавления от нее является железо (топор), а также стоящий неподалеку христианский храм. В многолетнем дубе, локализованном за рекой у озера, по сути, в потустороннем мире, есть

некоторые признаки мирового древа, равно как и живого существа (при ударе топором из него сочится кровь). После его падения мироздание возвращается к своему прежнему, нормальному, состоянию. Бросание предметов с целью остановить преследователя, как бы растянув для него и пространство, и время, — устойчивый атрибут мифологического действа.

38. ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРО И ЧЕРНЫЙ РУЧЕЙ. Мотивемы: мифические существа показываются в антропоморфном облике/в облике природных стихий; обнаруживают себя колористическими и вербальными проявлениями; покровительствуют ихтиофауне; противостоят людям; вознаграждают человека; преобразуют мироздание. Локусы: с западной стороны, озеро, ручей, такое место; мельница. Хрононимы: в давнее время, прежде. Сюжет основывается на противостоянии природы и человека. *Мельница* символизирует человеческое бытие, которое в данном случае не вписывается в природный контекст, нарушая прежнее мироустройство. Персонифицированные водные стихии, находящиеся в родственных отношениях, объединенными целенаправленными усилиями восстанавливают прежний миропорядок, устраняя последствия его нарушения, и в первую очередь мельницу.

38а. ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРО И ЧЕРНЫЙ РУЧЕЙ. Мотивемы: мифические существа показываются в антропоморфном облике/в облике природных стихий; обнаруживают себя колористическими и вербальными проявлениями; противостоят людям; вознаграждают человека; преобразуют мироздание. Локусы: ручей, озеро; Софийский собор, главные ворота, церковь; мельница, плотина. Хрононимы: воскресенье, обедня, «во время Херувимской», прежде, в ту же ночь, с тех пор. Вариант текста № 38. По народным представлениям, во взаимоотношениях мифических существ соблюдается строгая иерархия. «Хозяева» рек и ручьев, чьи воды впадают в озеро, подчинены «хозяину» этого озера, принимающему их воды. Последний считается старшим. Сакральная сущность «хозяина» Ильмень-озера определяется сакральным же хронотопом его появления в мире людей. К тому же Ильменский водяной выступает в роли истового («оглашенного») христианина. Однако пребывание его в храме (Софийском соборе) ограничено: при пении «Херувимской» он оттуда выходит. Ильменский водяной — блюститель вековых устоев. В качестве «хозяев» вод и воздуха (бури) мифические существа совместными усилиями сносят мельницу, несанкционированно здесь поставленную и символизирующую неурегулированное вторжение людей в мироздание. Варианты: № 38—38а. См.: Мифологические рассказы русских крестьян XIX—XX вв. № 35. С. 179—180. Комментарий. С. 701.

2.5. Свадьба водяных

39. СВАДЬБА ВОДЯНЫХ. Мотивемы: мифические существа показываются в антропоморфизированном облике/в облике природных стихий; соотносятся друг с другом — пребывают в состоянии «перехода»; преобразуют мироздание. Локусы: оба озера, до соединения рек, наше озеро, Онего; сарай, заводы, мосты. Хрононим: теперь. Этимологический миф объясняет первопричину наводнения, видя ее в перемещении по воде мифического свадебного поезда.

Мифологический рассказ о свадебном поезде водяных как предпосылке наводнения зафиксирован и в других регионах России, в частности, в Пермской и Вятской

губ.: Мельников П. И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1841. Т. 15. № 4. С. 77—78; Осокин С. М. Народный быт в Северо-Восточной России: Записки о Малмыжском уезде. С. 19, 26, 27. См.: Мифологические рассказы русских крестьян XIX—XX вв. № 44. С. 185. Комментарий. С. 702.

- 40. ПЕТУНИЙ ОСТРОВ.** Мотивы: мифические существа показываются в антропоморфизированном облике; соотносятся друг с другом — пребывают в состоянии «перехода»; преобразуют мироздание; мифическое существо показывается в зооморфном облике; происхождение топонима; мифическое существо наказывает человека (за нарушение запрета); человек нарушает запрет. Локусы: оба озера, дорога, остров, недалеко от реки, лес; деревня. Хрононимы: в ту отдаленную эпоху, прежде, до сих пор. Этиологический миф объясняет отсутствие сообщения между Водлозером и Кенозером, равно как и образование острова, расположенного близ деревни Куганаволок Пудожского р-на Карелии. Преобразования ландшафта представлены как результат осмысленных действий водяных-демиургов. В качестве таковых мифические существа разделяют функцию творения с петухом, который в среде местного населения считается священной птицей: по свидетельству Н. Н. Харузина, петух здесь относится к числу птиц, «есть которых грешно» (Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. III. С. 322). Образ петуха-демиурга, на наш взгляд, — рудимент представлений, связанных с зооморфной моделью Вселенной. В мифологической традиции именно с началом сотворения земли соотносится дрейфующий в водах остров. Образ священной рощи, расположенной на Петуньем острове, дублирует представления о сакральности этого острова. Как отмечает Н. Н. Харузин, «не будет невероятным видеть в этом острове и в роще, его покрывавшей, место бывшего святилища эпохи языческой» (Там же. С. 338). Топонимический мотив основан в данном случае на народных верованиях.

Варианты: № 40—41.

- 41. КЛАДОВЫЙ И ПЕТУНИЙ ОСТРОВА.** Мотивы: «знающий человек» и мифическое зооморфное (орнитоморфное) существо соотносятся друг с другом — преобразуют мироздание; мифические существа наказывают человека (за нарушение запретов); человек нарушает запрет; заклание клада; происхождение топонимов. Локусы: озеро, остров, другой остров, далее, в том месте, река, сюда, «через озеро», лес; деревня, окно. Хрононимы: в глубокой древности, до тех пор — до сих пор, прежде — «года два тому назад», с тех пор. Этиологический миф объясняет происхождение острова Петуний. В данном варианте в качестве эквивалента водяного выступает колдун, а в качестве эквивалента водяной девы-невесты — дочь колдуна. Петуний остров обнаруживает различные признаки сакральности. Отрыв Петуньего острова от некоего другого острова, произошедший посредством колдовской силы, — знак переустройства мироздания. Его продвижение начинается с места слияния двух источников (здесь река впадает в озеро). Такие локусы наделяются в народных верованиях особого рода сакральностью. Этот остров «плыл на петухе», который осмысливается как священная птица. Остров, плывущий в определенном направлении «через озеро», — проявление очередного космогонического акта. На этом острове вырастает священный лес: на его рубку налагается запрет. Окно, из которого можно увидеть эту мистерию, наделяет смотрящего в него особого рода сверхзрением.

Данный этиологический миф контаминируется с преданием о Кладовом острове, где находится зачарованный клад (подробнее см.: Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о зачарованных кладах // Советская этнография. 1977. № 4. С. 105—111).

Варианты: № 40—41.

42. **И ПОТАЩИЛ МЫС В ОЗЕРО.** Мотивемы: мифические существа показываются в антропоморфизированном облике; мифическое существо преобразует мироздание, исчезает. Локусы: берег, мыс, озеро, вода; дом. Хрононим: вдруг. Этиологический миф, объясняющий характерную особенность прибрежного ландшафта: на расстоянии нескольких десятков метров от мыса над поверхностью воды возвышается огромная глыба гранита, отторгнутая от однородных с ней берегов (Шайжин Н. Старая Пудоба XIV по XVIII век // Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 32. С. 3). Этот миф служит вербальным соответствием наскального рисунка с изображением «беса». Данный петроглиф находится в восточной части Онежского озера, на мысу, более других выступающем в озеро, среди скопления изображений, известного под названием Бесов Нос (История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 24—27). В качестве демиурга «бес» в этом мифологическом рассказе оказался уже развенчанным: не осуществив свой замысел, он и сам исчез.

III. СОТВОРЕНИЕ БЫТИЯ

3.1. Сидит на камне/острове/мосту/мостовинах

43. **«СИДИТ ЖЕНЩИНА ЛИ, ДЕВКА НА КАМЕНЮ...»** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями (светлые волосы); похищает/не похищает человека; исчезает; человек нарушает запрет. Локусы: на речку, камень, на берегу. Хрононим: «не прошло и недели». Локализация мифического существа *на камне* в данном цикле чрезвычайно устойчива. *Камень* на реке/озере и даже на берегу приравнивается к первоострову — первозданной земле. В подобных случаях мистерия первотворения переносится из прошлого в настоящее. *Светлые*, как *лен*, *волосы* (см. также тексты № 101—102) символизируют светлое начало в потенциальной магической силе, которой появившееся водяное существо обладает. *Покачивание головой* — знак его пребывания в медиативном состоянии. Оставшийся после ныряния водяной девы *круг* символизирует *круг жизни*, ею предопределяемый (см. об этом на с. 74, 83—84 исследования).
Варианты: № 43—60.
44. **НА КАМНЕ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы). Локусы: на берегу, на камне. Хрононим: «утром рано». Появление мифического существа происходит чаще всего *на восходе* или *закате солнца*, когда «размыкаются» миры, оказываясь взаимопроницаемыми. Магическое *расчесывание волос* — устойчивое действие мифологического персонажа, связанного с водой, — см. также коммент. № 67. Подобным действием осуществляется влияние на человеческое бытие: см. тексты № 67—84 и др.
Варианты: № 43—60, 69.

45. **«СИДИТ НА КАМЕНЮ»**. Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике (знакового человека); обнаруживает себя колористическими проявлениями (черная); исчезает; человек нарушает запрет. Локусы: далековато, камень, берег, другой берег. Хрононимы: «в самый Макарий» (праздник, 25 июля по ст. ст.), рано; теперь, ночь. Человек, нарушив запрет, появляется у воды в сакральное время, которое принадлежит мифическому существу, тем самым нарушая либо претворяя его магическое действо: «волосы распущены».

Макарий — преподобный Унженский и Желтоводский чудотворец, основатель Макарьевского Унженского монастыря (1439 г.), который находился в Костромской губ. Церковь совершает память Макария 25 июля. Характерно, что его имя связано с водами — рекой Унжей (в этой местности он и погребен) и озером Желтоводским. Близ последнего находится Святое озеро, где преп. Макарий долгое время крестил язычников.

Варианты: № 43—60.

46. **«ПОСИДЕЛ-ПОСИДЕЛ НА КАМЕШКУ»**. Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике («сама ли, сам ли»); наказывает человека; исчезает. Локусы: лахта (залив у озера); «лудушка» (каменистая отмель), берег, «на камешку», вода, «у самого бережка». Хрононим: летом. Как и в предыдущей бывальщине (№ 45), люди появляются на берегу «не в свое время», за что одна из девушек претерпевает наказание: ее «перекувырнуло» (опрокинуло, перевернуло). Впрочем, это могло быть знаком предстоящей перемены. Само же мифическое существо вынуждено уйти в воду, так и не успев проявить своих намерений либо, наоборот, проявив их.

Варианты: № 43—60.

47. **КАМЕНЬ БОЛЬШУЩИЙ ТАКОЙ**. Мотивемы: мифическое существо показывается в облике обрубка дерева («лесины»); обнаруживает себя динамическими проявлениями («как хлопнется со всей силы»); исчезает; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: озеро, гора, «берега такие обрывистые», «камень большущий такой», вода. Хрононим: в праздник (Кириков день — 15 июля). «Камень большущий такой» приравнивается к первозданной земле, которая в условиях праздничного дня локализуется в настоящем времени. Мифическое существо, падающее с огромной силой, вызывает волны, а значит, приливы и отливы, оказывая влияние на человеческое бытие (см. с. 77—78, 106). См. также тексты № 77, 81, 87, 91, 226.

Варианты: № 43—60.

48. **КАМЕНЬ ТАКОЙ БОЛЬШОЙ ТАМ**. Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; исчезает; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: озеро, «камень такой большой». Хрононим: весь день. О семантике образа *большого камня* см. коммент № 43. Женщина, которая появляется из воды и исчезает в воде, осмысливается как водное божество, которое наследует признаки персонализированной водной стихии.

Варианты: № 43—60.

49. **НА БОЛЬШОМ ЧЕРНОМ КАМНЕ**. Мотивемы: мифическое существо показывается/не показывается в антропоморфном облике; предопределяет/предвещает судьбу; человек находит средство избавления от мифического существа; погибает (тонет). Локусы: в бане, на речке, «на большом черном камне», «возле самого берега». Хроно-

ним: через месяц. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43. Его черный цвет символизирует связь с нижним миром. Это также знак предстоящей беды. Поскольку *баня* часто связана с обрядами перехода (см. также коммент. № 50, 116, 160), то можно предположить, что в своем лиминальном состоянии мужик увидел то, чего не видели другие. Тем более что предназначение касалось именно его.

Варианты: № 43—60.

50. **НА КАМНЕ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); исчезает. Локусы: вода, камень. Хрононим: «после баньки». Эпизод, когда видение открывается человеку после мытья в бане, является в мифологической традиции устойчивым. О его семантике см. коммент. № 49, 116, 160. О семантике *расчесывания волос* см. коммент. № 44, 67. См. тексты № 67—84 и др. Варианты: № 43—60.

51. **НА БОЛЬШОМ КАМНЕ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы). Локусы: озеро, берег, большой камень. О семантике *расчесывания волос* см. коммент. № 44, 67. О семантике образа *большого камня* см. коммент. № 43. Варианты: № 43—60.

52. **НА КАМНЕ ПРИПЛЫЛ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; обнаруживает себя динамическими проявлениями. Локусы: «с Москвы <...> до нашей деревни», [вода], этот камень, «дальше туда... километра три отсюда». Хрононимы: за одну ночь, до сих пор. Мотив плывущего по воде камня, используемого в качестве средства передвижения, чаще встречается в легендах. Такое передвижение осмысляется как проявление чуда, приписываемого тому или иному святому. Здесь же плывущий камень представлен как первозданная земля, локально еще не закрепленная. В мифологическом же персонаже, сидящем на этом камне, просматривается сквозь толщу наслоений некое мифическое водяное существо, которое со временем трансформировалось в водяного и даже черта. Возможно, что изначально это был не кто иной, как демиург, — ср. с текстами № 1—7. Варианты: № 43—60.

53. **ОТ ОСТРОВА ПЛЫВЕТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике/в метонимическом облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: берег, остров, озеро, в ту сторону. Хрононимы: «поутру рано», «а люди еще все как спят, как встают». Как и с *камнем*, с *островом* в мифологических рассказах соотнесены представления об изначальной земле, с которой связано то или иное водяное существо. О семантике его появления на *восходе солнца* см. коммент. № 44. Колористический признак «голова черная-черная» означает связь этого мифического пришельца с нижним миром. Вместе с тем *черные волосы* нередко — воплощение отрицательно маркированной энергии, которая исходит от мифического существа. См. также тексты № 45, 56, 71, 74, 75—77, 79, 85, 89.

Варианты: № 43—60.

54. **НА ОСТРОВУШКЕ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфизированном облике/в метонимическом облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает судьбу; исчезает. Локусы: берег, недалеко, остров («островушка»), вода. Хрононим: в это лето. При появлении женщины на берегу озера водяная хозяйка уже сидела на «островушке», производя ма-

гическое *расчесывание* своих волос, — см. коммент. № 67. О семантике образа *острова* см. коммент. № 53, *распущенных* волос — № 57. Завидев человека, водяная хозяйка скрылась в глубинах вод. Значит, эта женщина пришла на берег в запретное время, когда людям приходиться сюда нельзя. Тем не менее мифическое существо уже успело предопределить судьбу: мальчик утонул.

Варианты: № 43—60.

55. **«РАЗВЕ ЗДЕСЬ ПРИДЕ РУСАЛКА?..»** Мотивема: мифическое существо показывается в нулевоморфном облике. Локусы: «здесь», «здесь таких и местов нету», берег, «залив такой», «лудушка» (каменистая отмель), «вода не эдака». Хрононим: день и ночь, раньше-то — сейчас-то. Носительница традиции высказывает мнение, что изменившийся ландшафт местности, нарушение тишины и покоя как признаков первозданности повлекли за собой исчезновение мифических существ. Данное суждение еще раз подчеркивает связь этих персонажей с изначальными природными стихиями, которые сами некогда одушевлялись и персонифицировались (явление топоэкфрасиса).

Варианты: № 43—60.

56. **НА МОСТУ СИДИТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике/в метонимическом облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями («волосы черны-пречерны»); вступает («посмотрел»)/не вступает в контакт с человеком; исчезает; человек проявляет признаки поврежденности. Локус: на мосту. Хрононимы: тогда, потом. *Мост* осмысливается как медиативный локус между мирами. В данном же контексте это рукотворное сооружение приравнивается к природному объекту — *камню/острову* — см. коммент. № 53. О семантике *черных волос* см. коммент. № 53, 71 и др.

Варианты: № 43—60.

57. **НА МОСТУ СИДИТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике/в метонимическом облике; исчезает. Локусы: через речку, на мосту. О семантике *моста* см. коммент. № 56. *Распущенные волосы* — знак приготовления мифологического персонажа к некоему магическому действию.

Варианты: № 43—60.

58. **ШЕЛ ПО МОСТУ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в нулевоморфном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; человек проявляет признаки поврежденности. Локусы: по мосту, из воды. Хрононим: в пять утра. Окликание мифической силой, локализованной в воде, человека нередко приписывается умершим предкам (здесь: русалке), которые призывают к себе потомков. Пребывание индивида на мосту, т. е. в медиативном пространстве, также стимулирует у него возникновение лиминального («порогового») состояния: «упал в обморок». О семантике времени *перед восходом солнца* («в пять утра») см. коммент. № 44.

Варианты: № 43—60.

59. **НА ПРОДОЛЬНЫХ МОСТОВИНАХ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в тератоморфном облике; происхождение топонима. Локусы: дорога, переход из деревни в деревню, ручей, продольные мостовины. Хрононимы: в прежнее время, «по закат солнца». «Продольные мостовины» — деревянное сооружение для перехода через ручей. В мифологическом восприятии они, так же как и мост через реку, приравниваются к острову/камню — см. коммент. № 56. Это излюбленные локусы мифического водяного существа, вышедшего из воды. Судя по топониму, «большое чудо-

вище» в данном контексте отождествляется с чертом. О семантике времени «*по закат солнца*» см. коммент. № 44.

Варианты: № 43—60.

60. **НА СХОДНЕ СИДИТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); исчезает. Локус: на сходне. «Сходни» — это мостки на озере, где берут воду, полощут белье или где привязывают лодки (пристань). По своей семантике они эквивалентны *мосту/острову/камню*. См. об этом коммент. № 56. В севернорусской традиции наименование «русалка» появилось сравнительно поздно, потеснив в известной мере более раннюю номинацию «водяница».

Варианты: № 43—60.

61. **РОЖЬ ЗАШЕВЕЛИЛАСЬ — И ОНА ПОТЕРЯЛАСЬ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; исчезает; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: изгородь, вода, рожь. Хрономим: «видела девчонкой». В данном тексте представлен тот случай, когда русалка локализуется в ржаном поле. Это происходит в течение Русальной недели (неделя до или после Троицы) (Виноградова Л. Н. Русалка // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 337). Продуцирующая сила, исходящая от русалки, благотворно влияет на урожай. И потому водяные девы гуляют во ржи в период ее цветения. Осенение себя крестным знаменем — оберег от этого мифического существа, чей образ связан с дохристианскими верованиями. *Нагота* русалки — знак пребывания ее в лиминальном («пороговом») состоянии. См. также тексты № 35, 85, 91.

3.2. С длинными волосами

62. **А ВОЛОСЫ ПО ВСЕМУ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике/в неопределенном облике; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: берег такой, обрыв, не так далеко, «бо-о-ольшой камень», вода. Хрономим: «была девчонкой молодой». Мифическое существо изображается в виде некоего средоточия волос, наделенного жизненной силой, физической и магической (см. с. 73—78). *Распущенные волосы* символизируют заключенную в них жизненную силу, ничем не сдерживаемую и ничем не ограниченную. Средством персонификации этой силы служит упоминание о лице («личности»). О семантике образа *камня* см. коммент. № 43.

Варианты: № 62—66, 201—202 и др.

63. **ВОЛОСЫ ЧЕРНЫЕ, ДОЛГИЕ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфизированном облике/в метонимическом облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями. Хрономим: «косили сено». Длинные черные волосы — устойчивый, семантически насыщенный признак водяницы/русалки. См. коммент. № 64.

Варианты: № 62—66 и др.

64. **ВСЯ БЕЛА-БЕЛАЯ, А ВОЛОСЫ ДЛИННЫЕ, ЧЕРНЫЕ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями (белый — черный); исчезает; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: речка, камень. Хрономим: «Были мы еще

маленькими детишками». Белый и черный цвета, которыми отмечено вышедшее из воды мифическое существо, служат знаками возможного проявления позитивной и негативной энергии, заключенной в волосах. «Вся бела-белая» — эквивалент образа белых волос, который иногда имеет место в мифологической традиции, — см. текст № 43. Мотив исчезновения мифического существа с появлением человека, типичный для данного сюжета, трансформируется здесь в мотив изгнания запредельного пришельца, что более характерно для поздней традиции. О семантике *камня* см. коммент. № 43.

Варианты: № 62—66 и др.

65. **«А ВОЛОСЫ ДО ТЕХ ПОР».** Мотивема: мифическое существо показывается в антропоморфизированном облике/в метонимическом облике. Локус: салма (пролив между островом и материком или между островами). И в данном случае локализация водяника связана с островом, который, как и камень, в мифологических представлениях осмысливается в качестве первоначальной земли. Тем самым «начало времен» репрезентируется в настоящем. Необычная длина волос («до тех пор»), имеющая в данном случае и темпоральный оттенок, — устойчивый признак водяного, но еще в большей степени — водяницы/русалки, а подчас и неидентифицированного водяного существа.

Варианты: № 62—66 и др.

66. **ВОЛОСЫ ДО КОЛЕН.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике/в неопределенном облике; исчезает; человек находит средство избавления от мифического существа. Локус: из воды. Хрононимы: «Поехали на рыбалку», вдруг. «Волосы длинные, до колен, а больше ничё не понять» означает, что мифическое существо покрыто до самых колен волосами. О семантике *волосатости* см. коммент. № 62. Осенение себя крестным знаменем — оберег от нечистой силы, с которой со временем ассоциируются мифические существа, связанные с природными стихиями или крестьянским жилищем.

Варианты: № 62—66 и др.

3.3. Расчесывает волосы

67. **ВОЛОСЫ ЧЕШЕТ.** Мотивемы: мифическое существо совершает магическое действие (расчесывает волосы); похищает людей. Локусы: камень, вода. Хрононим: после заката. Мотив «мифическое существо расчесывает волосы» соотносится с различными водяными персонажами: водяницей/русалкой, водяным и другими, уже менее определенными духами воды. В мифологических рассказах этот мотив может занимать и центральное, и периферийное положение. Будучи эквивалентным прядению, такое *расчесывание* оказывает магическое воздействие на человеческое бытие. О семантике времени *после заката* см. коммент. № 44. О семантике образа *камня* см. № 43. Данный текст содержит элементы страшилки для детей.

Варианты: № 67—75 и др.

68. **ВОЛОСЫ ЧЕШЕТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); исчезает. Локусы: наволок, вода. Хрононим: сейчас. О семантике мотива *расчесывания волос* см. коммент. № 67. В этом, как и в некоторых других случаях, мифическое водяное существо до конца не идентифицировано: «водяница, или кто его знает», — что свидетельству-

ет о полисемантизме подобных образов. Характерно, что с появлением человека это существо чаще всего мгновенно исчезает.

Варианты: № 67—75 и др.

69. **ДА ГОЛОВУ ЧЕСАЛА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфизированном облике/в метонимическом облике; совершает магическое действо (расчесывает волосы). Локусы: на берегу, на камне. Хрономим: утром рано. О семантике мотива *расчесывания волос* см. коммент. № 67. О семантике хрономима «утром рано» см. коммент. № 44. Как и в предыдущем тексте, мифическое существо полностью не дифференцировано от других водных духов: «русалка не русалка». О семантике образа *камня* см. коммент. № 43. Некое творение, соотносимое с «началом времен», оказывается видимым здесь и сейчас.

Варианты: № 44, 67—75 и др.

70. **СИДИТ И РАСЧЕСЫВАЕТСЯ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфизированном облике/в метонимическом облике; совершает магическое действо (расчесывает волосы); пытается погубить человека; человек проявляет признаки поврежденности; находит средство избавления от мифического существа. Локусы: на камне, озеро, место глубокое, в которую сторону. Хрономим: ночью. Обозначенный хронотоп определяет темпоральные и локальные координаты появления водяной хозяйки. *Расчесывание волос* (см. коммент. № 67) служит в данном случае предпосылкой к осуществлению ее намерения утопить гребца. Локализация предполагаемой жертвы *в лодке* (см. коммент. № 165), которая в древности относилась к атрибутам похоронного обряда, стимулировала намерение хозяйки вод. Однако, несмотря на поврежденность (утрата способности к ориентации), человек смог противостоять судьбе и остаться в живых: «домой приехал».

Варианты: № 67—75 и др.

71. **СИДИТ И ВОЛОСЫ ЧЕШЕТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действо (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает судьбу; губит человека. Локусы: та сторона, из воды, у амбара. Хрономим: как-то вечером. Колористический признак «черная сама такая» соответствует характеру предопределения, которое исходит от женщины вод: «А потом у мамы брат утонул». См. также коммент. № 53.

Варианты: № 67—75 и др.

72. **РАСЧЕСЫВАЛА ВОЛОСЫ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действо (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает судьбу; губит человека. Локусы: озеро, у берега. Хрономим: «на следующий день ночью». Несмотря на совершенно иное место бытования и место записи, данный вариант близок к предыдущему (№ 71). О семантике *черноты* («черная женщина», «черные волосы») см. коммент. № 53. О семантике *расчесывания волос* см. коммент. № 67.

Варианты: № 67—75 и др.

73. **ВОЛОСЫ МОТАЕТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфизированном облике/в метонимическом облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действо (мотает волосы); исчезает; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: «на пеньку», у берега. Хрономимы: «в сенокос дело было», днем. Волосы у водяницы «не

косой», т. е. распущены. Это явный признак, что мифическое существо приготовилось исполнить или уже исполняет магическое действие — см. коммент. № 62. Волосы уподобляются нитям: не случайно водяница их мотает — см. коммент. № 67. *Мокрые волосы* — знак содержащейся в них живительной влаги. Мотив исчезновения мифического существа при нарушении тишины и покоя устойчив в структуре данного сюжета. Вместо камня, на котором обычно располагается вышедшее из воды мифическое существо, здесь фигурирует пень, локализованный на берегу.

Варианты: № 67—75 и др.

74. **РАСЧЕСЫВАЛ ВОЛОСЫ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфизированном метонимическом облике/в зооморфном метонимическом облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы). Локусы: село, дорога, мимо озера, «в шагах двадцати пяти — тридцати от берега». Хрононимы: «воскресный день в средних числах июля», после обеда. Возможность увидеть мифическое существо открывается, согласно народным верованиям, у полусонного человека, находящегося в состоянии между сном и бодрствованием. Она же стимулируется и сакральным хронотопом: воскресный день, середина определенного периода + водное пространство, примыкающее к берегу. Сопоставление водяного с лошадью — в данном контексте свидетельство того, что рассматриваемое мифическое существо некогда само имело облик лошади. О семантике *черноты* см. коммент. № 53. Расчесывание волос в равной степени присуще как женским, так и мужским мифологическим персонажам. О семантике *расчесывания волос* см. коммент. № 67.

Варианты: № 67—75 и др.

75. **ВОЛОСЫ РАСЧЕСЫВАЛА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфизированном метонимическом облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы). Локус: на камне. Хрононим: до сих пор. Текст представляет собой совокупность устойчивых мотивов. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43, *черноты* — № 53, *расчесывания волос* — № 44, 67.

Варианты: № 67—75 и др.

3.4. Расчесывает волосы на две стороны

76. **СНАЧАЛА ОДНУ СТОРОНУ, ПОТОМ ДРУГУЮ...** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном антропоморфном облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы); исчезает; человек проявляет признаки поврежденности. Локусы: деревня, река, на камне, в воду. Хрононим: в то время — сейчас, рано утром. О семантике мотива *расчесывания волос* см. коммент. № 67. *Одна и другая сторона* — это, по сути, правая и левая сторона: первая символизирует положительное начало, вторая — отрицательное — см. коммент. № 2. Расчесывание на обе стороны «программирует» чересполосицу человеческого бытия. О семантике *черноты* мифического существа см. коммент. № 53. Обвивание волос вокруг головы — знак завершения магического действия, при исполнении которого волосы были *распущены*, — см. коммент. № 62. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43.

Варианты: № 76—80.

77. **НА ДВЕ СТОРОНЫ РАСЧЕСЫВАЕТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действо (расчесывает волосы); исчезает. Локусы: «пашня водяна», «камень у реки», вода. Хрононим: «уже осенью». О семантике мотива *расчесывания волос* см. коммент. № 44, 67. О расчесывании *на две стороны* см. коммент. № 76. *Гребень* в мифологических рассказах восходит к «щетиной чесалке», осмысляемой как средоточие щетины/волос, которые в архаической традиции воспринимались как воплощение жизненной силы, физической и магической (см. с. 73). «Черные, как смоль», волосы — знак принадлежности их владельца к нижнему миру, а также знак средоточия в них отрицательной потенции — см. коммент. № 53, 71. Эти волосы отождествляются с *волнами*, которые иногда персонифицируются, — см. коммент. № 47, 81, 87, 91, 226. *Кольцо* («волосы кольцами»), как и круг, — символ жизни, судьбы. *Хохот/смех*, согласно народным верованиям, стимулирует переход мифического существа из «этого» мира в иной (Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М., 2011. № 87. С. 500). О семантике образа *камня* см. коммент. № 43. Варианты: № 76—80.
78. **С ТОЙ СТОРОНЫ И С ДРУГОЙ РАСЧЕСЫВАЕТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; совершает магическое действо (расчесывает волосы); человек проявляет признаки поврежденности. Локусы: речка/озеро, на клочке (маленький островок на реке/озере), в деревне. Хрононим: вечером. Вариант текстов № 76—79. О семантике мотива *расчесывания волос на две половины*, а также о семантике образа *гребня* см. коммент. № 76—77. Этот гребень *большой*, что свидетельствует о его необычности (см. также текст № 81). Локализация мифического водяного существа *на острове* («клочке») или *камне* устойчива в данном цикле — см. коммент. № 43. Судя по описываемой коллизии, хрононим «вечером» может быть уточнен — *на закате солнца* (см. коммент. № 44). Варианты: № 76—80.
79. **ОДНУ ПОЛОВИНУ ЧЕШЕТ, А ПОТОМ ДРУГУЮ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действо (расчесывает волосы). Локусы: «тут недалеко, через губушку» (залив), камень, вода, большая вода, не в одном месте, все озеро. Хрононим: весной. Вариант, близкий к текстам № 76—78. О семантике мотива *расчесывания волос на две половины*, а также о семантике образа *гребня* (здесь: расческа) см. коммент. № 76—77. О *черноте* мифического существа см. коммент. № 53, 71. Знаковую роль в системе мифологической топографии имеет и *залив*, или *губа*, — часть озера, далеко вдающаяся в сушу. Образ *камня*, который то появится на поверхности вод, то исчезнет, — символ как бы не завершенного до конца творения первозданной земли: она то возникнет «здесь», то вновь уйдет «туда», в нижний мир, — см. коммент. № 43. Варианты: № 76—80.
80. **ВОЛОСЫ ЗАЧЕСАНЫ НАЛЕВО.** Мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает необычные признаки; человек проявляет признаки поврежденности; [человек нарушает запрет; погибает]. Локусы: из-за реки, вода, [«яма на реке», три камня, баня]. Хрононим: с тех пор. В отличие от предыдущих текстов (№ 76—79), в данном варианте мифическое существо появляется с уже зачесан-

ными на левую сторону волосами, что служит знаком заключенной в нем вредоносной потенции. Не случайно очевидцы происшествия при взгляде на этого «мужика» чувствуют в себе признаки поврежденности: «У нас ноги-то и подрезало». Рассматриваемый сюжет контаминируется с другим сюжетом: женщина, надо полагать, полоскала белье в запретное время и потому утонула. Упоминания о трех камнях, которые могли бы быть местом локализации вышедшего из воды мифического существа, и бане, нередко с этим существом соотнесенной, свидетельствуют в пользу такого предположения.

Варианты: № 76—80.

3.5. Прерывает расчесывание волос

81. **Я КАШЛЯНУЛА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); прерывает его; исчезает; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: возле реки, берег. Сюжет состоит из устойчивых традиционных мотивов. Мифическое существо, чье магическое действие было прервано внезапным появлением человека, на этот раз так и не завершает своего замысла. О семантике мотива *расчесывания волос* см. коммент. № 44, 67. Упоминание о кашле связано с представлениями о выходе души (одной из душ) из тела в момент резкого выдыхания воздуха. Это знак уведомления о своем появлении, поданный человеком мифическому существу. О семантике образа персонифицированных *волн* см. коммент. № 47, 77. О семантике образа *берега* см.: Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. С. 110—116.
Варианты: № 81—84.
82. **ОТЕЦ КАШЛЯНУЛ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); прерывает его; исчезает; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: дорога, камень. Хрононим: Власьев день. Вариант, близкий к предыдущему (№ 81). О семантике мотива *расчесывания волос* см. коммент. № 44, 67. В данном варианте вместо реки, нередко осмысляемой как дорога, фигурирует именно дорога. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43. Власьев день — день св. великомученика Власия (11/24 февраля), известный в народе как именины коров (Журавлев А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян: Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994. С. 8, 25). Некий «он», сидящий на камне, имеет какое-то отношение к покровительству домашнему скоту.
Варианты: № 81—84.
83. **ПОДОШЛИ ТАК БЛИЗКО К НЕЙ.** Мотивемы: мифическое существо показывает в антропоморфном облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); прерывает его; исчезает; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: «около речки», «на камешку», близко, в воду. Хрононимы: в летнее время, в ночное время, после того. Данный вариант состоит из тех же мотивов, что и предыдущий текст, — см. коммент. № 82. Мифическое существо настолько глубоко погружено в магическое действие, что не видит людей, к нему подошедших, не слышит их окриков. И лишь по мере крайнего приближения случайных очевидцев оно

прерывает свое занятие, так и не завершив его до конца. О семантике *гребня* см. коммент. № 77.

Варианты: № 81—84.

84. **«ПРОСТИ, Я ПОМЕШАЛ ТЕБЕ...»** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); прерывает его; исчезает; человек находит средство восстановить отношения с мифическим существом. Локусы: лес, речка, мостик через речку, [другой] мостик, в речку. Хрононим: на другое утро. Данный вариант состоит из тех же мотивов, что и предыдущие тексты, — см. коммент. № 81—83. О семантике *моста* как медиативного пространства см. коммент. № 56. Человек появляется у реки в запретное время, которое принадлежит исключительно мифическим существам, вышедшим из воды, чтобы исполнить судьбоносное магическое действие (подробнее см. в исследовании, с. 62—86). Осознавая свою вину, нарушитель запрета, помешавший этому магическому действию, просит прощения у деви вод.

Варианты: № 81—84.

3.6. Со светящимися глазами, большими грудями, в шерсти и с рыбьим хвостом

85. **ВОЛОСЫ ДЛИННЫ-ДЛИННЫ, А ГЛАЗА СВИТИЮТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя колористически и световыми проявлениями; обнаруживает себя характерными признаками; исчезает. Локус: камень/островочек/луда. С изображением луды/камня/острова связаны представления о первозданной земле, которая, еще не закрепившись «здесь», то появляется на поверхности вод, то исчезает. Соответственно и мифическое существо, локализованное на этом плоском камне, обычно наделено потенцией к творению. «Большие» глаза данного женского персонажа — знак средоточия в них души. Эти глаза «святиют» даже издалека, т. е. излучают тепло и свет, без которых невозможна жизнь. *Нагота* — признак лиминальности мифического существа, находящегося в промежутке между мирами. См. также тексты № 35, 61, 91, 93. *Черные волосы* в данном случае указывают на его принадлежность к нижнему миру — см. коммент. № 53.
86. **«ВОЛОСА ДЛИННЫЕ, ТИТЬКИ ЗДОРОВЫЕ».** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя характерными признаками. Локусы: озеро, «камешок». О семантике *волос* см. с. 73. Наделение русалки/водяницы «титками здоровыми» как одним из значимых атрибутов этого женского персонажа свидетельствует о ее продуцирующей роли.
87. **РУКИ-НОГИ ОДИНАКОВЫ.** Мотивема: мифическое существо показывается в зооантропоморфном метонимическом облике. Локусы: мост, вода, дальше. Хрононим: «шла со второй смены». В образе русалки-водяницы сочетаются различные признаки: зооморфные («в шерсти всё»), тератоморфные («руки-ноги одинаковы, а четыре одинаковых» — см. также текст № 226), антропоморфные («волосы рыжие», «руки»). В своих истоках это зооморфный персонаж, связанный с почитанием тотемного либо священного животного, живущего в воде. Человеческие свойства появились по мере антропоморфизации ранее зооморфного персонажа. Его необычайная шерстистость и волосатость — знаки продуцирующей силы, которой это мифическое водяное су-

щество обладает. О семантике образа волос-волн см. коммент. № 47, 77. *Рыжие волосы* мифического зооантропоморфного существа, чьи руки-ноги покрыты шерстью, вполне сопоставимы с *бурой мастью* мифических водяных коров, символизирующей огонь, тепло, жизнь, — см. коммент. № 13. *Мост* в быличках и бывальщинах осмысливается как медиативное пространство между мирами: отсюда невидимое становится зримым — см. коммент. № 56.

88. **РЫБА НЕ РЫБА, ДЕВИЦА НЕ ДЕВИЦА...** Мотивемы: мифическое существо показывается в зооантропоморфном облике; исчезает; человек обнаруживает способность к сверхвидению. Локусы: «мыс тут», на камнях, в воду. Хрононим: рано утром. Это не единственный в нашей подборке текст, где у девы вод обнаруживается рыбий хвост (см. также № 101, 102, 117), что служит рудиментом тотемистических верований. Сверхвидение открывается прежде всего у человека сонного («снилась такая ерунда») либо подвыпившего («с пьяных глаз»). Такому сверхвидению способствует и сакральный хронотоп: в данном случае это время перед восходом солнца и место действия — мыс, представляющий собой часть суши, которая острым углом вдается в водное пространство. Тем самым очевидец происшествия оказался приближенным к потустороннему миру (Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. С. 116). О семантике образа *камня* см. коммент. № 43. Приближением человека в подобной ситуации обусловлено исчезновение мифического существа в глубинах вод.

3.7. Плещется-моется

89. **И ПЛЁЩЕТСЯ-МОЕТСЯ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике/в облике знакомого человека; совершает магическое действо (омовение, плескание); не вступает в контакт с человеком; исчезает; мифическое существо показывается в неопределенном облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями. Локусы: река, «где воду зачерпывают». Хрононим: поутру рано. Представления о водянице, русалке и неких других женских водяных существах не дифференцированы. *Распущенные волосы* — знак приготовления/готовности к исполнению магического действия (см. коммент. № 62). Если в данном варианте (№ 89) это действие сводится к омовению-плесканию (см. коммент. № 91), то в другом варианте (№ 90), записанном там же и тогда же, но от другого исполнителя, эквивалентом ему служит магическое *расчесывание волос* (см. коммент. № 67). Данное мифическое существо является духом-двойником того человека, чей образ оно принимает (Криничная Н. А. Двойник: к семантике мифологического образа // Русская речь. 2013. № 5. С. 113—118). О семантике *черных волос* плывущего по воде существа см. коммент. № 53, 71.

Варианты: № 89—95.

90. **«ЗАДУМАЛА КУПАТЬСЯ ТУТ?»** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике/в облике знакомого человека; совершает магическое действие (расчесывание волос, омовение); не вступает в контакт с человеком; исчезает; человек проявляет признаки поврежденности. Локусы: река, «на камню». Хрононим: еще рано. Близкий вариант текста № 89. *Еще рано* — хрононим, обозначающий время на восходе или перед восходом солнца, — о его семантике см. коммент. № 44. Придя к водоему в запретное время, очевидец происшествия сумел узреть тайнодей-

ствие, для людских глаз не предназначенное. Последствием нарушения этого запрета послужило помрачение сознания: «не мыхал ничего, так испугался».

Варианты: № 89—95.

91. **ПЛЕСКАЕТСЯ-МОЕТСЯ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; совершает магическое действие (плескание, омовение); предопределяет/предвещает судьбу; не вступает в контакт с человеком; исчезает. Локусы: «озеро больше тако», на камешках, на том месте. Хрононимы: раньше, рано, утром, «время-то рано еще», «весь народ еще спит», «только-только встават солнышко, выкатывается», через два дня. *Плеск/плескание* — способ магического воздействия на мироздание (см. также тексты № 35, 89, 92, 100, 112, 116, 123, 124, 154, 200). Плескание мифического водяного существа предопределяет последующие события: через два дня после него у одного односельчанина утонула лошадь. *Распускание волос* (см. коммент. № 62) предшествует магическому действию. *Нагота* мифологического персонажа — знак его пребывания в промежутке между мирами — см. коммент. № 85. Магическое действие происходит в условиях сакрального хронотопа: *на восходе солнца* (см. коммент. № 44) + *на камешках* (см. коммент. № 43). *Волна*, оставшаяся после исчезновения мифического водяного существа, — персонификация магической силы, ниспосылающей судьбу (ср. с выражением «по воле волн»), — см. коммент. № 47, 77. Варианты: № 89—95.

92. **ПЛЕСК НА ОЗЕРЕ.** Мотивемы: мифическое существо совершает магическое действие (плескание); обнаруживает себя акустическими проявлениями; не вступает в контакт с человеком; человек находит средство избавления от мифического существа. Локус: рыбалка. Хрононим: долго-долго. О семантике *плеска/плескания* см. коммент. № 89, 91. Средством избавления *от плеска*, осмысляемого как магическое действие водяного, служит осенение себя крестным знамением. Это своего рода проявление борьбы христианства с язычеством.

Варианты: № 89—95.

93. **МОЕТСЯ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; совершает магическое действие (омовение); исчезает; предопределяет/предвещает судьбу. Локусы: на пристани (деревянные мостки к воде), рядом, «здесь» — «там», под водой. Хрононимы: «утром, только светать станет», «а потом петухи пропоют». *Омовение* мифического существа осмысляется как обновление/восполнение его поистраченной магической силы посредством приобщения к потенциям водной стихии («ноги моет»). *Волосатость* мифического существа — знак сосредоточения в нем жизненной силы, физической и магической, — см. коммент. № 62. Его *нагота* («тело голое») свидетельствует о том, что данный персонаж пребывает в медиативном пространстве («на пристани»), — см. коммент. № 85. Мифическое существо удаётся увидеть тому, кто приходит к воде в запретное время: с пением петухов пришелец из подводного мира исчезает. В составе бывальщины поверье: если покажется старый водяной, то потонет старый человек, в случае же появления молодого водяного молодой и потонет. Здесь выражены представления, что подводный мир аналогичен земному. Варианты: № 89—95.

94. **«НА КАМНЮ МОЕТСИ».** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; совершает магическое действие (омовение); не вступает в контакт с человеком; исчезает. Локусы: река, на этой стороне, камень, «до какого-то места», берег, «до середины реки». Хрононим: утром рано. *Распущенные волосы* — знак

приготовления к магическому действию (см. коммент. № 62). Этому действию соответствует и магическое *омовение* — см. коммент. № 93. Как и во всех других случаях, мифическое существо не вступает в контакт даже с приблизившимся к нему человеком. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43. Выбираясь *на середину* реки (см. коммент. № 32), где миры в условиях сакрального хронотопа взаимопроницаемы, женщине удастся вернуться из «того» мира, куда она случайно попала, в «этот» мир. Варианты: № 89—95.

95. **ПОЛОЩЕТСЯ В ВОДЕ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в облике «чуровища»; совершает магическое действие («полощется в воде»). Локусы: деревня, на воду/в воде. Псевдобыличка. В ней речь идет о том, как старик, впервые увидев садящийся на воду гидросамолет, принимает его за «чуровище» (от Чур — мифический предок). Однако повествование укладывается в рамки традиционного сюжета, когда мифическое существо совершает омовение-плескание с некой магической целью. Варианты: № 89—95.
96. **«КУВЫРКАЛСЕ...»** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; совершает магическое действие (кувыркается). Локус: у рощи, у церкви. Водяной в данном случае переворачивается, перекидывается через голову, что в мифологии нередко является одним из способов оборотничества, перевоплощения (Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. С. 693). Ср. также с текстом и коммент. № 154. Вместе с тем по своей семантике кувыркание в реке/озере близко к плесканию — см. коммент. № 91. Ср. с текстом № 226: внук морского старика «в мою сторуку кувырнулся в воде», после чего последовал удачный промысел.
97. **ИЗ ВОДЫ КТО-ТО МАШЕТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя динамическими проявлениями; совершает магическое действие (машет руками). Локусы: озеро, из воды. Хрономим: «Я за озером жала». Мифическое существо *машет руками* (не одной рукой!), и притом трижды, то исчезая, то, подобно птице, «выпархивая» из воды. Такое действие является знаковым: это зов/призыв к себе, в глубины вод, в нижний мир, что приравнивается к зову мифических предков: «Махни его, позови» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1989. Т. 2. С. 308). Вместе с тем в болгарск. *máham* «машу, киваю, пряду» есть некоторая связь с прядением (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. II. С. 584). Такая соотнесенность служит знаком предопределения судьбы (подробнее см.: Криничная Н. А. Нить жизни: реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995).

3.8. Поет песни

98. **КТО ПОЕТ ПЕСНИ И СКАЗКИ СКАЗЫВАЕТ.** Мотивемы: мифическое существо обнаруживает себя акустическими проявлениями; совершает магическое действие (поет песни); предопределяет/предвещает судьбу. Локусы: море, берег, по всему свету, дорога. Этиологический миф, объясняющий происхождение песен и сказок, их бытование в традиции. Песни и сказки персонажируются: они идут по свету каж-

дый своей дорогой, которая, в свою очередь, также персонифицируется. Для изображения этой дороги используется загадка, наделяющая ее собственным именем Гася, а значит, и душой.

Аналогичный миф зафиксирован на Украине. Когда играет, т. е. волнуется, шумит, море, то на его поверхность выплывают морские люди: «„що половина чоловіка, а половина риби“ — и поют песни. Чумаки приходят тогда к морю, слушают и „научаются“ тем славным песням, а затем распевают их по городам и селам» (Москвитянин. 1846. XI—XII. С. 154; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. М.: Индрик, 1994. Т. 2. С. 248).

99. **ВОЛОСЫ ЧЕШУТ И ПЕСНИ ПОЮТ.** Мотивы: мифическое существо обнаруживает себя динамическими и акустическими проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы, поет песни); предопределяет/предвещает судьбу. Локус: море. Хрононимы: по ночам, на следующий день. *Пение* песен осмысливается как способ магического воздействия на людей, природу, мироздание. В данном случае результатом такого воздействия служит передислокация человека, на которого было спроецировано это пение, из земного бытия в потусторонний (нижний, подводный) мир. Магия слова дублируется магией *расчесывания волос*. О семантике этого мотива см. коммент. № 67.

Варианты: № 99—106, 139, 168, 178.

100. **РАСЧЕСЫВАЛА ВОЛОСЫ, ПЕЛА, ПЛЕСКАЛА.** Мотивы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя колористическими, акустическими, динамическими проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы, поет песни, плещет по воде); предопределяет/предвещает судьбу; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: в нашем озере, посреди воды. Хрононимы: раньше, сразу. О семантике мотивов *расчесывания волос*, *пения* см. коммент. № 67, 99. Мотив *плескания* по воде встречается также и в других текстах — см. коммент. № 89, 91. Всё это средства магического воздействия на человеческую судьбу. В данном случае дело едва не закончилось переходом женщины из «этого» мира в потусторонний мир («в озере по колено стоит»). О семантике *середины* как сакрального центра водоема см. коммент. № 32. См. также тексты № 13, 32, 34, 94 и др. *Зеленые волосы* — знак растительности, которая нередко является волосами мифических водяных существ или которой они покровительствуют.

Варианты: № 99—106, 139, 168, 178.

101. **ГРУСТНЫЕ ПЕСНИ.** Мотивы: мифическое существо показывается в зооантропоморфном облике; обнаруживает себя колористическими, акустическими проявлениями; совершает магическое действие (поет песни); исчезает. Локусы: лес, река, берег, камень, вода. Хрононим: как-то. О наличии у русалки *рыбьего хвоста* см. также тексты № 88, 102, 117, что служит рудиментом тотемистических верований. О семантике *белых волос* см. коммент. № 43. Пение, а тем более грустных песен, осмысливается как магический акт, посредством которого обеспечивается чаще всего переход человека из бытия в инобытие. Исчезновение русалки обычно обусловлено появлением поблизости людей. Подобное видение открывается, как правило, в условиях сакрального хронотопа и в запретный для человека час. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43.

Варианты: № 99—106, 139, 168, 178.

102. **ГРУСТНЫЕ ПЕСНИ.** Мотивы: мифическое существо показывается в зооантропоморфном облике; обнаруживает себя колористическими, акустическими проявле-

ниями; совершает магическое действо (поет песни); исчезает. Локусы: лес, река, берег. Хрононим: как-то. Данный вариант близок предыдущему. См. коммент. № 101. Оба текста записаны от одной и той же рассказчицы в одном и том же месте в одно и то же время, но разными собирателями. О деве с *рыбьим хвостом* см. также тексты № 88, 101, 117.

Варианты: № 99—106, 139, 168, 178.

- 103. С ПЕСНЯМИ ПО МОРЕЮ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; обнаруживает себя акустическими проявлениями; совершает магическое действо (поет песни); человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: тоня, море, берег, река; деревня, ворота, изба. Хрононимы: до утра, утром. Наделение мифического водяного существа способностью к магическому пению типично для данного цикла нарративов. С другой стороны, предпосылкой к возникновению слуховых галлюцинаций служит состояние «женки», ожидающей мужа, между сном и бодрствованием («и заспала ли не заспала»), т. е. в лиминальном состоянии, что и позволяет слышать звуки запредельного мира. Аналогичным, следует полагать, было и состояние мужа, у которого бес угнал лодку: «пьяный, долго не ехал». Крестное знамение и молитва — обереги от наваждения.

Варианты: № 99—106, 139, 168, 178.

- 104. И ПЕСНЮ-ТО И ЗАПЕЛО.** Мотивемы: мифическое существо/некая безличная мифическая сила обнаруживает себя акустическими проявлениями; совершает магическое действо (поет песни). Локусы: озеро, курья (залив или пролив). Хрононим: раз. Варианты: № 99—106, 139, 168, 178.

- 105. ЕДУТ ПОЮТ.** Мотивемы: мифические существа обнаруживают себя акустическими проявлениями; совершают магическое действо (поют); предопределяют/предвещают судьбу. Локусы: прилука (пожня), на ту сторону. Поскольку люди переправились на противоположный берег («все лодки перегонили на ту сторону»), приравненный к потустороннему миру, то им открылась возможность слышать звуки-символы «оттуда». Такими звуками («поют, свадьба едет будто») предопределяется/предвещается свадьба. Варианты: № 99—106, 139, 168, 178.

- 106. ИДЕТ ПОЕТ.** Мотивемы: мифическое существо обнаруживает себя акустическими проявлениями; совершает магическое действо (поет); предопределяет/предвещает судьбу; человек находит средство избавления от мифического существа. Локус: мимо мельницы. Хрононим: вдруг. Мысль женщины, представившей себе свадьбу, в данном мифологическом рассказе материализуется: свадьба сразу же и внезапно («вдруг») возникает. Матерная брань служит оберегом от нечистой силы. Мельница — тот мифологический объект, с которым связаны представления о жизни и судьбе, — см. коммент. № 242—252. Варианты: № 99—106, 139, 168, 178.

- 107. «У-У-УХ, У-УХ!..»** Мотивемы: мифическое существо обнаруживает себя акустическими проявлениями; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: «ламбушка» (небольшое лесное, часто заболоченное озеро), мельница, вода, далеко, на землю, в кустах. Локус, в котором обитает мифическое существо, а значит, и само это существо маркированы *черным цветом* — см. коммент. № 53. Образ *мельницы* в мифологическом контексте — знак жизни и судьбы — см. коммент. № 242—252. Междометие «у-у-ух», с силой произносимое, свидетельствует, вероятно, о том, что у мифического существа есть какое-то занятие, от которого он переводит дух.

3.9. Предопределяет/предвещает судьбу магическими действиями

- 108. «СМОТРИ-КО, ЧТО ТУТ?»** Мотивемы: мифическое существо показывается в облике природной стихии; мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает судьбу; исчезает. Локусы: камень, берег, наволоок, «среди камня яма есть», из воды — в воду, озеро; окно горницы. Хрононимы: через несколько дней/через три дня, в то лето, «недавно, ну, месяца еще нет». В данном мифологическом рассказе в роли вершителя/прорицателя судьбы выступает то водяной, который расчесывает волосы (о магии *расчесывания волос* см. коммент. № 44, 67), то само озеро: «оно берет людей». О семантике образа *камня* как первозданной земли см. коммент. № 43. *Середина* камня — то место, где взаимодействуют миры, а *яма* — канал связи между мирами. *Наволоок* — локус, с трех сторон омываемый водой. Если берег только примыкает к озеру, то наволоок, мыс вдается в него, тем самым в большей степени оказываясь доступным для появления здесь существ из потустороннего мира (Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. С. 116). Взгляд из *окна* открывает перед человеком возможность увидеть то, что обычно взгляду недоступно.
Варианты: № 108—113.
- 109. НЕ ПЕРЕД ДОБРОМ ПОКАЗАЛАСЬ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает судьбу. Локусы: на пристани (деревянные мостки к воде), в лес. Хрононимы: «коров гнали», «вечер настал». Мотивировкой коллизии «быка медведь съел» служит *расчесывание волос* (см. коммент. № 44, 67), которое совершает мифическое существо, вышедшее из воды: своим магическим действием оно в данном случае предопределяет гибель домашнего скота.
Варианты: № 108—113.
- 110. ПЕРЕД ЭТОЙ ВЕСТЬЮ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает судьбу; исчезает. Локусы: «такое место», луда (каменистая отмель), вода, камешек. Хрононимы: летом, «как своим-то временем», «до девятнадцати годов». О *расчесывании волос* см. коммент. № 44, 67, о *черноте* мифического существа — коммент. № 53, 71, о *камне* — коммент. № 43. В силу дискредитации мифических прорицателей под влиянием христианских воззрений их предсказания чаще всего предвещают несчастья. Изначально же они предопределяли и позитивное, и негативное течение человеческого бытия. Мифическое существо забирает индивида обычно в урочный час («как своим-то временем»). В данном случае смерть обреченной девушки отсрочена вплоть до достижения определенного возраста.
Варианты: № 108—113.
- 111. «ЧТО-ТО БУДЁТ».** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает судьбу; исчезает. Локусы: берег, «на камню» — «с камнями». Хрононимы: «до старой войны», утром, «того году». О магии *расчесывания волос* см. коммент. № 67. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43. В данном narra-

тиве мифическое водяное существо предрекает события мирового масштаба — Первую мировую войну.

Варианты: № 108—113.

- 112. «НЕ ХОДИТЕ СЕГОДНЯ КУПАТЬСЯ».** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике («до полчеловека»); совершает магическое действие (волосы распущены; «опять окунулся»); предопределяет/предвещает судьбу; исчезает. Локусы: [озеро], «в этом месте» — «в это место», вода; в деревне, окно. Хрононимы: «на зори», утром, «только солнце повставало», сегодня. Предопределение/предвестие осуществляется посредством магии *распускания волос* — см. коммент. № 62, а также посредством очередного погружения в воду («опять окунулся»), что приравнивается к *плесканию/омовению* мифического существа, — см. коммент. № 89, 91, 93. И то и другое, по народным верованиям, оказывает магическое воздействие на мироздание. Появление мифического существа «на зори», на восходе солнца, обусловлено одним из сакральных моментов в суточном цикле — см. об этом коммент. № 44. Взгляд *из окна* дает очевидцу происшествия дополнительную возможность увидеть происходящую на озере мистерию, тогда как при других обстоятельствах она могла б человеку и не открыться. Несчастье случается, как правило, именно в том месте, где ранее показывалось мифическое существо, — см. текст № 117. И человек бессилен противостоять року.

Варианты: № 108—113.

- 113. «СЕГОДУ БУДЕ УТОПИЙ».** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя акустическими проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает судьбу. Локусы: лава (деревянный помост для полоскания белья, для причала лодок), вода. Хрононимы: поутру или ночью. Как и в предыдущем варианте, предопределение/предвестие осуществляется посредством магии *распускания волос* — см. коммент. № 62. Вой (плач), издаваемый мифическим существом, спроецирован в будущее, когда причитания по утопленнику реально исполнятся. Время появления этого существа в мире людей соответствует традиции — см. коммент. № 44. *Лава* (помост) здесь приобретает признаки природного локуса: *камня, острова, камня-острова* — см. коммент. № 43, 53.

Варианты: № 108—113.

- 114. ПЕРЕД ТЕМ, КАК ОСИП ПОТОНУЛ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; предопределяет/предвещает судьбу; совершает магическое действие («кажитце»); исчезает. Локусы: «на камню», в воду. Хрононим: перед тем. Само появление мифического существа из воды — знак судьбы. Причем во многих бывальщинах этот персонаж никак не идентифицируется. Локализация мифического существа *на камне* в данном цикле устойчива — см. коммент. № 43. Согласно поверьям, подобную мистерию чаще всего видит тот, кому суждено утонуть.

- 115. ПЕРЕД НЕСЧАСТЬЕМ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; предопределяет/предвещает судьбу; совершает магическое действие («кажется»). Локусы: камень, ямка. Хрононимы: на другой день, «наутре». По своему смыслу данный текст близок к предыдущему (№ 114). «Железными воротами» здесь названа «ямка», осмысляемая как вход в иной мир. Не случайно даже в гаданиях привидевшаяся в том или ином изображении *яма* предвещает смерть (Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 186.)

- 116. ПЕРЕД СМЕРТЬЮ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; предопределяет/предвещает судьбу; совершает магическое действо («поплавала-поплавала»). Локусы: остров, «против деревни»; баня. Хрононимы: «давно уж», «того году». В севернорусской традиции водяница и русалка отождествляются. Причем более поздняя номинация «русалка» лишь отчасти вытеснила более раннее наименование «водяница». Магическое действо «поплавала-поплавала» приравнивается к магическому же *плесканию/омовению*, производимому, по сути, одним и тем же мифическим водяным существом, — см. коммент. № 89, 91, 93. Локализация водяницы/русалки *на острове* (см. коммент. № 43, 53) связана с представлениями о первотворении и в известной степени о демиурге. В данной бывальщине видение открывается самому обреченному, который вскоре и отдает душу, и притом *в бане*, осмысляемой как семейно-родовое святилище (Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 64). См. также коммент. № 49—50.
- 117. ТАМ И УТОНУЛ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в зооантропоморфном облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; предопределяет/предвещает судьбу; исчезает. Локусы: камень, «это место»; баня. Хрононим: через много лет. Как и в некоторых других бывальщинах данного цикла, обреченный видит мифическое существо сам (здесь: видят и его родители). Это видение открывается индивиду сразу *после бани либо из самой бани*, с которой связаны обряды перехода, а значит, и его лиминальное («пороговое») состояние, — см. также коммент. № 49—50, 116. Спустя годы парень тонет в том самом месте, где показалась русалка (см. также текст № 112). Образ полудевы-полурыбы имеет место и в текстах № 88, 101—102 (см. коммент. к ним). О *черноте* данного мифического существа см. коммент. № 53, 71. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43.
- 118. УВИДЕТЬ РУСАЛКУ — ДУРНОЙ ЗНАК.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; вступает в контакт с человеком; исчезает. Локусы: озеро, вдали, камень, вода. Хрононимы: летом, вдруг, в этот день. И в данном случае появление русалки оказалось предвестием гибели людей на воде, которая, однако, очевидца происшествия не коснулась. Рассматриваемый текст представляет собой тот редкий случай, когда мифическое водяное существо вступает в контакт с человеком посредством взгляда, от которого исходит магическая сила: парень «как привороженный на нее смотрел». Русалка творит судьбу людей с неотвратимостью рока: ее улыбка (радость) и слезы (печаль) здесь нейтрализуют друг друга. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43, образа *лодки* — см. коммент. № 165.
- 119. ПЕРЕД ВОЙНОЙ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; предопределяет/предвещает судьбу; обнаруживает себя характерными признаками (длинные волосы). Локусы: на той стороне, камень. Хрононим: перед войной. Появление «женщины» *на той стороне* — знак ее принадлежности к потустороннему миру. Локализация *на камне* указывает на ее причастность к творению — см. коммент. № 43. Предполагается, что волосы у женщины вод не только длинные, но и *распущены*, что свидетельствует о ее магической силе, ничем не сдерживаемой, — см. коммент. № 62. Появление мифической женщины, по мнению носителей традиции, предвещает войну.
- 120. «ПЕРЕД ЧЕМ-НИТЬ ПОКАЖЕТСЯ».** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; обнаруживает себя динамическими проявлениями; предопределяет/предвещает судьбу; мифическое существо показывается в облике

предмета; предопределяет/предвещает судьбу; человек проявляет признаки поврежденности («даже почернел»). Локус: вода. Хрононим: раньше. По одной из версий, представленных в данном тексте, мифическое существо появляется в виде предмета — столовой доски. Это метонимический эквивалент самого стола: «Стол — сперва камень, дерево или просто насыпь. <...> стол имеет свой культ, и ему воздаются почести» (Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936. С. 204). Как отмечает Н. А. Лавонен, пространство, связанное со столом, соотносится с местом пребывания мифических сил, оказывающих влияние на судьбу людей (Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск: Периодика, 2000. С. 66). И в данном случае предвешие сбывается лишь для того, кто мифическое существо видел, и не касается того, кому оно не показалось. Противопоставление ландшафтов одной и той же местности, бывшего и нынешнего, осмысляется в подобных нарративах как признак перемен в самом миропорядке.

121. **К НЕХОРОШЕМУ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в зооморфном облике; предопределяет/предвещает судьбу; исчезает; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: на речку, из проруби — в прорубь («из пролубы» — «в пролубу»). Хрононим: «годов, наверно, пять тому назад». Восприятие выдры в качестве водяного основывается на древних представлениях. Наименование *выдра* этимологически связано с водой. В греческом языке оно родственно словам *ὑδρoς ὑδρᾱ*, что значит «гидра, водяная змея». Как и ласка, выдра в славянской мифологии связана с ткачеством. Например, в македонской загадке о ткацком челноке «выдра танцует (скачет) по озеру, озеро свертывается» (Гура А. В. Выдра // Славянские древности: Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого: В 5-ти т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 474). Ткачество же в системе мифологических воззрений символизирует плетение судьбы (Криничная Н. А. Нить жизни: реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. С. 24—25, 39). Прорубь в данном контексте определяется как канал связи между мирами.
122. **К НЕСЧАСТЬЮ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в зооморфном облике; предопределяет/предвещает судьбу. Локус: тоня. Хрононимы: раньше, вдруг, «где-то через день ли, на второй ли день». Изображение семги в качестве прорицательницы судьбы не случайно. Принадлежит к семейству лососевых, эта рыба, как и лосось, относилась к числу почитаемых. В соседствующей карельской традиции сформировался образ девы-лосося, в котором обнаруживаются тотемистические истоки (Криничная Н. А. К семантике образа девы-лосося в карело-финском эпосе // «Калевала» — памятник мировой культуры: Материалы научной конференции, посвященной 150-летию первого издания карело-финского эпоса. 30—31 января 1985 г. Петрозаводск: Карелия, 1986. С. 89—93). Смерть в карбасе соотносится с древними представлениями о лодке как атрибуте похоронной обрядности — см. коммент. № 165.

3.10. Предопределяет/предвещает судьбу магическими словами

123. **«НАШЕ ПРАВО БУДЕТ!»** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы, рукоплещет, произносит приговор); предопределяет/предвещает судьбу; исчезает; человек проявляет признаки поврежденно-

сти. Локусы: река, вода, «на том месте», «берёг», «на кряжу», «туды». Хрононимы: летом, ночью, «бороновали», «часов восемь утра», все время; «на друго утро», «утром рано». Сюжетообразующим в этой быличке является мотив произнесения приговора «Наше право будет!». Подобный приговор, предваряемый невнятным бормотанием женского водяного персонажа («сама себе говорит, а мы понять не можем») и сопровождаемый магическим рукоплесканием («рукамы захлопала» — см. коммент. № 91), сбывается с неотвратимостью рока, судьбы. *Нагота* («голая вся») этой прорицательницы — свидетельство пребывания ее в лиминальном состоянии — см. коммент. № 85. Поза «спиной» соотносится с поверьями: мифическое существо старается не показывать своего лица. Ситуация усугубляется тем, что обреченный мужчина вдобавок ко всему еще и нарушил запрет: «он взял свистнул». Рыболовная сеть (невод) в народных верованиях осмысливается как оберег от вредоносных сил. В быличке проявляется двухуровневый макрокосм: его верхний ярус представлен «кряжем» — высоким крутым берегом, тогда как нижнюю часть образует река, под водами которой скрывается потусторонний мир.

Варианты: № 123—129.

124. «ПЛЕСК ЕСТЬ, А ГОЛОВЫ НЕТ». Мотивемы: мифическое существо показывает-ся в облике природной стихии; обнаруживает себя вербальными проявлениями; совершает магическое действо (плещется); предопределяет/предвещает судьбу. Локусы: росстань, «камень такой большой», у реки, лес, «не гораздо далёко», вода. Хрононимы: «пришла косить», «по зори». Сюжетообразующим является мотив произнесения приговора «Плеск есть, а головы нет», т. е. вынесен приговор судьбы, но нет утопленника. Он исходит от мифической силы, в которой отчасти персонифицируется *плеск*, — см. коммент. № 91. Это не только субъект, но и объект — струи воды, направленные с целью предопределения судьбы. Магическое действо совершается в условиях сакрального хронотопа: «по зори», т. е. на восходе солнца (см. коммент. № 44), и причем на «камне таком большом» (см. коммент. № 43), связанном с творением. Предвестие с неизбежностью сбывается, несмотря на все попытки нейтрализовать его, что служит проявлением рока, судьбы.

Варианты: № 123—129.

125. «ОЙ, ДОЛГО СУЖЕНОГО НЕТ!» Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; предопределяет/предвещает судьбу. Локусы: море, дорога большая, дальше. Хрононим: косили. Сюжетообразующим является мотив произнесения приговора «Ой, долго суженого нет!», т. е. предназначенного судом, под которым подразумевается воля божества, предопределение. В данном случае в качестве прорицателя представлен персонаж, никоим образом не идентифицированный, но появляющийся из моря с правом забрать суженого, срок пребывания которого в «этом» мире уже более чем истек («долго нет!»). То, что определено таким судом, человек не властен предотвратить.

Варианты: № 123—129.

126. «ТЕЛА НЕТ — СУДЬБА ЕСТЬ». Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; совершает магическое действо («чесалась»); предопределяет/предвещает судьбу. Локусы: «на камне у речки», в воду. Несмотря на принадлежность к разным, далеким друг от друга локальным традициям, данный вариант близок к предыдущему (№ 125). Негативно переосмысленная «хозяйка» воды («чертиха») в соответствии с божественным су-

дом, приговором, предопределением или участью, предначертанной божеством, забирает человека, метонимическим эквивалентом которого в данном случае является тело. Народная герменевтика (истолкование этого сюжета рассказчицей) не совпадает с научной. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43. Слова приговора здесь слышит тот, кому суждено умереть.

Варианты: № 123—129.

127. «СУДЬБА ЕСТЬ — ГОЛОВЫ НЕТ». Мотивемы: мифическое существо показывается в зооморфном метонимическом облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; совершает магическое действо (ныряет); предопределяет/предвещает судьбу. Локус: озеро. Хрононимы: один раз, «день прошел или два». В мифической прорицательнице обнаруживаются рудиментарные признаки утки: она поднимет голову и нырнет, поднимет голову и нырнет. А утка, как известно, — персонаж, связанный с творением. Мифическая прорицательница предопределяет судьбу человека, забирает ей предназначенное, суженое. В данном случае прорицание слышит не тот, кому предстоит утонуть. Видение хотя и происходит «не во сне, а наяву», но приближено ко сну, который служит средством коммуникации между мирами. См. также текст № 128.

Варианты: № 123—129.

128. «ВОЗЬМУ ДВЕНАДЦАТЬ ГОЛОВ!» Мотивемы: мифическое существо показывается в фитоантропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; предопределяет/предвещает судьбу. Локусы: на озере, под воду. Хрононим: в ту пору. Водяной здесь изображен в виде человека-растения: зеленый, длинная борода. Такой облик соотносится с поверьем, повсеместно распространенным: водоросли — это волосы водяного. Рыбацкая сеть, в которую одет водяной, служит знаком-символом плетения. С плетением же, как и с витьем, ткачеством, шитьем, вышивкой, связано предопределение судьбы, человеческой жизни (подробнее см.: Криничная Н. А. Нить жизни: реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. С. 25—26 и др.). О *сне* как способе получения информации из иного мира см. коммент. № 127. Предвестие в этом, как и в других вариантах, получает тот, кому суждено утонуть. Соотнесенность с лодкой, которая некогда служила атрибутом похоронного обряда (см. коммент. № 165), вписывается в общую коллизию данного сюжета.

Варианты: № 123—129.

129. «БУДЕТ ДВЕНАДЦАТЬ УТОПЛЕННИКОВ». Мотивема: «знающий» предвещает судьбу (мифическое существо предопределяет/предвещает судьбу). Локус: на другое место. Хрононим: «уже со следующего дня за две недели». Бывальщина основана на поверье, что перенесение могилы с одного места на другое влечет за собой появление определенного числа утопленников. Можно предположить, что последствием ритуально не обусловленной пертурбации, произведенной в нижнем (подземном, как и подводном) мире, оказывается внезапное («со следующего дня») изменение, нарушение в обычном течении бытия. Это служит проявлением хаоса в мироздании. Сакральное число «двенадцать» — знак-символ божественной воли, направленной на восстановление утраченного равновесия в положении между мирами. В нем динамическая целостность сочетается со статической целостностью (Топоров В. Н. Числа // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 630).

Варианты: № 123—129.

130. «ГОД ГОДУ ХУЖЕ...» Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; предопределяет/предвещает судьбу; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: озёра, заязка (от слова *езь: езь заезить* — перегородить реку кольями для ловли рыбы). Хрононим: этот год. Сюжетообразующим является мотив произнесения приговора «Год году хуже...». Для усиления магического воздействия на мироздание мифическое существо произносит его трижды. Предполагается, что ухудшение состояния бытия возрастает каждый раз по завершении очередного годового цикла. Покачивание запредельного пришельца телом, как и покачивание головой (см. текст № 43), — знак его пребывания в медиативном пространстве, в промежутке между мирами. Символом такого локуса и служит «заязка», перегородившая реку. Несмотря на раннюю фиксацию (1907 г.), этот текст не относится к архаическим: человек, который слышит предсказание, не только не оказывается жертвой прорицания, но и сам убивает (или изгоняет) прорицателя (то же происходит в вариантах № 131, 136).

Варианты: № 130—141.

131. «ГОД ОТ ГОДУ ХУЖЕ...» Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; предопределяет/предвещает судьбу; исчезает; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: вода, озеро, «на том камению». Хрононимы: «на веснуху», ночью, этот год. Как и предыдущий (№ 130), данный вариант основывается на семантической формуле «Год от году хуже...». В рассматриваемом тексте сочетаются признаки бывальщины и предания. В нем мифическому прорицателю, утратившему свое господство над мирозданием, противостоит Петр Первый. Подобный мотив связан прежде всего с усилившимся преодолением дохристианских представлений в Петровскую эпоху.

Варианты: № 130—141.

132. «ГОД ГОДУ ХУЖЕ...» Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; совершает магическое действо («чесет волосы»); человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: «дальний берег озера», «место такое». Хрононим: этот год. Сюжет основан на семантической формуле «Год году хуже...». Однако в данном случае подобное причитание мифической «девки» не осмысливается как прорицание. Скорее, это констатация факта, свидетельствующего об ухудшении положения самой предсказательницы, против которой в качестве оберега использована молитва. О магии *расчесывания волос* см. коммент. № 67. О *нагоде* мифического существа («девка гола») см. коммент. № 85. «Дальний берег озера» в мифологическом восприятии обычно ассоциируется с запредельным миром. «Место такое», как правило, — локус мифического существа (см.: Криничная Н. А. Мифические «такие места» // Русская речь. 2009. № 3. С. 104—109). Номинация *русалка* на Русском Севере появилась сравнительно поздно. В какой-то мере она вытеснила понятие «водяница», а подчас и «водяной».

Варианты: № 130—141.

133. «ГОД ГОДУ ХУЖЕ...» Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; совершает магическое действо (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает судьбу; мифическое существо обнаруживает себя аномальными признаками («пле-

шатый»). Локус: вода. Хрононимы: этот год, перед войной. Как и в предыдущих текстах, в данном варианте сюжетобразующим является мотив произнесения приговора «Год году хуже...». Здесь этот приговор предопределяет/предвещает войну. О магии *расчесывания волос* см. коммент. № 67.

Другой же «воденик» назван «плешатым», т. е. лысым. В силу отсутствия волос, а значит, жизненной, в том числе и магической, силы он не в состоянии оказывать на мироздание сколько-нибудь заметное воздействие.

Варианты: № 130—141.

134. «ГОД ОТ ГОДУ ХУЖЕ...» Мотивы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает судьбу; исчезает. Локусы: озеро, камень посреди озера, вода. Хрононимы: однажды, этот год. Местонахождение девы вод *на камне*, осмысляемом как первозданная земля, пребывающая в состоянии творения, типично для данного цикла — см. коммент. № 43. Устойчива и локализация камня *посредине озера*, где возможен контакт между мирами, — см. коммент. № 32. О семантике *черных волос* см. коммент. № 53, 71, о магии *расчесывания волос* см. коммент. № 67. В данном варианте дева вод предсказывает, что год будет плохим. Исчезновение мифического существа при появлении человека — устойчивый мотив рассматриваемого цикла.

Варианты: № 130—141.

135. «ГОД ОТ ГОДУ ХУЖЕ...» Мотивы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает судьбу. Локус и хрононим: «поехал лучить» (бить рыбу острогой, при лучинном огне, ночью). Последствием троекратного произнесения магического приговора «Год от году хуже...» является начавшаяся вскоре революция. О магии *расчесывания волос* см. коммент. № 67.

Варианты: № 130—141.

136. «ГОД ГОДУ ХУЖЕ...» Мотивы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает судьбу; исчезает; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: «озеро глубокое», «высокий такой берег», камень, гора, вода. Хрононим: этот год. В бывальщине представлен двухуровневый макрокосм, где верхний ярус — это высокий берег, отождествляемый с горой, на которой находится очевидец происшествия, а нижний ярус — ближний берег глубокого озера: здесь локализуется водяница. О семантике *камня* см. коммент. № 43. Мифическая женщина вод прорицает дальнейшее разрушение состояния мироздания: это состояние соотносится с ухудшением ее собственного положения в макрокосме. О магии *расчесывания волос* см. коммент. № 67. В рассматриваемой бывальщине обнаруживается трансформация коллизии: человек не только не боится мифической прорицательницы, но и изгоняет ее (ср. с текстами № 130—131).

Варианты: № 130—141.

137. «ГОД ГОДУ ХУЖЕ...» Мотивы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы); предопределяет/предвещает

судьбу. Локусы: «камень такой большой в реке», ямка. Хрононимы: «небольшие когда были», этот год. Сопровождая акциональные проявления (*расчесывание волос* — см. коммент. № 67) вербальными (произнесение приговора), «хозяин» вод предопределяет дальнейшее течение бытия. Об образе большого камня как первозданной земли см. коммент. № 43.

Варианты: № 130—141.

138. «ГОД ГОДУ ХУЖЕ...» Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; совершает магическое действие (*расчесывает волосы*); предопределяет/предвещает судьбу. Локусы: «на камне посреди реки», на мосту. Хрононим: этот год. Текст состоит из устойчивых в этом цикле мотивов и элементов. О магии *расчесывания волос* см. коммент. № 67. О семантике *черных волос* см. коммент. № 53, 71. Образ камня в данном контексте связан с представлениями о первозданной земле — см. коммент. № 43. *Середина реки/озера* — место контактов между мирами — см. коммент. № 32. *Мост* в народных верованиях осмысливается как медиативное пространство — см. коммент. № 56. Это один из немногих зафиксированных в севернорусской традиции текстов, где утопленница становится русалкой.

Варианты: № 130—141.

139. «СЕГОДНИЙ ГОД ХУЖЕ ПРОШЛОГОДНЕГО». Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; предопределяет/предвещает судьбу. Локусы: мост, прорубь. Хрононимы: зимой, летом. Данный текст несколько отличается от других вариантов. В нем магический приговор не произносится, а поется. О магии *пения* женских водяных персонажей см. коммент. № 98—106. Следствием такого прорицания в этом варианте служит большое количество утонувших людей. Прорубь осмысливается как канал связи между мирами. Появление русалки в белых одеяниях в этом конкретном случае — предзнаменование смерти. В приведенном тексте отсутствует указание на последовательное ухудшение положения дел в мироздании: «сегодняшний год» лишь хуже прошлогоднего, но это вовсе не значит, что прошлогодний год был хуже предыдущих лет.

Варианты: № 130—141.

140. «ЧЕМ ГОД, ТЕМ ХУЖЕ...» Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; совершает магическое действие (*гладит волосы*); предопределяет/предвещает судьбу; исчезает. Локусы: берег, большой камень. Хрононим: проснулась. Здесь речь идет о нарастающем ухудшении состояния мироздания. В качестве последствий предопределения/предсказания девы вод представлена начавшаяся вскоре эвакуация. Вместо *расчесывания волос*, характерного для мифического водяного существа (см. коммент. № 67), фигурирует их *поглаживание*, что, надо полагать, имеет аналогичную семантику. Видение открывается женщине сразу же после ее пробуждения, когда она, все еще находясь в состоянии между сном и бодрствованием, пребывала в лиминальном («пороговом») состоянии, что и обеспечило сверхвидение. О семантике образа камня см. коммент. № 43.

Варианты: № 130—141.

141. «А ЭТОТ ГОД ВСЕХ КУКНУТ». Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя колористиче-

скими проявлениями; обнаруживает себя вербальными проявлениями; предопределяет/предвещает судьбу; исчезает. Локусы: из воды, «по берегам больши каменя», «на этом берегу, на камешку», с горки. Хрононимы: в этом году, перед войной. В приведенном тексте мифическое водяное существо предвещает войну. В рассказе использованы однокоренные слова, обозначающие различные понятия: водяница *кукала-кукала* — «издавала голос», «куковала», «жаловалась»; *всех кукнут* — «убьют»; *сама кук* — *да с горки* — «мгновенно исчезла». О семантике *черных волос* см. коммент. № 53, 71. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43.

Комментируемый сюжет, основу которого составляет варьирующаяся семантическая формула, широко бытует на Русском Севере. Однако известен он и в Восточной Сибири — см.: Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. № 68. С. 52; Коммент. № 68. С. 332. — повторная запись.

Варианты: № 130—141.

142. «БУДЕТ ЛИ ПРОМЫСЕЛ?» Мотивемы: мифическое существо показывается в облике природной стихии/в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; вступает в контакт с человеком; предопределяет/предвещает судьбу; «знающий» вступает в контакт с мифическим существом. Локусы: море, прорубь, берег; в стороне. Хрононим: прежде. Это довольно редкий сюжет: в нем мифическое водяное существо вступает в непосредственный контакт с человеком. Правда, это не просто человек, но «знающий» («дед»). *Донный* (см. также текст № 163) представлен в виде персонажа, покрытого волосами-струями воды (о семантике *волосатости* см. коммент. № 62). Это некое средоточие магической продуцирующей силы. Обусловленное ею обилие проявится в богатой добыче на морских промыслах, которая предопределена мифическим прорицателем. Рев зверей доносится из будущего в настоящее. Прорубь осмысливается как канал связи между мирами.

3.11. Предопределяет/предвещает судьбу знаками-символами

143. А ПОТОМ ПРИПАЛА К МОСТУ. Мотивемы: мифическое существо показывает себя в зооморфном облике; «мифическое существо» предопределяет/предвещает судьбу; человек проявляет признаки поврежденности. Локусы: росстань, на мосту, река; «домишко», три избы, деревня. Хрононим: вдруг. В данном случае роль мифического прорицателя берет на себя одна из девушек. Она «чудит» — имитирует предзнаменования судьбы посредством определенных производимых ею самой акустических знаков-символов, чтобы ушедшие гадать («чудить») на росстань «товарищи» могли эти звуки услышать и истолковать эти сигналы в соответствии с их традиционным значением. Поскольку подобная замена не была регламентирована ни ритуалом, ни этикетом, девушка оказалась в промежутке между мирами, между жизнью и смертью, пережив лиминальное («пороговое») состояние: «<...> и вот я идти не могу, кричать не могу — ничего не могу, не могу. Вот никак не могу. <...> Дак никак не знаю, как я попала, я даже не помню до сих пор, и через порог я пала, тяжело мне было». Тем более что дело происходило на мосту (см. коммент. № 56) — в медиативном пространстве, одинаково доступном как для людей, так и в определенный момент для мифических существ, которые не преминули этим правом воспользоваться. Ср. с новгородской бывальщиной, где появление водяных коней на мосту изображается

сходным образом: «<...> на мосту стоят кони <...>. Тольки к канавинки подъехали, а с моста в воду... Как зашпукали лошади! Только плеск пошел!» (Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963—1999 г.). СПб.: Алетейя, 2001. № 267. С. 271).

144. **ВЫШЛА ИЗ РЕКИ.** Мотивема: некая безличная мифическая сила предопределяет/предвещает судьбу. Локусы: река, мост. Хрононим: [война]. В основе былички — вещий сон, посредством которого из инобытия поступают знаки судьбы, связанные с акватической символикой. Провалившийся в снег (эквивалент воды) сын «погинул». Перешедшая же по *мосту* (см. коммент. № 56) через реку дочь выходит на Шалу, расположенную на пути домой, и возвращается в родную деревню. Переход через реку, с одного берега на другой, знаменует передислокацию из «того» мира в «этот» (см.: Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. С. 114—116).
145. **«ПОДИ-ПОДИ В ОЗЕРО ПО ЖЕРДОЧКАМ».** Мотивема: некая безличная мифическая сила предопределяет/предвещает судьбу. Локусы: берег, озеро, «жердочки». Хрононимы: «не много времени», «может, и в тот момент». Роженица в народных верованиях осмысливается как лиминальное существо, находящееся в положении между мирами. Пребывание во сне обеспечивает ей дополнительно доступ к вестям из иного, связанного с водой, мира. Привидевшиеся женщине жердочки — *мостовины*, которые ведут в озеро, в мифологическом восприятии отождествляются с половицами, а те, в свою очередь, символизируют дорогу-судьбу (Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 48, 113, 191, 314). Роженица не последовала призыву некой безличной силы идти в озеро по жердочкам. Поэтому предопределение/предвестие сбывается не полностью: ее мужа Пешу хотя и «приколотили», однако он остался жив.

IV. ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ В СИСТЕМЕ АКВАТИЧЕСКИХ ЗНАКОВ-СИМВОЛОВ

4.1. Затягивает/забирает человека

146. **ВОДА БЕРЕТ.** Мотивемы: мифическое существо/некая безличная мифическая сила показывается в облике природной стихии; затягивает/забирает человека. Локусы: река, вода. Хрононимы: раньше — сейчас, «каждый год». Бытовой рассказ основывается на широко распространенном поверье: сама река, одушевляясь и персонифицируясь, ежегодно берет людей. В этом нарративе хрононим «раньше» в очередной раз противопоставляется хронониму «сейчас». Причем в плане аксиологии последний неизменно уступает первому. В рассказе отражены быт и верования людей, связанных со сплавом леса/бревен по реке Водле — от Водлозера до Пудожя.
147. **И СТАЛО ТЯНУТЬ-ТЯНУТЬ-ТЯНУТЬ.** Мотивемы: 1) некая безличная мифическая сила затягивает/не затягивает человека; 2) мифическое существо показывается в облике природной стихии/в неопределенном облике/в зооморфном облике; обнаруживает себя динамическими проявлениями. Локусы: «тут у нас», баня, сюда, мост, озеро, туда — обратно. Хрононимы: недавно, сейчас — раньше. В образе мифической силы, затягивающей человека в глубь водоема, совмещены различные воззрения: ми-

фическая сила представлена в облике природной стихии (волны), в облике неопределенного существа («какая-то», «эта»), в зооморфном облике («Не знаю, какой зверь тут. Какой ползал, какой плавал»). Иногда мифическая сила вообще ни с чем не идентифицируется и ни с чем не ассоциируется («есь там»). Соотнесение водной стихии с баней в мифологической традиции устойчиво: их объединяет общность представлений о ритуальном омовении, будь то рукотворная баня либо природная «купальня». Как и в предыдущем, в данном нарративе прошлое противопоставлено настоящему. В приведенной быличке это противопоставления веры и безверия, «знания» и «незнания». Старые люди, по мнению носителей традиции, могли видеть и знать, «что есь там», т. е. ведать о том, что за сила «тянет-тянет-тянет» человека в глубь водоема. О семантике *моста* см. коммент. № 56.

148. ТЯНУТ ПОД ВОДУ. Мотивы: мифическое существо обнаруживает себя притягательной силой; затягивает/забирает человека. Локусы: озеро, под воду. Хрононим: вдруг. Мифическое существо, которое внезапно и неожиданно забирает под воду парня, недостаточно идентифицировано. С одной стороны, это некая неопределенная сила («тянут»), а с другой, предполагается, что забрал парня водяной. Подобная недифференцированность мифических существ между собой, а также нерасчлененность их с безличной мифической силой, равно как и с природной стихией, типична для мифологических рассказов о духах вод.

149. «ДАК ТАК И ТЯНЕТ-ТЯНЕТ-ТЯНЕТ». Мотивы: 1) мифическое существо наказывает человека; человек нарушает запрет; проявляет признаки поврежденности; находит средство избавления от мифического существа; 2) некая безличная мифическая сила затягивает/не затягивает лошадь; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: 1) там, вода, оттуда, обратно; 2) туда — оттуда. Хрононимы: бывало — теперь. Приведенный текст состоит из двух сюжетов. В одном из них речь идет о запрете на ругань у воды и о наказании нарушителя запрета — см. тексты и коммент. № 208—213. В результате индивид обнаруживает некоторые признаки поврежденности, что служит проявлением карательных мер со стороны водяного.

В основе другого сюжета лежит рассматриваемая здесь коллизия: некая безличная мифическая сила «тянет-тянет-тянет» под воду лошадь, пока люди подручными средствами — камнями не отбиваются от этой силы. Противопоставлением «бывало» — «теперь» дифференцируются времена, когда мифические силы действовали активно и когда они эту активность утратили.

150. КТО-ТО ТЯНЕТ. Мотивы: мифическое существо показывается в зооморфном облике; обнаруживает себя огневыми проявлениями; затягивает/не затягивает человека; человек находит средство избавления от мифического существа; проявляет признаки поврежденности. Локусы: река, плотина, берег. Хрононим: «в темную осеннюю ночь». В основе былички та же коллизия, что и в предыдущих текстах. Мифическое водяное существо наделено признаками продуцирующей силы: оно шерстисто («весь мохнатый»), глаза у него «так и горят», т. е. излучают тепло и свет, без которых невозможна жизнь. Однако этот персонаж подвергся дискредитации под влиянием христианских воззрений. Соответственно оберегом от «врага» служит молитва, подкрепленная физическим сопротивлением. Участник происшествия (это сам рассказчик) переживает лиминальное состояние: руки, ноги у бедолаги «ровно окованы», люди поднимают его, «ровно мертвого».

- 151. ЗАЧЕМ УТЯНУЛ?** Мотивемы: мифическое существо наказывает человека; затягивает его; человек нарушает запрет. Хрононим: давно. Бывальщина основана на представлениях о соположенности миров, несанкционированное нарушение границы между которыми чревато для людей непредсказуемыми последствиями. Нарушения запрета (пусть даже по неведению) влекут за собой кару со стороны мифических существ, вплоть до смертельного исхода, что мы и наблюдаем в данном случае. Подобная коллизия может быть связана не только с водным, но и с лесным пространством. Точкой соприкосновения миров в лесу служит «такое место», топографически ничем не выделенное, но крайне опасное для нарушителя запретов (см.: Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. № 366—367. С. 391—393). Топография иного мира не совпадает с топографией мира людей.
- 152. «ЕГО ЗАФАТИЛО И ПОТАЩИЛО».** Мотивема: мифическое существо затягивает человека. Локус: вода. Хрононимы: вдруг, потом. В данном персонаже есть признаки и водяного («зафатил и потащил»), и некой безличной мифической силы («зафатило и потащило»), соотносенной с природной стихией. Мотивировка кризисной ситуации не приводится. Наречием «вдруг» определяется внезапность и неожиданность произошедшего.
- 153. ВОДЯНОЙ УТАЩИЛ.** Мотивема: мифическое существо затягивает/забирает человека. Локус: вода. Хрононим: на Ильинский неделе. Согласно мифологическим представлениям, *в Ильинскую неделю*, т. е. в неделю перед праздником Ильи Пророка (20 июля/2 августа), в реке купается сам водяной (см.: Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. № 63. С. 50, 307). См. также текст № 235. В это сакральное время он наиболее активно утаскивает, т. е. топит, людей: в данном случае его жертвой оказывается священник. Быть может, изначально именно это время, занимавшее свое место в языческом календаре, и отводилось для жертвоприношения водяному. С угасанием же обряда, равно как и с дискредитацией самого божества вод, полагающуюся ему жертву водяной стал брать сам (Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 361). Тот факт, что утонувшего священника вытащили без креста, свидетельствует: «хозяин» вод уже осмысляется как нечистая сила.
- 154. «СМОТРИ, ЧЕРТ УТАЩИТ!»** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; затягивает/не затягивает человека; совершает магическое действие (плещет); человек вступает в контакт с мифическим существом; проявляет признаки поврежденности. Локусы: речка, «доска такая», «недалёко от берегу», вода. Хрононим: «молодой еще была». Мифическое водяное существо, будучи негативно переосмысленным, представлено в качестве нечистой силы. О семантике *черных волос* см. коммент. № 53, 71. Появление этого «черта» отчасти обусловлено нарушением запрета на упоминание его имени, а отчасти магическим действием — превращением через голову, *кувырканием* (ср. с текстом и коммент. № 96), совершенным девушкой: «прыгала, перекидывалась». Такое кувырание влечет за собой перемену положения в мироздании, что обусловлено и ее «переходным» возрастом: «молодой еще была». Если доска-мостовина символизирует дорогу-судьбу (см. коммент. № 145), предназначенную девушке, то *плескание* («и руками по воде хлопнет»), произво-

димое «чертом», предполагает некое предопределение/предвестие (см. коммент. № 91), которого, во всяком случае, в явном виде так и не последовало. И тем не менее девушка переживает лиминальное состояние, которое обычно предшествует перемене: «Я так и пала».

155. **ХВАТАЛ ЛЮДЕЙ.** Мотивема: мифическое существо затягивает/забирает людей. Локусы: речка, берег. Хрононим: в определенное время. Рассказ основан на поверьях. Мифическое водяное существо забирает человека в определенное время. В соответствии с христианскими воззрениями водяной здесь негативно переосмыслен: «только мог принести зло». В борьбе за человеческую душу он противопоставлен Богу. Однако сквозь толщу наслоений и в данном случае просвечивает образ мифического предка, который забирает душу в изначальное лоно, где находятся все начала и концы сущего.
156. **«И ДЕВКА У ЕГО ЗАХВАЧЕНА».** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; затягивает/забирает человека. Локусы: тут — там, на этом месте. Хрононимы: все время, сначала — потом. Бывальщина основана на поверье: утонувшие люди подпадают под власть мифического «хозяина» вод. Время его действий в «этом» мире ограничено.
157. **ЧЕРЕЗ РЕШЕТКУ ДОСТАЛ.** Мотивемы: мифическое существо затягивает/забирает человека; человек нарушает запрет. Локусы: купальня, решетки. Хрононимы: «утром рано-рано <...>, все еще спали», «немного погодя», «солнце встало». Похищение девушки водяным происходит в момент, когда людям здесь появляться нельзя. Причем это случается в переходный период. Будучи лет пятнадцати, девушка пребывает в состоянии, предшествующем ее новому возрастному периоду, который, например, в Поморье начинается с 16—17 лет (Бернштам Т. А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX — начале XX в. // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. С. 49). О семантике *восхода солнца* как одного из моментов в суточном цикле, когда «размыкаются» миры, см. коммент. № 44. Причем опасным для человека является и время, примыкающее по одну и по другую сторону к темпоральной границе. Решетки же, которыми была огорожена купальня, знаменуют собой локальную границу между мирами. Подобными знаками-символами обусловлена неизбежность перехода индивида из одного состояния в другое, из бытия — в инобытие.
158. **ВОДЯНОЙ ВЗЯЛ.** Мотивема: мифическое существо затягивает/забирает человека. Локус: в деревне. Хрононим: «уже время в армию идти». Похищение парня водяным, надо полагать, связано с представлениями о времени перехода, когда человек пребывает в положении между мирами. При этом он может остаться «здесь», но может и уйти «туда». В данном случае имеет место последнее.
159. **ЗАМАНИЛА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); затягивает/забирает человека; человек обнаруживает способность к сверхвидению. Локусы: камень-остров, там, «близко от берега»; в деревне, окно. Хрононимы: раньше, праздник, в эту ночь. О семантике локализации мифического существа *на камне/острове* см. коммент. № 43. Подобная локализация служит предпосылкой к творению. Своим *расчесыванием волос* (см. коммент. № 67), осмысляемым как магическое действие, водное божество обеспечивает переход индивида в инобытие. Захват мифическим существом волос — знак пресечения человеческо-

го бытия, поскольку жизненная сила, по одной из версий, именно в волосах и содержится. Взглядом *из окна* в мифологическом восприятии обеспечивается особого рода сверхвидимость.

- 160. РУСАЛКА ПОТОПИЛА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); забирает человека. Локусы: берег, вода; баня. Омовению девушки в бане (см. тексты и коммент. № 49, 50, 116) предшествует магическое *расчесывание волос*, производимое русалкой и как бы предопределяющее дальнейшее течение бытия (см. коммент. № 67). Последующее затем купание девушки в водоеме, которое функционально тождественно омовению в бане, изначально ритуальному, служит предпосылкой коллизии, характеризуемой выражением «русалка закрыла», т. е. сделала ее посредством магического действия невидимой, исчезнувшей из «этого» мира.
- 161. КТО СТРЕЛЯЛ — УТОНУЛ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; забирает человека; человек нарушает запрет. Локусы: камень, вода. Хрононим: «поехали рыбачить». Поскольку нарушен запрет (человек стреляет в женщину вод), в мироздание вторгается хаос — установления больше не действуют. О семантике *расчесывания волос* см. коммент. № 67. В результате индивид, не предназначенный к завершению земного бытия ни судом, ни роком, тонет. Сверхестественность такого происшествия подтверждается тем обстоятельством, что вода здесь мелкая была. К тому же другой рыбак, который не стрелял в женщину вод, при равных обстоятельствах остался жив. В образе рассматриваемого мифологического персонажа совмещены признаки «хозяйки» обеих природных стихий — вод и воздуха (ветра), в равной степени ей подвластных. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43, образа *лодки* см. коммент. № 165.
- 162. ОКРИВЕЛ НА ОДИН ГЛАЗ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы); наказывает человека; исчезает; человек нарушает запрет. Локусы: озеро, камень, вода. Хрононимы: однажды, мигом, с того времени — на всю жизнь. Вариант близок к предыдущему тексту: человек стреляет в деву вод. За нарушение запрета он был наказан: «окривел на один глаз». Подобная асимметрия служит знаком проявления хаоса, который по вине этого нарушителя установлений вторгся в мироздание. О магии *расчесывания волос* см. коммент. № 67. О семантике *черноты* мифического существа см. коммент. № 53, 71. О семантике образа *камня* см. коммент. № 43.
- 163. ЗЛА НИКАКОГО НЕ СДЕЛАЛ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; не забирает человека. Локус: дно. Хотя водяной и локализуется на дне, но *донным* в этом тексте он не называется — ср. с текстом № 142.
- 164. ПЛЫВЕТ ПРЯМО НА МЕНЯ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; человек нарушает запрет; находит средство избавления от мифического существа. Локусы: река, гора, «зарод» (продолговатая укладка сена); лесная избушка. Хрононимы: «ночью, часов в двенадцать», «месяц пёк», «в ту ночь». Несмотря на нарушение запрета находиться у воды, а тем более в воде, в полночь, при лунном свете, виновник остается в мире живых, хотя водяной уже плыл прямо к нему. Однако нарушителю запрета удастся передислоцироваться с нижнего яруса мироздания (река) на верхний ярус (гора) и тем самым избежать попадания в подводный мир.

4.2. Гонится за лодкой, останавливает ее, забирает/не забирает людей

- 165. НЕ ДОГНАЛА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в облике природной стихии/в антропоморфном облике; забирает/не забирает человека; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: вода, берег. Мифическое водяное существо имеет одновременно признаки и волны, и человека. Его волосы уподобляются струям-волнам. Подобный персонаж проявляет повышенный интерес к плывущей лодке. Это связано с древними представлениями о захоронении в лодке, которая осмыслялась как средство передвижения в загробный мир, локализованный за рекой, под водой, в нижнем течении реки. Память об этом способе погребения сохранилась в слове *навь*, *навье* — мертвец, которое является однокоренным с *pavis* (лат.), что значит «корабль». Подобные представления обусловлены и тем обстоятельством, что по технике изготовления и лодка, и гроб, долбленные из цельного дерева, по сути, не отличались друг от друга (Анучин Д. Н. Сани, ладя и кони как принадлежности похоронного обряда. М., 1890. С. 98; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. С. 66; Криничная Н. А. «Пень да колода»: слово, образ, символ // Русская речь. 2011. № 1. С. 119—127; Она же. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 314).
- 166. НЕ В СВОЕ ВРЕМЯ.** Мотивемы: 1) мифическое существо показывается в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действие (расчесывает волосы); исчезает; 2) мифическое существо забирает/не забирает человека; человек нарушает запрет; находит средство избавления от мифического существа. Локусы: вода, мост. Хрононимы: «еще солнышко не выставиши», «не в свое время». Мифическое водяное существо появляется в посюстороннем мире в предназначенное для этого время — *перед восходом солнца* (см. коммент. № 44), стараясь продлить дозволенное мгновение вербальными средствами: «Черт, не свети!». *Расчесыванием волос* оно предопределяет течение бытия — см. коммент. № 67. Расположение мифического пришельца *на мосту* (см. коммент. № 56), т. е. в медиативном локусе, соответствует его предназначению. Появление в такой момент людей — нарушение запрета: «не в свое время ехали на лодке». *Лодка* (см. коммент. № 165) — предмет особого внимания со стороны мифического существа. Оберегом от него служит молитва, что свидетельствует об имеющей здесь место дискредитации бывшего водного божества.
- 167. НА ЛОДКЕ.** Мотивемы: 1) мифическое существо предопределяет/предвещает судьбу; 2) мифическое существо показывается в облике природной стихии; обнаруживает себя колористическими проявлениями («белый»); забирает/не забирает людей; человек нарушает запрет; находит средство избавления от мифического существа; проявляет признаки поврежденности. Локусы: деревня, [озеро], островок. Хрононимы: уже поздно, ночью, сколько времени, до утра, два года. Люди, нарушив запрет, выезжают на лодке ночью — в период суточного цикла, который всецело принадлежит мифическому существу. Оно появляется в облике природной стихии: перекачивает через весло, переваливается на воде, раскачивая и останавливая лодку, — см. коммент. № 165. О семантике образа *острова* см. коммент. № 43. Белый цвет в данном слу-

чае — цвет существа, не имеющего телесности, и отчасти знак смерти. В качестве оберегов используются божественная молитва и удары веслом. После такого происшествия одна из женщин (свекровь) в течение двух лет пребывала в лиминальном состоянии, в положении между мирами: «была в сумасшедшем доме».

- 168. А ПОТОМ КАК ЗАПОЕТ.** Мотивемы: некая безличная мифическая сила обнаруживает себя акустическими проявлениями (поет); обнаруживает себя световыми проявлениями (от нее исходит блеск); забирает/не забирает людей. Локусы: середина [озера], на том месте. Хрононимы: «на рыбалку ездили», вдруг, «не знаю, сколько было это», потом, долго. Бинарные оппозиции: «что-то заблестит» — «погасло» и «как запоет» — «тихо стало» — находятся между собой в темпоральной соотносительности. Такая соотносительность позволяет видеть здесь один и тот же источник блеска и пения. Этот источник локализован *посередине* озера (см. коммент. № 32), где в сакральный момент мира оказываются взаимопроницаемыми. Осуществляемое «там» посредством *пения* творение (см. тексты и коммент. № 99—106, 139) воспринимается «здесь» в виде визуальных и слуховых проявлений. Как и в предыдущем тексте (№ 167), в данной бывальщине остановка *лодки* (см. коммент. № 165) связана с волеизъявлением некой безличной водяной силы, соответствующим предназначению этой лодки. Однако по истечении магического действия («все погасло, да так тихо стало») опасность для людей миновала: лодка сдвинулась с места.
- 169. ЧУДО НА ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ.** Мотивемы: мифическое существо обнаруживает себя аномальными проявлениями; обнаруживает себя акустическими проявлениями; забирает/не забирает людей; человек нарушает запрет (здесь: обычай); находит средство избавления от мифического существа. Локусы: остров, по пути, море/озеро; часовня Николы Угодника, Кижы, «за пятьдесят верст оттуда». Хрононимы: «лег спать», вдруг, «пришло время», «с четверть часа». В основе данного, как и предыдущего (№ 168), текста мотив остановки *лодки* (см. коммент. № 165). Однако в рассматриваемой бывальщине-легенде этот мотив трансформирован: останавливается не лодка, а стрелки компаса. Трансформации подвергся и мотив пения/наигрышей, доносящихся из глубин вод. Творение бытия посредством музыки в нужном для людей направлении приписывается в данном случае Николаю Чудотворцу, который, подобно водяным устроителям мироздания, локализуется на острове. Молитва, обращенная к Николаю Угоднику, служит оберегом от вредоносных сил. В данном тексте сочетаются признаки бывальщины и легенды.
- 170. ЛОШАДЕЙ ПЛАВИЛИ.** Мотивемы: некая безличная мифическая сила забирает/не забирает лошадь; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: поле, [на воде], берег. Хрононим: вдруг. В бывальщине представлены две типовые коллизии. Одна из них («плавил лошадь») соотносится с текстом № 149, а другая (лодка останавливается) — с текстами № 167—168. Кульминацией сюжета служит момент, когда некая безличная мифическая сила уже ухватила лошадь за ногу. В качестве апотропейного средства используется удар топором, который, будучи железным орудием, осмысливается как оберег от нечистой силы. В результате кризисная ситуация преодолевается.
- 171. ПОД ЛОДКОЙ.** Мотивемы: мифические существа показываются в антропоморфном метонимическом облике; обнаруживают себя акустическими проявлениями; обнаруживают себя вербальными проявлениями; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: река, берег, вода. Хрононим: вдруг. «Вторая

половина», или «другая половина», обычно осмысляется как двойник человека, его нетленная сущность (Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 243). Однако в комментируемом тексте эта мифическая сила уже трансформирована в «чертей». Мифические существа едут на лошади с колокольчиками и бубенчиками («галунами» и «подгарками»), звук которых призван отгонять злых духов (такая деталь не стыкуется с негативно переосмысленными персонажами). Лошадь же традиционно выступает в качестве посредника между мирами. О семантике образа *лодки* см. коммент. № 165. Следуя предписаниям древнего похоронного обряда, «вторая половина» намеревалась исполнить свое предназначение — сбросить в воды людей, укрывшихся под лодкой-гробом. Однако надетые на них кресты, осмысляемые как обереги от нечистой силы, помешали осуществлению таких планов.

- 172. ПОЕХАЛИ В ЛОДКЕ ДВЕ ДЕВКИ.** Мотивы: мифическое существо показывает себя антропоморфным облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; обнаруживает себя природными проявлениями; забирает человека; человек нарушает запрет. Локусы: на воде — под воду. Хрононим: «позапрошлым летом». Мифическое существо представлено в качестве первопричины гибели человека на воде. Однако для возникновения кризисной ситуации здесь обозначается несколько предпосылок: 1) девушка была на выданье, т. е. находилась в лиминальном состоянии, в положении между мирами, что вытекает из логики обрядов перехода; 2) девушка, нарушив запрет, сама проявляет желание «посмотреть на подводное царство» — и это пожелание, и особенно вслух произнесенное, тотчас же материализуется; 3) героиня находится в лодке, осмысляемой как атрибут похоронного обряда, — см. коммент. № 165. О семантике *черноты* мифического «мужика» см. коммент. № 53, 71. Вода, заколебавшаяся без ветра, без волн, — акватический знак-символ связанного с ней мифического существа. Представления о хрустальном дворце, где живет водяной, устойчивы на Русском Севере. Ср.: «У каждого водяника на своем озере или реке есть свой собственный дворец. Палаты его очень роскошны и сделаны из такого чистого хрусталя, как первый осенний лед. Редко кому удастся видеть его дворец» (Лесков Н. Представления кореляков о нечистой силе // Живая старина. 1893. Вып. 3. Отд. 5. Смесь. С. 417). См. также текст № 179. Хрусталь приравнивается ко льду, а лед — эквивалент воды. См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. 677 (далее — СУС).
- 173. НАВЕРНО, ВОДЯНИКИ.** Бытовой рассказ, соотнесенный с представлениями о водяных, локализованных в лодке, — см. коммент. № 165.

4.3. Похищает младенца/подростка

- 174. ДЕВКИ В ЗЫБКЕ НЕТ.** Мотивы: некая безличная мифическая сила показывает себя в облике природной стихии; показывается в зооморфном облике; обнаруживает себя проявлениями темноты; обнаруживает себя вербальными проявлениями; похищает ребенка; «знающий» находит средство избавления от мифического существа. Локусы: изба, улица; «три километра на карбасу, три километра лесом, там гора Чернавка»; три порога, позади, море, речка. Хрононимы: вдруг, три дня. В образе безличной мифической силы соединены древние представления о воде и воздухе (ветре, буре). Координатами пути в иной мир, куда была унесена похищенная девочка,

служат море, лес, гора. Качание двухлетнего ребенка *в зыбке* означает все еще продолжающееся его пребывание в положении между мирами, чем и обусловлена возможность похищения девочки в «тот» мир. Несмотря на вызволение, человек, согласно народным верованиям, рано или поздно возвращается «туда». Не случайно мифический похититель заявляет: «Моя будет!». «Три порога» в данном контексте обозначают границу между мирами. Запрет оглядываться основан на древних представлениях: если человек хотя бы взглядом окажется в оставшемся позади пространстве, он неизбежно туда и вернется. Ср. с классическим мифом об Орфее и Эвридике, где герой, обернувшись к жене, идущей вслед за ним из Аида, нарушает этот запрет. Варианты: № 174—176.

175. **ДЕВКИ В ЗЫБКЕ НЕТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; обнаруживает себя проявлениями темноты; похищает ребенка; «знающий» находит средство избавления от мифического существа; человек проявляет признаки поврежденности. Локусы: море, изба, тут, гора, пенек, «три километра надо было ехать, три километра пешком идти», назад, там, три бани, вода, три порога. Хрононимы: три года, три дня, до двадцати пяти годов. Текст представляет собой повторную запись сюжета. Временное потемнение в избе — знак вторжения сюда существа из иного мира. Локализация девочки в качающейся *зыбке* символизирует неустойчивость ее пребывания в «этом» мире. Местонахождение похищенной за морями, за лесами знаменует ее передислокацию в запредельный мир. *Пенек на горе* нередко заменяет мировое древо, где возможны контакты между мирами. Левая рука, как и левая сторона, связана с действием в потустороннем мире (см.: Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. С. 51—53). Нога, которая болела три года, — знак поврежденности человека, побывавшего в ином мире. Три порога — символ преодоления границы между мирами. Вода, которую мифический похититель «взбушевал», свидетельствует о признаках неустойчивости мироздания: только через три дня оно вернулось к прежней стабильности. Ср. с текстом № 241.

Варианты: № 174—176.

176. **«РОБЁНОК ПОТЕРЯЛСЯ!..»** Мотивемы: мифическое существо показывается в зооморфном облике; мифическое существо похищает ребенка; «знающий» находит средство избавления от мифического существа. Локусы: «на тони сидели», гора, мох, клоч (кочка или островок), «в ту сторону, в нижну», «угор», баня, вода. Хрононим: утром рано. В данном мифологическом рассказе водяной совмещен с лешим, что обусловлено их функциональным тождеством. В изображении же самой коллизии преобладает акватическая символика: в зверях, которые «гонились» за лодкой, угадываются связанные с водой мифические существа. Похищенную находят на «клочке»: это может быть кочка на болоте, но может быть и островок на воде, иногда плавучий. Помутнение воды в ручье — скорее, результат действий раздосадованного водяного, чем лешего. То же можно сказать и о рассыпавшейся бане. По своей семантике текст близок к предыдущему сюжету — см. коммент. № 174—175.

Варианты: № 174—176.

177. **ОТДАЛИ ВОДЯНОМУ.** Мотивемы: мифическое существо похищает ребенка; человек находит/не находит средство избавления от мифического существа. Локус: на то место. Хрононим: не вовремя. Проклятие типа «Поди к лешему» или «Поди к черту» на этот раз, надо полагать, было обращено к водяному. Последний, воспользовав-

шись случаем, уносит «девку» в свое царство. Такое похищение, по народным верованиям, возможно в «урочное» время. Чаще всего это имеет место *на восходе/на закате солнца, в полдень или полночь*, когда «размыкаются» миры. В бывальщине используется поверье: если на похищенную, которая выходит в мир людей, накинуть крест (оберег от нечистой силы), то она останется «здесь» навсегда. Однако в данном случае это магическое действие не было с точностью исполнено. Крест был накинут не на «девку», а лишь на то место, где она появлялась. В результате ожидаемого эффекта не последовало.

- 178. ПОХИЩЕНА БЫЛА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; похищает ребенка; человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: завод, питейное заведение; деревня. Хрононим: лет семь или восемь. Бывальщина модернизирована. Локализация на заводе женщины, которая была похищена еще в детстве, эквивалентна местонахождению на водяной мельнице: и в том и в другом случае используется энергия воды, вырабатываемая гидравлическим способом. Причастность к опьяняющему напитку («питейное заведение») выдает в этой женщине существо, оказавшееся в положении между мирами. Невидимость, т. е. отсутствие облика, также признак лиминального существа. Появление похищенной в виде женщины в коротком платье и с распущенными волосами свидетельствует о некотором преодолении «порогового» состояния. Накидывание на нее креста — действенное средство возвращения в мир людей. В бывальщине используется поверье: неблагоприятную пищу потребляет мифическая (преимущественно нечистая) сила.

4.4. Избавитель вступает в брак с героиней, похищенной мифическими силами

- 179. НЕВЕСТА ИЗ ОЗЕРА.** Мотивемы: мифическое существо похищает героиню; человек вступает в брак с похищенной. Локусы: озеро, берег, «дорога прямоезжая»; хрустальные хоромы, «пребогатая палата», «фатера», дом, окно. Хрононимы: «месяца два спустя», ночью. Сюжет СУС 813А. Данный текст — промежуточное звено между сказкой о похищенной, а затем вызволенной героине и бывальщиной о взаимодействии людей и мифических существ, «этого» и «того» (подводного) миров. Похищенная в младенческом возрасте девочка остается во власти «хозяина» вод вплоть до совершеннолетия, в конечном счете, до свадьбы. Коллизия, представленная в бывальщине, соотносится с обрядами перехода, связанными с рождением и браком человека. В эти периоды индивид переживает состояние лиминальности, интерпретируемой как похищение. Подобное похищение служит метафорой ритуальной изоляции невесты перед свадьбой. Суженую, которая находится в состоянии лиминальности, может отличить от ей подобных лишь «знающая». Функцию похитителя в рассматриваемых нарративах водяной разделяет с духами-«хозяевами» леса и жилища, поскольку в их образах есть общая составляющая — генетическая связь с образом мифического предка. Хрустальные хоромы — устойчивое (см. также текст и коммент. № 172) место обитания «хозяина» вод. Варианты: № 179—181.

- 180. «ПОЕДУ К ВОДЕННИКУ ЖЕНИТЬСЯ».** Мотивемы: мифическое существо похищает героиню; человек вступает в брак с похищенной. Локусы: река, порог, вода,

дорога, изба; улица, окна, дворец, царство-государство. Хрононимы: завтра, «день андела», всю ночь, утром, на второй день. Сюжет СУС 813А. В данном тексте сочетаются признаки бывальщины и сказки. Общими для обоих жанров являются мотивы похищения героини в потусторонний мир и ее вызволения с последующей свадьбой. Типичными же для сказки можно считать локализацию посюстороннего действия в царском дворце, размышления героя, оформленные по модели «утро вечера мудренее», обретение чудесного помощника (вероятно, это и есть Микола, которому герой молился), оживление вызволенной героини посредством мертвой и живой воды, воцарение героя. Однако в этом тексте имеются и признаки бывальщины: изображение крестьянского быта, будь это царский дворец или подводный мир; использование элементов обряда сватовства при появлении героя в избе водяника; включение в контекст народных верований, согласно которым «этот» мир отделен от «того» порогом реки, приравненным к порогу избы, а человек может не только посещать подводный мир и возвращаться из него, но даже вступать в родственные отношения с его «хозяевами». Рассматриваемый сюжет соотносится и с обрядом перехода. Не случайно сватовство героя в потустороннем мире совпадает с его «днем андела», его именинами, с достижением того самого возраста, когда предстоит вступить в брак. Поскольку данный персонаж находится в лиминальном состоянии, ему и открывается запредельный мир. Несмотря на сказочные элементы, рассматриваемый текст по своей семантике довольно близок предшествующей бывальщине (№ 179).

Варианты: № 179—181.

- 181. НЕВЕСТА ИЗ МЕЛЬНИЦЫ.** Мотивемы: мифическое существо похищает героиню; обнаруживает себя природными проявлениями; человек совершает магическое действие (играет на музыкальном инструменте); находит средство избавления от мифического существа; вступает в брак с похищенной. Локусы: мельница, «в вёрстах трех от деревни», избушка, лавка, «середка избы», плотина, на полудороге/до полудороги, «двадцать пять верст <...> до погоста», «от самого места», церковь, дом. Хрононимы: «в один день», вдруг, «на две ночи», «до полночи», «на третью ночь», «на ту пору». Сюжет СУС 813А. Экспозицией к традиционной коллизии является мотив похищения девочки, двухлетней (см. тексты № 174, 179) либо полуторагодовой (№ 181). По одной из версий, девочку с помощью «знающей» удастся незамедлительно вернуть (№ 174—176). По другой версии (№ 179—181), похищенная остается в подводном царстве вплоть до совершеннолетия. Причем в одном из вариантов (№ 179) «хозяин» вод сам отдает свою подопечную замуж, едва не спутав ее с подобными же лиминальными существами. В другом варианте (№ 181) герой преодолевает сопротивление водяной силы. Он вызволяет похищенную из плотины, которая преграждает течение, движение воды, поднимая ее уровень, необходимый для обеспечения работы мельничного колеса. О семантике сюжета см. коммент. № 179. Музыка и пляска, равно как и пение (см. коммент. № 99—106), исполненные с обеих сторон синхронно, оказываются магическим средством, обеспечивающим взаимопроницаемость миров и, в конечном счете, вызволение похищенной из инобытия. Это происходит в условиях сакрального хронотопа: в полночь, *посередине* избушки, *посередине* дороги («на полудороге»), где возможны контакты между мирами (см. коммент. № 32). Причем вызволение происходит с третьей попытки. Переодевание молодухи в «хорошо платье» — знак завершения лиминального состояния «невесты из мельницы» и обретения ею формы, облика, статуса в

мире людей. Крест и звон колокольчиков — обереги от нечистой силы, в которую здесь трансформировались мифические водяные существа.

Варианты: № 179—181.

- 182. У ВОДЯНОГО ЦАРЯ В РАБОТНИКАХ.** Мотивемы: мифическое существо похищает героя; человек находит средство избавления от мифического существа; вступает в брак (здесь: восстанавливает брачные отношения) с похищенным. Локусы: у водяного царя, прорубь («прорубь»), лед. Хрононим: наутро. В этом мифологическом рассказе, в отличие от предыдущих, похищение происходит в послесвадебный период, который, как и родильный, отмечен знаками перехода. Причем в данном случае похищается не молодуха, а новобрачный. Сюжет СУС 813В. В роли похитителя выступает «прохожий»: под ним подразумевается черт, нечистая сила. По сути, имеется в виду негативно переосмысленный водяной. Иной мир локализуется подо льдом, вход в него — прорубь. Быт мифических водяных существ, как и социальные отношения в их царстве, не отличаются от людских. Молодухе удалось вызволить мужа, поскольку она была с крестом, а креста нечистая сила боится. И потому решимость женщины остаться с мужем в подводном царстве устрасила его обитателей. Как только водяные выбросили («высвистнули») мужа с женой через прорубь на лед, новобрачные благополучно вернулись домой. Попытка вызволить похищенного из подводного царства здесь также удастся лишь с третьего раза.

4.5. Мифическое существо вступает в брак с человеком

- 183. ДЕВИЦА ИЗ ПОДВОДНОГО ЦАРСТВА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в нулевоморфном облике/антропоморфном облике; совершает магическое действие (пляшет); вступает в брачные отношения с человеком; одаривает/обогащает человека; человек совершает магическое действие (играет на музыкальном инструменте); вступает в брачные отношения с мифическим существом; находит средство избавления от мифического существа. Локусы: Грумант (Шпицберген), «гальёта» (гальота — старинное гребно-парусное судно), морская глубина, подводное царство, зеленые поля, сады, рощи, каменный дом, окно, горница, «калиновый мост». Хрононимы: каждый вечер, три года, «с год времени», с той самой поры. В отличие от невесты из озера (№ 179), которую отдает герою в жены сам водяной, или в отличие от невесты из мельницы (№ 181), которую герой вызволяет, девица из подводного царства, с которой вступает в брачные отношения молодой промышленник, уже не принадлежит миру людей. Будучи, как и в других текстах, похищенной еще в детстве мифическими водяными существами, она уже не предназначена для земной жизни и, соответственно, не подлежит вызволению. Ее, находящуюся «у чертей под началом», и выдают замуж за «черта»: под «чертями» здесь подразумеваются негативно переосмысленные водяные существа. Не случайно, по другому варианту, «бледнолицая красавица с русыми косами» была русалкой (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. М.: Индрик, 1994. Т. II. С. 247). Известна и иная версия данной коллизии. В ней повествуется о том, как водяная царица «слюбилась» с промышленником на Груманте. Когда этот промышленник ее покинул, она на прощание бросила ему в лодку прижитых с ним детей (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Петрозаводск: Карелия, 1991. Т. 3. С. 189). *Ширинка*, т. е. тканое полотенце, вышитое самой девой подводного царства, предопределяет будущее человека, которому она была подарена. Ее узоры служат

знаками-символами дороги-судьбы (подробнее см.: Криничная Н. А. Нить жизни: ре-минисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 15, 24—25, 35 и др.). *Кулек жару*, т. е. углей, — метафора огня, который, ассоциируясь по своему свету/блеску с золотом, в него же и превращается (см.: Афанасьев А. Н. Мифическая связь понятий: *света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи* // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1854. Кн. 2. Отд. 6. С. 57—61). И наоборот, «бе-совские» деньги нередко превращаются в угли. О семантике *моста* см. коммент. № 56. В данном тексте герой, бросаясь в воду с «калинового моста», в ту же минуту оказывается в подводном царстве. Изображение этого царства близко к описанию рая в легендах: «зеленые поля, сады, рощи».

Варианты: № 183—184.

184. **ДЕВИЦА ИЗ ПОДВОДНОГО ЦАРСТВА.** Мотивы: мифическое существо показывается в нулевоморфном/антропоморфном облике; совершает магическое действо (пляшет); человек совершает магическое действо (играет на музыкальном инструменте). Локусы: «гальёта», морская глубина. Хрононимы: каждый вечер, вдруг. Вариант предыдущего текста. См. коммент. № 180. К числу мифических танцовщиц относятся и сказочные царевны, которые настолько привержены танцам, что каждую ночь уходят в подземное царство, где предаются неистовым пляскам, изнашивая всякий раз по паре новых башмаков. В одном из хорутанских нарративов повествуется о деде, которая еще ребенком была похищена и унесена в море. Там девочку вскормили морские девы, научили ее пляскам, а белое тело похищенной облекли рыбьей чешуей (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. II. С. 247).

Варианты: № 183—184.

185. **ЖЕНА ИЗ ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРА.** Мотивы: мифическое существо показывается в орнитоморфном/антропоморфном облике; обнаруживает способность к перевоплощению; вступает в брачные отношения с человеком; исчезает; человек вступает в брачные отношения с мифическим существом; находит средство восстановить отношения с этим существом. Локусы: за Онего, в дальней губе, остров, берег; озеро Ильмень, плот, дорожка; большое село, богатый дом, изба. Хрононимы: вечером, до утра, «стало светать», к вечеру, три года — «срочное времячко», «солнышко было навечере». Действие происходит за озером, осмысляемым как граница между мирами, в дальней губе, т. е. в заливе, мало того, что далеко, но еще и далеко вдающемся в сушу. Это знак приближенности подводного (нижнего) мира к миру людей. К тому же мистерия наблюдается на острове как некоем изолированном пространстве, на берегу — медиативном пространстве между земным и подводным мирами. *Лодка* (см. коммент. № 165) и *плот* (*мост* — см. коммент. № 56) — локусы промежуточного пространства, откуда вначале героиня, а затем и герой попадают в подводный мир. О семантике хрононимов *на восходе/закате солнца* см. коммент. № 44. *Три года*, названных «срочным времячком», — сакральный срок перехода мифического существа из одного состояния в другое, из одного статуса в другой. Такая перемена обусловлена браком как одним из обрядов перехода. Жена из Ильмень-озера — существо из иного мира. Она появляется «здесь» и возвращается «туда» в облике водоплавающей птицы, в данном случае — лебедушки. О семантике мотива перевоплощения см.: Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 640—708. Портомойница, знающая дорогу в подводное царство, сопоставима с мифическими прачками,

бьющими вальками белье на воде. Само же подводное царство уподобляется обычной деревне с ее постройками и укладом. Характерно, что один и тот же миф может реализоваться в различных фольклорных жанрах: в бывальщине с ее установкой на достоверность и в сказке, осмысляемой как вымысел. Сюжет СУС 813А. Впрочем, в современном сказковедении этот сюжет предлагается относить к жанру былички, исключив его из состава СУС (Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979) при переиздании [см. об этом: Корепова К. Е. Быличка и сказка (в межжанровом пограничье) // Рябининские чтения-2011: Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. 291—293].

186. **ЖИЛА С ВОДЯНЫМ.** Мотивемы: мифическое существо похищает человека; вступает в брак с похищенной; человек (похищенная) находит/не находит средство избавления от мифического существа. Локусы: берег, чертоги водяного, вода, река. Хрононимы: несколько лет, однажды, солнечный день, вечером одного дня. Утонувшая девушка представлена в качестве похищенной духом-«хозяином» вод. Причем в данной версии она вступает в брачные отношения не со своим освободителем, как это имеет место в текстах № 179—181, а со своим похитителем, что встречается реже. Прибрежная зона с обеих сторон, как и сам берег, служит местом контактов между мирами (Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. С. 109—116). Поэтому, подплыв к берегу, похищенная смогла, хотя и с третьей попытки, покинуть подводное царство, но с берега же она была в это царство и возвращена. И опять-таки на берегу находят тело несчастной, на этот раз уже безвозвратно погибшей. Теперь берег определяет пределы шумящей и волнующейся реки, с которой отождествляется и из которой одновременно выделяется ее дух-«хозяин».
187. **ДЕВУШКИ И ВОДЯНОЙ.** Мотивемы: мифическое существо похищает человека; вступает в брак с похищенной; человек (похищенная) находит/не находит средство избавления от мифического существа. Локусы: ниже по течению реки, где-то. Хрононимы: навсегда — никогда, через какое-то время. Оговорка рассказчика, который назвал водяного «лешим», не случайна. Номинация «леший» в фольклорной традиции нередко используется для обозначения более общего, родового понятия, в отличие от наименования «водяной», относящегося к определенной разновидности мифических существ. Прообразом мифической семейно-родовой общины служит аналогичная человеческая община. Подобные воззрения основываются на дуалистических моделях, согласно которым мир живых людей соотносится с миром духовных существ. В результате обитатели потустороннего мира в известной степени приравниваются к двойникам живущих на земле людей. Сюжет основывается на мотиве брачных отношений мифического существа с человеком. Причем попытка избавиться от притязаний потенциального претендента не всегда заканчивается успешно: выброшенное водой мертвое тело девушки, по мнению носителей традиции, — тому подтверждение.
188. **К НЕЙ ВОДЯНИКИ ПОХАЖИВАЮТ.** Мотивемы: мифическое существо вступает в брачные отношения с человеком; «знающий» не находит средства избавления от мифического существа. Локус: из воды. Хрононимы: «о сю пору», «немножечко погодя». В данной бывальщине устойчивая мифологема носит лапидарный характер. Здесь представлен редкий случай, когда рассказчик (это сказитель Л. Богданов, от ко-

торого П. Н. Рыбников записывал былины) соотносит фольклорно-мифологическую коллизию с реальной, конкретной женщиной, ставшей, по мнению его односельчан, объектом внимания со стороны пришельцев из подводного (нижнего) мира. Причем никакая апотропейная сила, используемая «знающими» людьми, на них не действует.

- 189. ВДОВА И ВОДЯНОЙ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; вступает в брачные отношения с человеком; похищает/не похищает ребенка; человек совершает магическое действо; находит/не находит средство избавления от мифического существа. Локусы: река; стол, дверь. Хрононимы: ночью, с этой ночи, «сряду после рождения», «в тот же день к ночи», короткое время. Проклиная над водой/рекой «свое вдовье житьё», женщина непроизвольно совершает магическое действо. Проклятие сбывается — а отныне ее жизнь перестает быть вдовой. Сон служит каналом связи между мирами. Ребенок, рожденный вдовой от водяного пришельца, появившегося в облике ее мужа, принадлежит двум мирам: человеческому и потустороннему. Предпринятые меры, предполагающие защиту новорожденного, который находится в положении между мирами, не приносят ожидаемых результатов. Причем не действуют ни христианские (крещение, икона), ни языческие (стол) апотропейные средства. Левая половина тела умершего младенца принадлежит иному миру — и она была унесена ночным пришельцем. Отсутствие у новорожденного лица — знак возвращения его к некоему изначальному состоянию, где нет ни облика, ни формы, ни статуса. Имеется в виду состояние досуществования и предсуществования.
- 190. ВОДЯНОЙ ХОТЕЛ ОБРУЧИТЬСЯ.** Мотивемы: мифическое существо совершает магическое действо (обвивает человеку палец); человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: озеро, вода. Хрононим: как-то. Подобный сюжет встречается нам впервые. Возможно, он принадлежит карельской традиции либо служит проявлением индивидуального, хотя и соотнесенного с мифологическими представлениями, творчества. Во всяком случае, здесь идет речь о витье («палец обвивает») травинки, которая подчас приравнивается к нити/волосу. Существует поверье: водоросли — это волосы водяного. Обвивание/завязывание ими, согласно древним воззрениям, противодействует свободному течению событий либо закрепляет некий акт (Криничная Н. А. Нить жизни: реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. С. 26). Имеет ли водяной намерение обручиться с девушкой? Ответить однозначно на этот вопрос не представляется возможным, поскольку мы не располагаем вариантами этого сюжета.
- 191. «ХОШЬ БЫ КТО ИЗ ОЗЕРА ПРИШЕЛ!..»** Мотивемы: 1) мифические существа показываются в антропоморфном облике; обнаруживают себя аномальными проявлениями; не вступают в брачные отношения с людьми; губят их; 2) мифическое существо покровительствует человеку; человек находит/не находит средство избавления от мифического существа. Локусы: деревня большая; изба у озера, «пещька», двери; «байня», полук, из-под полка. Хрононимы: «вещер, другой и третьей», «с вечера», в то время — в это время, утром, «спел певун». Варианты данного сюжета известны различным славянским традициям. Они встречаются от Восточной Сибири до западных районов Хорватии на Балканах. Сюжет зафиксирован у русских, белорусов, сербов, македонцев, болгар, словаков, хорват и др. Как выясняет Л. Раденкович на основе анализа всей совокупности вариантов, принадлежащих различным этнокультурным традициям, этот сюжет основан на мотиве нарушения запрета пряхь во время святок или других зим-

них праздников. Речь может идти и о запрете собираться в определенные дни на беседу (Раденкович Л. Чужие парни на вечеринке: севернорусские и южнославянские параллели одного фольклорного сюжета // Рябининские чтения-2011: Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. 371—374). В рассматриваемом севернорусском варианте связь с запретом на прядение или с нарушением темпоральных ограничений самой *беседы* (вечернее собрание молодежи с прылками либо собрание молодежи с танцами, играми и песнями) утрачена. Не прослеживается и связь наказания нарушителей запрета с водой, откуда и были званы на беседу мифические «парни». Однако в македонских поверьях женщин, которые нарушают запрет пряхть от Рождества до Крещения, вызывают из дома мифические существа *караконджулы*, царапают их большими гребнями или топят в реке/озере (Там же. С. 374). Последнее обстоятельство соотносится с появлением мифических «парней» именно из озера, о чем и идет речь в рассматриваемой нами севернорусской бывальщине. В нашем варианте ясно одно: нарушен некий запрет, в мироздание вторгается хаос, гибель девушек — последствия этого хаоса. «Парням» из озера противостоит дух-«хозяин» бани, который изображается в качестве покровителя членов семейно-родовой общины (Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 53 — 73). См. варианты в названной статье Л. Раденковича. Приуроченность изображаемой коллизии к воде/водоемам встречается в них редко.

V. ВОДНАЯ СТИХИЯ И КРЕСТЬЯНСКИЙ БЫТ

5.1. Человек нарушает этикет взаимоотношений с водой/водоемом

192. **НЕЛЬЗЯ ИЗ РУК ПИТЬ.** Мотивемы: некая безличная мифическая сила наказывает человека; человек нарушает запреты; проявляет признаки поврежденности. Локусы: вода, со стороны; в углу. Хрононимы: до сих пор, четырнадцать лет. Представления о некой безличной мифической силе определены выражением «есть ли там, нет ли что». Человек дважды нарушил запрет: пил воду руками, а не из берестяного ковшика или кружки; выругался, «на три буквы послал». Нарушив запреты, он допустил вторжение в мироздание сил хаоса, вследствие чего сам и пострадал: у бедолаги обнаруживаются признаки расслабленности. Вода предстает как живое существо, стремящееся к сохранению своей первозданной чистоты.
193. **В РУЧЬЮ НАПИЛАСЬ.** Мотивемы: некая безличная мифическая сила наказывает человека; человек нарушает запрет; проявляет признаки поврежденности; находит средство восстановить отношения с мифическими силами. Локусы: ручей, это место. Хрононим: был случай. Беременная («с брюхом была») осмысливается как лиминальное существо, которое пребывает в положении между мирами и потому представляется особенно уязвимой со стороны мифических сил. Нарушив запрет пить воду непосредственно из ручья и почувствовав недуг, она «прощается», т. е. просит прощения у мифической силы, чтобы она сняла болезни, добивается к себе расположения и снисхождения со стороны той, кому невольно причинила обиду, раскаивается в со-

деянном (Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. 347). См. также тексты № 209—212, 214. Под «этим местом» в данном случае подразумевается описываемое в быличке явление, обстоятельство, происшествие, произошедшее в определенный момент (Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6-ти вып. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. Вып. 3. С. 229).

- 194. ПИЛА ИЗ РУЧЬЯ.** Мотивемы: некая безличная мифическая сила обнаруживает себя динамическими проявлениями; показывается в зооморфном облике; наказывает человека; человек нарушает запреты. Локусы: поле, ручей, вода, то место. Хрононимы: сенокос, «жарко было», с тех пор. Охраняя свою первозданную чистоту, водная стихия наказывает нарушителей запрета пить воду непосредственно из ручья. Тем более нельзя пить там, где «в воде что-то брызгалось»: ср. с плеском/плесканием — см. коммент. № 91, 206. Иначе говоря, в этом месте совершается некое магическое действие, в течение которого женщина невзначай вторглась.
- 195. ВОДА СПИТ.** [Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; наказывает человека; человек нарушает запреты.] Локусы: вода, река, колодец. Хрононим: поздно вечером. Поверье. Включает в себя два запрета. Нельзя ходить поздно вечером, равно как и ночью, за водой. Подобно всякому живому существу, она в это время спит, и тревожить ее небезопасно: «покажется кто». Нельзя также, и особенно поздно вечером, полоскать в реке белье. Приравненная в мифологическом восприятии к человеческой крови, вода не должна загрязняться. Другие примеры, где упоминается о спящей воде, см.: Власова М. Н. Прозаический фольклор Терского берега Белого моря (по записям 1982—1988 гг.) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2004. Т. XXXII. Коммент. С. 380.
- 196. «ЧТОБЫ ВАМ ПОЛОСКАТЬ ПЛАТЬЯ?..»** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; создает мир (открывает родники); обнаруживает себя вербальными проявлениями; наказывает (предупреждает) человека; человек нарушает запреты; находит средство восстановить отношения с мифическими силами. Локус: родники. Хрононимы: иногда, «раз взяла, другой взяла». В данную быличку включен этиологический мотив возникновения родников. В роли их творца выступает некий мифический старичок, древнее происхождение которого выдает старинная одежда. Архаическим предшественником такого старичка является дух воды. Он заботится о сохранении изначальной чистоты родника. Сон служит каналом связи между мирами, воспользовавшись которым, создатель родников напоминает людям о запрете загрязнять воды. Женщине в этом сновидении удалось «отвести» гнев мифического старичка.
- 197. «НЕ МУТИ ВОДУ В МОЕМ ОЗЕРЕ».** Мотивемы: мифическое существо показывается в нулевоморфном облике/в облике тени; обнаруживает себя вербальными проявлениями; наказывает человека (утрожает); человек нарушает запреты; находит средство восстановить отношения с мифическими силами. Локусы: озеро, «места красивые»; лес, скалы, «полянки красивые», берег озера, вода; хуторок, изба, этот дом, на новом месте. Хрононимы: лет пять тому назад, «прошло мало ли, много ли времени», однажды, в первую ночь. Мифическая сила представлена здесь в облике *тени*, которая, как и отражение, осмысливается в качестве средоточия души (Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 138—139). Общение этой тени с человеком осуществляется посредством сновидения, трижды повторившегося. В нем

напоминается о запрете приходить «на озеро за водой или с бельем», выливать туда помой — одним словом, обустроиваться на его берегу, нарушая первозданную чистоту вод, хранящуюся здесь с «начала времен». Нарушение порядка в мироздании повлекло за собой пагубные последствия. Чтобы этого не случилось, новоселам пришлось покинуть облюбованные «красивые места».

Однако, кроме явных, в подобных мифологических рассказах есть еще и скрытые мотивировки неудачной попытки поселиться у воды. И главные из них таковы: между людьми и водной стихией не были с самого начала оговорены правила, которыми бы определялась гармония их взаимоотношений; не предприняты также меры, чтобы постройка органично вписалась в систему мироздания. В этом отношении интерес представляет поверье, связанное с первым выходом человека к конкретной реке/озеру при поселении на новом месте. Так, когда молодуха, вышедшая замуж в «озерное место», впервые пойдет на берег «глаза мыть», будь это зимой или летом, то она непременно возьмет с собой серебряные деньги, чтобы положить их «на пристань», т. е. на деревянные мостки к воде (вариант: опустить в колодец), сопроводив это приношение вербальной магией: «Вот, хозяин да хозяйшка, я вам гостинцы, я вам подарки и вот вашим детям гостинцы принесла. Вы этой водичкой будете поить меня и в хорошем здоровье держать и будете любить, как своих детей любите» (НА КарНЦ РАН. 150. № 13). Такой обряд в данном случае произведен не был.

198. **«ПОСЛЕ ЗАКАТУ КУПАТЬСЯ НЕ НАДОТЬ»**. Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя характерными признаками (длинные волосы); исчезает; человек нарушает запрет; находит средство избавления от мифического существа. Локусы: на том берегу, в отдаленности, вода. Хрононимы: раньше, «после заката». Действие разворачивается в условиях сакрального хронотопа. О семантике времени *на закате солнца* см. коммент. № 44. Координаты происшествия, связанные с *тем берегом* и *некой далью* («в отдаленности»), соотносятся с появлением мифического существа в «этом» мире. Поскольку данное время и данный локус принадлежат именно ему, то находиться здесь в этот момент людям запрещено. Крики испуганных купающихся, осмысляемые как оберег от потусторонних сил, равно как и поспешный выход из воды, позволяют преодолеть кризисную ситуацию, и притом без последствий.
199. **«НЕ СМЕЙ КУПАТЬСЯ!»** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике, обнаруживает себя вербальными проявлениями; совершает магическое действие (трижды выпрыгивает из воды); наказывает нарушителей запрета; человек нарушает запрет. Локусы: баня, вода. Хрононим: перед войной. Бывальщина представляет собой тот редкий случай, когда слова запрета на купание в «урочное» время приносит само водное божество. Троекратное выпрыгивание из воды мифической женщины — знак нарушения стабильности в мироздании, следствием чего в представлении носителя традиции оказалась Первая мировая («германска») война. Связь сверхъестественных происшествий с купанием в реке/озере *после бани* устойчива в мифологических рассказах данного цикла — см. коммент. № 49—50, 116, 160 и др.
200. **«КУПАТЬСЯ БУДЕШЬ — МОЖОТ ПОХИТИТЬ»**. Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; совершает магические действия (плещется, расчесывает волосы); похищает человека; человек не находит средства избавления от мифического существа. Локусы: реки, озера. Хрононим: Ильинская неделя. О семантике мотива *плескания* см. коммент. № 91, *расчесывания волос* — см. коммент.

№ 67. Связанные с этими мотивами акциональные проявления со стороны мифического водяного существа свидетельствуют об уже свершившемся предопределении судьбы смельчака. О семантике хрононима *Ильинская неделя* см. коммент. № 153. Мотив похищения эквивалентен мотиву попадания в потусторонний мир. Причем похищение в мифологическом восприятии приравнивается к смерти. Поверье основано на запретах купаться в те периоды, которые принадлежат (в пределах конкретных локусов) исключительно мифическим существам.

201. ВОДЯНИК ЗАХВАТИТ! Мотивемы: мифическое существо похищает/не похищает человека; человек нарушает запрет; находит средство избавления от мифического существа. Локусы: берег длинный, песочный, вода. Хрононимы: «были в молодости», в одно время, долго. Текст основывается на устойчивой коллизии, определяемой предикатами: *похитит, захватит, поймат, вздумает пошутить* и др., — где субъектами являются различные водяные существа либо некая безличная мифическая сила. Причем такая угроза чаще всего не подкрепляется вредоносными действиями со стороны этих персонажей, если только похищение не предопределено роком, судьбой (ср. с № 200). Купание *в одно и то же время* предполагает соблюдение определенных темпоральных рамок, в пределах которых это время было эмпирически освоено и на основе имеющегося опыта признано наиболее безопасным. Текст включает в себя элементы поверья, страшилки и присказки. Упоминание имени водяника может быть предпосылкой возникновения кризисной ситуации. И потому на его произнесение налагается запрет. Варианты: № 201—202.

202. «А ВДРУГ ОН НАС ПОЙМАТ...» Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя характерными признаками (длинные волосы); совершает магическое действие (распускает волосы); похищает/не похищает людей; человек нарушает запрет; находит средство избавления от мифического существа. Локусы: берег, туда, обрыв, там, не так далеко, большой камень, вода. Хрононим: «девчонкой была». Основу сюжета составляет нарушение запрета (и особенно во время купания) называть имя мифического водяного существа или даже думать о нем: названное или воображаемое, согласно народным верованиям, непременно материализуется. *Волосатость* водяного («волосы по всему») осмысливается как средоточие жизненной, в том числе и магической, силы — см. с. 73. *Распущенные волосы* (см. коммент. № 62) — знак приготовления к магическому действию либо даже осуществления его. Прибрежное пространство, расположенное по обе стороны границы между землей и водой, представлено как довольно обширная контактная зона между мирами. Обрыв же в своем символическом значении связан уже с образом подводного (нижнего) мира. О семантике большого камня см. коммент. № 43. На него мифическое существо усаживается всякий раз, когда ему предстоит вновь нечто творить, следуя изначальному образцу.

Варианты: № 62, 201—202.

203. «А ТО ВЗДУМАЕТ ПОШУТИТЬ». Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном/зооморфном облике; совершает магическое действие (расчесывает волосы); [похищает/не похищает человека]; наказывает человека; [человек нарушает запрет]. Хрононим: ночью. Согласно поверьям, водяной может принимать облик и человеческий, и животный. Существует запрет на купание в реке/озере ночью, поскольку это время принадлежит мифическим водяным существам. Нарушитель данного запрета может оказаться в кризисной ситуации.

- 204. Я КУПАЛСЯ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя характерными признаками (длинные волосы); преследует человека; [человек нарушает запрет]; находит средство избавления от мифического существа; проявляет признаки поврежденности («да так и упал»); «знающий» находит возможность восстановить целостность поврежденного человека. Локусы: вода, гора; двор. Хрононим: с тех пор. Мотивировка преследования купавшегося человека мифическим водяным существом в данной бывальщине завуалирована. Скорее всего, речь идет о нарушении запрета темпорального характера: парень не вовремя купался или же не вовремя пришел за водой. В определенные моменты суточного цикла, когда «размыкаются» миры, нарушитель запрета легко может быть похищенным в иной, подводный, нижний мир. И потому, выскочив из воды, человек «побежал на гору», т. е. на верхний ярус, в мир людей. Последствием приближения к запредельности служит лиминальное состояние героя, из которого, надо полагать, его вывела «знающая» старушка: она умела лечить испуг и «всё это», ей были известны некие магические «слова», т. е. заговоры.
- 205. РАЗДЕЛСЯ ДА ПРЫГНУЛ.** Мотивемы: мифическое существо похищает человека; человек нарушает запрет. Локусы: тут, река Онега, там, озеро. Хрононим: недавно. О запрете купаться нагим («задумал раздеться») см. с. 131—133. Парень, к тому же, не обезопасил себя, вопреки обычаю, берегами: «бухнулся» в воду не благословясь, не осенив себя крестным знамением. Вдобавок, будучи двадцати лет от роду, т. е. пребывая в предбрачном возрасте, парень переживал лиминальное состояние, т. е. находился в положении между мирами, что облегчило его перемещение в иной мир. Локализация в лодке (см. коммент. № 165), осмысляемой как средство передвижения отсюда в запредельность, также сыграла свою роковую роль.
- В бывальщине наблюдаются проявления двоеверия: с прошением о богатой добыче рыбаки обращаются к водяному, с молитвой же о хорошей погоде — к Господу Богу, который унаследовал подобные функции от своего архаического предшественника, в данном случае — все от того же духа-«хозяина» воды.
- 206. ИСКУПАЛСЯ В РУЧЬЕ.** Мотивемы: некая безличная мифическая сила показывается в облике природной стихии; обнаруживает себя колористическими проявлениями; совершает магическое действо (плещется); человек проявляет признаки поврежденности; обнаруживает способность предсказывать будущее. Локусы: покос, ручей, вода. Хрононимы: «косили сено», «жарко было», «с тех пор», «это было еще при царе». Мотивировка происшествия не приводится. Однако можно предположить, что дед нарушил некий запрет (например, искупался в полдень). Не случайно другие косцы и сами не купаются, и деда отговаривают купаться. Некая безличная мифическая сила («что-то») посредством брызг/плеска (см. коммент. № 91, 194) предопределяет его судьбу. Это брызги не просто воды, но белой воды, что в данном контексте если и не связано со смертью, то уж, во всяком случае, с болезнью (ср.: Толстой Н. И. Белый цвет // Славянские древности: Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого: В 5-ти т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 153). Соприкосновение с потусторонним миром дает человеку двоякий результат: с одной стороны, дед оказывается поврежденным («сошел с ума»), с другой, он обретает некое сверхзнание («стал предсказывать»).
- 207. НЕ СТАЛИ КУПАТЬСЯ...** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя аномальными проявлениями («а следа не видно»); исчезает; человек обнаруживает особого рода сверхвидение; находит сред-

ство избавления от мифического существа. Локусы: здесь, речка, берег, туда, к середине озера, далеко, в этом месте, вода, мост; окошко. Хрононимы: после, в тот год. Не отличаясь по своему облику от человека, водяной проявляет и некоторые мифические свойства: когда он гребет по воде, за ним не остается следа. Мифологическую семантику имеют и координаты его движения: водяной плывет к середине озера, где в сакральный час «размыкаются», а затем «смыкаются» миры (см. коммент. № 32). В итоге он уплывает далеко: с далью связаны представления о потусторонности. Окно и мост, осмысляемые в качестве медиативных локусов, дают людям возможность узреть то, что в обычных условиях остается невидимым. Появление водяного воспринимается как знак беды, для предотвращения которой люди предпринимают безотлагательные меры предосторожности, что дает ожидаемый результат.

- 208. «У НАС ВОДУШКА ХОРОША...»** Мотивемы: мифическое существо показывается в облике природной стихии; наказывает/не наказывает человека; человек нарушает/не нарушает запрет; находит средство восстановить отношения с мифическим существом. Локусы: озеро, вода. Водная стихия в мифологическом мировосприятии одушевляется и персонифицируется. Подобно живому существу, эта стихия не терпит какого бы то ни было отклонения от установлений, связанных с обращением к ней. Нарушителя запрета на произнесение худого слова вода может погубить: «вряд ли жив будешь». Чтобы обеспечить безопасность положения людей в мироздании, местные жители нейтрализуют слова хулителей озера, вытесняя их выражениями своего одобрения, многократно (для усиления воздействия) повторенными. В стремлении блюстителей традиции смягчить гнев водной стихии, задобрить ее и даже снискать ее покровительство обнаруживаются отголоски пропициального культа (см.: Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1980. С. 62—65).
- 209. ВОДУ ОБРУГАЛА.** Мотивемы: мифическое существо показывается в облике природной стихии; наказывает человека; человек нарушает запрет; проявляет признаки поврежденности; находит средство восстановить отношения с мифическим существом. Локусы: речка, то место; деревня, соседняя деревня. Хрононимы: однажды, после этого, с тех пор. Мотивировкой болезни служит нарушение запрета: женщина «нехорошо воду обругала». Здоровье восстанавливается, как только она произнесла «какие-то слова», т. е. заговор, в котором заключалась просьба о прощении и выражение раскаяния, — см. текст и коммент. № 193, 210—212, 214. Причем пропициальный обряд исполняется в том самом месте, где был нарушен запрет. В данной бывальщине первопричина болезни («болезнь эта от воды приключилась») устанавливается знахарем, который определяет ее, взглянув на нателный крест потерпевшей.
- 210. ЧИСТЫЙ РОДНИК.** Мотивемы: мифическое существо показывается в облике природной стихии; наказывает человека; человек нарушает запрет; проявляет признаки поврежденности; находит средство восстановить отношения с мифическим существом. Локусы: из лесу, ручей, родник. Хрононимы: ночью, на следующий день. Как и в предыдущей бывальщине (№ 209), мотивировкой болезни служит нарушение запрета на ругань, адресованную воде, да еще склонившись над ней: «Чтоб черт тебя побрал». Реакция воды последовала незамедлительно: как чистый родник оказался руганью оскверненным, так лицо у виновницы кризисной ситуации стало нечистым: всё в прыщах. И хотя средство восстановления статус-кво в данном варианте неизвестно, из других текстов (№ 193, 209, 211—212, 214) следует, что муж этой женщины

ходил ночью к роднику «прощаться», т. е. просить у него прощения за причиненное оскорбление. И произведенный пропициальный обряд тотчас же возымел действие: «на следующий день лицо у женщины было чистым, как раньше».

- 211. ИЗРУГАЛСЯ И ПЛЮНУЛ.** Мотивемы: мифические существа показываются в антропоморфном облике; обнаруживают себя вербальными проявлениями; предопределяют судьбу; наказывают человека; человек нарушает запреты; проявляет признаки поврежденности; не находит средства восстановить отношения с мифическими существами. Локусы: тоня (небольшой залив в губе моря или озера, где обычно наблюдается скопление рыбы в промысловые сезоны года), «отсюда километров за пятнадцать», озеро, река, вода; стая (огороженное место в хлеве для скота), дверь. Хрононимы: день, другой, на третий день, «вечер-то наступил», «легла спать», «только заснула», вдруг, утром. Мотивировка болезни — нарушение запретов, регулирующих взаимоотношения человека с водной стихией. Для преодоления кризисной ситуации используется обряд «прощания» — см. тексты и коммент. № 193, 209—212, 214. Одним из его компонентов служит наговоренная вода. Для получения такой воды «знающая» на *восходе* или *закате солнца* (см. коммент. № 44) выходит на улицу и наговаривает разные заклинания на воду, чтобы мифические существа сняли напущенные ими недуги. Этой водой в полдень и в полночь трижды обдают больного человека или больное животное (Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С. 347). Однако в данном случае наговоренная вода не может быть направлена на больного: проступок нарушителя запрета слишком велик. Плыв с руганью в воду, виновник утонул своим плевком на заповедный свадебный стол: топография «того» и «этого» миров не совпадает. Появившиеся в дверях избы русалки исполняют суд и рок, определяя завершение человеческого бытия. Аналогичной участи подвергается и домашний скот. Сон здесь, как и в других текстах, служит каналом связи между мирами: через него мифические водяные существа сообщают мотивировку наказания и выражают свое волеизъявление.

Ольховские озера (Терский р-н Мурманской обл.), к которым приурочено данное сверхъестественное происшествие, одушевляются и персонифицируются — см. текст и коммент. № 215.

- 212. НЕ РУГАЙСЯ!** Мотивемы: [мифическое существо наказывает человека; человек нарушает запреты]. Локусы: река, камни, дно, болото, море, это место, вода, земля. Хрононим: «вечером, после шести часов». Такст представляет собой совокупность установлений, определяющих этикет взаимоотношений человека с водной стихией. Запреты актуализируются на море, на реке, на болоте. Неукоснительного соблюдения определенных правил поведения требуют от человека и вода, и земля. Контакт с природными стихиями, индивид должен помнить о запрете на ругань, и особенно сопровождаемую плевком. Влечет за собой негативные последствия и попытка кого-то *обдумать/одумать*, т. е. *сглазить, оговорить, оприкосить* (подробнее см.: Добровольская В. «Чур меня» // Народное творчество. 1996. № 5. С. 22; Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 348. С. 92; № 350. С. 93). Нельзя также после заката солнца («вечером, после шести часов») воду тревожить: она спит, и будить ее не положено. Об этом см. текст № 195.

Как и в других вариантах (№ 193, 209—212, 214), важнейшим средством преодоления кризисной ситуации, вызванной нарушением запретов и болезнью виновника, служит обряд *прощания*. Этот обряд состоит из вербальной (см. текст № 193) и акци-

ональной магии, связанной, в частности, с жертвоприношением. В «это место», где приключилась болезнь и куда «до трех раз» ходят «прощаться», т. е. просить прощения, следует «что-нибудь» положить.

- 213. А КАК-ТО РАЗ ВЫРУТАЛСЯ...** Мотивемы: мифическое существо обнаруживает себя природными проявлениями; предопределяет/предвещает судьбу; наказывает человека; человек нарушает запрет. Локус: море. Хрононимы: «как тот в море пойдёт», как-то. Насылая на капитана судна волны, водяной предопределяет его судьбу (ср. с выражением «на волю волн») — см. коммент. № 77. Нарушением запрета на ругань стимулируется завершение бытия данного индивида.
- 214. И НИКАКИХ ТАНЦЕВ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в облике природной стихии; наказывает человека; человек нарушает запрет; проявляет признаки поврежденности; находит средство восстановить отношения с мифическим существом. Локусы: вода, ручеек, «такое место сырое». Хрононимы: всегда, тут-то. Любой (пусть даже незначительный) водоем или сырое место осмысляется как само мифическое водяное существо либо его обиталище. Чтобы себя обезопасить, нужно призвать на помощь Бога: «Господи благослови!» — что осмыляется в качестве оберега от мифических сил. Кара (перелом ноги), постигшая девушку, связана с нарушением ею запрета предаваться танцам на воде (в данном случае — на доре, т. е. в шлюпке), надо полагать, в неположенное время, которое принадлежит самим мифическим водяным существам, склонным к магическим пляскам и песням как компонентам ритуального действа, — см. тексты и коммент. № 98—106, 139, 168, 178. Ср. с былинной о Садко. Для восстановления порядка в мироздании, равно как и целостности потерпевшей, используется обряд *прощания* — см. № 193, 209—212. Ср. с описанием обряда *прощания*, зафиксированным в Ярославской губ., в соответствии с которым на воду опускают кусочек хлеба с низким поклоном: «Пришел-де я к тебе, матушка-вода, с повислой да с повинной головой — прости меня, простите и вы меня, водяные деды и прадеды!» (Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 247). Иначе говоря, испрашивают прощения и у самой водной стихии, и у мифических предков, соотнесенных с водяными.
- 215. БОЛЬШЕ НИЧЕГО И НЕ УЛОВИТЬ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в облике природной стихии; покровительствует/не покровительствует человеку; наказывает его; человек нарушает запрет. Локусы: Ольховские озера, берег. Хрононим: пока. Данный сюжет основан на запрете хвалиться/хвастаться уловом. Нарушитель этого запрета лишается удачи на промысле, которая зависит от связанных с водами мифических сил. «Похвальное слово ни Бог, ни черт не любят», — говорят в таких случаях поморы (Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 199. С. 59). Спутанные рыболовные сетки, одни из которых разбросаны по берегу, а другие выброшены на берег (ср. со спутанными и разбросанными нитями), — знак прекращения промысла. О персонифицированных Ольховских озерах (явление топоэкифрасиса) см. также текст и коммент. № 211.
- 216. «НЕ ВЛЕЗАТ!..»** Мотивемы: мифическое существо показывается в облике природной стихии; покровительствует/не покровительствует человеку; наказывает его; человек нарушает запрет. Локусы: «такие озера», «это озеро», «два вот этих озера», Пертозеро, Полозеро. Текст состоит из поверий, соотнесенных между собой. В представлениях носителей традиции озёра делятся на *прикосные*, от которых исходит сглаз, порча, и *неприкосные*, от которых ничего худого не ожидается. Так, по мнению рас-

сказчиков, Сумозеро является *неприкосным*, тогда как Пертозеро и Полозеро *прикосны*. Последние требуют от рыбаков особо тщательного соблюдения запретов. В данном тексте приводятся основные правила, определяющие этикет взаимоотношений рыбака с олицетворенными своевольными озерами: никто не должен знать, что именно к этому озеру ушел рыбак на промысел; нельзя хвастаться обилием улова — см. коммент. № 215. В случае нарушения запретов персонифицированное озеро больше не даст рыбы.

217. «НЕ ВЛЕЗАТ...» Мотивемы: мифическое существо показывается в облике природной стихии; покровительствует/не покровительствует человеку; наказывает его; человек нарушает запрет. Локусы: полянка у озера, Пертозеро. Хрононимы: вечером, на другой день. Бывальщина соотносится с одним из поверий, изложенных в текстах № 215—216. Улов был обильным до тех пор, пока старик даже не произнес вслух, а лишь подумал: наловил столько рыбы, что даже в сумку «не влезат». Едва он об этом подумал, как оставшаяся половина улова, еще не вытасченная из сети, сразу оттуда и ушла. Запрет был нарушен: промелькнувшая в голове мысль оказалась приравненной к хвастливому («похвальному») слову. И озеро лишило рыбака половины улова.
218. «ПОХВАЛЯТЬСЯ — ХУДОЕ ДЕЛО». Мотивемы: некая мифическая сила наказывает человека; человек нарушает запрет. Локусы: туда, здесь, впереди, обратно, «тутаку», «недалёко», тут как тут. Хрононим: поздно. Данный сюжет также связан с нарушением запрета на хвастливое слово, произнесенное в присутствии водной стихии. Отсюда затянувшиеся поиски недалеко поставленной мерёжи — рыболовецкий снасти, используемой на Беломорье для ловли морской и речной рыбы во все сезоны года, как на открытой воде, так и подледным способом (Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С. 221). В данном случае речь идет о подледном лове, поскольку мерёжа была «может, в снегу», и потому найти ее было затруднительно. Однако долгие поиски осмысляются как проявление мифической силы, которая наказала людей за хвастовство. См. также разработку данного мотива в текстах № 215—217.

5.2. На рыбном промысле

219. ЛОДКА С КЛЕСКОМ. Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя колористическими проявлениями; обнаруживает себя характерными признаками (длинные волосы); обладает чудесным предметом; совершает магическое действие (вытаскивает, перебирает); исчезает; человек похищает чудесный предмет. Локусы: берег озера, на другом берегу, озеро, то место; деревня, церковь, погост. Хрононимы: еще с вечера/к вечеру, Великая суббота, Христова утренья, в это время, «ударили в колокол», в продолжение своей жизни. Действие разворачивается в условиях сакрального хронотопа: вечер накануне Пасхи (вечер Великой субботы) и берег, тот и этот. Мифический пришелец показывается на другом берегу, который, будучи противопоставленным «этому», осмысляется как потусторонний мир. Колористические признаки этого незнакомца (*черные волосы, черная борода* — см. коммент. № 53) выдают в нем пришельца из подводного (нижнего) мира. Сидя в лодке (см. коммент. № 165), он вначале вытаскивает из озера, а затем перебирает рыбий клеск, т. е. рыбу чешую. В данном случае чешуя уже отделена от мифического водяного существа. В других же локальных традициях чешуей по-

крыт весь его хвост или даже все тело. И эта чешуя серебристая либо от нее разлетаются серебряные брызги. Действия мифического пришельца из воды, в которой он исчезает при ударе колокола, имеют продуцирующий характер. По сути, этот чернородый незнакомец выносит из животворящей воды «семена» будущих рыб. Как шерстинка превращается в настоящего зверя, чтобы стать добычей охотника, так чешуя воплощается в рыбу, чтобы стать уловом рыбака (см.: Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 32, 38, 83).

То, что в ином мире было рыбьим клеском, в «этом» мире превращается в свою противоположность — серебро. О подобной соотнесенности свидетельствует и загадка о рыбе: «У родителей и деток / Вся одежда из монеток» (НА КарНЦ РАН. 152. № 76). Варианты: № 219—220.

- 220. ЛОДКА С КЛЕСКОМ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обладает чудесным предметом; совершает магическое действие; исчезает; человек похищает чудесный предмет. Локусы: мимо озера, берег, другой берег, вода, то место; погост, церковь. Хрононимы: Светлая заутреня, с вечера в субботу, «ударил в колокол», вдруг, ежегодно, в Великую субботу, с той поры никогда. Вариант, близкий предыдущему.

Варианты: № 219—220.

- 221. «ПУЩУ К ОТЦУ В ОЗЕРО».** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; вступает в контакт с людьми; исчезает; покровительствует им; люди вступают в контакт с мифическим существом; устанавливают отношения с ним. Локусы: берег, озеро, вода; деревня, изба. Хрононимы: давно, однажды, «по вечеру» — поутру. Сюжет широко распространен в Карелии и в Архангельской обл. Это самая ранняя из известных нам публикаций данного сюжета. Бытует он и в финской традиции (см.: Симонсури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов / Пер. с нем. Н. А. Прушинской. Петрозаводск: Карелия, 1991. L 234. С. 153). В качестве покровителя промысла вместо духа-«хозяина» воды здесь непосредственно выступает его ребенок, которого рыбаки случайно поймали, а затем отпустили в родную стихию с условием: «<...> нагони, дружок, в них (сети. — Н. К.) побольше рыбы». Причем наполнение этой сети рыбой осуществляется с вечера до утра следующего дня, т. е. в период наибольшей активности мифических сил, от которых, согласно народным верованиям, и зависит рыбацкая удача.

Варианты: № 221—232.

- 222. «СПУСТИТЬ В ВОДУ?»** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; вступает в контакт с людьми; исчезает; покровительствует им; предопределяет/предвещает судьбу; люди вступают в контакт с мифическим существом; устанавливают отношения с ним. Локус: озеро. Хрононимы: «через несколько времени», весь день, под самый вечер, потом, спустя несколько времени, опять, до того времени, после этого, каждую ночь. Речь идет о том самом крестьянине, который стал героем и другого сверхъестественного происшествия, — см. текст № 235. В данном случае сам водяной одаривает крестьянина, который отпустил его ребенка, щедрым уловом из рыб, ранее в этом озере не водившихся. Надо полагать, что в ином мире, где все наоборот, это была не рыба, а «всякий хлам»: веники-голики, лапти, грязь (в большинстве своем они соот-

несены с идеей плетения, связывания как знаками-символами сотворения судьбы). Ср. с текстом № 239. О приорициях водяных мифических существ, причем не только относительно улова, но и урожая, погоды и пр., см. тексты и коммент. № 123—142. Варианты: № 221—232.

- 223. И ПУСТИЛИ ЕГО.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфизированном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; обнаруживает себя характерными признаками («волоса пестрые, весь истыкан»); вступает в контакт с людьми; исчезает; покровительствует им; люди вступают в контакт с мифическим существом; устанавливают отношения с ним. Локусы: вода, Бесов ручей, гора — вода. Мифическое водяное существо под влиянием христианских воззрений негативно переосмыслено: оно названо «водяным лембоем», т. е. чертом, и локализовано в Бесовом ручье, т. е. причислено к бесам. Как и нечистую силу, «водяного лембоя» удерживает лишь невод, сплетенный с соблюдением всех запретов: этот невод не был поврежден *клещицей*, т. е. спицей для вязания сетей, не подвергался починке и не связан в праздничный день, когда заниматься рукоделием не полагалось (см. также текст и коммент. № 227). Однако даже в своем развенчанном виде этот персонаж предстает как чудесный помощник рыбаков, который в благодарность за освобождение обеспечивает их богатым уловом: «много рыбы давал».

Варианты: № 221—232.

- 224. «СПУСТИТЬ ОБРАТНО В ВОДУ...»** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфизированном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; вступает в контакт с людьми; исчезает; мифическое существо наказывает (угрожает) людей; люди вступают в контакт с мифическим существом. Локусы: берег, озеро, гора — вода. Хрононимы: «очень давно тому назад», на другой день. Данный текст свидетельствует и о бытовании рассматриваемого сюжета в карельской традиции. Состоит он из тех же мотивов, что и русские бывальщины, и имеет аналогичную интерпретацию сюжета. Оппозиция *гора — вода* символизирует верхний ярус в двучленной модели Вселенной, противопоставленный нижнему миру. Верхний ярус принадлежит людям, тогда как нижний — мифическим существам (здесь: водяным). Как и во многих других нарративах, канал связи, который используется существами иного мира для выражения своего волеизъявления, служит сон. В сновидении, открывшемся человеку, водяной предстает как полновластный хозяин рыбных угодий: за нарушение правил взаимоотношений между мирами он мог вообще лишиться людей улова. Однако, поскольку допущенная оплошность была исправлена, в мироздании восстановилось прежнее равновесие.

Варианты: № 221—232.

- 225. ПОЙМАННЫЙ ВОДЯНОЙ ЧЕРТЕНОК.** Мотивемы: мифическое существо показывается в неопределенном облике; обнаруживает себя вербальными проявлениями; вступает в контакт с людьми; исчезает; люди вступают в контакт с мифическим существом. Локусы: река, вода. Хрононимы: сотня лет назад, потом. Данное происшествие рассказчик, который жил в начале XX в., относит к началу XIX в., выражая при этом сомнение в его правдоподобности. Локализация действия варьируется всякий раз в зависимости от места записи текста. *Бродили рыб в реке* — ловили рыбу сетью, бороздя по воде. Как и в других вариантах, пойманного водяного ребенка/чертенка усаживают на печь, *на шесток*, т. е. на площадку между устьем и топкой русской печи. Это символ стихии огня, противопоставленный водной стихии, где это мифическое су-

щество обитало. В рассматриваемом варианте какие бы то ни было указания на соотнесенность коллизии с рыбацкой удачей полностью отсутствуют.

Варианты: № 221—232.

- 226. И В ВОДУ СПУСТИЛ.** Мотивемы: мифические существа показываются в зооантропоморфном облике; обнаруживают себя вербальными проявлениями; обнаруживают себя колористическими проявлениями; исчезают; определяют судьбу; покровительствуют человеку; мифическое существо показывается в антропоморфном облике; определяет/предвещает судьбу; покровительствует человеку; исчезает; человек вступает в контакт с мифическими существами; устанавливает отношения с ними. Локусы: воды, там на море, «в мою сторону», становище. Хрононимы: в одно время, в это время, сейчас, в этот раз, в каждый раз, всегда, «скоро уснули», никогда, неделю одну, днем — на ночь, все время. Текст — продукт индивидуального творчества по мотивам народных нарративов. Насыщен мифологемами, типичными для данного сюжета. Рассказ основан на традиционной коллизии: рыбак поймал некое сверхъестественное водяное существо — отпустил его — получил награду от мифических сил в виде обильных уловов. Основные персонажи: водяной старик и его внуки — зооантропоморфные водяные существа. Лицо у них человеческое, туловище морского зверя, наделенного фантастическими признаками: задница у «внуков» водяного такая же, как и голова, на этой голове, как и на туловище, — по две руки с когтями (ср. с текстом № 87: «руки-ноги одинаковы, а четыре одинаковых»). И морской старик, и его внуки — все в волосах, что служит признаком обилия заключенной в них магической силы, — см. коммент. № 62. Колористическая характеристика «что-то черное» свидетельствует о связи данных персонажей с нижним миром — см. коммент. № 53. Кувыряние в морских водах, совершаемое стариком и внуками и направленное в сторону человека («в мою сторону») для выражения своей благодарности, служит предопределением/предвестием последующих благоприятных для него событий, приравниваясь к плесканию, — см. коммент. № 91, 96. Судьба предначается также и посредством волн — см. коммент. № 47. Сообщение морского старика, ниспосылаемое людям посредством сновидения, типично для мифологических рассказов. Морской «хозяин» представлен как распорядитель рыбных угодий и погоды на промыслах. Он управляет водной и воздушной стихиями.

Варианты: № 221—232.

- 227. «Я ТЕБЯ В ВОДУ СПУЩУ».** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя характерными признаками; обнаруживает себя колористическими и вербальными проявлениями; вступает в контакт с человеком; совершает (готовится совершить) магическое действие; исчезает; покровительствует/не покровительствует человеку; «знающий» находит средство избавления от мифического существа. Локусы: озеро, гора — вода, вода, лес. Хрононимы: в день, на другой день, под вечер. В известной мере это произведение индивидуального творчества, особенно поощряемого в 30-е гг. XX в. Однако оно основано на рассматриваемом нами мифологическом сюжете, представленном многими вариантами. Сюжето-образующим является диалог между человеком и мифическим существом, заключающий в себе бинарную оппозицию «гора — вода», где верхний мир (гора или берег) противопоставлен нижнему, а именно подводному, миру. Согласно народным верованиям, удача на рыбном промысле зависит от духа-«хозяина» вод, который может даровать обильный улов либо, наоборот, лишить его. Оберегом от нечистой силы

(здесь в качестве нее выступает водяной) служит древесная смола (см. также текст № 36). С помощью сетей, окуренных смолой, водяного можно поймать — о сетях/неводе, способных удержать мифическое существо, см. текст и коммент. № 223. Убийство «хозяина» вод и промысловых угодий — в фольклоре крайне редкое и, несомненно, позднее явление. В структуру повествования включены элементы сказочного мотива «трудные задачи».

Варианты: № 221—232.

228. «СПУСТИТЕ МЕНЯ В ВОДУ». Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя характерными признаками (длинные волосы); обнаруживает себя вербальными проявлениями; вступает в контакт с людьми; исчезает; покровительствует людям; люди вступают в контакт с мифическим существом; устанавливают отношения с ним. Локусы: река, вода; изба, печка, «ошосточек» (шесток). Хрононимы: сутки, «того дня», «тот весь год». В этом варианте, в отличие от других, в качестве пойманного детеныша водяного фигурирует женский персонаж. Его характерные признаки — длинные волосы, в которых сосредоточена жизненная, в том числе и магическая, сила. Пойманное людьми водяное дитя не ест человеческого пищи, иначе, надо полагать, ему не вернуться в свой мир (по аналогии: живой, попавший в загробный мир, не ест пищу мертвых, в противном случае он останется там навсегда). Писать «ропись-договор» кровью, которая в народных верованиях осмысливается как одно из вместилищ жизненной силы, или души, означает в известном смысле отдавать себя в залог (о семантике крови см.: Криничная Н. А. Персонажи преданий: Становление и эволюция образа. С. 31, 67, 74, 118 и др.). Дух-«хозяин» воды, дарующий людям за оказанную услугу обильный улов, сближается с чудесным помощником волшебной сказки.

Варианты: № 221—232.

229. ОТПУСТИЛИ ЕГО. Мотивемы: мифическое существо обнаруживает себя вербальными проявлениями; вступает в контакт с людьми; люди вступают в контакт с мифическим существом. Локусы: тут, гора — вода, берег. Хрононим: долго. От всего развернутого нарратива в традиции со временем удерживается лишь диалог между людьми и мифическим существом. В этом диалоге определяются координаты миров, к которым принадлежат участники сверхъестественного происшествия, требующего гармонического разрешения. *Гора — вода* — это, по сути, *верх — низ* в двухчленной модели Вселенной. Рассматриваемый сюжет относится к числу редких нарративов, где люди и мифическое водяное существо вступают в непосредственный контакт друг с другом.

Варианты: № 221—232.

230. СПУСТИЛИ В ВОДУ. Мотивемы: мифическое существо обнаруживает себя вербальными проявлениями; вступает в контакт с людьми; люди вступают в контакт с мифическим существом. Локусы: «земь» — вода. Хрононим: раз. В устойчивом диалоге между людьми и мифическим существом вместо распространенного противопоставления *гора — вода* фигурирует «земь» — вода, поскольку гора и земля в системе двухъярусной Вселенной эквивалентны друг другу. В данном варианте выловленное мифическое существо названо «русалкой», отождествляемой с «маленьким водяничком». Характерно, что рассказчики вплоть до наших дней верят в реальность подобного происшествия.

Варианты: № 221—232.

231. И ОБРАТНО СПУСТИЛИ. Мотивемы: мифическое существо обнаруживает себя вербальными проявлениями; вступает в контакт с людьми; люди вступают в контакт с мифическим существом; происхождение топонима. Локусы: озеро, назад, обратно. Хрононимы: раньше, давным-давно. В данном тексте содержится вариант диалога, который ведется между людьми и мифическим существом. Здесь символом верхнего яруса двучленной Вселенной служит поднятый из воды невод, а символом ее нижнего яруса — опущенный в озеро невод. В качестве выловленного мифического существа в рассматриваемом варианте изображена водяная женщина. Происхождение топонима, якобы связанного с этим происшествием, основано на народной этимологии.

Варианты: № 221—232.

232. «ЛУЧШЕ В ВОДУ!..» Мотивемы: мифическое существо обнаруживает себя вербальными проявлениями; вступает в контакт с людьми; мифическое существо обнаруживает себя акустическими и вербальными проявлениями; покровительствует людям; люди вступают в контакт с мифическими существами; устанавливают отношения с ними. Локусы: вода, река. Хрононимы: раз, потом. Диалог изложен в редуцированном виде. Покровительство мифического водяного существа рыбакам, вследствие чего они добывают обильный улов, — устойчивый мотив поморских быличек и бывальщин. В данном случае мифические водяные существа дискредитированы под влиянием христианских воззрений: водяница трансформировалась в чертовку, а ее дети — в чертенят.

Варианты: № 221—232. См. также: Воропай И. Заметки об охоте в Шенкурском уезде. С. 16—17; Кенозерские сказки, предания, былички / Вступ. статья, сост., примеч. Н. М. Ведерниковой. М., 2003. С. 71; О рыбаках, морских зверобоях и охотниках: Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы: Сб. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1952. С. 51—52; Рыбацкие песни и сказы / Запись текстов, статьи, примеч., словарь и указатели Р. С. Липец. М., 1950. С. 183; Мифологические рассказы русских крестьян XIX—XX вв. № 56—57. С. 192. Комментарий. С. 705.

233. НА ДЕДОВОМ ОЗЕРЕ. Мотивемы: мифическое существо показывается в зооантропоморфном облике; обнаруживает себя характерными признаками (длинные волосы); совершает магическое действие (перевернулся); человек проявляет признаки поврежденности («всё и ёкнуло»). Локус: озеро. Мифическое водяное существо, которое рыбаки принимают за щуку, имеет человеческие признаки — волосы, осмысляемые как средоточие жизненной, и прежде всего магической, силы, — см. коммент. № 62. Переворачивание этого существа в плане семантики близко к *плесканию*, *кувырканию*, оказывающему магическое воздействие на людей, — см. коммент. № 91. *Дорожка* — это «блесна, рыболовный снаряд на рыбу хищника — щуку и окуня». «Ужение дорожкой производится в проводку вдоль берега против течения или с движущейся на веслах лодки» (Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С. 103).

Варианты: № 233—234.

234. «ХОЗЯИН» ДЕДОВА ОЗЕРА. Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя характерными признаками (длинные волосы); совершает магическое действие (перевернулся); покровительствует/не покровительствует человеку; человек [нарушает запрет]; проявляет признаки поврежденности («стало жутко»). Локус: озеро. Текст представляет собой повторную запись от

одной и той же исполнительницы — см. коммент. № 233. Топоним *Дедово озеро* соотносится с представлениями о мифическом предке: это одна из ипостасей водяного. В данном варианте названный мифологический персонаж представлен как «хозяин» водной стихии и промысловых угодий. От него зависит рыбацкая удача. В рассматриваемом варианте «рыбу он не дает». В обоих текстах содержится поверье: никто не должен знать, что рыбак пошел именно на это озеро. По всей вероятности, данный запрет был нарушен, вследствие чего рыбакам не удастся «получить даже ни одной молёвинки» (имеется в виду рыба малек, отсортированная и непригодная для продажи, а лишь для домашнего употребления, в пойло скоту, — см.: Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С. 221, 227).

Заметим, что в карельской традиции подобное поверье имеет свою специфику: «Если рыбаки с сетками отправляются на промысел и встречают человека (не важно — мужчину или женщину), радуются, если у человека хорошая кровь (видимо, добрый человек), следовательно, улов будет хороший. Встреча с „дурной кровью“ не предвещает ничего хорошего. Лучше всего, если вообще никто не попадется навстречу» (Карелия, Пряжинский р-н, 1986).

Варианты: № 233—234.

235. «Я КАКОЕ ЧУДО-ТО ВИДЕЛ!» Мотивемы: мифическое существо показывает себя в зооморфном облике; обнаруживает себя характерными признаками («огромной величины щука»); обнаруживает себя вербальными проявлениями; наказывает (угрожает) человека; человек нарушает запрет; находит средство избавления от мифического существа; проявляет признаки поврежденности. Локусы: верховье реки, озеро, то место, берег; деревня, у ворот. Хрононимы: в незапамятные времена, «пред Ильиным днем», всю ночь — и в другую ночь — в третью ночь, «в первой раз» — «по другую ночь» — «сегодня», «лег спать». Мистерия разыгрывается в условиях сакрального хронотопа: ночь накануне Ильина дня + место слияния вод реки и озера (это верховье реки Моши, вытекающей из Николаевского озера). Согласно поверью, накануне праздника Ильи Пророка (20 июля/2 августа) река/озеро всецело принадлежит водяному — см. текст и коммент. № 153. Появление этого мифического существа в облике огромной щуки не случайно: образ духа-«хозяина» имеет тотемистические истоки. Оплотность мужика, принявшего водяного за рыбу, не осталась без последствий. Осенив себя крестным знамением, используемым здесь в качестве оберега, виновник избежал наказания за свой проступок. Однако он долго находился в лиминальном состоянии — между жизнью и смертью: *помертвел, едва жив, был долго не здоров*. Герой данного происшествия тот же, что и в бывальщине № 222.

236. «ВОТ ТЕ И РАЗВЯЖУ, ВОТ ТЕ И СОВЬЮ...» Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя вербальными и динамическими проявлениями; вступает в контакт с человеком; совершает магическое действие (развязывает — свивает невод); не покровительствует людям; человек вступает/не вступает в контакт с мифическим существом. Локус: озеро. Хрононимы: «сон одолевает», вдруг, после этого случая. Развязывание *мутника* (рыболовной снасти типа невода преимущественно для ловли со дна мелкой рыбы) и свивание нитей, из которых он был связан, в клубки — знак прекращения промысла. Такая коллизия имеет свою мотивировку: «Хозяин не позволяет, значит, ловить в его озере рыбу».

Причем этот запрет не разовый, а постоянный. И в данном случае, как и во многих других, каналом связи между мирами служит сон.

Варианты: № 236—238. См. также: Рыбацкие песни и сказы. С. 183.

- 237. «РАЗВЯЖУ ЛИ — ЗАВЯЖУ ЛИ Я!»** Мотивемы: 1) мифическое существо показывается в нулевоморфном/невидимом облике; обнаруживает себя динамическими проявлениями; 2) мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя вербальными и динамическими проявлениями; совершает магическое действие (развязывает — завязывает невод); человек находит средство избавления от мифического существа. Локусы: тоня, двери, окна, ставень, труба; на место. Хрононимы: «семгу ловили», «примерно вечером», «как можно пораньше», «когда на спокой повалятся» — утром, днем, на следующий вечер — утром. Мифологический рассказ контаминируется с поверьем: закрытые без благословения, т. е. без молитвы, двери и окна может ночью вытолкнуть некая невидимая сила, которая никак не идентифицируется. Основу второй части рассматриваемого текста составляет мотив развязывания — завязывания невода, что служит символом прекращения или возобновления промысла. Этот мотив связан с идеей плетения нити, которым обусловлено наличие или отсутствие рыбацкого счастья. В мифическом «человеке», развязывающем/завязывающем /плетушем сети, узнаваемо божество, предопределяющее судьбу, будущее, то, чему предстоит свершиться (см.: Криничная Н. А. Нить жизни: реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. С. 11, 26, 35 и др.).

Варианты: № 236—238.

- 238. «РАЗВЯЖУ ЛИ — ЗАВЯЖУ ЛИ Я!»** Мотивемы: некая безличная мифическая сила обнаруживает себя вербальными и динамическими проявлениями; совершает магическое действие (развязывает — завязывает невод). Локусы: тоня, окошко. Хрононимы: «сальник горит» (*сальник* — сосуд, наполненный жиром животного, употребляемый в качестве источника освещения; самодельный светильник) — утром, день, на другой вечер — на другой день. В данном варианте магическое действие некой мифической силы, которая никак не идентифицируется, напрямую соотносено с преданием: «<...> весь невод развязан и на клубочки свито, как предено». Посредством подобного действия придется человеческая жизнь, в том числе и удача/неудача на рыбном промысле. «Развязанная» (расплетенная) сеть — знак неудачи, «завязанная» (заново сплетенная) сеть знаменует восстановление обильного улова. Комплекс «развязывания — завязывания» символизирует чересполосицу человеческой судьбы. Характерно, что то или иное решение принимается мифическим существом всякий раз с вечера, а последствия этого решения обнаруживаются людьми утром. О семантике хрононимов, связанных с *закатом/восходом солнца*, см. коммент. № 44.

Варианты: № 236—238.

- 239. УДАЧНАЯ ЛОВЛЯ.** Мотивемы: мифическое существо покровительствует/не покровительствует человеку; человек вступает в контакт с мифическим существом; «знающий» покровительствует/не покровительствует людям. Локус: на Мурмане. Истоком бывальщины являются мифологические представления: удачливый рыбак, и особенно тот, кто добывает дорогую и крупную рыбу, непременно знается с «нечистой силой», «чертями». В эти персонажи трансформировался дискредитированный водяной, который прежде играл роль «хозяина» промысловых угодий, покровителя рыбаков. Связанным с ним договором в деревне считался едва ли не каждый рыбак: «„Ведь он

кто — рыбак?“ — „Рыбак“, — ответили. „И поди рыбку-то хорошо ловит?“ — „Очень хорошо“. — „Вот и, знать, с чертями водится“» (НА КарНЦ РАН. 8. № 103). Такой «знающий» и сам, в свою очередь, наделяется способностью благоприятствовать рыбакам в их промысле либо, наоборот, противодействовать ему: «<...> у бедняги вместо рыбы будут попадать одни березовые голики (веники)». И на этот раз «всякий хлам» отнюдь не превратится в обильный улов, как это имело место в тексте № 222.

240. ДОГОВОР С ВОДЯНОЙ РУСАЛКОЙ. Мотивемы: мифическое существо покровительствует человеку; человек вступает в контакт с мифическим существом; совершает обрядовое действие (жертвоприношение). Локусы: река, деревня. Хрононимы: «годов этак сто тому назад», сколько лет, вдруг, с того же времени. Удачный рыбный промысел здесь объясняется содействием «водяной русалки», которая трансформировалась в нечистую силу, требующую человеческих жертв. Первопричину внезапного обогащения рыбака поморы видят в периодически исполняемом обряде жертвоприношения, который в данном случае негативно переосмыслен: он трактуется как поставка мифической водяной силе «живого мяса». Изначально же жертвоприношение было направлено на восстановление/обновление магической силы, которую данное мифическое существо в течение определенного периода поистратило. См. об этом: Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 347—351.

241. ОТДАННАЯ ГОЛОВА. Мотивемы: мифическое существо показывается в зооморфном облике/в облике природных стихий; обнаруживает себя динамическими, акустическими, природными проявлениями; похищает ребенка; человек совершает обрядовое действие (жертвоприношение); «знающая» находит средство избавления от мифического существа. Локусы: тоня, болото, «болото-то сухо» — «болото-то волной», «клоцок» (кочка), море, река, «руцей»; в деревне, «байня»; пожня; монастырь. Хрононимы: летом, ночью, как вечер, три дня, на другой год, в летнюю пору. Данный текст представляет собой, по сути, вариант текстов № 174—176, повествующих о похищении ребенка мифической водяной силой, что служит проявлением одного из обрядов перехода. Однако в рассматриваемом варианте (№ 241) мотивировкой похищения служит акт человеческого жертвоприношения: колдун отдал «голову», чтобы ему на другой год «семга хорошо попадала». Похититель, названный «нечистой силой», фактически не идентифицирован. Между ним и некой другой мифической силой, которая помогает «знающей» вернуть похищенную девочку, завязывается борьба. Ребенка находят на болоте, т. е. в медиативном пространстве: на пути «туда» это сухое место, на пути «оттуда» «болото-то волной, так волной и ходит». Наказ «не овёртываться» (не оборачиваться) должен предотвратить возвращение в тот локус, который избавитель вместе с похищенной покидают. «Знающая» потому вяжет на пожне чулок, что за нее косят траву чудесные помощники (здесь: «беси»).

5.3. На мельнице

242. НА ЧЕМ ПОСТАВЛЕНА МЕЛЬНИЦА? Мотивемы: мифическое существо похищает человека; «знающий» находит средство установить/восстановить отношения с мифическим существом (жертвоприношение). Локус: мельница. В приведенном тексте сохранены представления о фитоморфной (зерно, в других вариантах — хлеб) и зоо-

морфной (скот) жертве, принесенной при строительстве мельницы. Подобная жертва может осмысляться и как изначальная, и как заместительная. Согласно анимистическим верованиям, ее душа становится духом постройки (подробнее см.: Криничная Н. А. Эпические произведения о принесении строительной жертвы // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 154—161). Причем дух постройки в данном случае соотносен с духом-«хозяином» воды.

- 243. СУЛИТ ЧЕЛОВЕЧЬЮ ГОЛОВУ.** Мотивема: «знающий» находит средство установить/восстановить отношения с мифическим существом (жертвоприношение). Локус: мельница. Речь идет о человеческом жертвоприношении духу-«хозяину» воды, совмещенному с духом постройки (мельницы). «Головой», принесенной в жертву мифическому существу, считается человек, который попадает под мельничное колесо. В качестве исполнителя обряда жертвоприношения представлен мельник. И в фольклоре, и в народных верованиях он неизменно наделяется магическими способностями: это медиатор между мирами.
- 244. ВОТ КАК ОН В МЕЛЬНИЦУ ПОПАЛ!** Мотивема: мифическое существо забирает человека (жертвоприношение). Локусы: речка, мельница, колесо; на задворке, за нашим домом. Хрононимы: «Еще меня не было, да еще папа мой был мальчишкой таким небольшим»; ночью. В мифологическом восприятии мельницы особое внимание концентрируется на мельничном колесе, причем на движущемся колесе, образ которого символизирует человеческое бытие и судьбу. Это и место локализации жертвы, регулярным принесением которой обеспечивается бесперебойное действие мельницы. Субъектно-объектные параметры обретенного духа-«хозяина» закодированы в данной бывальщине в номинации «домовой».
- 245. ВОПИТ И ВОПИТ.** Мотивемы: [мифическое существо забирает человека]; мифическое существо обнаруживает себя акустическими проявлениями. Локусы: река, мельница; погост. Хрононимы: «как вот я пришла туда, на Вырозеро», каждый год, [ночь] — утро. Речь идет, по сути, о ежегодном человеческом жертвоприношении, которое интерпретируется как проявление воли со стороны некой таинственной мифической силы. Доносящийся из мельницы плач («вопит», «ноить») — знак того, что жертва не смирилась со своей участью.
- 246. ПЛОТИНУ НЕ ПРОРВЕТ.** Мотивема: «знающий» находит средство установить/восстановить отношения с мифическим существом (жертвоприношение). Локусы: озеро, вода, плотина. Хрононимы: каждый год, с того времени. Перед нами «бродячий» фольклорный сюжет, связанный с обрядом принесения строительной жертвы, которому предшествовало двукратное разрушение возводимого сооружения (плотины). Неудача в строительстве обусловлена несоблюдением одного из важнейших обрядов: при закладке плотины не была принесена жертва, в результате чего новая постройка не смогла вписаться в сложившуюся систему мироздания. Жертвоприношение интерпретируется как средство заполучения духа для возводимого сооружения, с обретением которого оно не будет разрушаться. Такое жертвоприношение в соответствии с анимистическими верованиями имеет регулярный характер. В качестве человеческой жертвы здесь изображается очередной утопленник. Колдун — исполнитель этого обряда принадлежит к старшему поколению. Он остраивается и очуждается: носитель тайного знания принадлежит иному этносу, он выходец из иной местности. О происхождении озера Пертозеро см. коммент. № 28.

- 247. РАЗМЫВАЛО, ПРОРЫВАЛО, УНОСИЛО...** Мотивемы: мифическое существо обнаруживает себя вербальными проявлениями; забирает человека (жертвоприношение). Локусы: река, электростанция, колесо. Хрононимы: ночью, каждый год. Мифологический рассказ основывается на «бродячем» сюжете: постройка разрушается, оттого что при ее возведении не была принесена строительная жертва (ср. с № 36). В приведенном тексте жертву требует водяной, который опять-таки появляется из-под колеса (см. также № 243, 244, 248). Традиционная коллизия здесь модифицирована: вместо мельницы фигурирует электростанция, работающая на гидравлической энергии. Развязка коллизии в данном случае удваивается: несмотря на то что жертва фактически оказалась принесенной (начальника, дежурившего на электростанции, нашли мертвым), эту постройку сохранить не удалось. Зато была сохранена другая, построенная взамен и приравниваемая к первой.
- 248. МЕЛЬНИЦА ОСТАНОВИЛАСЬ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя характерными признаками («косы распущены»); совершает магическое действие («ноги моет»); обнаруживает себя вербальными проявлениями. Локусы: вода, мельница, колесница, дверь. В бывальщине сохранены представления, согласно которым движение мельничного колеса обеспечивается мифическим существом, в этом же колесе и локализованным (ср. с мотивом превращения ведьмы в катящееся колесо). Причем русалка или водяной локализуется не только на остановленном, но и на движущемся (вертящемся) колесе. См., например: Осокин С. М. Народный быт в Северо-Восточной России: Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856. Т. 59. № 11. С. 16—17. О семантике образа *колеса* см. также тексты и коммент. № 243, 244, 247 и др. *Распущенные волосы* (косы) мифической водяной красавицы — знак ее готовности к магическому действию — см. коммент. № 62. *Омовение в воде* символизирует обновление магических потенций посредством приобщения к этой природной стихии — см. коммент. № 93. Локализация водяной девы в колесе свидетельствует о ее причастности к предопределению судьбы: подобная роль нередко приписывается водянице/русалке.
- 249. В ВОДУ СХОДИТ.** Мотивемы: мифическое существо показывается в облике рыбы; покровительствует человеку; «знающий» находит средство установить/восстановить отношения с мифическим существом (жертвоприношение). Локусы: вода, мельница. Яйцо и выпечное изделие из муки (зерна) эквивалентны семени, участвующему в круговороте «жизнь — смерть — жизнь». В данном случае они служат атрибутами жертвоприношения, в роли исполнителя которого выступает мастер. Налим — одна из устойчивых эманаций водяного, чем и объясняется запрет на ловлю этой рыбы. Покровительство водяного обеспечивает «знающей» возможность в случае поломки мельницы беспрепятственно «в воду сходить», где «всё поладят».
- 250. ХОДИЛА В ВОДУ.** Мотивемы: «знающий» обладает чудесным предметом; обнаруживает сверхъестественные способности. Локусы: вода, мельница. В основе мифологического рассказа поверье о чудесном растении *белый кинря*, которое используется «знающими» людьми при установке мельницы. Свойства этой травы идентичны свойствам травы *перенос* (*перенос-зелье*, *переносное*), ассоциируемой с синеголовником плосколистным — *Eryngium planum*. Перед человеком, взявшим в рот семя этой травы, вода якобы расступается, как перед известным библейским персонажем: «<...> и расступились воды, и пошли израильтяне среди моря по суше»

(Исх. 14. 22). Характерным признаком «знающей» здесь служит принадлежность ее к «старой вере», которая в представлении носителей традиции более приближена к изначальным, еще не растраченным знаниям.

251. «ОЙ, РУКУ СЛОМАЛ, ДОСАДИЛ!..» Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя характерными признаками (длинные волосы); обнаруживает себя вербальными проявлениями; наказывает человека. Локусы: вода, берег, плот, мукомольный завод. В бывальщине сохранены рудименты представлений, согласно которым каждому человеку в подводном мире соответствует его двойник (см. об этом также в тексте и коммент. № 93). И потому увечье, нанесенное двойнику, вскоре проявляется и у человека: и тот и другой *руку досадил*, т. е. поранил, ушиб, сломал. Вместе с тем получение увечья осмысливается и как кара, постигшая индивида за нарушение этикета взаимоотношений между людьми и мифическим существом. *Плот* (мостки), на котором локализуется «человек с длинными волосами» (водяной), приравнивается к камню, острову-камню, острову, нередко осмысляемому в качестве первозданной земли, — см. коммент. № 43, 53, 56. О духе-«хозяине» мельницы см. также: Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 354—360.

252. С ОЗЕРА ПРИХОДИЛ. Мотивемы: мифическое существо показывается в антропоморфном облике; обнаруживает себя характерными признаками (длинные волосы, весь оброс); совершает магическое действие (расчесывает волосы); покровительствует людям. Локусы: озеро, мост; завод. Хрононим: однажды. «Бродячий» сюжет в данном случае модернизирован: вместо мельницы изображен завод, а мельник заменен рабочим этого завода. Поскольку мифический дед, появляясь из озера, ходит по заводу, в нем есть признаки духа-«хозяина» и того и другого. Почтенный возраст «хозяина» («дед»), как и его одежда (сюртук), свидетельствуют о принадлежности мифического пришельца к давним («досюльным») временам. *Лоснушие пуговицы* — символ сияния, блеска. Ими обычно маркируется наделенный сакральными признаками персонаж. Тот факт, что у мифического деда *длинные волосы* и *весь он оброс*, знаменует обилие жизненной силы, в нем заключенной, — см. коммент. № 62. *Расчесывание волос* — магическое действие, посредством которого предопределяется судьба, — см. коммент. № 67.

Указатель мифологических персонажей*

- ангел 2
архангел 3, 6
- баба 66, 188
бабка 162, 190
бабушка 175
баенник 1, 119
барышня 181
белый 167
бес, бесиха 2, 42, 103, 241
Бог 2—5, 7—11, 45, 155, 167, 180
богосуженая 180
большак 185
- Вазуза, река 27
вдова 189
ведун 188
вода 146, 195, 206, 208, 209, 212, 214
воденик, воденник, водяник 1, 2, 31, 36, 56, 60, 62, 65, 67, 74, 88, 93, 112, 113, 115, 119, [120], 131—133, 136, 137, 152, 167, 172, 173, 179, 180, 188, 201, 202, 224, 227—229
Лососинский 39
Машезерский 39
плешатый 133
старшой 179
черный 74
воденица, водяная, водяниха, водяница 2, 48, 55, 63, 64, 68, 73, 77, 79, 89, 90, 116, 136, 141
водяничок 230
водяной 15—17, 21, 28, 34—36, 52, 77, 81, 92, 96, 107, 108, 121, 128, 131, 146, 147, 149, 150, 153, 155, 158, 163, 177, 182, 186, 187, 189, 190, 200, 203, 205, 207, 213, 222, 227, 234, 235, 242, 243, 246, 247, 251
Ильинский 40
Кенозерский 40
Пречистенский 40
вожатая 185
воинов полку 3
воины светлы 3
Волга, река 27
волк 23
Волхов 24
враг 34, 150
врач 110, 162
выдра 121
- гагара 4
Гася 98
гоголь 1, 3
бел 1
черен 1
голос 197, 235, 237
тайный 235
тот же 237
человеческий 237
Господь, Господь Бог, Господь Вседержитель 1—4, 6, 9, 12, 205, 212, 214
- дворовик 1
дева 134, 162
Дева с Младенцем 3
девица 88, 183, 184
красивая-красивая 88
девка 43, 45, 64, 132, 140, 177, 179
гола 132
другая 179

* В Указатель включены: 1) мифические существа, 2) люди, животные, природные объекты, в облике которых выступают мифические существа, 3) люди, играющие роль мифологических персонажей. Цифры обозначают номера текстов, помещенных в настоящем издании.

- черная 45
 девочка 138
 девушка 84, 88, 101, 102, 118, 177, 179, 180, 185—187
 красивая 101, 102, 187
 хорошая 179
 дед, дедушка 142, 180, 185, 206, 252
 детище (водяника) 224
 дитенок 43, 227, 228
 домовик 1
 домовой 2, 77, 119, 187, 244
 донный 142
 «доска столова» 120
 дух 6, 28, 187
 злой 6, 187
 нечистый 28
 дьявол 6
- ена 79
 черная 79
 ён 167
- женщина 43, 48—51, 61, 68, 71, 85, 89, 91, 94, 119, 123, 135, 138, 161, 178, 185, 199, 203, 231
 голая 123
 черная 72
 жировой 2
 болотной 2
 озерный 2
 жихорь, жихорка 2
 баенный 2
- зайчик 23
 зверь 147, 176, 226, 241
 черный 176
 знахарь, знахарка 209, 211, 241
 знающа (-я) 241
- Илья Пророк 12
 именинник 180
- какая-то 147
 какой (зверь) 147
 колдун 36, 41, 241, 246
 колдунья 174, 175, 241
 конюшничный 2
 корова 13—21
 большая *чрезвычайно* 13, 14
 бурая 13, 14
- гладкая* 15
 комолая 17
 круглее 15
 молочнее 15
 озерная 18
 пестрая 18
 прекрасная 13
 рослая 16
 сытая 15, 17
 тучная 13, 16
 черная 15
 красавица 248
 «кто его знает» 146
 кто-то 13, 49, 76, 97, 150, 184, 187, 189, 195, 204
 черный 76
 кто-то невидимый 13, 14, 183
- лебедушка 185
 лембой 32, 223
 водяной 223
 лесовик 1
 леша 187
 лешата 187
 лешачиха 20
 леший 2, 28, 176, 187, 249
 лошадь 21
- Макарий 45
 Марья Кицкая 104
 мастер 249
 мельник 181, 243
 «месич» (месяц) 4
 Микола Великий Чудотворец 169
 Микола многомилостивый 180
 Микола Угодник 35, 169
 Михайла Архангел 1, 3
 молодой 182
 молодуха 90, 182
 мужик 38, 66, 80, 172, 246
 высокий 38
 плотный 38
 черный 172
 мужичок 236
- налим 249
 начальник (злых духов) 6
 невеста 179, 180, 181
 настоящая 179
 не настоящая 179
 невидимка 183

- незнакомец 13, 38, 219
черный 38
 не знаю кто/что 89, 207, 238
черная 89
 неизвестно кто 125
 неизвестный 219
 нечистый 34, 37, 183, 184
 никого нет 104
 Николай Угодник 169
 никто 103, 107
 Ной 9—11
- обрубок 47
 овинник 77
 озеро 13, 14, 34—36, 108, 208, 211, 215—217,
 233, 234, 236
Ильмень 38
 омутник 33
свой 33
чужой 33
 он 82, 111, 120, 151, [157], 166, 170, 175
 она 57, 77, 79, 83, 109, 165
- парень 43, 191
 пастух 21
 петух 40, 41
 поп 32, 179, 181
 портомойница 185
 привидение 219
 проклятая 184
 промышленник 183, 184
 прохожий 182
 птица 5
 пьяница 28
- рать Сатаны 1
 ребенок (водяного) 221, 222
 река 146
 ригачник 1
 рука 17
большая 17
покрытая черной шерстью 17
 русалка 44, 53, 55, 58, 60, 61, 67, 69, 73, 75, 79,
 86, 87, 89, 98—102, 116—118, 132, 138,
 139, 160, 184, 211, 230, 240
водяная 89, 240
 ручей 210
Черный 38
 рыба 38, 88, 194, 203, 217, 239
 рыбац 205, 211, 224, 226, 236
- Саваоф 3
 сам, сама 46
 Сатана, Сатанаил, Сатанил 1—4
 свадьба 105, 106
 Свирь, река 23—25
 священник 18, 34, 36, 37, 153, 178, 181, 186
 север, ветер 25
 семга 122
 сила 197
 сила водяная 34
 сила какая-то 37
 сила небесная 1
 сила невидимая 3, 37, 237
 сила нечистая 3, 36, 37, 183, 239—241
 сила сатанинская 3
 собака 203
 солдат 177, 180
 «соньце» (солнце) 4
 стадо водяное 20, 21, 22
 старик 35, 37, 156, 180, 196, 226, 246
морской 226
 старичок 33, 196
 староверка 250
 старуха 43, 204
 старуха знающая 174
 старушка 211, 241
 странник 12
 Суна, река 26
 сусед, суседка 179, 227
старенький 227
- та 159
 така, такой 114, 233
 тень 197
 тюлень 174
- утка 2, 127
 утопленник 246
- «хозяин» 70, 148, 191, 236
водяной 34, 35, 151, 164
дворовой 2
конюшничный 2
хлевной 2
 «хозяйка» 110
водяная 54, 70
дворовая 2
домовая 2
конюшничная 2
хлевная 2
черная 110

царь водяной 29, 30, 182

царь морской 2

цыганка морская 98

человек 13, 14, 22, 47, 62, 76, 83, 85, 91, 93,
112, 123, 125, 131, 160, 165, 173, 178, 198,
202, 204, 207, 219, 220, 228, 237, 242, 243,
245, 247, 251

волосатый 93

голый 91, 93

какой-то 37

маленький 13

нагой 85

неизвестно какой 178

толстый 22

черный 13, 76

черт 2, 7, 13, 14, 19, 22, 35, 45, 52, 130, 154,
166, 167, 171, 174, 183, 210, 239

водяной 35, 36

черный 3, 154

чертенок 225

чортух 81

черт его знает кто тако 95

чертиха 126

чертовка 183, 232

чертята 232

что-то («что тут плещется-то») 124, 168,
192, 194, 206, 226

чудовище 59, 226

морское 226

чурка 242

чуровище 95

Шуя, река 26

щука 233, 235

большущая 235

огромной величины 235

эта, этот 66, 147, 198

Указатель функций

А. ФУНКЦИИ ВОДНОЙ СТИХИИ/ВОДНЫХ БОЖЕСТВ

1. Мифическое существо показывается в том или ином облике

- 1.1. Мифическое существо показывается в облике природной стихии 13, 14, 18, 23—27, 29—31, 33—35, 38, 39, 108, 124, 142, 146, 147, 165, 167, 174, 206, 208—210, 214—217, 241
- 1.2. Мифическое существо показывается в нулевоморфном/невидимом облике 13, 19, 55, 58, 183, 184, 197, 237
- 1.3. Мифическое существо показывается в неопределенном облике 36, 44, 46, 52, 53, 56, 57, 60—62, 66, 76, 89, 103, 115, 120, 125, 126, 130, 147, 164, 175, 195, 225
- 1.4. Мифическое существо показывается в облике тени 197
- 1.5. Мифическое существо показывается в орнитоморфном облике 1, 2, 4, 5, 41, 48, 185
- 1.6. Мифическое существо показывается в зооморфном облике 13—18, 20, 23, 40, 41, 74, 121, 122, 127, 143, 147, 150, 174, 176, 194, 203, 235, 241, 249
- 1.7. Мифическое существо показывается в зооантропоморфном облике 6, 17, 87, 88, 101, 102, 226, 233
- 1.8. Мифическое существо показывается в фитоморфном облике 47
- 1.9. Мифическое существо показывается в фитоантропоморфном облике 128
- 1.10. Мифическое существо показывается в тератоморфном облике 59, 95
- 1.11. Мифическое существо показывается в виде предмета 120
- 1.12. Мифическое существо показывается в антропоморфном облике 3—6, 13, 14, 16, 22, 33, 37, 38, 43, 45, 48—51, 62, 64, 66, 68, 71, 72, 76—86, 89—91, 93, 94, 96, 97, 100, 108—114, 116—119, 123, 131—142, 154, 156, 159—163, 165, 166, 171, 172, 178, 183—185, 189, 191, 196, 198—200, 202—204, 207, 211, 219—222, 226—228, 234, 236, 237, 248, 251, 252
- 1.13. Мифическое существо показывается в облике двойника 45, 89, 90
- 1.14. Мифическое существо показывается в антропоморфизированном облике 1, 2, 24—27, 29—31, 34, 35, 39, 40, 42, 54, 63, 65, 69, 70, 73—75, 223, 224
- 1.15. Мифическое существо показывается в перевоплощающемся облике 3, 185
- 1.16. Мифическое существо показывается в метонимическом облике 17, 53, 54, 56, 57, 63, 65, 69, 70, 73—75, 77—79, 81, 82, 86, 87, 96, 97, 100, 108, 109, 111—114, 116, 127, 128, 133, 136, 137, 141, 142, 154, 159, 166, 171
- 1.17. Мифическое существо показывается в христианизированном облике 1—7
- 1.18. Мифическое существо показывается в негативно переосмысленном облике 14

2. Мифическое существо обнаруживает себя характерными внешними признаками

- 2.1. Волосы длинные 22, 43, 51, 57, 63—66, 68—73, 75, 77, 79, 82, 85—87, 91, 96, 101, 102, 107, 109—111, 114, 116, 118, 119, 123, 133, 136, 140, 141, 165, 166, 198, 202, 204, 219, 228, 233, 234, 251, 252
- 2.2. Волосы распущены 45, 54, 57, 62, 69, 89, 94, 112, 178, 202, 248
- 2.3. Волосы/шерсть/перья черные 1, 15, 17, 22, 56, 63, 64, 72, 73, 75, 77, 79, 85, 96, 107, 110, 117, 134, 138, 141, 162, 166, 219
- 2.4. Волосы/шерсть/перья белые/светлые 43, 101, 102
- 2.5. Волосы/шерсть/перья пестрые 18, 223
- 2.6. Волосы зеленые 100
- 2.7. Волосы рыжие/желтые 87, 109, 224
- 2.8. Волосы русые 94, 184
- 2.9. Шерсть бурая 13, 14, 22
- 2.10. Волосатость/шерстистость 62, 87, 93, 142, 150, 202, 252
- 2.11. Плешивость 133
- 2.12. Волосы кудрявые, волнами/кольцами 77, 87, 165
- 2.13. Нагота 35, 61, 85, 91, 93, 123
- 2.14. Груды большие 86
- 2.15. Глаза большие 85, 226
- 2.16. Глаза зеленые 118, 226
- 2.17. Глаза горят/светятся 85, 150
- 2.18. От мифического существа исходит блеск 168
- 2.19. Рыбий хвост 88, 101, 102, 117
- 2.20. Мифическое существо большой/огромной величины 13, 14, 16, 17, 20, 36, 59, 74, 235
- 2.21. Упитанность 13, 15—17
- 2.22. Прочие признаки 17, 87, 223

3. Мифическое существо обнаруживает себя теми или иными проявлениями

- 3.1. Мифическое существо обнаруживает себя акустическими проявлениями 13, 14, 19, 35, 47, 92, 98—107, 113, 168, 169, 171, 232, 241, 245
- 3.2. Мифическое существо обнаруживает себя вербальными проявлениями 13, 38, 58, 123—128, 130—142, 166, 171, 174, 196, 197, 199, 211, 221—232, 235—238, 247, 248, 251
- 3.3. Мифическое существо обнаруживает себя динамическими проявлениями 18, 35, 47, 52, 97, 99, 100, 120, 147, 194, 236—238, 241
- 3.4. Мифическое существо обнаруживает себя колористическими проявлениями 1, 3, 14, 15, 17, 38, 43, 45, 53, 56, 63, 64, 71—77, 79, 85, 89, 100—102, 110, 117, 134, 141, 154, 162, 166, 167, 172, 206, 219, 226, 227
- 3.5. Мифическое существо обнаруживает себя проявлениями темноты 174, 175
- 3.6. Мифическое существо обнаруживает себя проявлениями света 95, 168
- 3.7. Мифическое существо обнаруживает себя проявлениями огня 150
- 3.8. Мифическое существо обнаруживает себя природными проявлениями 172, 181, 213, 241

- 3.9. Мифическое существо обнаруживает себя притягательными проявлениями 37, 147—152
- 3.10. Мифическое существо обнаруживает себя необычными/аномальными проявлениями 80, 133, 169, 191, 207

4. Мифическое существо совершает магическое/знаковое действие

- 4.1. Мифическое существо плывет/плавает 48, 53, 80, 85, 87, 89, 116, 147, 207
- 4.2. Мифическое существо высовывается/выныривает/выпрыгивает из воды, ныряет в воду 43, 48, 50, 54, 88, 91, 112, 116, 127, 138, 160, 199, 225
- 4.3. Мифическое существо купается/окунается в воде 73, 85, 90, 91, 112
- 4.4. Мифическое существо моется/моет ноги 89—91, 93, 94, 248
- 4.5. Мифическое существо плещется/плещет по воде 35, 36, 89, 91, 92, 95, 100, 124, 154, 200, 206
- 4.6. Мифическое существо брызгается 194
- 4.7. Мифическое существо кувыркается/переворачивается в воде 96, 226, 233, 234
- 4.8. Мифическое существо качается 130
- 4.9. Мифическое существо качает головой 43
- 4.10. Мифическое существо машет руками 97
- 4.11. Мифическое существо рукоплещет 123, 154
- 4.12. Мифическое существо кланяется 139
- 4.13. Мифическое существо играет на музыкальном инструменте 169
- 4.14. Мифическое существо поет песни 98—106, 139, 168
- 4.15. Мифическое существо пляшет 183, 184
- 4.16. Мифическое существо переводит дух 107
- 4.17. Мифическое существо распускает волосы 113, 202
- 4.18. Мифическое существо расчесывает волосы 20, 44, 50, 51, 54, 60, 67—72, 74—79, 81—84, 90, 99, 100, 108—111, 113, 123, 126, 132—138, 159, 160, 162, 166, 200, 203, 252
- 4.19. Мифическое существо заканчивает расчесывание волос 76
- 4.20. Мифическое существо прерывает расчесывание волос 81—84
- 4.21. Мифическое существо гладит/приглаживает волосы 70, 140
- 4.22. Мифическое существо взмахивает волосами 45
- 4.23. Мифическое существо мотает/наматывает волосы 73
- 4.24. Мифическое существо развязывает — завязывает/свивает невод 236—238
- 4.25. Мифическое существо обвивает человеку палец 190
- 4.26. Мифическое существо оставляет после себя круги на воде 43
- 4.27. Мифическое существо насыляет волны 213

5. Мифическое существо противостоит/не противостоит антиподу

- 5.1. Мифическое существо противостоит другому мифическому существу 1—4, 6, 7, 23—33
- 5.2. Мифическое существо противостоит человеку 34—38

6. Мифическое существо творит мир

- 6.1. Мифическое существо создает/перевоссоздает мир 1—11, 16, 23—27, 29—42, 196
- 6.2. Мифическое существо разрушает мир 9—12

7. **Мифическое существо обнаруживает продуцирующую силу** 18
8. **Мифическое существо обладает чудесным предметом** 13—17, 19, 21, 22, 219, 220
9. **Мифическое существо вступает/не вступает в контакт с человеком** 13, 19, 32, 33, 56, 89—92, 94, 118, 142, 221—225, 227—232, 236
10. **Мифическое существо вступает/не вступает в брачные отношения с человеком** 183, 185—189, 191
11. **Мифическое существо предопределяет, предвещает судьбу/предсказывает будущее** 11, 49, 54, 71, 72, 91, 93, 98—100, 105, 106, 108—117, 119—131, 133—145, 167, 211, 213, 222, 226
 - 11.1. Мифическое существо произносит приговор 123—128, 130—138, 140, 141
 - 11.2. Мифическое существо зовет/манит человека 49, 99, 100, 128, 159
 - 11.3. Мифическое существо воет 113, 232, 245
 - 11.4. Мифическое существо улыбается 49, 118
 - 11.5. Мифическое существо глядит печально 118
12. **Мифическое существо покровительствует/не покровительствует человеку** 9—12, 34—37, 191, 215—217, 221—223, 226—228, 232, 234, 236, 239, 240, 249, 252
13. **Мифическое существо одаривает/вознаграждает человека/расплачивается с ним** 19, 32, 33, 38, 183
14. **Мифическое существо наказывает/не наказывает человека или предупреждает его** 9, 10, 16, 19, 40, 41, 46, 149, 151, 162, 192—197, 199, 203, 208—218, 224, 235, 251
15. **Мифическое существо затягивает/не затягивает, забирает/не забирает, похищает/не похищает, губит/не губит человека или животное** 43, 67, 70, 72, 80, 100, 128, 146—161, 163, 165—170, 172, 174—182, 186, 187, 189, 191, 200—205, 241, 242, 244, 245, 247
16. **Мифическое существо пребывает в состоянии перехода** 39, 40
17. **Мифическое существо исчезает** 13—17, 20, 22, 42, 43, 45—48, 50, 54, 56, 57, 60, 61, 64, 66, 68, 73, 76, 77, 81—85, 88—91, 93, 94, 101, 102, 108, 110—112, 114, 117, 118, 121, 123, 131, 134, 136, 141, 162, 166, 185, 198, 207, 219—228

Б. ФУНКЦИИ ЧЕЛОВЕКА, СООТНЕСЕННОГО С ДУХАМИ ВОДЫ

18. **Человек вступает в контакт с мифическим существом** 142, 154, 221—226, 228—232, 236, 239, 240

19. **Человек вступает в брачные отношения с мифическим существом** 179—183, 185
20. **Человек оказывает услугу мифическому существу** 32, 33
21. **Человек нарушает/не нарушает запрет** 40, 41, 43, 45, 80, 149, 151, 157, 161, 162, 164, 166, 167, 169, 172, 192—199, 201—205, 208—218, 234, 235
22. **Человек похищает/не похищает чудесный предмет, обладает/не обладает чудесным предметом** 13—19, 219, 220, 250
23. **Человек проявляет признаки поврежденности** 56, 58, 70, 76, 78, 80, 90, 120, 123, 143, 149, 150, 154, 155, 157, 162, 167, 170, 175, 178, 192, 193, 204, 206, 209—211, 214, 233—235
24. **Человек погибает/тонет под воздействием мифического существа** См. А 15
25. **Человек находит/не находит средство избавления от мифического существа** 21, 34—37, 47—49, 53, 61, 62, 64, 66, 70, 73, 81—83, 92, 100, 103, 106, 107, 121, 130—132, 136, 149, 150, 164—167, 170, 171, 174—183, 186—191, 198, 200—202, 204, 207, 227, 235, 237, 241
26. **Человек находит/не находит средство установить/восстановить отношения с мифическим существом** 84, 185, 193, 196, 197, 208—211, 214, 221—223, 226, 228, 232, 242, 243, 246, 249
27. **Человек после контактов с мифическим существом обнаруживает сверхъестественные способности** 88, 129, 159, 206, 207, 250

Указатель локусов*

- амбар 71
- баня («байня») 1, 49, 80, 116, 117, 147, 160, 175, 176, 191, 199, 241
три бани 175
- берег 7, 15, 17—20, 32—37, 42—47, 49, 51, 53—55, 62, 69, 70, 72—74, 81, 94, 98, 101—103, 108, 111, 123, 132, 136, 140—142, 145, 150, 154, 155, 159, 160, 165, 170, 171, 179, 185, 186, 197, 198, 201, 202, 207, 215, 219, 220, 221, 224, 229, 235, 251
высокий 136
дальний 132
длинный 201
другой 37, 45, 219, 220
низменный 34, 36
обрывистый 47
озерный 34, 35
песочный 201
противоположный 37
самый 37, 46, 49
такой 47, 62, 136
тот 35, 198
этот 141
- близко 35, 83, 159
- болото 2, 26, 34, 35, 212, 241
зыбучее 35
сухо 241
- бугор 6
- вглубь 26
- вдали, вдаль 26, 35, 118
- верховье 235
- вода 1—5, 7—10, 12, 13, 17, 20, 22, 30, 33—35, 37, 42, 46, 47, 50, 54, 55, 58, 61, 62, 66—68, 71, 76, 77, 79, 80, 83, 87—89, 93, 95, 97, 100, 101, 107, 108, 110, 112—114, 118, 120, 123, 124, 126, 128, 131, 133, 134, 136, 141, 146, 148, 149, 152, 153, 154, 160, 161, 162, 165, 166, [170], 171, 172, 175, 176, 180, 186, 188, 190, 192, 194, 195, 197, 198, 199, 201, 202, 204, 206, 207, 208, 211, 212, 214, 220, 221, 223, 224—230, 232, 246, 248—251
большая 79
не эдака 55
озерная 35
посреди 100
- возвышение 35
- возвышенность 34
- воздух 3
- ворота 13, 103, 235
- восток 34
- восход («на восход солнца») 35
- в отдаленности 198
- впереди 218
- вправо 23
- выше 22, 33, 52
- где-то 187
- глубина 183, 184
морская 183, 184
- гора, горка 1—3, 5, 6, 24, 25, 34, 35, 47, 136, 141, 164, 174—176, 204, 223, 224, 227, 229, 247
Арабат 7
Вардегора 247
высокая 1, 34, 35
каменная 3, 8
крутая 34, 35
Синай 7
страшенная 7
Чернавка 174
- горница 108, 183
- граница 26
- громада
гранитная 26
- Грумант (Шпицберген) 183
- губа (залив) 79, 185
дальняя 185

* Цифры обозначают номера текстов, помещенных в настоящем издании.

- далье, далеко, далековато, дальше 24, 36, 37,
41, 45, 87, 107, 125, 207
двери (-ь) 189, 191, 211, 237, 248
двор 1, 204
дворец 180
деревня 13, 16, 19, 40, 41, 59, 76, 78, 95, 103,
112, 116, 143, 158, 159, 167, 178, 181, 209,
219, 221, 235, 240, 241
ближняя 13
большая 191
прибрежная 34
своя 13
соседняя 209
дно 1—3, 5, 7, 13, 35, 163, 212
морское 2, 3, 5
моря 1
самое 35
долина 26
глубокая 26
лесная 26
дом, домишко 1, 42, 143, 179, 181, 183, 185,
197, 244
богатый 185
каменный 183
этот 197
дорога 23, 24, 27, 34, 35, 37, 40, 59, 74, 82, 98,
125, 179, 180, 181, 185
большая 125
на полудороге 181
прямоезжая 179
«доска такая» 154
дуб 37

«жердочки» 145
жилище 32, 34

заведение питейное 178
завод 39, 178, 251, 252
залив 55
такой 55
зарод (продолговатая укладка сена) 164
заязка (перегородка реки) 130
здесь 55, 93, 207, 218
земля 1—10, 12, 24, 107, 212, 230
каменистая 3
нехлебородная 3
прекрасная 3
холодная 3
чудная 3

изба 21, 103, 143, 174, 175, 180, 181, 185, 191,
197, 221, 228
середка 181
три избы 143
избушка 164, 181
лесная 164
изгородь 61
издалека 36
исток 35

камень, камешек 2, 3, 8, 20, 24, 43—51, 62,
64, 67, 69, 75—77, 79, 80, 82, 83, 85, 86,
88, 90, 91, 94, 101, 108, 110, 111, 114, 115,
117—119, 124, 126, 134, 136—138, 140,
141, 159, 161, 162, 202, 212
большой 48, 49, 51, 62, 124, 137, 140, 141,
202
большуций 47
камень-остров 159
такой 47, 48, 124, 137
тот 131
три камня 80
черный 49
канава 36
канал 36
клоч (кочка или островок) 78, 176, 241
колесо 243, 244, 247, 248
колодец 26, 195
коряга 35
коч 18
странствующий 18
крыльцо 13
кряж 123
купальня 157
курья (залив или пролив) 104
куст (в кустах) 107
кут (озера) 35

лава (деревянный помост) 113
лавка 181
ламба, ламбушка (лесное озеро) 107
лахта (залив у озера) 46
лед 182
лес 1, 23, 26, 34, 37, 40, 41, 84, 101, 102, 109,
124, 174, 197, 210, 227
стоячий 35
лог 6
лут 21
луда, лудушка (каменистая отмель) 46, 55,
85, 110

- мельница 22, 35, 36, 38, 106, 107, 181, 242—245, 248—250
 места окрестные 34
 местность 34
 болотистая 34
 место 1, 12, 18, 24, 35, 36, 38, 55, 70, 79, 91, 94, 110, 112, 117, 123, 129, 132, 168, 177, 181, 193, 194, 197, 207, 219, 220, 235, 237
 глубокое 70
 другое 36, 129
 какое-то 94
 красивое 197
 ни одно 79
 новое 197
 ровное 1
 самое 181
 свое 18
 старое 35
 сырое 214
 такое 38, 110, 132, 214
 то 36, 41, 91, 123, 168, 177, 194, 209, 219, 220, 235
 это 12, 112, 117, 156, 193, 207, 212
 монастырь 241
 море 2, 8—10, 26, 27, 98, 99, 103, 125, 142, 169, 174, 175, 212, 213, 226, 241
 неведомое 26
 Хвалынское 27
 мост 39, 56—58, 84, 87, 138, 139, 143, 144, 147, 166, 207
 другой 84, 246, 252
 калиновый 183
 мостовины 59
 продольные 59
 мох 176
 Мурман 239
 мыс 42, 88

 наверх 35
 наволок 37, 68, 108
 назад 175, 231
 небо 2, 3, 6—8, 12
 невдалеке 13
 «не гораздо далёко» 124
 недалеко, недалёко 40, 54, 79, 154, 218
 не так далеко 62, 202
 ниже 25, 33, 187

 обратно 147, 149, 218, 231
 обрыв 62, 202

 овраг 6
 озеро 2, 8, 12, 16, 18—20, 23, 28—30, 32, 34—42, 47, 48, 51, 53, 70, 72, 74, 78, 79, 86, 91, 97, 100, 104, 108, [112], 118, 127, 128, 130—132, 134, 145, 147, 148, 162, [167], 169, 179, 185, 190, 191, 197, 200, 205, 207, 208, 211, 215—217, 219—222, 224, 227, 231, 233—236, 246, 252
 большое 91
 все 79
 глубокое 136
 Ильмень 185
 Кончезеро 31, 246
 круглое 13
 Кушозеро 29
 маленькое 13
 наше 39, 100
 небольшое 36
 оба озера 40
 Ольховское 215
 Онего 29, 30, 39, 185
 Пертозеро 31, 216, 217, 246
 половина 18
 Полозеро 216
 посередине, посреди 13, 134, 168
 самая глубина 16
 самая середина 32, 207
 соседнее 32
 такое 91, 216
 тихое 35
 это 37, 216
 окиян-море 1
 окно, окошко 19, 41, 108, 112, 159, 179, 180, 183, 207, 237, 238
 омут 15, 20, 33, 35
 глубь 35
 Кривой 33
 Онега, река 205
 остров, островок 7, 13, 34, 35, 40, 41, 53, 54, 85, 116, 159, 167, 169, 185
 два острова 36
 двадцать сажен длины и десять ширины 34
 другой 41
 небольшой 35
 продолговатый 35
 продолговато-круглый 34
 святой 35
 откуда-то 36
 оттуда 149

- ошосток, ошосточек (шесток) 228
- палата 179
пребогатая 179
 «пашня водяная» 77
 пень 73, 175
 перевоз 33
 переход 34, 59
 печь 191, 228
 плес 25
 плот 185, 251
 плотина 35, 150, 181
 погост 181, 219, 220, 245
 пожня 17, 37, 241
 позади 174
 покос 206
 поле 1, 170, 183, 194
 поля зеленые 183
 путистое 1
 полее 24
 полук 191
 полянка 197, 217
 красивая 197
 порог 174, 175, 180
 три порога 174, 175
 посередине, посреди 13, 34, 35, 134, 138, 168, 181
 преграда 26
 пригорок 37
 прилука (пожня) 105
 пристань (мостки к воде) 93, 109
 провалище
 глубокое 7
 пропасть непроходимая 1
 прорубь («пролуб») 121, 139, 142, 182
 пространство
 большее 29
 путь 23, 34, 35, 169
 водяной 34
 недальний 35
 новый 34
 Пчевжа, река 33
- река, речка 2, 8, 9, 12, 15, 23—26, 28, 33—38, 40, 41, 43, 49, 57, 64, 76—78, 80, 81, 83, 84, 89, 90, 94, 101—103, 121, 123, 124, 126, 137, 138, 143, 144, 146, 150, 154, 155, 164, 171, 174, 180, 186, 187, 189, 195, 200, 207, 209, 211, 212, 225, 228, 232, 235, 240, 241, 244, 245, 247
- посередине, посреди, середина* 34, 35, 94, 138
 решетка 157
 рига 1
 родник 26, 196, 210
 рожь 61
 росстань 124, 143
 роща 96, 183
 ручей 25, 34—36, 38, 59, 193, 194, 206, 210, 214, 223, 241
 Бесов 223
 рыбалка 92, 168
 рядом 93
- сад 183
 салма (пролив) 65
 сарай 39
 свет весь 98
 север 34, 35
 северо-восток 34
 селение 13
 село 12, 37, 74
 большое 185
 скала 26, 197
 соединение (речек) 39
 ставень 237
 становище 226
 стая (огороженное место в хлеве для скота) 211
 стол 189
 сторона 3, 34, 35, 38, 70, 71, 94, 105, 119, 142, 176, 192
 восточная 3
 западная 34, 38
 которая 70
 моя 226
 нижняя 176
 северная 3
 та 34, 35, 53, 71, 105, 119, 176
 эта 94
 сходня 60
 сюда 41, 147
- там 93, 149, 156, 159, 175, 202, 205, 226
 течение 187
 тоня 103, 122, 176, 211, 237, 238, 241
 труба 237
 трясина
 непроходимая 7
 туда 123, 147, 149, 202, 207, 218

тут 79, 88, 147, 156, 175, 205, 218, 229

угол 192

угор 176

улица 174, 180

утес 26

фатера 179

холм 6

хоромы 179

хрустальные 179

храм 37

хутор, хуторок 197

царство 32, 180, 183

водяное 32

подводное 183

царство-государство 180

церковь 37, 96, 181, 219, 220

часовня 33, 169

Никола Угодника 169

чертоги (водяного) 186

шалаш 16

щилья 1

электростанция 247

юг 34, 35

яма, ямка 80, 108, 115, 137

Указатель исполнителей*

- Абросимова Анастасия Николаевна, 1919 г. р. 211, 214
Амелькина Надежда 197
Андреева М. А., 1902 г. р. 11
- Барышева Надежда Николаевна, 1910 г. р.,
родом из дер. Сенная Губа Медвежье-
горского р-на Карелии, грамотная 56, 87
Бахирева М. Ф. 180
Белая Елена Петровна, 1893 г. р. 115
Белова Анна Александровна, 1928 г. р., ро-
дом из дер. Фомино, грамотная 134, 162
Беляева Елена Петровна, 1916 г. р., местная,
неграмотная, карелка 50
Березина Александра Петровна, 1906 г. р.,
местная, грамотная 192
Березкина Мария Николаевна, 1906 г. р. 246
Боброва Анастасия Яковлевна, 1893 г. р.,
родом из дер. Рожданаволоок 65
Богданов Леонтий 188
Богданов Харлампий, местный крестьянин
17, 74
- Ванькина Елена Егоровна, 1908 г. р., родом
из дер. Ватчала Вохтозерского с/с Кон-
допожского р-на, неграмотная, карелка
119, 149
Варина Марфа Алексеевна, 1913 г. р., ро-
дом из д. Щучья (близ Андомы), мало-
грамотная 85
Васюнов Яков Николаевич, 1898 г. р. 96
Ведехина Екатерина Ивановна, 1893 г. р.,
местная, грамотная 131
- Гаврушкин Мирон Ефимович, 1896 г. р.,
грамотный 88
Ганина Мария, 1922 г. р., родом из дер. Та-
тарская Гора Колодозерского с/с, гра-
мотная 63
Голубев Иван Андреевич, 1902 г. р., родом
из дер. Заболотья, грамотный 95
Горбачев Василий Устинович, 1865 г. р. 19
Горбачева Н. И., 1924 г. р. 148
Гордеев Филипп, крестьянин из с. Большо-
го Нагорного, гонщик леса 26
Господарев Филипп Павлович, 1865 г. р., ро-
дом из Рогачевского у. Могилевской губ.
С 1905 г. работал на Онежском заводе в
Петрозаводске сварщиком, затем кузне-
цом. Умер в 1938 г. Известный сказоч-
ник 98
Григорьев Севастьян Алексеевич, 1902 г. р.,
местный, грамотный, карел 75
Гурина Мария Андреевна, 1902 г. р., мест-
ная, грамотная 68
- Демидова Евдокия Архиповна, 1911 г. р.
111, 170
- Егорова Ефимья (Аксинья?) Дмитриевна,
1900 г. р. 152, 229
Егорова Мария Матвеевна, 1907 г. р., родом
из дер. Юркостров (в черте пос. Гирвас),
неграмотная, карелка 70
Едемский 153
Ерукова Мария Васильевна, 1900 г. р. 84, 160

* Место рождения исполнителя указывается лишь в том случае, когда оно не совпадает с местом записи (см. паспортные данные текстов). Если место записи и место рождения не совпадают, но принадлежат одному и тому же району, то при указании места рождения сведения о районе и области не приводятся. Степень полноты сообщаемых об исполнителях сведений зависит от данных, которыми мы располагаем. Цифры обозначают номера текстов.

- Заборщикова Мария Петровна, 1914 г. р. 122
- Зайкова Ульяна Тимофеевна, 1900/1901 г. р. 121
- Заостровская У. Н., 1909 г. р. 137
- Захарова Александра Афанасьевна, 1916 г. р., родом из с. Пялозеро (дер. Наволок), грамотная. В пос. Спасская Губа живет с 1934 г. 108
- Захарова Анна Ивановна, 1910 г. р., малограмотная 140, 231
- Зеленухина Антонина Васильевна, 1912 г. р., родом из Саратовской обл. 101, 102
- Иванова Мария Афанасьевна, 1923 г. р., местная, малограмотная (3 класса), карелка 54
- Иванова Федосья Матвеевна, 1898 г. р., родом из дер. Христианы, неграмотная, карелка 118
- Капшина Анна Ивановна, 1914 г. р., родом из Пермской обл. 48
- Карлова Мария Федоровна, 1929 г. р., неграмотная 128
- Карпина Зинаида Ивановна 44, 69, 156
- Касьянов Аркадий Филиппович, 1919 г. р., родом из дер. Большой Бор Онежского р-на Архангельской обл., грамотный. В пос. Спасская Губа Кондопожского р-на Карелии живет с 1948 г. 155, 187
- Катеричкин Юрий, 1970 г. р. 58
- Кириянова Акулина Михайловна, 1900 г. р., родом из дер. Вырозеро 245
- Клементьев К. М. (запись 1916 г.) 200, 225, 243
- Коворнина Федора Николаевна, 1897 г. р. 104
- Кожин Михаил Михайлович, 1906 г. р. 103, 215
- Кожина Иринья Андреевна, 1888 г. р. 238, 241
- Комарова Анастасия Матвеевна, 1908 г. р., малограмотная 77
- Коптяев Иван Алексеевич, 1841 г. р., неграмотный (запись 1916 г.) 4, 177, 203, 242, 250
- Корельский Степан Петрович, хозяин земской станции в с. Красный Бор (запись 1907 г.) 164
- Коротких Савва Яковлевич 178
- Крысанова Таисья Александровна, 1913 г. р. 94
- Кузнецова Евдокия Ивановна, 1903 г. р., родом из дер. Куганаволок, малограмотная 62, 201, 202
- Курицына Валерия Ивановна, 1897 г. р. 71
- Курмина З. Г., 1909 г. р. 73
- Лазарева Анна Яковлевна, 1900 г. р., местная 120
- Лебедева Прасковья Васильевна 147
- Левина Евдокия Макаровна, 1895 г. р., родом из дер. Великостров, неграмотная 113, 173
- Ликко Мария Васильевна, 1911 г. р., неграмотная 49
- Лодейкин Самсон Николаевич, 1886 г. р. 237
- Макаров Илья Николаевич, 1856 г. р. (запись 1907 г.), один из лучших сказочников, от которых производил записи Н. Е. Ончуков 130
- Макарова А. П., 1898 г. р. 171
- Маккоева Анна Степановна, 1918 г. р., местная 117
- Малофеевская Мария Михайловна, 1912 г. р., местная, грамотная 57
- Манова Прасковья Васильевна, 1914 г. р., местная 123, 228
- Марков Михаил Степанович, 1922 г. р., родом из с. Большие Горы Видлицкого с/с Олонецкого р-на 210
- Марцевич Елена Ивановна, 1909 г. р., родом из дер. Прутцы Шутинского р-на Гродненской обл. (Белоруссия), неграмотная 9, 10
- Марчихина Аксинья Ильинична, 1912 г. р. 91, 146
- Матюшина Надежда Ивановна, 1898 г. р. 144, 145
- Медведев Александр Андреевич, 1909 г. р., родом из дер. Шабалина Деригузовского с/с, грамотный 60, 230
- Медведева Мария Степановна, 1918 г. р., родом из дер. Паяницы (по другим сведениям — из дер. Ионина Гора), грамотная, в Шунье живет с 1965 г. 132
- Минина Иринья Григорьевна, 1909 г. р., местная, неграмотная 107

- Моисеева Мария Григорьевна, 1906 г. р., неграмотная 79
- Мошникова Авдотья Анисимовна, 1896 г. р. 174, 175
- Мошникова Еликонида Иоакимовна, 1922 г. р. 105
- Нажиева Анастасия Даниловна, 1924 г. р., родом из дер. Кинерма Пряжинского р-на Карелии, неграмотная 158, 194, 206
- Н. В., коренной житель Куштозерского прихода 29
- Новожилова А. А., 1897 г. р. 141
- Овчинникова Евдокия Семеновна, 1912 г. р., родом из дер. Липовицы (близ Кижей) Медвежьегорского р-на. В пос. Спасская Губа живет с 1945 г. 78
- Олюшкина У. М. 196
- Павлова Анна Федоровна, 1914 г. р. 218
- Павлова Елена Ивановна, 1926 г. р., местная 66, 129
- Парамонова Марфа Семеновна, 1873 г. р., неграмотная 227
- Печенкина Мария Игнатьевна, 1923 г. р., местная 72
- Пименова Мария Ильинична, 1900 г. р. 112
- Попов Григорий Павлович, 1896 г. р., местный, малограмотный 251
- Потапова Вера Степановна, 1910 г. р. В пос. Спасская Губа живет с 1933 г. 109
- Примерова Евдокия Семеновна, 1919 г. р., родом из дер. Машезеро Пряжинского р-на Карелии 159
- Прокопьева Анна Михайловна, 1904 г. р., местная, неграмотная 168
- Пяревская Александра Ивановна, 1901 г. р., местная, грамотная 143
- Ремезов Иван Никитич, 1909 г. р., местный, грамотный 216, 217
- Рогаткина Прасковья Ивановна, 1904 г. р., родом из дер. Великая Нива Великоновского с/с, малограмотная 97
- Родина Анастасия Васильевна, 1906 г. д., родом из дер. Гакугсы, грамотная 165
- Рябик Ольга Денисовна, 1898 г. р., родом из Псковской обл., неграмотная 167
- Савина Мария Васильевна, 1915 г. р., местная, грамотная 207
- Самохвалова Федосья Прокопьевна, 1906 г. р., родом из с. Пялицы 176
- Свиньин Федор Николаевич (1878—1946), местный, малограмотный (3 класса), сказочник 226
- Свиньина Любовь Матвеевна, 1884 г. р. 182
- Семенова Марфа 7
- Серогорова Анфиса Евстафьевна 191
- Сёмкина Пелагея Михайловна, 1905 г. р., местная, грамотная 124
- Сидоров Василий Абрамович, в 1897—1905 г. — кончезерский рабочий 252
- Силкин Василий, 1967 г. р. 92
- Синцова Прасковья Никаноровна, 1912 г. р. 198
- Собакина А. С., 1911 г. р. 126, 154
- Соболева Ольга Терентьевна, 1916/1917 г. р., малограмотная 204, 233, 234, 247
- Соколова Мария Федоровна, 1898 г. р., местная, грамотная 116
- Соловьева Анна Андреевна, 1910/1911 г. р., родом из дер. Канзанаволок, грамотная 46, 55, 110
- Стариков Андриан Егорович 83
- Старицына М. Л., 1903 г. р., родом из дер. Падун 43
- Степанова Акулина Ивановна, 1907 г. р. 127, 157
- Степанова Мария Ивановна, 1906 г. р., местная, малограмотная (1 класс) 106, 166
- Стрелкова Оксенья Ларионовна, 1902 г. р. 142
- Суслонова Анфиса Ивановна, 1890 г. р., местная, грамотная 99, 213
- Травешова Надежда Федоровна, 1904 г. р. 135, 161, 199
- Трифонов А. А., 1906 г. р., родом из дер. Покровское Медвежьегорского р-на 64
- Устёнова Ульяна Ефимовна, 1899 г. р. 53, 89
- Устинов Григорий Алексеевич, 1906 г. р. 212
- Уханова Елена, 1908 г. р. 76
- Федосеева Парасковья Ивановна, 1898 г. р. 193
- Федотова Марфа Даниловна, 1926 г. р., грамотная (5 классов) 100

- Федулова Мария Алексеевна, 1918 г. р. 51, 190
 Филькина Наталья Александровна,
 1907/1908 г. р., родом из дер. Таржеполь,
 малограмотная 67, 244
 Фокин Павел Никитич, 1925 г. р., грамот-
 ный 52
 Фофанов К. А., 1910 г. р. 86
 Фофанов Степан Петрович, 1893 г. р. 136
 Фофанова Татьяна Григорьевна, 1898 г. р.,
 грамотная 45, 47
 Харитонова Иринья Ивановна, 1912 г. р.,
 местная, грамотная 82
 Чиркин Николай Степанович, 1907 г. р., ро-
 дом из дер. Вороний Остров Типиниц-
 кого с/с. В с. Великая Губа живет с 1944 г.,
 грамотный 93
 Чиркина Анастасия Федоровна, 1912
 /1913 г. р., родом из дер. Кибитка Ти-
 пиницкого с/с, неграмотная 61
 Чюхин Максим Галактионович, ≈ 1866 г. р.
 (запись 1916 г.) 163
 Шарашов Василий Васильевич, 1884 г. р.
 (запись 1908 г.) 181
 Швецова Анфиса Михайловна, 1909 г. р.,
 неграмотная 151
 Шишкина О.О., 1926 г. р. 80
 Шондруков Константин Лукич, 1875 г. р.,
 грамотный 81
 Шошина Екатерина Александровна,
 1912 г. р., родом из дер. Новоселово, ма-
 лограмотная 133
 Шпагина Дарья Семеновна, 1882 г. р., родом
 из дер. Щаниково, неграмотная 90
 Юрин Тихон Алексеевич, 1799 г. р. 16
 Яковлева П. А., 1906 г. р. 125
 Яшова Анна Ивановна 114

Указатель собирателей*

- Аверкиева И. Н. 57
Азоркина Е. 49, 72, 210
Алексеева И. 168
Артемьева Л. 10
Афанасьев А. Н. 27, 31, 183, 184
- Балашов Д. М. 103—105, 215, 238, 241
Барсов Е. В. 3, 24, 32, 59, 208, 223
Б—в Н. 41
Береснева И. В. 99, 213
Беседников П. 29
Блошинина О. 106
Богатырёв П. Г. 4, 81, 153, 163, 177, 200, 203, 225, 242, 243, 249, 250
Бочарова И. 80, 126, 137, 154
- Валькова Э. 100, 128
Васильева М. 168
Вашко Е. А. 99, 213
Веденеева Л. А. 97
Власова М. Н. 11, 122, 142, 176, 211, 212, 214
Воронова О. 118
Вяхирева Н. А. 57
- Георгиевский А. 25, 36, 189
Георгиевский М. Д. 37, 236
Гин (Левина) Е. М. 112, 115
Голенкова И. 9
Головащенко Е. 80, 126, 137, 154
Горбова В. 171
Горбунов Ю. В. 82, 84, 160
Гришанов Б. 135, 161
Гурина Л. А. 97
Гусева К. 107
- Дашков В. 28
Деревянкина 50, 54
Дуплихина И. 118
- Ершик Т. 9
Ефименко П. С. 22
- Забродина И. 118
Зайцева О. 106
Захаров В. Н. 97, 133
Земзаре И. 51, 159, 190
- Иванова Т. В. (рук.) 9, 10, 48, 50, 54, 75, 79, 107, 119, 168
Ильина Е. 49, 72, 210
- Карнаухова И. В. 12
Кичин Е. 20
Ковалева С. А. 97
Ковальский И. Н. 26
Колпакова Н. П. 240
Коноплёва С. 66, 117
Коретина О. М. 48, 88
Коски Т. А. 62, 68, 71, 77, 141, 173, 201, 202, 204, 218, 234, 247
Красовская Ю. Е. 174
Криничная Н. А. 56, 62, 67, 68, 77, 78, 85, 87, 90, 95, 108, 109, 143, 155, 187, 192, 201, 202, 207, 244
Кудряшова Е. 51, 159, 190
Кузнецова В. П. 94, 116, 165, 216, 217, 245, 251
Кузьмина А. 107
Куимова О. С. 134, 162
Кулагина С. 64
Куликовский Г. И. 8
Куприянов И. К. 38
Курец Т. С. 55, 110, 114
- Лавонен Н. А. 233
Лазарев А. Ф. 75
Лебедева А. Н. 43
Ленсу 227

* Цифры обозначают номера текстов, помещенных в настоящем издании.

- Леонова В. 129, 158, 194, 206
 Лесков Н. 17, 74, 224
 Лесонен Н. 66, 117
 Липницкая Л. 147
 Лишанская М. 52
 Лобышева М. 64
 Лодыгина А. 129, 158, 194, 206
 Лойтер С. М. (рук.) 58, 82, 84, 92, 101, 102, 135, 160, 161, 199
 Лысюк Т. 9
- Макарова И. Н. 58, 92
 Максимов С. В. 6, 15, 35
 Минорский П. 23
 Михалкина С. В. 133
- Нечаев А. Н. 237
 Нигметова М. 52, 65, 86, 91, 96, 113, 120, 146, 152, 229
 Новиков Н. В. 98
 Новиков Ю. А. 63
 Новожилова С. Н. 43
- Обухова К. Н. 76, 197
 Онегина Н. Ф. 60, 61, 93, 132, 230
 Онегина Н. Ф. (рук.) 57
 Ончуков Н. Е. 14, 130, 164, 178, 220
 Орнатская Т. И. 175
- Пак 50, 54
 Пакконен А. Т. 60, 61, 93, 132, 230, 245
 Панченко Л. 107
 Пелдола Г. В. 246
 Перетц В. Н. 33, 150
 Петров К. 13, 219
 Пецевич Л. 199
 Пирогова Н. 64
 Плескунайте Ш. 118
 Попова М. И. 133
 Потанин Г. Н. 18
 Потахина М. Г. 57
 Пулькин А. В. 108, 109
 Пулькин В. И. 56, 67, 78, 85, 87, 95, 108, 109, 131, 143, 155, 187, 192, 244, 251
 Пырч С. Ю. 127, 157
 Пятницкий 16
- Разумова А. П. 45, 47, 53, 71, 89, 121, 136, 141, 151, 173, 193, 196, 204, 218, 233, 234, 247
- Рассолова Н. 102
 Р—в Г. 222, 235
 Родина Е. П. 226
 Русакова Е. И. 45—47, 65, 112, 115, 120, 136, 151, 170, 173, 198
 Рутковская З. 83
 Рухтеева Л. 10
 Рыбников П. Н. 1, 172, 179, 185, 188
 Рысакова Т. 168
- Савушкина Н. И. 182
 Семенова Л. Ф. 43
 Сенькина Т. И. 44, 53, 55, 69, 89, 90, 110, 114, 121, 123, 144, 145, 156, 196, 206
 Сенькина Т. И. (рук.) 43, 49, 51, 64, 66, 70, 72, 99, 100, 117, 119, 127—129, 134, 140, 149, 157—159, 162, 166, 167, 190, 194, 210, 213, 231
 Сердюк И. 100, 128
 Силина Т. Л. 246
 Соймонов А. Д. 252
 Соколовы Б. М. и Ю. М. 19, 181, 191
 Соловей Ж. В. 133
 Сорокина Е. 10
 Статуева 50, 54
 Степанова Е. И. 101
 Суховой (Кузнецова) В. П. 46, 65, 111, 120, 123, 170, 198, 228
- Тананайко С. 73
 Титова Е. 73
 Тихомиров Н. 34
 Тихонов М. А. 99, 213
 Трофимова Т. 64
 Трухан Г. 106
 Трынова Л. 102
 Тулина Е. В. 246
 Тюхай Т. И. 79
- Устинская О. 65, 91, 146, 152, 229
- Фильберт Т. 199
- Хайкина 227
 Харитонов А. 21, 186, 221
 Харузин Н. Н. 40
 Харузина В. 169
- Цейтлин И. 180

НАУЧНЫЙ АППАРАТ

Чекменева Г. В. 125
Черных Е. Ю. 127, 157
Черняева Н. Г. 124, 216, 217
Чудинов И. 39

Шайжин Н. 42
Шальнева 50, 54
Шепеленко В.М. 75
Ширский А. А. 5

Шкипина С. 107
Шкляева Н. Л. 133
Штарева И. 171

Эйдемиллер И. В. 148

Южанин А. С. 239

Яковлев В. В. (рук.) 57

Словарь диалектных и устаревших слов*

ак — *так*. Моторки день и ночь издя, ак у ей (водянихи) куды-то убежано, наверно, ей и с поиском не найти / А тут врач у нас был Гоголев, ну, ак он сказал (вот уж знал-то дак, покойная головушка!).

áli — *или*. Я, говорит, стал ближе подъезжать: интересно, что она будет сидеть али нет, посмотреть мне / Показалась эта русалка, али водяница, леший знает / Поди знай, водяной ли берет, али кто его знат / Али ты сама такая же чертовка? / После этого подумывать начал Терешкин, ехать ему на озеро жить, аль нет...

армяк — *старинная крестьянская верхняя распахная одежда из толстого сукна в виде халата или прямого кафтана без сбор.* А он (водяной) вроде как старик ползет в армяке по дну.

артель рыбацкая — *группа рыбаков на рыбном промысле, занятая совместным ловом рыбы на началах коллективного труда, по паям.*

áще — *снова, опять*. И до островка поехали с горем аще, досидели до утра.

ба́бка — *знахарка*. Ни врачи, ни бабки не помогли.

балахон — *старинная крестьянская верхняя одежда свободного покроя из холста, парусины и т. п.* А старичок вышел в маленьком балахоне, по-прежнему [по-старинному]...

ба́лка — *печень рыбы*. Я достал много балок и поднес к его (зверька) самому рту. Он

в это время рот свой раскрыл, балки все у нас проглотил.

бесе́да, бесе́да — *собрание молодежи с танцами, играми и песнями*. А их (девок) на беседу никто не пушшает — они взяли выстроили избу у озера. Ходят вечер, друтой и третьей — никто из парней к ним на беседу не идет.

больша́к — *глава семьи, дома, хозяин*. И встрел их в избе большак — седая голова, седая борода.

большу́ха — *женищина, которая ведет хозяйство по дому; старшая по возрасту; старшая по положению*. До́ма так большухи стряпают да пекут, а он пошел на чай за водой на берег.

бро́дить (рыбу) — *ловить рыбу сетью, бродя по воде*. Бродили рыб в реке...

бро́дга — *проводатая жениха; родственники со стороны жениха (в свадебном обряде)*. Взял с собой сына, дружку, как следует, бояр и бродг, и поехали благословляться к попу.

бубы́рки — *пупырышки, прыщи, сыпь*. Скажи только «у вас водишко худое, воденко мутное, грязное, да в бубырках», — они тысячу раз будут повторять: «У нас водушка хороша, у нас водушко хорошее».

буркану́ться — *удариться, стукнуться*. Меня как опять буркануло, и я тоже без сознания пала.

вдруго́рядь — *снова, опять, второй раз*. Но однажды снится ему вдругорядь такой же сон.

* При объяснении слов приводятся лишь те значения, в которых они употреблены в публикуемых текстах.

верста́ — русская мера длины, равная 1,06 км, применявшаяся до введения метрической системы. Мне случалось видеть это озеро, в длину оно не более версты, а в ширину менее полуверсты.

вершо́к — русская мера длины, равная 4,4 см, применявшаяся до введения метрической системы. Вместо пальцев были длинные когти, четверть одну или четыре вершка.

вешало — козлы из жердей, устраиваемые для просушки рыболовных сетей после лова. И утром стаёт тоншишник, приходит на вешало и видит: невод весь розвязанный, смотано все предено на мотки, и мотки повешены на вешала.

вздр́изнуть — вздернуть вверх. А она нажала — да как вздрызнет...

ви́ца — березовый прут из веника без листьев; тонкая ветка листовенного дерева. Петр начал его (водяника) вицей хромать.

возгорч́иться — огорчиться. Возгорчился Саваоф и задумал разделить с товарищем.

воздыма́ться — подниматься. Обернулся Сатана гоголем, нырнул на дно морское и в рот земли напихал. Но поколь оттол воздымался, водой размыло землю, и он выкурнул ни с чем.

во́рот — ручное деревянное колесо, устанавливаемое вертикально на стержне между двумя вкопанными в землю столбами для подъема тяжеловесных предметов с воды на пристань, на берег. И слышит: ворот заскрипел, карбас воротит [накатывает на берег за канат]. Воротил-воротил, и ворот не заскрипел.

вы́здымать, вы́здынуть — поднять. По Божью повелению, по Богородицыну благословению Сатана выздынул со дна моря горсть земли.

вы́курнуть — выйти, вынырнуть. И он выкурнул ни с чем / Выкурнул, выполо-скало землю-то... и не мог вытащить.

вы́прыгнуть — выпрыгнуть, выскочить, выйти прыжком. Выпрынувший из воды водяной схватил ее...

вы́стать — подняться. А как водяница выстала с воды / Поутру выстал рано, выстал поутру / Вот утром, говорит, выстала. Раньше ведь рано вставали / Утром выстала, говорит, только солнце повставало / На той стороне женщина выстала с длинными волосами на камень — водяник / Потом она утром рано-рано выстала, все еще спали.

вытя́гивать — вытаскивать, извлекать откуда-нибудь что-нибудь увязшее. Тот забрел — его вытягивать хотел. <...> И стал вытягивать...

вы́тянуть — вытащить. А потом много рыбы вытянули, и ну домой скорее.

галу́н — колокольчик на лошади. Вдруг едут на лошади с галунам, в подгарках.

глухо́й — находящийся в глуши, в отдалении от населенных мест. У нас есть озеро за станцией <...>, оно совсем глухое.

голи́к — изношенный веник, употребляемый для подметания мусора в сенях и на улице. Закинув первую тоню, к удивлению, увидели, что полон невод набит был голиками, грязью и лаптями / У бедняги вместо рыбы будут попадать одни березовые голики.

голо́мя — открытое море, даль морская. Он в каждый раз все в голомя ездил. Другие рыбаки в голомя ездить не смели.

гон́иться — гнаться, преследовать. Звери так вот это все за лодкой гонились. Гонились-гонились звери!

гора́ — земля, суша; высокий берег реки, озера. И я в гору выскочил, острашилс. На гору выбрал[ся] и ночевал на горы в зарode / Я купался, выскочил и побежал на гору.

го́рница — жилое помещение в верхней части строения; чистая половина крестьянской избы. Вот и бабка Оля, и это Зоина бабушка, в окно горницы глядит — окно было туда, к берегу / А после спрятала его в особую горницу.

готя́н — шнурок для креста. Священник велел приготовить крест на крепком готяне...

гру́да — куча (камней). Много пригрудной рыбе акулы было.

Гру́мант — старинное название Шпицбергена. Один молодой промышленник остался зимовать на Груманте.

губа́ — залив, далеко вдающийся в сушу. Водяная видится. Не то что видится, а видели. Вот тут недалеко, через губушку.

дейнушка — тетя, жена дяди со стороны отца или матери, родного или двоюродного. А сзади ее шла племянница, Серафима, и кричит: «Ой, ой, дейнушка, удочку зацепило!» — говорит.

дивья́ — хорошо. А там было, дак дивья было.

долга́ться — заниматься чем-то слишком много времени. Мол, пойдите купаться да не долгайтесь.

до́ра — большая плоскодонная лодка, обычно с тремя парами весел или с мотором. Вот мы ехали на доре и там танцевали.

дороднё́ (-о) — хорошо. Господь говорит: «Сотворим землю». — «А это, — говорит, — дороднё».

дородный́ — взрослый. А я дородная была, говорит.

дорожка — блесна, рыболовный снаряд (для ловли щуки и окуня). Шли с дорожкой, Серафима забросила дорожку, а она и застряла, ни в какую.

досади́ть — ушибить, поранить. «Ой, руку сломал, досадил!..»

досюлешний и досюлешный — старинный, прежний. У меня мама была, дак рассказывала про досюлешно всё.

до́сюль — в прежнее время, в старину. В проливе между Мучым наволоком и Телячьим островом жил будто бы досюль водяной.

досюльный (-ый) — первозданный, прежний, давний. По досюльному окиян-мору плавало два гоголя.

дровни́ — сани без кузова, употребляемые для перевозки громоздких тяжестей. Приходит он под окошко к мужичку в деревню Березняк и просит дровень перевозить свое имение. Мужичок ему дровён дал поездить.

друго́жды — в другой раз. Саваоф послал его (Сатану) другожды. Но и на другой раз то же случилось.

жирово́й — дух, обитающий в жилом или природном пространстве. Которые пали в море — те стали морскими царями, кто в реки — те водениками с воденицами; кто в озера — те озерными жировыми, кто в болота — тот болотной жировой...

жиха́рь, жихо́рь — дух, обитающий в жилом пространстве. Кто пал на бани — баенный жихорь с жихоркой; кто пал в колодец — колодезной воденник.

заа́минить — говоря «аминь», перекрестить с целью предотвращения чего-нибудь. Пришел и видит: дело плохо. Что делать? Взял скорей зааминил.

за́бедно — завидно. Сатанаилу стало забедно, что у Бога стало много, а у его нету никакого.

забо́рница кормовая — каюта для кормищика в кормовой части шнеки; **забо́рница носовая** — каюта для весельщика и теглеца на носу шнеки. Игнатий и все остальные сразу проснулись. Оне вышли все из заборниц своих и увидели, как на волнах старик и малые его малыши в волнах кувыркались.

за́веска — приспособление для ловли семги, наваги и камбалы в то время, когда они направляются из моря в реки для нереста. Тогда обычно у нас семгу ловили неводами, завесок не было.

завсе́гда — всегда, постоянно. Однажды он (Куштозерский водяной царь) познакомился с Онежским водяным царем, и как тот обладал большим пространством вод и вообще имел больше достатков, да и побольше знал правила игры, то завсегда оставался в выигрыше, но никак не в проигрыше.

задво́р, задво́рок — место за домом. Была мельница у нас, на задворке.

зае́сться — съесть много; здесь: захлебнуться. И сразу тут и заелсе.

заживи́ть — вылечить. Кинули в ногу — так нога болела три года. Заживить ничем не мог.

закля́тье — *клятва*. Дали они друг другу заклятье и стали мужем и женою.

закры́ть — *сделать невидимым, скрыть, спрятать*. Русалка закрыла и потопила.

заодно́ — *одно единое*. Заодно пропадать!

за́ро́д — *продолговатая укладка сена, соломы, снопов*. И у нас как носилки нынче носят — веревку перекинёт петлей вот так и этима носилкамы весь зарод вытаскат кругом / И ночевал на горы в зароде.

зауговáривать — *воздействовать посредством заговоров*. А после знахарка-то эта тоже зауговаривала, зауещевала — и скрылся.

зая́зка, зае́зок — от слова *езь: езь заезить* — *перегородить реку кольями для ловли рыбы*. Мужик рыбу ловил на Амборских озерах (там, где скиты), увидел черта на заязке.

зе́нь — *поверхность земли*. На зень ли тебя?

зерсли́вый — *зернистый*. Бросали в воду железо, зерсливый камень, лили смолу и деготь, колдуны обходили озеро с заклинаниями и еще делали кое-что, но все напрасно.

знать — *уметь колдовать, ворожить*. Она все знала: на испут, на все на это / А эта старушка-то, колдовка, была здешняя, чавеньска, Яшке Коженеву тетка родна́, так она знала это дело. Они с Ниловой уж ни молодыми ли девочками научились.

зы́бка — *колыбель*. И действительно, в северо-восточном углу озера есть небольшой продолговато-круглый остров, который называют зыбкой водяного / Девка в зыбке кацалась, два года. <...> Посветлело — девки в зыбке нет.

и́дный — *иной, другой*. А кто там поверил, а идны: «А, да там бабушки наврут».

има́ться — *ловить, хватать* кого-нибудь, что-нибудь. Токо иматься стала — меня как опять буркнуло...

имéние, именё́ — *вещи, пожитки*. Видите, сколько разорили частных домишек со всем имением, оставили бедных в одних платьях, а там всё увлекли в Онего... / Из Манилова озера (версты четыре) ез-

дил чорт в озеро Березино и возил свое именё / Стали давать приданого, злата и серебра, парчи и всякого имения.

и́нде — *в другом месте*. Ну тут и хватать, инде хватать, и нету ребенка.

кабы́ — *если бы*. Кабы жару кулёк — я бы взял!

камзо́л — *старинная короткая мужская одежда, обычно без рукавов, впоследствии замененная жилетом*. Мужик вышел на крыльцо и увидел черного, маленького человека в соломенной шляпе и коротеньком камзоле старинного покро́я.

ка́рбас — *большая поморская беспалубная лодка, предназначенная для речного и прибрежного морского промысла длиной от 3 до 6,5 м, грузоподъемностью от 490 до 3275 кг*. И слышит: ворот заскрипел, карбас воротит [накатывает на берег за канат]. <...> у него карбас утонуло из реки... / Натя ехат три километра на карбасу...

кафта́н — *старинная мужская долгополая верхняя одежда*. Засыпающий с усилием приподымает отяжелевшие веки, взглядывает по направлению звуков и видит, что пред ним стоит в сером кафтане невзрачный, с ничтожно-клинообразной бородкой, мужичок.

кина́ть — *кидать, бросать*. Ну, в его бросали, кинали. <...> Кинули в ногу — так нога болела три года.

ки́са — *заплечная сумка из шкуры нерпы*. Так и прогнали чужого омутника, а свой вышел из воды на берег и много им из кисы на берег серебра насыпал...

клещи́ца — *спица для вязания сетей*. Если клещицей не ткнуто, если в праздник невод не вязан и не починиван, с того неводу он (водяной лембой) не выйдет.

клёск — *чеуя рыбы*. По приходе туда глазам его представилась лодка, наполненная рыбьим клеском. Тут он понял, что это клад, набрал клеска и возвратился с ношей домой / Воротился домой из церкви, захотел посмотреть свою находку, а вместо рыбьего клеску — серебро.

клоч — маленький островок на реке, на озере; плавающий островок. Дак, говорит, как приходим вечером, — сидит, говорит, там, на озере, на клочке (ну, речка-то небольшая) / Там клочи есть, на клочи она будит сидеть. Вы ей только с этого клочка возьмите и побяжите домой / Увидите, как клоцок, белеет на болоте — и берите.

ковчѐг — судно, в котором, по библейскому сказанию, спасся от всемирного потопа Ной с семьей и животными. И Ной (из Библии это) слышит голос Бога: «Ной, строй ковчег».

ко́лодец — родник, подземный ключ. Реки Суна и Шуя — родные сестры. Обе они вытекают где-то на шведской границе из одних и тех же колодцев-родников...

комо́лый — безрогий, с одними лишь роговыми наростами вместо рогов. Из воды на берег выскакивают коровы — коровы комолыя, с короткой лоснящеюся шерстью и очень сытыя.

коря́га, коря́жина — затонувший в воде ствол дерева с сучками или сгнившее бревно. Озеро у нас большо, тако дак. Вдруг, говорит, тут коряга рядом.

коч — островок. В озере этом (Кожаево) есть странствующий коч. Он отстает от берега, двигается до половины озера или и далее и снова пристает к своему месту.

коше́ль — заплочный плетенный из бересты короб с крышкой для ношения ягод, грибов, рыбы. По приходе на берег озера <...> увидел он (крестьянин) на другом берегу человека с длинными черными волосами и такого же цвета и величины бороною, который что-то таскал кошелем из озера в лодку.

кряж — возвышенное место, гора, холм; высокий крутой берег. Прихожу — мужчина стоит на кряжу, не спускается.

ку́кнуть — прокуковать; убить. Вот она сидит на этом берегу, на камешку, да и кукал, сидит да кукал. А, говорит, кукала-кукала, последний раз кукнула и сказала: «А этот год, — говорит, — всех кукнут».

кульну́ться — нырнуть (в воду). И подьехал, говорит, — и она сразу в воду и кульнулась.

ку́мжа — рыба из семейства лососевых, скрещивается с форелью. Ходят туда ловить кумжу, сига, форель, окуньков...

купа́льня — место, где купаются. Пошла в купальню. Сходила выкупалась. А немногого погодя опять пошла в купальню. <...> А в купальне были ставлены как решетки, чтобы ребята не плавали.

курну́ть (-ся) — упасть, провалиться (в воду). Увидела — и курнула в воду.

ку́рья — залив. А раз поехали по сеткам в Малаху курью, или в Боровуху (там две курьи).

кут — угол в избе, доме. Увидали в одном куту озера небольшой продолговатый островок (его до сих пор зовут «зыбкой водяного»).

ла́ва — деревянный помост, плот у берега для полоскания белья, для причала лодок и т. д. Поутру или там ночью, дак он (водяник) там на лаву выстанет, да сидит, да волосы до самой воды распустит, да и воет.

ла́дно — хорошо, отлично, неплохо. Да не пойду, мама, ты сама ладно сходишь.

ла́йва — маслянистая струя на воде. После этого лайву несло, и волна вся насыпалась.

ла́мба — небольшое лесное, часто заболоченное озеро. Пошли в ламбушку мужики (там мельница была) / А вот я тебе дам задачу: из озера в озеро воду выносить, из ламбины в ламбину решетом выносить.

ла́хта — залив у озера. Дак у нас там в Канзанаволоке лахта така есть. А там песочек голый, бреди хоть до сих пор, дак вот эдакой, подушка и всё один песок.

ле́мбой — нечистая сила. Приходит этот лембой к попу и просит одной вещи, а какой — выговорить не может / Водяного лембоя ловцы в воде доставают.

леси́на — дерево, ствол дерева. Человека я лично не видела, будто такой толстый, обрубок этого... лесины какой-нибудь.

ликбе́з — курсы по ликвидации безграмотности. И ведь грамотна, на ликбезе училась, читать умею, а писать — нет.

личность — лицо, облик, внешность. И личность, и рост, и чернота — все как у этой женщины / Только что одна личность видна, а волосы по всему.

ло́коть — старинная мера длины, равная приблизительно 0,5 м. Он (Ной) строил ковчег три года. Сорок локтей в ширину и сорок в длину.

лосну́чий — отливающий блеском, лоснящийся. Вот однажды идет Семен Костин и видит деда с бородой высокого роста в сюртуке с лоснучими пуговицами.

лу́да — каменистая или скалистая отмель. А там это... така лудушка. Она летом обсыхает, на этой лудушке / А лудушки есть, лудушки таки усохие, обсохнут летом / И вот у этого островочка есть луда, и на этой луды, говорит, на камнях (а камень-то плоской), и на этом камню сидит женщина.

лучи́ть — бить рыбу острогой (при освещении). Мой отец еще был. Поехал лучить / В незапамятные времена какой-то мужик нашей волости, деревни не упомяну, пред Ильиным днем ездил лучить рыбу.

ляпну́ть — ударить, стукнуть; бросить, размахнувшись, с силой. А мужик-от камень взял, да с горы-то ей в спину-то как ляпнул.

ма́кса — то же, что балка. Вы их кормили все время максой и рыбой морской.

мани́ть — лгать, обманывать. «Ты, наверно, манишь», — говорит. — «Не маню».

ма́тица — часть невода в виде мешка, в который набирается пойманная рыба. Наконец, под самый вечер, закинули последнюю тоню и, к величайшему изумлению, увидели в матице ребенка, сильно дрожащего от холода / Тоню вытянул — в матице и водяник.

мере́жа — конусообразная сеть, растянутая на 7—15 обручах. Употребляется для ловли морской и речной рыбы во все сезоны года, как на открытой воде, так и подледным способом. «Женки, идите быстрее, вытяните мережи, здесь сельди попадают, и сейчас же поедем бегом, нам там сельдей попадет».

ме́сто — здесь: определенный предмет, определенное пространство. И этим ковшичком, если нету кружки, то этим местом надо / А потом прощаться стала с этим местом / Если заболел, надо ходить в это место прощаться до трех раз.

моле́вина — мелочь (здесь: о рыбе). Ну, не попадет ни одна моле́вина.

мо́лотьё — зерно, предназначенное для помола. И вот он сошел на мельницу, засыпал мо́лотьё, а сам пришел в избушку...

моты́жить — окучивать. Баба одна вышла картошку мотыжить.

му́тник — рыболовная снасть типа невода преимущественно для ловли мелкой рыбы со дна. В лодках нет мутника. В одной из лодок находят они (рыбаки) несколько клубков ниток — то мутник. Чудесное превращение!

мы́рну́ть — быстро ускользнуть. Хотел подойти, а она мырнула, да только крут / Помыласе-помыласе — как в воду, говорит, мырнет, и одна, говорит, волна размахиват, одна волна размахиват.

мы́хать — соображать. Я, говорит, прибежал домой, не мыхал ничего, так испугался.

наб — надо, нужно. Пришла пора женить сына: наб работницу во двор звать...

наво́лок — узкая полоска суши, мыс, заливной луг. В проливе между Мучьим наволоком и Телячьим островом жил будто бы досюль водяной / Он отдаст весь этот наволок на вечное владение тому человеку, кто изгонит из озера нечистую силу / Она (Настасья) идет по наволоку, а сидит женщина, чешет волосы, такие длинные волосы.

на́доть — надо. После заката купаться не надоть / Ну, решил открывать, все обошел, одно надоть.

нажи́ть — купить. Здесь бабушка баню нажила рядом, старуха.

наи́змёт — взметнувшись. Наизмёт и вернулся, такой с волосами.

накла́сть — надеть что-нибудь на что-нибудь. Он этой лошадке хомут накла.

нала́дить — отправить кого-нибудь на работу; назначить на какую-нибудь долж-

- ность*. У меня дети налажены с погонялками, так в невод они рыбу загоняют.
- нап** — *надо, нужно, следует*. Лежу, а мне вроде бы по этим жердочкам нап идти.
- наперелуч** — *наперерез*. Схватил он (прибрежный житель) с божницы образ Егорья Чудотворца, подбежал к коровам наперелуч со стороны озера и овладел ими, заключив их в благословенный круг.
- нап^аравить** — *приготовить что-нибудь для использования, придать магические свойства*. И старушка сходила воды взяла с реки: направила воду. И пришла, говорит: «Вот тебе вода направлена, пойдй его помой или что ли. Пусть умывается этой водой!»
- нат^ь** — *надо, надобно*. Нат^ь ехать три километра на карбасу, три километра лесом... / Воденнику хотя жалко ю было отдавать — да уж нат^ь было / Нат^ь невод вязать, а скоро ли свяжешь!
- но^вый** — *другой, иной*. Все сетки спутает и разбросает, но^вые выбросит на берег.
- но^не, нон^ь** — *в настоящее время, теперь*. Нон^ь ни в кого не верят, Бога нету, ни ч^ьрга / Нон^ь-то русалками всё зовут, а раньше-то всё, что водяница да водяница / Я тебя нон^ь на своей лодке перевез...
- ну^нь** — *в настоящее время, теперь*. Ну^нь — сжег ты все их водяное царство, а я вновь его построю и буду в нем царствовать.
- ны^нь** — *то же, что ну^нь*. И у нас как носилки ны^нь носят — веревку перекинёт петель вот так и этыма носилкамы весь зарод вытаскат кругом / «Вы ны^нь куда, в воду пойдете?»
- обверну^ться и оберну^ться** — *стать, оказаться иным, не таким, как раньше, превратиться*. А жена накинула шкурку на себя, обвернулась лебедушкой и полетела по поднебесью.
- обд^умать, од^умать** — *оговорить, сглазить*. А нельзя обдумывать <...>. Кого-нибудь обдумать, и придет к нему!
- оверну^ться** — *опрокинуться, повернуться ногами кверху*. Подошел, а она (женщина) вот эдак овернулasi да вниз головой бухнула — и всё.
- овёртываться** — *оборачиваться*. «Что ни будет — бежи, не овёртывайся...»
- оводни^ца** — *летнее время, обычно в июле, когда много оводов; дневные часы, когда много оводов*. Как раз летом, оводница была.
- од^ва** — *едва*. Од^ва робята с воды достали / Да^к од^ва успели на берег выйти / Вытащили, да^к од^ва на берег вытащили.
- ожерелье** — *украшение для лошади в виде бубенцов, привязанных на ремешок или на дугу*. Этого мало, потрясла ожерелью <...>. Ну, а зачем я это ожерелью-то? — Перед свадьбой.
- окоп^иться** — *собраться*. Окопились все соседи, и напились все соседи допьяна...
- омалт^аться** — *опомниться, прийти в себя*. Ну, я как-то тут и не пошла в озеро, как-то омалталася.
- опасн^уться** — *остерегаясь, избежать чего-нибудь опасного*. Ребята, опаситесь, не ходите сегодня купаться.
- оправ^иться** — *здесь: прийти в себя*. Терешкин проснулся даже, и от испуга не оправился один, разбудил жену, рассказал ей все.
- опру^жить** — *опрокинуть*. Я подъехал к ней (щуке) почти што к самой и воткнул в нее острогу, а она проснулась да вырвала у меня и острогу, да немного и самого-то меня, еретица, не опружила.
- остаиваться** — *останавливаться*. «Что ни будет — бежи, не овёртывайся да не остаивайся».
- о^страш^иться** — *испугаться*. Я и в гору выскочил, острашилса. <...> в ту ночь не смел брести.
- острогá** — *колющее рыболовное орудие в виде вил с несколькими зубьями*. Наконец, в третью ночь приехал он (мужик) на вышеозначенное место и нашел щуку спящею. Мужик <...> вонзил свою острогу в ея хребет и хотел было поднять в лодку.
- отбот^аться** — *отбиться*. Купаться будешь — можот похитить, поймает и никак не отботаться.
- отвести** — *отстранить от какого-нибудь дела, нейтрализовать*. Так старика отвела во снах.
- отвод^иться** — *привести в чувство*. И стал вытягивать — он пал, с им едва отводи-

лисе / Отводиться не могли его так, не могли.

отворачивать — *повернуть с одной стороны на другую; посредством колдовства освободить от воздействия мифической силы, вернуть пропавшего человека либо пропавшую животину.* К ей (колдунье) пошли отворачивать...

отку́ль — *откуда.* А откуль там человеку взяться-то, ведь снаружи замок висит.

отступля́ться — *отступать, отходить.* Вода отступлеитца, когда мельницу устанавливала.

отто́ль, отту́ль — *оттуда.* Но поколь оттоль воздымался, водой размыло землю...

оттяну́ть — *вытащить, вытянуть.* Они и поехали невод оттянуть, семгу посмотреть...

очу́диться — *обнаружиться, оказаться.* Когда пришел на поверхность воды, то у него в руках не очудилось ничего.

ошесток, ошо́сток — *площадка перед устьем русской печи, шесток.* Принесли, посадили его на ошошчек.

парневи́к — *вечеринка перед свадьбой в доме жениха.* И вот сделали они парневик и созвали всех соседей.

пасть — *пригнуться к земле; утонуть.* Та пала и давай причитать / И женщина утонула. Три было, две вышли, а она ко дну пала.

переки́дываться — *переворачиваться через голову, кувыркаться; становиться иным.* У нас речка была и доска такая недалёко от берегу. Мы через нее и перекидывались. А я девка отчаянная была: прыгала, перекидывалась.

переня́ть — *вытащить из воды, спасти.* Рычат: «Переймите вы нас!»

пересéчь — *разбить, разломать.* Схватили невод, пересекли замок, был замок к неводу.

перéчить — *возражать.* Клава меня поперечила, мы проехали мерёжу, обратно вернулись, тут как тут мерёжа.

пéшатъ — *делать прорубь во льду.* А они (рыбаки) пешають, чтобы селедка попала.

пла́витать — *переправлять по воде; плыть (о лошади).* Мужик держит там лошадь,

а бабы — гребем лодку, плаваем ту через... да й выскочит лошадь оттуда вон, да й вперед плавитает.

пла́вить — *переправлять по воде.* Дак вот лошадь плавили. И вот поплавили в лодке эту лошадку.

пла́тье — *белье.* Пошла на речку полоскать белье, ну, платья, пеленки грязные / Убегала я, платья-то оставила на берегу / А там, говорят, старуха какая-то полоскала платье / Прибежал, токо и успел со себя платья содрать и в воду пал.

плаши́на, плаши́нина — *толстая доска.* Вдруг, говорит, тут коряга рядом. У этой плашины, на камешках, говорит, чурпается.

плеша́тый — *лысый, плешивый.* Бывало, говорили: «Воденик плешатый».

плу́жить — *пахать плугом.* Старичок у нас тут поехал, раньше пахали на конях. Плужить поехал.

побежа́ть — *пойти, поплыть на парусном судне.* Вы ей только с этого клоча возьмите и побяжите домой.

повали́ться — *лечь (спать).* Она повалилась, легла спать / Ложитесь все отдыхать, и я тоже повалюсь отдохнуть. <...> И оне все повалились и скоро уснули.

пове́теръ — *попутный ветер.* Поветеръ была хороша. Днем бежали, на ночь в становище стояли.

поги́нуть — *погибнуть.* Она (дочка) вернулась, а он (сын) так и погинул.

пого́да — *плохая, неблагоприятная погода, сильный ветер с атмосферными осадками; буря.* Вытащили лодку на берег и забрались под нее от погоды / И потом после этово поднялась сильная погода: и загремел гром, и засверкала молния, так што всех занесло пылью. И вот только слышен был голос из этой погоды / Оне боялись, что погода падет и оне могут погибнуть / Погода эта скоро стихнет совсем.

подга́рок — *колокольчик, который привязывался к шее лошади.* Вдруг едут на лошади с галунам, в подгарках.

подни́зь — *праздничный женский головной убор из жемчуга, нанизанного на лошадиный волос.* Хорошая такая девушка,

<...> в жемчужной поднизи и жемчужных серьгах.

подóл — *вышитая нижняя часть одежды; нижняя юбка*. В подолах. Вся в подолах: раньше таки сорочки носили с подолами.

пóдьте — *идите*. (У нас такая поговорка: *подьте* — «идите», значит). «Подьте вы, мужички...»

пóезд — *свадебный кортеж*. Только ты не мешкаючи приезжай за ней (невестой) поездом.

поезжа́нин — *гость на свадьбе со стороны жениха*. На выезде из деревни подошла к поезжанам суседка...

пóжня — *луг, место покоса; иногда в значении «нива»*. Раз моя бабка и дед поехали в лодке на пожню / Я с иконой на пожню приду, а они уж косят ей, беси.

поко́ль — *покуда*. Но поколь оттоль воздымался, водой размыло землю...

покру́че(н)ник — *работник на промыслах рыбы или морского зверя, находящийся на хозяйском содержании и получающий условленный пай — часть добычи*. Прежде на торос поезжают, да покручеников нанимают.

пола́дить — *починить, исправить*. Кто попортит (мельницу) — она в воду сходит, и всё поладят.

пóлог — *вид рыболовной снасти*. Раз положом рыбу ловили.

попада́ть — *добираться*. Ночью, часов в двенадцать, хотел через реку брести, попадал к лесной избушке.

пора́то — *очень; сильно*. Не глубоко пора-то тако место.

посúда — *всякого рода промысловое судно, начиная с карбаса, кончая шнякой и парусным ботом*. Оне боялись, что погода падет и оне могут погибнуть на море, потому что ихна посуда небольшая была...

поча́ть — *начать что-нибудь делать*. И почала у ней (у птицы) та земля во рту расти, растет и растет.

почто́ — *почему, отчего*. Пусть мучится за те грехи, почто не сказал правды.

правите́ль — *хозяин*. Она работала у правителей, убирала.

прéдено — *пеньковые нитки, скрученные ручным или машинным способом, идущие*

на изготовление рыболовных сетей. И смотано всё предено на мотки / И весь невод развязан и на клубочки свито, как предено.

прививжа́ться — *пригрезиться, показаться, вообразиться наяву*. Русалку-то видывали, говорят. Как-то, бывает, она прививжается.

приде́т что-то — *о чем-то неприятном, ожидающем впереди*. Хорошо — снесёт. А если не снесёт — сразу придет, болеть будешь.

приколоти́ть — *прибить, поколотить*. «Надя, а твоего Пешу дак всего приколотили!» — «Да кто его приколотил?» — «С Назаровым боролися, и твой хозяин Назаровапоборол. Имне понравилось — и давай колотить нашего».

прико́сный — *связанный с прикосом (сглазом), вызывающий порчу или снимающий сглаз, колдовство*. Вот у нас Сумозеро неприкосно вроде считали.

прилу́ка — *то же, что пожня: луг, место покоса; иногда в значении «нива»*. На прилуке тоже было, все лодки перегонили на ту сторону, Кузоменьску.

присерди́ться — *рассердиться*. А она присердилась, что пьяный [муж], долго не ехал, так и неидёт встречать.

приста́нь — *деревянные мостки к воде*. А потом петухи пропоют, пойдешь за водой — и никого нет, сухое место на пристани / Она не перед добром показалаась: у пристани поднялась — быка медведь съел.

притяну́ть — *принести*. И ему мешок муки за это притенули.

про́луба — *прорубь*. «Подьте вы, мужички, у нас водяной из пролубы выскочил». Мужики побежали с топорами, а выдра обратно в пролубу, да так и водяного нет.

проме́ж — *между собой*. Вот они промеж собой толкуют.

проща́ться — *просить прощения; просить помощи у мифической силы*. А потом прощаться стала с этим местом. Если заболел, надо ходить в это место прощаться до трех раз. Прощаться и что-нибудь туда положить / На воде, конечно, надо прощаться. <...> А просто ей про-

щать, и все. За все доброе. И просить прощения.

ра(о)ссы́бить — *разворошить*. Принесли сундук молодки, и розсыла эта молодка сундук и стала выбирать себе одежду, какую нужно себе одеть.

растяну́ться — *растянуться*. Есть у нас Гася, по всему свету растеглася...

ро́диха — *женщина, которая рождает или недавно родила, роженица*. Все уехали, а я осталась, родинка.

ропта́ть — *шептать с целью ворожбы*. Не знают, куда он (сын) делся. Отец ходил роптать...

ро́сстань — *перекресток двух или нескольких дорог*. Это росстань просто дальше Авдеевой, Тудозеро звали это место / Мои товарищи отошли на ростани.

рыча́ть — *кричать, звать (на помощь)*, *плакать*. Потом стали мы рычать народ / Рычат: «Переимите вы нас!»

саже́нь — *русская мера длины, равная 2,134 м, применявшаяся до введения метрической системы мер*. Здесь на пути [водяной] сорвал с места остров, двадцать сажень длины и десять ширины... / Он (мужик) увидел огромной величины щуку, которая не допускала его на одну сажень до себя.

са́лма — *пролив между островом и материком, между островами*. А салмы только проехала, а вот до тех пор высунулсе [водяник], а волосы до тех пор.

са́льник — *сосуд, наполненный жиром животного, употребляемый в качестве источника освещения; самодельный светильник*. Вот еще, сидели на тони, сальничек горит...

сба́вить — *вытащить, выволить, избавить*. Сбавили все-таки, вышел вон, руки да и ноги были оцарапаны, всё оцарапано.

све́рзить — *свергнуть*. И сверзил Михаила Архангел с небеси сатанино воинство.

свети́ть — *здесь: сиять, гореть*. А глаза далеко, а свитиют.

сды́нуть — *поднять вверх*. Он (водяник) голову сдынул, в воды стоит.

сего́дний — *нынешний, настоящий*. Сегодняшний год хуже прошлогоднего.

се́году, сейгоду — *нынче, в этом году*. Ну, сегоду опять буде утопший, раз водяник вое.

сесть коше́лем — *расположиться на плечах несущего, подобно заплочному плетенному из бересты корбу*. Она села ему кошелю — он и потащил.

сы́мка — *веревка, бечевка, привязанная к якорю*. Ихна посудина на симке стояла спокойно.

скласть — *положить, поместить*. Он (отец) притащил через три порога, да в зыбку склал.

скуку́ниться — *предположительно: сжаться, съежиться*. А она посидит-посидит, поросчасывается да это потом в воду скукунится, да опять уйде.

сло́во — *заговор, колдовство*. А мне вот эта старуха не рассказала слова-то / Посоветовал знахарь сходить на то место, где споткнулась эта женщина, и сказать какие-то слова, т. е. извиниться перед водой.

слу́шать — *стараться воспринять что-нибудь слухом во время гадания*. Однажды во время святок, именно в самое Крещение, когда вода в озере еще не была освящена, молодые ребята пошли слушать на озеро. (Отправляясь слушать, обыкновенно берут с собою кочергу, скорородник и ухват.) / Мои товарищи пошли слушать...

смахну́ть — *взглянуть*. Как, говорит, только смახнула, она, говорит, култых!

снаря́д — *одежда*. Хорошая такая девушка, в богатом снаряде, в золотых монистах, в жемчужной подниси и жемчужных серьгах.

снаряди́ться — *одеться красиво, нарядиться, собраться*. Старик послушался снохи, оделся, снарядился и поехал в Новгород.

снасть — *орудие лова на рыбных промыслах*. Отец поехал по снасти.

снести́ — *миновать*. Хорошо — снесет. А если не снесет — сразу придет, болеть будешь.

спи́ца — *колышек*. Лукавый не переколотил у меня спич(ц)?

спóлох — зарница, вспышка огня и света; северное сияние. На озере стали являться сполохи, что-то несообразно стало твориться.

ста́вень — затычка/задвигка для отверстия в стене, через которое выходит дым в лесных избушках. Да, и вот были случаи, что не благословесь закроешь окно или дверь, то, значит, обязательно невидима сила вытолкнет ставень.

ста́я — огороженное место в хлеве для скота. А у него было два ягненочка стояло в стаечке.

стенъ — тень, отбрасываемая каким-нибудь предметом. «Я стениста, а не силиста».

стока́рить — нашкодить, навредить. И больше в воду не пошла, сроду пока не хожу, сохрани Господи, как стокарюешь, так буде ухне.

стрéтный — встречный. Отправился добрый молодец вечером ловить рыбу за Онего в дальнюю губу, и задержал его до утра на островах стретный ветер.

стрéту — навстречу. Стрету ему идет старицёк...

стяжо́к, стяжьё — палка (-и). Возьмите стяжьё и идите к омуту. Подыметса, пойдет на берег вал, за ним другой, так вы по первому и бейте стяжьём, а второго не троньте — это я буду.

судья́чить — болтать, сплетничать. А всё говорят, вода берет, всё вода, вот тоже судьякали на то, что вода берет.

схо́дни — мостки, пристань для лодок. А то водяник, на сходне сидит («сходни» называются), видел сам, на сходне сидит.

счёлну́ть — щелкнуть. Как раз счёлнет, то и из камня выскочит бес с рогами, с собачьими ушами, тремя хвостами и огненными глазами.

ти́шинка — штиль. Вот вышла — тишинка такая по озеру.

тонь, то́ня — 1) участок водоема, где обычно наблюдается скопление рыбы в промысловые сезоны года и где осуществляется ловля рыбы закидным неводом; 2) одна закидка невода; улов

рыбы, получаемый при одной закидке невода. Сидел на тони... / Поехали на Кошелевской (тоня у нас там такая есть) — поехали рыбаки / У нас был случай такой, что на тони (отсюда километров за пятнадцать...) тоня есть, Ольховка / Наконец, под самый вечер, закинули последнюю тоню... / Закинув первую тоню, к удивлению, увидели, что полон невод набит был голиками, грязью и лаптями / Тоню вытянул — в матице и водяник.

то́рбаться — плескаться, барахтаться. А у них в сети семга заскакала, заторбалась... / Как зверь какой будто торбается, идет...

то́рос — большие по размеру льдины, нагроможденные одна на другую. Здесь: весенний промысел на тюленей, производимый на торосных льдинах у Терского берега в Белом море. Прежде на торос поезжают, да покручеников нанимают.

ту́таку — здесь, вот здесь, в этом месте. Мы обратно коня щелканули, приехали — и мерёжа тутак.

ту́тока — в этом месте, здесь. Капитан туттока жил.

ту́тошний — родившийся и живущий здесь, местный. Туттошний ли он был или пришел из другого места, неизвестно.

уто́р — возвышенность, холм, склон. А тут на угоре баня стояла.

у́да — стальной крючок норвежского изготовления, употребляемый для ловли рыбы. В это время что-то большее черное шло. Когда мы подтянули, на уде висел весь волосатый зверек.

укурну́ть — нырнуть. Укурнул он, этот Сатанил-то, и набрал земли, добрался.

уро́довать — орудовать, действовать. В руцью-то уродовали, дрались, так три дня в руцью вода глиной текла. И из руцья в байну зашел, и байну зауродовал — каменку разворочал.

у́сталь — усталость; слабость. Я чайник согрею, чаю напьемся, да и усталь пройдет.

утека́ть — убегать. Ну да недолго рубашку одевал, да утекал домой.

утеряться — пропасть, исчезнуть. И действительно, этот с волосамы утерялся.

ушат — кадка с двумя ушами на верхнем срезе, в отверстия которых продевается палка для подъема, ношения. Мужик <...> посадил ребенка в ушат и, вынеся на берег, бросил в воду.

фатэра — дом. Воротился старик со своими на фатеру.

фурма (от нем. Form, букв. — форма) — устройство для подачи дутья в металлургические агрегаты. Ходили рабочие к фурмам, дули, чтобы чугун жиже делался.

фыркаться — с шумом дышать. Вдруг его зафатило и потащило. Ён фыркается-фыркается.

хайбать — трудиться в полную силу. И вот, говорит, волосы распущены и хайбает там, моетси.

хлебное — зерно, из которого готовится хлеб, мука. Тогда хлебно жали да возили.

хлобыскаться — плескаться, барахтаться, брызгаться. Как я погляжу, а из-за реки мужик-то плывет. По воде да и не хлобыщется.

храпануть, храпнуть — экспр. стукнуть, ударить кого-нибудь. Ступай, там возле сидит водяник, дак чеше голову, а ты пойдешь, дак тебя как храпне, дак ты туды и останешься в воду [в воде].

целковый (-ой) — серебряная монета достоинством в один рубль. «Вот тебе, мужичок, дровни и целковой за удёржку дровён». Мужичок выходит, целковой лежит на дровнях.

человековатая — достигшая возраста, когда можно выйти замуж. Позапрошлым летом поехали в лодке две девки: одна-то на выданьи, а другая-то еще не человекватая.

чердак — одно из отделений промыслового судна, куда складывают пойманную в течение суток рыбу. Рыбой уже были чердаки заполнены все.

черепье и черепье — черепки, осколки разбитой посуды. Если б взяли, то все равно деньги в черепье дома обернулись бы.

четверть — русская мера длины, равная четвертой части аршина (0,71 м), применявшаяся до введения метрической системы. Вместо пальцев были длинные когти, четверть одну или четыре вершка.

чудить — гадать. Чудить ходили, вот так. <...> И я после чудить не ходила и кончай на этом.

чурпаться — барахтаться (?). У этой плашины, на камешках, говорит, чурпается. Я, говорит, думаю: «Рыбина каканибудь» <...>. Как человек сидит голой, да, говорит, волосы длинные, говорит, сюды по плечам. И, говорит, чурпается, плеска да моетсе, плеска да моетсе, говорит, лицо-то моет.

шаньга — мучное изделие наподобие вагтрушки или лепешки, смазанной маслом, сметаной и т. п. Мастеру дали в платочек яиц, шанежык, и он ушоў.

шатнётся — качнётся. Напьютсе да в лодке шатнутсе, да в воду за ногой падут туда.

шиваворгать — чесать с силой. [Видит:] сидит, вот гребень такой, волосы вот до этого — желтые волосы, сидит и так шиваворгает-секет, чешет волосы это...

шесток — площадка между устьем и топкой русской печи. Ребенок, сидевший на шестке, задрожал и глазки его засверкали.

ширинка — полотенце. Попрощалась красная девица с парнем и дает ему ширинку узорчатую. «Возьми, — говорит, — сама вышивала. Когда станешь ты по мне скучать, найдет на тебя грусть-тоска великая, ты только взгляни на эту ширинку — тебе веселей будет!»

шнека — рыбопромышленное (главным образом, для лова трески) судно, от 9 до 11,5 м длины и 1,8—2,7 м ширины грузоподъемностью до 8 тонн. Рыбаки увидели Игнатия, что у них полна шнека рыбы.

шорстать — тереть, скрести. А нехорошо это, это-то в воде-то ночью шорстать.

шурова́ть — *быстро двигаться, энергично перемещаться*. Дак так, говорит, шурует, дак только-только за лодку [не ухватилась], дак одва успели на берег выйти. <...> Как она, говорит, сзади шурует, дак у ей эти волосы, говорит, как эты... волны, говорит, шуруют.

ще́(и)лья — *скала; каменистая или скалистая гряда, возвышенность; большое пространство, занятое сплошными камнями*. А Сатана наделал непроходимых пропастей, щильев и высоких гор.

эдак — *так*. А чем лучше, что к берегу-то уж не эдак, как этта / Подошел, а она (женщина) вот эдак овернула да вниз головой бухнула — и всё / И вот эдак всю затрясло / Сидит да эдак приговаривает / Эдак проговорила...

эдакий и этакий — *такой; не такой, иной*. Раньше-то вода ведь не эдака была, меньше ведь вода-то была / Народ-то

ведь здесь живет и такой и эдакий — так и там под водой / Волосы эдаки у ей это долгие-долгие, туда так, черные волосы / А раньше печки были не эдаки, а на избу дым шел, черные печки были.

этта и этто — *недавно; здесь, тут; там; в настоящее время, теперь, сейчас*. Вот и выглядела сама этто / Раз[в]е этта приде тебе русалка? / Гляди, Луша-то пришла этто не рано мыться-то (там своя деревеньска) да волосы распустила / «Ой, да тут что, — говорит, — этта тако?» / Теперь не буду таков, как этто... / У нас этта родники есть.

я́ма — *глубокое место в реке, озере, с водоворотом, омут*. Вот мы у этого камня всё купались, небольшие когда были. Всё вот такая ямка была, песочек.

я́рус — *орудие лова рыбы или морского зверя, состоящее из большого количества сетей*. Акула могла ярус его весь перепортить...

Список источников

Архивные источники

Научный архив Карельского научного центра Российской Академии наук. Фонд 1. Опись 1. Колл. 1—202.

Печатные источники

- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. М.: Индрик, 1994. Т. II. 784 с.
- Барсов Е. В.* Народные предания о миротворении // Чтения в Имп. Об-ве истории и древностей российских при Московском университете. 1886. Кн. 4. Отд. 4. С. 1—7.
- Барсов Е. В.* Об олонецких древностях // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск: Изд. губ. стат. ком., 1894. Вып. 3. С. 170—186.
- Барсов Е. В.* Северные сказания о лембоях и удельницах // Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 13. Вып. 1: Труды этнографического отдела. 1874. Кн. 3. Вып. 1. С. 87—90.
- Б-в Н. Кладовой и Петуний острова на озере Водлозере: (Народное предание) // Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 38. Часть неофициальная. С. 695.*
- Беседников П.* Куштозерский приход и озеро Куштозеро // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 68. Часть неофициальная. С. 766—768.
- Беседников П.* Куштозерский приход и озеро Куштозеро // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск: Изд. губ. стат. ком., 1875—1876. Вып. 1. С. 11—19.
- Верования великоруссов Шенкурского уезда: (Из летней экскурсии 1916 г.) / Собр. и зап. П. Г. Богатырев // Этнографическое обозрение. 1916. Кн. 111—112. № 3—4. С. 42—80.*
- Власова М. Н.* Прозаический фольклор Терского берега Белого моря (по записям 1982—1988 гг.) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2004. Т. XXXII. С. 349—383.
- Воропай И.* Записки об охоте в Шенкурском уезде: (Архангельской губернии). Пермь: Е. С. Попова, 1891. 63 с.
- Георгиевский А.* Креснозеро (Легенда) // Олонецкие губернские ведомости. 1904. № 43. Часть неофициальная. С. 3.
- Георгиевский А.* Метеорологические наблюдения и народные приметы к ним (Петрозаводский уезд, с. Муромля) // Олонецкие губернские ведомости. 1904. № 43. Часть неофициальная. С. 3.
- Георгиевский А.* Народная демонология // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск: Изд. губ. стат. ком., 1902. Вып. 4. С. 53—61.
- Георгиевский М. Д.* Кое-что об олонецких рыбаках // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 42. Часть неофициальная. С. 2.
- Дашков В. А.* Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб.: Типография МВД, 1842. 222 с.

- Епифанов Г. Заметки об Олонецкой стороне // Сын отечества. 1839. Т. 8. Известия и смесь. С. 72—88.
- Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Имп. Русского географического об-ва: В 3-х вып. Пг.: Имп. Русское географическое об-во, 1914. Вып. 1. 483 с.
- Карнаухова И. В. Суеверия и бывальщины // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Л.: Academia, 1928. II. С. 77—97.
- Ковальский И. Н. Кивач // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 95. Часть неофициальная. С. 2—3.
- Колпакова Н. П. Терский берег. Вологда: Сев. обл. изд-во, 1937. 185 с.
- Куликовский Г. И. Зарастающие и периодически исчезающие озера Обонежского края // Олонецкие губернские ведомости. 1894. Часть неофициальная. №№ 21—23. (То же: Куликовский Г. И. Зарастающие и периодически исчезающие озера Обонежского края // Землеведение. 1894. Т. 1. Кн. 1. С. 17—46.)
- Куликовский Г. И. Откуда взялись горы и камни // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск: Изд. губ. стат. ком., 1902. Вып. 4. № 1. С. 496.
- Куприянов И. К. Предание о Черном ручье [впадающем в оз. Ильмень] // Вестник Имп. Русского географического об-ва. СПб., 1853. Часть 7. Кн. 1. Отд. 8. С. 25—26.
- Левкиевская Е. Е. Демонология севернорусского села Тихманьги // Восточнославянский этнолингвистический сборник: Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 432—476.
- Лесков Н. Представления кореляков о нечистой силе // Живая старина. 1893. Вып. 3. Отд. 5. Смесь. С. 415—419.
- Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Тов-ство Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с. (Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева).
- Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко: Описание внешнего и внутреннего быта: В 2-х ч. М., 1877. Ч. 1. 222 с. (Изв. Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXX).
- Минорский П. Река Свирь и ее значение в Олонецком крае // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 47. Часть неофициальная. С. 521—523.
- Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор коммент. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 212 с.
- Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. 515 с.; Т. 2. 510 с. Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М.: Наука, 1978. 456 с.
- Осокин С. М. Народный быт в Северо-Восточной России: Записки о Малмыжском уезде // Современник. 1856. Т. 59. № 9. С. 57—83; Т. 60. № 11. Смесь. С. 1—40; № 12. С. 179—214.
- Остряков П. Г. Суеверия в Новгородской губернии // Новгородские губернские ведомости. 1861. № 46. Часть неофициальная. С. 394—398.
- Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Изд. подгот. В. П. Кузнецова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. 146 с.
- Перетц В. Н. Деревня Будогоща и ее предания // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 3—18.
- Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Петрозаводск: Карелия, 1991. Т. 3. 365 с.
- Петров К. М. Народные предания в Олонецкой губернии // Русский дневник. 1859. № 93. (То же: Петров К. М. Народные предания в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1860. Часть неофициальная. № 1, 2, 27, 28. С. 2, 6—7, 97—98, 102—103.)
- По нашим великим северным озерам: (Из записок туриста) // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 125. Часть неофициальная. С. 2.

- Потанин Г. Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. 1899. Вып. 1. С. 23—60; Вып. 2. С. 167—235.
- Путешествие вел. кн. Владимира Александровича: Поездка на Кивач // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 52. Часть неофициальная. С. 500—502.
- Пятницкий [без иниц.]. Легенда // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 66. Часть неофициальная. С. 649.
- Р—в Г. Народная легенда: (Письмо в редакцию) // Олонецкие губернские ведомости. 1865. № 9. Часть неофициальная. С. 136.
- Рейли М. В. Северные поверья и мифологические рассказы (экспедиционные материалы конца 1970—1980-х гг.) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2004. Т. XXXII. С. 396—425.
- Русские сказки в Карелии (старые записи) / Подгот. текстов, статья и коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск: ГИ К-ФССР, 1947. 246 с.
- Рыбников П. Н. Заметки с дороги: Н. Д. Дмитриеву // День. 1862. № 48. С. 13—15; 1863. № 4. С. 13—15. (То же: Рыбников П. Н. Заметки с дороги: Н. Д. Дмитриеву // Олонецкие губернские ведомости. 1862. № 48—49. Часть неофициальная. С. 126—131.)
- Рыбников П. Народные поверья и суеверья в Олонецкой губернии: I. Заонежские поверья // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год. Петрозаводск: Изд. Олонецкого губ. стат. ком., 1864. С. 191—207.
- Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.): Сб. Н. Е. Ончукова. СПб., 1908. 646 с. (Зап. Имп. Русского географического об-ва по отд-нию этнографии. Т. XXXIII).
- Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л.: Наука, 1978. 254 с.
- Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М.: Изд-во Отд-ния русского языка и словесности Имп. АН, 1915. 666 с.
- Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970. 447 с.
- Сказки Ф. П. Господарева / Запись текста, вступ. статья и примеч. Н. В. Новикова. Общая ред. и предисл. М. К. Азадовского. Петрозаводск: Госиздат К-ФССР, 1941. 660 с.
- Тихомиров Н. Крестнозеро (Лодейнопольского уезда, в Гонгинском погосте) // Олонецкие губернские ведомости. 1860. № 48. Часть неофициальная. С. 204—205.
- Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда // Отечественные записки. 1848. Т. 57. № 4. Смесь. С. 132—153.
- Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск: Изд. губ. стат. ком., 1894. Вып. 3. С. 302—346.
- Харузина В. Чудо на Онежском озере // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1902. Вып. 4. С. 64.
- Цейтлин И. Поморские народные сказки // Изв. Архангельского об-ва изучения Русского Севера. 1911. № 2. С. 77—92; № 3. С. 180—200.
- Чудинов И. Наводнение в Петрозаводске в 1800 году: (Из воспоминаний коренного старожила) // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 21. Часть неофициальная. С. 85.
- Шайжин Н. Олонецкий край: (По данным местного фольклора) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 год. Петрозаводск: Изд. Олонецкого губ. стат. ком., 1909. С. 192—229.
- Шайжин Н. Старая Пудоба с XIV по XVIII век // Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 32. Часть неофициальная. С. 3. (Вся статья: № 29, 32, 34, 38, 46, 48, 51, 55, 56, 58, 60—62.)
- Шайжин Н. Старая Пудоба с XIV по XVIII век // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1906 год. Петрозаводск: Изд. Олонецкого губ. стат. ком., 1906. С. 277—322.

- Ширский А. А.* Из легенд Ветлужского края // Труды Костромского научного об-ва по изучению местного края. 1923. Вып. XXIX. С. 5—16 (Третий этнографический сборник).
- Этнографические заметки о заонежанах // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 год. Петрозаводск: Изд. Олонецкого губ. стат. ком., 1866. Ч. II. С. 4—37.
- Южанин А. С.* Суеверия и обычаи в Поморье // Ярославские зарницы. 1910. № 43. С. 3.

Научное издание

Криничная Неонила Артемовна

**МИФОЛОГИЯ ВОДЫ И ВОДОЕМОВ.
БЫЛИЧКИ, БЫВАЛЬЩИНЫ, ПОВЕРЬЯ,
КОСМОГОНИЧЕСКИЕ И ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
РУССКОГО СЕВЕРА: ИССЛЕДОВАНИЯ. ТЕКСТЫ. КОММЕНТАРИИ**

Утверждено к печати
Ученым советом Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
20 ноября 2012 года

Редактор *Л. В. Кабанова*
Компьютерный набор *Н. С. Авдышева*
Верстка *М. И. Федорова*
Дизайн обложки *А. Н. Трифанова*
Дизайн заставок *Ф. С. Герасимов*

Сдано в печать 16.06.2014 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.
Гарнитура Minion. Уч.-изд. л. 26,8. Усл.-печ. л. 31,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 219

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50